МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2021 **№ 71**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р.ист.наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**; Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Блинов А.В. Деятельность П.А. Словцова на посту визитатора сибирских учебных заведений 5
Буряк Ю.Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 11
Косых Е.Н. О роли местного купечества в зарождении и развитии частной периодики г. Томска в 1881 – феврале 1917 г. 20
Муренко Д.И. Мировоззренческие поиски реформирования деятельности ВЛКСМ молодежью Новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. 24
Науменко О.Н., Науменко Е.А. Дворяне Малороссии на сибирской каторге в начале XIX в.: к вопросу о настоящем и мнимом сепаратизме 32
Плотникова Е.В. Система частных банков Иркутской губернии в дореволюционной России 37
Степнов А.О. Проблема традиции и автономии в томском научном микросоциуме периода Великой Отечественной войны: аутопоэзис и структурная сопряженность 44
Филиппенко О.В. К проблеме границ диктатуры: противостояние МВД и МГБ с иными властными структурами по вопросам надзора за системой спецпоселений 51
Шпагин С.А. Из истории районирования Сибири: образование районов в Нарымском крае Томской губернии 59
Юрганова И.И. Особенности становления приходской деятельности в Якутском крае (XVIII – первая половина XIX в. 66

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Наумов А.О., Положевич Р.С. Проблематика «мягкой силы» в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность 74
Никитин Д.С. Политические требования Индийского национального конгресса в 1885–1907 гг. 83
Румянцев В.П. Линдон Б. Джонсон и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг. 87

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Груздинская В.С. Международный конгресс исторических наук в Осло как коммуникативная площадка советских и эмигрантских ученых 97
Ермекбай Ж.А. Профессор Я.Д. Серовайский: ученый и педагог 104
Перцев Н.В. Маршруты передвижения коренного населения в бассейне реки Северной Сосьвы в конце XVI – первой половине XVIII в. (письменные и картографические источники) 112

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Семенова В.И. Коллекция железных изделий из раскопок Тюмени 120

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Авдашкин А.А. Самоорганизация казахской диаспорной группы Южного Урала в 1989-2002 гг. (на материалах Челябинской области) 127

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Alexey V. Blinov. P.A. Slovtsov's activity as a visiting supervisor of Siberian educational institutions 5
Yurii Y. Buryak. Hospital trains of the USSR on the eve and during the Great Patriotic war 11
Evgeniy N. Kosykh. The role of local merchants in the origin and development of private periodicals of Tomsk in 1881 – February 1917 20
Denis I. Murenko. Worldview search for reforming the Komsomol activities by the youth of the Novosibirsk Academgorodok in the mid-1960s 24
Olga N. Naumenko, Evgeniy A. Naumenko. The nobles of Malorossia in the Siberian penal servitude at the beginning of XIX century: the question of the present and imaginary separatism 32
Elena V. Plotnikova. System of private banks of Irkutsk province in pre-revolutionary Russia 37
Aleksey O. Stepnov. The problem of tradition and autonomy in the Tomsk scientific microsocium during the Great Patriotic War: autopoiesis and structural coupling 44
Olga V. Filippenko. On the problem of the limits of the dictatorship: the confrontation between the MVD and the MGB with other authority structures on the issues of supervision over the system of special settlements 51
Sergey A. Shpagin. From the history of Siberia's zoning: formation of districts in Narymsky territory of Tomsk province 59
Inna I. Yurganova. Special features of the beginnings of parochial work in the Yakut region (18th – first half of the 19th centuries) 66

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Alexander O. Naumov, Roman S. Polozhevich. The problem of "soft power" in the Chinese scientific and social-political discourse: history and modernity 74
Dmitry S. Nikitin. Political demands of the Indian National Congress (1885–1907) 83
Vladimir P. Rumyantsev. Lyndon B. Johnson and the Suez crisis, 1956–1957 87

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Viktoriya S. Gruzdinskaya. International congress of historical sciences in Oslo as a communicative platform for soviet and emigrant scientists 97
Zharas A. Ermekbay. Professor Y.D. Serovaisky: scientist and teacher 104
Nikita V. Pertsev, The migration routes of indigenous population in the North Sosva river basin from the end of the XVIth to the first half of the XVIIIth centuries (written and cartographic sources) 112

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Valentina I. Semyonova. Iron products' collection from Tyumen excavations 120

PROBLEMS OF ETHNOLOGY, ANTROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Andrey A. Avdashkin, Self-organization of the Kazakh diaspora group South Ural in 1989-2002 (on the materials of Chelyabinsk region) 127

Берман Е.А., Орехова Н.А., Генина Е.С. Сектанты-субботники Иркутской и Енисейской губерний (первая четверть XIX в. – первая четверть XX в. 133
Вагнер-Сапухина Е.А. Антропологическая характеристика тоболо-иртышских татар по данным дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета 141
Валитов А.А., Шаповалов М.С. Образ и практика сибирского паломничества в Палестину в XIX – начале XX в. 148
Гончаров Ю.М., Шайдуров В.Н. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты» 155
Иванов А.А., Курас С.Л., Курас Т.Л. Ссыльные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. 162
Курас Л.В., Кальмина Л.В. «План Фугу»: «еврейский вопрос» в Маньчжоу-Го 170
Мурастова К.А., Григорян Э.Р. Конструирование нарратива о «Русской Палестине» и православная идентичность в современной Сибири 177

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Залесов Г.М., Залесов В.Г. Инженер-архитектор М.Г. Арнольд. Почему первый строитель Сибирского университета не стал основным? 184

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Подрезов М. В., Щербинин А. И. Политика в отношении иностранных студентов в принимающем сообществе: кейс Австралии 193

РЕЦЕНЗИИ

Бочарникова М.В. Республика Корея: взгляд посла России на «Страну утренней свежести» и не только 198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 201

Elena A. Berman, Natalia A. Orekhova, Elena S. Genina. Subbotniks cult followers of Irkutsk and Yenisei provinces (the first quarter of the 19th century – the first quarter of the 20th century) 133
Elena A. Vagner-Sapukhina. Anthropological characteristics of the tobol-irtysh tatars based on discrete-varying traits of the infracranial skeleton 141
Alexander A. Valitov, Mikhail S. Shapovalov. The Siberian pilgrimage to Palestine and its representation in the turn of the century 148
Yuriy M. Goncharov, Vladimir N. Shaidurov. The Jews of the Samara province and the provinces of Western Siberia of the second half of the 19th – early of the 20th century: a comparative analysis of the adaptive practices of communities “outside the line” 155
Alexander A. Ivanov, Sofya L. Kuras, Tatyana L. Kuras. Exiled jews in the political life of the Irkutsk province at the end of the XIX – beginning of the XX century 162
Leonid V. Kuras, Lilia V. Kalmina. Fugue plan: Jewish issue in Manchukuo 170
Ksenia A. Murastova, Eliza R. Grigoryan. Constructing a “Russian Palestine” narrative in modern Siberia as a part of orthodox identity 177

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Valeriy G. Zalesov, Gennadiy M. Zalesov. Engineer-architect M.G. Arnold. Why didn't the first builder of the Siberian university become the main one? 184

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Mikhail V. Podrezov, Alexey I. Shcherbinin. International student policy in the host community: the case of Australia 193

SCIENTIFIC LIFE

Marta V. Bocharnikova. The Republic of Korea: Russian ambassador’s view on the “Land of the morning calm” and beyond 198

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 201

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 35.084.4
DOI: 10.17223/19988613/71/1

А.В. Блинов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. СЛОВЦОВА НА ПОСТУ ВИЗИТАТОРА СИБИРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Рассматривается деятельность П.А. Словцова на посту визитатора сибирских учебных заведений. Институт визитаторства являлся неотъемлемым элементом системы управления учебными заведениями учрежденных в начале XIX в. учебных округов. Деятельность П.А. Словцова на посту визитатора сибирских учебных заведений была связана с активной практической и теоретической деятельностью, направленной на улучшение состояния школьного дела в Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; Казанский учебный округ; визитатор; учебные заведения; попечитель; инструкция визитаторам.

В результате образовательной реформы 1803–1804 гг. учебные заведения Сибири, находящиеся в ведомственном подчинении Министерства народного просвещения, были переданы под управление Императорского Казанского университета и вошли в состав Казанского учебного округа [1].

Наиболее полно история Казанского учебного округа в период отнесения к нему сибирских учебных заведений нашла отражение в работах И.Е. Крапоткиной [2, 3]. Однако ряд сюжетов, в том числе формы управления и контроля над сибирскими учебными заведениями, нуждается в конкретизации. К таковым относится и институт визитатора, самым тесным образом связанный с именем П.А. Словцова. Личность П.А. Словцова неоднократно становилась объектом внимания исследователей и рассматривалась в работах Н.Л. Степанова, В.Г. Мирзоева, Л.Г. Беспаловой. Однако период биографии известного сибирского общественного деятеля, литератора, историка, связанный с его деятельность на посту визитатора сибирских учебных заведений, не получил должного освещения в исследованиях, посвященных его жизни и творчеству [4–6].

Настоящая статья, основанная на исторических (преимущественно документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Татарстан) и историографических источниках, направлена на раскрытие деятельности П.А. Словцова в должности визитатора сибирских учебных заведений.

Принципы управления сибирскими учебными заведениями в период отнесения к Казанскому учебному округу определялись «Уставом Императорского Казанского университета» 1804 г. и не отличались от общеимперских. В соответствии с гл. XV «Об управлении и надзирании училищ» при университете должен был быть создан училищный комитет, занимающийся вопросами начальных и средних учебных заведений округа [7]. Согласно архивным материалам, данная структура, подотчетная университетскому совету под председательством ректора в составе шести ординарных профессоров и секретаря, по согласованию с министерством, предварительно получив одобрение попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского и университетского совета, была создана только в октябре 1811 г. [8. Л. 1–2]. Одновременно для инспектирования учебных заведений был введен институт визитаторов.

Без изменений сложившийся вариант контроля просуществовал до назначения в июне 1819 г. на должность попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого, который, по воспоминаниям А.С. Стурдзе, «никогда не был человекоугодником и более всего дорожил сокровищем совести и веры… теснили ль его обстоятельства, или осуждали люди, или угрожала скудность средств, он всегда винил самого себя и крепче лишь прижимал к груди своей наложенный свыше крест» [9].

Сравнивая М.Л. Магницкого с его предшественниками на посту попечителя Казанского учебного округа, К.А. Ильина отмечает: «…Магницкий решил взять власть в свои руки. Он был чиновником созданного в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, проводником новой образовательной политики государства, человеком другого поколения и других идеалов и стремлений, по сравнению с С.Я. Разумовским и М.А. Салтыковым» [10. С. 67]. По мнению А.Ю. Минаковой, проводимые им мероприятия преследовали одну цель – «пересоздать русские университеты и всю систему общественного воспитания в России» [11. С. 34].

Новые подходы были изложены М.Л. Магницким в январе 1821 г. в инструкции директору Казанского университета, опубликованной в мае этого же года в журнале Департамента народного просвещения. По мнению К.А. Ильиной, появление инструкции стало результатом несовершенства действующего законодательства, особенно в отношении попечителя учебного

округа, поскольку законодательной основой его деятельности являлись отстающие от требований времени «Предварительные правила народного просвещения» 1802 г. и университетский устав 1804 г. [12]. М.Л. Магницкий, определяя инструкцию как одну из форм закона, наравне с уложением, уставом, указом и манифестом, отмечал, что инструкция – это «или пояснительное дополнение к закону, или закон временный, в ожидании постоянного, или руководство в таком чрезвычайном обстоятельстве, к которому общие законы приложены быть не могут» [13. С. 48]. С административной точки зрения инструкция выстраивала иерархическую пирамиду со строгой дисциплиной и регламентированной во времени отчетности во главе с попечителем, перед которым был подотчетен ректор университета. Перед последним должны были отчитываться члены академической корпорации и местные чиновники училищного ведомства. Все это, по замыслу М.Л. Магницкого, должно было позволить попечителю поддерживать баланс сил, реализовывать свои решения, закладывать новые традиции с помощью формальных и неформальных методов. В замыслах М.Л. Магницкого была разработка подобных инструкций и для директоров гимназий: «…равным образом, на точном основании сей инструкции, составит он (университет. – *А.Б.*) наставления директорам гимназий по части учебного образования, с теми ограничениями, кои по кругу их действий нужны» [11. С. 158].

Первым шагом в рамках намеченной программы по совершенствованию системы управления учебными заведениями, подчиненными Императорскому Казанскому университету, стало усиление контроля с помощью института визитаторов. Сам факт не был чем-то экстраординарным. Как уже отмечалось, устав Императорского Казанского университета предусматривал такую должность, но на нее могли назначаться только члены училищного комитета или университетские профессора [7.]. Предлагаемые попечителем нововведения были качественно иными. М.Л. Магницкий первым отказался от назначения визитаторов из числа профессоров университета, выступив сторонником определения на эту должность специальных чиновников. О своем решении попечитель сообщил в Министерство духовных дел и народного просвещения в августе 1819 г., мотивируя его тем, что университетские визитаторы не приносят пользы [14. Л. 1]. Подтверждением тому может служить протокол ревизии учебных заведений Тобольской губернии осенью 1816 г. профессором Казанского университета Ф.Х. Эрдманом и адъюнктом И.Х. Ремердером: «Осмотрели поверхностно залу и библиотеку Тобольской гимназии, где приветствованы были латинской речью учителей уездного училища. За сим в присутствии членов гимназии, уездного и приходских училищ читано было предписание Совета Императорского Казанского университета о цели их прибытия в Тобольскую губернию. За сим изволили слушать в каждом классе особенное преподавание учителей гимназии. За сим отправились в уездное училище для слушания там частного преподавания учителей, где там же приветствованы были речами, произносимыми учениками…» [15. Л. 43–43 об.].

Подобный же эффект имела и ревизия адъюнкта А.И. Лобачевского (младший брат Н.И. Лобачевского), командированного в Сибирь по решению училищного комитета в июле 1818 г. [16. С. 527–528]. Визитаторская функция для А.И. Лобачевского являлась второстепенной, так как основной задачей, согласно предписанию министра народного просвещения А.Н. Голицина, было «путешествие по Сибири для узнания производств заводских и составления записок по части металлургии и минералогии» [17. Л. 7].

Весной 1819 г. на утверждение А.Н. Голицыну были предложены три кандидатуры: экстраординарный профессор Казанского университета Кондырев для проверки учебных заведений Саратовской, Оренбургской, Кавказской и Астраханской губерний, чиновник от окружного управления коллежский асессор Макшеев для Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерний и директор Иркутской гимназии Словцов для Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской губерний [Там же. Л. 41 об.]. Кандидатуры двух первых визитаторов были утверждены в сентябре 1819 г., и только с кандидатурой П.А. Словцова решение затянулось до ноября.

Столь длительное согласование кандидатуры П.А. Словцова было связано с его политической неблагонадежностью в прошлом и высочайшим секретным указом на имя сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля от 18 февраля 1808 г., разрешающим ему проживать и служить только в сибирских губерниях. В ноябре 1819 г., согласно высочайшей монаршей воле, П.А. Словцов не только был допущен к участию в данной проверке, но и получил разрешение «впредь употреблять его на службе по учебной части в губерниях, составляющих Казанский учебный округ» [14. Л. 11].

Как впоследствии вспоминал сам П.А. Словцов, согласно предписанию попечителя М.Л. Магницкого от 10 ноября 1819 г., он должен был вступить в обязанности визитатора учебных заведений Тобольской, Томской, Пермской, Вятской и Казанской губерний с 1 ноября 1820 г. [18. Л. 6]. К этому времени он успел зарекомендовать себя как активный и компетентный чиновник учебного ведомства, занимая с августа 1815 г. должность директора Иркутской гимназии.

Визитаторская деятельность П.А. Словцова регламентировалась как действующими правилами для визитатров Казанского учебного округа, так и специальной инструкцией, содержащей подробные правила проверки учебных заведений. Инструкция, составленная под личным контролем М.Л. Магницкого, содержала ряд рекомендаций и предусматривала проверку учебных заведений по трем направлениям: нравственному, учебному и хозяйственному. Если правила проверки по двум последним направлениям не сильно отличались от правил для визитаторов Казанского учебного округа, то проверка моральных качеств и принципов предусматривала ряд следственных действий. Например, для выяснения профессиональных и личностных качеств руководителей учебных заведений, педагогического и обслуживающего персонала, отношений внутри педагогического коллектива, политической и моральной благонадежности визитатор

должен был проводить личные беседы, изучать общественное мнение и т.д. [14. Л. 3].

После согласования всех нюансов со стороны попечителя, направления рекомендательных писем руководителям гражданских и учебных ведомств инспектируемых губерний осенью 1820 г. П.А. Словцов приступил к ревизии. По этому поводу он писал: «Сдав должность иркутского директора училищ старшему гимназии учителю Сидорову, я по предписанию его превосходительства господина попечителя от 10 ноября 1819 г., состоявшему вступить в обязанность визитатора с 1 ноября (1820), полагая за возможное и за довольное осмотреть училища на самом тракте и близ тракта лежащие» [18. Л. 6]. В период с 1 ноября по 22 декабря 1820 г. было проверено несколько учебных заведений трех сибирских дирекций: с 1 по 12 ноября Иркутской, с 15 по 21 ноября Томской и с 26 ноября по 21 декабря Тобольской. В результате был очерчен круг проблем, среди которых на первое место ставился недостаток квалифицированных педагогических кадров и незначительное количество учащихся: «…в Иркутской дирекции приходские училища страдают от недостатка учеников; в Томской дирекции уездные училища – от недостатка учителей; в Тобольской дирекции уездные и приходские училища – от недостатка прилежных и усердных учителей». [Там же. Л. 29 об.].

П.А. Словцовым был предложен ряд мер по увеличению контингента учащихся. Во-первых, активизация деятельности представителей гражданской власти: «Если строго хотят требовать, чтобы гражданские училища не были пусты и учение приносило плод, так надобно правительству объявить на то свою решительную волю, а не довольствоваться одним добрым советом, как все учреждения до ныне были в таком тоне… сельские приходские училища страдают от недостатка учеников и могут быть поправлены одною властью гражданской: ибо крестьяне, которые всегда пахали землю и платили подати без учения, никак не понимают пользы науки, но на все согласны, к чему взывают их гражданские начальства» [Там же. Л. 33 об.–34]. Во-вторых, на ближайшие 15 лет рекомендовалось ввести особые меры, обязав каждое селение (не менее 300 ревизских душ) открыть и содержать приходское училище в комплекте не менее 25 учеников, а детей чиновников обязать обучаться в уездных училищах. В противном случае, без свидетельства об окончании данного вида учебного заведения, удваивать срок пребывания в канцелярских должностях (шесть лет вместо положенных трех) [Там же. Л. 36].

Что касается учительских кадров, то П.А. Словцов предлагал решить эту проблему за счет привлечения на данные должности выпускников сибирских гимназий и учреждений духовного ведомства.

На этом визитаторская деятельность П.А. Словцова не закончилась, а приобрела качественно новое выражение. Дело в том, что в результате ходатайства окружной администрации и поддержки данного начинания М.М. Сперанским высочайшим указом от 3 июля 1821 г. для надзора за учебными заведениями сибирских губерний Казанского учебного округа была введена штатная должность визитатора, не связанная с университетом. По представлению попечителя М.Л. Магницкого на данную должность был назначен статский советник П.А. Словцов [19. С. 763].

Вступив в новую должность, П.А. Словцов разработал новый проект инструкции визитатора, поставив перед собой цель – сохранить единообразие сибирских школ и создать условия для образования и воспитания юношества. Для достижения поставленной цели были определены три основные задачи: инспектирование учебных заведений, оказание им помощи и контроль над соблюдением с их стороны требований вышестоящего училищного начальства. В соответствии с задачами определялись конкретные виды деятельности: во-первых, визитатор как доверенное лицо попечителя и отчетное перед ним обязан был каждые два года осматривать учебные заведения трех училищных дирекций: Тобольской, Томской и Иркутской; во-вторых, в промежутке между проверками он должен был находиться в губернских городах, где имелись гимназии, и присутствовать на ежемесячных испытаниях их воспитанников.

При посещении учебных заведений необходимо было обращать внимание на морально-нравственные качества и принципы сотрудников образовательного учреждения, организацию учебного процесса, успехи учащихся по освоению программы, хозяйственные вопросы. Все достоинства и вскрытые недостатки по отдельным учебным заведениям необходимо было фиксировать в «частных» журналах, которые по окончании визитации полагалось передавать в Казанский университет. Помимо этого, осмотр каждого учебного заведения должен был заканчиваться мерами практического характера: вынесением поощрений (взысканий), письменных или устных распоряжений служащим учебных заведений. Визитатор имел право прибегать и к более жестким мерам воздействия. Например, в случае вскрытия факта растраты имущества учебного заведения он, при помощи полиции, имел право проводить следствие. В отношении преподавателей, которым трижды выносились публичные замечания, визитатор мог ходатайствовать перед университетом об их профессиональном несоответствии. Без ведома визитатора директора учебных заведений не имели права представлять попечителю кандидатов на учительские должности, послужные списки учителей, сметы на хозяйственные расходы [20. Л. 33–37 об.].

Однако разработанный П.А. Словцовым проект инструкции визитатора сибирских училищ так и не был представлен на утверждение в министерство, по всей вероятности, затерявшись в бумагах окружной канцелярии. О его существовании вспомнили лишь в 1825 г. в связи с разработкой общей инструкции для визитаторов, когда дважды, в марте и августе 1825 г., в адрес попечителя Казанского учебного округа со стороны министерства был сделан запрос с просьбой предоставления данной инструкции [21. Л. 51].

Так или иначе, опираясь на инструкцию или действуя по собственному усмотрению, официально находясь в должности визитатора, П.А. Словцов не изменил своего мнения, сформировавшегося в ходе первой визитации, считая, что панацеей по выходу из сложившейся ситуации являлось усиление контроля над

образовательным процессом со стороны региональной учебной и гражданской властей. Так, в декабре 1821 г., отправляясь на проверку училищ Пермской губернии, он писал попечителю: «…прежде, нежели приступлю к училищам пермской дирекции, еще раз, на минуту, возвращаюсь к благоустройству сибирской школы. Мера, мною представленная (не знаю, будет ли она принята), была бы решительной по утверждению народного образования среди Сибири» [18. Л. 42]. В качестве меры П.А. Словцов предлагал усилить институт почетных смотрителей, назначив на эти должности представителей городских властей «в замену почетного смотрительства, так как училища по городам, далеко от дирекций отстоящим, расстраиваются от уверенности в неответственности и от равнодушия городских жителей, полезно было бы некоторым образом связать с местною уездных городов властью и с любовью граждан. По симу я полагаю истинным и назидательным учреждением то, чтобы допустить влияние городничих и городских голов по части сибирских уездных училищ» [Там же. Л. 42 об.]. По мнению П.А. Словцова, городские власти обязаны были следить за порядком в учебных заведениях, сообщая обо всех недостатках губернскому директору училищ.

Деятельность П.А. Словцова была достаточно активной не только с теоретической, но и с практической стороны: с июня по сентябрь 1822 г. были проверены учебные заведения Тобольской губернии, в мае 1824 г. – Томской губернии (Каинское и Томское) и Енисейской (Красноярское и Енисейское), в июле–сентябре 1824 г. – Иркутского уезда, в феврале–марте 1825 г. – Якутского уезда. [22. Л. 21; 23. Л. 10–26, 75].

Благодаря усилиям П.А. Словцова продолжалось открытие уездных и приходских училищ. За период с 1819 по 1828 г. было открыто три городских приходских училища (38% от общего количества к 1828 г.) и семь уездных (31%). Городские приходские училища были открыты в Каинске (1821), Туре (1822), Томске (1829); уездные – в Нарыме (1819), Красноярске (1819), Каинске (1822), Енисейске (1826), Кузнецке (1826), Киренске (1827), Нерчинске (1828) [24. С. 369–373, 455–459]. Рост количества учебных заведений привел и к увеличению контингента учащихся. По данным О.Г. Никиенко, за время работы П.А. Словцова в должности визитатора сибирских учебных заведений число учащихся увеличилось с 600 до 2 000 человек [25]. По мнению же самого П.А. Словцова, изменения, ставшие следствием развития школьного дела, проявлялись не только в количественных, но и в качественных изменениях. В письме «О способностях Сибиряков», датируемом декабрем 1826 г., он писал: «Образованные люди, недавно исправлявшие звания учителей, и небольшое племя молодых людей, учившихся в губернских гимназиях, очевидно способствуют к правильности и ясности гражданского письмоводства, украшая при том свои связи небывалыми познаниями. Даже волостное письмоводство по Западной Сибири есть плод уездных училищ. Между тем, в залог просвещения, не перестает расти скромное семейство наставников, почитающих за честь своего звания посвящать досуги наукам» [26. С. 106].

На время визитаторской деятельности П.А. Словцова приходится и попытка, предпринятая со стороны М.Л. Магницкого и генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича, открыть в Сибири отделение Казанского университета, что в дальнейшем могло бы привести к предоставлению ему самостоятельного статуса, а это было прямым основанием, согласно «Предварительным правилам народного просвещения» 1803 г., для учреждения сибирского учебного округа. По мнению В.С. Манассеина, данная инициатива была навеяна двумя записками П.А. Словцова: «Запиской об училищах Сибирских, по применению к Иркутским» (1819) и «Мнением о цели Сибирских училищ» (1821) [27. С. 16]. Факт причастности к данному проекту П.А. Словцова подтверждается сохранившимися архивными материалами, свидетельствующими о том, что в мае 1822 г. совет Казанского университета направил в его адрес проект о Большой (главной) Тобольской гимназии, прося высказать свое мнение. В январе 1823 г. визитатор представил на рассмотрение Совета свои размышления, отмечая, что, «так как образование в существующих гимназиях поверхностное, то главная сибирская гимназия, которая представляется частью Казанского университета, может дать полный курс наук… что место сибирской гимназии по физическим удобствам не может лучше быть назначено как Барнаул…» и т.д. [20. Л. 4–4 об.]. Сравнивая предложения П.А. Словцова с положением об устройстве учебной части в Сибири, направленным на рассмотрение Министерства духовных дел и народного просвещения М.Л. Магницким, и рапорт на имя его императорского величества Николая I от П.М. Капцевича, можно отметить разительное сходство.

Несмотря на все попытки, реализовать проект не удалось. Во многом этому способствовало введение новых принципов управления сибирскими учебными заведениями на основании «Устава гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» 1828 г. Устав упразднял должность визитатора для училищ сибирских губерний и передавал все учебные заведения Сибири в подчинение гражданских губернаторов, наделенных правами попечителей округов: «…по затруднениям иметь Казанскому университету надзор за учебными заведениями, в Сибирских губерниях состоящими, подчинить сии заведения начальству тамошних гражданских губернаторов с тем, чтобы губернаторы, состоя по сей части в непосредственном отношении к министру просвещения, входили к нему с представлениями о делах учебных на том же основании, как попечители учебных округов. За сим звание постоянного визитатора, как уже ненужное упразднить» [28].

Таким образом, в период отнесения сибирских учебных заведений к Казанскому учебному округу институт визитатора являлся основной формой контроля над их деятельностью, претерпев качественные изменения с вступлением в должность попечителя М.Л. Магницкого. Назначение на данную должность особого чиновника способствовало отходу от формализма и концентрации внимания на проблемах сибир-

ской школы. Период с 1819 по 1828 г. в истории института визитатора сибирских учебных заведений неразрывно связан с именем П.А. Словцова – опытного и грамотного чиновника, уделявшего особое внимание вопросам контроля, увеличению количества учебных заведений и контингента учащихся. Однако визитаторская деятельность П.А. Словцова, находящаяся на пике активности, была прервана в 1828 г., не позволив воплотить на практике ряд проектов, инициатором и участником которых он являлся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний [№ 20598] (24 января 1803) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 27. С. 442.
2. Крапоткина И.Е. Административная деятельность попечителя (из истории Казанского учебно-окружного центра) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 123–132.
3. Крапоткина И.Е. К вопросу структуры и деятельности Казанского учебно-окружного центра // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 52–62.
4. Степанов Н.Л. П.А. Словцов (у истоков сибирского областничества). Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 44 с.
5. Мирзоев В.Г. П.А. Словцов. Очерк из истории культуры Сибири первой половины XIX в. Кемерово : Кн. изд-во, 1964. 58 с.
6. Беспалова Л.Г. Сибирский просветитель. Свердловск : Средне-Урал. изд-во, 1973. 144 с.
7. Устав Императорского Казанского университета [№ 21500] (5 ноября 1804) // ПСЗРИ-1. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 28. С. 623–624.
8. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 42.
9. Струдза А.С. Воспоминания о Михаиле Леонтьевиче Магницком // Русскій архивъ, 1868. Изд. 2-е. М., 1869. Стб. 926–938.
10. Ильина К.А. Школы Казанского учебного округа в переписке М.Л. Магницкого и ректора Г.Б. Никольского // Образование и просвещение в губернской Казани / отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. Вып. 1. 200 с.
11. Магницкий М.Л. Православное просвещение / сост., предисл. А.Ю. Минакова; отв. ред. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2014. 528 с.
12. Ильина К.А. Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века) // Образование и просвещение в губернской Казани : сб. ст. / отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. Вып. 2. С. 111–116.
13. Магницкий М.Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. 120 с.
14. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 886.
15. НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 179.
16. Лобачевский, Алексей Иванович // Русский биографический словарь / под ред. Н.Д. Чечулина, М.Г. Курдюмова. СПб. : Тип. главного управления уделов, 1914. Т. 10. С. 527 – 528.
17. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 353.
18. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1012.
19. Об учреждении визитатора для постоянного осмотра училищ в трех сибирских губерниях [№ 28674] (3 июля 1821) // ПСЗРИ-1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 37. С. 763.
20. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1598.
21. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1052.
22. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1507.
23. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1683.
24. Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб. : Тип. В.А. Рогальского и К^{О}. 584 с.
25. Никиенко О.Г. Словцов Петр Андреевич // Земля Томская : краеведческий портал. URL: http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/11/
26. Словцов П.А. Письма из Сибири 1826 года. М. : Тип. С. Селивановского, 1828. 112 с.
27. Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи учреждения сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924. 30 с.
28. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского [№ 2502] (8 декабря 1828) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 3. С. 1099.

Alexey V. Blinov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru

P.A. SLOVTSOV'S ACTIVITY AS A VISITING SUPERVISOR OF SIBERIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Keywords: Siberia; Kazan Academic District; a visiting supervisor; educational institutions; the trustee; the instruction.

The article discusses the practice of P.A. Slovtsov as a visiting supervisor for Siberian educational institutions which has not received sufficient coverage in the available literature. The purpose of this article is to evaluate the activities of P.A. Slovtsov as a supervisor for Siberian educational institutions. The main body of information on the issue is contained in documents kept in the National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT).

Based on historiographic and historical sources, it becomes obvious that the change in the practice of appointing a visiting supervisor for Siberian educational institutions occurred as a result of the activity of M.L. Magnitskiy, a trustee of Kazan Academic District, who tried to form a rigid vertical management system, and that P.A. Slovtsov was selected with participation of M.M. Speranskiy, who at the moment was carrying out a revision visit of Siberia.

The name of P.A. Slovtsov is associated with active practical and theoretical work aimed at improving the school training in the Siberian provinces being part of Kazan Academic District. First, P.A. Slovtsov devotedly focused his activity on inspecting educational institutions, as a result of which he came to the conclusion that the main problems of Siberian school are the lack of pupils and qualified teachers. Secondly, P.A Slovtsov was actively engaged in improving the instructions for the visiting supervisor, believing that the purpose of this position was to maintain the uniformity of the Siberian educational institutions as a condition for educational activity, and its tasks include inspecting educational institutions, influencing the management and fulfilling the orders of the superior school authorities. Thirdly, he took an active part in the development of the project to create a branch of Kazan University in Siberia, initiated by the trustee of Kazan Academic District M.L. Magnitskiy and the Governor-General of Western Siberia P.M. Kaptsevich.

P.A. Slovtsov's active work left a notable mark in the history of Siberian education. He would probably have done much more if his activity had not been stopped by changing the management principles of Siberian educational institutions. The transfer of Siberian educational institutions under the management of Siberian civil governors, based on the "Charter" (1828), led to the emergence of a new

administrative model for the management of educational institutions in Siberia and resulted in the abolition of the visiting supervisor position.

REFERENCES

1. Russia. (1830a) Ob uchrezhdenii uchebnykh okrugov, s naznacheniem dlya kazhdogo osobykh guberniy [№ 20598] (24 yanvarya 1803) [On the establishment of educational districts, with the appointment of special provinces for each [No. 20598] (January 24, 1803)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 27. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 442.
2. Krapotkina, I.E. (2010) Administrativnaya deyatel'nost' popechitelya (iz istorii Kazanskogo uchebno-okruzhnogo tsentra) [Administrative activities of the trustee (from the history of the Kazan educational district center)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4-3(68). pp. 123–132.
3. Krapotkina, I.E. (2010) To the issue of the structure and activities of the Kazan Educational District Centre. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 124. pp. 52–62. (In Russian).
4. Stepanov, N.L. (1935) *P.A. Slovtsov (u istokov sibirskogo oblastnichestva)* [P.A. Slovtsov (at the origins of Siberian regionalism)]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North, the Central Executive Committee of the USSR.
5. Mirzoev, V.G. (1964) *P.A. Slovtsov. Ocherk iz istorii kul'tury Sibiri pervoy poloviny XIX v.* [P.A. Slovtsov. Essay on the History of Siberian Culture in the First Half of the 19th Century]. Kemerovo: Kn. izd-vo.
6. Bespalova, L.G. (1973) *Sibirskiy prosvetitel'* [Siberian educator]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. izd-vo.
7. Russia. (1830b) Ustav Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [№ 21500] (5 noyabrya 1804) [Charter of the Imperial Kazan University [No. 21500] (November 5, 1804)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 28. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 623–624.
8. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 977. List “School committee”. File 42.
9. Strudza, A.S. (1868) Vospominaniya o Mikhaile Leont'eviche Magnitskom [Memories of Mikhail Leontievich Magnitsky]. *Russkiy arkhiv*. 2nd ed. Col. 926–938.
10. Ilyina, K.A. (2008) Shkoly Kazanskogo uchebnogo okruga v perepiske M.L. Magnitskogo i rektora G.B. Nikol'skogo [Schools of the Kazan educational district in the correspondence of M.L. Magnitsky and Rector G.B. Nikolsky]. In: Zagidullin, I.K. & Vishlenkova, E.A. (eds) *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoy Kazani* [Education in Provincial Kazan]. Vol. 1. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History.
11. Magnitsky, M.L. (2014) *Pravoslavnoe prosveshchenie* [Orthodox Education]. Moscow: Institute of Russian Civilization, Rodnaya strana.
12. Ilyina, K.A. (2009) Instruktsiya popechitelya i upravlenie Kazanskim uchebnym okrugom (pervaya chetvert' XIX veka) [Instruction of the trustee and management of the Kazan educational district (first quarter of the 19th century)]. In: Zagidullin, I.K. & Vishlenkova, E.A. (eds) *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoy Kazani* [Education in Provincial Kazan]. Vol. 2. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History. pp. 111–116.
13. Magnitsky, M.L. (1835) *Kratkoe rukovodstvo k delovoy i gosudarstvennoy slovesnosti dlya chinovnikov, vstupayushchikh v sluzhbu* [A Quick Guide to Business and Official Literature for Future Civil Servants]. Moscow: tip. Lazarevykh in-ta vost. yaz..
14. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 886.
15. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 977. List “Uchilishchnyy komitet” [School committee]. File 179.
16. Chechulin, N.D. & Kurdyumov, M.G. (eds) (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. glavnogo upravleniya udelov. pp. 527 – 528.
17. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 977. List “Sovet”. File 353.
18. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 1012.
19. Russia. (1830c) Ob uchrezhdenii vizitatora dlya postoyannogo osmotra uchilishch v trekh sibirskikh guberniyakh [№ 28674] (3 iyulya 1821) [On the establishment of a visitor for permanent inspection of schools in three Siberian provinces [№ 28674] (July 3, 1821)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 37. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 763.
20. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 1598.
21. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 1052.
22. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 1507.
23. The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 92. List 1. File 1683.
24. The Ministry of Public Education. (1865) *Pamyatnaya knizhka Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1865 god* [Pamyatnaya knizhka (Memorial Book) of the Ministry of Public Education for 1865]. St. Petersburg: V.A. Rogalsky i KO.
25. Nikienko, O.G. (n.d.) *Slovtsov Petr Andreevich*. [Online] Available from: http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/11/
26. Slovtsov, P.A. (1828) *Pis'ma iz Sibiri 1826 goda* [Letters from Siberia, 1826]. Moscow: S. Selivanovsky.
27. Manassein, V.S. (1924) *Vozniknovenie i razvitie idei uchrezhdeniya sibirskogo universiteta v svyazi s istoriey prosveshcheniya v Sibiri v pervoy chetverti XIX stoletiya* [The emergence and development of the idea of establishing a Siberian university in connection with the history of education in Siberia in the first quarter of the 19th century]. Irkutsk: [s.n.].
28. Russia. (1830d) Ustav gimnaziy i uchilishch uezdnykh i prikhodskikh, sostoyashchikh v vedomstve universitetov: S. Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo [№ 2502] (8 dekabrya 1828) [Charter of grammar, county, and parish schools belonging to universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan, and Kharkov [No. 2502] (December 8, 1828)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 1099.

УДК 629.456.2«1939/1945»
DOI: 10.17223/19988613/71/2

Ю.Ю. Буряк

ВОЕННО-САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются вопросы формирования и функционирования военно-санитарных поездов Народного комиссариата путей сообщения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, проведено сравнение рассекреченной информации по данному вопросу с ранее введенными в научный оборот данными по количеству используемых военно-санитарных поездов и их деятельности. Данное исследование позволяет сформировать более объективное представление о работе военно-санитарных поездов СССР в изучаемый период.

Ключевые слова: Польский поход Красной Армии; Зимняя война; Великая Отечественная война; Народный комиссариат обороны; Народный комиссариат путей сообщения; военно-санитарный поезд.

Накануне 75-летия Великой Победы для исследователей стал доступен значительный массив данных, который еще предстоит проанализировать и осветить, в том числе и документы, касающиеся функционирования железнодорожного транспорта в минувшую войну. Данная статья является одним из направлений нашего исследования рассекреченных материалов, ее предмет – изучение работы военно-санитарных поездов (ВСП) в вышеуказанный период.

Значение работы медицинских служб в годы Второй мировой войны измеряется количеством спасенных жизней военнослужащих, восстановлением их здоровья. Это, в свою очередь, является фундаментальной основой обеспечения обороноспособности страны. В довоенное время руководство СССР реализовывало мероприятия по обеспечению эффективной работы системы медицинского обслуживания Красной Армии на случай войны. Учитывая ключевое значение железных дорог в обеспечении нужд РККА, в структуру Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) были включены ВСП. Они предназначались для транспортировки раненых и больных военнослужащих с оказанием им в пути следования необходимой медицинской помощи и полным их содержанием.

В 2012–2020 гг. исследователи получили доступ к рассекреченным отчетам о работе железнодорожного транспорта СССР, в частности Северо-Донецкой и Южно-Донецкой железных дорог, накануне и в годы Великой Отечественной войны [1–3]. Более 60 лет архивные материалы были засекречены ввиду стратегического значения стальных магистралей для обеспечения обороноспособности страны. В отчетных данных указаны схемы мостов, железнодорожных узлов, особенности функционирования систем, обеспечивающих бесперебойное движение поездов. Также отдельно представлены нормативные документы по организации работы железнодорожного транспорта в военное время в целом. Помимо этого, описан комплекс заградительных мероприятий для предотвращения продвижения вражеских войск вглубь страны. Значительная часть нормативно-правовых актов, технической документации, а также комплекс мероприятий оборонного значения, в том числе и организация санитарных перевозок с учетом опыта, накопленного в минувшей войне, были актуальны в течение шести десятилетий послевоенного периода, что вызвало необходимость хранить вышеуказанные отчетные материалы под грифом «секретно» либо «совершенно секретно».

В ходе историографического анализа трудов по исследуемой теме нами установлено, что в работах Г.А. Куманева, обширном труде «История железнодорожного транспорта Российской империи и СССР» (т. 2), монографиях других профильных исследователей практически не освещена работа военно-санитарных поездов, поскольку внимание авторов сфокусировано на обеспечении отечественными железнодорожниками воинских и народно-хозяйственных перевозок в годы войны [4, 5]. Отдельная (двенадцатая) глава посвящена работе военно-санитарных поездов в годы Великой Отечественной войны в коллективной монографии «Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» под редакцией Н.С. Конарева. В частности, описаны процесс формирования ВСП, суровые будни и героизм коллективов вышеуказанной категории поездов, спасавших жизни советских солдат и мирных жителей, драматические эпизоды атак нацистской авиации на поезда с красными крестами на вагонах. Ужасают зафиксированные факты охоты немецких самолетов за военно-санитарными поездами. Особую значимость имели рационализаторские предложения сотрудников ВСП для ускорения процесса ремонта поврежденных вагонов, оборудования их всем необходимым в условиях дефицита ресурсов в военное время. Эти меры давали объективные результаты: медицинское обслуживание отечественной армии в период войны было более эффективным, чем у противника. И во многом это заслуга тружеников ВСП СССР – медицинского персонала и железнодорожников, которые действовали слаженно [6]. При этом упоминается, что 24 июня 1941 г. вышел приказ НКПС СССР № С-256/Ц «О формировании военно-санитарных поездов», согласно которому железным дорогам предписы-

валось сформировать 288 военно-санитарных поездов (150 постоянных и 138 временных). Для выполнения этого приказа было выделено 6 000 вагонов и определен штат железнодорожников [6. С. 344; 7. Л. 20]. Именно такое количество военно-санитарных поездов было общепринятым среди советских исследователей. Однако в работе наркома путей сообщения И.В. Ковалева упоминается, что к началу марта 1943 г. в эксплуатации на сети дорог находилось 293 ВСП, 130 временных ВСП и до 250 военно-санитарных летучек (ВСЛ) [8. С. 248]. Однако, как нами установлено, и эти цифры не являются окончательными.

Таким образом, ввиду отсутствия до сегодняшнего времени комплексных исследований по данному вопросу, актуальными являются установление реального количества военно-санитарных поездов, курсировавших по железным дорогам СССР, и изучение их работы накануне и в период Великой Отечественной войны. Научная новизна работы состоит в анализе историографии изучаемой темы, особенностей работы ВСП в течение Великой Отечественной войны и введении в научный оборот ранее недоступных для исследователей архивных источников. Рассекреченные материалы вводятся в данной статье в научный оборот впервые и во многом меняют наше представление о количестве использовавшихся ВСП в период войны.

Цель исследования – комплексное освещение работы военно-санитарных поездов в годы войны. Ключевыми задачами являются изучение количества ВСП на различных этапах Великой Отечественной войны, функций каждой категории поездов, осуществлявших транспортировку больных и раненых солдат и офицеров РККА, схем составов, а также определение количества обслуживающего персонала на основе архивных материалов, рассекреченных в 2012–2020 гг. Для достижения поставленной цели автором были использованы статистический, сравнительно-исторический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы.

Итак, по данным архивных источников, до второй половины 1930-х гг. вагоны ВСП СССР не отвечали по своему техническому состоянию существовавшим на то время требованиям и не могли обеспечить необходимые удобства для перевозимых раненых и больных. Часть вагонов (двух-, трех-, четырехосные вагоны) находилась в запасе и хранилась еще с 1914 г. Двух- и трехосные вагоны были 4-го класса и обеспечивали в царское время в основном пригородные перевозки. Это были жесткие, маловместительные, тряские на ходу вагоны без электропроводки. А четырехосные 18-метровые вагоны с деревянными швеллерами все были на винтовой сцепке.

Ввиду такого, достаточно плачевного, состояния ВСП в СССР, с 1937 г. Центральным военным отделом НКПС вагоны для транспортировки больных и раненых бойцов начали пополняться из эксплуатационного парка пассажирских вагонов и путем постройки на заводах специальных вагонов для ВСП (вагоны-электростанции и т.д.). Подверглась пересмотру и нормативная база по содержанию и обслуживанию данной категории поездов, было разработано специальное положение. При этом основными вагоноремонтными и паровозовагоноремонтными предприятиями, которые производили комплектацию ВСП, были Великолукский, Отрожский (Воронеж), Октябрьский (Ленинград) заводы. В итоге обновление значительной части парка ВСП НКПС СССР было завершено в 1939 г.

До вероломного нападения Германии и ее союзников на СССР в НКПС обновлялись и нормативные документы с учетом новых требований, в соответствии с которыми ВСП подразделялись на два типа – постоянные («тыловые») и временные («фронтовые»). Последние выполняли эвакуацию раненых и больных солдат и офицеров от прифронтовых станций до госпитальных баз Красной Армии. «Тыловые» поезда предназначались для перевозки раненых и больных военнослужащих из госпитальных баз РККА в госпитальные базы фронтовых и внутренних районов. Постоянный ВСП имел следующую схему: вагон-кухня, вагон-аптека, вагоны для тяжелораненых, вагон-электростанция. Временный ВСП – вагон-кухня, вагон-аптека, вагоны для тяжелораненых [1. Л. 37, 38]. В целом в 1941 г. работа по мобилизации ВСП заключалась в подготовке вышеуказанных специализированных вагонов, вагонов переменной части (для перевозки раненых) и товарных вагонов под склады, укомплектовании имуществом НКПС и Народного комиссариата обороны (НКО), а также штатом железнодорожников, медработников, вольнонаемных работников и военнослужащих. Специализированные вагоны ВСП содержались по одному каждого типа в запасе в пунктах формирования поездов. Вагоны переменной части и товарные вагоны должны были поставляться вагонными депо железных дорог НКПС в соответствии с количеством и сроками, предусмотренными нормативными документами. В этой связи отметим, что, помимо железных дорог, в формировании ВСП принимали участие заводы НКПС, санитарные отделы военных округов, а также НКО СССР.

Уже в 1938 г., в связи с обострением ситуации в районе оз. Хасан, началось активное применение исследуемого типа поездов – было мобилизовано и работало 8 ВСП. В 1939 г., во время конфликта на р. Халхин-Гол, было задействовано 12 ВСП. В период Освободительного похода Красной армии в Польшу осенью 1939 г. для Западно-Украинского фронта было мобилизовано 60 ВСП, из которых задействовались только 15. В ходе Зимней войны с Финляндией (1939–1940) было мобилизовано 95 ВСП. Летом 1940 г. в рамках кампании РККА против Румынии в Бессарабии и Северной Буковине было использовано 20 ВСП [Там же. Л. 38, 45]. Добавим, что в 1938–1940 гг. для мобилизации «фронтовых» поездоов требовлось 2–3 дня, «тыловых» – 2–8 дней. При этом плановым был срок 7–24 дня.

Рассекреченные архивные материалы свидетельствуют, что в целом военно-санитарные поезда в вышеуказанных кампаниях успешно выполнили поставленные задачи. Однако был отмечен и ряд недостатков. Например, наличие в составах ВСП разнотипных вагонов (2-, 3- и 4-осных), разных типов сцепки затрудняло формирование составов и приводило к необходимости излишних маневров на станциях формирования

поездов. Также наблюдался дефицит вагонов-кухонь, вагонов-аптек (аптеки-перевязочные) и других специализированных вагонов для формирования 30 ВСП. Существовали и проблемы в работе вагонов-электростанций из-за несовершенства их двигателей. Помимо вышесказанного, фиксировались продолжительные задержки ВСП в ремонте [1. Л. 39]. Данные недостатки привели к необходимости выполнения накануне Великой Отечественной войны ряда мер, однако в полном объеме осуществить намеченные мероприятия до 22 июня 1941 г. не удалось.

Новые правила формирования ВСП были утверждены приказом НКПС № 390/а от 26 мая 1941 г. Постоянные ВСП (ПВСП) состояли из 18 вагонов (вагон-ледник, крытый товарный вагон для вещей и перевозки электростанции, пассажирский жесткий вагон-кухня, пассажирский мягкий вагон либо пассажирский жесткий вагон-купе для начальствующего состава ВСП, пассажирские жесткие вагоны для команды ВСП (1 единица), легкораненых и больных (6 единиц), пассажирский жесткий вагон-аптека-перевязочная, пассажирские жесткие вагоны для тяжелораненых и больных (4 единицы), пассажирский жесткий вагон для заразных больных (изолятор), крытый товарный вагон для белья и перевозки продуктов. Все вагоны были четырехосными. Каждый состав ВСП мог перевозить в нормальном режиме до 423 раненых (в уплотненном – до 507 раненых) в зависимости от размещения бойцов в вагонах в 2 либо 3 яруса. Команда постоянного ВСП состояла из 74 человек [Там же. Л. 49]. Однако были и поезда-госпитали в составе лишь 12 вагонов вместо 18 [9].

Временные (фронтовые) ВСП (ВВСП) состояли из постоянной части (ядра состава): вагона-ледника, крытого товарного вагона для хранения вещей и перевозки электростанции, пассажирского жесткого вагона-кухни, пассажирского мягкого вагона либо пассажирского жесткого вагона-купе для начальствующего состава ВСП, пассажирских жестких вагонов для команды ВСП (1 единица) и аптеки-перевязочнаой, пассажирского жесткого вагона для тяжелораненых и больных, крытых товарных вагонов для перевозки санитарного имущества (2 единицы). Переменная (факультативная) часть фронтового ВСП состояла из 20 двухосных товарных крытых вагонов для перевозки тяжелораненых и больных, 20 двухосных товарных крытых вагонов для перевозки легкораненых и больных. Итого – 50 вагонов, способных перевезти от 609 бойцов в нормальном режиме до 867 в уплотненном режиме. При этом численность команды ВСП достигала 94 человек [1. Л. 50]. Таким образом, отметим непропорциональное соотношение численного состава персонала ПВСП и ВВСП количеству вагонов, а значит, и объему перевозимых бойцов. Отдельно отметим, что вагон-ледник предназначался по правилам для включения в состав ВСП только в летний период для обеспечения сохранности продуктов и некоторых медикаментов, подвергающихся порче в теплое время года. В реальности же он курсировал в составе ВСП и в зимнее время. Для погрузки тяжелораненых в вагоны-теплушки ВВСП использовались специальные механизмы с пружинами Кружилина.

Таким образом, подавляющее число ВВСП имело смешанный состав – двухосные и четырехосные вагоны, включая ВСП, который был сформирован в годы Первой мировой войны (до 1917 г.). При этом в разные сезоны года составы фронтовых ВСП не имели отличий [Там же. Л. 51, 54].

Согласно мобилизационному плану НКПС 1941 г. железными дорогами в течение 2–10 дней после начала войны было мобилизовано 334 военно-санитарных поезда (170 постоянных и 164 временных). Отметим, что ранее в работах исследователей и вышеупомянутом приказе НКПС указывалось о 288 ВСП, что более чем на 14% меньше приводимого нами количества данной категории поездов. Итак, Октябрьская магистраль мобилизовала 5 ВСП (3 постоянных и 2 временных), Ленинградская – 12 (все временные), Калининская – 21 (8 постоянных и 13 временных), Западная – 36 (8 и 28 соответственно), Белорусская – 23 (5 и 18), Северная – 18 (16 и 2), Ярославская – 10 (8 и 2), Московско-Рязанская – 7 (все постоянные), Московско-Курская – 17 (все постоянные), Московско-Киевская – 33 (16 постоянных и 17 временных), Южная – 7 (все временные), Сталинская – 28 (22 постоянных и 6 временных), Юго-Западная – 10 (все временные), Одесская – 11 (3 постоянных и 8 временных), Орджоникидзевская – 4 (все постоянные), Закавказская – 7 (3 постоянных и 4 временных), Рязано-Уральская – 7 (все постоянные), Куйбышевская – 9 (4 постоянных и 5 временных), Ташкентская – 5 (3 постоянных и 2 временных), Ашхабадская – 2 (все временные), Омская – 10 (все постоянные), Красноярская – 8 (все постоянные), Восточно-Сибирская – 10 (6 постоянных и 4 временных), Забайкальская – 12 (6 и 6 соответственно), Амурская – 9 (2 и 7), Приморская – 8 (2 и 6), Дальневосточная – 5 (2 и 3). Таким образом, наибольшее количество «тыловых» военно-санитарных поездов было сформировано московскими железными дорогами, а «фронтовых» – магистралями, расположенными к западу, юго-западу и северо-западу от Москвы. Это в целом дает нам представление о том, на каких направлениях советское руководство прогнозировало вероятные масштабные потоки раненых бойцов РККА [Там же. Л. 41].

Основные трудности по формированию вышеуказанных поездов были связаны с выходом из строя заводов, обеспечивавших ВСП необходимым оборудованием, а также несвоевременным командированием военными округами личного состава поездов из числа военнослужащих. Например, коллективу Октябрьской железной дороги пришлось формировать ВСП без полного количества вагонов, приспособленных под перевозку тяжелораненых. Для формирования 334 специальных составов в мобилизационном запасе содержались 291 вагон-кухня (дефицит 43 вагона), 283 вагона-аптеки (дефицит 51 вагон), 293 вагона для перевозки тяжелораненых (дефицит 41 вагона), 141 вагон-электростанция с двигателем внутреннего сгорания (дефицит 193 вагона). Поэтому вместо так называемых вагонов-электростанций в состав ПВСП включалось по 1–2 пассажирских вагона с подвесными динамомашинами. Аналогичная проблема была при формиро-

вании временных ВВСП, в связи с чем на начальном этапе Великой Отечественной войны такие составы были без электроснабжения. Данную проблему удалось в целом решить лишь к концу войны, когда почти все ВВСП получили электроснабжение. Таким образом, несмотря на наличие необходимых материалов, имелся видимый дефицит специальных вагонов. Устранять данную проблему пришлось уже в процессе формирования ВСП после начала войны.

С учетом значительного роста эвакуационных перевозок раненых бойцов сформированные ВСП не удовлетворяли потребностям армии, что проявилось уже в первые два месяца войны. Вследствие этого НКПС сформировал по указанию Главного военно-санитарного управления РККА на магистралях Московского узла 15 вспомогательных ВСП, состоящих из обычных пассажирских вагонов, с включением в каждый поезд вагона-ресторана в качестве пищеблока. По мере включения в эти составы специально оборудованных вагонов (вагонов-аптек и т.д.), данная категория поездов переформировывалась в типовые ВСП.

Учитывая трудное положение армии в начальный период Великой Отечественной войны, для удовлетворения потребностей в санитарных поездах Европейской части СССР и для создания их резерва на железных дорогах Дальнего Востока по требованию Генерального штаба Красной Армии и по решению ГКО № 466/СС от 12 августа 1941 г. к 1 января 1942 г. НКПС сформировал дополнительно 138 «тыловых» ВСП. Наибольшее их количество было сформировано на Московско-Рязанской (25 составов), Московско-Курской (15 ВСП), Северной (11 поездов) магистралях, а также на Юго-Восточной, Восточно-Сибирской, Орджоникидзевской, Западной – по 10 поездов на каждой железной дороге [1. Л. 42–4, 52]. Из-за начавшейся войны, ввиду эвакуации ключевых предприятий, занимавшихся укомплектованием военно-санитарных поездов, пришлось оперативно заниматься данными задачами вагоноремонтным заводам в Новороссийске, Свердловске (ныне Екатеринбург), Улан-Удэ, Тамбове, Ташкенте и т.д. Ввиду сложностей со снабжением смежными ведомствами, которые должны были участвовать в формировании ВСП, все проблемы с поиском необходимых материалов легли на плечи НКПС (например, изготовление и монтаж станков для перевозки тяжелораненых, котлы для вагонов-кухонь и т.д.).

В целом для обеспечения военно-санитарных перевозок в годы Великой Отечественной войны было сформировано 472 ВСП (308 «тыловых» и 164 «фронтовых»), а также 350 санитарных летучек. А с учетом сформированных 15 вспомогательных ВСП мы можем указать цифру в 487 военно-санитарных поездов. При этом на железных дорогах в июне 1941 г. действовало 334 ВСП, а по состоянию на 1 июня 1942 г. – уже 522 санитарных летучки и ВСП, на 1 июня 1943 г. число ВСП и санлетучек составляло 779, на 1 июня 1944 г. – 679 ВСП и санлетучек, на 1 июня 1945 г. – 579 ВСП и ВСЛ. Стоит отдельно отметить, что 26 временных и 6 постоянных ВСП, которые находились на магистралях Дальнего Востока, в перевозках на Западном фронте не участвовали [Там же. Л. 45].

Самые масштабные потери подвижного состава военно-санитарных поездов пришлись на 1941–1942 гг. В ходе войны к 1 января 1942 г. было уничтожено или оставлено на оккупированной территории 22 «фронтовых» и 6 «тыловых» ВСП. С июня 1941 г. по январь 1942 г. было разбито и уничтожено 820 вагонов ВСП (из них 452 пассажирских), частично поврежден 1 171 вагон (из них 615 пассажирских). За вышеуказанный период ВСП подвергались 236 бомбардировкам с воздуха. На 1 апреля 1942 г. количество уничтоженных вагонов ВСП составляло 1 005 единиц (из них 480 пассажирских), поврежденных – 1 262 вагона (из них 715 пассажирских). С июля по август 1942 г. полностью вышли из строя 10 ВСП (1 постоянный и 9 временных), частично повреждены 8 (из них 2 постоянных). Замена поврежденных вагонов и доукомплектация составов производились НКПС из имеющегося резерва [Там же. Л. 46].

Как видим, в процессе эксплуатации происходили изменения в схеме составов ВСП, исходя из оперативной обстановки на фронте, наличия необходимого оборудования, порожних вагонов в районе действия каждого ВСП. Например, в ходе войны были предоставлены отдельные пассажирские вагоны для перевозки раненых из числа начальствующего состава РККА в ВСП [Там же. Л. 53]. Также в течение первых месяцев боевых действий пришлось вносить ряд упрощений в порядок формирования ВСП. Это было зафиксировано в совместном приказе НКО и НКПС от 2 сентября 1941 г. Так, в вагонах-кухнях полы могли покрываться вместо метлахской плитки цементом на железной сетке или железом, разрешалось не оборудовать составы телефонной, радиосвязью и звонковой сигнализацией. Вместо медных пищеварных котлов допускалось применять чугунные, бачки для воды в вагонах разрешили изготавливать из оцинкованного железа и т.д. [Там же. Л. 55].

Что же касается организации движения военно-санитарных поездов, то отметим, что мобилизованные в начале войны ВСП распоряжением НКПС и ЦУП ВОСО (Центральное управление военных сообщений) РККА были распределены по эвакопунктам, и движение их было установлено по определенным маршрутам. Но этот метод, внедренный на начальном этапе войны, не оправдал себя – фактически на некоторых маршрутах и в отдельные периоды войны ВСП оказывалось недостаточно, в то время как на других маршрутах поезда данной категории бездействовали. В итоге уже в 1941 г. для обеспечения санитарных перевозок в НКПС и ЦУП ВОСО были созданы специальные отделы, в которых диспетчерский аппарат вел график движения каждого поезда. В 1942 г. заявок в НКПС на продвижение ВСП от ЦУП ВОСО не предъявлялось.

Для погрузки раненых в пунктах их сосредоточения ЦУП ВОСО представляло заявки на определенное число поездов в НКПС, а планирование санитарных перевозок производилось по декадам. Среднесуточный пробег груженых и порожних ВСП составлял в 1942 г. 244 км, в 1943 г. – 218 км, в 1944 г. – 217 км и за 7 месяцев 1945 г. – 294 км. Слабое продвижение ВСП объясняется перегруженностью железных дорог во фрон-

товой полосе оперативными эшелонами, пользовавшимися преимуществом перед ВСП [1. Л. 56]. При этом НКПС издавал специальные приказы в отдельные периоды большого скопления раненых, согласно которым ВСП приравнивались к оперативным эшелонам, а при установлении НКПС очередности продвижения эшелонов и транспортов груженые ВСП были отнесены ко 2-й очереди, а порожние – к 5-й очереди.

Отчетные данные о работе ВСП свидетельствуют, что каждый поезд делал в среднем в месяц только один груженый рейс и один порожний. Пробег в обе стороны составлял 3–4 тыс. км [Там же. Л. 57]. При этом на каждой магистрали были созданы специальные площадки на станциях для приема ВСП. Например, для принятия ВСП с фронтов были подготовлены площадки на 14 станциях Южно-Донецкой магистрали. На Северо-Донецкой железной дороге 16 станций принимали ВСП, а на базе железнодорожных поликлиник и школ были открыты госпитали в Купянске и Артемовске, на станциях Попасная, Дебальцево, Сватово и Красный Лиман. В условиях стремительно возрастающего потока раненных мастер вагонного депо (ВЧД) Мариуполь Н.А. Косарев по-лунински инициировал организацию мелкого ремонта ВСП № 342 силами поездной бригады с целью сокращения простоя медицинских составов в ремонте. Данный метод вскоре получил широкое распространение. Стоит добавить, что военно-санитарное управление (ВСУ) Харьковского военного округа (ХВО) и облздрав Сталинской области не сообщали заблаговременно железнодорожникам вышеупомянутых магистралей о поступлении санитарных поездов. Среднее время разгрузки ВСП составляло 4 часа при норме в 2. Это было следствием запоздалого информирования персонала соответствующих станций о приближении ВСП, плохого обеспечения властями вышеуказанных населенных пунктов транспортом для перевозки раненных в местные госпитали, неудовлетворительного обеспечения ВСП медикаментами, бельем и продуктами питания (по последней причине на станции Мариуполь стоянки отдельных ВСП достигали 37 часов) в начале войны [2. Л. 152–154; 3. Л. 14, 16; 10. С. 32; 11. С. 31; 12. С. 84–85].

Дефицит санитарных поездов исключал своевременную эвакуацию раненых с прифронтовых железных дорог, что приводило к дополнительным потерям среди военнослужащих РККА. Добавим, что по установленному порядку после каждого рейса ВСП заходил для технического осмотра и ремонта в какое-либо депо, где находился 10–12 дней. При годовом осмотре отдельных вагонов задерживался весь состав, что приводило к потере времени. В то же время фронтовые госпитали ждали военно-санитарные поезда. Ожесточенные бои увеличивали число раненых, и их требовалось немедленно доставлять в тыл. В итоге с целью сокращения простоя ВСП в ремонте и ввиду недостатка рабочей силы на ремонтных пунктах личный состав ВСП (железнодорожники, вольнонаемные и военнослужащие рядового состава) был использован на работах по ремонту ВСП. Это способствовало обеспечению всех видов ремонта вагонов ВСП своими силами и оправдало себя. Инициатору заботливого отношения к вагону и основателю движения по выполнению максимального ремонта вагонов ВСП силами железнодорожной бригады ВСП – поездному вагонному мастеру ВСП № 342 Н.А. Косареву – СНК СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда. Таким образом, среди сотрудников ВСП широко применялось совмещение профессий. Много поездных вагонных мастеров и электромонтеров было подготовлено из числа проводников вагонов ВСП, а проводников вагонов – из вольнонаемных сандружинниц. При этом проводники также оказывали помощь медицинскому персоналу поездов по уходу за ранеными бойцами [1. Л. 67; 13. С. 171–172].

В связи с вышесказанным отметим работу образцового ВСП № 312, созданного на Вологодском паровозовагоноремонтном заводе в июне 1941 г. и приписанного к 95-му распределительно-эвакуационному пункту (РЭП-95). Его коллектив превратил поезд в один из лучших составов по перевозке раненых (по показателям технического и санитарного состояния вагонов). Заслуживает отдельного внимания обслуживание раненых. В тяжелых военных условиях персонал поезда находил возможность обеспечивать бойцов необходимыми для скорейшего выздоровления витаминами, белками, углеводами и жирами. Сотрудники выращивали на крышах вагонов зелень, в подвагонном пространстве обустроили курятник (получили более 900 яиц за полтора года), выращивали в отдельных вагонах свиней (за 2,5 года получили около 1 т свинины) без ущерба санитарным требованиям к вагонам с ранеными [14].

Итак, железнодорожники, прикрепленные к ВСП, обязаны были выполнять мелкий текущий ремонт вагонов военно-санитарных поездов, в частности выполнялась регулярная ревизия букс и тормозов вагонов. Много сил уделялось ремонту оборудования вагона-кухни ввиду несовершенства котлов для приготовления пищи и варочных плит. Так, двухосные вагоны-кухни ВСП, оборудованные до 1917 г., не обеспечивали возможность приготовления горячей пищи для 600–800 и даже 1 000 перевозимых человек. В итоге не соблюдались технология и требования гигиены. Четырехосные же вагоны-кухни не были оборудованы системой отопления – считалось, что температуру будут поддерживать пищеварочные котлы. Однако, как показало время, после прекращения приготовления пищи такой вагон быстро остывал, а в сильные морозы вода в водяных баках и пищеварных котлах застывала. Разница температур в различных частях таких вагонов приводила к образованию льда на стенах, что, в свою очередь, было причиной порчи окраски вагонов, их сырости и последующего разрушения.

Одним из самых существенных видов ремонта ВСП была подготовка подвижного состава к зиме (осенний период года). Затруднения по данному виду ремонта в основном были связаны с дефицитом окон, войлока, фанеры и т.д. В 1942–1944 гг. приказами НКПС для ремонта ВСП отводился срок 5–7 дней, но в 1944 г. срок простоя санитарных поездов в ремонте был увеличен до 12–15 суток. Количество поездов-госпиталей, находившихся одновременно в ремонте,

не было постоянным и колебалось от 20 до 80 составов в сутки. С освобождением от нацистов всей территории СССР и увеличением объемов пассажирского движения ремонт вагонов ВСП стал еще более затруднительным, так как ряд приказов НКПС обязывал магистрали содержать в исправном состоянии эксплуатируемый парк пассажирских вагонов в условиях острейшего дефицита необходимых материалов. Контролировали обеспечение ремонта и соблюдение сроков простоя ВСП в ремонте Центральный военный отдел НКПС и военные отделы дорог. При этом в течение всей войны задержка ВСП в ремонте более установленного срока по причинам отсутствия необходимых материалов, недостатка рабочей силы, большого объема ремонта и тому подобного наблюдалась регулярно [1. Л. 61–64, 80–81].

Отметим, что в течение 1942–1945 гг. удельный вес вагонов ВСП в объеме ремонтируемого пассажирского подвижного состава был следующим: 1942 г. – 19,9%, 1943 г. – 19,5%, 1944 г. – 22%, 1945 г. – 10,7%. При этом в военно-санитарных перевозках в годы войны было занято до 40% рабочего парка пассажирских вагонов. Ремонт вагонов ВСП в 1942–1944 гг. производился в вагонных депо и вагоноремонтных пунктах железных дорог СССР по отдельным указаниям Наркомпути. 20 января 1945 г. приказом НКПС № 39/ЦЗ все ВСП были приписаны к конкретным железным дорогам для полного обеспечения последними ВСП ремонтом, необходимым оборудованием и материалами. Ужесточалась ответственность магистралей за качество ремонта ВСП [Там же. Л. 64, 77]. Однако принцип закрепления ВСП для ремонта за конкретными магистралями систематически нарушался.

Как уже было отмечено, до 1944 г. ввиду небольшого объема использования пассажирских вагонов по прямому назначению особых затруднений в ремонте ВСП не наблюдалось. С увеличением санитарных перевозок и активности нацистской авиации, нападавшей на ВСП, возрос объем поступления санитарных поездов на плановый и восстановительный ремонты, а также для пополнения вместо разрушенных вагонов. Это стало причиной создания специального запаса пассажирских вагонов на магистралях СССР, а также появления специальных пунктов для ремонта ВСП, обеспеченных всеми необходимыми ресурсами и со специальными ремонтными бригадами [Там же. Л. 61].

Для обеспечения экипировки ВСП в 1942–1945 гг. НКПС, согласовав с органами НКО, устанавливал пункты экипировки ВСП на каждой железной дороге, включая освобожденные от оккупации магистрали СССР [Там же. Л. 57]. За период войны существенных нарушений в экипировке ВСП не наблюдалось. Топливо ВСП получали от железных дорог по заявкам без каких-либо ограничений и задержек. 28 сентября 1943 г. приказом НКПС № 834/ЦЗ была введена инструкция «О порядке отпуска топлива и свечей для ВСП и санлетучек». Затруднения в обеспечении ВСП электролампочками, приводными ремнями для динамо-машин, топливом и смазкой для двигателей внутреннего сгорания и буксосмазочным материалом, сигнальными принадлежностями, инструментом и запасными частями имели место главным образом потому, что такое снабжение ВСП железными дорогами никакими положениями и инструкциями предусмотрено не было. В 1944 г., впервые за годы Великой Отечественной войны, для обеспечения освещения в ВСП по приказу НКПС было выделено 13 аккумуляторных батарей автомобильного типа [Там же. Л. 58, 65].

Что касается штатного расписания, то по приказам мирного времени в штат ПВСП, в частности, входили из числа железнодорожников 16 единиц (старший поездной мастер, поездной мастер, старший машинист электростанции, машинист электростанции, поездной электромонтер (2 единицы), проводники-истопники (9 единиц), слесарь по ремонту оборудования). В штат ВВСП входили 8 железнодорожников (5 проводников, 2 поездных вагонных мастера, 1 поездной электромонтер). Приказом НКПС № 388/ц от 30 мая 1942 г. штат железнодорожников, обслуживающих ВСП в период отопительного сезона, составлял 19 человек (15 проводников-истопников, 2 поездных вагонных мастера, 1 поездной электромонтер, 1 машинист электростанции). На летний период вместо 19 в штате было 14 железнодорожников (за счет снижения количества проводников с 15 до 10 единиц). Это изменение штата в течение года было вызвано необходимостью увеличения количества проводников в вагонах с паровым отоплением, требующих обслуживания таких вагонов двумя истопниками. С целью обслуживания 472 ВСП магистрали СССР командировали для работы в ПВСП 5 852 железнодорожника, для ВВСП – 1 312 сотрудников. Итого – 7 164 железнодорожника. Однако это число минимальное, так как изначально рассчитывали, что отопление вагонов будет водяным, а не паровым [1. Л. 68–69].

До 1943 г. было много проблем с порядком оплаты труда железнодорожников, прикрепленных к ВСП – НКПС и НКО не могли эффективно рассчитать объемы надбавок за разъездной порядок работы и труд вдали от постоянного места жительства. Это вызывало массу недовольства среди железнодорожников. Лишь 17 февраля 1943 г. НКО и НКПС установили основной оклад железнодорожникам, обслуживающим ВСП, размер и условия доплаты взамен покилометровых и доплату в размере 35% от основного оклада за отрыв от постоянного места жительства. Все недоразумения были исчерпаны.

В вопросе продовольственного обеспечения железнодорожников – сотрудников ВСП был ряд противоречий, ведь весь штат санитарных поездов был разделен на 2 категории: военнослужащие и вольнонаемные работники, и для данных групп установлены различные нормы питания. Железнодорожники несправедливо были отнесены ко второй группе. Это приводило к тому, что многие из них под различными предлогами возвращались работать на железную дорогу, уходя из штата ВСП, ведь множество ходатайств по данному вопросу в НКО и НКПС результатов не принесли. Обмундирование и спецодежду железнодорожники из штата ВСП получали в НКПС, и в этой сфере наблюдался острый дефицит. За 1942–1944 гг. НКПС выдал железнодорожникам из необходимых 7 500

лишь 3 000 комплектов форменного обмундирования [1. Л. 70–72].

Выдача обмундирования дорогами железнодорожникам, обслуживающим ВСП, осуществлялась за наличный расчет и без скидки 50%, так как они не были в штате соответствующих железных дорог, к которым прикреплялись ВСП. Обеспечение железнодорожников, постоянно прикрепленных к ВСП, постельными принадлежностями и противохимическими средствами осуществлялось исправно по линии НКО. Ввиду удаленной от места жительства работы железнодорожники, прикрепленные к ВСП, не получали промтоварные карточки. В итоге они не могли покупать промышленные товары [Там же Л. 73]. НКО также не снабжало железнодорожников и вольнонаемных рабочих ВСП промышленными товарами.

В управлении железнодорожным персоналом ВСП наблюдался ряд противоречий ввиду неразберихи – воинскому либо железнодорожному уставу они должны были подчиняться, ведь их регулярно привлекали к работам, не относящимся к их обязанностям (погрузка и выгрузка раненых, охрана состава, приготовление пищи и т.д.). В то же время нередко по вышеуказанной причине они не справлялись со своей основной работой. Нередко железнодорожниками командовали медики, начиная от начальника поезда до младшей медсестры, что вызывало конфликты. Лишь 22 мая 1942 г. вышел приказ ГВСУ РККА № 190/а, который частично устранил недостатки в административном управлении железнодорожников, прикрепленных к ВСП, и обозначил рамки должностных обязанностей, ввел запреты на привлечение последних к нехарактерным для них работам (изучению уставов, военной подготовке и т.д.). Однако полностью устранить противоречия приказ так и не смог [Там же. Л. 74–75].

Отнесение железнодорожников ВСП к категории вольнонаемных рабочих не давало им и их семьям никаких льгот наравне с военнослужащими РККА, в то время как железнодорожники, командированные в подвижные спецформирования НКПС, на основе специального решения СНК СССР пользовались всеми льготами военнослужащих. При расформировании ВСП были случаи отказа начальниками ВСП в выплате железнодорожникам компенсаций за неиспользованный отпуск, а по прибытии их на прежнее место жительства им отказывали в возвращении жилплощади. Возникали у мужчин-железнодорожников ВСП и конфликты с военкоматами ввиду разъездного характера работы и ненадлежащего ведения учета последними (иногда записывали в дезертиры). За время Великой Отечественной войны военно-санитарные поезда выполнили чрезвычайно большую работу и в целом обеспечили выполнение возложенных на них задач.

Летом 1945 г. 100 ПВСП, 120 ВВСП и 150 санлетучек не были вовремя расформированы, как того требовали приказы ГКО, НКО и НКПС, так как использовались для перевозки демобилизованных и репатриируемых граждан. Перед началом военных действий с Японией по распоряжению ГШ ВС СССР на железные дороги Дальнего Востока с Карельского фронта было переброшено 8 ВВСП, 27 санлетучек и отправлена с Запада некоторая часть ПВСП [1. Л. 77–79].

Отметим, что в годы войны погибли или пропали без вести более 85 000 медиков, среди них 5 000 врачей, 9 000 средних медицинских работников, 71 000 санитарных инструкторов и санитаров. Смертность медицинских работников была на втором месте после гибели на полях сражений бойцов стрелковых подразделений. Средняя продолжительность жизни санинструктора на передовой в 1941 г. составляла 41 секунду [15].

Несмотря на такие ужасающие данные, наши медицинские работники вернули в строй 72,3% раненых и 90,6% больных воинов. Если эти проценты представить в абсолютных цифрах, то число раненых и больных, возвращенных в строй медицинской службой за все годы войны, составит около 17 млн человек [16. С. 173; 17. С. 515]. Добавим, что вышеуказанные показатели эффективности работы медицинских служб Германии и ее союзников были ниже, чем в СССР. В вермахте в строй вернулась приблизительно половина раненых, в Красной Армии – около трех четвертей. При этом с 1943 г. из каждых 100 пораженных бойцов 85 человек возвращались в строй из медицинских учреждений полкового, армейского и фронтового районов и лишь 15 человек – из госпиталей тыла страны. Благодаря стараниям отечественных медработников в годы войны не зафиксировано масштабных эпидемий инфекционных заболеваний среди солдат и офицеров, а также мирных жителей СССР. В этой связи отметим огромный вклад тружеников военно-санитарных поездов в достижение таких высоких показателей эффективности работы советской медицины в военный период.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что общее количество ВСП, курсировавших в военные годы, составляло почти 500 составов. Приведенные нами данные фактически на 45–69% больше, чем указывалось в трудах отечественных исследователей работы железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны. Свыше 7 000 железнодорожников обеспечивали работу поездов-госпиталей. При этом для увеличения эффективности работы ВСП руководству НКО и НКПС СССР приходилось оперативно пересматривать нормативную базу, регламентировавшую порядок формирования, эксплуатации и ремонта данной категории поездов, исходя из оперативной обстановки на фронте.

Несмотря на ряд проблем в администрировании, оплате труда, предоставлении льгот, обеспечении обмундированием сотрудников ВСП, для выполнения поставленных задач персонал военно-санитарных поездов разрабатывал рационализаторские предложения для уменьшения простоя составов в ремонте и минимизации дефицита необходимого оборудования. Также в военные годы для снижения количества недостающих кадров сотрудники ВСП повсеместно вынуждены были совмещать профессии. В итоге комплексные мероприятия дали свои результаты – благодаря самоотверженной работе советских медицинских работников, а также персонала ВСП в ряды РККА возвратились около 75% получивших ранения и перенесших заболе-

вания бойцов. СССР значительно превзошел Германию по данному ключевому показателю.

В дальнейшем перспективным видим исследование формирования и работы в годы Великой Отечественной войны санитарных летучек, которые обеспечивали транспортировку раненых и больных военнослужащих с прифронтовых участков в условиях затруднений пропуска полноценных ВСП. Их количество составляло в 1942 г. – 50, в 1943 г. – 350, в 1944 г. – 250, в 1945 г. – 150 единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.) : в 4 т. / под общ. ред. В.В. Звонарева. М. : ЦВМО МПС СССР, 1947–1948. Т. 2. 244 л. URL: https://rzd-museum.ru/expositions/archive (дата обращения: 27.01.2021).
2. Сектор Архивов ГП «Донецкая железная дорога» (СА ДонЖД). Ф. 32. Оп. 384. Д. 235.
3. СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 162.
4. Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР (1941–1945). М. : Наука, 1988. 368 с.
5. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза / под общ. ред. В.Е. Павлова, М.М. Уздина. СПб. : Иван Федоров, 1997. Т. 2: 1917–1945 гг. 416 с.
6. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н.С. Конарева. 2-е изд., доп. М. : Транспорт, 1987. 591 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 49 с. Д. 1081.
8. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1981. 591 с.
9. Павлов В. Состав милосердия // Гудок. 2020. 8 мая. URL: https://gudok.ru/newspaper/?ID=1503379&archive=2020.05.08 (дата обращения: 02.02.2021).
10. Сенчук Ю.Г. Железнодорожники Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны: по материалам Московской железной дороги : дис. … канд. ист. наук. Курск, 2003. 278 с.
11. Мишустин С.П. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.: по материалам железных дорог Южного направления : дис. … канд. ист. наук. Курск, 2006. 284 с.
12. Алдакимов Д.К., Клименко К.Х. Маршрутами пятилеток. Заметки о новаторах-железнодорожниках. Донецк : Донбас, 1976. 176 с.
13. Клименко К.Х., Алдакимов Д.К. Пам’ятимемо донбаські перегони: нариси. Донецьк : Донбас, 1992. 303 с.
14. Военно-санитарный поезд № 312: 75-летию Великой Победы посвящается // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/best/vologda/voenno-sanitarnyi_poezd_%e2%84%96312/ (дата обращения: 27.01.2021).
15. События, приуроченные к празднованию Дня Победы // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://minzdrav.gov.ru/news/2019/05/08/11461-sobytiya-priurochennye-k-prazdnovaniyu-dnya-pobedy (дата обращения: 31.01.2021).
16. Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Военно-полевая хирургия в годы Великой Отечественной войны. М. : Медицина, 2000. 264 с.
17. Сорокина Т.С. История медицины : учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. 8-е изд., стер. М. : Академия, 2008. 560 с.

Yurii Y. Buryak, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russian Federation). E-mail: yuriiburyak@mail.ru

HOSPITAL TRAINS OF THE USSR ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: The Soviet invasion of Poland; the Winter War; the Great Patriotic War; the People’s Commissariat of Defense; the People’s Commissariat of Railways; a hospital train.

In the course of researching this topic, we found that in Soviet and modern Russian historiography, information about the operation of hospital trains (HT) on the eve and during the Great Patriotic War is rather limited and contradictory. The scientific novelty of the work consists of the analysis of some specific features of the HT operation during the Great Patriotic War and the introduction into scientific circulation of archival sources previously inaccessible to researchers, changing our understanding of the number of hospital trains used during the war.

The aim of the study is to provide comprehensive coverage of the work of military medical trains during the war. The key objectives of the research work are to study the number of HTs at different stages of the Great Patriotic War, the functions of each category of hospital trains, train layouts, and the number of service personnel based on archival materials declassified in 2012-2020. To achieve this goal, the author used statistical, comparative-historical, retrospective and problem-chronological methods.

We found that in the pre-war period, that work was actively carried out to update the fleet of wagons intended for sanitary transportation, and the normative documents for the operation of USSR hospital trains were improved. HTs were subdivided into two types – permanent («rear») and temporary («front»). Temporary HTs carried out the evacuation of wounded and sick soldiers and officers from the front-line stations to army hospital bases. The «rear» trains were intended to transport wounded and sick servicemen from the hospital bases of the Red Army to hospital bases in the front and interior regions. Already in 1938 – 1940 the USSR actively used dozens of HTs during conflicts in the Far East and on the country's western borders.

During the Great Patriotic War, a total of 472 HTs (308 «rear» and 164 «frontline») were formed, as well as 350 sanitary squads. Taking into account the formed 15 auxiliary HTs, their number reached 487 military ambulance trains. Over 7000 railwaymen provided the work of the HT. Permanent HTs transported about 500 soldiers, temporary ones – up to 867 patients each train.

Thus, the total number of HTs operating during the war years was actually 45 – 69% higher than indicated in the works of Russian researchers. Also, despite a number of problems in administration, remuneration, provision of benefits, provision of uniforms for HT employees, in order to fulfill the assigned tasks, the train personnel developed rationalization proposals to reduce the downtime of trains in repair and minimize the shortage of necessary equipment.

Due to the shortage of personnel, HT employees everywhere were forced to combine professions. As a result, thanks to the selfless work of Soviet medical workers, as well as the personnel of the HT, about 75% of the wounded and sick soldiers returned to the ranks of the Red Army. The USSR significantly surpassed Germany in this key indicator.

REFERENCES

1. Zvonarev, V.V. (eds) (1947–1948) *Muzey zheleznykh dorog Rossii. Otchet o mobilizatsii zheleznykh dorog Sovetskogo Soyuza (po mobplanu 1941 g.): v 4 t.* [The Museum of Russian Railways. Report on the railways mobilization in the Soviet Union (according to the mobilization plan of 1941): in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR Ministry of Railways. [Online] Available from: https://rzd-museum.ru/expositions/archive (Accessed: 27th January 2021).

2. The Sector of the Archives of the State Enterprise “Donetsk Railway” (SA DonZhD). Fund 32. List 384. File 235.
3. The Sector of the Archives of the State Enterprise “Donetsk Railway” (SA DonZhD). Fund 32. List 1. File 162.
4. Kumanev, G.A. (1988) *Voyna i zheleznodorozhnyy transport SSSR (1941–1945)* [War and railway transport of the USSR (1941–1945)]. Moscow: Nauka.
5. Pavlova, V.E. & Uzdina, M.M. (eds) (1997) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza* [History of railway transport in Russia and the Soviet Union]. Vol. 2. St. Petersburg: Ivan Fedorov.
6. Konarev, N.S. (ed.) (1987) *Zheleznodorozhniki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [Railway personnel in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow: Transport.
7. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1884. List 49 s. File 1081.
8. Kovalev, I.V. (1981) *Transport v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.*) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Nauka.
9. Pavlov, V. (2020) Sostav miloserdiya [A mercy train]. *Gudok*. 8th May. [Online] Available from: https://gudok.ru/newspaper/?ID=1503379&archive=2020.05.08 (Accessed: 2nd February 2021).
10. Senchuk, Yu.G. (2003) *Zheleznodorozhniki Tsentral'nogo i Tsentral'no-Chernozemnogo regionov RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: po materialam Moskovskoy zheleznoy dorogi* [Railway workers of the Central and Central Black Earth regions of the RSFSR during the Great Patriotic War: a case study of the Moscow railway]. History Cand. Diss. Kursk.
11. Mishustin, S.P. (2006) *Sovetskie zheleznodorozhniki v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 g.: po materialam zheleznykh dorog Yuzhnogo napravleniya* [Soviet railroad workers during the Great Patriotic War of 1941–1945: a case study of the Southern railroads]. History Cand. Diss. Kursk.
12. Aldakimov, D.K. & Klimenko, K.Kh. (1976) *Marshrutami pyatiletok. Zametki o novatorakh-zheleznodorozhnikakh* [Routes of five-year plans. Notes on innovators-railroad workers]. Donetsk: Donbas.
13. Klimenko, K.Kh. & Aldakimov, D.K. (1992) *Pam'yatatimemo donbas'ki peregoni: narisi*. Donetsk: Donbas.
14. *Komsomol'skaya pravda*. (n.d.) *Voenno-sanitarnyy poezd № 312: 75-letiyu Velikoy Pobedy posvyashchaetsya* [Military ambulance train No. 312: dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory]. [Online] Available from: https://www.kp.ru/best/vologda/voenno-sanitarnyi_poezd_%e2%84%96312/ (Accessed: 27th January 2021).
15. Ministry of Health of the Russian Federation. (2019) *Sobytiya, priurochennye k prazdnovaniyu Dnya Pobedy* [Events dedicated to the Victory Day celebration]. [Online] Available from: https://minzdrav.gov.ru/news/2019/05/08/11461-sobytiya-priurochennye-k-prazdnovaniyu-dnya-pobedy (Accessed: 31st January 2021).
16. Aleksanyan, I.V. & Knopov, M.Sh. (2000) *Voenno-polevaya khirurgiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military field surgery during the Great Patriotic War]. Moscow: Meditsina.
17. Sorokina, T.S. (2008) *Istoriya meditsiny* [History of Medicine]. 8th ed. Moscow: Akademiya.

УДК 94(571.16)"1871/1917":05
DOI: 10.17223/19988613/71/3

Е.Н. Косых

О РОЛИ МЕСТНОГО КУПЕЧЕСТВА В ЗАРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ЧАСТНОЙ ПЕРИОДИКИ г. ТОМСКА В 1881 – ФЕВРАЛЕ 1917 г.

Исследуется вклад томского купечества в зарождение и развитие негосударственной периодической печати г. Томска в 1881 – феврале 1917 г., анализируются материально-технические и общественно-политические условия издания газет и журналов, их количественные и качественные характеристики, раскрываются идейно-политические установки редакций и издателей, делается обоснованный вывод о многочисленности периодики так называемых «Сибирских Афин», города Томска, особенно во время и после первой русской революции, когда самодержавие в лице императора Николая II в «Манифесте» от 17 октября 1905 г. было вынуждено провозгласить в стране гражданские свободы: слова, печати, собраний, союзов, совести, и неприкосновенность личности.
Ключевые слова: купечество; газеты и журналы; общественно-политическая жизнь; социальные и культурные установки местной буржуазии, в том числе и купечества.

Позитивное освещение заявленной темы может дать дополнительный материал для рассмотрения проблем социокультурного облика томского и сибирского купечества в процессе его эволюции последних двадцати лет XIX в. и начала XX в. вплоть до буржуазно-демократической Февральской революции 1917 г. Кроме того, этот сюжет недостаточно рассмотрен в работах сибирских историков культуры и периодической печати. Известны в основном лишь факты, приведенные в монографиях и статьях Н.М. Дмитриенко [1. С. 25, 80, 108, 159–160, 268], Н.В. Жиляковой [2. С. 100–171], Г.М. Залесова [3], О.Г. Никиенко [4] и Т.В. Сталевой [5. С. 160–161]. Частично эта тема освещалась и Е.Н. Косых [6].

Цель данной статьи – создать максимально цельную, обобщенную картину зарождения и развития частной периодики Томска в 1881 – феврале 1917 г. и подчеркнуть роль местного купечества в этом процессе, раскрыть идейно-политические, общественные установки и взгляды владельцев, издателей томских газет и журналов, их количественные и качественные характеристики.

Источниковую базу исследования составил широкий круг разнообразных по содержанию и емкости архивных и опубликованных источников – делопроизводственные документы, справочные издания, периодическая печать, материалы личного происхождения. Методология и методика исследования включают в себя три основных уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический. Исследование основывается на принципах историзма и объективности, в числе конкретно-исторических методов использованы источниковедческий, историко-сравнительный, библиографический и историко-генетический.

Один из старейших и крупнейших по численности населения за Уралом дореволюционный город Томск [7. Стб. 705–706], как показано нами в юбилейной коллективной монографии «Томск. История города от основания до наших дней» [8. С. 34–40, 55–61], начиная с XVII–XVIII вв. был одним из главных торговых центров на Сибирском тракте, проходившем от Москвы через Екатеринбург, Томск, Иркутск до Кяхты на границе с Китаем. В Томске в 1897 г. проживали 52 210 человек, а в 1917 г. – 101 129 человек.

Томские купцы вместе с почетными гражданами в конце XIX в. составляли около 4% населения города. По нашим подсчетам по справочнику Н.М. Дмитриенко «Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.)», с 80-х гг. XIX в. по февраль 1917 г. в городе занимались торговлей не менее 220 купцов [1. С. 12–323]. Как отмечал в своих заметках и воспоминаниях устроитель Томского университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа с 1885 по 1898 г. профессор В.М. Флоринский, купцы в Томске задавали «тон жизни» и играли здесь «первенствующую роль» [9. С. 288]. Они занимались благотворительной деятельностью, жертвовали деньги на нужды церкви, образования и культуры. Но только немногие из них, начиная с П.И. Макушина, участвовали в зарождении и развитии частной периодики Томска.

Петр Иванович Макушин (1844–1926) был одним из авторитетных предпринимателей не только Томска, но и всей Сибири. Он происходил из семьи псаломщика (помощника священника) с. Путино Пермской губернии, окончил духовное училище и семинарию и, как лучший выпускник, был отправлен в Петербургскую духовную академию для обучения на казенный счет. Однако полный курс академии он не окончил, а захотел поработать на ниве просвещения в Горном Алтае. Там П.И. Макушин открыл четырехклассное училище для подготовки учителей из алтайцев и двухклассное училище для девочек-алтаек. Вскоре он перешел на должность смотрителя (завуча) Томского духовного училища. В Томске он открыл библиотеку, а в феврале 1873 г. вместе с купцом В.В. Михайловым – «Сибирский книжный магазин». Одним из важных дел его жизни было создание «Общества попечения о начальном образовании», которое имело отделения во многих населенных пунктах Сибири. В 1912 г. он

построил Народный университет, вложив в него 100 тыс. рублей, около которого и похоронен.

Но П.И. Макушин известен не только как предприниматель, книготорговец, меценат и общественный деятель конца XIX – начала XX в., но и как основатель томской региональной частной периодики. В начале 1881 г. он получил разрешение на издание в Томске первой в городе частной «Сибирской газеты», выпуск которой продолжался с 1 марта 1881 по 24 июня 1888 г. Причем П.И. Макушин разновременно был ее издателем и редактором вместе с А.В. Адриановым, А.И. Ефимовым и другими известными общественными деятелями региона [10. С. 101]. «Сибирская газета», находясь под цензурой местных органов государственной власти, была, на наш взгляд, сугубо информационным изданием без явных политических предпочтений. Выходила она тиражом до 4 тыс. экземпляров [2. С. 105].

В 1883 г. редакция «Сибирской газеты» по инициативе П.И. Макушина подавала властям ходатайство о начале издания первого в Томске ежемесячного журнала «Сибирское образование», но выход его, к сожалению, не был разрешен.

30 апреля 1894 г. П.И. Макушин получил разрешение на издание новой частной газеты «Томский справочный листок», который 6 июня 1895 г. был расширен и преобразован в «Томский листок». Редактором-издателем «Томского справочного листка» был П.И. Макушин, а «Томского листка» – не только П.И. Макушин, но и его брат Алексей Иванович Макушин (1856–1927) – врач и общественный деятель, с 13 января 1902 по 21 января 1906 г. состоял в должности городского головы (мэра) города, в 1905 г., как и П.И. Макушин, придерживался либеральных взглядов. В 1906 г. А.И. Макушин стал членом I Государственной Думы России [11. С. 199].

Газета «Томский листок», в свою очередь, с 1 ноября 1897 г. превратилась в прибыльную и авторитетную либерально-буржуазную 4- и 6-полосную «Сибирскую жизнь» [12. С. 96]. «Сибирская жизнь» в объявлениях о подписке до 1908 г. фигурировала как «общедоступная сибирская газета», а с 1908 г. – как «политическая, литературная и экономическая» ежедневная, кроме дней послепраздничных, газета. Разновременно ее редактировали П.И. Макушин и А.И. Макушин до ноября 1905 г., с 8 ноября 1905 г. по 1910 г. – томский профессор И.А. Малеев, далее общественные деятели Г.Б. Баитов, Г.И. Козлов и др. [10. С. 102–103].

Если «Сибирская газета» разновременно печаталась в типографиях В.В. Михайлова и П.И. Макушина, «Сибирской газеты», а «Томский справочный листок» и «Томский листок» – в паровой типолитографии П.И. Макушина, то «Сибирская жизнь» – в основном в типографии Сибирского товарищества печатного дела. Издавались и «Иллюстрированное приложение» к газете, и «Телеграммы “Сибирской жизни”». Ежемесячное иллюстрированное приложение к газете редактировал ученый, путешественник, известный исследователь края, глава сибирского областничества Григорий Николаевич Потанин. В 1906 г. при газете «Сибирская жизнь» выходил еженедельник для крестьян «Народные нужды». С октября 1906 по апрель 1907 г. вместо временно приостановленной властями за либерально-буржуазные взгляды редакторов и издателей «Сибирской жизни» выходила газета «Сибирская мысль», редакторами-издателями которой последовательно были известный общественный деятель М.Р. Бейлин и томский профессор В.А. Обручев. И эта газета печаталась в типографии Сибирского товарищества печатного дела [13. С. 129].

В «Сибирской жизни» и «Сибирской мысли» помещались обзоры российской и зарубежной общественной жизни, этнографические, исторические, географические материалы, научные публикации, беллетристика, хроника текущей жизни Томска, корреспонденции из разных деревень, сел, городов, губернии и всей Сибири. Это было важно в силу внутренне присущих печати свойств непрерывности и целенаправленности информационного воздействия на местное население, поскольку печать попадала в конце XIX – начале XX в. в самые отдаленные уголки региона.

Другое отличительное свойство этих газет, в первую очередь либерально-буржуазной «Сибирской жизни», состояло в том, что они были незаменимым средством психологического воздействия на сибиряков, поскольку в газетах сосредоточены все виды информации – от сугубо сообщающей до убеждающей и даже внушающей. Это было важно для редакторов, издателей, корреспондентов томских газет и журналов, которые в конце XIX и в начале XX в., и особенно во время и после первой российской революции 1905–1907 гг., имели несомненный политический характер.

Также «Сибирская жизнь», превратившаяся в 1905 г. усилиями редакторов П.И. и А.И. Макушиных в неофициальный печатный орган кадетской организации Томска, имела тогда самый большой тираж из газет Сибири – от 10 до 15 тыс. экземпляров ежедневно, а с известием о победе в Петрограде Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. 3 марта того же года – 25 тыс. экземпляров [14. С. 1].

Другим известным в Томске издателем и редактором газет и журналов в 1895–1910 гг. стал лишенный за «злоупотребления по должности» дворянского звания и княжеского титула, сосланный в Сибирь юрист по образованию Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), купец 2-й гильдии [11. С. 103].

В.А. Долгоруков с 1895 г. издавал «Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России», в 1899 г. он начал выпускать справочник «Дорожник по Сибири и Азиатской России». В 1901 г. В.А. Долгоруков преобразовал его в журнал «Сибирский наблюдатель», а затем в газету «Сибирские отголоски», которая издавалась в 1907–1909 гг. в Томске, в типографии купчихи Н.И. Орловой, как политическая, общественная, литературная, иллюстрированная, дешевая и общедоступная газета [10. С. 85–87, 107–108, 111–112].

С июня 1906 по 1909 г. в качестве приложение к журналу и газете «Сибирские отголоски» издавался иллюстрированный юмористический журнал «Бубенцы» [10. С. 78]. В качестве журналиста и поэта В.А. Долгоруков в 1890 г. опубликовал стихотворный

сборник «Не от скуки», а в 1912 г. – подобный стихотворный сборник «Стихотворения».

Самый известный из сыновей томского купца 2-й гильдии Р.Х. Бейлина адвокат Михаил Рафаилович Бейлин в ноябре–декабре 1905 г. опубликовал в томской газете «Сибирский вестник» статьи и заметки «антиправительственного содержания», а в 1906–1907 гг. был издателем и редактором либеральной местной газеты «Сибирская мысль», сотрудничал в либерально-буржуазной «Сибирской жизни» [1. С. 25].

Кроме того, нельзя забывать, что практически все частные газеты и журналы Томска с 1881 по февраль 1917 г. печатались и тиражировались в типографиях купцов К.Я. Зеленевского, П.И. Макушина, Н.И. Орловой, А.П. Усачёва и Г.И. Ливена [15. С. 125].

Таким образом, можно считать, что вклад местного томского купечества в зарождение и дальнейшее развитие частной, негосударственной периодической печати Томска в 1881 – феврале 1917 г. был если не решающим, то уж очень значительным. Достаточно сказать, что в конце XIX – начале XX в. только в типографии П.И. Макушина выпускалось около 20 периодических и повременных изданий [10. С. 78–130]. А к 1914 г. в Томске действовало 8 типографий, 3 типолитографии и одна цинкография, во всех политографиях насчитывалось 39 скоропечатных машин и продукции производилось на 0,5 млн рублей в год [16. С. 1]. К февралю 1917 г. Томск стал признанным издательско-полиграфическим центром Сибири, при этом ведущую роль в производстве печатной продукции играли частные полиграфические предприятия; формировавшееся тогда томское купечество и предпринимательство занимали в этом процессе решающую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Н.М. Томские купцы : биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014. 334 с.
2. Жилякова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск, 2014. 288 с.
3. Залесов Г.М. П.И. Макушин: прощание с купечеством, эволюция и адаптация // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Третьей всерос. науч. конф., 21–23 сентября 2018 г. Томск, 2019. С. 306–315.
4. Никиенко О.Г. Роль купечества в устройстве первой в России народной бесплатной библиотеки // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Третьей всерос. науч. конф., 21–23 сентября 2018 г. Томск, 2019. С. 361–385.
5. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. М. : Рус. Двор, 2001. 245 с.
6. Косых Е.Н. Купец Петр Макушин – основатель томской частной периодики // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Второй всерос. науч. конф., 15–17 апреля 2016 г. Томск, 2017. С. 194–197.
7. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1929. Т. 1. 988 стб.
8. Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Том. гос. ун-т, 1999. 464 с.
9. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского (1865–1880) // Русская старина. 1906. № 1. С. 75–109; № 2. С. 288–311; № 3. С. 564–596.
10. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Том. обл. универсальная науч. б-ка им. А.С. Пушкина, 2011. 375 с.
11. Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 438 с.
12. Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во время царизма // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100.
13. История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2001. Ч. 1. 205 с.
14. Сибирская жизнь. 1917. 3 марта.
15. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2001. Т. 2: Конец XIX – начало XX в. / отв. ред. С.А. Пайчадзе. 367 с.
16. Сибирская жизнь. 1914. 8 янв.

Evgeniy N. Kosykh, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Tomsk, Russian Federation). E-mail: history@tsuab.ru

THE ROLE OF LOCAL MERCHANTS IN THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF PRIVATE PERIODICALS OF TOMSK IN 1881 – FEBRUARY 1917

Keywords: merchants; newspapers and magazines; social and political life; social and cultural attitudes of the local bourgeoisie, including merchants.

The contribution of the local merchants of Tomsk to the origin and further development of the private, non-state periodical press of Tomsk in 1881 – February 1917 is investigated; the material and technical, political and social conditions for publishing newspapers and magazines, their quantitative and qualitative characteristics are analyzed; ideological and political attitudes of editors and publishers, a well-grounded conclusion is made about the large number of periodicals in Tomsk, especially during and after the first Russian revolution. This subject is not sufficiently considered in the works of the Siberian historians of culture and press N.M. Dmitrienko, N.V. Zhilyakova, G.M. Zalesov, O.G. Nikienko and T.V. Staleva. This topic has been partially covered by E.N. Kosykh.

The source base of the research was made up of a wide range of archival and published sources, varied in content and capacity: office documents, reference publications, periodicals, materials of personal origin. The research methodology and methods include three main levels: general scientific, general historical and concrete historical. The study is based on the principles of historicism and objectivity; historiographic, historical-comparative, bibliographic and historical-genetic methods have been used among the concrete historical methods.

The article shows that merchants, they also tended to be the publishers and editors P.I. Makushin, V.A. Dolgorukov and others in the late XIX – early XX centuries, especially since 1905–1906, had been constantly increasing the publication of newspapers and magazines of various content and socio-political orientation. The contribution of the local merchants to the origin of the private, non-state periodicals of Tomsk was very significant, if not decisive. By the February Revolution of 1917, Tomsk had become a recognized publishing and printing center in Siberia.

REFERENCES

1. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy : biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: a biographical dictionary (second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of Oblastnichestvo]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Zalesov, G.M. (2019) P.I. Makushin: proshchanie s kupechestvom, evolyutsiya i adaptatsiya [P.I. Makushin: a farewell to the merchants, evolution and adaptation]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian Merchants: Origins, Activities, Heritage]. The Third Conference. Tomsk, September 21–23, 2018. Tomsk. pp. 306–315.
4. Nikienko, O.G. (2019) Rol' kupechestva v ustroystve pervoy v Rossii narodnoy besplatnoy biblioteki [The role of merchants in the organization of the first free national library in Russia]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian Merchants: Origins, Activities, Heritage]. The Third Conference. Tomsk, September 21–23, 2018. Tomsk. pp. 361–385.
5. Staleva, T.V. (2001) *Sibirskiy prosvetitel' Petr Makushin* [Siberian educator Pyotr Makushin]. Moscow: Rus. Dvor.
6. Kosykh, E.N. (2016) Kupets Petr Makushin – osnovatel' tomskoy chastnoy periodiki [Merchant Pyotr Makushin – founder of Tomsk private periodicals]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian Merchants: Origins, Activities, Heritage]. The Second Conference. Tomsk, April 15–17, 2018. Tomsk. pp. 194–197.
7. Azadosvsky, M.K. (ed.) (1929) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sib. kraevoe izd-vo.
8. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. Its history from its foundation to the present]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Florinsky, V.M. (1906) Zametki i vospominaniya (1865–1880) [Notes and memoirs (1865–1880)]. *Russkaya starina*. 1. pp. 75–109; 2. pp. 288–311; 3. pp. 564–596.
10. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Siberian periodicals (second half of the 19th century – February 1917): a consolidated index of periodicals and serial editions]. Tomsk: Tomsk Regional Universal Research Library.
11. Chernyak, E.I. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya : kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: a brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
12. Makushin, P.I. (1928) Gazetno-izdatel'skaya deyatel'nost' vo vremya tsarizma [Newspaper publishing during the tsarism]. *Severnaya Aziya*. 2. pp. 91–100.
13. Mandrina, L.A. et al. (2001) *Istoriya knigi i knizhnogo dela v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [History of Books and Book Business in Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB RAS.
14. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 3rd March.
15. Paychadze, S.A. (ed.) (2001) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the History of Book Culture in Siberia and the Far East]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) 8th January.

УДК 057.4 (571) ‘‘196‘‘
DOI: 10.17223/19988613/71/4

Д.И. Муренко

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОИСКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛКСМ МОЛОДЕЖЬЮ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА В СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Статья посвящена общественно-политическому аспекту жизни Новосибирского научного центра. Дана общая характеристика состояния Всесоюзной организации молодежи в середине 1960-х гг. Выявлены основные обновленческие траектории развития и возможности их воплощения в деятельности комсомола. Особое внимание уделяется рассмотрению идейно-политических взглядов молодой научной интеллигенции. Реконструированы события «комсомольского кризиса» декабря 1965 г., которые были отмечены противостоянием комсомольского актива Академгородка с областными и городскими партийными органами.
Ключевые слова: молодежь; свободомыслие; активизм; интеллигенция; комсомол; сциентизм.

Актуальность данной темы объясняется возможностью более комплексного исследования истории развития региональных научно-образовательных центров в контексте общественно-политической жизни страны. Как известно, доминирующая роль в жизни Новосибирского научного центра принадлежала научной интеллигенции. Ее «гегемония» в комсомольской организации Советского района Новосибирска определила специфику форм общественной деятельности, в основе которой лежали различные политико-идеологические подходы и тенденции, не только находившие конкретное воплощение в виде того или иного нововведения, но также принимавшие форму общественных дискуссий. Исходя из этого, цель настоящего исследования – выявить основные политико-идеологические тенденции и пути их воплощения в работе комсомольской организации Академгородка.

В подобной конфигурации указанная тематика историками не изучалась. На данный момент отсутствуют обобщающие труды по истории комсомольской организации научного центра как важной составной части его социальной жизни в 1960-е гг. Тем не менее анализируемые ниже события затрагивались в работах историков Новосибирского университета А.Г. Борзенкова и И.С. Кузнецова [1, 2]. В частности, И.С. Кузнецовым в изданном им сборнике документов, посвященном событиям 1968 г. в Академгородке, впервые опубликованы крайне ценные для понимания их «пролога» выдержки из стенограмм комсомольских конференций середины 1960-х гг. Значительный научный интерес представляет опубликованная в двух номерах журнала «Идеи и идеалы» обширная статья И.В. Жежко-Браун посвященная студенческому движению НГУ в середине 1960-х гг. [3, 4].

Опираясь на уже имеющиеся публикации и некоторые изданные документы, в настоящей работе предпринята попытка расширить источниковую базу за счет записанных автором интервью с непосредственными участниками комсомольского движения указанного периода. Любое интервью как нарративный источник имеет значительную долю субъективности, однако приводимые ниже фрагменты устной истории отражают в большей степени конкретные факты, а не свое отношение, оценку опрошенными происходивших процессов. Речь в интервью шла о событиях полувековой давности с позиций восстановления фактографии событий в их восприятии тогдашними молодежными деятелями Академгородка.

После отставки Н.С. Хрущева и свертывания «оттепели» для большинства советских граждан стало очевидным, что основанные на мобилизационных технологиях планы построения в обозримой перспективе коммунистического общества несбыточны. Значительный трудовой народный энтузиазм к середине 1960-х гг. начал существенно спадать. Одним из проявлений данного процесса стало активное формирование в СССР диссидентского движения. Несоответствие идеологических установок и реалий жизни формировало в сознании и психологии людей конформизм, инертность, отчуждение от политики, разочарование в духовных ценностях социалистического общества [5. С. 28].

Особенностью поколения «шестидесятников» явилось изменение отношения к КПСС, государственному устройству СССР, а также к общественным организациям, прежде всего ВЛКСМ. По мнению некоторых современных исследователей комсомола, организация в 1960-е гг. перешла «экватор» своего исторического пути, в силу чего отчетливо проявлялись не только ее достижения, но и явные «болезни» союза молодежи [6. С. 3–4]. С 1 января 1961 г. по 1 января 1971 г. состав комсомола увеличился с 18 млн 230 тыс. до 24 млн 170 тыс. человек. Только в период между XIV и XV съездами ВЛКСМ в союз вступили более 12 млн человек [7]. Однако количественный рост организации, как правило, достигался за счет понижения качества ее состава. Как отмечают историки А.А. Слезин и Т.А. Власова, отказ от массовых исключений из комсомола и резкое смягчение требований к социальному происхождению вступающих в ВЛКСМ, проявления формализма при вступлении, огромное количество юношей и девушек, которые только числились в ВЛКСМ, игнорируя даже обязанность по уплате взносов, способствовали формированию у части молодежи отрицательного имиджа комсомола [7]. К середине 1960-х гг. отчетливо стал

ощущаться существенный разрыв между официальными оценками «выдающихся успехов» комсомола и реальным, весьма критическим положением в его функционировании и авторитетности среди юношества и молодежи. Комсомол все более стратифицировался, распадаясь на трудившуюся в сфере материального производства и учившуюся категории, дрейфуя в сторону последней (школьные и студенческие, а также организации в научной среде).

На уровне ЦК ВЛКСМ также существовали разные представления о том, в каком направлении требуется развивать основную союзную юношеско-молодежную организацию. Помимо «левого» крыла – либерально настроенной части молодежи, и «правого» – ортодоксов, при ЦК ВЛКСМ существовал Университет молодого марксиста (УММ). По словам М.Г. Розовского, создателя театра-студии «Наш дом», коммунистическая идеология этой организации соединялась с националистической, и это порождало «нашенский фашизм» [8. С. 10]. В руководстве существовало и более умеренное национал-патриотическое крыло в виде «Русского клуба», пользовавшееся покровительством тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова.

В марте 1966 г., в преддверии XV съезда ВЛКСМ, Институтом общественного мнения был проведен Всесоюзный опрос на тему: «Комсомольцы о комсомоле». Результаты исследования выявили беспрецедентное по масштабам и остроте неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом, равно как и их собственного, персонального участия в этой жизнедеятельности. В пространстве сознания советской молодежи возникли многочисленные и значительные по площади острова самостоятельного сознания, «своего», вполне независимого и, более того, местами находящегося в открытой конфронтации с настроениями и установками руководителей ЦК партии и комсомола. Причем при рассмотрении наиболее важного, центрального вопроса исследования – «Решает ли сегодня комсомол свои главные задачи?» – так или иначе не сказали твердого «Да» 72,5% опрошенных [9. Кн. 2. С. 84].

Наиболее остро ситуацию в комсомоле характеризовали «Тезисы о развале комсомола», автором которых был диссидент В.К. Буковский, студент биолого-почвенного факультета МГУ. Во многом эти тезисы отражают взгляды либерального крыла диссидентского лагеря на реформирование комсомола. В.К. Буковский предлагал изменить комсомол институционально, создав в нем инициативное ядро, которое станет во главе течения за демократизацию комсомола [10].

Характеризуя общий политико-идеологический контекст рассматриваемых событий, следует напомнить, что первые годы после отставки Н.С. Хрущева знаменовались сложным переплетением в политике правящих кругов консервативно-охранительных и реформистских тенденций. Достаточно вспомнить такие реалии, как нормализация отношений с интеллектуальной элитой, религиозными организациями, «реабилитация» генетики. Таким образом, «комсомольский реформизм» проявлялся не сам по себе, а в общем контексте. Консервативно-охранительные тенденции в середине 1960-х гг. быстрее нарастали в партийных структурах, а либеральные сохранялись именно в молодежной среде, в первую очередь среди научной молодежи, что и находило отражение в ВЛКСМ. Окончательный перелом произошел в конце десятилетия, особенно после подавления «Пражской весны», когда немалая часть «реформистов», выступавших за «социализм с человеческим лицом», стала дрейфовать к антикоммунизму.

В середине 1960-х гг. консервативные тенденции в комсомоле начинали проявляться в виде «закручивания гаек». В первую очередь речь шла об организационных делах и укреплении дисциплины. Осенью 1964 г. ЦК ВЛКСМ попытался навести порядок в системе учета, объявив Всесоюзную сверку комсомольцев с учетными карточками. В июне 1965 г. прошел пленум ЦК ВЛКСМ, который во главу угла поставил задачу организационно-политического укрепления комсомола. В 1964 г. было ликвидировано хрущевское детище – промышленные и сельскохозяйственные обкомы КПСС. Такие же структурные преобразования прошли и в комсомольских органах. Организационные перемены затронули, соответственно, и комсомольскую организацию Новосибирского научного центра.

Важными и знаковыми направлениями работы комсомольской организации Академгородка, отличавшими ее деятельность от других, в первой половине 1960-х гг. выступали участие в организации и проведении региональных физико-математических олимпиад среди школьников и содействие работе возникшего в научной среде Совета молодых ученых. Однако к середине десятилетия фронт общественной деятельности стал «узким» для растущей комсомольской организации ННЦ, увеличившейся с 578 человек в 1959 г. до 2 554 в 1965 г. [11. Л. 247]. При этом основная часть научной молодежи стояла в стороне от комсомольской работы, считая, что комсомол в институтах – это только для лаборантов. Весьма показательным служит тот факт, что первый избранный секретарь комитета ВЛКСМ СО АН С.М. Николаев вскоре отказался от своей должности, поскольку «хотел заниматься наукой, а не всякой бякой» [12]. Подобные настроения отражены в выступлении Г.А. Аксенова – секретаря комсомольской организации Института автоматики – на 5-й районной конференции ВЛКСМ в 1965 г.: «В прошлом году я имел честь и сомнительное удовольствие быть секретарем комсомольской организации института. Я не оговариваюсь, именно сомнительное удовольствие, потому что это был мучительный процесс. Это мучительно вообще – быть секретарем комсомольской организации» [13. Л. 87].

Причины подобного отношения к комсомолу необходимо искать в различных идейно-политических настроениях молодых ученых. Как отмечают Е.Г. Водичев и Н.А. Куперштох, научное сообщество характеризовало причудливое переплетение коммунистических идеологем, с одной стороны, и принципов, порожденных спецификой научной деятельности – с другой. Эти настроения включали социальное фрондерство и утопические представления о перспективах развития страны и роли науки в этом процессе [14. С. 46].

Сказанное выше дает основание выделить три основные категории комсомольцев СО АН. Первая из них – «академисты», т.е. те, кто приехали в Академгородок исключительно затем, чтобы строить научную карьеру. Любая общественная нагрузка в виде комсомольских поручений, естественно, рассматривалась ими как обуза. В основе их системы ценностей лежал сциентизм, убежденность в безграничных возможностях науки и техники, с помощью которых можно решить большинство социальных проблем. Тем более что в общественном сознании культивировалось мнение, что ученые – это люди особого рода, люди благородные, носители высокой морали. Это нашло отражение в знаменитом художественном фильме режиссера М.И. Ромма «9 дней одного года», где фигура ученого была чрезвычайно престижной и рассматривалась как некая антитеза прежнему герою кинематографа – либо партийному функционеру, либо комсомольскому активисту типа Павла Корчагина. Вследствие утверждения сциентизма в мировоззрении ученых стала формироваться высокая оценка ими своего социального предназначения, а также претензии на значимую социальную роль в обществе, на участие в выработке и принятии решений по широкому спектру вопросов общественного развития. В.В. Пухначев, член-корреспондент РАН, профессор Новосибирского государственного университета, вспоминал: «Особого ощущения, что мы построим коммунизм, не было, но было ощущение, что мы попытаемся догнать их (американцев). Мы находились в идеальных условиях. Будучи старшим научным сотрудником, я получал огромные деньги, не имея семьи. В 25 лет став кандидатом, я получал зарплату 300 рублей и еще полставки в университете. Была огромная зарплата для одинокого человека, уже имевшего квартиру. Материальных проблем не было. Билеты были дешевые. Я ездил в горы. Было предметом гордости прилететь с обгоревшими ушами и читать лекции в НГУ. Было ощущение, что мы живем впереди всех. Казалось, что мы люди из будущего» [15].

Соответственно, к середине 1960-х гг. утвердился принцип «мирного сосуществования» между отдельными корпоративными группами интеллигенции и институтами власти, когда первая в обмен на экономическое благополучие и относительную свободу деятельности внутри своей группы обеспечивала определенную, в том числе политическую, поддержку деятельности власти. Отношение «академистов» к комсомолу можно характеризовать как умеренно конформное, тем более что, согласно мнению социологов, феномен «двоемыслия шестидесятников» вызывался не только страхом перед наказанием за «неправильное» мнение, но и невозможностью «в одночасье отказаться от своей «второй» жизни, связанной с участием в «строительстве коммунистического общества» – участием вполне сознательным, свободным, «не из-под палки» [9. Кн. 1. С. 73]. Выполнение определенных комсомольских ритуалов обеспечивало лояльность власти по отношению к молодому ученому, что давало ему возможность заниматься самореализацией и достижением своих целей.

Вторую категорию молодых комсомольцев СО АН можно характеризовать как «идейные». В принципе, идеи сциентизма не были чужды и им, однако последних отличало более позитивное отношение к существующей общественно-политической системе. Как указывают Е.Г. Водичев и Н.А. Куперштох, после провозглашения в 1961 г. новой партийной стратегии произошла существенная эволюция коммунистических представлений. Многие ученые, особенно из числа молодежи, всерьез рассматривали коммунистическую перспективу как дело ближайшего будущего, считая, что «их поколение будет жить при коммунизме» [14. С. 46]. Однако также очевидно, что общественная активность молодежи находила свое выражение в комсомоле лишь потому, что других общественных организаций и структур в то время попросту не существовало. Поскольку активная часть молодежи была незначительной, достаточно быстро возник «кризис пассивного большинства», активировавший третью категорию – комсомольцев-нигилистов, настроенных более радикально, поставивших вопрос о ненужности комсомольской организации. Причиной подобных настроений, с одной стороны, могли являться факторы, характерные для «академистов», которые считали, что комсомол мешает учебе и работе, с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и ту незначительную часть научной интеллигенции, которая стояла на откровенно диссидентских позициях и была ориентирована на демонтаж политической системы.

В течение 1964 г. во многих институтах ННЦ прошли комсомольские собрания с повесткой: «Зачем нам нужен комсомол?» Причем в некоторых коллективах под этой формулировкой подразумевался поиск новых форм работы, в других институтах этот вопрос прямо подводил к решению о самороспуске комсомольских организаций В ходе дискуссии в Институте математики академик А.Д. Александров назвал СО АН «гнездом безыдейщины» из-за того, что сотрудники-комсомольцы считают, что весь их вклад в построение коммунизма – это только развитие науки [13. Л. 120]. Обсуждался и вопрос о возрастном барьере и выходе из комсомола. По мнению выступавших, исключения и выход из комсомола не должны иметь никаких административных последствий. Каждый человек, который не считает себя комсомольцем, может оформить выход из организации. Участники дискуссии предложили повысить возрастной ценз, поскольку тогда комсомольцы будут более сознательно относиться к своим поручениям [Там же. Л. 121].

В свою очередь, в конце 1964 г. в НГУ по инициативе заместителя секретаря комитета комсомола вуза преподавателя философии И.С. Алексеева был проведен диспут на тему: «Зачем комсомол стране, зачем комсомол нам?» Все это вызвало большой идеологический резонанс, вышедший за пределы университета из-за того, что студенты на диспуте выдвигали «ошибочные» и «ревизионистские» с точки зрения партийных функционеров утверждения. В их числе значились следующие: «Диктатура пролетариата порождает культ личности»; «Комсомол себя изжил как в стране, так и в университете»; «Необходимо создавать организации, независимые от партбюро и комитета ВЛКСМ». Недовольство партийных руководителей вызвал также опрос

мнения студентов, организованный И.С. Алексеевым в связи с проведением диспута по вопросу: «Кому вы доверяете больше в области политической информации – ТАСС, “Голосу Америки”, “Би-Би-Си” или “Радио Пекина”»? [1. Ч. 2. С. 17].

В августе 1965 г. на заседании бюро горкома комсомола серьезной критике подверглось «крайне неудовлетворительное» состояние организационной работы комитета ВЛКСМ СО АН. По всей вероятности, после этого у городского руководства созрела мысль ликвидировать комитет комсомола СО АН. Однако с точки зрения административно-организационной функции не существовало причин для его роспуска; наоборот, статистика указывает на то, что на протяжении всех 1960-х гг. в СССР все большему числу первичных организаций предоставлялись права райкома в приеме и учете членов ВЛКСМ, рассмотрении персональных дел комсомольцев. Если в 1959 г. таких организаций было 3 452, то в 1970 г. их стало 24 443. На рубеже 1950–1960-х гг. права райкомов предоставлялись комитетам ВЛКСМ при числе комсомольцев в организации более 2 тыс., с 1962 г. норматив сократился вдвое [6. С. 79].

Причины происходивших административных изменений необходимо искать в политической плоскости союзного и регионального уровней. Очевидно, что после ухода Н.С. Хрущева позиции председателя СО АН академика М.А. Лаврентьева в структурах власти существенно ослабли, поскольку новое руководство страны рассматривало Сибирское отделение как детище бывшего партийного лидера в ряду хрущевских нововведений, большинство из которых либо трансформировались, либо отторгались. Произведенная в свое время перестройка структуры партийных, советских и комсомольских органов по территориально-производственному признаку теперь связывалась с субъективизмом, прожектерством, произвольными и поспешными решениями прежнего руководства [Там же. С. 76]. Тем самым в условиях обозначившегося «консервативного поворота» партийные структуры в лице обкомов партии и ВЛКСМ воспользовались ситуацией, чтобы укрепить свое влияние в ННЦ, проявлявшем большую самостоятельность.

Интересной в этом плане представляется версия М.С. Качана, бывшего руководителя профсоюза Сибирского отделения: «Комитет комсомола СО АН было решено упразднить, чтобы за таким “опасным” учреждением, как кафе-клуб “Под интегралом” стал следить непосредственно Советский райком комсомола [16]. По мнению М.С. Качана, ликвидация комитета комсомола и особенно парткома СО АН сильно ослабила позиции академика М.А. Лаврентьева. Теперь все научные институты попадали под прямой контроль партийных органов города и области. Секретари Советского райкома, курировавшие Академгородок, оказались под мощным воздействием руководства Новосибирского обкома и уже не были столь автономны, как секретари распущенного парткома СО АН благодаря М.А. Лаврентьеву [17].

Советский райком комсомола стоял на «двух китах» – комсомоле СО АН и комитете комсомола крупной строительной организации «Сибакадемстрой», по своему негласному статусу являвшейся своеобразным противовесом Академгородку. Как указывает в своих мемуарах бывший первый секретарь горкома ВЛКСМ и первый секретарь Калининского райкома КПСС Е.С. Шибанов, почти половина коммунистов «Сибакадемстроя» работала в Калининском районе, но состояла на учете в Советском райкоме партии. Е.С. Шибанов подготовил записку в обком с просьбой поставить на учет в его райкоме всех коммунистов, работающих в Калининском районе. Однако поддержки он не получил. В обкоме ему пояснили, что нужно учитывать специфику Советского района, где непропорционально большое место занимала научная молодежь. В этой ситуации строители-комсомольцы должны были уравновешивать пропорции [18. С. 201]. Их союзниками выступали коммунисты созданного в 1967 г. Высшего военно-политического училища. Таким образом ликвидация комитета ВЛКСМ ННЦ являлась одним из этапов контроля за молодой научной интеллигенцией.

Публично о роспуске комитета было объявлено 17 ноября 1965 г. на Шестой комсомольской конференции СО АН. Причем официальная формулировка звучала так: «Ликвидация комитета ВЛКСМ СО АН является закономерным шагом, так как период строительства и становления Сибирского отделения АН как научного центра закончился» [19. Л. 22]. По мнению И.И. Коршевера, бывшего члена бюро Советского РК ВЛКСМ, эти нововведения вызвали негативную реакцию научной молодежи [20. С. 130]. С.М. Николаев также заметил: «Недовольство было. Мы считали, что это было большой глупостью, потому что комитет комсомола объединял всех» [12].

Апогеем этих событий стала Шестая конференция ВЛКСМ Советского района, состоявшаяся 15 декабря 1965 г. в помещении ДК «Юность». О серьезности происходящего свидетельствует тот факт, что Дом культуры был оцеплен милицией. Конференция прошла с небывалой активностью. Ее участники выражали недовольство состоянием комсомола, который, по их мнению, «превратился в серую безликую массу», требовали конкретных изменений. Прежде всего, они считали, что нужно предотвратить слияние комсомольских организаций Академгородка и НГУ с Советским райкомом комсомола, а также избавиться от опеки партии. С этой целью в новом уставе ВЛКСМ вместо «самодеятельная организация» предлагалось прописать «политическая организация», как это было в 1920-е гг. [19. Л. 103]. Прозвучали и такие высказывания делегатов от научной молодежи: «Что же за организация комсомол, имеет ли она какую-либо политическую самостоятельность, имеет ли свой голос, служит ли гуманным идеалам революции? Может ли комсомол влиять на решения партии? Комсомол находится в состоянии упадка. Этот упадок сопровождается засильем лицемерия и бюрократизма» [Там же. Л. 85–97].

В резолюцию конференции были включены тезисы делегата от Института теплофизики Б.Г. Покусаева – в настоящее время члена-корреспондента РАН, профессора МГУ, который предложил на съезде комсомола внести следующие коррективы в действовавший

Устав ВЛКСМ: ограничить комсомольский возраст сверху 23 годами; считать комсомольцем только того, кто активно работает в одной из первичных организаций; прием в комсомол сделать более строгим. Также были подняты вопросы, выходящие за рамки комсомольских проблем, касающиеся деятельности КПСС. Б.Г. Покусаев отметил также, что «в каждой организации есть две стороны базисной надстройки. Базис – руководство, догма; надстройка – это наша инициатива. Говорят, если хотите изменить работу в комсомоле – проявляйте инициативу. Но достаточно ли будет этого? Нужно менять в корне» [19. Л. 135].

Одним из острых был вопрос об информационной независимости комсомола. Б.Г. Покусаев предложил внести в решение вопросы, связанные с информацией. По его мнению, требовалось наладить через ЦК объективную информацию. Член вновь избранного бюро райкома, сотрудник СО АН А.М. Казанцев предложил провести четкое разграничение между руководящими комсомольскими структурами и органами печати, так как комсомол находится «на привязи у партии, а все органы информации находятся в тех руках, которые имеют власть». По его мнению, комсомольцы имеют право критиковать партийных руководителей вплоть до ЦК [Там же. Л. 139]. Выступление Казанцева было встречено аплодисментами.

В публикации И.И. Коршевера помещена интересная характеристика А.М. Казанцева, где автор высказал свои впечатления от его выступления на данной конференции: «По внешним своим признакам он мог бы вполне быть воспринят как традиционный комсомольский лидер – вожак и трибун, энергия и воля. Но то, что он говорил, было настолько свежо и нетривиально, что обратило на себя внимание всего комсомольского актива. Казанцев рассматривал хозяйственную деятельность комсомола как путь к реализации обсуждавшихся изменений. Он говорил: ‘‘Вы хотите клубов? Где взять деньги на аренду помещения? Вы хотите спорта? А на что купить инвентарь? Вы хотите туризма? Заработайте на поход или на экскурсию. Ничего у нас не получится на скудном пайке обкомовского бюджета, да и друзей у нас там маловато. И вообще, не к лицу побираться молодым людям, обладающим квалификацией и энергией. Доведите ваши изделия и программы до товарного вида, продайте их заинтересованному заводу или НИИ – и мы решим две проблемы одновременно: проблему комсомола и проблему внедрения» [20. С. 131]. В последующем А.М. Казанцев стал инициатором создания научно-производственного объединения (НПО) «Факел», которое будет реализовывать эти принципы. По мнению И.И. Коршевера, эта комсомольская конференция Советского района стала первым толчком на пути создания «Факела», поскольку тогда инициаторы движения за «обновление комсомола» одержали на конференции организационную победу. Весь состав нового районного бюро райкома комсомола (В.Г. Костюк, С.П. Рожнова, А.М. Казанцев, Г.И. Аношин, И.Г. Яковкин, И.И. Коршевер и др.) был настроен по-реформаторски.

Результаты районной конференции комсомола Академгородка не могли не вызвать недовольства у вышестоящего руководства. 23–25 декабря состоялась городская конференция ВЛКСМ, которая характеризовалась накалом общественного противостояния. Ситуация приобрела дополнительную остроту в силу обозначившегося конфликта между обкомом ВЛКСМ, за которым стояли партийные органы, и горкомом комсомола. Выявляя корни конфликта, следует иметь в виду, что и раньше взаимоотношения обкома и горкома складывались не совсем гладко. По свидетельству Е.С. Шибанова, многие сотрудники аппарата горкома не считали за честь появляться в обкоме, называя это место «дурдомом» [21]. В какой-то степени горком обладал более подготовленными и образованными кадрами. В обкоме же сказывался некоторый кадровый дефицит, поскольку аппарат в значительной степени комплектовался выдвиженцами из райцентров области. Часто секретарями сельских райкомов становились люди без высшего или даже среднего образования.

В ходе городской комсомольской конференции согласно регламенту после отчетного доклада горкома ВЛКСМ должен был выступать первый секретарь горкома КПСС Н.К. Дыбенко, но случилась неожиданность – вне регламента, по требованию делегатов, слово было дано А.М. Казанцеву, который довел до более широкой публики те положения, которые обсуждались на районной конференции. В частности, он предложил существенно демократизировать комсомол – больше устраивать политических диспутов, которые провоцировали бы борьбу мнений. Секретарь горкома КПСС Н.К. Дыбенко, как и ожидалось, дал комсомольским новаторам резкую отповедь, сравнив их с троцкистами [22. Л. 126]. Но среди участников конференции у комсомольских реформаторов нашлись и горячие защитники. Одним из них был секретарь горкома комсомола А.Б. Слуцкий, который, по мнению С.П. Рожновой (тогда второго секретаря Советского райкома ВЛКСМ), был настолько воодушевлен опытом комсомола Советского района, что стремился распространить его на весь Новосибирск [2. С. 178–182]. Многие факты свидетельствуют, что А.Б. Слуцкий поддерживал идеи обновления комсомола, которые имели хождение в среде научной молодежи ННЦ. Еще будучи заведующим отделом обкома ВЛКСМ по работе со студенчеством, он часто приезжал в Академгородок, проводил социологические исследования, наладил хорошие отношения с местным райкомом комсомола. Накануне конференции А.Б. Слуцкий в защиту академгородковцев написал статью в «Комсомольскую правду» под названием: «Я против обыкновенных». Под «обыкновенными» А.Б. Слуцкий понимал тех комсомольцев, которые, в отличие от академгородковских, не проявляют самостоятельного мышления [23]. На конференции возникли жаркие прения по поводу его статьи. А.Б. Слуцкого обвинили в нетактичности, нескромности, незрелости и заигрывании с активом. По мнению В.Г. Костюка, снять А.Б. Слуцкого решили «по-хитрому», не на конференции, а на пленуме. Как вспоминал Е.С. Шибанов, за день до пленума он встречался с Н.К. Дыбенко, который предложил ему занять место А.Б. Слуцкого [18. С. 102]. Не исключено, что описанный «переворот» был инициирован не

только новосибирским партийным начальством, но и из Москвы, поскольку лидер ВЛКСМ С.П. Павлов был в это время одним из наиболее рьяных проводников консервативной линии.

25 декабря 1965 г. состоялся организационный пленум горкома ВЛКСМ, на котором было объявлено о снятии с должности А.Б. Слуцкого. Присутствовавшие в зале задавали вопросы, почему не рекомендуется А.Б. Слуцкий. Официальным ответом было то, что он сам написал заявление об уходе. Выступившая на пленуме представительница комсомола Академгородка Т.П. Аношина рассказала о своей беседе с сотрудником обкома о причинах отставки А.Б. Слуцкого, в ходе которой был приведен единственный довод, что секретарь горкома – еврей [24].

Л.А. Бокуть, ныне доктор физико-математических наук, профессор, тогда молодой сотрудник Института математики, вспоминал: «Костюк нас подготовил, что они хотят сбросить первого секретаря. Я на это клюнул и один вылез, и секретарь горкома партии говорит: “Мы предлагаем нового секретаря…” и я вылез и начал с ним спорить. Смертельный номер. Я настолько чувствовал себя независимым. Уже с места начали говорить: “Где партийная дисциплина!” После конференции меня спас А.И. Ширшов (доктор физико-математических наук, заместитель директора Института математики). Из горкома партии позвонили ему, сказали: “Кто такой ваш ученик? Оппозиционер-троцкист?”. Он мне дал хорошую характеристику. Меня даже через месяц приняли в партию и оставили в покое» [25]. С.П. Рожновой запомнилась символическая сцена, отразившая весь накал конфронтации: «В перерыве заседания пленума вокруг мятежного секретаря Советского райкома столпились другие комсомольские функционеры, которые, казалось, готовы были разорвать его в клочья» [2. С. 178–182].

После пленума делегаты от Академгородка написали жалобу в ЦК ВЛКСМ, после чего в Новосибирск приехала комиссия во главе с заместителем заведующего орготделом ЦК. На созванном совещании первый секретарь обкома КПСС Ф.С. Горячев осудил позицию подписантов – согласно его словам, никакого нарушения комсомольского устава не было, – при этом упрекнув первого секретаря Советского РК ВЛКСМ в беспартийности. В.Г. Костюк взял ответное слово: «Почему обком партии грязными методами решает комсомольские проблемы?» По его словам, «тут челюсть у всех отвалилась. Там было не принято так отвечать» [26]. Несмотря на конфликт, В.Г. Костюк и его команда смогли сохранить на некоторое время свои позиции в Академгородке.

В конце января 1966 г. в Новосибирск по инициативе С.П. Павлова была направлена новая комиссия ЦК ВЛКСМ во главе с В.Н. Ганичевым – заведующим отделом пропаганды и агитации. Комиссия выявила критическое отношение молодежи к действительности: «Иногда критичность перерастает в отрицательную оценку некоторых сторон общественно-политической жизни нашей страны, деятельности партии, положения дел в ВЛКСМ. Огромная концентрация ученых, значительная изолированность их от других социальных слоев советского народа не могут не способствовать созданию в Академгородке весьма специфической атмосферы: любое положение в области политики не принимается на веру без убедительных доказательств, может быть подвергнуто анализу и дискутированию. Ученые, особенно молодые, часто собираются на квартирах, в том числе у ряда крупных деятелей науки. На таких вечерах чаще всего обсуждаются политические проблемы» [2. С. 31–35].

Результаты обследования в виде письменного отчета были доложены С.П. Павловым в ЦК КПСС. Как отмечает И.С. Кузнецов, материалы такого рода окончательно определили позицию правящих кругов в отношении общественной жизни Академгородка. Правящие круги, или их наиболее консервативная часть, в целом «объявляли войну» Академгородку, что было связано с позицией не только С. П. Павлова, но и В.Н. Ганичева, который в последующие годы зарекомендовал себя как один из идеологов «русской партии». Позволительно предположить, что такого рода деятели смотрели на Академгородок как на «гнездо сионизма» [2]. М.С. Качан также указывал, что после того как письмо С.П. Павлова стало известно новосибирским идеологическим работникам, те сделали соответствующие выводы и стали больше обращать внимания на Академгородок: «Появилась черная метка, мы оказались “под колпаком”» [27].

Очевидно, среди интеллигенции Академгородка находил отражение полный спектр всех идейно-политических настроений: от умеренных до радикальных. Как утверждает М.С. Качан, в 1966 г. к нему пришел член-корреспондент Б.В. Войцеховский и предложил создать бригаду из молодых людей, которые ходили бы по магазинам и палками били бутылки с алкоголем. Он предлагал своих сотрудников и говорил, что они согласны [28]. Значительное влияние на умонастроения молодежи имела более либерально настроенная часть интеллигенции, формировавшаяся вокруг руководства клуба-кафе «Под интегралом», который имел существенное влияние и на райком ВЛКСМ, следствием чего стал тот факт, что его второй секретарь С.П. Рожнова оказалась в числе подписантов протестного «письма сорока шести» против приговора в отношении диссидентов в начале 1968 г.

В то же время нельзя не отметить, что некоторое распространение среди молодежи Академгородка в середине 1960-х гг. имели и националистические взгляды. Сюда стоит отнести имевшую место в марте 1966 г. антисемитскую акцию студентов НГУ, когда группа подвыпивших первокурсников мехмата вечером у своего общежития вылавливала студентов-евреев [4. С. 124]. В последующем данный случай явился предметом общественного осуждения в виде «суда над антисемитами». Известно, что уже позднее, в годы «перестройки», некоторые бывшие члены райкома комсомола и НПО «Факел» оказались активными участниками трезвеннического и национал-патриотического движений. Так, А.М. Казанцев стал руководителем общества «Память» в Академгородке. Конкретные примеры подобных умонастроений молодежи сложно уже реконструировать, поскольку они не находили конкретного

отражения в рамках официальной деятельности райкома ВЛКСМ, а также вряд ли разделялись значительной частью научной и студенческой молодежи СО АН.

Таким образом, в середине 1960-х гг., несмотря на структурную перестройку и ликвидацию комитета комсомола СО АН, представители молодой научной интеллигенции смогли сохранить доминирующие позиции в составе нового бюро Советского РК ВЛКСМ. Находясь на позиции умеренного, лояльного власти реформизма, они сформулировали предложения по демократизации общества. Позиция комсомольских «реформаторов» отражала доминирующую тенденцию в идеологической жизни Академгородка – стремление к продолжению реформ, обновлению общества, «социализму с человеческим лицом». «Эпоха Костюка», несмотря не ее непродолжительность (1965–1970) стала временем многих начинаний, в частности были реализованы многие новые формы трудового и экономического активизма. По инициативе райкома ВЛКСМ заработало НПО «Факел», благодаря чему комсомол района получил огромные ресурсы для финансирования своих клубов. Даже областное руководство было вынуждено поддерживать инициативы Академгородка, поскольку это давало ему определенное всесоюзное «паблисити». Свидетельством тому стало издание в 1966 г. под эгидой обкома комсомола сборника «Пресса о кафе-клубе “Под интегралом” (в помощь руководителям молодежных клубов)».

В тоже время партийно-государственные органы совершенно не желали различать в комсомоле вполне лояльные режиму «обновленческие» стремления и желания тех, кто занимал откровенно антисистемную, диссидентскую позицию. В результате усиливалось стремление «поставить на место» не в меру активных комсомольцев Академгородка. Партийное руководство раздражала излишняя финансовая самостоятельность, позволявшая оплачивать членам Советского райкома ВЛКСМ поездки по городам СССР и за границу. В докладной справке инструктора обкома КПСС за 1968 г. отмечалось, что райком комсомола из политической организации молодежи постепенно превратился в хозяйственную и потерял «чувство политической оценки событий» [29 Л. 8]. Важным «сдерживающим фактором» в отношении Академгородка долгое время оставался сам М.А. Лаврентьев, поэтому даже при условии организационного упразднения парткома и комитета ВЛКСМ СО АН в общественной жизни Академгородка вплоть до конца 1960-х гг. продолжала ощущаться свобода в реализации многих социальных экспериментов и начинаний молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.) : в 2-х ч. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. Ч. 1. 243 с.; 2003. Ч. 2. 246 с.
2. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Новосибирск : Клио, 2007. 332 с.
3. Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья первая // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29), т. 1. С. 136–156.
4. Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья вторая // Идеи и идеалы. 2016. № 4 (30), т. 1. С. 109–134.
5. Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 1960-х – середина 1980-х гг. XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009. 357 с.
6. Власова Т.А. Состав комсомольских организаций и стиль внутрисоюзной деятельности в 1960-е годы. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2018. 240 с.
7. Власова Т.А., Слезин А.А. Особенности формирования состава комсомола в 1960-е годы. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23653 (дата обращения: 12.08.2020).
8. Розовский М.Г. «Поймали птичку голосисту» // Культура. 2009. № 3.
9. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения : очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 1: Эпоха Хрущева. 619 с.; Кн. 2: Эпоха Брежнева. 448 с.
10. Площадь Маяковского: 1958–1965. URL: http://www.memo.ru (дата обращения: 12.08.2020).
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-308. Оп. 1. Д. 13.
12. Николаев С.М. Интервью в Новосибирске 19.11.2008 // Личный архив Д.И. Муренко.
13. ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 136.
14. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–65.
15. Пухначев В.В. Интервью в Новосибирске 13.02.2020 // Личный архив Д.И. Муренко.
16. Качан М.С. Последняя конференция комсомола СО АН. URL: https://proza.ru/2017/03/13/439 (дата обращения: 17.08.2020).
17. Качан М.С. Партком СОАН упразднили, а ОКП остался. URL: https://proza.ru/2017/03/13/456 (дата обращения: 17.08.2020).
18. Шибанов Е.С. Листая памяти страницы… Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2004. 281 с.
19. ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 143.
20. Коршевер И.И. От «города Солнца» к «городу Зеро» // И забыть по-прежнему нельзя… Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2007. С. 127–135.
21. Шибанов Е.С. Интервью в Новосибирске 20.01.2009 // Личный архив Д.И. Муренко.
22. ГАНО. Ф. П-198. Оп. 4. Д. 2.
23. Слуцкий А.Б. Я против обыкновенных // Комсомольская правда. 1965. 17 дек.
24. Рожнова С.П. Интервью в Новосибирске 31.01.2020 // Личный архив Д. И. Муренко.
25. Бокуть Л.А. Интервью в Новосибирске 24.01.2020 // Личный архив Д. И. Муренко.
26. Костюк В.Г. Интервью в Новосибирске 14.10.2008 // Личный архив Д.И. Муренко.
27. Качан М.С. Академгородок 1966. Пост 37. Под колпаком. URL: https://academgorodock.livejournal.com/81881.html (дата обращения: 17.08.2020).
28. Качан М.С. Академгородок, 1964. Кофейно-кибернетический клуб. Некоторые его участники. URL: https://academgorodock.livejournal.com/42845.html (дата обращения: 17.08.2020).
29. ГАНО. Ф. П. 4. Оп. 68. Д. 68.

Denis I. Murenko, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denismurenko@yandex.ru

WORLDVIEW SEARCH FOR REFORMING THE KOMSOMOL ACTIVITIES BY THE YOUTH OF THE NOVOSIBIRSK ACADEMGORODOK IN THE MID-1960s

Keywords: youth; free-thinking; activism; intelligentsia; Komsomol; scientism.

Recently, the socio-political aspect of Novosibirsk Academgorodok history in the 1960s has attracted more and more interest. On the one hand, this period is interesting as a stage in the formation of a new science center, on the other hand, as a stage of the greatest public activity, the study of which is the key to comprehending the phenomenon of the sixties as a whole. One particular feature of Akademgorodok was its democratic social environment, partly explained by the high level of its resident's education and the patronage of the Siberian Branch administration, which tried to maintain the image of the "City of the Sun" to attract the best scientific minds of the Soviet Union. The dominant role in the life of the scientific center belonged to the scientific intelligentsia, which considered itself a special caste and was in the position of scientism and belief in the possibility of building socialism "with a human face." This factor determined the peculiarity of the activities of the Komsomol organization of Akademgorodok. The goal of the study is to identify the main ideological and philosophical trends and ways of their implementation in the work of the Komsomol organization of Akademgorodok. In addition to archive data, the article uses materials from oral history. Interviews were recorded with some of the participants in those events. Khrushchev's "thaw" led to philosophical shifts in the mentality of the youth of Akademgorodok, most noticeable in the mid-1960s. This led to public discussions and demands for specific reforms of the Komsomol. In 1964-1965, Komsomol meetings were held in many institutes of the scientific center, discussing important question, - "Why do we need the Komsomol?" In some organizations, this wording meant the search for new forms of work, in others, this issue led to the decision to dissolve the Komsomol. The youth of Akademgorodok suggested giving more independence to the Komsomol, relieving it of the control and patronage of the Communist Party. The demand for greater democratization of the Komsomol and the revision of a number of provisions of its charter led to the political crisis in December 1965, marked by the confrontation between the Komsomol activists of Akademgorodok and regional and city party bodies. The party leadership responded with repressive measures: the Komsomol committee of the Siberian branch, which united scientific youth, was dissolved. Anatoly Slutsky, the first secretary of the city Komsomol committee and an ardent supporter of the Komsomol activists of Akademgorodok, was removed from his position. Despite that, representatives of the young scientific intelligentsia were able to maintain their main positions in the leadership of the Komsomol of the Soviet district. As a result, many new forms of work and economic activism have been implemented. The scientific association "Fakel" was created at the initiative of the youth of Akademgorodok, which allowed the Komsomol to obtain huge financial resources to support its clubs.

REFERENCES

1. Borzenkov, A.G. (2002) *Molodezh' i politika: vozmozhnosti i predely studencheskoy samostoyatel'nosti na vostoke Rossii (1961–1991 gg.)* [Youth and Politics: Opportunities and Limits of Student Independence in the East of Russia (1961–1991)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Kuznetsov, I.S. (2007) *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti"* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "The Letter of Forty-Six"]. Novosibirsk: Klio.
3. Zhezhko-Braun, I.V. (2016a) NGU: to the history of the student movement in 1960s, part I. *Idei i ideally – Ideas and Ideals*. 3(1). pp. 136–156. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-136-156
4. Zhezhko-Braun, I.V. (2016b) NGU: to the history of the student movement in 1960s, part 2. *Idei i ideally – Ideas and Ideals*. 4(1). pp. 109–134. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-109-134.
5. Nikonova, S.I. (2009) *Gosudarstvennaya politika v oblasti ideologii i kul'tury v kontekste sovetskoy deystvitel'nosti (seredina 1960-kh – seredina 1980-kh gg. XX v.)* [State policy in the spheres of ideology and culture in the context of Soviet reality (mid-1960s – mid-1980s)]. Abstract of History Dr. Diss. Kazan.
6. Vlasova, T.A. (2018) *Sostav komsomol'skikh organizatsiy i stil' vnutrisoyuznoy deyatel'nosti v 1960-e gody* [The composition of the Komsomol organizations and the style of intra-union activity in the 1960s]. History Cand. Diss. Tambov.
7. Vlasova, T.A. & Slezin, A.A. (1960) *Osobennosti formirovaniya sostava komsomola v 1960-e gody* [Specificity of the formation of the Komsomol in the 1960s]. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article. php?id=23653 (Accessed: 12th August 2020).
8. Rozovsky, M.G. (2009) "Poymali ptichku golosistu" ["We caught a bird of voice"]. *Kul'tura*. 3.
9. Grushin, B.A. (2003) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya: ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina* [Four Russian Lives in the Mirror of Public Opinion Polls: Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin]. Vol. 1-2. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Polikovaskaya, L.V. (1997) *"My predchuvstvie, predtecha...". Ploshchad' Mayakovskogo: 1958–1965* [We are forerunners… The Mayakovsky Square: 1958–1965]. [Online] Available from: http://www.memo.ru (Accessed: 12th August 2020).
11. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-308. List 1. File 13.
12. Nikolaev, S.M. (2008) *Interv'yu v Novosibirske 19.11.2008* [Interview in Novosibirsk. November 19, 2008]. D.I. Murenko's Personal Archive.
13. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-308. List 1. File 136.
14. Vodichev, E.G. & Kupershtokh, N.A. (2001) Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody [The formation of the ethos of the Novosibirsk Academgorodok academic community, 1960s]. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 41–65.
15. Pukhnachev, V.V. (2020) *Interv'yu v Novosibirske 13.02.2020* [Interview in Novosibirsk, February 13, 2020]. D.I. Murenko's Personal Archive.
16. Kachan, M.S. (2017a) *Poslednyaya konferentsiya komsomola SO AN* [The last Komsomol conference of the Siberian Branch of the Academy of Sciences]. [Online] Available from: https://proza.ru/2017/03/13/439 (Accessed: 17th August 2020).
17. Kachan, M.S. (2017b) *Partkom SOAN uprazdnili, a OKP ostalsya* [The SB RAS party committee was abolished, but the OKR remained]. [Online] Available from: https://proza.ru/2017/03/13/456 (Accessed: 17th August 2020).
18. Shibanov, E.S. (2004) *Listaya pamyati stranitsy…* [Leafing through the memory pages …]. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
19. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-308. List 1. File 143.
20. Korshever, I.I. (2007) Ot "goroda Solntsa" k "gorodu Zero" [From the "city of the Sun" to the "city of Zero"]. In: Pritvits, N.A., Rozhnova, S.P. & Verkhovskaya, E.N. (eds) *I zabyt' po-prezhnemu nel'zya…* [And it is still impossible to forget]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 127–135.
21. Shibanov, E.S. (2009) *Interv'yu v Novosibirske 20.01.2009* [Interview in Novosibirsk, Janaury 20, 2009]. D.I. Murenko's Personal Archive.
22. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-198. List 4. File 2.
23. Slutskiy, A.B. (1965) Ya protiv obyknovennykh [I am against the ordinary]. *Komsomol'skaya pravda*. 17th December.
24. Rozhnova, S.P. (2020) *Interv'yu v Novosibirske 31.01.2020* [Interview in Novosibirsk, January 31, 2020]. D.I. Murenko's Personal Archive.
25. Bokut, L.A. (2020) *Interv'yu v Novosibirske 24.01.2020* [Interview in Novosibirsk, January 24, 2020]. D.I. Murenko's Personal Archive.
26. Kostyuk, V.G. (2008) *Interv'yu v Novosibirske 14.10.2008* [Interview in Novosibirsk, October 14, 2008]. D.I. Murenko's Personal Archive.
27. Kachan, M.S. (2012) *Akademgorodok 1966. Post 37. Pod kolpakom* [Akademgorodok 1966. Post 37. Under the hood]. [Online] Available from: https://academgorodock.livejournal.com/81881.html (Accessed: 17th August 2020).
28. Kachan, M.S. (n.d.) *Akademgorodok, 1964. Kofeyno-kiberneticheskiy klub. Nekotorye ego uchastniki* [Akademgorodok, 1964. Coffee and cybernetic club. Some of its participants]. [Online] Available from: https://academgorodock.livejournal.com/ 42845.html (Accessed: 17.08.2020).
29. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P. 4. List 68. File 68.

УДК 9(947+957)
DOI: 10.17223/19988613/71/5

О.Н. Науменко, Е.А. Науменко

ДВОРЯНЕ МАЛОРОССИИ НА СИБИРСКОЙ КАТОРГЕ В НАЧАЛЕ XIX в.: К ВОПРОСУ О НАСТОЯЩЕМ И МНИМОМ СЕПАРАТИЗМЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках научного проекта № 19-49-890002.

На основе архивных материалов рассматривается положение каторжан дворянского происхождения из Малороссии, находившихся в учреждениях сибирской пенитенциарной системы при Александре I и осужденных по сфабрикованным уголовным делам для незаконного изъятия их имений со стороны коррумпированных представителей российской наместнической власти. Характеризуются особенности содержания и правовой статус арестантов, их попытки восстановить справедливость, а также вмешательство императора в решение этого вопроса.
Ключевые слова: Малороссия; пенитенциарная система; Сибирь; тюрьма; каторга.

Современные отношения России и Украины, проявляющиеся в целом спектре явлений – от культурно-духовных противоречий до политических проблем и взаимных экономических санкций, отразившихся даже на состоянии сырьевых рынков [1], продолжают заходить в тупик. Корни этого процесса имеют исторические предпосылки, в том числе связанные с законностью и механизмом применения к населению Малороссии сибирской каторги и ссылки: некоторые истории прошлых веков умело используются политиками для осложнения отношений между народами. Между тем сибирские архивы зафиксировали факты сложнейших процессов, действительно способных оттолкнуть население Малороссии от России. Анализ ряда историй является достаточно убедительным для понимания некоторых глубинных причин политического разрыва, так как отдельные коррумпированные представители российских наместнических властей в Малороссии создали для этого почву.

Проблема уголовного наказания представителей Малороссии по основаниям сепаратизма пока не стала предметом отдельного научного исследования, также отсутствуют специальные работы по условиям их содержания в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири. В статьях К.Д. Гусева [2], С.И. Дегтярева [3], Н.И. Краснякова [4], Р.В. Устинова [5], С.В. Кодана и С.А. Февралёва [6] и ряда иных авторов рассмотрено становление системы управления и нормативной базы Малороссии в условиях Российской империи с акцентом на плодотворную работу Министерства юстиции, однако механизм реализации законодательных предписаний, в том числе в условиях коррумпированности местной власти, не рассмотрен, в том время как коррупция коренным образом меняет ситуацию в сфере применения права. В то же время не только украинскими, но и российскими исследователями замечены факты сепаратизма Малороссии, участие ее жителей в антироссийских восстаниях, протесты против российской государственной власти [7–9 и др.]. Документы Тобольского архива зафиксировали интересные уголовные дела, иллюстрирующие причины таких протестов и позволяющие глубже понять корни российско-украинских противоречий в настоящее время.

В XIX в. идеологическую основу Российского государства составляла «Теория официальной народности», провозглашенная в 1832 г., но имеющая глубокие исторические корни в духовной культуре общества; официальная идеология лишь формализовала уже действовавшие основания Российской государственности. Для сохранения и укрепления трех ее незыблемых компонентов – самодержавия, православия и народности – немаловажное значение отводилось пенитенциарной системе: наиболее значимыми преступлениями считались деяния против церкви, государства и личности. Отдельным направлением во внутренней политике России было стремление сохранить имперское влияние на национальные окраины, так как территориальное и политическое единство страны было основой стабильности православия и самодержавия. Проблема сепаратизма стала актуальной в первой половине XIX в., когда в состав Российской империи вошли бессарабские, кавказские, польские, среднеазиатские, финские и другие земли.

Пенитенциарная система Сибири состояла из разветвленной сети учреждений, предназначенных для отбывания тюремного заключения, каторги и ссылки; кроме уголовных преступников, она предназначалась для представителей всех национальных окраин России: регион принимал сепаратистов с Кавказа и из Средней Азии, Прибалтики, Малороссии, Польши и других регионов. Как правило, они прибывали в Сибирь с приговорами «за участие в бунте и за измену». В частности, в 1811 г. среди таких ссыльных была группа княжеской элиты Кавказа, в 1812 г. – 33 грузинских царевича, участники Кахетинского восстания, в 1814 г. – 4 астраханских хана и др. [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 671. Л. 5–7, 25]. Среди ссыльных сепаратистов встречались представители западных регионов Российской империи,

населенных славянами: с территории Западного Края (Виленская, Волынская, Гродненская, Ковенская губернии), Малороссии (Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская губернии), Западной части Белоруссии, Бессарабии и Польши. Для большинства из них русский язык являлся родным, хотя присутствовал и местный диалект. Как правило, они принадлежали к православному или греко-католическому вероисповеданию. Для многих из них была характерна потеря русских фамилий, что свидетельствует о некоторой аккультурации в условиях Запада.

Положение этой группы ссыльных в условиях сибирской пенитенциарной системы отличалось некоторыми особенностями. Прежде всего, из российской идеологии следовало, что русское население западных регионов империи не может выступать против центральной власти с сепаратистскими настроениями, а православный характер государства не позволял вести с ними открытую борьбу. Чтобы скрыть действительные причины гонений, замеченные в сепаратизме нередко высылались в Сибирь по ложным уголовным приговорам. Кроме этого, встречались случаи настоящего произвола по отношению к ним со стороны российских наместнических властей, примером чего является следующее дело.

В 1806 г. из Малороссии в Тобольский тюремный острог поступил «секретный» арестант Михайло Любич-Побож православного вероисповедания, в совершенстве владеющий русским языком. Тюремной охране было приказано, чтобы «ни под каким предлогом к содержащемуся в остроге Любичу-Побоже из сторонних людей никто не приходил, и не имел бы он с прочими колодниками сообщений» [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 528. Л. 3]. Любич был тайно привезен в Тобольск и помещен отдельно от других арестантов; официально он значился опасным уголовным преступником, а список его преступлений насчитывал серию грабежей и насилий. Он прошел Нерчинскую каторгу, Иркутскую и Якутскую ссылку, которая была прервана помещением в Тобольский тюремный острог для начала следствия по новому делу.

Находясь на каторге и в ссылке, Михайло Любич называл себя дворянином Малороссии, у которого российские наместнические власти незаконно отобрали имение стоимостью 5 тыс. руб., таким способом спровоцировав его на возмущение против российской власти. Любич был арестован, на основе сомнительных доказательств обвинен в тяжких уголовных преступлениях и, лишенный дворянского звания, отправлен на каторгу в Сибирь. Находясь на поселении в Иркутской губернии, он начал протестовать, когда «губернатор Иркутска хотел сделать его хлебопашцем», и требовал установления истины и наказания виновных в его злоключениях» [Там же. Л. 4]. В Тобольск Любича доставили для того, чтобы с применением пытки выяснить обстоятельства рассказанной им истории, однако и под пыткой он был непоколебим в своих утверждениях. Будучи хорошо образованным человеком, он писал в вышестоящие инстанции о служебных злоупотреблениях в Сибири, но эти сведения признавались ложными; по своему делу обращался к министру юстиции князю Лопухину, но просьбу «соизволили оставить без участия»; с разрешения губернского правления написал императору, однако его прошение не дошло до адресата, так как не было переправлено на почту из стен тюрьмы. В результате Михайло Любич, мотивируя тем, что он не преступник и не колодник, а дворянин, отказался получать назначенные ему 2 коп. в день и объявил голодовку» [Там же. Л. 5].

Лишь после актов сопротивления Тобольские губернские власти сделали запрос в Черниговское наместническое правление (которое Любич и обвинял в злоупотреблениях) о дворянском звании арестанта и незаконном лишении его имения, но подтверждения, естественно, не получили. Несмотря на это, «секретному» арестанту были увеличены кормовые деньги с 2 до 5 коп. в сутки, что означало фактическое признание его дворянского происхождения. Он получил разрешение заниматься починкой часов и, оказавшись хорошим мастером, имел дополнительный заработок. Помимо этого, ему предоставили эксклюзивное право принимать в своей «секретной камере» гостей, и его регулярно навещали две тоболячки, принося домашнюю еду и деньги за ремонт часов, а также «задерживаясь в гостях за чашкой чая на насколько часов» [Там же. Л. 12]. На этом послабления закончились, и пересматривать дело М. Любича никто не собирался.

История «секретного арестанта» получила продолжение в уголовном процессе над другим заключенным: в 1807 г. Любич организовал побег еще одной жертве российских наместнических властей в Малороссии, дворянину Андрею Алымову, осужденному по подобному делу, также потерявшему свое имение и титул и отправленному на каторгу в Иркутскую губернию. Как и Любич, он писал о совершившемся беззаконии во все инстанции, но не получал ответа, поэтому решился на побег в Санкт-Петербург, надеясь на прием у императора. В г. Шадринске Пермской губернии А. Алымов был схвачен и «по мучительным расспросам» (то есть под пыткой) признался, что является беглым каторжником, после чего был наказан плетьми и отправлен на место отбывания каторги. Однако, следуя в Иркутск, он опять попытался сбежать и для выяснения обстоятельств дела был помещен в «секретную» камеру Тобольского тюремного острога» [Там же. Л. 26].

Как убедился М. Любич, в условиях сибирской каторги законные способы поиска правды являлись неэффективными, поэтому при помощи тоболячек он раздобыл для А. Алымова фиктивный паспорт, смог обмануть охранника и обеспечил другу очередной, на этот раз успешный, побег в Санкт-Петербург. А. Алымов был принят Александром I; после разбирательства пострадавшим были возвращены титулы и имения, а местные чиновники оказались в сложном положении, пытаясь оправдаться перед центральной властью за бездействие в защите прав русских дворян, незаконно приговоренных к каторге» [Там же. Л. 29]. Началась ревизия деятельности Тобольских губернских учреждений; впоследствии М.М. Сперанский, став очередным ревизором работы сибирских чиновников

и посетив Иркутскую губернию, где отбывали каторгу М. Любич-Побож и А. Алымов, изрек свою знаменитую фразу: «Если в Тобольске я отдал бы всех под суд… то здесь оставалось бы их только повесить» [11].

Несмотря на благополучное завершение дела, жизнь двух дворян из Малороссии была в корне изменена: в Сибири они испытали на себе инквизиционный характер сибирских тюрем начала XIX в., забыть который было невозможно. Обращает на себя внимание несколько особенностей содержания арестантов в Сибири.

Во-первых, для получения признания в тюрьмах применялись пытки, официально запрещенные в 1801 г., но практиковавшиеся до середины XIX в. [12. С. 64]. Оба «секретных» арестанта – М. Любич-Побож и А. Алымов – были подвергнуты этой экзекуции согласно общему правилу: пытка проводилась трижды; если арестант выдерживал, то признавался невиновным. Как показывает история М. Любича, выдержавшего пытку, его не освободили, а лишь «оставили в подозрении». Таким образом, для осужденного арестанта не было смысла в этой экзекуции, так как в его положении ничего не менялось. Выдерживать мучения имело смысл лишь для подследственных. В частности, в 1801–1911 гг. на территории Западной Сибири было совершено 47 убийств, и виновные были установлены только в 11 случаях, – это сознавшиеся в преступлении под пыткой. Остальные были оставлены «в подозрении», что означало новое привлечение суду через какое-то время, но давало временную передышку [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 301. С. 1–112]. В 1819 г. Томская администрация отмечала, что поступает множество жалоб на местного городничего, который для признания вины истязал подозреваемых по ночам. Не выдержав пыток, один из подследственных пытался покончить жизнь самоубийством [13. Ф. 2. Оп. 1. Д. 357. Л. 1].

Во-вторых, А. Алымов после неудачного побега по решению суда был подвергнут телесному наказанию плетьми. Сохранилось свидетельство очевидца, что кнут – «это мучительное орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, мечет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение, лютейшее из всех других известных, ибо все другие, сколь бы болезненными они ни были, всегда бывают менее продолжительными, тогда как для двадцати ударов кнутом потребен целый час, и когда известно, что при многочислии ударов мучение несчастного преступника, иногда невинного, продолжается от восходящего до заходящего солнца» [14. С. 88]. Кнут имел несколько концов: в Тобольске обычно заготавливалось восемь ремней, но существовали кнуты с 16 концами, на которые прикреплялись куски металла, раздирающие тело [10. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 2]. В начале XIX в. в судебных приговорах не указывалось число ударов, и палач определял их произвольно, ориентируясь на выживаемость осужденного [Там же. Д. 616. Л. 2]. Иногда жертва умирала, и приговор к наказанию плетьми завуалировано означал смертную казнь. Наказание проводилось публично и имело целью устрашение. 24 января 1924 г. Государственный Совет постановил: «Если преступление совершено в разных городах, то для наказания выбирать тот город, который многолюднее прочих» [Там же. Л. 12]. До введения в 1846 г. «кобылки» – специального приспособления для фиксирования осужденного – при наказании плетьми его держали местные жители [Там же. Л. 2].

В-третьих, в документах на М. Любича и А. Алымова ничего не сказано об их клеймении, но это проводилось автоматически по уголовным статьям, к которым они были приговорены. Вариантов клеймения было множество, иногда клейма ставились на лице, но в случае с дворянами из Малороссии более вероятным было выжигание букв «Б» или «СК». Такие клейма («знаки бесчестия») ставились на правой руке ниже локтя и означали «беглый» и «ссыльный каторжник» [Там же. Д. 647. Л. 125].

В-четвертых, статус «секретных» арестантов предполагал ряд ограничений, не применявшихся к обычным узникам. В рассматриваемый период в «секретных» камерах по решению суда практиковалось приковывание арестантов к стене на 5 и 10 лет, после чего они переводились на пожизненное заключение с «вечным ношением ножных кандалов» [Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 9. Л. 82]. Помимо иных тяжких преступлений, это наказание применялось за побег с каторги, что осуществил А. Алымов. Длина и тяжесть цепи, а также иные условия содержания «цепных» произвольно определялись администрацией тюрем, так как отсутствовала нормативная документация. Только в середине XIX в. Сенат вынес решение, уточняющее и смягчающее применение данного вида наказания: «Железные кольца, на которых крепится цепь, вделывать в стене близ самого пола, дабы цепи, идущие от них, не тяготили собой преступников. К сиим кольцам прикреплять цепь длинною в три аршина, звенья цепи должны быть такой же толщины, как в ножных кандалах, а обруч, налагаемый на преступника, обшит кожей» [Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 252. Л. 75]. Цепь крепилась к ноге арестанта, а тюремное начальство получило право переносить ее в случае необходимости на другую ногу. Нередко на прикованных надевали «лису» – железный лист весом 1,5 пуда. «Лиса» крепилась к рукам, чтобы «цепной» не мог передвигаться по своей камере [15. С. 215].

Прикованные к стене получали только нижнее белье и более скудную пищу: в сутки 2,5 фунта хлеба и воду, поэтому их содержание обходилось дешевле. Одежда им была не нужна, так как в течение нескольких лет их не выводили на прогулку. Им могли отказать в исповеди и причастии, а в случае форс-мажорных обстоятельств у них не было шанса спастись: например, в 1847 г. все «цепные» погибли при пожаре в одном из деревянных острогов Томской губернии [13. Ф. 15. Оп. 1. Д. 36. Л. 14].

Клеймение и «посажение на цепь» в Сибири не применялись в отношении узников из привилегированных сословий, но относительно М. Любича и А. Алымова закон был нарушен: из Малороссии не поступило документов об их дворянском происхождении, а на запрос из Тобольска пришел подложный ответ. Поэтому формально на арестантов должны были распространяться общие правила. Кроме рассмотренных условий,

ссыльные дворяне могли следовать в Сибирь на подводах (осужденные из непривилегированных сословий двигались пешком). Однако от происхождения не зависели вид и тяжесть кандалов и другие формы сковывания каторжан.

До 1820-х гг. во избежание побегов арестантов приковывали к тяжелым деревянным колодам весом 1,5 пуда; колодки также надевались на шею, руки и ноги. На время пути в Сибирь, а также при отбывании каторги на осужденных надевали ножные и ручные кандалы. В начале XIX в. фиксированный вес кандалов отсутствовал, существовали только рекомендации и сложившаяся практика. Только в 1822 г. Александр I издал указ, согласно которому законодательно определялся вес кандалов: не менее 5 и не более 5,5 фунтов, при этом женщины освобождались от ножных кандалов, а дети – от всех [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 780. Л. 40].

Рассмотренные истории М. Любича и А. Алымова стали известны лишь по причине участия в их судьбах российского императора. Остальные невинно пострадавшие или настоящие сепаратисты, прибывавшие в Сибирь преимущественно с поляками, надолго оставались в сибирских тюрьмах. После отбывания каторги или тюремного срока они переводились на поселение, приписываясь к крестьянскому сословию и пытаясь адаптироваться к новой для себя жизни. Не удивительно, что после прохождения всех «кругов ада» сибирской пенитенциарной системы они становились значительно большими сепаратистами, чем были когда-то на родине.

Судьбы других ссыльных из западных регионов Российской империи сложились по-разному. Участники польских восстаний как политические ссыльные через несколько лет вернулись домой, а осужденные по уголовным статьям остались в Сибири навсегда и были ассимилированы местным населением. Часть ссыльных испытывала на себе политику «подавления» [16] или «исправления» [17, 18], но во всех случаях речь шла о сложной и неповоротливой государственной системе, неспособной урегулировать возникавшие противоречия. Таким образом, пенитенциарная политика России отталкивала от государства и общества определенную часть славянского населения, проживавшего в национальных окраинах страны. Их незащищенность перед коррумпированной властью, встречавшейся как в Малороссии, так и в Сибири, приводила к разочарованию и изменению их государственных ориентиров, что не могло не отразиться на последующих отношениях России с Украиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bogomolova L.L. Development of the Government Support for Import Substitution in Small and Medium Enterprises of Northern regions // Polish Journal of Management Studies. Serially publication of Faculty of Management, Czestochowa University of Technology. 2016. Vol. 13, № 2. P. 2–18.
2. Гусев К.Д. Малороссия: проблемные вопросы от начальной истории до 1654 г. // Голос минувшего : кубанский исторический журнал. 2015. № 3-4. С. 14–25.
3. Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в. // Русин. 2014. № 1 (35). С. 91–104.
4. Красняков Н.И. Динамика административно-территориального автономизма Малороссии в государственном управлении Российской империи (середина XVII – середина XVIII века) // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 1. С. 18–28.
5. Устинов Р.В. Деятельность Министерства юстиции Российской империи по обустройству и развитию территории Малороссии и Новороссии (в начале – середине XIX в.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66). С. 171–177.
6. Кодан С.В., Февралёв С.А. Состояние, развитие и унификация местного права Малороссии и западных губерний (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 5. С. 268–295.
7. Terliuk I. Formation and Development of the Native Political and Legal Thought Conception of Ukraine as Malorussia (the Origins of Russian Imperial Ideology) // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Сер. Юридические науки. 2014. № 782 (1). С. 141–146.
8. Ананьев С.В. Украинский аспект польского восстания 1863 года: забытые уроки прошлого // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1 (76). С. 150–154.
9. Naumenko E.A. The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia // Былые годы : российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1158–1163.
10. Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.
11. Ревизия Сперанского в Сибири // Новая университетская жизнь. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502 (дата обращения: 24.06.2016).
12. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 1999. 304 с.
13. Государственный архив Омской области.
14. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1951. Т. 1. 357 с.
15. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб. : Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. 377 с.
16. Sungurov P.A. Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early XX century // HISTORIA 396. 2018. № 1. P. 261–276.
17. Науменко О.Н., Науменко Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 198–208.
18. Naumenko O.N. The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4) С. 1087–1093.

Olga N. Naumenko, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian federation). E-mail: oolgann@mail.ru
Evgeniy A. Naumenko, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian federation). E-mail: hea2004@mail.ru

THE NOBLES OF MALOROSSIA IN THE SIBERIAN PENAL SERVITUDE AT THE BEGINNING OF XIX CENTURY: THE QUESTION OF THE PRESENT AND IMAGINARY SEPARATISM

Keywords: Malorossia; penitentiary system; Siberia; prison; penal servitude.

The purpose of the study is to examine the causes, conditions and consequences of serving a penal servitude of nobles of the Malorossia in the conditions of strengthening of the Russian vicegerent of power at the beginning of XIX century. Sources of research are the materials Tyumen (in Tobolsk) and Omsk State archives. The relevance of the topic is the problem of relations between Russia and Ukraine at the present time; this problem has historical background. At the beginning of the XIX century the new territories became part of the Russian Empire. Part of the population of these territories (mostly privileged classes) did not agree to submit to the Russian authorities.

The government began to actively use Siberian penal servitude and exile to punish separatism. Law enforcement agencies arrested and sent many representatives of the privileged classes to Siberia: they were Georgian princes, Astrakhan khans, Polish nobles and others. Some of the exiles came to Siberia from the Ukraine (Malorossia). The history of two such convicts of noble origin is considered in the article; these exiles served a criminal sentence on false criminal sentences. Local authorities considered them dangerous criminals, the list of their crimes included a lot of robberies and violence according to official documents. They served a long term in prisons in Nerchinsk, Tobolsk, Irkutsk and Yakut exile. However, these nobles were not separatists or criminals in reality, in different years the court sentenced these nobles to hard labor for crimes they did not commit. The reason for such sentences was the desire of corrupt Russian officials to take away land and houses from the nobles of Malorossia. Officials accused them of separatism or criminal offenses, sent to Siberia and appropriated their manors. In Siberia, the fate of such exiles developed tragically, they had no opportunity to prove their innocence. After the hard labor of such prisoners, who was exiled, the terms of reference was life, contacts with relatives and friends were torn apart. Attempts of escapes came to an end with new punishment, including tortures, branding, chaining to a wall on a chain, etc. Exiled nobles were educated people and knew the legislation. They wrote complaints to the Russian Emperor, but the letters did not reach the Tsar from Siberian prisons, as the prison administration was on the side of Russian officials of Malorossia. Exiled nobles were able to change the situation only by a successful escape, when one of them was able to get to St.-Petersburg and got to the reception to the Emperor Alexander I. The Tsar intervened in the situation and the nobles were acquitted and got their estates back. However, this story became known thanks to the help of the Emperor, and the number of other such cases is unknown. Such stories characterize the methods of the Russian punitive system and corrupt authorities. They became one of the reasons of the real separatism.

REFERENCES

1. Bogomolova, L.L. (2016) Development of the Government Support for Import Substitution in Small and Medium Enterprises of Northern regions. *Polish Journal of Management Studies.* 13(2). pp. 2–18. DOI: 10.17512/pjms.2016.13.2.02
2. Gusev, K.D. (2015) Malorossiya: problemnye voprosy ot nachal'noy istorii do 1654 g. [Little Russia: issues from the early history to 1654]. *Golos minuvshego: kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. 3-4. pp. 14–25.
3. Degtyarev, S.I. (2014) Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late 18th – first third of the 19th century. *Rusin*. 1(35). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/8
4. Krasnyakov, N.I. (2018) Dinamika administrativno-territorial'nogo avtonomizma Malorossii v gosudarstvennom upravlenii Rossiyskoy imperii (seredina XVII – seredina XVIII veka) [Dynamics of the administrative-territorial autonomy of Little Russia in the state administration of the Russian Empire (mid-17th – mid-18th century)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 14(1). pp. 18–28. DOI: 10.25205/2542-0410-2018-14-1-18-28
5. Ustinov, R.V. (2015) Deyatel'nost' Ministerstva yustitsii Rossiyskoy imperii po obustroystvu i razvitiyu territorii Malorossii i Novorossii (v nachale – seredine XIX v.) [Activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the arrangement and development of the territory of Little Russia and Novorossia (in the early – mid-19th century)]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN – News of the Kabardin-Balkar scientific center of RAS*. 4(66). pp. 171–177.
6. Kodan, S.V. & Fevralev, S.A. (2013) Sostoyanie, razvitie i unifikatsiya mestnogo prava Malorossii i zapadnykh guberniy (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XIX vv.) [State, development and unification of local law in Little Russia and the western provinces (second half of the 17th – first half of the 19th centuries)]. *NB: voprosy prava i politiki*. 5. pp. 268–295.
7. Terliuk, I. (2014) Formation and Development of the Native Political and Legal Thought Conception of Ukraine as Malorussia (the Origins of Russian Imperial Ideology). *Vestnik Natsional'nogo universiteta "L'vovskaya politekhnika". Ser. Yuridicheskie nauki*. 782(1). pp. 141–146.
8. Ananiev, S.V. (2014) Ukrainian aspect in the Polish Uprising in 1863: Forgotten lesson of the past. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3(76). pp. 150–154. (In Russian).
9. Naumenko, E.A. (2016) The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia. *Bylye gody: rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 42(4). pp. 1158–1163. (In Russian).
10. The Tyumen Region State Archives in Tobolsk.
11. Gergilev, D.N. (n.d.) *Reviziya Speranskogo v Sibiri* [Revision of Speransky in Siberia]. [Online] Available from: http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502 (Accessed: 24th June 2016).
12. Bortnikova, O.N. (1999) Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri v 1801–1917 gg. [The Prisonous Siberia: the penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
13. The State Archives of Omsk Region.
14. Gernet, M.N. (1951) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [The history of the tsarist prison: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
15. Maksimov, S.V. (1891) *Sibir' i katorga* [Siberia and Katorga]. St. Petersburg: N. Stefanov.
16. Sungurov, P.A. (2018) Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early 20th century. *HISTORIA* 396. 1. pp. 261–276.
17. Naumenko, O.N. & Naumenko, E.A. (2017) "Breivik's syndrome" in the Tobolsk prison castle. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3(20). pp. 198–208. (In Russian).
18. Naumenko, O.N. (2016) The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 42(4) pp. 1087–1093. (In Russian).

УДК 94 (571.5)
DOI: 10.17223/19988613/71/6

Е.В. Плотникова

СИСТЕМА ЧАСТНЫХ БАНКОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Рассматриваются формирование и функционирование системы частных банков Иркутской губернии в первой половине XIX – начале XX в. Нижний предел хронологии связан с зарождением первого частного банка в Иркутске, учрежденного при Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой в 1836 г. Верхний предел обусловлен второй и последней волной банковской национализации, прокатившейся по Иркутской губернии в 1920 г.
Ключевые слова: система банковских институтов; частные банки Иркутской губернии.

Для России на современном этапе ее развития, характеризующемся ростом предпринимательской инициативы и расширением инструментов и масштабов кредитования, в высшей степени велико значение исторического пути становления и эволюции кредитно-финансовой сферы в целом и системы банковских институтов в частности. Кредит как средство увеличения оборотного капитала, как сегодня, так и в исторической ретроспективе, всегда способствовал развитию и расширению любого предпринимательского начинания. На стыке XVIII и XIX вв. предпринимательское сообщество и Иркутской губернии, и России в целом испытывало кредитный голод вследствие неразвитости банковской системы и недостатка предложения финансовых инвестиций, направленных на стимулирование деловой активности в стране. В банковской сфере этого периода имела место монополия государства. Банковские учреждения полностью подчинялись политике центральной власти, направленной прежде всего на поддержку дворянства и крупного купечества. Неразвитость региональной сети и недостаточная гибкость банковских институтов сковывали предпринимательскую инициативу, не позволяли мелкому и среднему звеньям российского бизнес-сообщества упрочить свои капиталы и нарастить деловые обороты. Для увеличения нормы прибыли мелкому и среднему предпринимателю, возможно, даже в большей степени, чем крупному, требовалось использование финансового рычага, который бы позволил сократить издержки за счет большего товарооборота и дал возможность значительно увеличить конечную прибыль, полученную от торгового предприятия. Такой рычаг и в современном мире, и в дореволюционной России являет собой банковский кредит.

К началу XIX в. Россия подошла со слабо развитой банковской сферой, находящейся под полным контролем государства, и отсутствием систематизированного банковского законодательства. В первой половине XIX в., с началом отхода государства от монополии в кредитно-финансовой сфере, в некоторых регионах Российской империи появляются первые негосударственные банки, такие как Анфилатовский в г. Слободском, Ларинский в с. Любучи Рязанской губернии, Савинский в с. Осташкове, открытые в 1809, 1817 и 1818 г. соответственно [1. С. 16].

Иркутская губерния в первой четверти XIX в. была лишена банковских учреждений. К этому времени здесь была осуществлена одна неудачная попытка открытия ассигнационной банковской конторы, действовавшей в период 1779–1788 гг. [2], целью которой был обмен металлических денег на бумажные ассигнации, и располагался ряд учреждений, несущих некоторые банковские функции в качестве своей дополнительной деятельности. К таким учреждениям относился Иркутский приказ общественного призрения, основанный в марте 1797 г. [3. С. 31], своей главной целью имевший попечение и «надзирание» над народными школами, сиротскими домами, госпиталями и больницами, богодельнями, домами сумасшедших и работными домами и в качестве своей побочной деятельности обладавший правом принимать вклады и заниматься ссудной деятельностью для поддержания своей основной цели [4].

Первым банком, учрежденным в Иркутске, стал Банк при Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой. Он совмещал в себе как благотворительные, так и коммерческие цели. Банк явил собой воплощение частной учредительской инициативы, в которой торговые капиталы семьи первогильдейных купцов Медведниковых нашли свое применение в фундаментальном благотворительном проекте, давшем толчок развитию женского образования в регионе. Одновременно банк являлся коммерческим предприятием, служившим интересам местного купечества. Будучи изначально учрежденным при сиропитательном доме для девочек-сирот, банк никогда не существовал в отрыве от него и первой и главнейшей целью своего существования имел финансирование деятельности приюта, а уже затем – помощь местному купечеству в увеличении торговых оборотов. Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой был основан Иваном Логиновичем Медведниковым в соучредительстве со своим несовершеннолетним братом Логином Логиновичем в ознаменование воли своей покойной матери, умершей в 1828 г. [5. Л. 22]. Это устное завещание стало следствием непростых обстоятельств собственной

жизни купчихи, заставившей ее на своем примере испытать все тяготы женщины, рано оставшейся без мужа, на плечи которой всецело легло воспитание двоих сыновей. Мысль об открытии сиропитательного дома посещала Елизавету Медведникову на протяжении всей жизни, в своих беседах она неоднократно упоминала о желании помочь девочкам, оставшимся без отца, и дать им возможность получения хорошего образования, которое в это время было доступно в губернии лишь представителям мужского пола. Идея учреждения Банка при сиропитательном доме принадлежала сыну покойной Ивану Логиновичу Медведникову, который преследовал двоякую цель: с одной стороны, воплощения воли ушедшей матери, с другой – открытия первого специализированного кредитного учреждения в Иркутской губернии, предназначавшегося для поддержки местного купечества и придания стимула развитию экономики региона. Положение о Сиропитательном доме и Банке при нем, являвшееся, по сути, уставом этого учреждения, было утверждено 20 июня 1836 г. [6]. Совет, управлявший делами обоих заведений, начал свою работу 13 мая 1837 г. [7. Л. 41]. Долгое время Медведниковский банк не имел конкурентов в Иркутске, что позволяло ему успешно осуществлять свою деятельность и из года в год наращивать обороты. Это был единственный банк, имевший местное происхождение и основанный полностью на капиталах местного купечества, все остальные частные банковские учреждения, открывшиеся в Иркутске впоследствии, являлись представительствами крупнейших банков европейской части России. С 1862 г. при Медведниковском банке действовала сберегательная касса. Основой этому послужил утвержденный в 1841 г. Николаем I устав сберегательных касс, после чего данный вид учреждений стал распространяться по всей стране. Основной целью сберкассы Медведниковского банка являлось принятие небольших вкладов от населения до 100 руб. включительно [8]. Целью ее функционирования было включение малообеспеченных слоев населения в финансовый кругооборот. Банк при Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой просуществовал 84 года, успешно пережив как смену своей организационно-правовой формы, так и все перипетии, связанные с периодом Гражданской войны и политической нестабильности в регионе. Он ознаменовал собой пример благотворительной инициативы, давшей толчок как развитию женского образования, так и генезису частного кредитно-финансового сектора в регионе. История функционирования данного банковского института демонстрирует яркий пример роли личности в истории, когда инициативы даже одного человека достаточно, чтобы воздвигнуть нечто монументальное, на протяжении долгих лет способное служить на благо всего общества.

С открытием в 1865 г. в Иркутске отделения Государственного банка коммерческие банки и финансовые учреждения получили возможность пользоваться в нем кредитом наряду с частными лицами и предприятиями губернии. Обзор деятельности государственных кредитных учреждений в целом, и Государственного банка в частности не является целью данного исследования, однако не упомянуть о последнем не представляется возможным, так как именно Государственный банк вместе сетью своих отделений являлся в некоторой степени кредитором частных банков и финансовых учреждений, хранителем их сбережений, в нем открывались специальные текущие счета для облегчения процедуры и быстроты кредитования местных финансовых институтов. Здесь же банки могли производить переучет имевшихся в их портфеле векселей, тем самым разделяя риски с Государственным банком.

В преддверии первого экономического подъема в России, начавшегося в 1880-х гг., в Иркутске 25 февраля 1873 г. открылось отделение Сибирского Торгового банка [9. С. 3]. Оно было первым из отделений, учрежденных головным банком, открытым в Екатеринбурге на основании устава, утвержденного 5 июля 1872 г. [10]. Банк являлся акционерным, среди его учредителей были такие видные государственные деятели, как П.А. Шувалов и П.П. Дурново, известный купец и финансист Г.О. Гинцбург, промышленник и общественный деятель М.А. Нуров, военный и наследственный золотопромышленник В.И. Асташев, банкир и крупный золотопромышленник Н.Д. Бенардаки, крупный финансист и общественный деятель Л.М. Розенталь. Банк производил учет российских и иностранных векселей, выдачу кредитов сроком до 9 месяцев, получение платежей за счет третьих лиц по векселям, производство платежей и денежных переводов в России и за рубежом там, где имелись отделения банка, покупку и продажу ценных бумаг, прием вкладов и ценностей на банковское хранение [Там же]. Иркутское отделение Сибирского Торгового банка занималось кредитованием не только местных, но иногородних предпринимателей. Среди последних в основном преобладали представители близлежащих территорий: Енисейской, Томской губерний и Забайкальской области [11]. Вместе с тем банк выдавал займы и предпринимателям из более отдаленных областей, среди его клиентов встречаются заемщики из Могилевской, Херсонской и других губерний европейской части Российской Империи [12. Л. 12, 33, 35, 80, 179, 180]. Впрочем, к предоставлению подобных займов банк подходил с особой щепетильностью. По этому поводу Правление банка направляло многочисленные циркуляры, требующие соблюдать исключительные меры предосторожности в целях обеспечения максимальной гарантии возврата кредитов [13. Л. 4, 37–38 об., 70, 71 об., 75, 76 об., 79–80; 14. Л. 18–18 об.]. В иркутском отделении банка не существовало жестких нормативов по определению четких рамок одобряемых кредитов, в определенной степени при открытии кредита был распространен индивидуальный подход к заявителям, не последнее место играло и такое понятие, как «деловая репутация» заемщика [13. Л. 75 об.–76.].

15 ноября 1874 г. Министром финансов М.Х. Рейнтерном был утвержден устав иркутского Общества взаимного кредита, целью которого была возможность для его членов помещать свои сбережения и получать необходимые деньги в ссуду [15. С. 1]. Общества взаимного кредита существовали в России с 1864 г.,

с момента открытия первого из них в Санкт-Петербурге по инициативе Е.И. Ламанского [16. С. 3–5]. Лица, вступившие в общество взаимного кредита, могли пользоваться кредитом в нем, «соразмерно степени благонадежности или сумм представленного каждым обеспечения» [17. С. 13]. Степень этой благонадежности устанавливали правление и приемный комитет общества, которые выбирались на общем собрании его членов, каждый из которых имел один голос [15. С. 25]. В основном в эту организацию вступали те, кто не мог получить кредит в акционерных коммерческих банках, не соответствуя более жестким залоговым условиям последних; при вступлении в общество иногда достаточно было простого ручательства его членов и 10%-ного взноса от суммы принятого на себя обязательства в случае убыточности операций общества, минимальный размер которого определялся в 100 руб. [Там же. С. 2, 4]. Несмотря на утвержденный еще в 1874 г. устав, Иркутское общество взаимного кредита открыло свои действия лишь спустя тридцатилетие – 19 января 1904 г. [18. Л. 22]. При нем был образован банк, которым уже за первый год работы было принято вкладов на сумму 1 млн 200 тыс. руб. [Там же. Л. 24], выдано займов более чем на 0,5 млн руб. и учтено векселей практически на 0,5 млн руб. [Там же. Л. 25]. К концу 1905 г. в нем уже состояли более 200 членов, капитал обеспечения которых составлял свыше 700 тыс. руб. [Там же. Л. 77].

В 1885 г. в Иркутске был учрежден филиал Волжско-Камского Коммерческого банка, имевшего свое головное отделение в Санкт-Петербурге, открытое на основании устава, утвержденного 24 февраля 1870 г. [19]. Банк являлся акционерным, его учредителями стали крупные финансисты и купцы. Банк и его отделения осуществляли учет российских и иностранных векселей, выдачу векселей, получение денег и платежи по векселям, выдачу ссуд на срок до 9 месяцев, денежные переводы по отделениям банка, покупку и продажу ценных бумаг, продажу товаров по поручению третьих лиц, покупку и продажу драгоценных металлов, открывали подписки на государственные и общественные займы, прием вкладов и различных ценностей на хранение [19]. Руководство Волжско-Камского Коммерческого банка строго следило за распространением спекулятивных операций среди своих служащих. Необходимо заметить, что для периода конца XIX – начала XX в. биржевые спекуляции с ценными бумагами были характерным явлением, особенно распространенным среди столичных акционерных банков. Данный факт отмечал отечественный исследователь А.В. Пыжиков, посвятивший этому вопросу целое издание, в котором отмечал спекулятивный характер операций столичных акционерных банков, пользующихся поддержкой правительственных кругов, и, наоборот, нацеленность московского банковского сообщества на кредитование отечественного промышленного сектора страны [20]. Правление же Волжско-Камского Коммерческого банка запрещало спекулятивные покупки и продажи процентных бумаг, в том числе посредством обращения служащих к услугам маклеров или сторонних банковских учреждений [12. Л. 9 об.]. После введения в Государственном банке новых временных правил по учету векселей, упрощавших и ускорявших эту процедуру, Волжско-Камский Коммерческий банк, следуя законам конкуренции, предоставил право иркутскому и другим своим отделениям учитывать векселя без рассмотрения Учетного комитета, что было привлекательным условием для клиентов банка, но и увеличивало риски последнего по части учетной операции [Там же. Л. 14].

В 1898 г. в Иркутске было открыто отделение Русско-Китайского банка [21. С. 307]. Русско-Китайский акционерный банк был основан 10 декабря 1895 г., после поражения Китая в Японо-Китайской войне 1894–1895 гг., по инициативе Франции и России, которые хотели усилить свое экономическое и политическое влияние в Китае. После поражения на Китай была наложена большая контрибуция. Французские и российские банки для осуществления выплат по китайским займам основали в 1895 г. синдикат. Русско-Китайский банк был создан по инициативе С.Ю. Витте для управления займами, выпускаемыми синдикатом, а также для способствования строительству Китайско-Восточной железной дороги и финансирования торговли между Россией и Китаем [21. С. 294–295]. Иркутское отделение банка было ограничено в размерах кредитования своим Правлением. Последнее не приветствовало выдачу крупных займов. Так, в 1898 г. оно отказало отделению в кредитовании одной из самых значительных золотодобывающих компаний страны, «Ленского золотопромышленного товарищества», которое хотело перевести свой кредит в размере 2 млн руб. из Государственного банка в Русско-Китайский [22. Л. 17]. Обоснованием отказа послужил слишком высокий размер запрошенного займа. Иркутское отделение Русско-Китайского банка располагалось в г. Иркутске в доме Тышковского по Большой улице [23. Л. 42]. 30 марта 1910 г. представители Иркутского отделения банка – директор отделения Болеслав Петрович Шостакович и товарищ (заместитель) директора Оскар Юльевич Линденберг – заключили с подрядчиками – архитектором Федором Федоровичем Коштялом и купцом Абрамом Леонтьевичем Кринкевичем – договор на постройку в Иркутске здания для банковского отделения [24. Л. 1]. Здание было построено, однако располагаться в нем пришлось другому – Русско-Азиатскому – банку, являвшемуся правопреемником Русско-Китайского.

В связи с непрерывно ухудшающимся финансовым положением банка, на которое заметное влияние оказал хлопковый кризис в России, Русско-Китайский банк в 1910 г. слился с Северным банком, в результате чего возник самый крупный акционерный банк в Российской Империи – Русско-Азиатский банк [25]. Все ранее существовавшие отделения Русско-Китайского банка, включая Иркутское, продолжили свою деятельность в качестве отделений Русско-Азиатского банка [26]. Русско-Азиатский банк имел акционерный капитал в 50 млн руб. и 175 отделений в России и за рубежом, к 1914 г. он являлся самым крупным акционерным коммерческим банком в Российской Империи [27. С. 82]. Главным направлением деятельности Русско-

Азиатского банка было финансирование железнодорожного строительства, производства вооружений и некоторых отраслей тяжелой индустрии; наряду с этим банк занимался кредитованием товарооборота и различных отраслей промышленности [28. С. 27]. К 1914 г. под контролем Русско-Азиатского банка находилось порядка 160 акционерных компаний, с общим капиталом более 1 млрд руб., из них 124 торгово-промышленных предприятия, 20 железнодорожных обществ, четыре пароходства, три страховые компании, два земельных банка [28. С. 27]. Следует отметить, что Русско-Азиатский банк был кредитным учреждением с самым высоким процентом иностранного участия, доля иностранного капитала, преимущественно французского, здесь составляла 72% [29. С. 363]. Иркутское отделение банка возглавил бывший директор местного отделения Русско-Китайского банка Болеслав Петрович Шостакович. Однако в 1911 г. он попросил окончательный расчет и ушел со службы в банке по собственному желанию [30. Л. 309]. В руководстве отделением его сменил действительный статский советник Альфонс Васильевич Витте [23. Л. 18]. Обороты иркутского отделения банка за шестилетний период работы (1910–1916) имели тенденцию роста. За исключением 1911 г., когда обороты банковского отделения упали на 12,8%, в остальные годы, вплоть до революционного 1917 г., его обороты неуклонно увеличивались, и годовой рост составлял в среднем 36,9%. Максимальный рост оборотов произошел в 1916 г., явив собой почти двукратное увеличение, выразившееся в сумме более 92 млн рублей, что составило 91,3% прироста и означало увеличение движения сумм по банковским операциям, характеризующееся доверием к отделению со стороны клиентов [31. Л. 14, 35 об., 53, 81 об., 107 об., 131 об.]. Что касается прибылей отделения, то первые три года своей работы оно было убыточным. Максимальный убыток составил 78 909,33 руб. по итогам 1912 г. Однако в дальнейшем отделение преодолело эту негативную тенденцию, и с 1914 по 1916 г. закрывало свои годовые балансы с прибылью [Там же. Л. 25, 49, 67, 95, 120 об., 146].

В 1917 г. в Иркутске открылось отделение Московского народного банка, который был образован на волне подъема кооперативного движения начала XX в. Он венчал собой иерархию трехуровневой системы кооперативов, включавшую кроме него самого отдельные кооперативные организации и союзы кооперативов [32. С. 341]. Московский народный банк создавался как центральный кооперативный банк и, являясь организацией третьего уровня, объединял в рамках своей деятельности учреждения различного профиля, к которым относились производственные, потребительские, кредитные кооперативы и их союзы [33. С. 17]. Московский народный банк централизовал кооперативное движение и включил его в единую кредитно-денежную кооперативную систему России. Он занимался кредитованием, поставкой сельскохозяйственной техники, удобрений и семян, координировал работу кооперативных союзов, осуществлял банковские операции кооперативных учреждений как в России, так и за рубежом [16. С. 3]. Иркутское отделение Московского народного банка начало свою работу 23 октября 1917 г. [34. Л. 172]. Управляющим отделением был назначен А.И. Погребецкий [35. Л. 72]. За первый день работы банк принял бессрочные вклады на 19 000 руб. и открыл текущие счета на 21 380,41 руб. На 1 ноября 1917 г. объем вексельных кредитов, выданных отделением банка, составил 1 013 519,63 руб., а сумма открытых текущих счетов увеличилась в десять раз и составила 214 032,64 руб. [36. Л. 139 об., 140 об., 154]. Первое заседание Учетного комитета Иркутского отделения Московского народного банка прошло 28 октября 1917 г. На нем было решено открыть кредиты Бодайбинскому и Черемховскому обществам потребителей, а также Иркутскому Торгово-Промышленному Товариществу Потребительских кооперативов [35. Л. 69–69 об.]. Таким образом, в Иркутске был заложен фундамент кредитной организации, объединившей под своим началом все местное кооперативное движение. Однако период становления и развития новообразовавшегося кредитного учреждения не был спокойным. Отделение Московского народного банка в Иркутске зародилось в канун великих потрясений для России. Его основание практически совпало с громом Октябрьской революции 1917 г., эхом прокатившимся по стране, не обошедшим стороной и Иркутск.

Таким образом, к началу XX в. в Иркутской губернии практически действовала двухуровневая кредитно-банковская система, центральным звеном которой, как и в масштабах всей страны, являлся Государственный банк, через широкую сеть отделений и филиалов аккумулировавший денежные ресурсы государства и перераспределявший их между отраслями народного хозяйства и частными коммерческими банками с помощью кредитования [28. С. 26].

В дальнейшем Россию ждал бурный революционный период, отличавшийся политической нестабильностью и экономической турбулентностью. В Иркутской губернии он нашел свое отражение в смене политических режимов. В период с декабря 1917 г. по январь 1920 г. советская власть здесь устанавливалась дважды, сопровождаясь соответствующими национализационными процессами, в том числе в банковской сфере. Первая волна банковской национализации (январь–май 1918 г.) затронула не все частные кредитные учреждения, оставив в стороне отделение Московского народного банка. Последнее обстоятельство объясняется кооперативным характером банка, который по роду своей деятельности был связан с широкими слоями населения. Большевики, боясь недовольства социальных масс, на которые они опирались в своей политической деятельности, на первом этапе после прихода к власти старались наладить сотрудничество с кооперацией и возложить на нее учетно-распределительную функцию в масштабе всей страны. Известен декрет СНК от 10 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях», которым кооперация ставилась под контроль государства и обязывалась выполнять государственные задания в части распределения продуктов, а также их закупки, переработки и производства по поручению государственных органов снабжения и ВСНХ [37. С. 178]. В дальнейшем, с укрепле-

нием своей власти в стране, большевики перешли от политики сотрудничества к политике подчинения в отношении кооперативного движения. В этой связи был принят декрет от 2 декабря 1918 г., упразднявший Московский народный банк как альтернативный центр силы, способный влиять на широкие массы населения. Однако Иркутскую губернию данный процесс обошел стороной, так как в этот период советская власть здесь была вытеснена отрядами белочехов. Иркутское отделение Московского народного банка продолжало свою работу вплоть до возвращения в регион в январе 1920 г. власти советов, вместе с которой пришла и вторая волна национализации. Последняя поглотила частный банковский сектор целиком, растворив его в уже национализированном Государственном банке.

Таким образом, кредитная сфера Иркутской губернии, так же как и России в целом, пережила в своем развитии поступательное движение от зарождения частнособственнической инициативы в момент отхода государства от своей монополии к усилению централизационных процессов, проявившихся в укрупнении банковских капиталов и усилении роли Государственного банка, чтобы в итоге вновь вернуться к монополии уже видоизменившегося российского государства на базе советской системы организации финансово-кредитной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске : историко-статистический очерк / под. ред А.А. Панова. М. : Совет иркутского Сиропитательного дома Е. Медведниковой и банка, 1892. Т. I. 301 с.
2. О учреждении Банковой конторы в Иркутске для вымена Государственных ассигнаций у тамошних жителей : именной указ № 14861 от 10 апреля 1779 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XX. С. 810. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9828/#page/812/mode/1up (дата обращения: 15.02.2020).
3. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во втор. пол. XIX – нач. XX вв. : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ, 2005. 50 с.
4. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи № 14392 от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб, 1830. Т. XX. С. 271. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9828/#page/272/mode/1up (дата обращения: 15.02.2020).
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 292. 27 л.
6. Об учреждении в Иркутске Сиропитательного заведения и частного при нем банка : высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 9332 от 20 июня 1836 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1836. Т. XI, отд-ние 1. С. 739. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9879/#page/739/mode/1up (дата обращения: 10.02.2020).
7. ГАИО. Ф. 156. Оп. 1 Д. 1. 41 л.
8. Высочайше утвержденный Устав сберегательной кассы при Банке Иркутского сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой № 40326 от 28 ноября 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1863. Т. XXXVIII, отд-ние 2. С. 253. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9941/#page/253/mode/1up (дата обращения: 10.02.2020).
9. Иркутские губернские ведомости. 1873. 10 марта, № 30. 4 с.
10. Об Уставе Сибирского Торгового банка : сенатский указ № 51065 от 5 июля 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1872. Т. XLVII, отд-ние 2. С. 61. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9964/#page/62/mode/1up (дата обращения: 11.02.2020).
11. ГАИО. Ф.155. Оп. 1. Д. 11. 190 л.
12. ГАИО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. 61 л.
13. ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 17. 92 л.
14. ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 14. 21 л.
15. Устав Иркутского общества взаимного кредита. Иркутск, 1875. 29 с.
16. Крутиков В.К., Петров А.В. Создание централизованного кооперативного банка для модернизации кредитно-финансовой системы // Банковское дело. 2011. № 36. С. 2–5.
17. Катцина Т.А., Мариненко Л.Е. Сибирские общества взаимного кредита эпохи свободного предпринимательства (1861–1917 гг.) // Экономическое развитие Сибири. Красноярск : Резонанс, 2016. С. 12–15.
18. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 44. 77 л.
19. Высочайше утвержденный Устав Волжско-Камского Коммерческого банка № 48058 от 24 февраля 1870 г.// Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб, 1870. Т. XLV, отд-ние 1. С. 190. URL: https://runivers.ru/bookreader/book9957/#page/190/mode/1up (дата обращения: 11.02.2020).
20. Пыжиков А.В. Питер–Москва. Схватка за Россию. М. : Олма Медиа Групп, 2014. 464 с.
21. Казухико Яго. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история : ежегодник, 2011/2012. М. : РОСПЭН, 2012. С. 293–314.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 632. Оп. 1. Д. 280. 52 л.
23. РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 366. 71 л.
24. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 287. 20 л.
25. РГИА. Ф. 632. Русско-Китайский банк (историческая справка). URL: http://www.fgurgia.ru/object/27610928#!page:1/o:27610928/p:1 (дата обращения: 11.02.2020).
26. Об учреждении акционерного коммерческого банка, под наименованием: «Русско-Азиатский банк» : высочайше утвержденное Положение Совета Министров № 33788 от 14 июня 1910 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1910. Т. XXX, отд-ние 1. С. 787. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10035/#page/789/mode/1up (дата обращения: 11.02.2020).
27. Петров Ю.А. Король банкиров // Родина. 2005. № 5. С. 82–86.
28. Петров Ю.А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3. С. 25–33.
29. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1950. Т. II: Капитализм. 735 с.
30. РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 217. 655 л.
31. РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 365. 158 л.
32. Соколовский А. В. Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Иваново, 2007. 402 с.
33. Плотникова Е.В. Возникновение, становление и функционирование Иркутского отделения Московского народного банка в период великих потрясений в 1917 – первой половине 1918 гг. // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 28. С. 17–26.
34. ГАИО. Ф. 703. Оп. 1. Д. 9. 236 л.

35. ГАИО. Ф. 703. Оп. 1. Д. 3. 110 л.
36. ГАИО. Ф. 703. Оп. 1. Д. 11. 671 л.
37. Плотникова Е.В. Банковская сфера Иркутска в период национализации (декабрь 1917 – июль 1918 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2019. С. 174–179.

Elena V. Plotnikova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Elena-angarsk@yandex.ru

SYSTEM OF PRIVATE BANKS OF IRKUTSK PROVINCE IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Keywords: system of banking institutions; private banks of the Irkutsk province.

The purpose of this research is to analyze the system of private banking institutions in Irkutsk province in the pre-revolutionary period.
The paper reflects the background of the origin, as well as the direct Genesis of the private banking sector in the region. The process of folding and progressive development of the system of private banking institutions in the province is described. The author identifies several stages of development of the private banking sector. The first of them was the birth of the first private banking institution at the time of the state's departure from its monopoly in the credit sphere. In the absence of a clear systematization and codification of banking legislation in this period, the regulation of private banking institutions had a point character, largely reflecting the specifics of specific institutions, such as the charitable nature of the Bank at the Orphan's house of E. Medvednikova in Irkutsk. The charters of private banks were approved by the Highest order of the Emperor. This circumstance made certain difficulties in the process of working and regulating the activities of banking institutions. Banks were not able to respond flexibly to changes in the economic environment due to the complexity and duration of the process of making changes to their main title document. The second stage is marked by a process of centralization in the regulation of banking that is associated, on the one hand, with the development and unification of the credit legislation, on the other hand, with the expansion of branch network of the State Bank and giving him extended powers in the sphere of lending to the private financial sector of the country. At this stage, joint-stock commercial banks are experiencing rapid growth, having extended a wide network of their branches and branches to the regions. The third stage was marked by rapid political processes that took place both at the state and regional levels. The period of the revolution and the subsequent Civil war led to turbulence in the economic system, leaving its mark on the banking sector. Private banks in the Irkutsk province of this period experienced two waves of nationalization associated with the change of political regimes in the region, ending their existence in the process of liquidation of the Soviet one in 1920.
Based on the research, the author came to the conclusion about a nonlinear and multi-stage process of development of the region's private credit sector during this period. The result of this work the author managed to recreate the system of private banking institutions in Irkutsk province's pre-revolutionary era, to designate certain characteristics of the individual credit institutions, to identify General trends in the private banking sector since inception to the eventual elimination of the newly formed Soviet government.

REFERENCES

1. Panov, A.A. (ed.) (1892) *Bank Siropitatel'nogo doma Elizavety Medvednikovoy v Irkutske: istoriko-statisticheskiy ocherk* [The Bank at Elizaveta Medvednikova's Orphanage]. Vol. 1. Moscow: Council of the E. Medvednikova's Irkutsk Orphanage and Bank.
2. Russia. (1830q) O uchrezhdenii Bankovoy kontory v Irkutske dlya vymena Gosudarstvennykh assignatsiy u tamoshnikh zhiteley : imennoy ukaz № 14861 ot 10 aprelya 1779 g. [On the establishment of a Bank office in Irkutsk for the exchange of State notes from local residents: Personal Decree No. 14861 of April 10, 1779]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 20. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book9828/#page/812/mode/1up (Accessed: 15th February 2020).
3. Manturova, S.Ch. (2005) *Gosudarstvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Zabaykal'e: istoriko-kul'turnye praktiki vo vtor. polovine XIX – nachale XX vv.* [State charity in Transbaikalia: historical and cultural practices in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
4. Russia. (1830b) Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii № 14392 ot 7 noyabrya 1775 g. [Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire No. 14392 dated November 7, 1775]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 20. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book9828/#page/272/mode/1up (Accessed: 15th February 2020).
5. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 156. List 1. File 292.
6. Russia. (1836) Ob uchrezhdenii v Irkutske Siropitatel'nogo zavedeniya i chastnogo pri nem banka: vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta № 9332 ot 20 iyunya 1836 g. [On the establishment in Irkutsk of an orphanage and a private bank attached to it: the highest approved opinion of the State Council No. 9332 of June 20, 1836]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 11. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book9879/#page/739/mode/1up (Accessed: 10th February 2020).
7. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 156. List 1. File 1.
8. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennyy Ustav sberegatel'noy kassy pri Banke Irkutskogo siropitatel'nogo doma Elizavety Medvednikovoy № 40326 ot 28 noyabrya 1863 g. [The highest approved Charter of the savings bank at Elizaveta Medvednikova's Bank of the Irkutsk Orphanage, No. 40326 dated November 28, 1863]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 38. [Online] Available from: runivers.ru/bookreader/book9941/#page/253/mode/1up (Accessed: 10th February 2020).
9. *Irkutskie gubernskie vedomosti*. (1873) 30.
10. Russia. (1872) Senatskii ukaz № 51065 ot 5 iulya 1872 "Ob Ustave Sibirskogo Torgovogo banka" [About the Charter of the Siberian Trade Bank: Senate Decree No. 51065 of July 5, 1872]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XLVII. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book9964/#page/62/mode/1up (Accessed: 11th February 2020).
11. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 155. List 1. File 11.
12. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 341. List 1. File 1.
13. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 155. List 1. File 17.
14. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 155. List 1. File 14.
15. The Irkutsk Mutual Credit Society. (1875) *Ustav Irkutskogo obshchestva vzaimnogo kredita* [The Charter of the Irkutsk Mutual Credit Society]. Ikutsk: [s.n.].
16. Krutikov, V.K. & Petrov, A.V. (2011) Sozdanie tsentralizovannogo kooperativnogo banka dlya modernizatsii kreditno-finansovoy sistemy [Creation of a centralized cooperative bank for the modernization of the credit and financial system]. *Bankovskoe delo*. 36. pp. 2–5.
17. Kattsina, T.A. & Marinenko, L.E. (2016) Sibirskie obshchestva vzaimnogo kredita epokhi svobodnogo predprinimatel'stva (1861–1917 gg.) [Siberian mutual credit societies of the free enterprise era (1861–1917)]. In: Ponomarenko, S.A. (ed.) *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri* [Economic Development of Siberia]. Krasnoyarsk: Rezonans. pp. 12–15.

18. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 154. List 1. File 44.
19. Russia. (1870) Vysochayshe utverzhdennyy Ustav Volzhsko-Kamskogo Kommercheskogo banka № 48058 ot 24 fevralya 1870 g. [The highest approved Charter of the Volga-Kama Commercial Bank No. 48058 of February 24, 1870]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XLV. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book9957/#page/190/mode/1up (Accessed: 11th February 2020).
20. Pyzhikov, A.V. (2014) *Piter–Moskva. Skhvatka za Rossiyu* [Petersburg – Moscow. The battle for Russia]. Moscow: Olma Media Grupp.
21. Kazuhiko, Y. (2012) Russko-Kitayskiy bank v 1896–1910 gg.: mezhdunarodnyy finansovyy posrednik v Rossii i Azii [The Russian-Chinese Bank in 1896–1910: international financial intermediary in Russia and Asia]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaia istoriia* [Economic History]. Moscow: ROSSPEN. pp. 293–314.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 632. List 1. File 280.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 630. List 1. File 366.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 632. List 1. File 287.
25. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 632. [Online] Available from: http://www.fgurgia.ru/object/27610928#!page:1/o:27610928/p:1 (Accessed: 11th February 2020).
26. Russia. (1910) Ob uchrezhdenii aktsionernogo kommercheskogo banka, pod naimenovaniem: "Russko-Aziatskiy bank": vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie Soveta Ministrov № 33788 ot 14 iyunya 1910 g. [On the establishment of a joint-stock commercial bank, under the name: "Russian-Asian Bank": the highest approved Regulation of the Council of Ministers No. 33788 dated June 14, 1910]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 3. Vol. 30. [Online] Available from: https://runivers.ru/bookreader/book10035/#page/789/mode/1up (Accessed: 11th February 2020).
27. Petrov, Yu.A. (2005) Korol' bankirov [King of bankers]. *Rodina*. 5. pp. 82–86.
28. Petrov, Yu.A. (2010) Kommercheskie banki i ekonomicheskoe razvitie Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Commercial banks and economic development of Russia in the late 19th – early 20th century]. *Ekonomicheskaya istoriya – Russian Journal of Economic History*. 10. pp. 25–33.
29. Lyashchenko, P.I. (1950) *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the National Economy of the USSR]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 630. List 1. File 217.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 630. List 1. File 365.
32. Sokolovskiy, A.V. (2007) *Kooperativnyy kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Cooperative credit in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Ivanovo.
33. Plotnikova, E.V. (2019) The emergence, formation and functioning of the Irkutsk branch of the Moscow Narodny Bank during the great turmoil in 1917 – first half of 1918. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Irkutsk State University*. 28. pp. 17–26. (In Russian). DOI: 10.26516/2222-9124.2019.28.17
34. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 703. List 1. File 9.
35. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 703. List 1. File 3.
36. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 703. List 1. File 11.
37. Plotnikova, E.V. (2019) Bankovskaya sfera Irkutska v period natsionalizatsii (dekabr' 1917 – iyul' 1918 gg.) [Banking in Irkutsk during the period of nationalization (December 1917 – July 1918)]. In: Shalak, A.V. et al. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baikal State University. pp. 174–179.

УДК 378(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/71/7

А.О. Степнов

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ И АВТОНОМИИ В ТОМСКОМ НАУЧНОМ МИКРОСОЦИУМЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АУТОПОЭЗИС И СТРУКТУРНАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90003.

Сквозь призму теории аутопоэзиса и ее социологической рецепции Н. Лумана рассматривается история академического микросоциума г. Томска в период Великой Отечественной войны. Обосновывается значение самореферентных (традиционных) отсылок в его развитии на неклассическом этапе. Соотношение аутопоэзиса и структурной сопряженности позволяет углубить категорию «академической автономии» и приблизиться к пониманию «генетической» кодификации сообщества, зафиксированной в его организационных абрисах, бытовом дискурсе, практиках обращения с надындивидуальными символами.

Ключевые слова: аутопоэзис; структурная сопряженность; Томск; микросоциум; научное сообщество; самореференция.

Массовое самосознание человечества исторически обречено на рефлексивную замкнутость в круге простых, но в то же время безнадежно открытых вопросов. Один из них, несомненно, касается самого определения жизни: доминирующая форма самоидентификации homo так и не достигла логической законченности, то и дело размываясь в противоречивости собственных оснований.

Living is cognition – такова наиболее лаконичная формула, увенчавшая длительные поиски на очередном витке рассуждений о природе жизни. Данную формулу применил философ Эван Томпсон – ученик и соавтор Ф. Варелы. Как считается, перспективный взгляд последнего в дополнение к опыту и устоявшимся взглядам его старшего коллеги и единомышленника У. Матураны и породили знаковую для современного интеллектуального сообщества теорию аутопоэзиса. Подчеркнем при этом, что прототипические ей положения, по мнению В.В. Дамье, были сформулированы еще П.А. Кропоткиным [1]. Родственной аутопоэзису считается и концепция автоэволюции С. Лема («Сумма технологии», идеи автореференции нашли преломление и в его художественных текстах [2]).

Теория изложена в монографии Варелы и Матураны «Древо познания» [3]. Ее фундаментальные основы являются в некотором роде скандализирующими для обыденного сознания. В рамках предложенной концепции условия отношений к окружающему миру представлялись самогенерированными нервной деятельностью, а сама нервная система становилась системой закрытого типа [4. С. 373–374].

Жизнь становится разумом, а разум растворяет в себе жизнь. Сторонний наблюдатель едва ли совершит ошибку, если в качестве следствий, так же и основ данной теории увидит дискредитацию принципа отражения и классического восприятия системы референтов, а главное, отсутствие объективного внешнего мира, что и заставляет нас определять начала Варелы и Матураны в разряд методологического солипсизма. Трансгрессия знакомых нам идентичностных моделей кажется далекой от строгого идеала биологичности и более напоминает философскую эквилибристику, столь привычную в качестве объекта нашего скепсиса. Действительно, именно феноменология Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти вдохновляла Варелу, который со студенческих лет приобрел репутацию философа в биологии. Он концептуализировал аутопоэзис как частный случай онтологического поворота в XX в.

Сам термин «аутопэзис» имеет гуманитарные истоки. По воспоминаниям Варелы, он был навеян диссертацией Х.М. Булнеса, посвященной Дон Кихоту и рассматривающей различия между историчными категориями praxis и poesis (см: [4. С. 374]). В соединении с приставкой «ауто» заглавное понятие новой теории и получило свой эскиз, где, как и на картине М. Эшера, производитель не отделен от продукта, а «операция представляет собой условие производства операции» [5. С. 114–115].

Отметим, что предложенная Варелой и Матураной теория встретила неоднозначную реакцию сообщества. Критика поставила под удар не только ее эпистемологические основы (Д. Золо назвал ее «бездушной теологией»), но и научную оригинальность. Замечается, что теория аутопоэзиса, по сути, не привнесла ничего нового, а систематизированные в ней вопросы уже давно являлись частью биологического дискурса (К. Ленгтон, см.: [6]).

Даже Луман, в творческой биографии которого «аутопоэзис» является едва ли не краеугольным, в одной из своих лекций заявил: «Собственно говоря, с помощью аутопойесиса (в русскоязычных транскрипциях принято несколько употреблений термина. – *А.С.*) ничего нельзя объяснить» [5. С. 118].

Так или иначе, мы не откажем себе в мудрости, если за данной, бесспорно впечатляющей, теорией признаем ее эвристическую ценность. Отсюда вытекает иной, во многом противоположный, подход, освещающий данную теорию в инновационном свете. «Мы

пускаемся в путешествие, которое было осознанно революционным и антиортодоксальным», – вспоминал Варела (цит. по: [4. С. 375]).

Тот же Луман, демонстрируя обратную сторону теории и своего отношения к ней, рассматривал аутопоэзис как радикальный подход. «Эта радикальность, – подчеркивал он, – проистекает из тезиса оперативной закрытости… Становится ясно, что влечет за собой разрыв с теорией познания, которая принадлежала к онтологической традиции и полагала, что нечто из окружающего мира проникает в познающего, так что окружающий мир таким образом репрезентируется, отражается, имитируется или стимулируется внутри познающей системы». Немецкий социолог примиряет противоречивые подходы, представляя аутопоэзис как метатеорию, отвечающую на «что-вопросы» [5. С. 118–119].

Аутопоэзисная метатеоретичность, рассмотрение объектов в свете операциональной замкнутости, структурного детерминизма, автономии предопределили интердисциплинарную популярность теории. Варела при этом не без предубеждения смотрел на ее экспорт в социальные науки: «Я настроен очень враждебно ко всяким попыткам распространить понятие автопоэзиса и против того, чтобы осмысливать общество согласно моделям эмерджентности. Хотя в некотором смысле мы и не впадаем в заблуждение, рассматривая вещи таким образом, но все же это чрезвычайно тонкие вопросы, и я отказываюсь применять понятие автопоэзиса в социальном плане» (цит. по: [7. С. 96]).

Но процесс, несмотря на увещевания отца-основателя, пошел. Базисные установки аутопоэзиса сегодня применяются в языкознании и литературоведении, философии техники и особенно в исследованиях интернет-пространства [8].

Стремясь не впасть в заблуждение «слепого» хоровода, выведем в центр исследования аутопоэзисную экстраполяцию на сферу истории пространственно и хронологически локализованной социокультурной системы. И здесь мы, быть может, обманывая себя излишними иллюзиями, в непривычном виде актуализируем предмет текущего исследования – томский академический микросоциум в неклассический период.

Томск – место, урбанистическая легенда которого выстроена вокруг идеи университета. Трудно переоценить ее генетически европейскую контрастность в сочетании с историко-географической изолированностью и отчужденностью сибирского региона. Решение о создании первого в азиатской части Российской империи университета в 1870-х гг. во многом явилось радикальным по эффекту в восприятии современников. Затерянный в глуби Северной Азии Томск стал пространственной ойкуменой для научного сообщества, которому в своем историческом развитии предстояло пройти долгий путь.

К периоду Великой Отечественной войны это сообщество оформилось в законченных чертах корпоративной операциональности, имея репутацию «старейшего культурного центра Сибири», – символ местного корпоративного сознания, на протяжении многих лет умело эксплуатируемый прессой. Нет острой необходимости в свете избранной концепции обосновывать хронологические рамки исследования: рассматривая образ академического микросоциума в период Великой войны 1941–1945 гг., мы встречаем его во всей эксплицируемой историчной целостности, зафиксированной в «хрониках» поколенческой памяти сообщества.

Память – ключевая категориальная единица, лежащая в основе понимания рассматриваемого предмета. «В настоящем и только в настоящем, – пишет Луман, – существует сопряженность того, что обычно называют памятью… Память есть не что иное, как текущая проверка консистентности различной информации в свете определенных ожиданий, будь то желание чего-то достичь, страх перед чем-то или восприятие наступления чего-то и желания отреагировать на это» [5. С. 105–106].

Реакция на мобилизацию памяти, таким образом, становятся триггером аутопоэтического состояния, операциональной конфигурации «индивидуальности» надындивидуальной сущности. Достаточно посмотреть на любое публичное обращение ученых г. Томска в первые и последующие дни и годы войны, чтобы зафиксировать, как переживание «тяжелого момента» [9. 1941. 6 июля] активизирует самосозидательный (здесь мы обращаемся к исходной семантике poesis) механизм сообщества.

Как уже отмечалось, Луман в своих концептуальных изысканиях был склонен воспринимать понятие «аутопоэзис» не как объяснительную и эмпирически направляющую модель, но в качестве метатеории. Потому в свете недостаточности данной категории в социогуманитарных исследованиях («эволюцию комплексных систем нельзя объяснить с помощью понятия аутопойесиса») и была обоснована актуальность предложенной Матураной категории «структурной сопряженности» для объяснения «того, что он называл “structural drift”» [5. С. 119].

Структурная сопряженность в общей композиции аутопоэзиса зависит и в некотором смысле противопоставляется структурному детерминизму. Именно структурно детерминированное, замкнутое состояние позволяет организму жить в условиях воздействия «внешнего», сохраняя внутреннюю идентичность и, соответственно, избегая энтропии. Вот как, дидактически доходчиво, объясняет данное понятие Е.Н. Князева: «И система, и окружающая среда обоюдно активны. Если процесс их взаимного испытания не завершается распадом системы, то в результате они оказываются взаимно структурно подогнанными друг к другу. Система активно адаптируется к окружающей среде, которая в свою очередь также видоизменяется как бы “навстречу ей”. Процесс налаживания их сосуществования, обустройства их совместной “жизни” называют процессом коэволюции, а результат этого процесса и есть структурное сопряжение сложной системы и среды» [4. С. 384]. Добавим, что структурная сопряженность является той линией, траектория которой определяет соотношение аутопоэтичности и трансформации в виде самодостраивания и самообновления. Аутопоэтичность не означает изолированности: система меняется, но ровно до тех пор, пока эти изменения совместимы с жизненным интеграционным кодом «организма».

Ментальный взрыв начала Великой Отечественной войны привел томское научное сообщество в состояние того, что называют неравновесностью системы и ее флуктуацией. Не стоит в данном контексте воспринимать неравновесность в классическом смысле, поскольку «нарушение передает в систему из сферы возможного что-то актуальное на данный момент», т.е. можно утверждать, и неравновесие способствует поддержанию стабильности [5. С. 130]. Бесспорно, сообщество претерпело целый ряд изменений. Не будет преувеличением сказать, что его аутопоэзисная «генная» кодификация получила новое прочтение, что отразилось на знаковой для истории науки Сибири деятельности Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (далее также – ТКУ). Чтобы в некотором роде расшифровать движущие символы и сущность этих изменений, обратимся к истории создания данного органа.

Местные ученые, по всей видимости, изрядно удивив городскую власть, в первые же дни войны предложили трансформировать устоявшуюся научную систему города созданием нового типа, на первый взгляд, ранее не апробированного, организации научного сообщества. Традиционно принято считать, что инициатива исходила от ряда авторитетных ученых города: Б.П. Токина, М.К. Коровина, В.Д. Кузнецова и др. [10. С. 11]. Есть основание предположить, что последний был основным генератором данной идеи, потому как именно он в своих выступлениях отразил «референтное поле» замысла. В одном из докладов начала войны Кузнецов отмечал: «В капиталистических странах вся наука поставлена на службу войне. В США летом 1940 г. организован Исследовательский комитет национальной обороны (Национальный комитет оборонных исследований. – *А.С.*), во главе которого поставлен доктор Буш – председатель (президент. – А.С.) Института Карнеги в Вашингтоне; его членами являются представители науки и военного и морского министерств» [11. Л. 5].

Вэннивера Буша, американского ученого-изобретателя, инженера и организатора науки, нередко называют создателем американской научной политики. Пользуясь большими связями и влиянием в политических кругах США и во многом благодаря успехам в качестве руководителя Национального комитета оборонных исследований в военное время, в конце Второй мировой войны он, после обнародования своего доклада «Science: the endless frontier» (1945), обращенного к Президенту, дал начало практической реализации либеральной парадигмы научной политики в США.

Парадоксально, но данный тип организации, на который убедительно ссылается Кузнецов как на источник замысла, во многом возник в пику советской научной «действительности». М. Полани, апологет и вдохновитель либеральной научной парадигмы, в 1930-е гг. лично побывавший в СССР в качестве приглашенного Наркоматом тяжелой промышленности лектора, строил свои научно-социологические концепции не в последнюю очередь на отрицании увиденного в стране «победившего социализма».

Еще более любопытной представляется ориентация профессора Кузнецова на предвоенный опыт организации науки в Германии, где, по его словам, «в 1937 г. при Министерстве науки и народного образования был создан Императорский совет по научным исследованиям для объединения и направления исследовательских работ и для обеспечения задач военно-хозяйственной подготовки» [11. Там же. 6].

Упомянутый Совет действительно существовал и состоял из представителей различных наук, которые направляли планирование и научно-исследовательскую деятельность ученых университетов и высших технических учебных заведений Германии и 30 научно-исследовательских институтов Общества кайзера Вильгельма. Однако данная структура не имела полномочий координировать деятельность всех ученых государства. Наряду с советом существовали «совершенно независимая промышленная научно-исследовательская организация» (включала в себя лаборатории промышленных гигантов I.G. Farbenindustrie, Zeiss AG, Siemens Aktiengesellschaft, Всеобщей компании электричества и т.д.), а также научно-исследовательский аппарат вооруженных сил. Приказ Гитлера начала войны о неразглашении тайн и секретов, а также недостатки в системной, сетевой организации науки страны, где к тому же после прихода нацистов к власти интеллигенция, в том числен и академическая, была маргинализирована, в конечном итоге привели к тому, что «отдельные области исследований все больше и больше изолировались друг от друга», а «ученый-исследователь какого-либо высшего учебного заведения не только ничего не знал, но даже и не подозревал о тех исследованиях, открытиях и усовершенствованиях, которые производились в промышленных лабораториях» [12. С. 339–343]. Это позволяет нам говорить о науке национал-социалистской Германии как о поликратическом картеле блоков власти (Ф. Нойман), т.е. об отсутствии единой научной политики в правительстве Гитлера. Нельзя не упомянуть и о том, что кризисные явления немецкой науки 1930-х – первой половины 1940-х гг. усиливались целым комплексом других факторов (идеологическое давление, расовая гигиена, нарушение культурного обмена (более подробно см.: [13])), что не могло не привести к деструкции жизненных кодов научных сообществ.

Следствием этого стало явное, по сравнению с ее противниками, научное отставание Германии в последние годы Второй мировой войны, которое контрастировало с гигантскими научными наработками немецких ученых по самым разным направлениям, убедительной иллюстрацией чего стал «трофейный поход» союзников и СССР в «научную Германию» конца войны. Известно, что, «по самым осторожным подсчетам, победителями было конфисковано 346 тыс. германских патентов, а результаты исследований в промышленности во всех государственных и даже частных научно-исследовательских учреждениях были изъяты у их хозяев и исчислялись не количеством страниц, а количеством тонн» [12. С. 336].

Организация науки в Германии того периода лишь на первый и в некотором смысле непросвещенный

взгляд казалась эффективной. Полагаем, что апеллирование к данному примеру со стороны В.Д. Кузнецова явилось результатом недостаточной осведомленности в данном вопросе, что объяснимо, учитывая коммуникационные реалии тех лет.

Какова природа опоры на «пустой» референт в реализации успешного и самобытного научно-организационного проекта в томском научном сообществе времен войны? Стал ли очередной виток развития и трансформации данного микросоциума итогом симулякриционного генезиса или он имел иное происхождение?

Местная «Республика ученых», бесспорно, имеет в своем развитии циклические линии восхождения. Ситуация, аналогичная периоду Великой Отечественной, сложилась в этом городе в годы другой войны – Гражданской. И хотя сравнительно-исторического анализа двух этих периодов в истории научного микросоциума Томска не проводилось, есть основания зафиксировать целый ряд общих черт в развитии. В обоих случаях имела место атмосфера мобилизации, ментального «включения» – то, что мы назовем аутопоэзисным напряжением. Схожи и организационные «скелеты» двух периодов – Институт исследования Сибири (1919–1920) и Томский комитет ученых. И тот и другой имели специализированную и иерархичную, «пирамидальную» структуру. Так, Институт исследования Сибири работал в составе двух отделений (Среднесибирского и Дальневосточного) и шести отделов (бальнеологии и курортоведения, естественно-исторического и т.д.), функционировавших в Томске [14. С. 13].

ТКУ, имевший более широкий жизненный цикл, видоизменялся динамичнее, но все-таки был также основан на специализации: в его составе функционировали постоянные и временные структуры: консультационное, химическое, медико-биологическое, транспортное бюро, комиссия по улучшению быта ученых и т.д. Координационную деятельность осуществлял Президиум комитета, за которым в уставе было закреплено «право давать научно-технические и организационно-научные поручения ученым и инженерам» [Там же. С. 26]. Ориентированы обе структуры были в первую очередь на реализацию региональных научно-исследовательских проектов. Заметна и общая для них привилегия аккумулировать и распределять финансирование без видимого внешнего давления. Так, согласно «Положению о ТКУ», орган «распоряжался средствами, отпускаемыми Научным советом при Новосибирском облисполкоме». Деньги переводились непосредственно на счет Сибирского физико-технического института, своеобразного «штаба» ТКУ, с пометкой «Для Томского комитета ученых». В извещении от ноября 1941 г. секретаря Томского горкома С.С. Чернышева и председателя горисполкома ВКП(б) Г.Н. Годовицына на имя управляющего томским отделением Госбанка подчеркивалось, что председатель Б.П. Токин и его ответственный секретарь К.А. Водопьянов «имеют право распоряжаться финансовыми средствами комитета ученых» [15. Л. 48].

Отметим, что В.Д. Кузнецов в 1919 г. принимал участие в организационном съезде Института исследования Сибири [16. С. 218]. Именно он с началом Великой Отечественной войны стал проводником автовоспроизводящей схемы «перерождения» микросоциума, в коммуникационном плане, по сути, сделав самореферентную ссылку, маскируя ее под ложный референт.

Генерирующие аутопоэзисные коды томского академического микросоциума – топоцентрика и образ культурно-исторического ландшафта – стали теми силами, которые ассимилировали культурное разнообразие в этом космополитическом сообществе, что связано с высокой мобильностью ученых в нем. Так, тот же В.Д. Кузнецов в письме заместителю председателя СНК Р.С. Землячке от 28 декабря 1941 г. использует (в противовес ложным референтам) иной символический словарь, называя Томск «Сибирскими Афинами» и «Советским Оксфордом» [17. Л. 53 об.]. К схожему метафорическому аппарату прибегал, например, профессор Томского университета И.Н. Бутаков, в одной из своих докладных записок называя город «научным центром Сибири», «очагом культуры, давшим народу выдающихся ученых». В то время когда в Томске планировалось организовывать Западно-Сибирский филиал АН СССР, идея Сибири вновь предстала доминирующей. При нем предполагалось создать научную комиссию по истории и экономике Сибири [18. Л. 105 об.], а деятельность филиала выстраивать по принципу развития этого региона, демонстрируя, «какими большими возможностями располагает советская Сибирь» [19. Л. 6–11].

Анализ риторики выступлений ученых города показывает, что именно топоцентрические аспекты определили формы основной самоидентификации сообщества. Стоит сказать, что данная операциональная цепь поддерживалась в некотором отношении за счет табуирования «советской» или (в дореволюционный период) «российской» идентичностных моделей. «Этот город, – писал в военные годы тот же профессор Бутаков, – надо поставить в совершенно исключительные условия, ибо он не подходит ни под какой советский стандарт, в отношении него приходится сделать исключение из общих правил» [Там же. Л. 20–31 об.].

Что касается потенциальных изменений системы и ее взаимодействия с «окружающим», то выстраивается последнее по принципу редукции комплексности. Исходя из посылки о том, что аутопоэзис постоянен в своем состоянии и конфигурациях, символический обмен «мира» и данной системы происходит через структуры, «сопряженность которых всегда очень избирательна». Луман определяет структурную сопряженность как «глубоко селективную систему», из массы возможностей «мира» избирающую отдельные, «включенные» образцы [5. С. 125, 127]. В этом смысле чем более комплексной является система, тем выше ее устойчивость.

Таким образом, те структурно сопряженные изменения, которыми отмечается научное сообщество, как писал Луман, «ортогональны аутопойесису». Иными словами, пока жива система со своей «индивидуальностью», никакие структурные экспансии не могут ее разрушить. «Бывают разные структуры, – добавляет Луман, – и тезис гласит, что структурное развитие

возможно до тех пор, пока функционирует аутопойесис… Окружающий мир может разрушить систему, но не может способствовать ее сохранению» [5. С. 124].

Отметим, что под структурами мы понимаем единство компонентов системы и способов их взаимодействия в пространстве этой системы. Это избавляет нас от специфичной вульгаризации данного понятия в ходе исторической рецепции (структуры – это не структурные части сообщества, т.е. не совокупность людей, вузов, лабораторий и т.д.), и выводит на первый план иные смыслы: в рамках сообщества мы наблюдаем повседневностные структуры, политическую активность, способы элиминации «исключенного», педагогическую культуру и т.д.

Ситуацию структурной сопряженности при сохранении аутопоэтического ядра в рассматриваемом микросоциуме наглядно иллюстрирует история его взаимодействия с партийной культурой, агрессивная экспансия которой заявила о себе по окончании Гражданской войны. Кризисность возникшей ситуации заключалась в том, что объектом атаки стало множество структур одновременно: в образовании она осуществлялась через пролетаризацию студенчества, в администрации вузов – через представительство партийных функционеров и – одно время – студентов (чаще всего соответствующих политических взглядов), в академических практиках – через ликвидацию степеней и традиционных способов научной инициации (защиты квалификационных работ), в бытовой повседневности – через обнищание и «ментальную репрессию» (см.: [20]) профессоров и преподавателей.

Данные факторы спровоцировали радикальные изменения в сообществе: в 1920-е гг. оно оказалось на грани распада (см.: [21. С. 174–176]). Именно аутопоэзис, доминанта самореферентности позволяют нам приблизиться к ответу, почему уже в 1930-е гг. произошел циклический поворот, результаты которого проявились в Великую Отечественную войну.

Автономия как непреходящая ценность академических организмов созвучна аутопоэтической сущности системы. Именно автономной представляется жизнь сообщества, в котором во многом по классическим канонам были реставрированы и образование, и административная система, и система ученых званий и степеней. Конечно же, нельзя не признать, что в рассматриваемый период партийные структуры были вплетены в академическую жизнь. К тому же и многие профессора состояли в партии и включали этот аспект в понятие идентичности сообщества.

И все-таки партия не стала определяющим фактором в жизни томского научного микросоциума. Упомянем в связи с этим тот факт, что, например, большинство членов ТКУ, титульного научно-координационного органа города, были беспартийными. Это А.Г. Савиных и Д.И. Гольдберг, А.И. Бутаков и М.К. Коровин, И.В. Геблер и А.А. Заварзин, упомянутый выше В.Д. Кузнецов (вступил в ВКП(б) лишь в 1945 г.). Подчеркнем, что это видные и авторитетные люди, определявшие образ ученого города. Нельзя обойти стороной и то, что двое из членов комитета ранее были репрессированы, и один из них при этом занимал должность председателя этого органа (речь о Б.П. Токине; его коллега Н.А. Чинакал в 1928 г. был осужден по «Шахтинскому делу» на 6 лет строгого режима).

Подчеркнем, что актуализация автономии научного сообщества в годы Великой Отечественной войны носила расширительный характер. Историк Н.Л. Кременцов писал по этому поводу: «Война заставила чиновников положиться на знания и умения военных, промышленных, научных и технических специалистов во всех сферах жизни, приведя таким образом к ослаблению партийного контроля и усилению местной инициативы и автономии» [22. С. 783]. Это привело к изменению аппарата управления наукой по принципу децентрализации (создание множества филиалов академий, централизованных по региональному признаку), усилению роли технократов в государственной машине, наконец, к частичному разрушению изоляции и установлению международных контактов.

Партия не изменила «группу крови» сообщества (что отражено в истории многих академических структур страны, среди которых особое место занимает Академия наук с более чем двухсотлетней историей), что во многом стало результатом самовоспроизводства и восходящей «аутопоэтической» цикличности традиции, растворенной во всех сферах социума, в том числе и быте ученых. Из газетных материалов мы можем узнать, что в дни войны Н.В. Вершинин (один из старейших на тот момент профессоров города), например, пожертвовал в Фонд обороны золотые часы, цепь, кольцо, золотые монеты и редчайший Цейссовский бинокль [9. 1941. 5 авг.], а его коллега А.Е. Абрамович для тех же благородных целей сдал облигации займа на сумму 12 110 руб. (достаточно внушительная сумма). Нашлись среди запасов профессора и двое золотых часов и золотая монета номиналом в 20 долларов [Там же. 14 авг.].

Закрывая эту тему, требующую более детального исследования, отметим главное. Бытовые практики, условия жизни профессуры к 1940-м гг. во многом сохранили очертания классического, уходящего еще в дореволюционное время канона. Этот бытовой дискурс во многих аспектах отражал потенциал академического аутопэза, в рамке которого, как в случае с небезызвестным нам профессором – героем повести Булгакова, пролетарская революция не является поводом для отказа от обеда в собственной гостиной, поданного нанятой для этого «социал-прислужницей».

Вышесказанное приводит нас к выводу о том, что в рамках избранной концептуализации и хронологического периода в ином свете предстает фундаментальное для научного сообщества понятие «автономия». Привычно воспринимаемая как независимость от власти, прописанная в уставе, здесь она приобретает более глубокие очертания, связанные с практиками самореферентности и самовоспроизведения как инструментов сохранения системного «Я». Рассмотренная проблема лишь отчасти проясняет для нас контуры человека, встроенного в конструкт традиции и мемориальных хроник на карте сообщества.

Отметим в заключение, возвращаясь к аргументу Лумана, что теория аутопэзиса действительно не объ-

ясняет исследованную реальность «Советского Оксфорда», но в то же время служит концептуальным аппаратом, позволяющим обнаружить (и понять) те тенденции развития, которые были бы неочевидными при ее отсутствии, приближающим нас к ответу на вопрос, что представляет собой рассматриваемый феномен прошлого. Подчеркнем, что, на наш взгляд, понятие аутопоэз применимо преимущественно к локализованным региональным системам неклассического этапа развития науки, когда тенденции глобализации еще не начали размывать изначальность общности.

Самовоспроизводящаяся модель академического мира Томска, фиксируемая в организационных абрисах, бытовом дискурсе, практиках обращения с надындивидуальными символами, во многом проливает свет на самобытность системы, которая возникла и развивалась в столь экзотическом месте.

Все это заставляет нас прислушиваться к голосу сообщества, к тем, подчас неявным, смыслам, которые через смерть и возрождение воссоздают примордиальный облик, растворенный в исторической самотождественности академического микросоциума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамье В.В. Кропоткин и биология аутопоэзиса // Международная ассоциация трудящихся. URL: http://www.aitrus.info/node/4550 (дата обращения: 11.11.2019).
2. Бразговская Е.Е., Смердова Е.А. Когнитивный потенциал автореференции: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 94–102.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Князева Е.Н. Автопоэзис: становление, развитие и успех идеи // Синергетика : антология / науч. ред., сост., авт. переводов и вступ. ст. Е.Н. Князева. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 371–397.
5. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. М. : Логос, 2007. 360 с.
6. Bopry J., Brier S. Foreword: The Ages of Francisco Varela // Cybernetics & Human Knowing. 2002. Vol. 9, № 2. P. 5–8.
7. Князева Е.Н. Творческий путь Франсиско Варелы: от теории автопоэзиса до новой концепции в когнитивной науке // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 91–104.
8. Лавренчук Е.А. Аутопойезис // Vox : электронный журнал. 2011. Вып. 11. URL: https://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf (дата обращения: 15.11.2019).
9. Красное знамя : орган Томского горкома ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся). Томск.
10. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Литвинов А.В., Приль Л.Н., Васильева Е.В., Сорокин А.Н., Зленко К.В., Степнов А.О., Афанасенков В.О. Томский комитет ученых во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: исторический очерк // Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2015. С. 9–37.
11. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 189.
12. Расцвет и упадок германской науки в период Второй мировой войны // Итоги Второй мировой войны : сб. статей. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. С. 335–355.
13. Уолкер М. Науки при национал-социализме (пер. Э.И. Колчинского) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 701–727.
14. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории института исследования Сибири // Журналы заседания совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
15. Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1.
16. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета : биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
17. ГАТО. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 700.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 7.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9.
20. Степнов А.О. «Охота на ведьм» в томском академическом микросоциуме: к проблеме ментального бытия русской профессуры в условиях деформации классовой идентичности в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 53–65.
21. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 172–181.
22. Кременцов Н.Л. Советская наука и война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 783–817.

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

THE PROBLEM OF TRADITION AND AUTONOMY IN THE TOMSK SCIENTIFIC MICROSOCIUM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: AUTOPOIESIS AND STRUCTURAL COUPLING

Keywords: autpoiesis; strstural coupling; Tomsk; Microsocium; scientific community; self-reference.

In the article separate episodes from the history of the academic microsociety of Tomsk during the Great Patriotic war are considered. The subject of the study is updated through a conceptualization of the Autopoiesis theory and its sociological reception of N. Luhmann. A brief review of the basic concepts of this theory (autopoiesis, operative closure, structural coupling) is given. Its potential as a view of interdisciplinary tools is studied. It is emphasized that today it is already used in linguistics and literary studies, philosophy of technology and research of the Internet-space. Through the prism of the category "memory", that introduced by Luhmann in the context of autopoiesis, the reference field of the organizational construct of the Tomsk scientific community during the Great Patriotic war – the Tomsk Committee of scientists – is analyzed. It is proved that reference in concept of the Committee to foreign experience of development of science (the USA, Germany) by the Professor-physicist of Tomsk state university V.D. Kuznetsov had paradoxical character and therefore represents the "false", or empty, referent. A brief comparative historical analysis of two periods in the development of Tomsk scientific community – in the Civil (1918-1920), on the one hand, and the Great Patriotic war (1941-1945), on the other hand, – shows us that the structural organization and the "symbolic foundation" of the "Republic of scientists" of Tomsk during the Great Patriotic war were cyclical and self-referential. It is concluded, on the example of relations between the Bolshevik party and the Tomsk community of scientists during the 1920s – the first half of the 1940s, that autopoiesis served as a factor in the preservation of the rising tradition of microsocium, and its coexistence with the party culture developed on the basis of structural coupling. This created between

them a kind of space "nobody's land". It is emphasized that during the non-classical period the autopoietic basis, which associated with the pre-revolutionary era, of the Tomsk academic microsocium included the topocentrical aspect (“Tomsk as the oldest cultural center of North Asia”) and the image of the cultural and historical landscape (“Siberia”). This is reflected in the rhetoric of scientists, the choice of the dominant, strategic directions of research activities of the community, symbolic attributes (interest in the history of the region, emphasis on its exclusivity). Autopoietic, primordial codification of the scientific community is fixed in its organizational outline, everyday discourse, reference to supra-individual symbols. This, in turn, is the main feature of “academic autonomy” in a modernised, non-classical sense of this category.

REFERENCES

1. Damier, V.V. (n.d.) *Kropotkin i biologiya autopoezisa* [Kropotkin and the biology of autopoiesis]. [Online] Available from: http://www.aitrus.info/node/4550 (Accessed: 11th November 2019).
2. Brazgovskaya, E.E. & Smerdova, E.A. (2013) Kognitivnyy potentsial avtoreferentsii: samoopisaniya v proze Stanislava Lema [Cognitive potential of autoreference: self-description in Stanislav Lem’s prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2(22). pp. 94–102.
3. Maturana, U. &Varela, F. (2001) *Drevo poznaniya* [The Tree of Knowledge]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Knyazeva, E.N. (2013) Avtopoezis: stanovlenie, razvitie i uspekh idei [Autopoiesis: formation, development, and success of an idea]. In: Knyazeva, E.N. (ed.) *Sinergetika: antologiya* [Synergetics: an anthology]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 371–397.
5. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnuyu teoriyu* [Introduction to the System Theory]. Translated from German by K. Timofeev. Moscow: Logos.
6. Bopry, J. & Brier, S. (2002) Foreword: The Ages of Francisco Varela. *Cybernetics & Human Knowing*. 9(2). pp. 5–8.
7. Knyazeva, E.N. (2005) Tvorcheskiy put' Fransisko Varely: ot teorii avtopoezisa do novoy kontseptsii v kognitivnoy nauke [The creative path of Francisco Varela: from the theory of autopoiesis to a new concept in cognitive science]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 91–104.
8. Lavrenchuk, E.A. (2011) Autopoyezis [Autopoiesis]. *Vox*. 11. [Online] Available from: https://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf (Accessed: 15th November 2019).
9. Tomsk Region. (n.d.) *Krasnoe znamya: organ Tomskogo gorkoma VKP(b) i Gorodskogo soveta deputatov trudyashchikhsya (s avgusta 1944 g. – Tomskogo obkoma VKP(b) i Oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya)* [Krasnoe znamya: organ of the Tomsk City Committee of the CPSU (b) and the City Council of Working People's Deputies (since August 1944 – the Tomsk Regional Committee of the CPSU (b) and the Regional Council of Working People's Deputies)]. Tomsk: Krasnoe znamya.
10. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Litvinov, A.V., Pril, L.N., Vasilieva, E.V., Sorokin, A.N., Zlenko, K.V., Stepnov, A.O., Afanasenkov, V.O. (2015) Tomskiy komitet uchenykh vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: istoricheskiy ocherk [The Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: a historical sketch]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–37.
11. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-1562. List 1. File 189.
12. Tissen, P. (1957) Rastsvet i upadok germanskoy nauki v period Vtoroy mirovoy voyny [The heyday and decline of German science during the Second World War]. In: *Itogi Vtoroy mirovoy voyny* [Results of the Second World War]. Moscow: Izd-vo inostr. lit. pp. 335–355.
13. Walker, M. (2003) Nauki pri natsional-sotsializme [Science under National Socialism]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 701–727.
14. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. & Merkulov, S.A. (2008) Iz istorii instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniya soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Minutes of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–43.
15. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 2. File 1.
16. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1562. List 1. File 700.
18. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 7.
19. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 9.
20. Stepnov, A.O. (2018) “Witch-hunt” in the Tomsk academic microsociety: to the problem of the mental existence of the Russian professors under class identity deformation during the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 56. pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/56/7
21. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) Transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 172–181. (In Russian).
22. Krementsov, N.L. (2003) Sovetskaya nauka i voyna [Soviet Science and War]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 783–817.

УДК 94(571).084.8
DOI: 10.17223/19988613/71/8

О.В. Филиппенко

К ПРОБЛЕМЕ ГРАНИЦ ДИКТАТУРЫ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ МВД И МГБ С ИНЫМИ ВЛАСТНЫМИ СТРУКТУРАМИ ПО ВОПРОСАМ НАДЗОРА ЗА СИСТЕМОЙ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

Поднимается проблема ограничений сталинской диктатуры. Посредством анализа отдельных исторических ситуаций (конец 1940-х – начало 1950-х гг., Новосибирская и Томская области) определяются отличия в интерпретациях разными органами власти норм, регулировавших жизнь спецпоселенцев. Показывается, как порождаемые ими конфликты сглаживали репрессивные практики. Делается вывод, что не было заложено системы контроля законности действий надзорных органов, но из-за наличия у работников МВД и МГБ своих представлений о целесообразности и справедливости отдельные практики корректировались.

Ключевые слова: спецпоселение; тоталитаризм; ревизионизм; поздний сталинизм; Западная Сибирь.

Одной из ключевых дискуссий в историографии сталинизма является полемика между представителями «тоталитарной» («традиционалистской») и «ревизионистской» научных школ. В рамках первого концептуального подхода сталинское общество рассматривается или как полностью подчиненное обладающему фактически неограниченной властью государству, или как вовсе соединенное с ним. В этой связи проявления «тоталитарности» видятся как в масштабных репрессивных практиках, так и в подчинении политическим структурам практически всех социальных институтов. Таким образом, согласно «тоталитарной парадигме», в сталинское время государственное принуждение не только распространилось на области, которые ранее не находились или находились в незначительной степени под юрисдикцией государства, но и фактически не имело каких-либо институциональных ограничений. Концептуальные основы «тоталитарной» парадигмы были заложены в работах Х. Арендт, З. Бжезинского, К. Фридриха, А. Майера и Х. Линца, ставших классическими. Среди более поздних трудов, выполненных в рамках данного концепта, следует отметить работы И.В. Павловой [1]. Представители «ревизионистского» подхода пытались показать двойственность норм повседневной жизни и неоднородность общественных представлений, опровергая тем самым тезис о всеобъемлющем, обладающим фактически безграничной властью государстве. «Ревизионистский» подход первоначально возник как антитеза «тоталитарному» концепту и был призван обратить внимание историков на проблемы социальной истории. Условное начало данному направлению положила статья Ш. Фицпатрик [2].

Однако справедливые указания «ревизионистов» на наличие противоречий между различными подсистемами советской системы, а также на то, что государство едва ли могло контролировать все сферы жизни социума, не является основанием для полного отказа от «тоталитарного» концепта. Согласно Джону Кипу, когнитивные возможности «тоталитарной» парадигмы не исчерпаны в случае ее корректного использования, поскольку нельзя отрицать факт наличия у сталинского режима стремления к установлению жесткого контроля над обществом, в реализации которого он добился определенных успехов [3. P. 98–99]. В этой связи вопрос стоит, скорее, в выявлении основных трудностей и барьеров, с которыми сталкивалась сталинская диктатура при претворении в жизнь данного желания, и определении границ «тоталитарности». Данная проблематика особенно актуальна применительно к послевоенному времени, поскольку, победив в войне, сталинский режим доказал свою устойчивость и легитимность, что дало ему определенный мандат на расширение сферы действия типичных для него мобилизационных и репрессивных технологий.

Ключевым направлением для изучения проблемы границ «тоталитарности» являются исследования, посвященные советской юстиции, в рамках которых анализируются в том числе механизмы сдерживания, существовавшие внутри сталинской управленческой системы. В большинстве своем историки исходят из того, что в период позднего сталинизма власть НКВД / МВД и НКГБ / МГБ была практически непоколебимой, а призванные контролировать их властные структуры действовали по большей части в их же интересах [4. С. 304]. При этом ряд исследователей подчеркивают, что некоторые режимные инициативы все же натыкались на противодействие со стороны как непосредственно служащих системы внутренних дел и госбезопасности, так и работников других властных институтов (например, судов и прокуратуры). Однако характер и причины данного противодействия оцениваются по-разному. Одни исследователи объясняют его наличие отсутствием дисциплины и контроля в партийно-государственной машине в целом, другие рассматривают его как проявление сознательного противодействия наиболее крайним аспектам сталинской политики [5. P. 456–457].

Вопрос о характере системы сдерживания деятельности органов НКВД / МВД и НКГБ / МГБ находит свое отражение и в работах, посвященных непосредственно спецпоселениям. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. в сфере

компетенции МВД находились материальное обеспечение и трудоустройство спецпоселенцев, их учет, а также административный надзор за ними. В свою очередь, органы государственной безопасности должны были проводить чекистскую работу и выявлять среди спецпоселенцев шпионов, диверсантов, террористов и другие «враждебные» элементы. К настоящему времени в научной литературе наблюдается две диаметрально противоположные точки зрения. Первая концептуализирована в работах Л.П. Белковец. Согласно ее выводам на спецпоселениях была разработана система контроля за выполнением режимных требований должностными лицами, которая включала в себя «сплошную» и выборочные проверки соблюдения правил, оперативно-чекистское обслуживание, розыскные мероприятия и т.п. В свою очередь нарушение установленных правил специального режима влекло за собой пресекательные меры и меры дисциплинарного и административного воздействия [6. С. 325]. К противоположным выводам, однако, пришли С. А. Красильников [7. С. 317] и А. С. Иванов [8. С. 704], по данным которых контроль за деятельностью работников комендатур де-факто отсутствовал.

Решение поставленной проблемы видится не только в выявлении сферы компетенции органов, призванных надзирать за соблюдением законности в спецпоселениях, но и в разборе конкретных исторических ситуаций, в рамках которых органы МВД и МГБ вступали в противодействие с работниками системы суда и прокуратуры, партийными структурами или представителями хозяйственных организаций. Анализ конфликтов позволяет понять, могла ли позиция, например, прокуратуры изменить на практике политику министерства внутренних дел, направив ее в более законное русло. Именно конкретные ситуации лучше всего демонстрируют, как в сталинской диктатуре формировалась практика реализации властных решений и как функционировали и функционировали ли в принципе механизмы, которые должны были в той или иной степени сглаживать репрессивные технологии и хотя бы немного адаптировать решения центра под потребности спецпоселенческого социума. В этой связи в рамках настоящей статьи подробно рассматриваются три частных ситуации, которые произошли в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. на территории Новосибирской и Томской областей. Каждая из них является примером противостояния органов МВД с другими принимающими решения акторами и четко демонстрирует противоречия, существовавшие внутри властной структуры, а также механизмы их разрешения.

1. «Беглецы должны привлекаться к уголовной ответственности вне зависимости от обстоятельств побега»: дискуссия о самовольных отлучках спецпоселенцев

22 июня 1948 г. трое состоящих на спецучете немца без разрешения уполномоченного органа выехали из Кемеровской области в Семипалатинск для посещения родственников. Спустя некоторое время спецпоселенцы планировали вернуться обратно. В пути, однако, они были задержаны [9. Л. 11]. Согласно Положению «О районных и сельских комендатурах НКВД» от 7 февраля 1944 г. несанкционированные выезды спецпоселенцев за пределы района расселения должны приравниваться к полноценному побегу и, следовательно, наказываться не в административном, а в уголовном порядке в случае, если они превышали одни сутки [10. С. 400–403]. Вплоть до 21 февраля 1948 г. наказание за побеги из спецпоселений регулировалось Уголовным кодексом РСФСР, согласно которому максимальная санкция для беглецов составляла три года лишения свободы (ст. 82), а для укрывших их лиц – один год (ст. 59-13). Затем декретом Совета Министров СССР наказание повысилось до 10 лет [11. С. 89–90]. 26 ноября 1948 г. был принят указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», установивший наказание для беглецов в виде 20 лет каторжных работ. Формально деяние трех состоящих на спецучете немцев подпадало под действие Постановления Министров СССР от 21 февраля 1948 г. На практике, однако, между органами МВД и прокуратурой завязалось противостояние по вопросу целесообразности привлечения к уголовной ответственности тех, кто лишь на время выехал из районов расселения и не планировал в последующем скрываться от властей, а, напротив, хотел вернуться в спецпоселения.

Расследование по делу трех немцев было завершено 17 августа 1948 г. и направлено на рассмотрение особого совещания МВД. Однако в январе 1949 г. по заключению заместителя генпрокурора СССР генерал-лейтенанта юстиции А.П. Вавилова дело было направлено на новое рассмотрение. Согласно данному заключению, следствие должно было проверить, проживали ли родственники обвиняемых в Семипалатинске или нет. В случае подтверждения данного факта дело следовало прекратить [9. Л. 11]. Данная позиция прокуратуры вызвала протест со стороны управления МВД по Новосибирской области в лице его начальника генерал-майора Ф.П. Петровского, который уже 5 февраля 1949 г. обратился за поддержкой к руководителю отдела спецпоселений МВД СССР полковнику В.В. Шияну. В своем заявлении он сообщил, что органы прокуратуры регулярно отказывают в санкционировании арестов и прекращают уголовные дела в случаях, если, по их мнению, спецпоселенцы не располагали умыслом к побегу и покинули районы расселения, например, для встречи с родственниками или выполнения какого-либо производственного задания. Петровский, в свою очередь, считал, что данные лица должны привлекаться к уголовной ответственности независимо от того, какую цель они преследовали, поскольку подобные действия с формальной точки зрения являются побегом [Там же. Л. 10–11].

Мотивация начальника управления МВД по Новосибирской области вполне объяснима, поскольку именно отсутствие побегов являлось основным критерием оценки работы надзирающих за спецпоселенцами органов. Об этом, например, напрямую заявил руководитель управления МВД по Кемеровской области

генерал-майор В.В. Губин на заседании начальников городских и районных отделов МВД, прошедшем 7 апреля 1948 г.: «Помните, что наличие или отсутствие побегов будет служить мерилом при оценке работы комендантов и начальников органов МВД. Мы расцениваем побег как чрезвычайное происшествие, за которое должны нести ответственность комендант и начальник органа, допустившие побег» [12. Л. 135]. В свою очередь, практика самовольных отлучек спецпоселенцев, по мнению надзорных органов, вела к увеличению числа реальных побегов. Например, расселенные в Кемеровской области «власовцы», которые по инициативе руководителей хозяйственных организаций без согласования с работниками комендатур отпускались в отпуска или командировались для выполнения производственных заданий, массово не возвращались обратно в места расселения [9. Л. 168]. В этой связи стремление управления МВД по Новосибирской области использовать общую тенденцию по ужесточению антипобегового законодательства как повод для активизации борьбы с практикой самовольных отлучек вполне объяснимо.

Факт того, что Новосибирское управление МВД в конце 1948 г. встало на позицию ареста с последующим привлечением к уголовной ответственности всех несанкционированно покинувших места расселения спецпоселенцев вне зависимости от наличия у них умысла к побегу, подтверждается статистическими данными. Так, в четвертом квартале 1948 г. в области было зафиксировано 38 побегов. При этом 24 спецпоселенца совершили данное деяние, имея на руках командировочные удостоверения, еще семь человек бежали с целью избежать уголовного преследования за другие преступления, пятеро выехали для воссоединения семьей и двое – для заключения брака с не состоящими на спецучете гражданами. 28 из 38 человек были задержаны, среди них были все лица, выехавшие из мест расселения по командировочным удостоверениям. Только один из этих спецпоселенцев был привлечен к административной ответственности, остальные 27 были арестованы в уголовном порядке [13. Л. 199–200]. Завершились ли данные дела вынесением обвинительного приговора, установлено не было. Кроме того, в январе 1949 г. были осуждены трое спецпоселенцев, которые без разрешения коменданта покинули свой район расселения, однако не выезжали за пределы области [9. Л. 6].

Заявление Петровского было перенаправлено заместителю министра МВД СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. Тот, в свою очередь, поддержал нижестоящего коллегу и уже 8 февраля 1949 г. направил Вавилову сообщение, в котором потребовал, чтобы названные начальником Новосибирского управления МВД спецпоселенцы предстали перед судом [14. Л. 11]. Данное письмо Рясного, однако, не является основанием полагать, что центральное управление МВД в целом разделяло позицию Петровского и считало, что лиц, покинувших места расселения без согласования с комендатурой, необходимо привлекать к уголовной ответственности вне зависимости от наличия умысла к побегу. Об этом свидетельствует два факта.

Во-первых, поддерживаемая управлением МВД по Новосибирской области практика применения к совершившим самовольные отлучки спецпоселенцам уголовных санкций не была широко распространена. Так, данные по Томской и Кемеровской областям показывают, что подобные нарушения карались административным наказанием в форме денежного штрафа или административного ареста сроком от трех до пяти суток. Этот факт подтверждается и нарративными источниками. Согласно дневникам Якоба Валля, высланного в рамках кампании по депортации поволжских немцев в Томскую область, он уже после принятия указа от 26 ноября 1948 г. неоднократно ездил в Томск и Бийск по различным семейным обстоятельствам, не имея при себе разрешения от надзорного органа. Данные факты были известны как коменданту, так и его заводскому начальству, которые, однако, предпочитали закрывать глаза на данные нарушения [15. S. 225–226].

Во-вторых, практически одновременно с рассматриваемыми событиями Рясной возвратил Петровскому пять уголовных дел и рекомендовал, чтобы обвиняемые спецпоселенцы были привлечены не к уголовной, а к административной ответственности. Фигурантом первого дела был немец, шофер по профессии, который выехал из Чулымского района Новосибирской области в областной центр для выполнения производственного задания. Он не смог получить разрешение коменданта, поскольку тот был в отъезде. Второе дело было возбуждено в связи с самовольной поездкой спецпоселенки из Чановского района в Новосибирск для прохождения офтальмологического лечения (комендант отказал в выдаче разрешения). Обвиняемыми по третьему делу были два спецпоселенца, которые 11 октября 1948 г., т.е. еще до принятия указа от 26 ноября 1948 г., несанкционированно покинули Болотнинский район Новосибирской области для регистрации брака в Андреевском районе той же области. По материалам четвертого дела, спецпоселенец выехал из Болотнинского района в Новосибирск по просьбе своего отца, чтобы встретить и привезти домой выписанную из больницы сестру. Наконец, обвиняемой по пятому делу проходила 52-летняя безграмотная калмычка, которая выехала из Бердска в Новосибирск для продажи сельскохозяйственной продукции на рынке. Совершенное деяние она объяснила тем, что ей недостаточно была разъяснена степень ответственности за данное правонарушение [16. Л. 308–309]. Свою позицию заместитель министра МВД СССР мотивировал тем, что решение о привлечении к уголовной ответственности должно приниматься с учетом конкретных обстоятельств побега (наличие умысла, личность спецпоселенцев, роль руководителей хозяйственных организаций, безответственное отношение к работе самих работников МВД и т.д.).

Таким образом, поддержка Рясным Петровского в его споре с органами прокуратуры была связана не с тем, что он разделял позицию нижестоящего коллеги, а с его стремлением защитить интересы своей корпоративной структуры. Согласно выводу Иммо Ребичека, в послевоенное время сфера влияния Министерства внутренних дел была неприкосновенной. Оно полно-

стью отвечало за все, что так или иначе было связано с «политическим преследованием», в то время как «неполитические дела» оставались в сфере ведения органов суда и прокуратуры [17. S. 324–325]. В рамках данного разделения сфер влияния решения о жесткости санкций, применяемых в отношении бежавших из мест расселения лиц, должны были приниматься единолично работниками системы МВД. В этой связи любые попытки прокуратуры нарушить границы компетенции с целью изменения правоприменительной практики незамедлительно пресекались руководством Министерства внутренних дел, даже если позиция прокуратуры казалась ему более целесообразной. В то же время подобные действия прокуратуры способствовали тому, что непосредственно внутри системы МВД происходила корректировка излишне жесткой позиции отдельных ее работников. Важно, что начиная приблизительно со второго квартала 1949 г. из документов исчезают указания на то, что работники Новосибирского управления МВД стремились наказывать совершающих самовольные отлучки спецпоселенцев в уголовном порядке – указ от 26 ноября 1948 г. стал применяться по большей части к лицам, умышленно бежавших из мест расселения. Однако изменение правоприменительной практики было связано не только с вмешательством центра. Свою роль сыграло и то, что проблема самовольных отлучек потеряла свою актуальность, поскольку руководители предприятий – отчасти в связи с резким ужесточением санкций – перестали массово командировать спецпоселенцев в другие районы [18. Л. 130].

Оценивая данный пример с точки зрения проблемы границ диктатуры, можно согласиться с выводом Петера Соломона, который указал на то, что сталинский режим при реализации репрессивных мероприятий натолкнулся на определенное противостояние со стороны суда и прокуратуры. Данное противоборство выражалось в том, что органы юстиции не всегда с необходимым энтузиазмом воспринимали репрессивные инициативы МВД и пытались корректировать его действия, пускай и в условиях фактического отсутствия у них необходимых для этого инструментов. По мнению историка, причина, по которой работники суда и прокуратуры пытались воздействовать на служащих системы внутренних дел, заключалась не столько в их недисциплинированности, упрямстве или простой некомпетентности, сколько в том, что они имели собственные представления о справедливости и целесообразности [5. P. 456–457].

Таким образом, нельзя согласиться с А.А. Германом и И.Р. Плеве, которые указали, что после принятия указа от 26 ноября 1948 г. многие спецпоселенцы, в том числе старики и женщины, были осуждены на 20-летнюю каторгу лишь за то, что позволили себе, к примеру, самовольно выйти за пределы населенного пункта, чтобы навестить родственников в соседнем селе либо сходить в лес за грибами и ягодами [19. С. 57]. Напротив, у работников системы внутренних дел в целом существовало представление о том, что повальное применение данного указа по отношению к совершившим самовольные отлучки лицам не является рациональным. Несмотря на то, что отдельные областные управления МВД, в рассматриваемом случае Новосибирское, сразу после принятия указанной нормы заняли жесткую охранительную позицию, в рамках которой стали активно привлекать спецпоселенцев к уголовной ответственности вне зависимости от обстоятельств побега, постепенно данная точка зрения под воздействием как органов юстиции, так и центрального отдела МВД была скорректирована.

2. «Органы МГБ не имеют права санкционировать переезды спецпоселенцев без согласования с хозяйственными структурами»: борьба председателей колхозов за возвращение самовольно переехавших лиц

Дискуссии о применении на практике противопобегового законодательства не ограничивались спором о самовольных отлучках спецпоселенцев. Достаточно широкое противостояние разгорелось также по вопросу их несанкционированных переездов. Состоящие на спецучете лица без разрешения надзорного органа уезжали из районов расселения, чтобы в обход установленной процедуры воссоединиться с семьей или осесть в более крупном городе. Уже на новом месте они пытались легализовать свой статус. В этом им помогали местные хозяйственные организации, которые зачастую с охотой брали на работу новоприбывших лиц. Данные неконтролируемые миграции достигали достаточно больших масштабов. Так, согласно информации начальника управления МВД по Томской области полковника А.Н. Бровченко, 712 спецпоселенцев без разрешения комендатуры в разное время переехали из отдаленных районов региона в областной центр [20. Л. 329–330]. То, какую позицию заняли различные властные структуры, хорошо иллюстрируют два примера, произошедшие приблизительно в одно время в Новосибирской и Томской областях.

1. В 1946 г. немец К. был депортирован в д. Ершово Сузунского района Новосибирской области. Там он стал работать в колхозе им. Андреева. В феврале 1950 г. К. женился на спецпоселенке Кр., которая была трудоустроена в Сузунском леспрохозе. По этой причине Кр. было разрешено переехать к месту жительства мужа. Однако уже в мае 1952 г. она подала заявление, в котором просила санкционировать ее выезд обратно в леспромхоз в связи с прекращением семейных отношений. Данное ходатайство было удовлетворено. В июле того же года К. без согласования с надзорным органом выехал к своей бывшей жене по причине восстановления семьи. На новом месте он не смог найти официальную работу и стал перебиваться случайными заработками. По просьбе председателя колхоза им. Андреева секретарь Сузунского райкома партии Ильенко обратился к органам МГБ с требованием привлечь К. к уголовной ответственности. Районный отдел МГБ в данном требовании отказал и предложил выдать спецпоселенцу официальное разрешение на переезд, благодаря чему К. получит возможность найти нормальную работу в Сузуне. Точка зрения районного отдела была поддержана областным управлением. После получения

отказа от МГБ Ильенко обратился за помощью в обком партии и обосновал свою позицию тем, что работники МВД и МГБ, санкционируя незаконные переезды спецпоселенцев вопреки мнению председателей колхозов и руководителей хозяйственных организаций, занимаются деятельностью, которая не входит в сферу их компетенции. По его мнению, трудоустройство состоящих на спецучете лиц по постановлению от 8 января 1948 г. должно находиться в сфере ответственности сугубо партийных и хозяйственных структур. В этой связи работники органов госбезопасности не имеют права решать проблему занятости спецпоселенцев без согласования с местной властью [21. Л. 146–148]. Реакция обкома партии на данное обращение не была установлена.

2. В июле 1954 г. спецпоселенец С., член колхоза им. Крупской Верхнекетского района Томской области, выехал в областной центр для прохождения лечения. Назад он не вернулся. Вместо этого спецпоселенец трудоустроился в одну из школ города в качестве конюха. Своего места жительства он не скрывал и на протяжении года и двух месяцев активно переписывался со своей семьей, которая осталась проживать в Верхнекетском районе. В результате его жена, работавшая в колхозе скотницей, 21 августа 1955 г. поехала на барже к своему мужу, не согласовав это с комендатурой. Несмотря на то, что двое их детей, 19 и 20 лет, не бежали вместе с родителями, они, по мнению председателя колхоза им. Крупской Есаулова, сделают это в самое ближайшее время [22. Л. 105]. В этой связи руководитель колхоза обратился за помощью в райком КПСС и попросил незамедлительно принять меры по возвращению беглецов в места их первоначального расселения. Вначале секретарь райкома партии Коломников попытался решить данный вопрос через МВД Томской области, в связи с чем написал заместителю начальника отдела спецпоселений подполковнику Толстых, который, однако, не предпринял никаких мер для принудительного возвращения спецпоселенцев. В итоге Коломников обратился за поддержкой к секретарю обкома КПСС В. Москвину, ответ которого не был найден в архивах [Там же. Л. 104].

В обеих ситуациях конфликт развивался по одному сценарию. Без согласования с надзорным органом спецпоселенцы покидали район расселения. Это действие вызывало наибольший протест со стороны руководителей хозяйственных организаций, в данном случае председателей колхозов. Именно они, заручившись поддержкой со стороны партийных органов, пытались добиться возвращения беглецов. Это достаточно логично, поскольку в условиях острого кадрового дефицита хозяйственные организации были заинтересованы в сохранении рабочей силы. Сложнее обстоит ситуация с интерпретацией позиции работников МВД и МГБ, которые встали на сторону спецпоселенцев и предложили сохранить статус кво. Прежде всего необходимо отметить, что данные истории произошли в 1952–1955 гг., т.е. в период, когда начинался процесс распада системы спецпоселений. Значит, на завершающем этапе существования данного института работники надзорных органов практически окончательно признали невозможность установления полного контроля над несанкционированными миграциями депортированных лиц и стали закрывать глаза на их формально незаконные перемещения, особенно если те происходили в пределах области. Но почему именно МВД и МГБ одними из первых осознали данный факт, в то время как партийные структуры, напротив, пытались принудить надзорные органы к выполнению своих служебных обязанностей? Ответ видится в том, что именно МВД и МГБ должны были реализовывать мероприятия по возвращению беглецов, что, в свою очередь, требовало затрат значительных временных, финансовых и трудовых ресурсов. Например, для пресечения самовольных переездов необходимо было командировать работника в места предполагаемого пребывания беглецов, обследовать все обстоятельства совершения деяния, а также организовать конвоирование и перевозку задержанных к местам первоначального расселения. В данном случае требуемые затраты явно превышали потенциальные выгоды, особенно с учетом того, что спецпоселенцы не покидали пределы области. Партийные органы, напротив, не несли каких-либо издержек при организации возвращения депортированных.

Таким образом, если первая ситуация показывала, как чрезмерно жесткие интерпретации установленных норм корректировались посредством вмешательства в деятельность надзорных органов внешних структур, то данный пример демонстрирует, что сами работники системы МВД и МГБ, особенно на позднем этапе существования спецпоселений, противодействовали реализации тех инициатив, которые они считали неактуальными или нецелесообразными. Данное противодействие, однако, не было активным и выражалось по большей части в том, что служащие надзорных структур закрывали глаза на некоторые незаконные с формальной точки зрения действия спецпоселенцев, при помощи которых те обходили существовавшие ограничения и подстраивали неповоротливую систему под свои потребности.

3. «Чистка предприятий должна проводиться в соответствии с советским законодательством»: инсценировочный характер сталинской диктатуры

По завершении войны местные власти начали проводить целенаправленную политику по трудоустройству спецпоселенцев по специальности, хотя и с рядом значительных ограничений (например, был установлен фактический запрет на прием на работу состоящих на спецучете учителей). В результате к концу 1947 г. в Новосибирской области 59,8% немцев, обладавших какой-либо специальностью, смогли занять позиции, которые в той или иной степени соответствовали их знаниям и опыту. Среди квалифицированных рабочих данный показатель был еще выше – 95,9% [23. Л. 221–232]. Калмыки в этом плане мало отличались от немцев: по специальности были трудоустроены 58,2% специалистов и 89,2% квалифицированных рабочих [Там же. Л. 249–359]. Ситуация изменилась в 1948–1949 гг., когда в рамках общего курса, именуемого «борьбой с космополитизмом», была активизирована кампания

по отчистке предприятий и учреждений от «неблагонадежных» элементов. В этой связи ранее трудоустроенных спецпоселенцев начали массово увольнять с работы [24. С. 59]. Масштабы настоящей кампании отчетливо видны в статистических данных, датируемых апрелем 1953 г. Так, к этому времени в Новосибирской области только четыре спецпоселенца занимали высококвалифицированные должности [25. Л. 148]. Несмотря на то, что данные увольнения были напрямую инициированы работниками МВД, которые зачастую лично направляли руководителям предприятий списки с пофамильным перечнем подлежащих увольнению лиц [26. Л. 12], иногда работники надзорных органов все же вставали на защиту спецпоселенцев и не позволяли руководителям предприятий понижать их в должности или увольнять.

Спецпоселенка-немка Ф. работала в бюро «Востокзаготзерно» (Томск) на позиции бухгалтера и кассира. По распоряжению начальника бюро Н. Жукова от 30 июня 1950 г. она была уволена. Данное действие Н. Жуков связал не только с кампанией по борьбе с «засоренностью» предприятий и учреждений. По его мнению, главная проблема заключалась в том, что профессиональные обязанности бухгалтера включали в себя работу с секретной документацией, а существовавший запрет на доступ спецпоселенцев к подобного рода информации вынуждал руководство перераспределять нагрузку между другими служащими, что существенно усложняло деятельность предприятия. Кроме того, начальник бюро выразил явное недовольство уровнем квалификации и профессионализма Ф. Возможно, данная ситуация не вызвала бы никаких вопросов, если бы сразу же после увольнения немка не принесла справку, подтверждающую ее беременность. По этой причине Н. Жуков 10 июля 1950 г. подписал распоряжение о переводе ее на более низкую позицию без сокращения заработной платы (бригадир сортировочного цеха). Несмотря на это Ф. обратилась в Томский районный суд. Первоначально суд поддержал позицию начальника бюро, однако впоследствии коллегия областного суда под председательством Малахова отменила решение первой инстанции и вернула дело нижестоящим коллегам для нового рассмотрения. Руководство бюро пыталось обжаловать решение облсуда, но не добилось в этом каких-либо результатов [27. Л. 315].

Было установлено, что данное решение суда обсуждалось в неформальном порядке. Это обстоятельство изложил Н. Жуков в своем письме в Томский обком. По его словам, между ним и Малаховым за несколько дней до вынесения решения состоялся телефонный разговор, в рамках которого председатель коллегии облсуда отказался поддерживать решение нижестоящих коллег, заявив: «Мне безразлично, что она немка или нет, в Конституции не записано, что к немцам должен быть особый подход, я разбираю не по социальному происхождению, а как гражданина» [Там же. Л. 316]. Тогда Жуков пригрозил Малахову, что обратится в обком партии. Тем не менее судья остался при своем мнении, даже поддержка председателя профсоюза Шелякова не помогла начальнику «Востокзаготзерно».

Жуков претворил в жизнь свою угрозу и обратился за помощью в Томский обком, написав письмо его секретарю Семину, в котором изложил свое видение данной ситуации. Семин, в свою очередь, проконсультировался с заместителем начальника управления МГБ по Томской области С.А. Прищепой. Удивительно, но тот поддержал точку зрения суда и раскритиковал решение Жукова об увольнении спецпоселенки. Свое мнение он обосновал тем, что в целом политика по «чистке» кадрового состава предприятия от «неблагонадежных» элементов является правильной, однако она должна проводиться в соответствии с советским законодательством. Исходя из этого, понижение в должности беременной спецпоселенки является неприемлемым [Там же. Л. 314].

На первый взгляд, точка зрения Прищепы кажется противоречивой, поскольку он, с одной стороны, активно поддерживал кампанию по увольнению спецпоселенцев и даже был ее инициатором, но, с другой стороны, в данной отдельной ситуации встал на защиту спецпоселенки. Однако данная позиция полностью соответствует общей логике сталинистской диктатуры, которая по своему характеру была «инсценирующей» [28. S. 7]. Это означает, что советский режим создавал иллюзию гармонии и правовой легитимности, проводя параллельно посредством различных как формальных, так и неформальных практик репрессивную политику. Наиболее ярко данная характеристика сталинистской диктатуры проявляется в феномене «номинального конституционализма», в рамках которого для обеспечения правовой легитимности режима, а также маскировки реальности была принята Конституция 1936 г. [29. С. 54]. С этой точки зрения позиция Прищепы кажется достаточно логичной, поскольку защита интересов беременной женщины являлась внешним показателем того, что один из главных социалистических постулатов – защита материнства и детства – соблюдается. В этой связи дискриминационные практики должны были проводиться без явного нарушения «социалистической законности». Таким образом, можно говорить о существовании в действиях представителей власти определенной системы двоемыслия.

Необходимость соблюдения процедуры «внешней законности» была важна не только для работников МВД. Это было частью общего ритуала реализации дискриминационных политических решений. Так, параллельно с кампанией по увольнению спецпоселенцев происходили массовые исключения их из партии. Однако для того, чтобы исключение состоящих на спецучете лиц не выглядело как обычная дискриминация и прямое нарушение известного постановления СНК СССР от 8 января 1945 г., согласно которому спецпоселенцы пользовались всеми правами граждан Советского Союза, за исключением права на свободное передвижение, местные партийные организации шли на ряд уловок. Так, исключения производились только после нахождения формального предлога для этого. Например, секретарь Бакчарского райкома ВКП(б) Н. Кузнецов в своем запросе в Томский обком от 12 августа 1949 г. сообщил, что его отдел проводит следующую политику по отношению к состоящим на учете

спецпоселенцам-коммунистам, прибывшим в район из Азербайджанской ССР. Они вначале берут их на временный партийный учет и запрашивают учетные карточки, а после исключают за малейшее нарушение устава или партийной дисциплины [30. С. 263].

Заключение

Подводя итог, нужно отметить, что при сталинском режиме система контроля законности действий органов МВД и МГБ не функционировала. Это проявлялось в том, что отдельные попытки органов юстиции скорректировать политику надзорных ведомств воспринималось как неординарное явление и порождали борьбу за сферы влияния. Однако даже в период своего наибольшего расцвета сталинская диктатура натыкалась на ряд ограничений, связанных с наличием как у служащих МВД и МГБ, так и других принимающих решения акторов своих представлений о целесообразности, справедливости и законности. Для того чтобы подстроить режимные практики под эти представления, работники советской системы или просто прекращали выполнять свои должностные обязанности, или же вступали в открытое противостояние с другими элементами политической структуры. В таком случае ключевым методом ведения борьбы были апелляция к вышестоящим инстанциям и поиск сторонников среди иных органов власти. Иначе говоря, работники всевозможных властных институтов во избежание потенциальной ответственности стремились подтвердить легитимность своего решения, сославшись на более авторитетные мнения. Другим важным элементом политической борьбы являлась необходимость соблюдения различных инсценировок, когда дискриминационные практики должны были проводиться без явного нарушения социалистической законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика ревизионистского подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.
2. Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // Russian Review. 1986. № 4 (45). P. 357–373.
3. Keep J., Litvin A. Stalinism. Russian and Western views at the turn of the millennium. London ; New York : Routledge, 2005. 264 p.
4. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М. : Наука, 2000. 365 с.
5. Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin, Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 518 p.
6. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. : историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. 348 с.
7. Красильников С.А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е гг. Новосибирск : Сова, 2007. С. 287–373.
8. Иванов А.С. Прокурорский надзор за системой спецпоселений (1945–1960 гг.) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 698–705.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 473.
10. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. / ред. Т.В. Царевская-Дякина. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5. 824 с.
11. Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006. С. 72–102.
12. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 443.
13. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 493.
14. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 515.
15. Ein Weg durch Russland: Die autobiographischen Aufzeichnungen des Russlanddeutschen Jacob Wall über sein Leben in der Deportation / J. Wall, D. Neutatz (Hrsg.). Essen : Klartext, 2014. 336 S.
16. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 449.
17. Rebitschek I. Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2018. 454 S.
18. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 465.
19. Герман А.А., Плеве И.Р. Немцы Поволжья : краткий исторический очерк. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 144 с.
20. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 445.
21. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. п-4. Оп. 34. Д. 438.
22. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2267.
23. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 356.
24. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 437. С. 57–60.
25. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 436.
26. ГАНО. Ф. п-9479. Оп. 1. Д. 249.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1322.
28. Rolf M. Das sowjetische Massenfest. Hamburg : Hamburger Edition, 2006. 454 S.
29. Медушевский А.Н. Право и революция: вклад советской легитимности в постсоветскую конституционную трансформацию // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 49–59.
30. Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки : сб. документов и материалов / ред. Б.П. Тренин. Томск : Гос. архив Томской области, 2001. 352 с.

Olga V. Filippenko, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Olga.kanyshkova@mail.ru

ON THE PROBLEM OF THE LIMITS OF THE DICTATORSHIP: THE CONFRONTATION BETWEEN THE MVD AND THE MGB WITH OTHER AUTHORITY STRUCTURES ON THE ISSUES OF SUPERVISION OVER THE SYSTEM OF SPECIAL SETTLEMENTS

Keywords: special settlement; totalitarianism; revisionism; late Stalinism; Western Siberia.

The present article is focused on the limits of Stalin's dictatorship. This problem is considered within the framework of a general discussion between representatives of the totalitarian and revisionist historical schools. It is showed how different regional power structures

interpreted central decisions regulating various aspects of life of the special settlers. The conflicts generated by these differences in interpretations are analyzed, and the mechanisms of their resolution are explored. Based on this, it is demonstrated how these conflicts defused the discriminatory practices and adapted unwieldy administrative system to the needs of the soviet society. The documentation of the party and the Ministry of Internal Affairs of three levels (district – region – center) is used as the primary sources of this article. The research is based on the analysis of three particular examples occurred in the late 1940s – early 1950s in the Tomsk and Novosibirsk regions. Each of the considered cases illustrates contradictions existed within the power structure (the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of State Security, party, court, prosecutor's office) and shows that some discriminatory practices did not arouse sufficient enthusiasm among employees of the Stalin's system. The first example reflects the problem of practical application of legislation aimed at preventing escapes from special settlements, especially the decree of November 26, 1948. The second case demonstrates the reactions of various power structures to unauthorized migrations of special settlers. The third example is related to the campaign for the dismissal of deported people in 1948/1949. It is concluded that there was no system for monitoring the legality of the actions of the supervisory authorities in the Stalin's dictatorship. Nevertheless, some discriminatory practices were corrected. It was related to both the intervention of other authorities and the presence of the employees of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of State Security of their own ideas about expediency, justice and legality. In addition, the Stalin's system is considered as a "staging dictatorship" (Malte Rolf's concept) in this article, since discriminatory practices were carried out in parallel with the creation of the image of the rule of law. The need to maintain this image represents another limitation of the Stalin's dictatorship.

REFERENCES

1. Pavlova, I.V. (1998) Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoy Rossii 30-kh godov (kritika revizionistskogo podkhoda) [Modern Western historians about Stalinist Russia in the 1930s (criticism of the revisionist approach)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 107–121.
2. Fitzpatrick, S. (1986) New Perspectives on Stalinism. *Russian Review*. 4(45). pp. 357–373.
3. Keep, J. & Litvin, A. (2005) *Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millennium*. London; New York: Routledge.
4. Kudryavtsev, V.N. & Trusov, A.I. (2000) *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political Justice in the USSR]. Moscow: Nauka.
5. Solomon, P. (1996) *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Belkovets, L.P. (2008) *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledov*anie [Administrative and legal status of Russian Germans in the special settlement of 1941–1945: a historical and legal research]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Krasilnikov, S.A. (2007) Spetspereselentsy [Special settlers]. In: Krasilnikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir'. 1920–1930-e gg.* [Fringe groups in society. Fringre groups as a society. Siberia. 1920s – 1930s]. Novosibirsk: Sova. pp. 287–373.
8. Ivanov, A.S. (2015) Prokurorskiy nadzor za sistemoy spetsposeleniy (1945–1960 gg.) [Prosecutor's supervision over the system of special settlements (1945–1960)]. In: Ivanov, A.S. et al. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 698–705.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 473.
10. Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (ed.) (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh gg.* [The history of the Stalinist GULAG. The late 1920s – first half of the 1950s]. Vol. 5. Moscow: ROSSPEN, 2004. T. 5. 824 s.
11. Shadt, A.A. (2006) Normativno-pravovaya baza etnicheskoy ssylki (reglamentatsiya politiko-pravovogo statusa rossiyskikh nemtsev) (1940–1950-e gg.) [Normative and legal base of ethnic exile (regulation of the political and legal status of Russian Germans) (1940–1950s)]. In: Krasilnikov, S.A. & Shadt, A.A. (eds) *Marginaly v sovetskom obshchestve: mekhanizmy i praktika statusnogo regulirovaniya v 1930–1950-e gg.* [Outcasts in Soviet society: the mechanisms and practice of status regulation in the 1930–1950s]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 72–102.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 443.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 493.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 515.
15. Wall, J. & Neutatz, D. (eds) *Ein Weg durch Russland: Die autobiographischen Aufzeichnungen des Russlanddeutschen Jacob Wall über sein Leben in der Deportation*. Essen: Klartext.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 449.
17. Rebitschek, I. (2018) *Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956*. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Verlag.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 465.
19. German, A.A. & Pleve, I.R. (2002) *Nemtsy Povolzh'ya: kratkiy istoricheskiy ocherk* [The Volga Germans: A Brief Historical Sketch]. Saratov: Saratov State University.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 445.
21. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund p-4. List 34. File 438.
22. The Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2267.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. r-9479. List 1. File 356.
24. Genina, E.S. (2008) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [A campaign against cosmopolitanism in the Tomsk region (late 1940s - early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 57–60.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 436.
26. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund p-9479. List 1. File 249.
27. The Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1322.
28. Rolf, M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*. Hamburg: Hamburger Edition.
29. Medushevskiy, A.N. (2018) Pravo i revolyutsiya: vklad sovetskoy legitimnosti v postsovetskuyu konstitutsionnuyu transformatsiyu [Law and revolution: the contribution of Soviet legitimacy to the post-Soviet constitutional transformation]. *Pravo: istoriya i sovremennost' – Law: History and Modernity*. 1. pp. 49–59.
30. Trenin, B.P. (ed.) (2001) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1940–1956. Nevol'nye sibiryaki* [From the history of Tomsk. 1940–1956. Forced Siberians]. Tomsk: The State Archive of Tomsk Region.

УДК 94(571.1-24)
DOI: 10.17223/19988613/71/9

С.А. Шпагин

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНИРОВАНИЯ СИБИРИ: ОБРАЗОВАНИЕ РАЙОНОВ В НАРЫМСКОМ КРАЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Реконструируется процесс укрупнения волостей и образования районов в Нарымском уезде Томской губернии в 1924 г. Определены точные сроки создания районов. Показано, что в процессе районирования многоуровневая система исполнительных комитетов работала как инструмент фильтрации обратной связи и обеспечения легитимации навязанных сверху решений. В результате в уезде были сформированы районы со слишком большой территорией, и вместо приближения органов власти к населению фактически произошел их отрыв от него.
Ключевые слова: административно-территориальное деление; исполкомы; районирование; укрупнение волостей; Нарымский край.

С начала XXI в. под воздействием динамики российского федерализма вопросы административно-территориального устройства России вновь приобрели актуальность. Укрупнение субъектов федерации, муниципальная реформа и проекты создания городских агломераций вызывают интерес не только у политиков и журналистов, но и у исследователей в различных областях знания. В этой связи представляется закономерным обращение к опыту административно-территориальных преобразований 1920-х гг. – так называемого районирования. В Сибири районирование как централизованный процесс осуществлялось в 1924–1925 гг. Первым его этапом стало укрупнение волостей и создание на этой основе новых районов в 1924 г., а вторым – объединение вновь образованных районов в округа, ликвидация губернско-уездного деления в 1925 г. и образование единого Сибирского края. Если этап окружного районирования многократно описан как в советской [1. С. 4–8; 2. Стб. 605; 3. С. 14–17], так и в постсоветской литературе [4. С. 46–48; 5; 6. С. 75; 7. С. 112–113], то интерес к предыдущему, волостному районированию значительно скромнее. В результате в наше время органы местного самоуправления и архивные учреждения испытывают затруднения в определении точных сроков образования тех или иных районов. Публикации, посвященные этой тематике, ограничиваются констатацией решений, принятых всероссийскими, общесибирскими и губернскими властями – ВЦИК, Сибирским революционным комитетом (далее – Сибревком) и Исполнительным комитетом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томской губернии (далее – Томский губисполком) [8, 9]. Вопросы о том, как эти решения вырабатывались, как осуществлялось взаимодействие между различными уровнями органов власти в процессе принятия этих решений, до настоящего времени не только не рассматривались, но даже не ставились. Сложившаяся в литературе традиция подразумевает, что позиция нижестоящих органов власти не имела существенного значения, а население единодушно поддерживало все принятые решения. В рамках данной статьи основное внимание сосредоточено на низовых механизмах выработки политических решений по осуществлению волостного районирования и на самом процессе их принятия.

Анализ процессов районирования в специальной литературе традиционно сводит их к двум аспектам: политическому и экономическому. В первый аспект включались не только «расширение функций исполкомов, упрощение и удешевление административного аппарата, объединение населения по национальному составу», но и «приближение органов власти к населению» [3. С. 14]. Второй аспект сводится к учету экономического тяготения той или иной территории к населенному пункту с более развитой экономикой и средствами сообщения при сходстве характера хозяйственной деятельности [1. С. 3]. При этом отдельно подчеркивалось, что «в основу решений по созданию того или иного района или сельсовета полагалось и желание самого населения» [3. С. 14]. Эта точка зрения, сформулированная в советский период, почти без изменений воспроизводится и в современных обобщающих исследованиях [7. С. 112; 10. С. 158–159]. Между тем обращение к материалам районирования в Нарымском крае позволяет увидеть, что реальный процесс – по крайней мере в этой части губернии – проходил несколько иначе.

К началу 1924 г. в составе Нарымского уезда Томской губернии насчитывалось 11 волостей [11. Л. 36]. Шесть из них объединяли в своем составе исторически сложившуюся территорию Нарымского края: это Васюганская и Каргасокская волости в бассейне р. Васюган, Кенгинская и Парабельская волости в бассейне р. Парабели, Колпашевская (Кетская) волость в бассейне р. Кети и Тымская волость в бассейне р. Тым. Еще пять волостей – Андарминская, Варгатерская, Парбигская, Тискинская и Чаинская – были перечислены из Томского уезда в состав Нарымского в июне 1923 г. совместным решением Томского губисполкома и губернского экономического совета [12. Л. 211]. Эти волости, расположенные в бассейне р. Чаи, составили самую южную часть Нарымского края. Главным органом административного управления уездом был Нарымский райисполком, расположенный с 1922 г. в с. Колпашево.

4–7 января 1924 г. в Новониколаевске состоялось Сибирское экономическое совещание, которое приняло два важных решения, имевших прямое отношение к судьбе Нарымского края. Вопреки составленному в 1922 г. проекту Госплана, который предполагал переход Нарымского уезда в состав планируемой Обской области, совещание сохранило край в Томской губернии с перспективой его включения в состав будущей Кузнецко-Алтайской области. Кроме того, было принято решение о необходимости перехода с волостного деления территории на районное до начала 1924/1925 бюджетного года [13. Л. 5–5об.]. Хотя обсуждение вопросов районирования происходило и ранее, но теперь их решение заметно ускорилось. Уже 11 января 1924 г., «принимая во внимание подготовленность большинства Сибирских губерний к переходу на систему укрупненных волостей и необходимость скорейшего проведения в жизнь этой меры», Сибревком ходатайствовал перед ВЦИК о наделении всех сибирских губерний, кроме Иркутской, правом вводить новое волостное деление [14. Л. 185]. В тот же день Томский губисполком постановил выделить по одному пробному району в Томском и Мариинском уездах и поручил «секции по районированию совместно с заинтересованными уисполкомами в срочном порядке наметить пункты и установить границы административного деления районов» [15. Л. 22].

17 апреля в Колпашево пришло письмо плановой комиссии Томского губисполкома (далее – губплан). В нем сообщалось, что эта комиссия разработала проект волостного районирования (укрупнения волостей), согласно которому территория Нарымского края делится на 4 района: Каргасокский, Парабельский, Колпашевский и Чаинский. В состав Каргасокского района включались Васюганская, Каргасокская и Тымская волости, Парабельский район объединял Парабельскую и Кенгинскую волости, основу Колпашевского района должна была составить Колпашевская (Кетская) волость, а в Чаинский район с центром в с. Подгорном вошли бы Андарминская, Варгатерская, Парбигская и Чаинская волости. Пограничную с Томским уездом Тискинскую волость предполагалось разделить: самые северные деревни – Баранаково, Игнашкино и Костенькино, расположенные на левом берегу р. Чаи, и д. Водяную на острове посередине Оби планировалось присоединить к Колпашевскому району, а остальные 30 селений волости передать в проектируемый Молчановский район Томского уезда. С учетом этого Нарымский райисполком должен был предложить Тискинскому волостному исполкому (далее – волисполком, Вик) опросить все сельсоветы своей волости на предмет удобства для них включения в тот или иной район [16. Л. 2; 17. Л. 94]. Таким образом, первоначально опрос населения касался только одной пограничной волости и на весь край не распространялся.

Стоит заметить, что у властей Нарымского уезда были и собственные планы в отношении районирования: в протоколе плановой комиссии райисполкома от 23 апреля 1924 г. отразилось мнение о желательности включения в состав Колпашевского района всей Тискинской волости целиком. В качестве аргументов было указано, что «а) все население Тискинской волости по роду своих занятий тождественно и наиболее тяготеет к Колпашевской волости, и вместе с тем, б) наибольшее удобство связи с Колпашево как административно-экономическим и культурно-просветительским краевым центром, в) наибольшее удобство административно-политического руководства и, наконец, г) желание самого населения присоединиться к Колпашевской волости» [16. Л. 51 об.]. Состоявшийся в конце апреля – начале мая 1924 г. опрос сельсоветов показал, что население этой волости действительно тяготеет не к Молчановскому, а к Колпашевскому району. Именно так высказались собрания Кальджинского, Короткинского, Суготского и Тискинского сельсоветов [17. Л. 51, 52а]. Первоначально такое же мнение высказал и Леботерский сельсовет: «Заручившись поддержкой населения и сообразуясь с местными условиями, единогласно постановили отойти к району волости Колпашево» [Там же. Л. 52]. Этот опрос позволил Нарымскому райисполкому скорректировать проект губплана: все районы уезда формируются путем объединения целых волостей; Тискинская волость не делится на части, а целиком включается в состав Колпашевского района. В то же время основные установки исходного проекта в отношении Нарымского края остались неизменными: уезд подлежит делению на 4 района, центрами которых должны стать села Каргасок, Колпашево, Парабель и Подгорное.

29 апреля пленум Томского губисполкома поддержал концепцию районирования Томской губернии, предусматривавшую в том числе деление Нарымского края на 4 района без уточнения их состава [18. Л. 3]. В резолюции по итогам пленума всем уездным, поселковым и волостным исполкомам предлагалось провести «опрос сельсоветов о желании их присоединиться к тому или иному району в самом срочном порядке, с тем чтобы материалы по этому вопросу с заключениями исполнительных комитетов поступили в губисполком не позже 10 июня» [Там же. Л. 42]. Это решение было связано с тем, что в течение марта–апреля 1924 г. жители поселков Шерстобитовского, Львовского и Вершино-Чежапского Кенгинской волости обратились в губисполком с просьбой о причислении их территории к Каинскому уезду соседней Новониколаевской губернии [17. Л. 87–88]. Поэтому в начале мая председатель губплана Л.И. Белорусец вновь обратился в Нарымский райисполком с запросом: «Ввиду нескольких уже ходатайств о перечислении в Каинский уезд, для установления прочных и окончательных границ Кузнецко-Алтайской области предлагается срочно опросить все сельсоветы Нарымкрая о желании их присоединиться к тем или иным проектируемым районам. В случае несогласия с проектом отзывы должны быть подробно мотивированы. При опросе необходимо указать о запроектированных центрах в соседних уездах, так как возможно перечисление отдельных селений в другие уезды» [Там же. Л. 95]. В ходе проведения опроса губплан требовал разъяснять населению цели и задачи укрупнения волостей в районы, а подлинники отзывов сельсоветов собирать и направлять в секцию районирования губисполкома [Там же].

Таким образом, масштабы опроса населения о присоединении к тем или иным укрупненным волостям резко возрастали, что не могло не сказаться на сроках его проведения. В то же время выбор населению уезда был предоставлен только в рамках утвержденного свыше проекта. Иначе говоря, предполагалось, что жители выберут присоединение к одному из четырех новых районов, ближайших к их селению. Такой опрос в Каргасокской, Парабельской и Чаинской волостях принципиального значения не имел: их положение в связи с укрупнением никак не менялось. Не было реального выбора и у населения северных волостей – Васюганской, Кенгинской и Тымской. Эти волости не имели общей границы с иными уездами Томской губернии или с другими волостями, кроме тех, с которыми их планировалось объединить. Правобережная сторона Парабельской волости, к которой могла бы присоединиться Тымская, была в то время ненаселенной, поэтому такой вариант укрупнения отпал. Маловероятным из-за отсутствия путей сообщения было и присоединение Васюганской волости полностью или частично к Парабельской. Практически возможность поменять район была только у населения Тискинской и Варгатерской волостей, а также у восточной части Колпашевской волости.

Новый опрос сельсоветов Тискинской волости показал, что большинство их по-прежнему согласны с присоединением к Колпашевскому району. Так высказались на общих собраниях, в частности, жители деревень Даниловка, Гоголевка, Игнашкино, Короткино, Чажемто, а также поселков Могильный Мыс, Отрадный, Холмино и Сугот [17. Л. 58 – 67]. Но некоторые селения за это время изменили свое мнение. Так, жители пос. Голевского на собрании 31 мая единогласно постановили присоединиться к Чаинской волости «ввиду близкого расстояния и возможного сухопутного сообщения» [Там же. Л. 55]. На следующий день такое же решение приняли и в соседнем с. Леботер, добавив к мотивировке «однообразное <с местными жителями> занятие населения Чаинской волости хлебопашеством» [Там же. Л. 54]. В деревнях Коломино и Михайловка жители выбрали присоединение к Молчановскому району [Там же. Л. 56–57]. Хотя такие решения несколько расходились с проектом губплана и намерениями райисполкома, они нисколько не противоречили общей концепции, заложенной в них: количество проектируемых районов и выбор запланированных райцентров от этого не менялись.

Еще большее разнообразие мнений дал опрос в селениях и сельсоветах других волостей. Кедровский и Моровский сельсоветы Парбигской волости в протоколах своих собраний высказались за вхождение в состав Чаинского района [Там же. Л. 37–38]. Зато общее собрание Парбигского сельсовета обращало внимание на то, что расстояние от него до Чаинского Вика составляет 150 верст, «поэтому считаем неудобным присоединяться к Чаинской волости. Просим Нарымский уисполком оставить Парбигский волисполком на месте самостоятельным» [Там же. Л. 36]. Это предложение уже явно выходило за исходные рамки опроса о присоединении к той или иной волости и противоречило плану делении Нарымского края на четыре района.

Разделились мнения и в Варгатерской волости: если жители Варгатерского, Соловьевского и Таскинского сельсоветов согласились с присоединением к Чаинскому району и размещением его центра в с. Подгорном [Там же. Л. 40, 42, 43], то Средне-Тигинский сельсовет единогласно постановил «просить о установлении центра объединенной волости в с. Варгатере» [Там же. Л. 47]. Того же мнения придерживались и в Бакчарском сельсовете: «Принимая во внимание, что центром волости Чаинской, Варгатерской, Андар<минской> и Парбигской находится Варгатерская, потому постановили, что район должен быть в с. Варгатере» [Там же. Л. 44]. А жители еще трех сельсоветов выразили желание и вовсе обойтись без укрупнения: «желание граждан Стрельниковского с<ель>совета находиться в Варгатерской волости», «единогласно решили оставить волость при селе Варгатере» (Нижне-Тигинский сельсовет), «желают оставаться при Варгатерском Вике» (Хамовский сельсовет) [Там же. Л. 41, 45, 46]. Если предложение о размещении центра укрупненной волости в Варгатере еще как-то вписывалось в план районирования, то сохранение самостоятельной Варгатерской волости входило в очевидное противоречие с этим планом.

Альтернативный проект районирования фактически выдвинули и жители Андарминской волости. Согласно ему эту волость вместо включения в состав Чаинской следовало объединить только с соседней Парбигской волостью. Этот план не был чем-то абсолютно новым: в июле 1922 г. губернская административная комиссия уже принимала решение об объединении Андарминской волости с Парбигской, а Чаинской волости с Варгатерской [19. Л. 9 об.]. Но тогда это решение так и не воплотилось в жизнь. Теперь же его предлагали уже сами жители соответствующих волостей. В наиболее законченной форме эту идею излагает протокол общего собрания Средне-Андарминского сельсовета: «С<ело>Подгорное от нас в расстоянии около 200 верст, дорожное сообщение самое скверное и вообще для нас, граждан Ср<едне->Андарминского с<ель>с<овета>, является неудобным, желательно было бы, если бы оставили нашу волость на месте, присоединив к ней Парбигскую» [17. Л. 77]. Население Андарминского сельсовета выразило эту позицию более осторожно, с оглядкой на решение другой волости: «…Из мнений населения нашего с<ель>совета видно, что если Парбигская волость присоединится к нашей Андарм<инской> вол<ости>, то хотят остаться в своей волости. А если Парбигская вол<ость> откажется присоединиться к нам, то население имеет согласие присоединиться к Чаинской вол<ости>, ввиду того как не в силах содержать одним населением свою волость» [Там же. Л. 73]. Самую смелую версию того же проекта выдвинули жители Галкинского сельсовета: «Ввиду отдаленности от нас Чаинской волости и неудобных болотистых мест, в особенности в летнее время отрывать мужика от работы, <чтобы> употребить на поездку в Вик по имеющимся делам 10 дней, которое может нанести ущерб хозяйству, а потому постановили поручить Андарминскому Вику возбудить ходатайство пред Нарымским уисполкомом оставить Андармин-

скую волость с резиденцией с присоединением Парбигской и части Варгатерской» [17. Л. 79].

Ходатайство Андарминского волисполкома действительно было составлено и даже направлено в Нарымский райисполком. Оно содержало предложение «образовать Вик из двух волостей, Андарминской и Парбигский, с резиденцией в Андарме, в случае же возражений… причислить к Чаинскому Вик» [Там же. Л. 72 об.], повторяя тем самым позицию Андарминского сельсовета. Случайно или намеренно, но о предложениях иных сельсоветов в этом документе ничего не сказано. Более того, его составители не привели никаких аргументов в пользу своего решения, а наличие оговорки «в случае же возражений…» позволяло вышестоящим органам власти и вовсе игнорировать ходатайство.

Неудивительно, что на состоявшемся 10–13 июня пленуме Нарымского райисполкома ни предложения сельсоветов Варгатерской волости, ни андарминское ходатайство даже не обсуждались. Вопрос о районировании уезда рассматривался в числе последних на вечернем заседании 12 июня и – в отличие от ряда иных вопросов – безо всяких обсуждений. Заслушав доклад председателя райисполкома М.Д. Прокопьева, «принимая во внимание экономический уклад и тяготение населения, а также желание его, выраженное в протоколах по нахождении во вновь укрупненных райсельсоветов и райвиков, а также основываясь на телеграфном распоряжении губисполкома», пленум постановил разделить Нарымский край на четыре волостных района: Каргасокский, Парабельский, Колпашевский и Чаинский [20. Л. 15]. Интересно, что в выписке из протокола пленума, направленной в губплан, Каргасокский район должен быть составлен только из Васюганской и Тымской волостей; собственно Каргасокская волость была по ошибке пропущена [17. Л. 19].

В донесении Томскому губисполкому об итогах пленума говорится только о «некоторых поселках Парбигской волости», население которых «выразило желание выделиться в отдельную Парбигскую волость, не представляя целесообразных мотивов» [Там же. Л. 18]. Зато ходатайства трех поселков Кенгинской волости о перечислении в Каинский уезд возражений не вызвали: как сказано в донесении, «пленум препятствий к их переходу не делает» [Там же]. Пересылать в секцию районирования подлинники отзывов сельсоветов в райисполкоме не торопились, ссылаясь на разбросанность и удаленность селений. Лишь после серии гневных телеграмм из губисполкома о том, что непредоставление подлинных отзывов населения края о районировании срывает завершение работ по всей губернии [Там же. Л. 91, 96, 97, 100], 30 июня в Томск были, наконец, высланы протоколы собраний населения Варгатерской, Парбигской и Тискинской волостей. В сопроводительном письме председатель райисполкома М.Д. Прокопьев утверждал, что от остальных волисполкомов протоколов не поступало, «ввиду местонахождения населенных пунктов, состава Виков до районирования, каковые по своему экономическому и бытовому состоянию присоединиться к какому-либо рай<ону>, влившись в его состав и образовать другой район – не могут, что подтверждено личными заявлениями на пленуме исполкома пред<седателями> Виков Тымской, Каргасокской, Васюганской, Кенгинской, Чаинской, Андарминской и Колпашевской волостей» [Там же. Л. 34].

Таким образом, в губисполком сведения о результате опроса местного населения поступили с большим опозданием и уже в том виде, который соответствовал позиции Нарымского райисполкома. К тому времени проекты районного деления остальных уездов Томской губернии уже были утверждены губпланом [14. Л. 135–151 об.]. 3 июля секция районирования губплана провела специальное заседание по вопросу о волостном районировании Нарымского края. На нем были озвучены результаты опроса населения Тискинской волости и поддержаны ходатайства о переходе деревень Коломино и Михайловка в Молчановский район, а с. Леботер и пос. Голевского – в Чаинский район. Кроме того, были удовлетворены просьбы селений Бакчар и Тетеринка Иксинской волости о перечислении их в Чаинский район [Там же. Л. 152].

Противоречия вариантов укрупнения южных волостей Нарымского края были представлены в протоколе заседания исключительно как разногласия по поводу выбора административного центра Чаинского района: «По поводу центра Чаинского района высказаны при опросе возражения некоторыми селениями Варгатерской и Парбигской волостей. Селения Варгатерской волости Ханаева (ошибочно, на самом деле Хамовка. – *С.Ш.*), Нижне-Тискинский (ошибочно, на самом деле Нижне-Тигинский. – *С.Ш.*) <сельсовет> желают “оставить волость в Варгатере”, селения Бакчар и Средне-Тигинский <сельсовет> указывают на желательность устройства центра района в Варгатере “как центральном месте”. Парбигский сельсовет – желает оставить Парбигский Вик на месте ввиду дальности расстояния» [Там же. Л. 152 об.]. Нетрудно заметить, что предложения жителей Хамовки и Нижне-Тигинского сельсовета о сохранении самостоятельной Варгатерской волости в протоколе искажены, поэтому верно воспроизведенная позиция Парбигского сельсовета представлена как изолированная и экзотическая по смыслу. Таким образом, вопрос о возможных комбинациях объединения волостей на заседании секции даже не ставился, а позиции соответствующих селений и сельсоветов были просто проигнорированы.

При решении вопроса о выборе центра Чаинского района не был затронут и вопрос о сравнительной численности населения возможных районных центров. Вероятно, секция руководствовалась данными из хозяйственного описания создаваемого Чаинского района, где было указано: «С. Подгорное – самое крупное здесь село и культурный центр» [17. Л. 17 об.]. На самом деле Подгорное на момент слияния волостей насчитывало 249 жителей и было лишь седьмым по численности населения в формируемом районе. Заметно более крупными по числу жителей были села Леботер (745 чел.) и Варгатер (425 чел.), сопоставимы с Подгорным по населенности были деревни Верхняя Светлянка (274 чел.), Бакчар (263 чел.) и Подгорная (250 чел.), а также пос. Соловьево (250 чел.) [11. Л. 145–

147]. Зато в числе преимуществ с. Подгорного в протоколе названы «пристань, больница, район милиции, ячейки РКП и РКСМ, подходящие помещения для расквартирования учреждений» [14. Л. 152 об.]. Заметим, что пристани были почти во всех селениях, а вот больницы, партийные и комсомольские ячейки и тем более отделы милиции – лишь в наиболее крупных. Вообще можно предположить, что сохранение неизменной структуры органов милиции было одним из существенных факторов принятия решения о размещении административных центров новых районов. К этой мысли склонялся, например, зам. начальника административного отдела Нарымского райисполкома Богородицкий, который в ответе на запрос писал, что «по милицейской линии при свертывании Виков изменений никаких не будет, так как райисполкомы формируются при резиденциях раймилиций» [16. Л. 92].

Так или иначе, но «ввиду мнений большинства селений района, а также Нарымского райисполкома в пользу с. Подгорного вышеизложенные ходатайства оставлены без удовлетворения» [14. Л. 152 об.]. Та же судьба постигла и поддержанные Нарымским райисполкомом прошения трех поселков Кенгинской волости о перечислении в Каинский уезд. Им было отказано по формальным основаниям: «так как районирование производится в пределах губернских границ» [Там же]. За исключением этого пункта секция районирования губисполкома фактически подтвердила решение уездных властей.

Вообще документальное оформление этого заседания оставляет ощущение формальности хода и предрешенности результатов. На это указывают не только постоянно повторяющиеся ссылки на решения Нарымского райисполкома. Бросается в глаза и то, что протокол, посвященный Нарымскому краю, в несколько раз короче протоколов утверждения проектов районирования других уездов. Описание состава Нарымского уезда по новым районам и старым волостям, в отличие от других уездов, занимает всего полстраницы: его составители не стали утруждать себя перечислением всех населенных мест, а напротив названий соответствующих районам волостей (кроме Тискинской) просто написали «вся» [11. Л. 100; 14. Л. 153; 16. Л. 23]. В таком же виде это описание вошло и в официальный порайонный состав Томской губернии, опубликованный в приложении к резолюции губисполкома об утверждении общего проекта районирования [14. Л. 17]. Складывается впечатление, что в губернских органах власти никто просто не хотел глубоко вникать в особенности жизни и местные интересы жителей глухого таежного края.

Впрочем, качество работы по районированию Нарымского края не вызывало особых сомнений и у тех, кто ее проделал. В объяснительной записке к проекту нового административного деления Томской губернии зав. секцией районирования М.Г. Александровский откровенно отмечал бедность и слабость районов Нарымского края, называл их «дефективными», однако считал их «необходимым злом», поскольку дальнейшее укрупнение «еще более ухудшило бы условия жизни в этих районах» [Там же. Л. 5 об.]. То, что условия жизни местного населения в связи с проводимым районированием уже ухудшились, для архитектора реформы было совершенно очевидным.

В материалах административно-территориального переустройства Томской губернии не сохранились данные о том, какие мнения о проекте районирования высказывали жители отдаленных северных волостей Нарымского края: Васюганской, Кенгинской и Тымской. Вполне возможно, что они, в отличие от населения Андарминской и Варгатерской волостей, не возражали против спущенного сверху проекта укрупнения. Очевидно лишь, что районные органы власти не стали к ним ближе. Чтобы изобразить сокращение расстояний от населенных пунктов до административных центров, секции районирования приходилось сравнивать среднее расстояние от селений до центров новых районов с расстояниями не до центров прежних волостей, а до уездных городов и сел. Если верить отчету, поданному в Сибревком, в Нарымском крае максимальное расстояние от селений до административных центров сократилось с 490 верст до 171 [21. Л. 114], хотя по спискам населенных мест можно увидеть, что большая часть Кенгинской волости располагалась более чем в 200–300 верстах от с. Парабель, а в Васюганской волости удаленность части селений от Каргаска и вовсе превышала 500 верст [14. Л. 77 об.–78, 79 об.–80].

Однако для региональных органов власти это, по-видимому, особого значения не имело. 4 июля, на следующий день после заседания секции районирования губплана, президиум Томского губисполкома утвердил итоговый проект деления Нарымского края на четыре района. Причем одновременно с предоставлением всех материалов в Сибревком Нарымскому райисполкому предлагалось «начать работы по практическому районированию на своей территории» [22. Л. 84 об.]. В течение июля–августа во всех вновь образованных районах были ликвидированы волисполкомы и сформированы райисполкомы. Доложив об этом, Нарымский райисполком объявил о завершении районирования в крае и продолжил свою работу под новым названием Нарымского уездного исполкома [16. Л. 117]. 25 июля в губисполкоме состоялось утверждение окончательного проекта районирования всей губернии [14. Л. 7–7 об.], а 4 сентября проект (фактически – уже результат) районирования Томской губернии утвердил своим решением Сибревком [Там же. Л. 23–23 об.].

Таким образом, к определению точных сроков образования районов в Нарымском крае возможны три подхода. Формально моментом создания всех районов в Томской губернии можно считать 4 сентября 1924 г. – день, когда проект районирования губернии был утвержден Сибревкомом. Однако еще в феврале 1924 г. ВЦИК предоставил всем, кроме Иркутского, губисполкомам Сибири право проводить волостное районирование самостоятельно с последующим утверждением своих решений в Сибревкоме и ВЦИК [9. С. 144]. А значит, датой создания районов столь же законно считать день принятия соответствующего решения Томским губисполкомом. Для Каргасокского, Колпашевского, Парабельского и Чаинского районов Нарымского уезда это 4 июля 1924 г. Чтобы обойти это рас-

хождение, целесообразно исходить из сроков фактического создания районов и районных органов власти. Первое заседание президиума Колпашевского райисполкома состоялось уже 12 июля [16. Л. 225], организационный пленум Парабельского райисполкома – 25 июля [Там же. Л. 187], расширенный пленум Советов Чаинского района – 27 июля [Там же. Л. 155], а первое районное пленарное заседание Каргасокского райисполкома – 31 июля [Там же. Л. 165]. Именно эти дни следует считать датами фактического образования соответствующих районов.

В ходе осуществления районирования Нарымского края со всей очевидностью проявились отклонения от официальных принципов. Никакого приближения органов власти к населению при укрупнении административных единиц, разумеется, не происходило. В результате укрупнения волостей обширный край был разделен всего на четыре района, в каждом из которых оказалась большая таежная периферия, отделенная от местных органов власти сотнями километров тайги и болот. Это означало, что новые райисполкомы оказывались для жителей многих отдаленных поселков и заимок практически недоступными.

Крайне произвольно обошлись в исполкомах с учетом желания самого населения при принятии решения по созданию того или иного района. Хотя формально процедура опроса сельсоветов выглядела как механизм демократической легитимации принимаемых решений, весь ход использования результатов этого опроса позволяет говорить о том, что советские чиновники умело манипулировали полученными данными. Опрос сельсоветов был изначально ограничен выбором между вариантами вхождения в уже спроектированные районы и не предусматривал возможности образования новых. Тем не менее жители нескольких волостей попытались использовать этот опрос как канал выражения несогласия с административным проектом. Однако Нарымский райисполком, стремясь продемонстрировать свою исполнительность и добиться утверждения заранее согласованного проекта деления уезда на районы, принял во внимание главным образом те предложения с мест, которые соответствовали проекту. В то же время он игнорировал при выработке своего решения нежелательные для губисполкома сведения об альтернативных вариантах объединения волостей, а в дальнейшем фактически скрыл их от него. Губернская же секция районирования, получив искаженную информацию и не желая глубоко вникать в ситуацию в отдаленном малонаселенном уезде, предпочла утвердить только мелкие корректировки к первоначальному проекту. Многоуровневая система органов советской власти сработала в данном случае как фильтр, блокирующий часть сигналов обратной связи и не дающий возможности объективной оценки ситуации и принятия взвешенного решения.

Впрочем, время расставило все по своим местам. Огромные районы, образованные в 1924 г., оказались трудноуправляемыми. Поэтому в течение 1930-х гг. все они были разделены. В 1932 г. из состава Каргасокского района был выделен Тымский район, практически совпадавший по территории с бывшей Тымской волостью. В 1936 г. из состава Чаинского района был выведен Бакчарский район, объединивший в своем составе территорию бывших Андарминской и Парбигской волостей, как и предлагали когда-то их жители. А в 1939 г., в ходе очередной серии территориальных преобразований, были образованы Васюганский, Парбигский и Пудинский районы, в значительной степени повторявшие прежнее деление на Васюганскую, Парбигскую и Кенгинскую волости Нарымского края. И новые районы оказались долговечнее тех, что были сформированы под административным нажимом в 1924 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по районированию Сибирского края. Новосибирск : Изд. Сибкрайисполкома, 1926. 46 с.
2. Гуринович П.А. Районирование Сибирского края // Сибирская советская энциклопедия. New York : Norman Ross publ., 1992. Т. 4. Стб. 605–608.
3. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 220 с.
4. Зуев А.С., Ноздрин Г.А., Матханова Н.П., Ильиных В.А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН ; Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 45–54.
5. Ильиных В.А. Районирование // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН ; Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 752.
6. Казарин В.Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири» // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 65–78.
7. Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т экономики и управления, 2018. 346 с.
8. Андреев Н.А. Районирование Томской губернии (1917–1925 гг.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Томск, 2005. С. 57–61. (Труды Томского государственного университета. Т. 267. Сер. Историческая).
9. Корженевский К.Б. Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 142–146.
10. Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1860-е – 1940-е гг. Томск : Оптимум, 2008. 312 с.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 179.
12. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1004.
13. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 945.
14. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1227.
15. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1139.
16. ГАТО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 263.
17. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1226.
18. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1064.
19. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1260.
20. ГАТО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 220.

21. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1137.
22. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 115.

Sergey A. Shpagin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin1972@mail.ru

FROM THE HISTORY OF SIBERIA'S ZONING: FORMATION OF DISTRICTS IN NARYMSKY TERRITORY OF TOMSK PROVINCE

Keywords: administrative and territorial division; executive committees; division into districts; consolidation of the parishes; Narymsky Krai.

The article is devoted to the reconstruction of the poorly studied process of parish zoning in Narymsky County (uezd) of Tomsk Province in 1924. The main sources for the study were official and record-keeping documents (reports, minutes of meetings, correspondence) stored in the State Archive of the Tomsk Region in the funds of the executive committees of the Tomsk Province (Tomsky Gubispolkom) and Narymsky County (Narymsky raiispolkom). The traditional concept of division into districts in literature is limited to describing the decisions of the highest and regional authorities: the All-Russian Central Executive Committee, Siberian Revolution Committee and the provincial executive committees. The role of the lower authorities remained unsolved. In addition, the view was proclamed that the zoning was carried out in accordance with the desire of the population itself and contributed to the coming nearer of the authorities to the population. The article describes in detail the process of drafting a decision on the consolidation of voles and the formation of districts in Narym County. The initial zoning project was developed in the provincial planning commission in 1923. According to this project, Narymsky County was to be divided into 4 large districts: Kargasok, Kolpashevsky, Parabel and Chainsky. The exact boundaries of the districts were not strictly defined, so Narymsky raiispolkom was instructed to organize a survey of the population about the desire to join an area. The article shows that the survey was formal, as the authorities tried to use it only as a confirmation of the validity of the zoning project. However, the population of the southern part of the county perceived this survey as an opportunity to influence the progress of the consolidation of the voles. For example, residents of Andarminskaya, Vargaterskoe and Parbinsky voles offered several options for zoning, alternative to the creation of a large Chainsky district with a center in the village of Podgorny. But Narymsky raiispolkom for various reasons rejected all these options. He supported only the decision to divide the Tiskin parish: it was in line with the intention of the district executive committee to include most of this parish in the Kolpashevsky district. The same decision was supported by Tomsky Gubispolkom: its members received distorted information from Narymsky district executive committee and were not inclined to deeply understand the situation of residents of the remote county. As a result, the initial zoning project was implemented with almost unchanged, and many settlements of Kargasok, Parabel and Chainsky districts were removed from the district centers by several hundred kilometers. Thus, during the zoning of Narym County, the county authorities played an active role, but they themselves took very little account of the views of the population. It is not surprising that the enlargement of the parishes did not lead to the declared coming nearer of the authorities to the population.

REFERENCES

1. RSFSR. Regionalization Commission. (1926) *Materialy po rayonirovaniyu Sibirskogo kraya* [Zoning in Siberia]. Novosibirsk: Sibkrayispolkom.
2. Gurinovich, P.A. () Rayonirovanie Sibirskogo kraya [Zoning of the Siberian Territory]. In: Sjymyatsky, B. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4. New York: Norman Ross. Col. 605–608.
3. USSR. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.)* [Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (from September 1937)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
4. Zuev, A.S., Nozdrin, G.A., Matkhanova, N.P. & Ilinykh, V.A. (2009) Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri i Dal'nego Vostoka [Administrative-territorial division of Siberia and the Far East]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 45–54.
5. Ilinykh, V.A. (2009) Rayonirovanie [Zoning]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Istoricheskoe nasledie Sibiri. p. 752.
6. Kazarin, V.N. (2013) Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v period "Sibrevkomovskoy Sibiri" [Administrative and territorial transformations during the period of "Sibrevkomov Siberia"]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*. pp. 65–78.
7. Shilovsky, D.M. & Shilovsky, M.V. (2018) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo i upravlencheskiy apparat Aziatskoy Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.)* [Administrative-territorial structure and management of Asian Russia (late 16th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management.
8. Andreev, N.A. (2005) Rayonirovanie Tomskoy gubernii (1917–1925 gg.) [Zoning of the Tomsk province (1917–1925)]. In: Zinoviev, V.P., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomska)* [The Fate of the Regional Center in Russia (to the 400th Tomsk anniversary)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 57–61.
9. Korzhenevskiy, K.B. (2019) Formation of the Administrative and Territorial System of the RSFSR in the First Half of the 1920s (On the Example of Zoning of the West Siberian Provinces). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 142–146. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/18
10. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2008) *Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1860-e – 1940-e gg.* [The history of communication in Western Siberia in the 1860s – 1940s]. Tomsk: Optimum.
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 179.
12. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1004.
13. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 945.
14. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1227.
15. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1139.
16. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-160. List 1. File 263.
17. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1226.
18. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1064.
19. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1260.
20. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-160. List 1. File 220.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1137.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 115.

УДК 27(571.56)
DOI: 10.17223/19988613/71/10

И.И. Юрганова

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИХОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ КРАЕ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Статья посвящена вопросам организации приходской деятельности в одной из наиболее отдаленных окраин империи – Якутском крае. Определено, что возникновение православных приходов как низовых церковных структур, связанных с организацией религиозной жизни населения, происходило в конце XVIII – первой половине XIX в., когда Русская церковь уже являлась составной частью государственного аппарата и были утеряны элементы самостоятельности в деятельности приходов. Рассмотрена специфика служения приходского клира в Якутии.
Ключевые слова: приход; Якутский заказ; Иркутская епархия; многоклирность; Якутская область.

Освоение обширной территории Якутии соотносимо с XVII в. В 1632 г. был основан Якутский (Ленский) острог, и уже через два года в составе Русского государства образован Якутский уезд и назначены первые воеводы, с 1641 г. началось функционирование уездной администрации, в составе которой в острог прибыли и первые представители духовного сословия. Во второй половине XVII в. на территории уезда действовали храмы, возведенные для обслуживания религиозных потребностей пришлого православного населения. В этот период начинается процесс инкорпорации уезда в состав Русского государства, нашедший выражение в том числе и в христианизации местного населения. В церковно-административном отношении зауральская территория входила в созданную в 1620 г. Тобольскую архиепископию (затем – митрополию) площадь которой увеличивалась по мере продвижения на восток. В 1731–1852 гг., после учреждения самостоятельной Иркутской епархии, Якутия находилась в подчинении иркутских архиереев в статусе заказа (благочиния), и в этот период в крае начинается организация приходской деятельности.

Приходом принято обозначать церковный округ, имеющий храм с причтом. В Русской церкви приходы существовали с начала ее истории, когда она составляла митрополию Константинопольского Патриархата, но на Руси миряне оказывали большее влияние на поставление приходских священников, и архиерей, как правило, доверял мнению прихожан. Приходская община проводила собрания (сходы), избирала священников, дьяконов, церковного старосту, заведовала принадлежащим приходу имуществом, контролировала поведение прихожан, уничтожала суеверия и аморальные явления в их среде, заботилась о благоустройстве храма и богослужениях, и это сложилось не путем законодательного оформления, а исторически. Приходы являлись фактически самостоятельными территориальными единицами Русской церкви, и некоторые исследователи отождествляют их с главным мирским органом самоуправления [1].

Позже, в синодальную эпоху, приходская община подвергается государственной и церковной регламентации, ее положение изменяется, и прежде всего ликвидируется значение выборного начала. Утратив права выборности и контроля за деятельностью клира, приходы становятся государственными церковными организациями. В XIX в. устройство приходов регулируется изданным в 1841 г. Уставом духовных консисторий (переиздан с дополнениями и изменениями в 1883 г.), инструкциями благочинным (1857) и церковным старостам (1888), настоятелям церквей (1901) и указами Синода.

Учреждение и закрытие приходов, регламентация их размеров стали прерогативой Синода, право установления границ между приходами предоставлялось епархиальному архиерею. Приход находился под пастырским руководством приходского священника, настоятеля и главы прихода, назначаемого епархиальным архиереем. Полномочия священника излагались в ставленнической грамоте, прочтение которой на собрании прихожан рассматривалось как акт введения в служение. Перемещение священников без их согласия допускалось только в исключительных случаях, как и совершение треб в чужих приходах без ведома приходского пастыря. Помощниками приходского иерея являлись диакон и низшие клирики.

Истории развития приходов и их своеобразию посвящены труды А. Папкова, М.М. Богословского и П.В. Знаменского [2–4]. Кроме того, изданы труды, авторы которых рассматривали вопросы приходской благотворительности, уровень обеспеченности приходского духовенства и др. [5, 6]. В 1910 г. в Иркутске был опубликован сборник статей якутского священника Г.М. Попова «В Якутской глуши», позволяющий составить мнение о приходской деятельности в отдаленных наслегах области в начале XX в. [7]. В конце XX – начале XXI в. были подготовлены работы исследователей, изучающих деятельности РПЦ и духовенства в восточных регионах империи, в том числе историю приходов и епархий, социально-просветительскую деятельность приходского духовенства. Важными исследованиями являются труды Н.Д. Зольниковой, разработавшей типологию сибирского прихода, рассмотревшей сферы деятельности общин и их взаимо-

отношения с государством [8, 9]. Изучению церковно-приходских школ Томской епархии посвящены труды Ю.Ю. Гизей и В.А. Овчинникова [10, 11]. Приходская организация Сибири рассмотрена в статьях и монографиях А.П. Санникова, А.М. Адаменко, И.И. Юргановой [12–17]. В работе профессора А.В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви» также уделено внимание православным приходам, которые, как указывает автор, с XVIII в. стали неотъемлемой частью государства [18]. Другой представитель русского зарубежья – И.К. Смолич – негативно оценивал синодальный период церковной истории, в частности изменение статуса приходов [19]. Таким образом, в отечественной историографии заложена основа для дальнейшей разработки проблемы истории приходов Русской православной церкви и определены основные направления работы исследователей.

На протяжении столетий в Русской церкви строительство церквей влекло за собой образование приходов. Одной из основных должностных обязанностей приходских клириков Якутии было ведение метрических книг, т.е. конфессиональных актов гражданского состояния, и именно метрики позволяют составить представление о количестве приходов края в конце XVIII – начале XIX в. На основании изучения и анализа записей метрических книг очевидно, что к концу XVIII в. в Якутском заказе действовало 19 приходов, к середине XIX в. – 40 приходов, в которых систематически велась метрическая отчетность. В отличие от территории Сибири, где в XVIII в. «церкви строились во множестве» в связи с активной колонизацией региона, формирование приходов Якутии связано с военно-административным освоением территории и перманентной христианизацией местного населения.

В Сибири преобладающей категорией приходов были сельские приходы, и среди прихожан преобладали крестьяне и поселяне. Для Якутии характерным является наличие двух типов приходских общин: городской и общины крещенного местного населения.

Первый тип, сложившийся после реформы по разделению Сибири 1822 г., был представлен населением областного и окружных центров, где вслед за образованием самостоятельной Якутской и Вилюйской епархии местные храмы получили статус соборных церквей. Наиболее многочисленными являлись приходские общины, состоявшие из местного населения. С типом сельской приходской общины соотносятся немногочисленные приходы южной и центральной Якутии, где население (в том числе и местное) вело оседлый образ жизни. Таким образом, приходские общины в составе местного населения можно отнести как к сельским приходским общинам, так и к общинам крещенного коренного населения в зависимости от их образа жизни.

К началу XIX в. в Якутске действовало 5 градских церкви и приход Спасского мужского монастыря. Городские приходы имели стабильный состав прихожан, посещавших храмы и участвующих в проведении служб. Спецификой градских приходов является многочисленность паствы: например, к приходу Градской-Николаевской церкви было приписано 3 859 прихожан, причт Троицкого собора обслуживал 5 577 прихожан. Понятно, что состав городских приходов превышал численность горожан, так как к ним были отнесены и жители расположенных вблизи наслегов и улусов. Протяженность приходов составляла более 1 000 верст. Переписка якутского заказчика и Иркутской духовной консистории содержит сведения о продолжавшихся по несколько месяцев поездках градских священников для объезда своей паствы. Так, Вилюйский приход находился в «38 дней ходу» из Якутска, Жиганский – в 25 дней, Зашиверский – в 63 дня, Охотский – в 51 день [14. С. 247].

Сословный состав прихожан Якутска начала XIX в. составляли разночинцы – 89,4%, статские – 1,72%. военные – 1,69%, купцы, мещане и цеховые – 0,72%. духовенство – 0,44%, поселенцы – 0,22%. Необходимо учитывать, что приведена общая численность (все причисленные к данному сословию, в том числе женщины и дети). Социальная стратификация приведена с учетом группировки, представленной в исторических источниках. К духовному сословию отнесены протоиереи, попы, дьяконы, причетники, в том числе заштатные, и их жены и дети, к военным – штабс- и оберофицеры, рядовые, солдаты, их жены и дети, к статским – вновь штабс- и оберслужащие, приказные служащие, их жены и дети, к дворовым – господские слуги, их жены и дети, к поселянам – крестьяне, их жены, дети и бобыли. Особый интерес представляет категория разночинцев, объединяющая дворян, детей боярских, казачьих сотников, казаков, ссыльных, крещенных инородцев, а также их жен и детей. Следовательно, исторические источники относят большинство населения к категории разночинцев, в том числе и крещенных инородцев [20. Л. 1].

Вместе с тем представляется возможность выявить отношение прихожан города к своим христианским обязанностям. Так, из 364 отнесенных к военному сословию только 13 указаны как не посетившие исповедь и причастие. Менее обязательными были прихожане категорий статских и купечества: 156 из 371 «статских» и треть представителей купечества не были ни на исповеди, ни на причастии. Из многочисленной и разнообразной (4 064 души) группы городских разночинцев 14,8% посетили исповедь и причастие и более 30% не были ни на исповеди, ни на причастии. В целом определено, что треть православного населения Якутска не исполняла основных христианских требований – исповеди и причастия.

Оговоримся, что вышеприведенная церковная статистика являлась в том числе и отчетными данными, направляемыми якутским духовным правлением в епархиальный центр, поэтому вероятно, что в ней присутствует неточность данных в сторону их увеличения.

При строительстве Якутского острога в одной из его башен была расположена церковь, с 1663 г. начинается возведение строений Спасского мужского монастыря. В XVIII в. церковное строительство строго регламентировалось как церковной, так светской властью, но многочисленные указы Синода, связанные с запрещением возведения «лишних и малоприходных храмов» и часовенными разборами, а также ограничения по деревянному церковному строительству не за-

тронули Якутию. Первый архиерей, посетивший Якутский край, епископ Иркутский Иннокентий (Нерунович), отметил малое количество церквей и отдал распоряжение об их строительстве с указанием конкретных мест. Строительство городских храмов проходило на протяжении всего XVIII в. (Троицкий собор – 1708 г., Николаевская церковь – 1718 г., Иоанно-Предтеченская – 1742 г., Богородицкая – 1760 г., Преображенская – 1794 г.). Первоначально они были деревянными, но уже к середине XIX столетия перестроены в камне. Сельские церкви строились из дерева – доступного и дешевого материала, и являлись форпостами по распространению православия. В 1784 г. на средства, выделенные государственной казной, была построена Жиганская Николаевская церковь, главной целью которой была христианизация местного населения: здесь останавливались миссионеры, следующие на север. Кроме того, Жиганский храм наряду с Зашиверской церковью стал одним из первых образцов деревянного церковного зодчества Якутии.

Согласно проведенной в 1784 г. всероссийской переписи епархий православие в империи исповедовали 21 672 201 человек. Их обслуживала 21 141 церковь в 33 епархиях, т.е. в каждой епархии в среднем действовало 640 церквей и проживали 656 733 прихожанина. В Иркутской епархии функционировало 145 церквей (0,7% от общего количества), и на огромной территории проживали 173 247 прихожан (1,6% от общей численности), т.е. в среднем один храм обслуживал до 2 тыс. прихожан [21. С. 71–73]. В 1799 г. состоялась перепись православных храмов (с учетом изменения епархиальных границ), по итогам которой в Иркутской епархии указано уже 182 церкви, в том числе, 6 – в Якутске и по одному храму в Охотске, Олекминске, Жиганске, Зашиверске и Гижиге. Следовательно, за 15 лет в епархии было открыто 37 храмов. Наибольшее количество церквей было построено в Прибайкалье: в 1700 г. – 26 храмов, в 1800 г. – 93, из которых 79 являлись приходскими. В целом к концу столетия в Восточной Сибири функционировало 225 православных храмов (без монастырских), из которых более 200 были приходскими [14. С. 94].

Храмы возводились как на государственные дотации, так и на средства, собранные прихожанами и выделенные меценатами (дворянами и купечеством). Большинство дел о строительстве церквей в Сибири возбуждалось на основании обращений просителей от прихожан, после чего местная духовная власть устанавливала количество дворов и прихожан и расстояния до ближайших храмов и давался или не давался указ о заложении церкви. В Якутии в XVIII – начале XIX в. решение о необходимости строительства принималось совместно светской и духовной властями в связи с увеличением численности крещенных инородцев с целью сокращения огромных территорий их проживания, обслуживаемых городскими причтами. Будущим прихожанам предлагалось взять на себя расходы по строительству и содержанию храма, и в случае их согласия составлялся «общественный приговор», направляемый вместе с ходатайством в епархиальные органы.

В 1837 г. по указу Иркутской духовной консистории в Якутске был создан временный Комитет «для избрания мест для строительства церквей в Якутской области», задачей которого было установление пунктов сосредоточения населения во время кочевий и ясачного сбора и составление проекта предполагаемого строительства храмов на основании пожеланий прихожан с их участием в финансировании строительства. Согласно собранным сведениям в четырех округах области имелась необходимость строительства 30 церквей, но только 3 храма прихожане обязывались возводить на свои средства, а в остальных случаях они рассчитывали на государственную поддержку [22. Л. 1–39]. Так, по мнению колымского исправника, расходы на строительство и содержание причта должно было взять государство, так как «все… инородцы обременены неоплатными казенными и частными долгами во взыскании коих не предвидится даже надежды», и, кроме того, «желание на построение церкви никто из инородцев досоле не изъявлял» [23. Л. 1–2]. Заметим, что в избранных для строительства местностях церкви в большинстве будут возведены позже, во второй половине XIX – начале XX в., после создания самостоятельной Якутской епархии, но факт деятельности Комитета характеризует внимание к вопросу обеспечения населения православными храмами.

В 1852 г., в последний год пребывания Якутии в составе Иркутской епархии, в заказе действовали Спасский мужской монастырь и 24 храма [24. Л. 74].

Сельские приходы Якутии были представлены в основном крещенными инородцами, ведущими полукочевой образ жизни, и немногочисленным крестьянством. В 1806 г. сельские (инородческие) приходы составляли 14 церквей, их территории были огромными, а границы не всегда регламентированными. И если на Русском Севере границы приходов в большинстве совпадали с волостной или сельской общиной, то в Якутии в начале XIX столетия они были определены в зависимости от территориальной близости храмов. Позже, с началом активного церковного строительства, данные границы также будут приведены в соответствие с административно-территориальным делением.

Согласно церковной статистике самыми крупными по численности были Сунтарский (14 560 душ) и Верхне-Вилюйский (11 329 душ) приходы. Особенностью северных приходов Якутии являлась малочисленность населенных пунктов, связанная с кочевым образом жизни населения, отсутствием транспортной схемы и сезонной недоступностью мест кочевания.

Синодальным определением 1722 г. определялось количество дворов в приходе: 100–150 дворов при одном храме с одним составом причта. Соответственно, нормой двухклирной церкви являлось наличие 200–250 дворов, а при 250–300 дворах церковь считалась трехклирной, с тройным штатом священно- и церковнослужителей. Территориально-климатические особенности Якутии обусловливали иные условия служения. Количество дворов, приписанных к Сунтарскому храму в начале XIX в., составляло более 2 тыс. (2 415), они были распределены по 6 приходам, обслуживаемым 3 священниками и 6 причетниками, т.е. один священник

причислялся к двум приходам. В центральных российских епархиях подобное было недопустимо, но специфика проживания на севере и недостаточность духовных кадров диктовали особые условия служения (таблица).

Численность прихожан якутских церквей

	Название церкви	Кол-во дворов	Численность прихожан	С учетом заштатных и членов семьи						
				Духовное сословие	Военные	Статские	Разночинцы***	Купцы, мещане, цеховые	Дворовые	Поселенцы- крестьяне и бобыли бобыли)
1	Кангалласская Покровская	315	5 127*	14	–	–	4 846	–	–	166
2	Олекминская Спасская	880	5 854*	21	–	26	4 183	67	–	652
3	Намская Предтеченская	244	4 030*	17	–	–	3 983	8	–	–
4	Борогонская Вознесенская	445	6 550*	13	–	–	6 652	–	–	–
5	Амгинская Преображенская	260	8 393*	21	**	17	8 046	27	–	312
6	Удская Николаевская	нет данных	5 282 (?)	–	113	–	5 169	–	–	–
7	Верхне-Вилюйская Николаевская	552	11 329*	31	–	42	11 245	–	–	–
8	Сунтарская Введенская	2 415	14 560	47	–	–	14 501	4	–	8
9	Жиганская Николаевская	200	2 175*	14	17	21	2 035	16	–	63
10	Охотского порта Преображенская	нет данных								
11	Гижигинская Спасская	123	1 532*	13	224	13	970	39	155	–
12	Зашиверская Спасская	209	3 428	10	4	11	3 093	268	–	38
13	Средне-Колымская Покровская	171	1 794	10	–	–	1 707	57	–	20
14	Нижне-Колымская Спасская	130	999	12	–	3	878	106	–	–

Примечания. * – указаны приведенные в документе данные, сумма которых не совпадает с данными последующих граф. ** – обведена незаполненная графа. *** – имеются в виду дворяне, дети боярские, казачьи сотники, казаки, ссыльные, крещенные инородцы и их жены и дети. (?) – неразборчиво.

Почти 6 000 прихожан (5 720), проживавших разрозненно на значительном расстоянии от храма, числились в двух приходах Верхоянской Благовещенской церкви, и остается только предполагать, как причт, состоящий из двух священников и двух причетников, мог в течение одного года посетить всех [25. Л. 72–77]. В то же время в области имелись и малочисленные приходы. В прошении священника Удской Николаевской церкви А. Конюхова от 1815 г. отмечается, что «в приходе в настоящее время жителей 12 человек… были четыре тунгусских наслега… после уничтожения в Удском комиссарства и вывода воинской команды… удалились за 600 верст… и никогда оттуда не приезжают» [26. Л. 1].

Кроме того, в Иркутской епархии присутствовал дефицит духовных кадров. Так, в конце XVIII в. в Иркутском духовном правлении оставались незанятыми 13% священно-церковнослужительских мест, Илимском – 34%, Якутском – 41%, Селенгинском – 48%, в Нерчинском – 57%, т.е. более половины мест были вакантными [14. С. 125]. Известно, что в петровскую эпоху приходское духовенство постепенно стало замыкаться в отдельное сословие, одной из характеристик которого была наследственная передача мест служения (или продажа этих мест). И если в целом по империи замкнутое духовное сословие не могло удержать в себе всех, кто принадлежал к нему по рождению, то в отдаленных окраинах, в том числе в Якутии, хронический дефицит духовных кадров способствовал еще большему сословному обособлению лиц духовного чина. В связи с этим Якутию не затронули духовные разборы, и в источниках нет упоминания о них. Принятые в 1778 г. новые штаты церковных мест, когда на 150 дворов полагался один священник, а остальные выводились за штат, в результате чего только в Москве насчитывалось более 250 безместных священников, также были неприменимы в условиях Севера [27. С. 89].

Учитывая местные условия, духовная власть допускала некоторые отступления от правил. В 1805 г. якутским духовным правлением было разрешено не «носить младенцев в храм на крещение во время сильных морозов» [28. Л. 8]. Представляла сложность и доставка приходской документации (отчетной и метрической) в правление и далее в консисторию: «непреодолимое препятствие встречается в пересылке сих отчетов. То же в гражданский срок, когда не бывает в отдаленных местах почтовая почта, а бывает где, когда местное гражданское начальство находит надобность, то только тогда отправляет нарочного в Якутск и эти случаи не более 2–3-х в году. И когда только из некоторых мест, почему нередко встречается, что на предписание через год получен ответ» [29. Л. 6]. Согласно входящему регистру Зашиверской церкви в 1819 г. поступило 34 входящих документа (26 – указы духовного правления, 4 – сообщения от Зашиверского частного комиссара и др.), и указы № 1–11 были получены 26 января. Затем даты поступления документов: 21 апреля, 4 мая, 25 мая, 18 июня, 20 октября, т.е. почта приходила только 6 раз в год, или 1 раз в 2 месяца. В связи с этим приходскому духовенству было разрешено предоставлять отчетную документацию спустя год [30. Л. 33].

В 1828 г. на заседании иркутской духовной консистории был рассмотрен проект перераспределения инородцев и крестьян Якутской области по приходам [31. Л. 2, 3]. В «Ведомости, показующей сколько при каждой церкви полагается приходов, по числу оных священников и в какое время подлежит делать священникам в приходы выезды», подписанной начальником Якутской области Мягковым, указан 21 храм и имеется график поездок священников. Отмечалось, что границы приходов не должны изменяться без особых причин, запрещалось выделение «особых частей» из приходов. Кроме того, в перспективе предусматривалось создание 44 приходов, клир которых должен был составлять 40 священников и 44 причетника [25. Л. 72–77].

Представители духовенства Якутского края изначально, до включения Русской церкви в состав государственного аппарата, получали все виды «государева жалования» (денежное, хлебное, соляное). Их материальное положение не находилось в зависимости от пожертвований прихожан. Не установлено фактов закрытия храмов в связи с невозможностью их содержания паствой, имевших место как в центральной России, так и в Сибири. Вместе с тем государственное обеспечение духовенства тормозило процесс открытия новых причтов, так как это влекло за собой выделение дополнительных окладов жалования.

Служение приходского духовенства Якутии включало все основные направления деятельности, в том числе и просветительство. В 1809 г. в духовное правление был направлен рапорт дьячка Нижне-Колымской церкви М. Трифонова с просьбой высылки книг для храма [32. Л. 2]. В 1842 г. на приходском сходе прихожан Амгинской церкви рассматривали вопрос о распространении картофеля и приняли решении о «доставлении по возможности 3 пуда картофеля для посева будущего года» [33. Л. 1].

Отдаленность приходов, регулярные задержки поступления жалования, дороговизна продуктов питания и их доставки способствовали возникновению практики поборов с прихожан, несмотря на установленные государством нормы оплаты за требы (3 коп. за крещение, 10 – за венчание и погребение). В 1806 г. в духовное правление поступило прошение жителей Оспетского наслега Борогонского улуса о «притеснениях и поступках» священников Охлопкова и Громова, где приводились данные о поборах за крещение (по 5 руб.), исповедь и молитвы (по 40 коп.), «за отпев прежде погребенного Стефанова… взял 1 корову». Прихожане жаловались, что священнослужители «не внушают им Слово Божие», и указывали, что священника Громова «иметь у себя не желаем» [34. Л. 1–3].

При возникновении подобных конфликтных ситуаций церковные власти всегда стремились к разумному компромиссу с верующими. Якутским духовным правлением было начато следствие, но, вероятно, в связи с недостаточностью духовенства вышеназванные иереи были перемещены к другим приходам, что косвенно подтверждается специальным Указом Синода в отношении якутского духовенства. В 1821 г. на заседании Синода было заслушано отношение министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына «долгом сообщать Его Преосвященству (т.е. Иркутскому), все то, что сделалось известным, [что] некоторые священнослужители Иркутской епархии имеют в виду… наличные выгоды в области Якутской… где обращенные к православию дикие народы еще младенчествуют в своей вере… священнослужители вместо терпеливого учения и объяснений правил веры спешат пользоваться простодушием якутов, навещают в отдаленных селениях их, единственно чтобы собирать плату и не проводя ни одной требы во время, отпевают умерших которые более года уже преданы земле… отмечают в записи бывшими на исповеди и устно причастившихся тех, кого никогда не видели… Вместо искоренений этих злоупотреблений некоторые священнослужители в пост иногда берут соболями и лисицами, они доставляют им табак и крепкие напитки и, пользуясь их наклонностями к вину, поддерживают эту порочную слабость, дабы вынудить с них деньги…» В последовавшем распоряжении иркутского архиерея указывались и фамилии, и места служения тех, кто был уличен в подобных проступках и, следовательно, ему были известны данные факты. Виновные были подвергнуты штрафу (10 руб.), а также внушению «что впредь неминуемо и гораздо строже будут оштрафованы» [30. Л. 6–30].

Очевидно, что позднее формирование приходской общины и дефицит духовных кадров при особенностях территориально-климатических условий обусловили отсутствие в Якутском крае традиционных элементов православных приходов, в том числе права подбора и найма приходского духовенства. Не выявлено случаев избрания священнослужителей «на приход», они назначались духовной властью в лице иркутского архиерея по представлению якутского духовного правления. Более того, в случае, когда иерей не находил взаимопонимания со своими прихожанами, механизм его замены был сложен и долговременен, так как предусматривал рассмотрение данного вопроса и в Якутске, и в Иркутске. Тем не менее при хронической нехватке духовенства не имеется данных о назначении на церковно-служительские должности представителей других сословий, что свидетельствует о замкнутости местного духовенства. Не нашла применения и достаточно широко используемая в Восточной Сибири практика «договорных писем», когда претендент на чин священника давал прихожанам «быть с ними в согласии».

Имело место и корректирование деятельности церковных старост. В «Инструкции церковным старостам» (1842), указывалось, что староста – поверенный прихожан церкви, выбранный для хранения и употребления церковных денег и вообще для хранения церковного имущества, только он имел право заниматься продажей свечей и осуществлять кошельковые сборы во время проведения служб.

В Якутии во всех приходских храмах избирались старосты, утверждаемые затем духовным правлением [35. Л. 1–6]. Правление имело право отклонить предлагаемую кандидатуру и потребовать проведения новых выборов. И если в Сибири духовное начальство

«неукоснительно требовало наличие письменного приходского выбора – приговора схода», то в Якутии сообщение о выборе старосты было обязанностью приходского священника, дававшего в своем письме краткую характеристику избранного [9. С. 100]. Очевидно, приходской клир по договоренности с родовой знатью самостоятельно назначал старосту.

Источники позволяют установить персональный состав старост церквей Якутской епархии и сделать вывод об избрании на эти должности уважаемых и почетных инородцев, выступавших связующим звеном между причтом и паствой. Вместе с тем выполнение обязанностей старосты было затруднительно для инородцев, так как из-за особенностей проживания и неграмотности они, проживая на значительных расстояниях от церкви, не могли заполнять церковные книги и составлять отчеты. «Шнуровая книга», выданная в 1825 г. вновь избранному церковному старосте Усть-Янской церкви мещанину М. Санникову, дает возможность составить представление о церковных капиталах одного из отдаленных храмов Якутии: «От прежних лет оказались: 91 р. 60 коп., 2 пуда свеч восковых, 4 фунта ладану и еще приложено 8 рублей 60 коп. и 3 песца ценой по 2 рубля. Итого – 102 р. 20 к. В 1825 г. внесено рыбой 2 000 сельдей, 230 нельм, 165 муксунов, продано из оных 800 сельдей за 12 рублей. К апрелю 1831 г. в церковной казне 2 208 р. 20 коп., в апреле 1836 г. 3 414 р. 3 коп. Расход: на свечи и их доставку, ладан, и других церковных потреб, а также деньги церковным рабочим» [36. Л. 2].

Позднее, во второй половине XIX в., по ходатайствам свт. Иннокентия (Вениаминова) специальным указом Синода (1862) было разрешено заменять избрание церковного старосты в Камчатской епархии и входящей в ее состав Якутии денежным сбором, гарантировавшим дополнительный доход причту [37. Л. 14–15].

В связи с кочевым и полукочевым образом жизни значительной части якутской паствы имел свои особенности институт приходского схода, являвшийся главным органом конфессиональной общины. Парадоксально, но в источниках не выявлено сведений о проведении сходов при градских храмах, тогда так присутствуют немногочисленные сельские приговоры, скрепленные подписями и печатями родовых старост. Учитывая многочисленность прихожан, можно предположить, что участие в сходах принимала только небольшая их часть, представленная родовой верхушкой, но итоговые документы сходов – приговоры – считались правомочными и прилагались к различного рода ходатайствам и прошениям, направляемым как в церковные, так и в гражданские учреждения.

Исполнение христианских обязанностей паствы сельских приходов, большинство населения которых составляли инородцы, значительная часть которых уже была крещена, по данным якутского заказчика, в этот период оставляет желать лучшего. Миссионеры крестили инородцев, не обучив их основам веры, и дальнейшее «приведение в веру» являлось задачей приходского клира.

В целом церковная статистика фиксирует, что большинство из прихожан – 76,3% – ежегодно исповедовались (без причастия), 22,8% – и не исповедовались, и не причащались, соответственно, только 0,9% (т.е. менее 1%) исправно выполняли свои христианские обязанности.

Приходское духовенство применяло различные способы для привлечения прихожан в храмы, главными из которых были разъяснения и увещевания. Интересен факт вовлечения в данный процесс родовой знати – князьцов и улусных голов, которых обязывали проводить сходы и давать подписки о контроле за исполнением их земляками своих христианских обязанностей. Понятно, что, будучи частью государственного аппарата, Русская церковь имела возможность воздействия на местную элиту [38. Л. 5–16].

Таким образом, формирование приходских общин в Якутии происходило в условиях огосударствления Церкви и строгой регламентации ее деятельности, в связи с чем не были использованы традиционные элементы приходской деятельности, такие как выборность клира. Функции церковного старосты в инородческих приходах вследствие неграмотности и разбросанности мест проживания основной части прихожан были значительно уменьшены по сравнению с обязанностями старост приходов Сибири. Церковное строительство осуществлялось по мере вовлечения населения в православную веру. У якутской паствы не сложилось мнения о правомочности контроля за деятельностью приходской общины.

В свою очередь, назначаемый и обеспеченный государственным жалованием клир не был зависим от прихожан. Недостаточность духовных кадров приводила к злоупотреблениям со стороны приходского духовенства, рассматриваемым на уровне высшего духовного органа империи – Синода.

Кроме того, территориально-климатические характеристики Крайнего Севера определили иные условия деятельности приходов. Преобладающим типом приходов являлись инородческие приходы, характеризующиеся значительностью территории и численности прихожан. Инородцы составляли большинство и в городских, и в сельских приходах.

Малое количество храмов на огромной территории, неопределенность границ приходов, кочевой и полукочевой образ жизни населения вынуждали приходское духовенство большую часть своего служения проводить в объездах пасомых, и церковная статистика начала XIX столетия указывает, что только 30% православного населения области соблюдало основные христианские обряды. Отношение прихожан к своим христианским обязанностям было связано главным образом с местом их проживания и территориальной близостью храма.

В дальнейшем ассимиляционные мероприятия государства, осознающего важность приобщения окраинного населения к государственной религии как составной части социокультурного процесса, дополнявшего политику по отношению к своим инородческим подданным, обеспечат организацию приходской жизни, соответствующей в целом всем нормам православия с учетом особенностей проживания в северных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб. : Тип. им. М.А. Александрова, 1913. 134 с.
2. Папков А. Древнерусский приход : краткий очерк церковноприходской жизни в Восточной России до XVIII в. и Западной России до XVII в. Сергиев Посад : 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1897. 68 с.
3. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере. М. : Изд. Импер. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909. VIII, 322 [105] с.
4. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань : Тип. Импер. ун-та, 1873. 439 с.
5. Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге : исторические очерки. СПб. : Тип. Главного упр. уделов, 1900. VII, 313 с.
6. Кильчевский В. Богатство и доходы духовенства. СПб. : Тип. «Работник», 1908. 46 с.
7. Попов Г.М. В Якутской глуши. Иркутск : Паровая типолит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1910. 133 с.
8. Зольникова Н.Д. Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (н. XVII − к. 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1983. С. 102–116.
9. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 290 с.
10. Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884−1917). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 143 с.
11. Овчинников В.А. Церковная школа в Томской губернии // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбасвузиздат, 1993. 164 с.
12. Санников А.П. Церковное служение и деятельность приходского духовенства на территории Иркутской губернии в XVII−XVIII вв. // Конфессии народов Сибири в XVII − начале XX вв.: развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 2005. С. 93−108.
13. Санников А.П. Православный приход Забайкалья и его количественные характеристики в конце XVII − XVIII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология, Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 219−230.
14. Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII−XVIII вв. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
15. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово : Кемеровский ун-т, 2004. 26 с.
16. Юрганова И.И. Православный приход в Якутии (XVII − начало XX вв.) // Российская история. 2014. № 3. С. 97−111.
17. Юрганова И.И. Иркутский период в деятельности Русской Православной церкви в Якутском крае (1731−1852 гг.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 1. С. 66−72.
18. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. Париж : YMCA-PRESS, 1959. 702 с.
19. Smolitsch I.K. Leben und Lehre der Starzen. Vienne, 1936. 226 S.
20. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 30.
21. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 2. Д. 128.
22. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVII − перв.пол. XIX вв. Иркутск, Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 1996. 208 с.
23. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 858.
24. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 2. Д. 79.
25. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 50.
26. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 94.
27. Цыпин Вл., протоирей. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М. : Моск дух. академия, 2006. 816 с.
28. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 9.
29. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 537.
30. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 10.
31. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 142.
32. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 57.
33. НА РС (Я). Ф. 238-и. Оп. 1. Д. 13.
34. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 26.
35. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4262.
36. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 19.
37. НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2108.
38. НА РС (Я). Ф. 238-и. Оп. 1. Д. 14.

Inna I. Yurganova, Institute of the humanities and indigenous peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

SPECIAL FEATURES OF THE BEGINNINGS OF PAROCHIAL WORK IN THE YAKUT REGION (18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES)

Keywords: parish; Yakutsk order of the Irkutsk diocese; versatility; Yakutia region.

The article considers the organization of parochial work in one of the most remote outskirts of the empire – Yakut region and its peculiarities conditioned both by territorial and climatic circumstances.

It seems relevant that the history of Orthodox parishes should be singled out as an independent subject since a parish, being a lower administrative unit of the Russian church, carried out, among other activities, the task of incorporation into the imperial space. The paper introduces into scientific circulation new historical sources from the collections of regional archives, including information on the activities of the Yakut ecclesiastical government, the dynamics of the construction of temples and the number of the Orthodox population, peculiarities of parish practice, etc. A number of factors have been generalized, the analysis of which allowed us to identify the specifics of the spread of Orthodoxy in the province, conditioned by the objective (territorial and climatic) and subjective (locality of the Arctic civilization) features as well as by the complexity of the parish ministry. It was determined that the formation of parish communities in Yakutia took place in the conditions of the state establishment of the Church and the regulation of its activities, and therefore the traditional elements of parish activity such as the election of the clergy were not used. As a result, the Yakut flock did not form an opinion about the eligibility of monitoring activities of the parish community. Due to illiteracy of the population and scattered places of residence of the majority of the members of ethnic minority parishes, the functions of the church wardens (in comparison with the duties of the wardens in Siberia) were curtailed. The predominant type of parishes were ethnic minority parishes, characterized by the significant size of the territory and the number of parishioners. Ethnic minorities accounted for the majority in both urban and rural parishes. One of the points substantiated is that the clergy appointed and salaried by the state was not dependent on the parishioners, and the lack of

ecclesiastical cadres led to abuses by the parish clergy, which caused concern at the level of the supreme ecclesiastical body of the empire – the Synod.

Obviously, the geographic and climatic characteristics of the Far North stipulated other conditions of parochial work. A small number of temples on a vast territory, the uncertainty of parish borders, the nomadic and semi-nomadic way of life of the population forced the parish clergy to spend most of their ministry in visitations of their flock. The attitude of parishioners to their Christian duties was primarily determined by the territorial proximity of the church, and church statistics from the beginning of the 19th century show that only one third of the Orthodox population of the region performed basic Christian rites (confession, communion). At the same time, the parish clergy ensured the dialogue of the population with the Christian (Orthodox) civilization. Later on, the assimilation measures of the state, which realized the importance of involving the outlying population in the state religion, will ensure the development of parish life, taking into account the characteristics of living in the northern conditions.

REFERENCES

1. Yushkov, S.V. (1913) *Ocherki po istorii prikhodskoy zhizni na severe Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the history of parish life in the north of Russia in the 15th – 17th centuries]. St. Petersburg: Tip. im. M.A. Aleksandrova.
2. Papkov, A. (1897) *Drevnerusskiy prikhod: kratkiy ocherk tserkovnoprikhodskoy zhizni v Vostochnoy Rossii do XVIII v. i Zapadnoy Rossii do XVII v.* [Old Russian parish: a short sketch of parish life in Eastern Russia up to the 18th century and Western Russia until the 17th century]. Sergiev Posad: A.I. Snegireva.
3. Bogoslovskiy, M.M. (1909) *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe* [Zemstvo self-government in the Russian North]. Moscow: Imerial society of History and Ancoent Times at Moscow University.
4. Znamenskiy, P.V. (1873) *Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish clergy in Russia since Peter's reform]. Kazan: Imperial University.
5. Runkevich, S.G. (1900) *Prikhodskaya blagotvoritel'nost' v Peterburge: istoricheskie ocherki* [Parish charity in St. Petersburg: historical essays]. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upr. Udelov.
6. Kilchevskiy, V. (1908) *Bogatstvo i dokhody dukhovenstva* [Wealth and income of the clergy]. St. Petersburg: Rabotnik.
7. Popov, G.M. (1910) *V Yakutskoy glushi* [In the Yakutsk wilderness]. Irkutsk: P.I. Makushin i V.M. Posokhin.
8. Zolnikova, N.D. (1983) Deloproizvodstvennye materialy o tserkovnom stroitel'stve kak istochnik po istorii prikhodskoy obshchiny Sibiri (n. XVII − k. 60-kh gg. XVIII v.) [Office materials on church building as a source on the history of Siberian parish community (early 18th – to 1760s]. In: Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Rukopisnaya traditsiya XVI−XIX vv. na Vostoke Rossii* [Handwritten tradition of the 16th – 19th centuries in the East of Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 102–116.
9. Zolnikova, N.D. (1990) *Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII v.* [Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
10. Gizey, Yu.Yu. (2004) *Tserkovno-prikhodskaya shkola Tomskoy eparkhii (1884−1917)* [Parish school of the Tomsk diocese (1884–1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Ovchinnikov, V.A. (1993) Tserkovnaya shkola v Tomskoy gubernii [Church school in the Tomsk province]. In: *Iz istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [From the history of the south of Western Siberia]. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat.
12. Sannikov, A.P. (2005) Tserkovnoe sluzhenie i deyatel'nost' prikhodskogo dukhovenstva na territorii Irkutskoy gubernii v XVII−XVIII vv. [Church ministry and activities of the parish clergy in Irkutsk province in the 17th – 18th centuries]. *Konfessii narodov Sibiri v XVII − nachale XX vv.: razvitie i vzaimodeystvie* [Confessions of the Siberian Peoples in the 17th – early 20th Centuries: Development and Interaction]. Proc. of the Conference. Irkutsk. pp. 93−108.
13. Sannikov, A.P. (2015) Orthodox Parishes of the Baikal Region and its Quantitative Aspects at the end of the 17th – 18th centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya, Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 11. pp. 219−230. (In Russian).
14. Sannikov, A.P. (2016) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo na vostochnykh okrainakh Rossiyskoy imperii v XVII−XVIII vv.* [Church, society and state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the 17th – 18th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
15. Adamenko, A.M. (2004) *Prikhody Russkoy pravoslavnoy tserkvi na yuge Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX v.* [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 17th - early 20th centuries]. Kemerovo: Kemerovo state University.
16. Yurganova, I.I. (2014) Pravoslavnyy prikhod v Yakutii (XVII − nachalo XX vv.) [Orthodox parish in Yakutia (the 17th – early 20th centuries)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 97−111.
17. Yurganova, I.I. (2014) The Irkutsk period in Russian Orthodox Church activity in Yakut Territory (1731–1852). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 11(1). pp. 66−72. (In Russian).
18. Kartashev, A.V. (1959) *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi: v 2 t.* [Essays on the History of the Russian Church: in 2 vols]. Paris: YMCA-PRESS.
19. Smolitsch, I.K. (1936) *Leben und Lehre der Starzen*. Vienna: [s.n.].
20. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 30.
21. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 2. File 128.
22. Naumova, O.E. (1996) *Irkutskaya eparkhiya. XVII − perv.pol. XIX vv.* [Irkutsk diocese. The 17th – first half of the 19th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
23. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 858.
24. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 226-i. List 2. File 79.
25. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 1. File 50.
26. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 94.
27. Tsypin, Vl. (2006) *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiy periody (1700–2005)* [History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods (1700–2005)]. Moscow: Moscow Theological Academy.
28. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 9.
29. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 537.
30. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 10.
31. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 7. File 142.
32. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 57.
33. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 238-i. List 1. File 13.
34. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 26.
35. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 1. File 4262.
36. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 19.
37. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12-i. List 2. File 2108.
38. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 238-i. List 1. File 14.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(510)
DOI: 10.17223/19988613/71/11

А.О. Наумов, Р.С. Положевич

ПРОБЛЕМАТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КИТАЙСКОМ НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Исследуется «мягкая сила» как феномен китайского философского, научного и общественно-политического дискурса. Авторы обращаются к классическим трактатам древних мыслителей Поднебесной: Лао-цзы, Сунь-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, Конфуция и др. – китайские мудрецы, жившие еще до нашей эры, описывали мягкие и жесткие способы социального регуляции, давали практические советы правителям, в разной степени делая акцент на методах и технологиях «мягкой силы». В работе также изучен процесс развития в Китае «мягкой силы» как научной категории – от 1993 года (когда была опубликована первая научная статья по данной тематике) до сегодняшних дней.

Ключевые слова: Китай; «мягкая сила»; мирное возвышение; мирное развитие; гармоничное общество; китайская мечта.

Концепция «мягкой силы», предложенная в начале 1990-х гг. американским политологом Дж. Наем младшим, за последние три десятилетия прочно вошла в российский и зарубежный научный дискурс. На сегодняшний день усилиями отдельных авторов и специализированных исследовательских институтов, занимающихся данной проблематикой, достаточно подробно изучены общие и особенные черты национальных моделей «мягкой силы» целого ряда стран, их внешнеполитический инструментарий в этой связи, практика реализации и провалы «мягкой силы».

За последние несколько лет опубликовано немало работ отечественных, западных и китайских исследователей, посвященных «мягкой силе» с китайской спецификой. Детально изучены вопросы актуализации «мягкой силы» в современной внешней политике Китая, обозначены существующие проблемы и пути их устранения. Вместе с тем, явно недостаточно освещены идейные истоки китайской «мягкой силы», а также процесс вхождения данной концепции в официальный политический дискурс Китайской Народной Республики. Данное исследование имеет целью устранить этот пробел.

Истоки китайской «мягкой силы» можно обнаружить в датированных VIII–III вв. до н.э. сочинениях древних мудрецов Поднебесной. Один из первых классических текстов Древнего Китая – «Канон перемен», более известный как «Книга перемен» («И цзин»), постулирует, что взаимодействие противоположностей инь и ян, символизирующих соответственно мягкое (женское, темное) и твердое (мужское, светлое) начала, суть основа мирового развития (см. подробнее: [1]).

Традиция выделения двух указанных выше противоположностей, повлиявшая на становление многих философских школ Древнего Китая, а впоследствии и на формирование ряда китайских, японских, корейских и вьетнамских военно-политических доктрин, тщательно изучалась китаистами разных стран, в том числе нашими соотечественниками. Так, советский и российский исследователь-востоковед Т.П. Григорьева в 1973 г. на основании характера взаимодействия противоположностей, описанного в трудах философов древних цивилизаций – Древних Греции, Китая и Индии – выделила три различных типа мышления. Первый тип, присущий древним грекам и обозначенный как предельно динамичный, за основу вселенского развития принимает столкновение противоположностей, в результате которого одни структуры, окружающие нас, заменяются другими. Вторая модель мышления – китайская, умеренно динамичная – описывает мировое развитие как неантагонистическое взаимодействие двух противоположных начал, в результате которого они переходят друг в друга в пределах одной структуры. Наконец, третий тип мышления – индийский, нединамичный (или внутренне динамичный) – постулирует тождество противоположностей [2. С. 109]. Примечательно, что в Срединном государстве развитие получил не только чисто китайский тип мышления: элементы индийской модели также были усвоены китайцами и составили философскую базу китайского буддизма, впитавшего идеи гармонии, единства и тождества всего сущего, не-преграды всех вещей и явлений.

Философские идеи гармонии, тождества и ненасилия впоследствии были развиты в учениях известных китайских мыслителей VI–III вв. до н.э. Так, в трактате «Книга пути и достоинства» («Дао дэ цзин») – основополагающем источнике даосизма, авторство которого традиционно приписывается Лао-цзы, – была сформу-

лирована концепция недеяния (у вэй), утверждавшая, что каждый человек должен руководствоваться в своей жизни мягкими принципами и способами действия и отвергать жесткие, не делать того, что противно природе. В «Дао дэ цзин» говорится: «Мягкое и слабое побеждает сильное и твердое. <…> Человек при своем рождении мягок и слаб, а при наступлении смерти он тверд и крепок. <…> Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить» [3]. Лао-цзы выступал против войны как способа достижения государственных целей. «Войско – орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его; он применяет его, только когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой – это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране» [Там же].

Основатель школы моистов Мо-цзы также придерживался пацифистских взглядов. Он сформулировал теорию «всеобщей любви и взаимной выгоды» (цзянь ай сян ли), согласно которой человек должен проявлять свою любовь ко всем окружающим его людям, и тогда в благодарность за это он получит ответную любовь, что в конечном счете приведет к взаимной выгоде. Именно мягкий образ повседневного действия человека, по мнению Мо-цзы, способствует достижению желаемых результатов [4. С. 160].

Примечательно, что даже военная доктрина, предложенная известным стратегом Древнего Китая Сунь-цзы, не отдавала предпочтения насилию. Война, по убеждению военачальника, есть путь обмана и необходимое зло, которого следует избегать, насколько это возможно. Поскольку война – лишь один из способов получения выгоды, притом, как правило, самый затратный и не всегда самый эффективный, то жесткие средства должны использоваться правителем только в исключительных случаях. В трактате «Искусство войны» («Сунь-цзы бинфа») Сунь-цзы утверждал, что «самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска». «Самое худшее – осаждать крепости. <…> Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [5. С. 42].

Положения, изложенные в «Искусстве войны», нашли свое отражение и в трактате «Законы войны почтенного У» («У-цзы бинфа») другого именитого полководца Древнего Китая – У-цзы. В указанном сочинении война рассматривалась в качестве средства получения выгоды, а не физического уничтожения врага; цель войны достигалась умелым сочетанием обмана, хитрости, тактического и стратегического планирования [5].

Против насилия также выступал Мэн-цзы, различавший два типа правителей: истинного правителя (ван), руководствовавшегося человеколюбием и благой силой, и гегемона (ба), опиравшегося на принуждение и пренебрегающего гуманностью. По Мэн-цзы, «покоряющему людей силой не покорить их сердца, <…> покоряющему же людей добродетелями удастся вызвать радость из самых глубин их сердец, все покорятся ему со всей искренностью» [6. С. 53].

Безусловно, в качестве учения о «мягкой силе» можно рассматривать и философское учение Конфуция. Особенно явно мягкий характер конфуцианства прослеживается при сопоставлении идей Конфуция с концепциями, проповедуемыми школой легистов – исторических противников Конфуция в вопросах государственного управления. В качестве основного метода социальной регуляции легисты позиционировали жесткий и непререкаемый закон (фа), которому Конфуций противопоставил мягкий ритуал (ли), основанный на традиционных родоплеменных ценностях. В «Аналектах Конфуция» («Лунь юй») говорится: «Если наставлять народ путем введения правления, основанного на законе, и поддерживать порядок угрозой наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем введения правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования правил, в народе появится чувство стыда, и он исправится» [7. Гл. 2, пар. 3].

Наконец, стоит отметить, что идеи мягкой и жесткой социальной регуляции, изложенные в трактатах конфуцианцев, легистов, моистов, различных школ даосизма, почерпнула и синтезировала древнекитайская философская школа «Бин Цзя». Труд «Семикнижие военного канона» представляет собой семь классических китайских военных трактатов: «Сунь-цзы бинфа» («Искусство войны Сунь-цзы»), «У-цзы бинфа» («Законы войны почтенного У»), «Сыма фа» («Методы Сыма»), «Лю тао» («Шесть секретных учений»), «Вэй Ляоцзы, Хуан Шигун Сань Люэ» («Три стратегии Хуан Ши-Гуна»), «Тан Тайцзун Ли Вэй гун вэнь дуй» («Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна»), «У цзин ци шу». Согласно учению «Семикнижия военного канона», все космические процессы носят циклический характер, обусловленный переходом противоположностей инь и ян друг в друга. Указанные противоположности действуют и в социальной жизни: мягкое начало в ней символизирует «культура» (вэнь), а жесткое – «воинственность» (у) [8. С. 15].

Впервые в истории современного Китая тема «мягкой силы» получила научное развитие в начале 1990-х гг. Книга американского политолога Джозефа С. Ная младшего «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американской мощи» (Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990), ставшая предтечей широкой научной полемики по теме «мягкой силы», была переведена на китайский язык в 1992 г. Уже в 1993 г. первую статью о «мягкой силе» Поднебесной опубликовал руководитель департамента международной политики в Фуданьском университете и советник Председателя КНР Цзян Цзэминя Ван Хунин [9]. Вместе с тем фактически до 2003 г., когда китайским руководством была выдвинута внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения» Поднебесной, концепция «мягкой силы» не получала развития в китайском научном дискурсе.

Несмотря на столь короткий период активных научных изысканий по проблеме китайской «мягкой силы» (всего полтора десятилетия), можно утвер-

ждать, что на сегодняшний день научный дискурс «мягкой силы» с китайской спецификой можно считать оформившимся. Сегодня проблемы «мягкой силы» по-китайски изучает целая когорта видных китайских авторов, многие из которых имеют отношение к партийным органам и институтам высшей государственной власти в Поднебесной. Кроме того, успешно функционируют специализированные «мозговые центры»: Гуандунский Южный институт исследований «мягкой силы» (создан в 2012 г. в Гуанчжоу), Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры Китая (образован в 2013 г. на базе Уханьского университета), Государственный центр исследований «мягкой силы» культуры Китая (учрежден в 2014 г. при Институте международных отношений Пекинского университета).

Сегодня в китайском экспертном сообществе сложилось два принципиальных подхода к включению концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую практику КНР. Первый и наиболее популярный – культурный подход – был сформулирован в начале 1990-х гг. уже упомянутым китайским ученым и партийным деятелем, ныне заведующим Центром политических исследований при Центральном комитете Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Ван Хунином. Он постулирует, что в основе «мягкого» влияния КНР должна лежать культура и в особенности традиционные китайские ценности («совпадающее единство неба и человека», «гармония многообразного и несходного»), модифицированные КПК в концепцию «гармоничного общества и гармоничного мира». Ван Хунин выделяет в структуре «мягкой силы» Китая следующие элементы: политическое руководство и политическую систему, международный образ страны, национальный дух, международную стратегию государства, уровень развития науки и техники. Китайский исследователь говорит о том, что именно фактор культуры становится в современной архитектонике международных отношений ключевым критерием международных событий и основой формирования «мягкой силы». Рост национальной «мягкой силы» возможен только при условии распространения культурных ценностей на другие государства и мировое сообщество. В развитие указанной концепции автор ввел понятия «культурный суверенитет» (вэньхуа чжуцюань) и «культурная гегемония» (вэньхуа бацюань) [10. С. 193].

Видными представителями культурной школы «мягкой силы» являются и такие китайские эксперты, как Чжан Чжань, Ли Хайцзюнь, Юй Синьтянь, Пан Чжунин, Гун Шудо, Чэн Юйган, Яо Сюй, Лу Ган, Линь Яньмэй, Яо Хун, Го Фэнчжи, Хуан Муи, Чжай Кунь, Ли Юнхуэй. Профессора Чжан Чжань и Ли Хайцзюнь в 2003 г. в своей статье «Три базовых элемента китайской “мягкой силы” в международной политике» отвели цементирующую роль в формировании китайской «мягкой силы» идее гармонии, берущей начало в конфуцианстве и других философских учениях Древнего Китая. Основу «мягкой силы» КНР, по мнению экспертов, образуют правящий режим социализма с китайской спецификой, богатая и древняя культура, а также внешняя политика. Все три компонента тесно взаимосвязаны и, по сути, представляют собой единый «организм», «сердцем» которого является социализм, поддерживающей (обеспечивающей) системой – культура, а средствами действия – внешняя политика государства [9. P. 58].

Профессор Ци Цяньцзинь, продолжая заложенную древним мыслителем Мэн-цзы традицию, различает добродетельное правление (вандао), основанное на моральных принципах, и разрушительное правление (бадао), в основе которого – управление жесткими, силовыми методами [9]. Китайские эксперты Сан Хун и Чжан Цзы также обращают внимание на решающую роль культуры в построении государственной стратегии «мягкой силы». По мнению исследователей, культура как специфическая форма «мягкой власти» в международной политике тесно связана с национальной стратегией, национальной мощью и национальными интересами [11. С. 182]. Декан факультета индустрии культуры и управления Шанхайского университета связи Ху Хуэйлинь считает, что культурная безопасность государства напрямую зависит от культурологического аспекта «мягкой силы», от того, насколько культура страны обладает притягательной силой и способностью воздействовать на другие культуры. По его мнению, значимость в определении статуса великой державы имеет не ресурсный потенциал государства, не географическое положение, а то, какой культурный вклад внесло то или иное государство в мировое развитие, какими культурно-цивилизационными ценностями оно обладает [12. С. 208].

Руководитель Китайского центра исследований мягкой силы культуры Чжан Гоцзо, осмысливая опыт Советского Союза, приходит к выводу, что последний распался не из-за слабости ресурсной (материальной) силы, а ввиду неспособности дать адекватный отпор пропагандистскому влиянию Запада, предложив как внутри страны, так и вовне ее более привлекательные ценности. Чжан Гоцзо утверждает: «Любое государство должно идти на двух ногах: одна нога – это материальная “жесткая сила”, другая нога – это культурная “мягкая сила”. Если у государства не годится материальная “жесткая сила”, то ему можно нанести поражение одним ударом. Если у него не годится “мягкая сила” культуры, такое государство и без удара само потерпит поражение» [13. С. 40].

Приверженцы второго направления исследований китайской «мягкой силы» – политической школы – считают, что все компоненты «мягкой силы» должны развиваться параллельно и независимо друг от друга. Восхищение китайской культурой, по их мнению, не влечет за собой автоматического уважения к политическому курсу и социальному устройству государства. Усиление политической мощи государства стимулирует развитие его культурной силы, однако приращение последней не обязательно ведет к росту политической силы.

Ярким представителем данной школы является Янь Сюэтун – китайский политолог, ныне директор Института международных проблем Университета Цинхуа. Под «мягкой силой» он понимает «способность государства к политической мобилизации внутри и вовне»,

формируемую под влиянием международной привлекательности государственной политико-экономической модели и культуры, а также под действием мобилизационных сил: международной (определяемой наличием долгосрочных дружественных отношений с другими государствами, масштабами участия страны в формировании мирового порядка) и внутригосударственной (обусловленной степенью воздействия на национальную элиту и широкие слои общественности) [13. С. 38].

По убеждению профессора Янь Сюэтуна, «мягкая сила» актуализируется, прежде всего, в терминах политической власти, определяемой как операциональная сила. Культура же должна рассматриваться исследователями как обладающая параметрами ресурсной силы, что сближает ее с факторами «жесткой силы». Янь Сюэтун предлагает собственное видение совокупной государственной мощи как равнодействующей сил разного рода, обращая внимание на то, что операциональная «мягкая сила» является не слагаемым в формуле совокупной государственной мощи, а мультипликатором ресурсной силы: СМ = (В + Э + К) × П, где СМ – совокупная государственная мощь, В – военная сила, Э – экономическая сила, К – культурная сила, а П – политическая сила.

Китайский политолог приходит к заключению, что при отсутствии у государства «мягкой» (политической) силы его совокупная мощь также равна нулю при любом значении остальных сил, являющихся переменными в формуле. Примеры, эмпирически подтверждающие данный вывод, Янь Сюэтун усматривает в исторической судьбе Римской и Британской империй, последней китайской императорской династии Цин, а также Советского Союза [Там же. С. 39].

Научную гипотезу о полном тождестве политической и «мягкой» сил страны, по мнению Янь Сюэтуна, подтверждает и история последних десятилетий Китая. В статье «”Мягкая сила” Китая нуждается в укреплении» китайский автор приводит пример получения Китаем в 1971 г. места в ООН и постоянного членства в ее главном органе – Совете Безопасности. Невзирая на колоссальный ущерб, нанесенный традиционной культуре Китая в ходе «культурной революции» 1966–1976 гг., достижение серьезных внешнеполитических успехов, которые привели к росту международного влияния Поднебесной, стало возможным благодаря политической поддержке, оказанной КНР странами Третьего мира [9. С. 66].

Еще одним видным приверженцем политической школы исследования «мягкой силы» Китая является доктор исторических наук, директор Института по изучению России и Украины Уханьского государственного университета Лю Цзайци. Китайский эксперт отмечает, что фундамент «мягкой силы» государства образует проводимый им политический курс, а структурно «мягкую силу» можно представить как включающую стратегию развития государства, притягательную силу модели его социально-экономического развития, идентификационную мощь его ценностных ориентаций и государственной идеологии, привлекательность его культуры и творческую силу нации, силу влияния в международных делах, способность успешно реализовать стратегию развития государства. Основу же «жесткой силы» государства составляет национальная мощь, включающая природные ресурсы, военную силу, экономику, науку и технику – все то, что относится к материальным ресурсам совокупной государственной мощи. При этом как «твердая», так и «мягкая» силы равноценны и должны учитываться при формировании и проведении политического курса страны [Ibid. P. 68].

Другие представители политической школы – Сюй Цзинь, Су Чанхэ, Юй Кэпин – связывают применение во внешнеполитическом инструментарии страны «мягкой силы» с наращиванием государственной и военной мощи Китая на мировой арене, дипломатией «гармоничного мира», отстаиванием национального суверенитета при выстраивании отношений с другими геополитическими игроками. Приоритетными целями аккумуляции китайской «мягкой силы» указанными исследователями признаются «переоценка политики КНР невступления в альянсы и увеличение числа ее стратегических союзников» [Ibid. P. 63].

Доктринальными основами «мягкой силы» КНР стали внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения» Китая, сформулированная в 2003 г, концепции «мирного развития», «гармоничного общества» и «гармоничного мира», озвученные шестым Председателем КНР Ху Цзиньтао в 2004–2005 гг. и заменившие доктрину «мирного возвышения Китая», концепция «китайской мечты», предложенная в конце 2012 г. Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином.

Внешнеполитическая концепция «мирного возвышения» Китая (хэпин цзюэци) была сформулирована бывшим вице-ректором Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзянем в декабре 2002 г. во время его выступления в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Он отметил, что новый путь развития Китая в корне отличается от пути, по которому следовали Германия времен Первой мировой войны, Япония и Германия во время Второй мировой войны, а также Советский Союз при Л. Брежневе. В основе обновленной концепции развития страны лежат такие факторы, как опора на собственное социально-экономическое развитие и глобальные рынки, осуществление институциональных реформ, стремление интегрироваться в процессы экономической глобализации, а также сотрудничество с другими государствами с позиции взаимного выигрыша [14. P. 13–14].

Доктрина «мирного возвышения» КНР была впоследствии развита на Боаоском Азиатском форуме в ноябре 2003 г. «Мирное возвышение» страны виделось китайскому истеблишменту как поступательное движение по пути строительства социализма с китайской спецификой при активном и взаимовыгодном для всех сторон участии в экономической глобализации. Чжэн Бицзянь подчеркнул, что Китай, будучи огромной развивающейся страной с населением более 1 млрд человек, не может себе позволить (да и не стремится) ставить собственное социально-экономическое развитие в зависимость от международного сообщества, его содействия или противодействия этому процессу. По его мнению, Китай должен полагаться на свои си-

лы и извлекать максимальные выгоды от проведения институциональных реформ, растущего внутреннего рынка и покупательской способности собственных граждан, конвертации огромных накоплений домашних хозяйств в инвестиционные потоки, улучшения качества жизни обывателей и стремительного развития китайской науки и технологий. Вместе с тем китайское руководство заявило о стремлении прилагать все усилия для продвижения китайских товаров и услуг на национальном и мировом рынках, а также задействовать внутренние и внешние экономические ресурсы, в том числе природные. Наконец, было отмечено, что возвышение, являющееся целью Китая, будет исключительно мирным: КНР не приемлет путь агрессии и внешней экспансии [14. P. 22–23].

В соответствии с концепцией «мирного подъема» стратегическими принципами китайской политики были объявлены следующие:

– решительное продвижение экономических и политических реформ, имеющих целью развитие социалистической рыночной экономики и укрепление социалистической демократии;

– использование передовых достижений человечества с одновременным наращиванием экспорта материальных и культурных ценностей китайской цивилизации;

– тщательно выверенный баланс интересов между различными секторами экономики для устойчивого развития городов и сельских районов, между разными регионами страны, между рядовыми гражданами и бизнесом, а также между человеком и природой [14. P. 24].

Доктрина «мирного возвышения» Китая была подкреплена идеями добрососедства (мулинь), безопасного соседства (аньлинь) и выгодного соседства (фулинь), которые в качестве основы выстраивания отношений со странами Азии выдвинул на саммите АСЕАН в 2003 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Добрососедство заключало в себе стремление китайской стороны способствовать установлению в азиатском регионе гармоничных отношений между всеми соседствующими странами. Безопасное соседство означало активное поддержание мира и стабильности в регионе, углубление взаимного доверия между государствами и разрешение международных конфликтов исключительно мирным, дипломатическим, путем. Наконец, под выгодным соседством понималось усиление взаимовыгодных экономических связей с пограничными государствами, в том числе посредством стимулирования региональной и субрегиональной интеграции и достижения общих целей социально-экономического развития [15].

Концепция «мирного возвышения» применялась во внешнеполитической практике КНР сравнительно недолго ввиду ее неоднозначного толкования: амбициозное упоминание о возвышении Китая, пусть и мирном, не находило солидной поддержки как у зарубежной аудитории, так и внутри страны. Во второй половине 2004 г. китайское руководство отказалось от ее продвижения в пользу доктрины «мирного развития» (хэпин фачжань), уходящей корнями еще в 1980-е гг.

В соответствии с данной доктриной китайская нация, неуклонно следуя по пути «мирного развития», должна трудиться для того, чтобы сделать КНР процветающей, мощной, демократической, цивилизованной, современной страной и, таким образом, внести свой вклад в прогресс человечества. Идея «мирного развития» постулировала необходимость стремительного социально-экономического развития Китая в духе открытости для мирового сообщества и сочетания фундаментальных национальных интересов Китая с интересами других стран. Поднебесная должна была обеспечить, с одной стороны, собственное гармоничное развитие, а с другой – мир и устойчивое развитие вне ее государственных границ. Эти два принципа китайской политики, будучи органично связанными, должны были способствовать общему процветанию и устойчивой безопасности в мире. По мнению китайского руководства, неизбежность такого стратегического выбора Китая проистекала из исторических условий развития страны, ее культурных традиций, а также глобальных трендов [16].

На минимизацию страхов международного сообщества относительно идеи «мирного восхождения» Китая была нацелена предложенная в 2005 г. концепция «гармоничного общества» и «гармоничного мира», ставшая основой современного подхода Китая к выстраиванию внутренней политики и международных отношений.

По словам бывшего Председателя КНР Ху Цзиньтао, «гармоничное общество» – это демократическое, справедливое, заслуживающее всеобщее доверие, основанное на праве и порядке, стабильное и жизнеспособное общество, поддерживающее гармонию между человеком и природой [17]. В докладе Центрального комитета Коммунистической партии Китая, посвященном построению гармоничного социалистического общества в стране, говорится о том, что для достижения этой амбициозной цели необходимо придерживаться следующих руководящих принципов:

– гармоничное общество ориентировано на рядовых граждан: фундаментальные интересы большинства являются отправной точкой партийной и государственной политики;

– гармоничное общество – общество, остающееся верным идеям научного развития, целью которого является комплексное возрождение страны, развитие ее городов и сельских районов, разнородных по своим социально-экономическим показателям регионов, а также гармоничное сосуществование человека и окружающего его мира;

– гармоничное социалистическое общество проводит политику реформ и открытости: в таком обществе комплексно продвигаются инновации, защищаются основы социалистической рыночной экономики, происходит непрерывная адаптация к требованиям социального развития, осуществляется переустройство и оздоровление политической, экономической, культурной и социальной сфер, активный выход на мировые рынки и привлечение иностранных инвестиций;

– гармоничное общество поддерживает демократические устои и верховенство права для достижения идеалов социальной справедливости;

– гармоничное общество сохраняет необходимый баланс между стабильностью и развитием: в нем поддерживаются высокие темпы экономического роста, социальная стабильность, имплементируются реформы для поступательного развития;

– гармоничное общество – общество, движимое вперед благодаря исключительному лидерству Коммунистической партии Китая и руководства страны [18].

Концепция же «гармоничного мира» была впервые озвучена Председателем КНР Ху Цзиньтао в ООН в сентябре 2005 г. по случаю 60-летия создания международной организации. Данная концепция постулирует достижение политического равновесия:

– между развитием страны и ответственностью перед мировым сообществом;

– между экономическими, политическими интересами и интересами безопасности в отношениях с великими державами;

– между проведением внутригосударственных реформ и обеспечением международного порядка [19].

В 2012 г., через две недели после завершения XVIII съезда КПК, Председателем КНР Си Цзиньпином была озвучена концепция «китайской мечты», также направленная на активизацию потенциала «мягкой силы» страны. По сути, это долгосрочная стратегия развития социализма с китайской спецификой, опирающаяся на многовековые традиции Поднебесной и состоящая из нескольких самостоятельных концепций, среди которых ключевой можно считать концепцию «двух столетий». Концепция «двух столетий» была впервые озвучена в 1997 г. на XV съезде КПК тогдашним Генеральным секретарем партии Цзян Цземинем, однако, не считая редких упоминаний в партийных документах, вплоть до 2012 г. не получала широкого освещения со стороны руководства страны.

В соответствии с этой концепцией основными вехами, свидетельствующими о реализации «китайской мечты», должны стать построение среднезажиточного общества (сяокан) к 2021 г. (к столетию со дня создания Коммунистической партии Китая) и «возрождение великой китайской нации», заключающееся в строительстве сильного, демократического, цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства к 2049 г., когда Китайская Народная Республика будет отмечать свой столетний юбилей.

С точки зрения простых обывателей, «китайская мечта» представляет собой всемерное содействие государства в получении лучшего образования, качественных медицинских услуг, обеспечение устойчиво высокого уровня занятости и достойного дохода для всех жителей Поднебесной, максимальное снижение градуса социальной напряженности, улучшение жилищных условий и экологической ситуации в стране [20]. Значимой инициативой Китая в деле достижения «китайской мечты», широко освещаемой как в национальных, так и в мировых СМИ, является на сегодняшний день стратегическая концепция «Одного пояса и одного пути», выдвинутая в 2013 г. Си Цзиньпином и объединившая два масштабных экономико-культурных проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Кроме того, большой общественный резонанс в этой связи получила инициированная Председателем КНР бескомпромиссная антикоррупционная кампания, объектом которой стали «тигры» (высокопоставленные партийные и военные функционеры) и «мухи» (мелкие взяточники). Наконец, одним из основных драйверов «великого возрождения нации» и большой гордостью китайского народа была объявлена китайская культура в широком смысле слова, включая историю, знания о современном Китае и китайский язык, которые давно превратились в активных проводников «мягкой силы» КНР [21].

Заключая словами китайского лидера, на сегодняшний день базовыми компонентами «китайской мечты» являются обязательное следование по специфическому китайскому пути с учетом высокого созидательного потенциала китайской нации, возвышение китайского духа, сердцевиной которого является патриотизм, реформы и новаторство, а также объединение силы нации – сплава 56 национальностей [20, 22].

Что касается непосредственно термина «мягкая сила» в современном политическом дискурсе Китая, то он был впервые озвучен официальным Пекином в 2006 г. на VIII Всекитайской конференции представителей литературы, когда Председатель КНР Ху Цзиньтао призвал увеличивать международную конкурентоспособность культуры страны и повышать «мягкую силу» государства [23]. Год спустя в своей речи на XVII съезде КПК он призвал осознать важность повышения «мягкой мощи» государства в лице культуры с тем, чтобы «лучше гарантировать основные культурные права и интересы народа, сделать многокрасочнее культурную жизнь общества и более возвышенным духовный облик народа». Ху Цзиньтао отметил, что культура становится все более значимым элементом в совокупной государственной мощи и призвал к повышению культурной «мягкой силы» [24]. Примечательно, что на XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики страны. Можно считать, что именно это событие ознаменовало окончательное придание нормативной китайской трактовке «мягкой силы» характера культуроцентричности. На съезде были выдвинуты конкретные задачи целенаправленного строительства «мягкой силы» в Китае, а именно: «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры» [24].

В 2009 г. в своем выступлении на XI Совещании послов и дипломатических представителей Китая за рубежом Ху Цзиньтао повторно подчеркнул необходимость развития «мягкой силы» и обозначил «четыре силы» современной китайской дипломатии, призвав государственных деятелей прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, развивать привлекательность его образа за рубежом, моральную

притягательность его решений, усиливать экономическую конкурентоспособность страны [25].

Свое развитие теория «мягкой силы» получила на шестом пленуме ЦК КПК XVII созыва, проходившем в октябре 2011 г. В ходе пленума были даны разъяснения относительно инструментов «мягкой силы» как одного из наиболее эффективных средств продвижения национальных интересов Китая на мировой арене. «Мягкая сила» формулировалась как противостояние «осуществлению международными враждебными силами вестернизации и стратегических замыслов по расчленению страны, реализации долгосрочных планов проникновения в важные сферы идеологии и культуры». В документах пленума была зафиксирована необходимость «осуществлять стратегию выхода культуры вовне, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа» [26, 27].

В ноябре 2012 г. тема «мягкой силы» была затронута в выступлении Председателя КНР на XVIII съезде партии. Ху Цзиньтао говорил о необходимости повышения «мягкой мощи» государства в лице культуры, которая является источником жизненной силы нации, укоренении стержневых социалистических ценностей в сознании граждан, повышении уровня гражданской активности и моральных стандартов общества, стимулировании широкого развития и бурного процветания социалистической культуры, развертывании роли культуры в корректировке нравов и обычаев, воспитании народа, служении обществу и стимулировании развития «в целях полного построения среднезажиточного общества и великого возрождения китайской нации» [28].

Наконец, успехи в деле наращивания китайской «мягкой силы» посредством продвижения материальной и духовной культуры как внутри страны, так и за рубежом были отмечены (правда, без конкретизации) в докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК в октябре 2017 г. [29].

Анализ классических трудов древних мыслителей Поднебесной и новейших работ китайских ученых, изучение программных документов и официальных заявлений высших партийных и государственных лиц КНР демонстрируют, что проблематика «мягкой силы» заняла важное место в научном и общественно-политическом дискурсе страны. Китайский концепт «мягкой силы» неразрывно связан с основными постулатами конфуцианства, удачно адаптировал к современным реалиям идеи, изложенные в трактатах Лао-цзы, Сунь-цзы, У-цзы, Мэн-цзы, Мо-цзы, а также органично вписался в современную идеологию КНР, направленную на строительство социализма с китайской спецификой.

В начале XXI в. руководство Китайской Народной Республики отводит «мягкой силе» особую роль в проведении внешней политики страны, и есть все основания полагать, что «мягкосиловой» потенциал современного Китая в обозримой перспективе будет только увеличиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен» / под ред. А.И. Кобзева. 2-е изд. М. : Наука. 1993. URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/shchu01/index.htm (дата обращения: 23.04.2018).
2. Григорьева Т.П. Махаяна и китайские учения (попытка сопоставления) // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973. С. 106–128.
3. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М. 1950. URL: http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt (дата обращения: 23.07.2018).
4. Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 159–167.
5. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М. : АСТ : Астрель ; СПб. : Terra Fantastica, 2011. 606 с.
6. Мэн-цзы / предисл. Л.Н. Меньшикова; пер. с кит., указ. В.С. Колоколова; под. ред. Л.Н. Меньшикова. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. 272 с.
7. Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». 2-е изд., стереот. М. : Вост. лит., 2001. 592 с.
8. Абрамов В.А., Шуфан Янь. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 7. С. 14–20.
9. 王沪宁 [Huning Wang]. 作为国家实力的文化: 软权力 [Culture as national power: Soft power] // 复旦学报(社会科学版) [Fudan Journal (Social Sciences edition)]. 1993. Is. 3. URL: http://www.aisixiang.com/download%2F%D7%F7%CE%AA%B9%FA%BC%D2%CA%B5%C1%A6%B5%C4%CE%C4%BB%AF_%C8%ED%C8%A8%C1%A6_%CD%F5%BB%A6%C4%FE.pdf (дата обращения: 23.07.2018).
10. Тимофеев О.А. «Мягкие» методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы в КНР // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 4. С. 189–198.
11. Тарабарко К.А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских учёных // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (69). С. 181–184.
12. Бодрова О.И. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Приволжский научный журнал. 2013. № 4. С. 207–212.
13. Ломанов А.В. Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М. : ИДВ РАН, 2015. С. 13–61.
14. Bijian Zheng. A New Path for China's Peaceful Rise and the Future of Asia // China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2004. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf (accessed: 23.07.2018).
15. 中国的发展和亚洲的振兴 [China's Development and Rejuvenation in Asia]. 温家宝总理在东盟商业与投资峰会上的演讲 [Premier Wen Jiabao's Speech at ASEAN Business and Investment Summit] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. URL: http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/gjhdq/gjhdqzz/lhg_14/zyjh/t27173.htm (accessed: 23.07.2018).
16. Full Text: China's Peaceful Development Road // People's Daily. URL: http://en.people.cn/200512/22/eng20051222_230059.html (accessed: 23.07.2018).
17. Hu Jintao. Talk Delivered to Provincial Main Leading Cadres in Seminar about Enhancing Capacity to Build a Socialist Harmonious Society // People's Daily. URL: http://en.people.cn/200506/27/eng20050627_192495.html (accessed: 23.07.2018).
18. 中共中央關於構建社會主義和諧社會若干重大問題的決定 [Resolution by the Central Committee of the Chinese Communist Party Concerning

Several important questions for Building a Harmonious Socialist Society]. (2006年10月11日中國共產黨第十六屆中央委員會第六次全體會議通過) [Adopted at the Sixth Plenary Session of the 16th Central Committee of the Communist Party of China on October 11, 2006] // 中国共产党 [Chinese Communist Party]. URL: http://cpc.people.com.cn/BIG5/64162/64168/64569/72347/6347991.html (accessed: 23.07.2018).
19. Hu Jintao Delivers an Important Speech at the UN Summit // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. URL: http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/eng/zt/shnh60/t212614.htm (accessed: 23.07.2018).
20. Background: Connotations of Chinese Dream // Chinadaily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014npcandcppcc/2014-03/05/content_17324203.htm (accessed: 23.07.2018).
21. Сергеева А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-yazyk-kak-instrument-realizatsii-kitayskoy-mechty/ (дата обращения: 23.07.2018).
22. Xi pledges "great renewal of Chinese nation" // National Museum of China. URL: http://en.chnmuseum.cn/(X(1)S(y5zh4uvbzvzde555gr3fm2uf))/Default.aspx?TabId=521&InfoID=86595&frtid=500&AspxAutoDetectCookieSupport=1 (accessed: 23.07.2018).
23. 胡锦涛: 在中国文联第八次全国代表大会、中国作协第七次全国代表大会上的讲话 [Hu Jintao: Speech on the Eighth National Congress of the China Federation of Literary and Art Circles] // 人民网_网上的人民日报 [People's Daily]. URL: http://culture.people.com.cn/GB/22219/5026372.html (accessed: 23.07.2018).
24. Hu Jintao's Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China // 17th National Congress of the Communist Party of China. URL: http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm (accessed: 23.07.2018).
25. Glaser B.S., Dooley B. China's 11th Ambassadorial Conference Signals Continuity and Change in Foreign Policy. Publication: China Brief Volume: 9 Issue: 22 // The Jamestown Foundation. URL: https://jamestown.org/program/chinas-11th-ambassadorial-conference-signals-continuity-and-change-in-foreign-policy/ (accessed: 23.07.2018).
26. Gewirtz J.B. 'Foreign Trash' and China's Soft Power // Huffington Post. URL: https://www.huffingtonpost.com/julian-baird-gewirtz/china-soft-power_b_1546967.html (accessed: 23.04.2018).
27. 胡锦涛 [Hu Jintao]. 坚定不移走中国特色社会主义文化发展道路. 努力建设社会主义文化强国 [Unswervingly take the path of socialist cultural development with Chinese characteristics. Making Great Efforts to Build a Socialist Cultural Power]. (2011年10月18日) [October 18, 2011] // 求是 [Qiushi]. URL: http://www.qstheory.cn/zywz/201201/t20120101_133218.htm (accessed: 23.07.2018).
28. Full text: Report of Hu Jintao to the 18th CPC National Congress. November 16, 2012 // The 18th National Congress of the Communist Party of China. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27137540_3.htm (accessed: 23.07.2018).
29. Xi Jinping: Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. October 18, 2017 // The 19th National Congress of the Communist Party of China. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 23.07.2018).

Alexander O. Naumov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Naumov@spa.msu.ru
Roman S. Polozhevich, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Roman.polozhevich@gmail.com

THE PROBLEM OF "SOFT POWER" IN THE CHINESE SCIENTIFIC AND SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE: HISTORY AND MODERNITY

Keywords: China; soft power; peaceful rise; peaceful development; harmonious development; Chinese dream.

The purpose of the research is to form a holistic image of "soft power" as a phenomenon existing in the political, social, philosophical and scientific discourses of China, from the treatises of the ancient sages of China to the modern doctrines of the Communist party of the People's Republic of China. We are talking here about specific Chinese understanding of the phenomenon called "soft power" in 1990 due to the American political scientist J. Nye Jr.

The authors begin the analysis by studying philosophical ideas of harmony and non-violence in the teachings of ancient Chinese sages. Turning to the present, A. Naumov and R. Polozhevich emphasize that for the first time in Chinese history the theme of "soft power" was developed in the early 1990s: the first article about "soft power" was published in 1993 by Wang Huning – the head of Department of international policy at Fudan University and advisor to the President of the PRC Jiang Zemin. Today, we can consider the scientific discourse of "soft power" in China to be settled. The whole cohort of outstanding Chinese authors (many of them are related to the party institutions and state bodies of China) deals with the problems of "soft power". The authors analyze two fundamental approaches to the inclusion of "soft power" into the foreign policy of China: cultural (being the most popular) and political. A. Naumov and R. Polozhevich study the doctrinal basis of "soft power" of China as well. Special attention is paid to the foreign policy doctrine of "peaceful rise", the concepts of "peaceful development", "harmonious society" and "harmonious world" and, finally, "Chinese dream". The article states that for the first time in the modern political discourse of China the term "soft power" was publicly announced by the President of China Hu Jintao in 2006 at the VIII all-Chinese conference of literary representatives. Later, several high-ranking Chinese politicians and party leaders have repeatedly appealed to this issue, which suggests that the concept of "soft power" is quite firmly entrenched in the socio-political discourse of modern China.

The methodological basis of the study comprises systematic, structural, functional and comparative approaches, as well as analysis, synthesis, content- and event-analysis. In the Russian historiography, the analysis of China's "soft power" from this point of view is being conducted for the first time.

After analyzing the manuscripts of the ancient Chinese sages, relevant works of contemporary Chinese scholars, documents of the Communist Party of China and official statements of the presidents of the PRC, the authors come to the conclusion that the Chinese discourse of "soft power" at the beginning of the XXI century combines the ideas of the outstanding thinkers of antiquity and the doctrines of socialist ideology of China. Such an alloy allows the Chinese "soft power" to foster its potential gradually, thereby increasing the state power of modern China.

REFERENCES

1. Shchutskiy, Yu.K. (1993) *Kitayskaya klassicheskaya "Kniga Peremen"* [The Classic Chinese Book of Changes]. 2nd ed. Moscow: Nauka. [Online] Available from: http://www.psylib.ukrweb.net/books/shchu01/index.htm (Accessed: 23rd April 2018).
2. Grigorieva, T.P. (1973) Makhayana i kitayskie ucheniya (popytka sopostavleniya) [Mahayana and Chinese teachings (an attempt at comparison)]. In: Eidlin, L.Z. (ed.) *Izuchenie kitayskoy literatury v SSSR* [Study of Chinese literature in the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 106–128.
3. Yang Hin-shun. (1950) *Drevnekitayskiy filosof Lao-Tszy i ego uchenie* [Ancient Chinese philosopher Lao Tzu and his teachings]. Translated from Chinese. Moscow: USSR AS. [Online] Available from: http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt (Accessed: 23rd July 2018).
4. Yangutov, L.E. (2016) Spiritual origins of the political strategy of "soft power" in China. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 4. pp. 159–167. (In Russian).

5. Sun Tzu & Wu Tzu. (2011) *Traktaty o voennom iskusstve* [Treatises on the Art of War]. Translated from Chinese by N.I. Konrad. Moscow: AST; Astrel'; St. Petersburg: Terra Fantastica.
6. Mencius. (1999) *Men-tszy* [Mencius]. Translated from Chinese by V.S. Kolokolov. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
7. Perelomov, L.S. (2001) *Konfutsiy: Lun' yuy* [The Analects of Confucius]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Abramov, V.A. & Shufang, Y. (2011) Cultural industries as a Chinese "soft power" value potential's realization mechanizm. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 14–20. (In Russian).
9. Huning Wang. (1993) Culture as national power: Soft power. *Fudan Journal*. 3. [Online] Available from: http://www.aisixiang.com/download%2F%D7%F7%CE%AA%B9%FA%BC%D2%CA%B5%C1%A6%B5%C4%CE%C4%BB%AF_%C8%ED%C8%A8%C1%A6_%CD%F5%BB%A6%C4%FE.pdf (Accessed: 23rd July 2018). (In Chinese).
10. Timofeev, O.A. (2009) "Myagkie" metody mezhdunarodnogo vliyaniya i transformatsiya vneshnepoliticheskoy paradigmy v KNR ["Soft" methods of international influence and the transformation of the foreign policy paradigm in the PRC]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 189–198.
11. Tarabarko, K.A. (2016) "Soft power" of culture: evolution of the conception in the works of Chinese scientists. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 7-2(69). pp. 181–184. (In Russian).
12. Bodrova, O.I. (2013) Cultural diplomacy as an instrument of "soft power" of China. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal – Privolzhsky Scientific Journal*. 4. pp. 207–212. (In Russian).
13. Lomanov, A.V. (2015) Sovremennaya kitayskaya kontseptsiya "myagkoy sily" [The modern Chinese concept of "soft power"]. In: Lomanov, A.V. & Kobelev, E.V. (eds) *"Myagkaya sila" v otnosheniyakh Kitaya s vneshnim mirom* ["Soft power" in China's relations with the outside world]. Moscow: RAS. pp. 13–61.
14. Bijian Zheng. (2012) *China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2004*. [Online] Available from: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf (Accessed: 23rd July 2018).
15. Wen Jiabao. (n.d.) *China's Development and Rejuvenation in Asia. Premier Wen Jiabao's Speech at ASEAN Business and Investment Summit*. [Online] Available from: http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/gjhdq/gjhdqzz/lhg_14/zyjh/t27173.htm (Accessed: 23rd July 2018).
16. The State Council Information Office, China. (2005) Full Text: China's Peaceful Development Road. *People's Daily*. [Online] Available from: http://en.people.cn/200512/22/eng20051222_230059.html (Accessed: 23rd July 2018).
17. Hu Jintao. (2005) Talk Delivered to Provincial Main Leading Cadres in Seminar about Enhancing Capacity to Build a Socialist Harmonious Society. *People's Daily*. [Online] Available from: http://en.people.cn/200506/27/eng20050627_192495.html (Accessed: 23rd July 2018).
18. Chinese Communist Party. (2006) *Resolution by the Central Committee of the Chinese Communist Party Concerning Several Important Questions for Building a Harmonious Socialist Society*. Adopted at the Sixth Plenary Session of the 16th Central Committee of the Communist Party of China on October 11, 2006. [Online] Available from: http://cpc.people.com.cn/BIG5/64162/64168/64569/72347/6347991.html (Accessed: 23rd July 2018).
19. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. (n.d.) *Hu Jintao Delivers an Important Speech at the UN Summit*. [Online] Available from: http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/eng/zt/shnh60/t212614.htm (Accessed: 23rd July 2018).
20. Chinadaily. (2914) *Background: Connotations of Chinese Dream*. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014npcandcppcc/2014-03/05/content_17324203.htm (Accessed: 23rd July 2018).
21. Sergeeva, A. (n.d.) *Kitayskiy yazyk kak instrument realizatsii "kitayskoy mechty"* [The Chinese language as a tool for realizing the "Chinese dream"]. The Russian Council on International Affairs. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-yazyk-kak-instrument-realizatsii-kitayskoy-mechty/ (Accessed: 23rd July 2018).
22. National Museum of China. (n.d.) *Xi pledges "great renewal of Chinese nation"*. [Online] Available from: http://en.chnmuseum.cn/(X(1)S(y5zh4uvbzvzde555gr3fm2uf))/Default.aspx?TabId=521&InfoID=86595&frtid=500&AspxAutoDetectCookieSupport=1 (Accessed: 23rd July 2018).
23. Hu Jintao. (n.d.) Hu Jintao: Speech on the Eighth National Congress of the China Federation of Literary and Art Circles. *People's Daily*. [Online] Available from: http://culture.people.com.cn/ GB/22219/5026372.html (Accessed: 23rd July 2018).
24. Hu Jintao. (n.d.) *Hu Jintao's Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China*. 17th National Congress of the Communist Party of China. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm (Accessed: 23rd July 2018).
25. Glaser, B.S. & Dooley, B. (n.d.) China's 11th Ambassadorial Conference Signals Continuity and Change in Foreign Policy. *China Brief*. 9(2). [Online] Available from: https://jamestown.org/program/chinas-11th-ambassadorial-conference-signals-continuity-and-change-in-foreign-policy/ (Accessed: 23rd July 2018).
26. Gewirtz, J.B. (2012) 'Foreign Trash' and China's Soft Power. *Huffington Post*. 29th May. [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.com/julian-baird-gewirtz/china-soft-power_b_1546967.html (Accessed: 23rd April 2018).
27. Hu Jintao. (2011) Unswervingly take the path of socialist cultural development with Chinese characteristics. Making Great Efforts to Build a Socialist Cultural Power. *Qiushi*. 18th October. [Online] Available from: http://www.qstheory.cn/zywz/201201/t20120101_133218.htm (Accessed: 23rd July 2018). (In Chinese).
28. Hu Jintao. (2012) *Report of Hu Jintao to the 18th CPC National Congress. November 16, 2012*. The 18th National Congress of the Communist Party of China. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27137540_3.htm (Accessed: 23rd July 2018).
29. Xinhuanet.com. (2017) *Xi Jinping: Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era*. October 18, 2017. The 19th National Congress of the Communist Party of China. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (Accessed: 23rd July 2018).

УДК 34(540)
DOI: 10.17223/19988613/71/12

Д.С. Никитин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА В 1885-1907 гг.

Рассматриваются политические требования, выдвигавшиеся Индийским национальным конгрессом (ИНК) в 1885–1907 гг. в адрес колониальной администрации. Представлены характеристика требований, предполагаемые механизмы их реализации, сделаны выводы о влиянии политической программы Конгресса на развитие национально-освободительного движения в Индии, взаимоотношения ИНК с колониальной администрацией и усиление противоречий между фракциями Конгресса в начале XX в., приведших к расколу ИНК в 1907 г.
Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; политические требования; самоуправление; законодательные советы.

Появление на индийской политической сцене Индийского национального конгресса (ИНК) в 1885 г. сыграло ключевую роль в развитии национально-освободительного движения и достижении страной независимости в августе 1947 г. Успеху Конгресса в немалой степени содействовала его политическая программа, которая, однако, менялась под воздействием внешних и внутренних факторов. Первым этапом в развитии программы Конгресса был период господства умеренных (1885–1916), в течение которого ИНК пережил первый раскол, связанный с выходом из него радикальной фракции («экстремистов») в 1907 г. Это событие, обусловленное фракционными разногласиями по вопросу о программе и методах Конгресса, оказало значительное влияние на политическое развитие страны, что, в свою очередь, делает необходимым исследование приведших к расколу факторов, в частности политических требований Конгресса в 1885–1907 г. и механизмов их выполнения.

Вопросы, связанные с особенностями политической программы ИНК указанного периода, неоднократно поднимались в работах как индийских, так и западных историков. В частности, Ш.Р. Мехротра рассматривал формирование политического курса Конгресса в период его становления [1], а П.Ч. Гхош исследовал изменения в требованиях ИНК после принятия Закона об индийских советах 1892 г. и политический курс ИНК вплоть до 1909 г., когда был принят новый закон об управлении Индией (реформа Морли–Минто) [2]. В монографии Д. Аргова [3] политические требования ИНК рассматриваются в контексте борьбы умеренных и экстремистов внутри Конгресса, а в исследованиях М. Морроу [4] и П. Рави Шанкар [5] – в контексте деятельности отделений ИНК в Великобритании. Однако существенные пробелы в отечественной историографии Конгресса до прихода в ИНК М.К. Ганди делают необходимым обобщение результатов исследований зарубежных историков.

Исторические условия, в которых возник ИНК, в равной степени обусловили и характер политических требований, им выдвигавшихся. Конгресс позиционировал себя как общенациональную организацию, лояльную британскому правлению, однако призванную выражать индийский взгляд на недостатки в управлении. Вместе с тем внутренние правила ИНК требовали полного согласия всех делегатов сессий Конгресса по поднимаемым вопросам, что выводило на первый план в политической повестке дня наиболее острые вопросы, волновавшие индийскую интеллигенцию и буржуазию, составлявших социальную опору ИНК. Таким образом, политические требования Конгресса на раннем этапе его существования обладали следующими особенностями:

1) они носили умеренный характер, т.е. не содержали призывов к упразднению британского правления в Индии в той или иной форме; напротив, имели своей целью сохранение Индии как составной части Британской империи;

2) вследствие этого политические требования Конгресса предполагали только внесение корректив в британское управление страной, которые, по мнению руководителей ИНК, могли способствовать улучшению состояния Индии в составе империи;

3) несмотря на притязания Конгресса на отстаивание интересов всех слоев населения Индии, требования ИНК выражали в первую очередь интересы национальной буржуазии и интеллигенции;

4) характерной чертой требований Конгресса было отсутствие механизма их реализации, что нашло свое выражение в политике «просьб и петиций» [6. P. 149], эффективность которой всецело зависела от благосклонности колониальной администрации.

Умеренность требований Конгресса сформировалась под воздействием ряда факторов, оказывавших серьезное воздействие на индийское общество после начала британской колонизации Индии, в особенности после поражения народного восстания 1857–1859 гг., показавшего неспособность феодальной знати отстаивать свои интересы перед лицом английского вторжения. Радикальные изменения в системе общественных отношений повлекли за собой появление индийской буржуазии, которая, с одной стороны, нуждалась в защите и покровительстве Великобритании, но, с другой стороны, требовала политического закрепления своего растущего экономического могущества. В свою очередь, установление британского господства на всей

территории субконтинента сопровождалось не только подавлением сопротивления широких народных масс на землях Ост-Индской компании и – позже – королевских владений (Британская Индия), но и внедрением в Индии новейших достижений европейской научно-технической мысли, проникновением передовых философских и политических идей, что стимулировало рост численности европейски образованных индийцев, ориентировавшихся в своих политических устремлениях на парламентскую систему Великобритании и считавших идеалом для Индии получение статуса доминиона, подобного канадскому. Поэтому исправление недостатков британского правления, с точки зрения руководителей ИНК, заключалось в расширении индийского представительства в органах управления Британской Индией, которое – в отдаленной перспективе – должно было привести Индию к самоуправлению в рамках империи.

Таким образом, с момента возникновения ИНК его политические требования сводились к нескольким основным положениям, фиксировавшимся в резолюциях ежегодных сессий Конгресса в форме рекомендаций британским властям. В период 1885–1907 гг. основные из этих требований сводились к упразднению Совета при государственном секретаре по делам Индии, расширению числа членов в законодательных советах и введению в стране представительных институтов, а также учреждению законодательных советов в тех провинциях и областях, где они отсутствовали. Большинство из этих требований было озвучено на первой сессии ИНК в декабре 1885 г., и в общих чертах они оставались неизменными на ранней стадии существования Конгресса.

Упразднение Совета при государственном секретаре по делам Индии «в его существующей форме» рассматривалось Конгрессом как «необходимое предварительное условие» [7. P. 1] всех последующих преобразований. Государственный секретарь, находившийся в Лондоне, руководил министерством по делам Индии и являлся ответственным за положение дел в стране перед британским монархом. Согласно Закону об управлении Индией 1858 г. он управлял «в совете» [8. P. 97], однако последний обладал только совещательными функциями, при этом в его состав не входили индийцы. Введение индийцев в Совет произошло только в 1907 г., причем один из двух индийских представителей – Саид Хусейн Бильграми – был лидером Мусульманской лиги, выступавшей в оппозиции ИНК. Вместе с тем, заявляя о первостепенной важности выполнения этого требования, лидеры Конгресса предпочитали уделять большее внимание другим политическим вопросам, о чем свидетельствует тот факт, что резолюции об упразднении Совета были приняты только на сессиях 1885 и 1894 г. [9. P. 2], тогда как резолюции о реформировании индийских законодательных советов принимались Конгрессом ежегодно. Причина, вероятно, заключалась в том, что расширение советов и увеличение числа индийцев в них рассматривалось ИНК не как теоретическая предпосылка, а как непосредственный, практический шаг в сторону большей политической самостоятельности Индии.

Таким образом, именно реформа законодательных советов может быть расценена как основное политическое требование ИНК в 1885–1907 гг. Главным предложением Конгресса было увеличение числа членов в советах всех уровней за счет выборных членов. В трактовке ИНК советы наделялись правом рассматривать индийский и провинциальные бюджеты и обращаться с запросами к исполнительной власти «в отношении всех сфер управления [7. P. 1]. Кроме того, Конгресс предлагал создать советы в провинциях, где подобные законодательные органы отсутствовали (Северо-Западные провинции, Ауд, Пенджаб).

Общие положения реформы, провозглашенные в 1885 г., довольно часто подвергались изменениям и дополнениям. Конгресс в 1886 г. принял «Предварительные предложения», содержавшие уточненную и расширенную схему преобразований. Половина членов в советах должна была избираться, при этом не более четверти из них могли быть чиновниками и не более четверти могли назначаться правительством. Право избирать членов в провинциальные советы следовало передать «классам и членам сообщества… способным осуществить это мудро и независимо» [10. P. 42]. Таким образом, ИНК призывал правительство передать избирательные права ограниченному кругу лиц, куда входили служащие муниципалитетов, окружных управ, торговых палат и университетов, или же сформировать выборные колледжи, состоящие из лиц, часть из которых избиралась представителями указанных организаций, а часть назначалась правительством. Членов совета при генерал-губернаторе, по мнению Конгресса, должны были избирать члены провинциальных советов. Несмотря на указанные ограничения в избирательном праве, оно не зависело от «расы, вероисповедания, касты или цвета кожи» [Ibid.], главным же условием было постоянное проживание избирателя на территории Индии.

На сессии ИНК в Пуне в 1889 г. были пересмотрены положения схемы реформ, касающиеся процедуры проведения выборов в советы. На основе существовавшего окружного деления Конгресс предлагал создать избирательные округа, в которых все британские подданные мужского пола старше 21 года, обладающие «определенной квалификацией» [Ibid.], могли избирать выборщиков из расчета 12 человек на один миллион населения округа. Выборщики впоследствии избирали членов Имперского законодательного совета (один представитель на пять миллионов человек) и провинциальных советов (один представитель на один миллион человек) при сохранении пропорции между числом членов советов – представителей религиозных меньшинств и общей численностью этих меньшинств в каждом избирательном округе.

Таким образом, конгрессистская схема реформы законодательных советов была выдержана в духе буржуазно-демократического парламентаризма с учетом индийской этноконфессиональной специфики. Она позволяла принимать участие в выборах не только крупнейшим общинам, но и англо-индийцам, что являлось показателем лояльности Конгресса британскому правлению. Однако попытки воплощения этой схемы на

практике наталкивались на сопротивление колониальных властей. В 1890 г. Ч. Бредлоу, либеральный член Палаты общин, внес на рассмотрение парламента законопроект о поправках в Закон об индийских советах 1861 г. [11. P. 86], который основывался на предложенной Конгрессом схеме. Законопроект вызвал протесты парламентских консерваторов и министерства по делам Индии, а смерть Бредлоу в январе 1891 г. и отсутствие индийской партии в парламенте поспособствовали тому, что законопроект был принят в крайне урезанном виде [12. P. 184–188]. Реакция ИНК на новый Закон об индийских советах была характерной для всего курса Конгресса конца XIX – начала XX в.: в резолюции, принятой сессией 1892 г., выражалось сожаление по поводу того, что закон не «уступил народу право избирать своих представителей в совет», однако Конгресс приветствовал его «лояльный дух» и выражал надежду на дальнейшее «справедливое отношение к народу страны» [13. P. 1]. В течение следующего десятилетия требование дальнейших реформ в законодательной сфере ограничивалось частными вопросами, как то: учреждение совета в Пенджабе [14. P. 1] и расширение его функций [15. P. XXXII], реконструкция системы управления в Бераре, который не являлся частью Британской Индии, но также управлялся генерал-губернатором в совете, по образцу королевских колоний и т.п. Лишь в 1904 г. Конгресс выступил с заявлением, где выражал мнение о том, что «настало время предоставить людям больше прав в управлении и контроле над делами в этой стране» [16. P. XXXI]. Резолюция ИНК предполагала не только расширение законодательных советов всех уровней, но и резервирование мест для индийских представителей в Палате общин (по два человека от каждой провинции или президентства), а также введение индийцев в Совет при государственном секретаре и исполнительные советы правительства Индии и правительств Мадраса и Бомбея. На требованиях Конгресса также отразились административный раздел Бенгалии 1905 г., назревание в Индии революционной ситуации и победа либералов на парламентских выборах в Великобритании в 1906 г. ИНК заявил о необходимости «расширения административной системы, существующей в самоуправляющихся британских колониях, на Индию» [17. P. II]. В 1906–1908 гг. лидеры ИНК и Британского комитета Конгресса принимали участие в совещаниях с государственным секретарем по делам Индии по вопросу подготовки нового Закона об управлении Индией, известного как реформа Морли–Минто.

Вместе с тем, хотя первое поколение руководителей ИНК воспринимало локальные политические успехи как шаги на долгом пути, который должен был привести Индию к самоуправлению в составе империи, незначительность достижений Конгресса привела к появлению радикальной оппозиции, ведомой молодыми националистами, впоследствии сформировавшими фракцию экстремистов в ИНК. В частности, в 1893 г. бенгалец Ауробиндо Гхош, ставший позже известным духовным учителем, называл результат борьбы за расширение советов трюком: «В Англии есть очень распространенный фокус – положить под шляпу кольцо и обнаружить в другом углу комнаты то, что кажется тем же самым кольцом, и даже в самом деле является таковым – за исключением разве что надписи. Это чудо такого же рода, как и то, которого триумфально добился Конгресс» [18. P. 14]. Избранная Конгрессом политическая тактика несла в себе, в силу своей умеренности и – как следствие – низкой эффективности, угрозу раскола в организации, который случился в 1907 г., когда из состава ИНК вышли экстремисты, чья популярность в стране росла на фоне массовых протестов и развернувшегося движения свадеши (бойкота иностранных товаров). Выход экстремистов из ИНК и недовольство результатами реформы Морли–Минто нанесли серьезный удар по репутации Конгресса в стране, что ознаменовало начало упадка умеренной фракции в ИНК, руководившей организацией и определявшей ее политическую программу в течение тридцати лет.

Таким образом, политические требования ИНК, предполагавшие длительный путь страны к самоуправлению в рамках Британской империи, в развитии национально-освободительного движения в Индии (и ИНК как ведущей организации в нем) сыграли противоречивую роль. Будучи прогрессивным явлением в индийской общественно-политической мысли 1880 – начала 1890-х гг., они с течением временем перестали отвечать требованиям молодого поколения националистов, преследовавшего более радикальные цели и предлагавшего более радикальные методы их достижения. Отсутствие механизмов выполнения выдвигаемых требований приводило к тому, что политические успехи ИНК зависели от решений колониальной администрации, которая, за редким исключением, не признавала за Конгрессом права на выражение общенациональных интересов и не стремилась содействовать его инициативам. Это, в свою очередь, тормозило развитие национального движения в стране и вызывало противоречия в стане патриотических сил, вылившиеся в череду внутренних кризисов в ИНК в 1900–1910-х гг., результатом которых стали кардинальный пересмотр тактики Конгресса после Первой мировой войны и начало нового этапа борьбы за национальное освобождение Индии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mehrotra S.R. The Emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. 467 p.
2. Ghose P.C. The Development of the Indian National Congress. 1892–1909. Calcutta, 1960. 263 p.
3. Argov D. Moderates and Extremists in the Indian National Movement, 1883–1920. New Delhi, 1967. 265 p.
4. Morrow M.D. The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907. London, 1977. 413 p.
5. Shankar P.R. The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921. New Delhi, 2011. 322 p.
6. Pal B.C. Nationality and Empire: a running study of some current Indian problems. Calcutta, 1916. 449 p.
7. Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. 176 p.
8. The Government of India Act, 1858 // Indian Constitutional Documents (1773–1915). Calcutta, 1915. P. 90–104.
9. Report of the Tenth Indian National Congress. Madras, 1895. 259 p.

10. Report of the Second Indian National Congress. Calcutta, 1887. 172 p.
11. Report of the Sixth Indian National Congress. London, 1891. 136 p.
12. The Indian Councils Act, 1892 // Indian Constitutional Documents (1773–1915). Calcutta, 1915. P. 184–188.
13. Report of the Eighth Indian National Congress. [Allahabad, 1893]. 176 p.
14. Report of the Ninth Indian National Congress. Calcutta, 1894. 221 p.
15. Report of the Fifteenth Indian National Congress. Lucknow, 1900. 172 p.
16. Report of the Twentieth Indian National Congress. Bombay, 1905. 374 p.
17. Report of the Twenty-Second Indian National Congress. Calcutta, 1907. 275 p.
18. Collected Works of Sri Aurobindo. Pondicherry, 2002. Vol. VI-VII. 1182 p.

Dmitry S. Nikitin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

POLITICAL DEMANDS OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS (1885–1907)

Keywords: Indian National Congress; political demands; self-government; legislative councils

The aim of this article is to study the political demands of the Indian National Congress in 1885-1907. To achieve this aim, the following tasks are envisaged: an analysis of the character of these demands, which formed due to historical situation; research of the content of the political demands of the INC and the proposed mechanisms of their implementation; research of the impact of the Congress' political program in 1885-1907 on the factional struggle in the INC and the national liberation movement as a whole.

The source of the study is the legislative documents, such as Government of India Act 1858 and Indian Councils Act 1892, which reflect the political realities of the British India in that period; reports of the proceedings of the Congress' sessions, containing a statement of the demands of the Congress and the proposed schemes of political reforms; polemical papers of the members of extremists faction of the Congress, allowing to determine the extremists' views on the political program of the Congress.

In the course of the study, the author came to the following conclusions: the political demands of the Congress at an early stage of its existence were of a moderate character, that is, these demands did not contain the claims for the abolition of the British rule in India, but only intended to make adjustments to it. According to the leaders of the Congress, these adjustments could help to improve the state of India within the Empire. The political program of the Congress expressed the interests of the national bourgeoisie and the intelligentsia. A characteristic feature of the political demands of the Congress was the lack of a mechanisms for their implementation, and as a result, they were fulfilled only partially. These achievements led to the emergence of a radical opposition headed by young nationalists, who subsequently formed an extremists' faction in the INC. In general, political demands of the INC in 1885-1907 played a controversial role in the development of the national liberation movement. Being a progressive phenomenon in the Indian social and political thought of 1880-early 1890's, they were not satisfy for younger generation of nationalists, who pursued more radical goals and offered more radical methods. This caused controversy in the camp of patriotic forces that resulted in a series of internal crises in the INC in the 1900s and 1910s, which ended with the cardinal revision of the Congress' tactics after the First World War and the beginning of a new stage in the struggle for the national liberation of India.

REFERENCES

1. Mehrotra, S.R. (1971) *The Emergence of the Indian National Congress*. Delhi: Rupa & Co.
2. Ghosh, P.C. (1960) *The Development of the Indian National Congress*. 1892–1909. Calcutta: K.L. Mukhopadhyay.
3. Argov, D. (1967) *Moderates and Extremists in the Indian National Movement, 1883–1920*. New Delhi: Asia Publishing House.
4. Morrow, M.D. (1977) *The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907*. London: [s.n.].
5. Shankar, P.R. (2011) *The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921*. New Delhi: Promilla & Co.
6. Pal, B.C. (1916) *Nationality and Empire: a running study of some current Indian problems*. Calcutta: Adegi Graphics LLC.
7. Mushirul, H. (ed.) (1886) *Proceedings of the First Indian National Congress*. Bombay: [s.n.].
8. India. (1915a) *The Government of India Act, 1858. Indian Constitutional Documents (1773–1915)*. Calcutta: [s.n.]. pp. 90–104.
9. India. (1895) *Report of the Tenth Indian National Congress*. Madras: [s.n.].
10. India. (1887) *Report of the Second Indian National Congress*. Calcutta: [s.n.].
11. India. (1891) *Report of the Sixth Indian National Congress*. London: [s.n.].
12. India. (1915b) *The Indian Councils Act, 1892. Indian Constitutional Documents (1773–1915)*. Calcutta: [s.n.]. pp. 184–188.
13. India. (1893) *Report of the Eighth Indian National Congress*. Allahabad: [s.n.].
14. India. (1894) *Report of the Ninth Indian National Congress*. Calcutta: [s.n.].
15. India. (1900) *Report of the Fifteenth Indian National Congress*. Lucknow: [s.n.].
16. India. (1905) *Report of the Twentieth Indian National Congress*. Bombay: [s.n.].
17. India. (1907) *Report of the Twenty-Second Indian National Congress*. Calcutta: [s.n.].
18. Sri Aurobindo. (2002) *Collected Works of Sri Aurobindo*. Vol. 6-7. Pondicherry: [s.n.].

УДК 327(73+569.4)
DOI: 10.17223/19988613/71/13

В.П. Румянцев

ЛИНДОН Б. ДЖОНСОН И СУЭЦКИЙ КРИЗИС, 1956-1957 гг.

Президент США в 1963–1968 гг. Л.Б. Джонсон пользовался репутацией человека, слабо разбирающегося в вопросах внешней политики. На основе материалов архива Джонсона и документов конгресса США рассмотрены позиция и действия этого политика в период Суэцкого кризиса 1956–1957 гг., сделан вывод о том, что Л.Б. Джонсон продемонстрировал незаурядное знание внешнеполитической проблематики и умение управлять действиями конгресса, направленными на международную сферу.

Ключевые слова: Линдон Б. Джонсон; Суэцкий кризис; Соединенные Штаты; Израиль.

36-й президент США Линдон Бэйнс Джонсон не относится к числу популярных исторических персонажей. Даже у себя на родине, в Соединенных Штатах Америки, согласно опросу, проведенному исследовательской службой института Гэллапа в 2013 г., большинство респондентов (46%) отнесли его к категории «средних» президентов, в то время как его предшественнику, Джону Ф. Кеннеди, такую характеристику дали лишь 19% опрошенных, а 74% поместили трагически погибшего Кеннеди в категории «выдающийся» и «выше среднего» [1]. Основной причиной столь невысокой оценки деятельности Л. Джонсона можно считать войну во Вьетнаме, которая перечеркнула в исторической памяти американцев все достижения этого политика, в частности его программу «Великое общество». Саму же вьетнамскую трагедию нередко объясняют недостаточными знаниями международной ситуации преемника Кеннеди, в результате чего, по утверждению американского политолога и дипломата Генри Киссинджера, «когда дело касалось вопросов внешней политики, Джонсон чувствовал себя исключительно неуверенно» [2. С. 596]. Выдающийся советский дипломат А.Ф. Добрынин тоже считал, что Джонсон «в общих чертах был знаком со многими проблемами внешней политики США, но знал их неглубоко, да и не проявлял… большого вкуса к деталям внешнеполитических проблем» [3. С. 98].

Такая оценка была заложена еще в период деятельности Л. Джонсона в качестве сенатора от штата Техас. Когда он попытался баллотироваться на пост президента от Демократической партии в 1960 г., то столкнулся с убеждением, что его компетентность не распространяется дальше вопросов внутренней политики [4]. Это мнение оказалось настолько устойчивым, что закрепилось и в историографии. Одни из первых биографов 36-го президента, Филипп Гэйлин и Томас Уикер, уверяли, что Джонсон, будучи сенатором, игнорировал внешнюю политику, полностью сосредоточившись на внутренних проблемах США, в которых он действительно очень хорошо разбирался [5. P. 15–16; 6. P. 153].

Но даже после того, как был открыт доступ в архив этого знаменитого техасского государственного деятеля, данная позиция редко подвергалась сомнению. Американский историк Роберт Даллек, специализирующийся на биографиях американских президентов периода «холодной войны», настаивал на том, что у сенатора Джонсона «партийные соображения всегда присутствовали и в вопросах внешней политики» [7. P. 480]. Отчасти такое положение дел можно объяснить самым большим провалом в американской внешней политике XX в. – войной во Вьетнаме, эскалация которой пришлась как раз на годы президентства Джонсона в 1963–1968 гг. Сыграло свою роль и то мастерство, с которым Джонсон вел дела в сенате, будучи лидером сенатского большинства в 1955–1960 гг. Неслучайно Роберт Каро, автор серии монографий, посвященных Джонсону, назвал одну из своих книг «Хозяин сената» [8]. Скрупулезное знание всех сенатских закулисных механизмов создавало впечатление о Джонсоне как о специалисте по внутриполитической «кухне», который время от времени и словно бы нехотя вынужден был обращаться к вопросам внешней политики.

Л. Джонсон не пользовался репутацией эксперта во внешнеполитической сфере, как, например, его однопартийцы Честер Боулс, Дж.Ф. Кеннеди, Хьюберт Хэмфри, Джеймс Уильям Фулбрайт, однако считать его человеком, несведущим в международных делах, было бы неверно. В данной работе будет предпринята попытка доказать, что именно мастерство Джонсона в обращении с партийным аппаратом и доскональное знание главного законодательного органа США позволили ему усилить роль конгресса в процессе принятия внешнеполитических решений во время одного из самых острых конфликтов времен «холодной войны», так наываемого Суэцкого кризиса 1956–1957 гг., а его понимание международной ситуации было гораздо более проницательным, чем это принято представлять.

К моменту возникновения этого кризиса Джонсон был уже одним из самых заметных американских политиков, являясь лидером сенатского большинства. Этот пост позволял Джонсону не только влиять на законодательную программу Демократической партии и контролировать распределение мест в комитетах сената, среди которых одним из главных был комитет по внешней политике, но и служить связующим звеном между Белым домом и Капитолием. Согласно

сложившейся практике, президент США часто консультируется с лидерами партий, поскольку ему нужно получить поддержку своих инициатив со стороны конгресса.

Л.Б. Джонсон стал лидером сенатского большинства в 1955 г., и одной из первых внешнеполитических проблем, выявившей разногласия между исполнительной и законодательной ветвями власти, стал вопрос об участии США в финансировании строительства высотной Асуанской плотины в Египте. Первая плотина в среднем течении Нила была построена еще в 1902 г., но к началу 1950-х гг. она уже не соответствовала современным требованиям египетской экономики. Существовали различные проекты сооружения новой плотины, требовавшие значительных капиталовложений от иностранных инвесторов.

В середине 1955 г. свою заинтересованность в проекте строительства высотной плотины в Египте проявил Советский Союз. Представители американской разведки на Ближнем Востоке докладывали о том, что советский посол в Каире Д.С. Солод в мае 1955 г. предложил египетскому правительству советскую экономическую и технологическую помощь в строительстве Асуанской плотины [9. P. 261]. Это сообщение вызвало обеспокоенность в правящих кругах США и Великобритании, где было решено предложить Египту участие западных держав в финансировании строительства плотины на Ниле. Как полагал госсекретарь США Джон Ф. Даллес, если египетское руководство приняло бы это предложение, то укреплению позиций СССР в Египте было бы создано серьезное препятствие [10. P. 46].

13 декабря 1955 г. в Белом доме состоялась встреча с партийными лидерами, на которой Дж.Ф. Даллес объяснил позицию исполнительной власти по вопросу участия Соединенных Штатов в строительстве Асуанской плотины. Никто из присутствовавших законодателей не высказался против. Промолчал и Джонсон [11. P. 997]. Его осторожность объяснялась стойким убеждением в необходимости сохранять так называемый двухпартийный консенсус по вопросам внешней политики. К тому же в середине 1950-х гг. в конгрессе США сложилась уникальная ситуация, в которой президенту – республиканцу Дуайту Эйзенхауэру – нередко приходилось преодолевать сопротивление со стороны однопартийцев в деле продвижения внешнеполитических инициатив. Большинство республиканцев придерживалось изоляционистских установок, и в этих условиях Джонсон видел для себя выгоду в поддержке президента в противовес конкурирующей партии. В Белом доме также старались сохранить настрой лидера сенатского большинства на сотрудничество с исполнительной властью. Незадолго до встречи по Асуанскому проекту с конгрессменами и сенаторами Дж.Ф. Даллес отправил письмо Л. Джонсону, в котором дал высокую оценку его усилий по сохранению двухпартийного единства по вопросам внешней политики [12. P. 69].

16 декабря 1955 г. правительства Соединенных Штатов и Великобритании заявили о своей готовности выделить 56,4 и 13,6 млн долларов соответственно в качестве кредита на строительство первой очереди Асуанской плотины. Еще 200 млн должен был выделить Международный банк реконструкции и развития (МБРР) [13. P. 190].

Принципам Л. Джонсона пришлось пройти испытание на прочность в 1956 г. В этот год должны были состояться парламентские и президентские выборы в США. В связи с этим со стороны законодателей все явственнее стали звучать критические замечания в адрес действовавшего правительства. Против предоставления кредита Египту на строительство Асуанской плотины выступило так называемое «хлопковое лобби» в конгрессе США, представляющее интересы южных хлопкопроизводящих штатов. Введение в строй одной из крупнейших в мире плотин должно было увеличить на 30% площадь обрабатываемых египетских земель, что могло сильно ударить по американскому экспорту хлопка. Оппозиция законодателей участию Соединенных Штатов в Асуанском проекте проявилась уже в начале 1956 г., когда лидер республиканского меньшинства в сенате Уильям Ноуленд подчеркивал нежелание американских сенаторов поддерживать участие США в каких-либо долгосрочных внешнеэкономических проектах [14. P. 195].

Электоральные соображения стали играть все более заметную роль и в деятельности сенатора Джонсона. Он примкнул к числу критиков участия США в финансировании Асуанского проекта, высказывая сомнения в том, что оно будет способствовать сдерживанию советского влияния в арабском мире. Для техасца Джонсона такая позиция была продиктована необходимостью поддержать хлопкоробов юга Соединенных Штатов. Но, кроме того, он учитывал еще и активность других политических сил, к которым испытывал симпатию. Против предоставления кредита Египту выступило очень влиятельное произраильское лобби, категорически несогласное с участием США в Асуанском проекте в ту пору, когда отношения Израиля и Египта остаются напряженными. В ряды оппозиции также входило немногочисленное, но активное «тайваньское лобби», усилившее свою антиегипетскую пропаганду после того, как в мае 1956 г. Египет первым из всех арабских стран признал Китайскую Народную Республику.

К лету 1956 г. сопротивление законодателей участию США в Асуанском проекте усилилось. В середине июля сенатская комиссия по ассигнованиям заявила о своей готовности запретить правительству расходовать суммы, выделенные на иностранную помощь, для предоставления займа Египту [15].

Правительство Д. Эйзенхауэра решило объявить об отказе финансировать строительство плотины на р. Нил до заседания комиссии сената по ассигнованиям, чтобы не создавать прецедента сужения прав исполнительной власти в области внешней политики [16. С. 312]. На самом деле отказ от участия в Асуанском проекте являлся частью плана оказания экономического и политического давления на Каир, разработанного американским руководством весной 1956 г. Этот план, получивший кодовое наименование «Омега», предусматривал также продолжение практики отказов в вы-

даче экспортных лицензий на поставку оружия Египту государственным и частным организациям, затягивание решения вопроса о продаже Египту зерна и нефти, сохранение ситуации неопределенности с предоставлением экономической помощи в 1956 г. Политической и дипломатической изоляции Каира, по мнению американского правительства, следовало добиваться путем усиления западного влияния в Иордании, Йемене, Ливане, Ливии, Судане, Саудовской Аравии и Эфиопии. В случае если вышеперечисленные меры не принесли бы ожидаемого результата и внешнеполитический курс президента Египта Гамаля Абделя Насера остался бы без изменений, план «Омега» предусматривал переход к «более решительным действиям» [17. P. 364–365].

19 июля, во время беседы с египетским послом Ахмедом Хусейном, Дж.Ф. Даллес объявил о том, что Соединенные Штаты отзывают свое обещание участвовать в финансировании строительства плотины в Египте из-за сопротивления конгресса, а главным образом – из-за усиливавшегося сотрудничества Египта со странами, «проводящими враждебную по отношению к США политику» [Ibid. P. 867–873]. Ответ Г.А. Насера на этот шаг американской дипломатии оказался неожиданным для Вашингтона: 26 июля 1956 г. президент Египта объявил о национализации компании Суэцкого канала, основным держателем акций которой было британское правительство.

На следующий день Д. Эйзенхауэр попросил заместителя государственного секретаря Герберта Гувера-младшего уведомить на условиях строжайшей секретности лидеров обеих палат в конгрессе, что ситуация может оказаться настолько серьезной, что нельзя исключать созыва чрезвычайной сессии конгресса. Вице-президенту США Ричарду Никсону было дано указание лично связаться с Л. Джонсоном и У. Ноулендом, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации [18. P. 12]. Тревогу у американского руководства вызывала готовность Великобритании начать военную операцию против Египта. На заседании британского правительства 27 июля было принято решение начать подготовку этой операции, которая должна была состояться самое позднее через шесть недель. Целью военных действий должны были стать «устранение» Насера и замена его на более «уступчивое правительство» [19]. При этом британское руководство отмечало необходимость привлечения к военной операции Соединенных Штатов.

Великобритания не только являлась крупнейшим держателем акций компании Суэцкого канала. Вся британская экономика в значительной степени зависела от поставок ближневосточной нефти, осуществляемых через морской путь, связывавшей Средиземное и Красное моря. Утрата контроля над Суэцким каналом, как предрекала деловая элита Соединенного Королевства, могла привести к падению престижа Великобритании в мире, ослаблению или даже распаду стерлинговой зоны [20. P. 120].

Тревогу в высших эшелонах американской власти удалось сбить благодаря усилиям дипломатии. Дж.Ф. Даллес принял участие в совещании со своими британскими и французскими коллегами в Лондоне, где ему удалось убедить заокеанских партнеров США созвать международную конференцию пользователей Суэцким каналом. Целью Соединенных Штатов на этом этапе было вынудить Лондон и Париж отложить реализацию своих военных планов по крайней мере до завершения выборов в США, на которых Д. Эйзенхауэр собирался выдвинуться на второй президентский срок.

Избирательная кампания в Соединенных Штатах шла параллельно с развитием Суэцкого кризиса. Обе ведущие политические партии должны были выдвинуть своих кандидатов на пост президента. В самый разгар съезда Демократической партии, который проходил в Чикаго, Д. Эйзенхауэр решил пригласить лидеров конгресса в Белый дом для консультаций по вопросу набиравшего обороты ближневосточного кризиса. Момент был выбран неслучайно. Главе исполнительной власти хотелось подчеркнуть серьезность ситуации, чтобы не допустить на партийных съездах обвинений в адрес руководства США, чья политика нажима на Египет во многом и спровоцировала кризис вокруг Суэцкого канала.

Встреча с законодателями была назначена на 12 августа. Обстановка предвыборной кампании давала о себе знать. Особенно это можно было сказать о Л. Джонсоне. Дело в том, что лидер сенатского большинства рассчитывал, что съезд Демократической партии выдвинет его в качестве претендента на пост президента. Во всяком случае в самолете, следовавшем из Чикаго в Вашингтон, Л. Джонсон весь полет пытался убедить поддержать его кандидатуру спикера палаты представителей Сэма Рэйберна, «старожила» конгресса, впервые избранного в нижнюю палату американского парламента от Техаса еще в 1913 г., когда Линдону было только 5 лет. С. Рэйберн во время этого разговора вообще старался хранить молчание. Отчасти оттого, что ненавидел воздушные перелеты, но в основном из-за того, что не считал Джонсона подходящим кандидатом на должность президента. Этого же мнения придерживались и многие другие лидеры Демократической партии [8. P. 810]. По словам биографа С. Рэйберна Альфреда Стейнберга, лидер сенатского большинства вел себя как капризный ребенок, упрямо повторяя, что он все время поддерживал своего маститого земляка и теперь ему нужна ответная поддержка [21. P. 306].

Политические соображения действительно играли самую важную роль для Л. Джонсона в тот момент. Его помощник и ближайший советник Джеймс Риди, вспоминая позже об этой встрече в Белом доме, говорил: «Знаете, есть определенный момент, когда кризисы могут стать рутинными, и это был один из таких моментов» [22. P. 18]. На встрече присутствовали 11 сенаторов от обеих партий и столько же конгрессменов, членов палаты представителей. Ремарки и вопросы Л. Джонсона на этом мероприятии свидетельствуют о том, что его позиция на самом деле во многом совпадала с позицией администрации президента. Лидер сенатского большинства сказал, что ему видится лишь два возможных сценария поведения США: использовать все возможности для мирного решения

этой международной проблемы, прибегая, например, к давлению международной общественности или рассматривая возможность международного управления Суэцким каналом; поддержать своих союзников морально, если они решат применить силу, и дать им знать об этой поддержке [18. P. 195].

Второй сценарий выявил разногласия администрации президента с мнением Джонсона. Техасский сенатор предлагал «открыть карты» перед англичанами и французами и пообещать им, «раз уж с полковником [Насером] вести себя иначе нельзя» поддержку, на которую «они очень рассчитывают». Д. Эйзенхауэр согласился с тем, что нельзя позволить, «чтобы все это сошло Насеру с рук», но вместе с тем у союзников США не должно возникнуть впечатление, что Вашингтон будет поддерживать все их инициативы. Дж.Ф. Даллес добавил, что англичане и французы верят, что смогут справиться и сами, хотя он не разделяет их оптимизма [Ibid. P. 195–196].

Тогда Джонсон вернулся к идее создания некоего международного органа, который смог бы управлять каналом, выкупив права на это у Египта. Дж.Ф. Даллес ответил, что не видит в этом необходимости, и к тому же вряд ли Египет согласится с подобным предложением. Идея Л. Джонсона не была столь уж наивной, как это могло показаться на первый взгляд. В конце концов именно Дж.Ф. Даллес через месяц после этой встречи в Белом доме выдвинул идею создания Ассоциации пользователей Суэцким каналом (АПСК). По замыслу госсекретаря США, Совет АПСК должен был регулировать все вопросы, связанные с судоходством по каналу, включая сбор пошлин, наем лоцманов и регулирование трафика [23. P. 81].

Примечательно, что Л. Джонсон, который на предыдущих подобных встречах отмалчивался, теперь старался выступить как человек, разбирающийся в международной проблематике, хотя в целом он и остался верен принципу двухпартийного консенсуса. Свое мнение он озвучил в беседе с журналистами после совещания в Белом доме. Л. Джонсон заявил, что «все разногласия должны остаться в стороне в тот момент, когда на карту поставлена безопасность нашей страны» [24].

Попытки повысить статус Джонсона в качестве эксперта по внешнеполитическим вопросам не помогли в реализации электоральных замыслов техасского сенатора. Несколько дней спустя после встречи в Белом доме он потерпел поражение на конвенте Демократической партии в Чикаго. Большинство демократов предпочло поддержать кандидатуру лидера партии Эдлая Стивенсона. Показательно, что Джонсону вменялся как раз недостаток опыта в международных делах.

Советник техасского сенатора, юрист Джеймс Роуи младший, принимавший участие в разработке политических программ Демократической партии, рекомендовал Л. Джонсону не расстраиваться – ведь шансов победить популярного среди американцев Д. Эйзенхауэра было немного, а начинать с фальстарта было бы нежелательно с точки зрения перспектив на следующих президентских выборах в 1960 г. Вместо почти гарантированного поражения от Эйзенхауэра у Джонсона появился шанс в оставшиеся четыре года укрепить свои общенациональные позиции, перестав быть в глазах общественности прежде всего южанином, хотя и неплохим партийным организатором [7. P. 503].

Тем временем Суэцкий кризис развивался почти в полном соответствии с прогнозом Джонсона. Ведущие страны НАТО прибегли к обоим сценариям, о которых говорил лидер сенатского большинства на встрече в Белом доме 12 августа 1956 г. Ставка на дипломатические меры себя не оправдала. Две международные конференции по вопросу судоходства по Суэцкому каналу, проведенные в Лондоне в середине августа и в конце сентября, не позволили вернуть канал под иностранное управление. В этих обстоятельствах Великобритания и Франция, подключив к своим планам Израиль, решили начать военную операцию против Египта. Их тройственная агрессия началась 29 октября 1956 г., за неделю до президентских выборов в США. Это был провал американской дипломатии, которая была вынуждена занять жесткую позицию в отношении инициаторов агрессии на Ближнем Востоке. Позиция правительства Д. Эйзенхауэра объяснялась не только электоральными соображениями, но и тем, что военные действия в Египте отвлекли внимание международной общественности от событий в Венгрии, где СССР применил силу для подавления антисоветского мятежа. Соединенные Штаты прибегли к политическому и экономическому давлению на своих союзников. С угрозами применения силы в адрес участников тройственной агрессии выступил и Советский Союз. 5 ноября, в день президентских выборов в США, военные действия в районе Суэцкого канала были остановлены. Г.А. Насер сохранил свою власть, а канал остался под египетским контролем.

Д. Эйзенхауэр победил на выборах президента, однако Республиканской партии не удалось повторить этот успех на выборах в конгресс. Демократы сохранили свое, пусть и хрупкое, большинство в верхней палате, получив на два сенатских места больше, чем республиканцы [11. P. 997]. К тому же среди республиканцев по-прежнему превалировали изоляционисты, что сковывало свободу действий администрации президента на международной арене и вынуждало искать двухпартийной поддержки внешнеполитического курса правительства.

Но именно приверженность двухпартийному консенсусу чуть было не стоила Л. Джонсону места лидера сенатского большинства. После оглашения результатов президентских выборов часть демократического истэблишмента пыталась обвинить Джонсона в поражении Э. Стивенсона. Техасского политика критиковали за то, что его поддержка внешнеполитического курса республиканской администрации лишила Демократическую партию собственной повестки и способствовала феноменальной популярности Д. Эйзенхауэра [Ibid. P. 1000].

Дж. Роуи рекомендовал Джонсону дистанцироваться от внешней политики администрации президента. Для этого ему нужно было активизировать свою деятельность в деле международной экспертизы, сплотив вокруг себя конструктивных критиков действовавшей

власти [7. P. 508]. Изменения в данном направлении давались Л. Джонсону нелегко. На встрече с лидерами конгресса, которая состоялась 9 ноября 1956 г. в Белом доме и была посвящена Суэцкому кризису и мятежу в Венгрии, лидер сенатского большинства не задал ни одного вопроса и вообще не проронил ни слова. На этой встрече Д. Эйзенхауэр намеренно сделал основной упор на резком усилении позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке и необходимости противостоять такому развитию ситуации [18. P. 1092].

Впрочем, понимание Л. Джонсоном международной ситуации оказалось куда более проницательным, чем это представлялось современникам. Суэцкий кризис выявил самое серьезное расхождение во мнениях между США и Великобританией со времен Второй мировой войны. Это расхождение было во многом связано с отсутствием в период данного кризиса отлаженных коммуникаций между Вашингтоном и Лондоном по вопросам планов друг друга. Вина за подобный сбой лежала преимущественно на Соединенных Штатах. Американское руководство опасалось, что Великобритания втянет США в свои военные планы. Дж.Ф. Даллес даже заявил своему британскому коллеге, министру иностранных дел Селвину Ллойду, что правительство Д. Эйзенхауэра предпочитает, чтобы данные о военных приготовлениях не поступали в Вашингтон и в виде обмена информацией между военными ведомствами двух стран [25].

В этой связи становится понятен шок, который испытал С. Ллойд, когда он встретился через несколько недель после прекращения огня на территории Египта с Дж.Ф. Даллесом. Госсекретарь США выразил свое недоумение в беседе с британским визави: «Почему вы не пошли дальше и не убрали Насера?» Главе МИД Соединенного Королевства оставалось только изумиться – почему США не сказали об этом раньше и не раскрыли свое отношение к свержению египетского лидера? [26. P. 219]. Ровно обо всем этом тремя месяцами ранее и говорил Л. Джонсон на встрече Д. Эйзенхауэра с лидерами конгресса, предлагая сказать англичанам и французам, что они могут рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов.

Последующие события предоставили Л. Джонсону возможность повысить свой престиж как во взаимоотношениях с Белым домом, так и среди членов Демократической партии. Несколько недель, последовавших после завершения англо-франко-израильской агрессии против Египта, администрация Д. Эйзенхауэра разрабатывала новую инициативу своей ближневосточной политики. Она состояла их трех частей, которые в совокупности должны были принять форму резолюции конгресса. Согласно первому разделу, президенту должно было быть предоставлено право оказания экономической помощи ближневосточным государствам по просьбе нуждавшихся в ней стран. Для этого следовало создать специальный фонд в 200 млн долл. Вторая часть должна была быть посвящена поддержанию военного баланса сил в регионе, для чего американское правительство оставляло за собой право продажи оружия ближневосточным государствам. И в последнем, наиболее принципиальном разделе речь должна была идти о предоставлении президенту права использовать американские вооруженные силы для борьбы с распространением «международного коммунизма» [27. P. 177–178].

Эта инициатива была представлена узкому кругу американских законодателей 1 января 1957 г., прежде чем ее было решено сделать достоянием широкой общественности. Особого энтузиазма лидеры конгресса в отношении новой внешнеполитической инициативы не высказали, их реакцию можно было определить как настороженную. Общее мнение скептиков выразил сенатор-демократ из Джорджии Ричард Рассел: «Почему мы должны принимать на себя столь расплывчатые обязательства по оказанию военной и экономической помощи?.. Каждый мелкий диктатор сможет шантажировать нас, мол, вы обещали нам помощь, ну и где она?!» [28. P. 22].

5 января 1957 г. президент США выступил на совместном заседании обеих палат американского конгресса с речью, в которой изложил программу своей ближневосточной политики, получившей вскоре название «доктрина Эйзенхауэра». Почти сразу же эта доктрина стала предметом нападок со стороны влиятельных конгрессменов и сенаторов. Тон критических выступлений задавала группа консервативно настроенных демократов-южан во главе с Р. Расселом. Эта группа выступала против «бездумной», по ее мнению, траты денег для поддержки арабских лидеров консервативного толка. Поэтому Р. Рассел предлагал исключить из текста доктрины упоминание об экономической помощи, оставив, однако, положение о применении американской силы на Ближнем и Среднем Востоке [29. P. 13].

Л. Джонсон не был ни в числе активных противников, ни в числе сторонников «доктрины Эйзенхауэра». Он занял осторожную позицию, заявив журналистам, что «конгресс внимательно и всесторонне изучит это предложение [президента], чтобы понять, насколько данная инициатива оправдана, благоразумна и соответствует ли она национальным интересам» [30].

Дилемма, с которой столкнулся Джонсон, заключалась в следующем: ему нужно было парировать обвинения в отсутствии у Демократической партии своей внешнеполитической программы и следовании курсом республиканцев, но в то же время не допустить, чтобы «доктрина Эйзенхауэра» была отвергнута сенатом. Дж. Риди так объяснял мотивы своего патрона: «Джонсон всегда считал, что когда президент обращается с подобной просьбой, то ему нужно пойти навстречу, потому что в противном случае может возникнуть впечатление серьезного раскола внутри Соединенных Штатов» [31. P. 6].

Можно сказать, что позиция лидера сенатского большинства оказалась более дальновидной, чем у других членов Демократической партии. С учетом его президентских амбиций для Джонсона было бы нежелательно создавать прецедент серьезного ограничения полномочий исполнительной власти со стороны конгресса США. Подобная строптивость Капитолия могла бы стать проблемой и для Джонсона-президента в случае реализации его далеко идущих планов. Так что

техасскому сенатору приходилось лавировать между давлением со стороны либералов-южан и собственной приверженностью двухпартийности во внешней политике. Но были еще два соображения, которые влияли на поведение «хозяина сената» во время слушаний по «доктрине Эйзенхауэра». Сопротивление конгресса инициативе президента давало возможность повысить роль лидера сенатского большинства в процессе принятия внешнеполитических решений. Это, в свою очередь, способствовало бы укреплению позиций Джонсона в общенациональном масштабе. И, наконец, немаловажным фактором в его действиях были произраильские симпатии техасского политика.

Л. Джонсон являлся одним из самых активных сторонников еврейского государства. Его привязанность к Израилю объяснялась моральными и религиозными убеждениями предков – христиан-евангелистов, влиянием друзей из еврейской общины Техаса, искренним сочувствием еврейскому народу из-за Холокоста, восхищением перед израильским политическим и экономическим опытом [32]. Будучи сенатором, Л. Джонсон поддерживал активные контакты с представителями израильской дипломатии и еврейской общины США. Последние традиционно являлись одними из самых преданных сторонников Демократической партии.

Лидер сенатского большинства предпочел громким публичным заявлениям излюбленную им тактику закулисных действий. Он не был членом комитета сената по внешней политике, где должны были состояться слушания по «доктрине Эйзенхауэра», но ему удалось добиться проведения совместных заседаний двух комитетов сената – по внешней политике и по вооружениям. С председателями обоих комитетов, Уолтером Джорджем и Р. Расселом, его связывали дружеские отношения. Оба они в свое время покровительствовали Джонсону. В начале 1957 г. У. Джордж ушел в отставку по причине пошатнувшегося здоровья и преклонного возраста (79 лет), и его заменили на еще более пожилого 89-летнего сенатора Теодора Грина. Эта замена давала Л. Джонсону возможность усилить свою роль в процессе принятия внешнеполитических решений.

Будучи членом комитета сената по вооружениям, Л. Джонсон смог оказывать влияние на процесс обсуждения «доктрины Эйзенхауэра» в ходе совместных слушаний двух комитетов сената, поскольку речь шла и о военной помощи ближневосточным странам. Например, по рекомендации Джонсона в текст резолюции конгресса была внесена фраза о том, что Соединенные Штаты «готовы» использовать силу, чтобы согласие конгресса не выглядело как наделение президента США полномочиями в одностороннем порядке отправлять американские войска на Ближний Восток [7. P. 512; 11. P. 1002].

В начале 1957 г. серьезным препятствием в ближневосточной политике Соединенных Штатов стало нежелание Израиля выводить свои войска с территории Синайского полуострова, занятой в результате тройственной агрессии. Израиль оговаривал свой уход из Египта предоставлением ему гарантий безопасности от западных стран. США пригрозили применением санкций со стороны Организации Объединенных Наций (ООН) в отношении еврейского государства в случае отказа эвакуировать войска из Синая.

23 января 1957 г. 75 конгрессменов-демократов подписали письмо государственному секретарю США, в котором требовали предоставить Израилю гарантии свободного плавания его судов через Суэцкий канал и Акабский залив. Египет не пропускал суда под израильским флагом, следовавшие вдоль берегов Синайского полуострова, с конца 1940-х гг. При активном участии влиятельных произраильских организаций, таких как «Американский чрезвычайный сионистский комитет», «Комитет по американо-израильским общественным делам», сенаторы США приняли 29 января резолюцию, призывающую администрацию предоставить гарантии израильской безопасности [33. P. 256–257]. Некоторые американские политики обрушили критику на администрацию Д. Эйзенхауэра, допускавшую использование «двойных стандартов» в своей ближневосточной политике при продаже оружия странам региона. «Насколько допустимо отправлять танки и самолеты Саудовской Аравии и в то же время угрожать применением санкций в отношении Израиля, если мы декларируем свой справедливый подход к обеим сторонам (арабо-израильского. – *В.Р.*) конфликта», – возмущался с трибуны сената Х. Хэмфри [34. P. 1840–1841].

К оппозиции со стороны демократов примкнули некоторые видные члены Республиканской партии. Так, лидер сенатского меньшинства Уильям Ноуленд заявил, что недопустимо наказывать санкциями малое государство (Израиль) и не делать того же в отношении крупной страны (СССР), которая предприняла агрессивную акцию в отношении Венгрии [33. P. 299]. Какое-то время Л. Джонсон не решался столь открыто выступать против санкций в отношении Израиля, как это сделали Х. Хэмфри и У. Ноуленд. Для того чтобы побудить лидера сенатского большинства к более решительным действиям представители Американского еврейского комитета Исайя Кенен и Натаниэль Гудрич встретились с Дж. Риди. Израильским лоббистам удалось убедить помощника Джонсона в том, что республиканцы стремятся перехватить инициативу в деле обсуждения «доктрины Эйзенхауэра», и демократам нужно действовать быстрее и напористее [Ibid. P. 300]. 2 февраля Дж. Риди изложил в меморандуме для своего патрона идею увязки предоставления американских гарантий свободного плавания через Акабский залив с размещением миротворцев ООН в секторе Газа после того, когда оттуда уйдут израильские войска [11. P. 1003]. Эта идея позволяла добиться вывода израильских войск без применения санкций.

После встречи с помощником техасского сенатора И. Кенен связался с лидерами еврейских общин в Далласе, Хьюстоне, Сан-Антонио и Остине, уговаривая их организовать поток писем и телеграмм в офис Л. Джонсона в Вашингтоне. В этой корреспонденции красной нитью должна быть обозначена мысль о смертельном ущербе, который принесут Израилю санкции со стороны ООН. 9 февраля 1957 г. во время субботних служб в синагогах раввины по всему Техасу убеждали прихожан выразить свое недовольство политикой

правительства. За уик-энд 9–10 февраля в офис Джонсона поступило около 5 тыс. телеграмм соответствующего содержания [33. P. 300].

11 февраля 1957 г. Л. Джонсон отправил Дж.Ф. Даллесу письмо, проект которого был составлен Дж. Роуи. Привлечение специалиста такого уровня, как Роуи, который в свое время работал на администрации Франклина Д. Рузвельта и Гарри Трумэна, говорило о значимости, придаваемой этому посланию лидером сенатского большинства. В письме говорилось: «ООН не может устанавливать одни правила для сильных, а другие для слабых; не может обрушивать экономическое давление на маленькое государство, если ранее даже не попыталась хотя бы сделать вид, что собирается сделать то же самое в отношении большого государства». Кроме того, Л. Джонсон убеждал госсекретаря США восстановить дружеские отношения с Израилем «без всяких разговоров о санкциях или иных мерах давления». Но самое важное место в этом письме занимало предупреждение, что прохождение «доктрины Эйзенхауэра» через сенат будет заблокировано до тех пор, пока США и Израиль не договорятся по вопросу вывода израильских войск из Египта [12. P. 68; 33. P. 300].

Помощники техасского сенатора, очевидно, не без его ведома, организовали «утечку» текста письма в американскую прессу [35]. Дж. Риди, правда, отрицал, что это произошло по инициативе офиса лидера сенатского большинства. «Я думаю, что это сделал кто-то из госдепартамента, тот, кто симпатизировал позиции Джонсона», – уверял позже он [36. P. 1]. Но все же откровенно признал, что Л. Джонсон несильно расстроился из-за того, что его «конфиденциальное» письмо Даллесу стало достоянием общественности. «Я думаю, что политическая выгода, которую он извлек из этого письма, была настолько велика, что он никогда не сожалел, что написал его», – соглашался Дж. Риди [31. P. 7].

Политические дивиденды, которые получил Л. Джонсон в результате огласки его послания госсекретарю США, были на самом деле существенны. Его позицию безоговорочно поддержал политический комитет Демократической партии. Публичную поддержку лидеру сенатского большинства выразилт председатель комитета сената по внешней политике Т. Грин и председатель сенатского комитета по вооружениям Р. Рассел [7. P. 512; 33. P. 361].

Версия о конфиденциальности обращения техасского политика к главе американской дипломатии выглядит неубедительно еще и потому, что помощники Л. Джонсона разослали копии его письма лидерам еврейских общин США, от которых поступили восторженные отклики. Израиль Голдштейн, президент Американского еврейского конгресса, телеграфировал свои поздравления Джонсону: «Вы заслуживаете признательности всей страны за Ваше проницательное ви́дение несправедливости, безнравственности и глупости введения экономических санкций против Израиля» [11. P. 1005].

Реакция Дж.Ф. Даллеса на поднявшуюся шумиху вокруг письма, которое он получил от Л. Джонсона, была гневной. Госсекретарь говорил главе американской делегации в ООН Генри Кэботу Лоджу, что нельзя допускать единодушного голосования против санкций в отношении Израиля в обеих палатах конгресса. Если это произойдет, уверял он, «у нас будут очень серьезные проблемы, и мы даже можем потерять возможность вводить санкции… Не хочется, чтобы израильтяне узнали, что мы настолько уязвимы в этом вопросе». Под словом «мы» понималась, очевидно, исполнительная власть США. Свой разговор с Г.К. Лоджем госсекретарь завершил гневной тирадой об «ужасном контроле, который евреи имеют над средствами массовой информации и тех преградах, которые эти евреи могут выстроить перед конгрессменами» [33. P. 265].

В тот самый день, когда Дж.Ф. Даллес получил вышеупомянутое письмо от лидера сенатского большинства, президент США дал указание государственному секретарю отправить послу Израиля Аббе Эбану меморандум с предложением американских гарантий свободы судоходства по Акабскому заливу. Блокада залива была незаконной с точки зрения международного права. Соединенные Штаты были готовы поддержать требования Израиля о беспрепятственной навигации по этой морской артерии. В меморандуме указывалось, что «Соединенные Штаты считают Акабский залив международным морским путем, и ни одна страна не имеет права путем силы мешать свободному и беспрепятственному судоходству по нему». При этом отмечалось, что суда под флагом США «готовы воспользоваться правом режима свободного судоходства и присоединиться к судам других государств, чтобы гарантировать это право». Для осуществления подобных гарантий, как заметил госсекретарь, необходим в первую очередь вывод израильских войск из района Шарм-эш-Шейха. В отношении сектора Газа Соединенные Штаты настаивали на том, что «вывод отсюда израильских войск должен быть быстрым и безоговорочным», а будущее этого региона должно быть предметом обсуждений в рамках Организации Объединенных Наций [37. P. 125–134].

Пытаясь повлиять на позицию лидеров конгресса, Д. Эйзенхауэр предложил им еще раз встретиться. Причем сначала он хотел, чтобы законодатели приехали к нему в Джорджию, где президент проводил уик-энд, но Л. Джонсон и другие американские политики отказались, и тогда Д. Эйзенхауэру пришлось прервать свой отдых, чтобы вернуться в столицу. На встрече, состоявшейся 20 февраля в Белом доме, Л. Джонсон дал понять, что если ООН выдвинет санкции против Израиля, то «доктрина Эйзенхауэра» будет отклонена сенатом [38. P. 214]. После этой встречи лидер сенатского большинства заявил прессе о своем «сожалении, что администрация все еще считает, что у нее нет иного выхода, кроме как обрушить давление лишь на одну из сторон конфликта, в котором присутствует и другая сторона» [39].

В качестве наиболее приемлемого варианта решения сложившейся ситуации окружение Д. Эйзенхауэра рассматривало план, изложенный прибывшим в Вашингтон премьер-министром Франции Ги Молле. Согласно

предложению французской стороны, Израиль должен заявить об окончательном уходе своих войск из сектора Газа, исходя из того, что контроль над сектором перейдет к миротворческим силам ООН. При этом за Израилем сохранялось бы право на самооборону либо в случае нарушения Египтом этого условия, либо если Каир откажется выполнять свои международные обязательства. В отношении Акабского залива действовали бы гарантии, представленные Вашингтоном в памятной записке 11 февраля 1957 г. [37. P. 285–289]. В Иерусалиме согласились принять эти условия. 1 марта 1957 г. министр иностранных дел Израиля Голда Меир выступила на Генеральной Ассамблее ООН с заявлением об уходе израильской армии из Синая [40. С. 26].

Разрешение вопроса об эвакуации израильских войск с египетской территории позволило сенаторам вернуться к обсуждению «доктрины Эйзенхауэра». И здесь Л. Джонсон вновь проявил свое незаурядное мастерство закулисных маневров. Ему удалось нейтрализовать попытки Р. Рассела ограничиться лишь военной помощью странам Ближнего и Среднего Востока и тем самым сузить возможности администрации президента по реализации ее инициативы. Вместе с тем лидер сенатского большинства сумел убедить правительство согласиться с поправкой, предложенной сенатором-демократом Майком Мэнсфилдом. Эта поправка провозглашала сохранение независимости и территориальной целостности ближневосточных стран жизненно важным интересом Соединенных Штатов. Администрация президента долго сопротивлялась принятию этой поправки, поскольку она затрагивала весьма чувствительные места ближневосточной политики США, например отношения с Израилем и территориальные споры между странами региона [28. P. 778–780]. 7 марта палата представителей утвердила поправки, принятые сенатом и 9 марта 1957 г. Д. Эйзенхауэр подписал резолюцию конгресса, принявшую, таким образом, силу закона.

Действия Л. Джонсона в финальные дни Суэцкого кризиса подтолкнули американскую исследовательницу Оливию Сонс к мысли о том, что «во многом из-за вмешательства Джонсона Израиль вывел свои войска только после того, как чрезвычайные вооруженные силы ООН были размещены вдоль египетско-израильской границы и Соединенные Штаты выступили с письменной гарантией прав Израиля по использованию международных вод» [12. P. 60]. Такая оценка выглядит преувеличением возможностей лидера сенатского большинства влиять на внешнюю политику США. В конечном счете главным соображением администрации Д. Эйзенхауэра стали опасения, что чем дольше израильские войска остаются на территории Египта, тем больше шансов у СССР усилить свое влияние в арабском мире. Поэтому Соединенные Штаты согласились пойти на компромисс с Израилем [41. С. 100–101].

Усилия Л. Джонсона по блокированию принятия «доктрины Эйзенхауэра» сенатом США сыграли свою, хотя и не главную роль в поисках американской дипломатией компромиссного решения вопроса об уходе израильских войск из Египта. Несомненно, что Суэцкий кризис продемонстрировал администрации президента важность сотрудничества с лидером сенатского большинства в условиях, когда у Демократической партии был перевес в обеих палатах конгресса. Л. Джонсон показал свои возможности, сначала приостановив прохождение «доктрины Эйзенхауэра» через сенат, а после снятия с повестки дня вопроса о санкциях против Израиля способствуя быстрому принятию доктрины верхней палатой американского парламента. Тем самым Л. Джонсон доказал свое умение решать спорные ситуации не только в области внутренней политики, но и на международной арене. Карьерные планы заставляли Л. Джонсона активнее включаться в обсуждение внешнеполитических вопросов, и Суэцкий кризис продемонстрировал, что лидер сенатского большинства вовсе не был дилетантом в этих вопросах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dugan A., Newport F. Americans Rate JFK as Top Modern President. URL: https://news.gallup.com/poll/165902/americans-rate-jfk-top-modern-president.aspx
2. Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
3. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М. : Автор, 1997. 688 с.
4. Harrison S. Lyndon Johnson's World // New Republic. 1960. June 13.
5. Geyelin P. Lyndon Johnson and the World. New York : F.A. Praeger, 1988. 309 p.
6. Wicker T. JFK and LBJ: The Influence of Personality upon Politics. New York : Morrow, 1968. 297 p.
7. Dallek R. Lone Star Rising: Lyndon Johnson and His Times, 1908–1960. New York : Oxford University Press, 1991. 754 p.
8. Caro R. Master of the Senate: The Years of Lyndon Johnson. New York : Knopf, 2002. 1232 p.
9. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Washington, 1989. Vol. XIV: Arab-Israeli Dispute, 1955. 874 p.
10. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Executive Session of the Senate Foreign Relations Committee. Eighty-fourth Congress, Second Session, 1956. Washington, 1978. 699 p. (Historical Series; vol. VIII).
11. Walker, Jr. P.A. Lyndon B. Johnson's Senate Foreign Policy Activism: The Suez Canal Crisis, a Reappraisal // Presidential Studies Quarterly. 1996. Vol. 26, № 4. P. 996–1008.
12. Sohns O. The Future Foretold: Lyndon Baines Johnson's Congressional Support for Israel // Diplomacy & Statecraft. 2017. Vol. 28, № 1. P. 57–84.
13. Bowie R. Eisenhower, Dulles, and the Suez Crisis // Suez 1956. The Crisis and its Consequences / ed. by Wm. Louis and R. Owen. Oxford, 1989. P. 185–202.
14. U.S. Congress. Congressional Record (CR) : Proceedings and Debates of the 84th Congress. 2nd Session. Washington, 1956. Vol. 102, pt. 1. 897 p.
15. The New York Times. 1956. July 17.
16. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 364 с.
17. FRUS. 1955–1957. Washington, 1989. Vol. XV: Arab-Israeli Dispute. January 1 – July 26, 1956. 943 p.
18. FRUS. 1955–1957. Washington, 1990. Vol. XVI: Suez Crisis. July 26 – December 31, 1956. 1423 p.
19. The National Archives of the United Kingdom (TNA). CAB 134/4107. Cabinet conclusions. C.M. (56) 54th Conclusions. July 27, 1956.
20. Kyle K. Britain and the Crisis, 1955–1956 // Suez 1956. The Crisis and its Consequences. P. 115–135.

21. Steinberg A. Sam Rayburn: a Biography. New York : Hawthorn Books, 1975. 391 p.
22. Lyndon Baines Johnson Presidential Library (LBJPL). Oral History Interview (OHI) with George Reedy. Interview #9.
23. Kunz D. Butter and Guns: America's Cold War Economic Diplomacy. New York : Free Press, 1997. 422 p.
24. The New York Times. 1956. Aug. 13.
25. TNA. CAB 134/4107. Egypt Committee. Minutes of a Meeting. E.C. (56) 20th Meeting. August 23, 1956.
26. Lloyd S. Suez 1956: a Personal Account. London : Cape, 1978. 292 p.
27. Eisenhower D.D. The White House Years: Waging Peace, 1956–1961. Garden City, NY : Doubleday, 1965. 741 p.
28. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee. 85th Congress, 1st Session, 1957. Washington, 1979. 840 p. (Historical Series; vol. IX).
29. The President's Proposal on the Middle East. Hearings before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services. United States Senate. Eighty-fifth Congress. First Session. Part I. Washington, 1957. 612 p.
30. The New York Times. 1957. Jan. 2.
31. LBJPL. OHI with George Reedy. Interview #10.
32. Anderson C.W. Congressman Lyndon B. Johnson, Operation Texas, and Jewish Immigration // Southern Jewish History. 2012. Vol. 15. P. 81–118.
33. Alteras I. Eisenhower and Israel. US-Israeli Relations 1953–1960. University Press of Florida, 1993. 387 p.
34. CR. Washington, 1957. Vol. 103, pt. 2. P. 997–1957.
35. New York Herald Tribune. 1957. Feb. 19.
36. LBJPL. OHI with George Reedy. Interview #11.
37. FRUS. 1955–1957. Washington, 1990. 892 p. Vol. XVII: Arab-Israeli Dispute, 1957.
38. Hahn P. Caught in the Middle East: U.S. Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1945–1961. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2004. 398 p.
39. The New York Times. 1957. Feb. 21.
40. Объединенные Нации. Годовой доклад Генерального секретаря о работе Организации с 16 июня 1956 г. по 15 июня 1957 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. XII сессия, дополнение №1/A/3594/. Нью-Йорк, 1957. 167 p.
41. Румянцев В.П. Англо-американские переговоры по вопросам политики на Ближнем и Среднем Востоке (март–апрель 1957 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 100–105.

Vladimir P. Rumyantsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

LYNDON B. JOHNSON AND THE SUEZ CRISIS, 1956–1957

Keywords: Lyndon B. Johnson; the Suez crisis; the United States; Israel.

The purpose of this article is to identify the role of Senator Lyndon B. Johnson in the settlement of the Suez Crisis in 1956-1957. This article is based on materials from the archives of the Johnson's Presidential Library in Austin, Texas and documents from the US Congress. This article attempts to reject the notion about Lyndon Johnson as a person who didn't have a great understanding of the US foreign policy.

The Suez crisis arose as a result of Western pressure on Egypt aimed to change the foreign policy of President Gamal Abdel Nasser, who began to move closer to the Soviet Union. In particular, Egypt didn't get the provision of previously promised financial assistance for the construction of the Aswan High Dam. As a result, President Nasser nationalized the Suez Canal Company to build the Aswan Dam with his own funds.

Dwight Eisenhower's administration involved Lyndon Johnson as the leader of the Senate majority for consultations on the policy in the Middle East in connection with the nationalization of the Suez Canal Company and the attempts of Great Britain and France to return this canal under the international control. Johnson advised using all possible peaceful means and providing moral support to NATO allies who were ready to use force against Egypt only in case if the diplomatic efforts didn't bring results. Johnson argued that the United States needed to keep its allies informed of US intentions. However, this was not done by Eisenhower's government.

Great Britain, France and Israel began military operations against Egypt on October 29, 1956. This operation began in the midst of the election campaign in the USA. This action provoked an angry reaction of the Dwight Eisenhower's government. As a result, a crisis aroused in Anglo-American relations, and Lyndon Johnson had warned about it.

Another crisis aroused in US-Israeli relations. Israel refused to withdraw its troops from Egypt after the failure of the Anglo-French-Israeli aggression. The United States threatened to impose sanctions on Israel. The crisis in US-Israeli relations coincided with the discussion of the "Eisenhower Doctrine" in the US Congress. This doctrine was a new White House initiative to strengthen American influence in the Middle East.

Lyndon Johnson showed his capabilities, at first, by suspending the passage of the "Eisenhower Doctrine" through the Senate. Then, after the issue of sanctions against Israel was removed from the agenda, he promoted the rapid adoption of the Senate. Thus, Johnson proved his ability to resolve controversial situations not only in the field of domestic policy, but also in the international arena.

REFERENCES

1. Dugan, A. & Newport, F. (2013) *Americans Rate JFK as Top Modern President.* [Online] Available from: https://news.gallup.com/poll/165902/americans-rate-jfk-top-modern-president.aspx
2. Kissinger, H. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English. Moscow: Ladomir.
3. Dobrynin, A.F. (1997) *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.*) [Very confidential. Ambassador to Washington under six US presidents (1962–1986)]. Moscow: Avtor.
4. Harrison, S. (1960) Lyndon Johnson's World. *New Republic*. 13th June.
5. Geyelin, P. (1988) *Lyndon Johnson and the World*. New York: F.A. Praeger.
6. Wicker, T. (1968) *JFK and LBJ: The Influence of Personality upon Politics*. New York: Morrow.
7. Dallek, R. (1991) *Lone Star Rising: Lyndon Johnson and His Times, 1908–1960*. New York: Oxford University Press.
8. Caro, R. (2002) *Master of the Senate: The Years of Lyndon Johnson*. New York: Knopf.
9. USA. (1989) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957*. Vol. 14. Washington: United States Government Printing Office.
10. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1978) *Executive Session of the Senate Foreign Relations Committee.* Eighty-fourth Congress, Second Session, 1956. Washington: U.S. Congress.
11. Walker, Jr. P.A. (1996) Lyndon B. Johnson's Senate Foreign Policy Activism: The Suez Canal Crisis, a Reappraisal. *Presidential Studies Quarterly*. 26(4). pp. 996–1008.
12. Sohns, O. (2017) The Future Foretold: Lyndon Baines Johnson's Congressional Support for Israel. *Diplomacy & Statecraft*. 28(1). pp. 57–84.
13. Bowie, R. (1989) Eisenhower, Dulles, and the Suez Crisis. In: Louis, Wm. & Owen, R. (eds) *Suez 1956. The Crisis and its Consequences*. Oxford: Clarendon Press. pp. 185–202.

14. U.S. Congress. (1956) *Congressional Record (CR): Proceedings and Debates of the 84th Congress. 2nd Session*. Vol. 102. Washington: U.S. Congress.
15. *The New York Times*. (1956) 17th July.
16. Pelipas, M.Ya. (2003) *Skovannye odnoy tsep'yu: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Chained together: the United States and Great Britain in the Near and Middle East, 1945–1956]. Tomsk: Tomsk State University.
17. USA. (1956) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957*. Vol. 15. Washington: United States Government Printing Office.
18. USA. (1956) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957*. Vol. 16. Washington: United States Government Printing Office.
19. The National Archives of the United Kingdom (TNA). CAB 134/4107. Cabinet conclusions. C.M. (56) 54th Conclusions. July 27, 1956.
20. Kyle, K. (1989) Britain and the Crisis, 1955–1956. In: Louis, Wm. & Owen, R. (eds) *Suez 1956. The Crisis and its Consequences*. Oxford: Clarendon Press. pp. 115–135.
21. Steinberg, A. (1975) *Sam Rayburn: a Biography*. New York: Hawthorn Books.
22. *Lyndon Baines Johnson Presidential Library (LBJPL)*. Oral History Interview (OHI) with George Reedy. Interview #9.
23. Kunz, D. (1997) *Butter and Guns: America's Cold War Economic Diplomacy*. New York: Free Press.
24. *The New York Times*. (1956) 13th August.
25. The National Archives of the United Kingdom (TNA). CAB 134/4107. Egypt Committee. Minutes of a Meeting. E.C. (56) 20th Meeting. August 23, 1956.
26. Lloyd, S. (1978) *Suez 1956: a Personal Account*. London: Cape.
27. Eisenhower, D.D. (1965) *The White House Years: Waging Peace, 1956–1961*. Garden City, NY: Doubleday.
28. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1979) *Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee*. 85th Congress, 1st Session, 1957. Washington: U.S. Congress.
29. United States Senate. (1957) *The President's Proposal on the Middle East. Hearings before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services*. Eighty-fifth Congress. First Session. Part I. Washington: United States Senate.
30. *The New York Times*. (1957) 2nd January.
31. LBJ Presidential Library. (n.d.) *OHI with George Reedy*. Interview #10.
32. Anderson, C.W. (2012) Congressman Lyndon B. Johnson, Operation Texas, and Jewish Immigration. *Southern Jewish History*. 15. pp. 81–118.
33. Alteras, I. (1993) *Eisenhower and Israel. US-Israeli Relations 1953–1960*. University Press of Florida.
34. U.S. Congress. (1957) *Congressional Record*. Vol. 103(2). Washington: [s.n.]. pp. 997–1957.
35. *New York Herald Tribune*. (1957) 19th February.
36. LBJ Presidential Library. (n.d.) *OHI with George Reedy*. Interview #11.
37. USA. (1990) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957*. Vol. 17. Washington: United States Government Printing Office.
38. Hahn, P. (2004) *Caught in the Middle East: U.S. Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1945–1961*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
39. *The New York Times*. (1957) 21st February.
40. UNO. (1957) *Godovoy doklad General'nogo sekretarya o rabote Organizatsii s 16 iyunya 1956 g. po 15 iyunya 1957 g. General'naya Assambleya. Ofitsial'nye otchety. XII sessiya, dopolnenie №1/A/3594/* [Annual report of the Secretary General on the work of the Organization from June 16, 1956 to June 15, 1957 General Assembly. Official records. 12th session, Supplement No. 1 / A / 3594]. New York: [s.n.].
41. Rumyantsev, V.P. (2010) Anglo-American negotiations on problems of the Middle East policy (March-April 1957). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 100–105. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930
DOI: 10.17223/19988613/71/14

В.С. Груздинская

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В ОСЛО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПЛОЩАДКА СОВЕТСКИХ И ЭМИГРАНТСКИХ УЧЕНЫХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397.

Предпринята попытка исследовать коммуникацию советских и эмигрантских ученых на международном конгрессе исторических наук в Осло в 1928 г. Изучение коммуникативного процесса предполагало установление акторов коммуникации, воссоздание деталей некоторых коммуникативных событий, а также определение факторов, оказавших влияние на изучаемый процесс. В результате исследования сделан вывод о важности форума для институционального развития отечественного историографического процесса, протекавшего в советской и эмигрантской научной среде.

Ключевые слова: Международный конгресс исторических наук; Международный комитет исторических наук; отечественная историческая наука; научная коммуникация; эмигрантоведение.

Коммуникация внутри ученого сообщества представляет собой естественный и необходимый атрибут научной жизни. Последовавший после революции и Гражданской войны «разрыв» отечественной исторической науки на советскую и эмигрантскую затруднил этот процесс, но не исключил его вовсе. Одной из коммуникативных площадок для отечественных историков в 1920–1930-х гг. стали международные конгрессы исторических наук. Речь идет о международных конгрессах исторических наук, которые организовывались в 1923 г. в Брюсселе, в 1928 г. – в Осло, в 1933 г. – в Варшаве, 1938 г. – в Цюрихе.

В литературе уже поднималась проблема участия советских историков в данных научных мероприятиях, однако исследовательский интерес концентрировался главным образом либо на фиксации факта присутствия отечественных историков на форумах [1, 2], либо на иллюстрации тезисов в изучении организации заграничных командировок в СССР [1–4], либо в качестве контекста в биографических нарративах, посвященных отечественным историкам [5–7]. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка изучения коммуникации между советскими и эмигрантскими историками на международном историческом конгрессе в г. Осло в 1928 г.

Интерес к норвежскому конгрессу как коммуникативной площадке обусловлен следующими соображениями. Впервые участвовать в такого рода мероприятии была приглашена делегация советских историков, а не отдельные представители, как это было на предыдущем V конгрессе в Брюсселе (1923), на котором от имени Российской Академии науки выступили Е.В. Тарле, В.В. Бартольд и Н.П. Оттокар. На форуме 1928 г. советская историческая наука была представлена и «марксистскими», и «буржуазными» историками. Также в мероприятии приняли участие эмигрантские ученые, входившие, правда, в состав различных национальных делегаций. Кроме того, форум объединил широкий круг ученых, работающих в разных проблемных полях, что значительно расширяло масштаб коммуникативного взаимодействия (например, античник М.И. Ростовцев и русист М.Н. Покровский могли встретиться только в рамках такого крупного общеисторического мероприятия). И последнее – конгресс отражал состояние мировой исторической науки.

Значимым источником, позволившим воссоздать организационный аспект конгресса, стала сохранившаяся в личном фонде М.Н. Покровского программа мероприятия, содержащая информацию об организационном комитете, составе и численности делегаций, выступлениях на пленарных и секционных заседаниях, «неформальных» встречах [8]. Восстановить царившую на научном форуме атмосферу и взаимодействие отечественных историков частично позволяют опубликованные в советских и эмигрантских изданиях статьи [9–11], дополненные некоторыми делопроизводственными материалами советских учреждений и источниками личного происхождения.

В норвежской столице с 14 по 20 августа 1928 г. прошел организованный международным комитетом исторических наук (далее – МКИН) очередной исторический конгресс. Согласно программе мероприятия численность участников составляла 1 059 человек [8. Л. 87–102]. В своей статье М.Н. Покровский, видимо, округляя, называет цифру 1 100 человек [9. С. 232]. Довольно распространенной была практика посещения конгресса совместно с женами и детьми (из 1 059 участников их насчитывалось 149), для которых организо-

вывались «развлекательные» мероприятия [8. Л. 87–102]. Например, туристическое агентство за дополнительную плату проводило «экскурсии для дам» в пригороде Осло (Стаббек, Фрогнессетерен), а Женский Комитет (Ladies Committee) «угощал дам чаем» в норвежской академии наук [Там же. Л. 35]. Интересно, как оценивают эту особенность форума советские историки. М.Н. Покровский отмечал: «Между прочим, наша крупная ошибка в том, что в нашей делегации не было ни одной женщины… Мы хвастаем, что женщина стоит у нас так высоко, но не привезли ни одной» [9. С. 236.]. Под другим углом оценивает участие членов семей докладчиков И.И. Минц. Он склонен видеть в этом невинном факте политическую подоплеку, особенно применительно к польской и французской делегациям, представительство которых вместе составило 30% от общей численности [10. С. 90].

Заданный И.И. Минцем ракурс изучения конгресса, предполагающий выявление соотношения численности делегаций и количества представленных докладов, требует, на наш взгляд, более детального внимания, поскольку данный аспект не только оказывал влияние на характер коммуникации отечественных историков, но и отражал оценочные характеристики. Так, на форуме было представлено 366 докладов учеными из 40 стран. Советский историк не столько акцентирует внимание читателя на численном преобладании французской и польской делегаций, сколько представляет их поддерживающими одни и те же решения и выступающими против немцев единым целым. Правда, автор игнорирует факт многочисленности немецких историков и количество их докладов, в отличие, скажем, от эмигранта А. Кулишера, который заявляет, что на конгрессе «“верховодили” две страны – Франция и Германия» [11]. В сущности, на немецкую делегацию пришлось 12% участников (126 чел.) и 12% докладов (45 чел.), на французскую – 14% (144 чел.) и 28% (101 чел.), на польскую – 5% (54 чел.) и 13% (47 чел.) соответственно [8. Л. 87–102].

Очевидно, что авторы эксплицируют расклад сил на внешнеполитической арене на складывающееся новое коммуникативное поле мировой науки. Ссылаясь на А.Н. Дмитриева, отмечу, что в исследуемый период разрыв международных научных контактов произошел по линии «страны Антанты – страны “парии Версаля”» [12. С. 38]. Первые во главе с Францией в 1919 г. создают Международный академический союз и Международный совет исследователей (далее – МСИ), к работе в которых не допускались страны бывшего Тройственного союза (Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, Турция). Последние предпринимают, к слову, не совсем успешные попытки сохранить существовавшую до войны Международную ассоциацию академий. В обозначенном контексте представляется весьма любопытной реакция оставшихся в Советской России академиков на выступление в 1919 г. М.И. Ростовцева на конференции МСИ, который к тому же выступал от имени Российской Академии наук. Так, в письме востоковеда, члена Академии наук СССР Ф.И. Щербатского из Берлина от 17 мая 1921 г. С.Ф. Ольденбургу читаем: «Николай Яковлевич [Марр] расскажет Вам о многом, а чем приходится считаться при нынешних обстоятельствах, и прежде всего о злостной агитации М.И. Ростовцева <…>. Он (Ростовцев. – *В.Г.*) пишет мне, что участвовал на собраниях Union des Academies (Международный академический союз. – *В.Г.*) и делал там какие-то заявления, которые в его толковании сводятся к тому, что Академия наша считается виртуально членом союза, но со стороны я слышал, что понятно было наоборот, что Академия наша должна быть исключена из Союза <…>. Немецкие академики образовали свой союз, который недавно заседал в Вене и постановил считать членом этого союза каждую академию, которая сама пришлет заявление о желании к ней примкнуть. Для меня лично нет вопроса о том, к какой группе мы должны будем примкнуть, если нельзя будет оставаться в обеих, и особенно если окажется, что благодаря происками Михаила Ивановича нас из французской группы исключили. По-видимому, французы совсем не способны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходит до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути» [5. С. 93–94].

В рамках настоящего исследования приведенный фрагмент письма важен по нескольким причинам: во-первых, в нем фиксируется сложившаяся в мировой науке расстановка сил («антинемецкая и полонофильская политика»), во-вторых, он иллюстрирует расхождение интересов стремящейся в непростых внутренних и внешних условиях Академии наук СССР сохранить свой международный авторитет и эмигрировавших ученых (а не только М.И. Ростовцева!), видевших в международных форумах возможность заявить о своем неприятии Советской России. Правда, было бы серьезным упрощением так ограничивать значение форумов для эмигрантской академической среды, для которой международные научные мероприятия ко всему прочему являлись как площадками научной коммуникации с оставшимися на родине коллегами, так и способом, пусть и опосредованным, участия в покинутых ими академических институциях.

На норвежском конгрессе участие историков-эмигрантов было ограниченным. Последнее выражалось в отсутствии единого представительства и, как следствие, «растворении» их в национальных делегациях, немногочисленности (всего 7 человек). В программе участников мероприятия числились М.И. Ростовцев (США), Ф.Ф. Зелинский (Польша), А.К. Елачич (Югославия), Е.М. Кулишер (Германия), П.Н. Савицкий (Чехословакия), А.М. Кулишер и П.П. Гронский (Франция) [8. Л. 87–102]. Их также лишили права выступать с докладами на секциях. Исключение составили А.М. Кулишер и Е.М. Кулишер, выступившие на специальной секции направления «Население» с докладами «Войны и миграции» и «Направления народных движений» соответственно [Там же]. Интересно, как данное обстоятельство преподносится в советской печати. В частности, И.И. Минц обращает внимание на то, что «такие страны, как Чехословакия, где расположено большое гнездо белой профессуры, не дали ни одного места эмигрантам, а о Германии и говорить не

приходится» [10. С. 91]. Замечу, что от Германии в программе конгресса был заявлен Е.М. Кулишер, а от Чехословакии – П.Н. Савицкий [8. Л. 87–102]. Сами же эмигранты свое представительство оценивали следующим образом: «…русская наука, несмотря на свое тяжкое положение, смогла сыграть довольно заметную роль на съезде. Одно присутствие М.И. Ростовцева в качестве главы американской делегации и председателя секции древней истории напоминало о месте, завоеванном русскими учеными в мировой науке. И на докладах по славянской истории председательское место занимал русский эмигрант, проф. Елачич, приехавший в составе югославской делегации» [11]. Таким образом, нетрудно заметить, что сами эмигранты идентифицируют себя как представители русской науки.

Собственно, в рамках дихотомии «русская наука / советская наука» и следует оценивать их коммуникацию с учеными из Советской России в Осло. Пожалуй, громче всех на конгрессе об этом заявил М.И. Ростовцев в интервью норвежскому изданию Aftenpost 15 августа 1928 г. [13. С. 642]. В связи с недоступностью аутентичного источника представляется возможным только анализ восприятия этого интервью и оценки его последствий советскими и эмигрантскими авторами. А. Кулишер выделяет в качестве опорного тезиса то, что делегация из СССР «представляет не русскую науку, – в ней нет ни одного имени подлинных крупных историков, живущих в России, – а только коммунистическую подделку под науку» [11].

В советских же изданиях в этом интервью видели исключительно негативно каннотированную реакцию эмигранта на успехи советской науки в целом и на избрание М.Н. Покровского в президиум форума в частности [9. С. 233–234; 10. С. 91–92]. Из источников следует, что Ростовцев своим протестом не только не настроил мировую научную общественность против советской делегации, но, напротив, оказал ей «большую услугу». Во-первых, обладая значительным символическим капиталом и авторитетом в мировом научном сообществе, Михаил Иванович своим выступлением обратил внимание на «поголовно молчащих» советских историков [9. С. 234]. Во-вторых, на следующий день организаторы поспешили «сгладить углы» и не допустить развития скандала. Так, председатель конгресса Г. Кут на страницах того же издания заявил, что это личная точка зрения интервьюера. В-третьих, беспартийные советские делегаты в специальном интервью Aftenpost опровергли тезис Ростовцева о том, что «в России нет свободного исследования», а только подгонка исторических фактов под марксизм. Эмигрант А. Кулишер реакцию советских ученых на «акцию» Ростовцева охарактеризовал емкой фразой: «делегация прочла это интервью, посердилась и… скушала» [11]. Автор полагает, что благодаря этому интервью М.Н. Покровский и получил возможность прочитать доклад «Происхождение русского самодержавия с точки зрения исторического материализма» на закрытии конгресса. Более того, по мнению А. Кулишера, в докладе речь шла о «материализме, состоящем из марксистских переводов исследований Милюкова и других “буржуазных историков”» [Там же]. При этом автор игнорирует то очевидное обстоятельство, что право выступать на открытии / закрытии международного форума является признанием научного авторитета ученого. И как нельзя лучше источником подтверждается этот тезис: имя М.Н. Покровского оказалось в одном ряду с А. Пиренном, Г. Кутом, А. Допшем, А. Киддером и др. [8. Л. 113]. Замечу, что в определенных кругах мирового исторического сообщества Михаил Николаевич был достаточно известен, его работы стали переводиться на европейские языки еще в дореволюционный период [14].

Протест Ростовцева, представляется, был спровоцирован в том числе и событиями, развернувшимися внутри Академии наук СССР (далее – АН СССР), членом-корреспондентом которой, несмотря на эмиграцию, он официально все еще оставался. В АН СССР назревали серьезные перемены, вовсю шла подготовка к назначенным на осень 1928 г. выборам. На этапе составления списка членов возникла проблема относительно дальнейшей «академической» судьбы эмигрантов. Отдел научных учреждений при СНК СССР, курировавший работу Академии наук, в деловой переписке настойчиво рекомендовал учреждению определить свое отношение по этому вопросу [15. Л. 4]. В июне АН СССР определилась со следующей формулировкой: эмигрировавшие члены «более в ее списках не числятся» [Там же. Л. 5]. Безусловно, знать детали переписки М.И. Ростовцев не мог, но тема выборов в академические структуры (в том числе парадокс, связанный с неисключением из нее членов-эмигрантов!) достаточно широко освещалась в эмигрантских изданиях, например в «Последних новостях», «Возрождении», и в советских – «Известиях». Правда, М.И. Ростовцев старался быть в курсе событий, происходивших в советской науке, поддерживал связи с оставшимися в России коллегами. Так, из писем М.И. Максимовой (ученица М.И. Ростовцева, сотрудница ГАИМК. – *В.Г.*) к Михаилу Ивановичу накануне форума известно, что интерес историка относительно состава советской делегации в Осло был удовлетворен фразой: «Не знаю точно, кто из представителей советской науки будет в Осло, но, судя по бывшим при мне в Петербурге разговорам, в сферах была тенденция отправить туда марксистскую молодежь» [16. С. 28].

Вопреки «слухам» в состав советской делегации наряду с историками-марксистами (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.М. Лукин и др.) вошли историки «старой школы» (Е.А. Косминский, Е.В. Тарле, В.И. Пичета, С.Я. Лурье и др.), что стало ответом на обвинения эмигрантских историков в прерванности академических традиций, ущемлении историков-немарксистов. Замечу, что не все заявленные ученые из СССР прибыли на конгресс. Так, из 17 приглашенных советских историков принять участие в мероприятии смогли только 11, выступили с докладами – 10. До норвежской столицы по разным причинам не добрались некоторые представители «старой школы» (Е.В. Тарле, А.Е. Пресняков, С.Я. Лурье, Н.В. Кюнер), украинские историки (М.С. Грушевский, А.С. Федоровский). Е.В. Тарле, например, не смог приехать из-за

болезни, этим обстоятельством не преминул воспользоваться М.Н. Покровский, отметив, что «никто, ни одна живая душа» не поинтересовалась о причине отсутствия Евгения Владимировича [9. С. 236]. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что накануне конгресса, как следует из письма М.Н. Покровского Г. Куту (председателю организационного комитета конгресса в Осло), между Академией наук и учреждениями марксистской науки возник спор, кому «поручено организовать русскую делегацию на конгресс» [17. Л. 1]. Так, по словам адресанта, профессор Тарле рассылает в научные организации СССР письма, в которых говорится, что ему и С.Ф. Ольденбургу МКИН поручило это дело. Однако Покровский не сдается и говорит: «…Вы пишете проф. Ольденбургу так же, как Вы написали мне – а в письме ко мне не было никакого поручения на счет приглашения, наши научные учреждения вправе послать своих делегатов в пределах материальной к тому возможности» [Там же]. А материальные возможности у учреждений советской науки действительно различались.

В частности, в 1920-е гг. финансирование АН СССР оставляло желать лучшего (особенно при на фоне Коммунистической академии), поэтому возможности командировок, даже внутренних, не говоря уже о заграничных, были ограниченными [18. С. 146]. Кроме того, конгресс в Осло предполагал членский взнос в размере 5,5 долл. с каждого участника форума [19. Л. 55]. Из делопроизводственной документации Академии наук СССР следует, что в Норвегию планировалось отправить Е.В. Тарле и С.Ф. Ольденбурга, и на эти нужды решено запросить у Главнауки «не менее 100 руб.» [20. С. 93]. Что произошло во время подготовки к конгрессу? Почему С.Ф. Ольденбург не вошел в состав делегации? Действительно ли Е.В. Тарле не поехал из-за болезни? Ответы на эти вопросы требуют отдельного исследования, но уверенно можно констатировать, что представители академии на конгресс не попали.

На норвежском форуме советские историки представили 10 докладов на 6 из 13 возможных секций. В программе конгресса были заявлены следующие секционные выступления советских ученых:

1) на секции вспомогательных дисциплин и архивоведения (Адоратский В.В. «Центрархив РСФСР»);

2) на секции доисторического периода и археологии (Федоровский А.С. «Каменный и бронзовый век на Украине: по новым материалам»);

3) на секциях древней истории Востока и античной истории (Лурье С.Я. «Были ли писистратиды предками аттической буржуазии?»);

4) на секции Средних веков (Федоровский А.С. «Памятники времен переселения народов на Украине»);

5) на секции новой и новейшей истории Европы (Дубровский С.М. «Крестьянское движение в России в XX веке»);

6) на секции истории религии и церкви (Преображенский П.Ф. «Реалистические черты в ранних религиозных верованиях»);

7) на секции экономической и социальной истории (Косминский Е.А. «Английская деревня в XIII веке»; Яворский М.И. «Влияние Западной Европы на формирование социалистического движения на Украине во второй и третьей четверти XIX века»; Он же «Lex Josephoviciana»; Волгин В.В. «Социализм и эгалитаризм в истории социальных теорий»; Тарле Е.В. «Рабочий класс во Французской Революции 1848 г.»);

8) на секции истории науки и литературы (Юринец В.А. «Основные направления современной украинской литературы») [8. Л. 87–102].

Несмотря на отсутствие в программе Б.Л. Богаевского, ученый в первый день работы конгресса (14 августа 1928 г.) на секции истории античности прочитал доклад «Боги гончарного искусства минойского Крита», правда, не без эксцесса. Как следует из статьи И.И. Минца, председатель секции М.И. Ростовцев, «явно стремясь перейти к новому докладу без прений <…>, поблагодарил докладчика и пригласил второго. В этот момент, протестуя, поднялся проф. Корнеман (немецкий историк-античник, проф. Университета в Бреслау. – *В.Г.*), заявив, что он много лет думает над проблемой, затронутой Богаевским, и только сейчас убедился в том, что она разрешена» (благодаря марксистскому методу!) [10. С. 94–95]. Этот же случай на заседании Общества историков-марксистов 4 октября 1928 г. вспоминает Н.М. Лукин, акцентируя внимание слушателей на успехе «марксистскообразного» доклада советского ученого [21. Л. 11].

В письме Ростовцева А.А. Васильеву от 10 декабря 1928 г. читаем: «Богаевский… на съезде в Осло подошел ко мне и сказал: “Вы меня презираете, Михаил Иванович?” Я ему ответил: “Не будем употреблять громких слов. Удивляюсь, как вы говорите такие марксистские глупости в ваших докладах”. А на это он: “Верьте, Михаил Иванович, что мы все вас любим по-прежнему”, – и, кажется, прибавил: “Навеки”. Хорош?» [5. С. 101]. Вероятно, диалог произошел после описанного выше инцидента, из которого можно заключить, что плодотворной научной коммуникации между учеными не произошло по причине не только глубоких методологических разногласий.

Другим примером неудачной коммуникации следует считать прения по докладу С.М. Дубровского «Крестьянское движение в России в XX веке» на секции новой и новейшей истории, когда А.К. Елачич и В.В. Савицкий подчеркнули, «что для чтения подобного доклада на немецком языке необходимо знать, во-первых, историю России, во-вторых, аграрный вопрос, в-третьих, немецкий язык, а докладчик не удовлетворил ни одному из этих трех требований» [11]. Н.М. Лукин, напротив, считает, что доклад удался, так как «очень заинтересовал публику» [21. Л. 7].

На недостаточный уровень владения иностранными языками советских ученых указывает и М.Н. Покровский. Любопытно, как в этой связи он оценивает значение численности делегаций, которая, по его мнению, с одной стороны, является «залогом» успеха выступления у аудитории: «что касается 100 французов, то они могли устроить овацию любому докладчику, потому что если 100 человек будут дружно хлопать, то картина получится выразительная» [9. С. 232], а с другой – подспудно легитимизирует возможность пред-

ставлять доклады на родном языке, чем, собственно, и воспользовались итальянские историки, превратив свое выступление в «остров, вокруг которого бушевало море, потому что никто их не понимал» [9. С. 237]. Последнее стало возможным, поскольку конгресс не предусматривал использование единого «рабочего» языка, что отразилось также и в программе, которая была составлена с использованием одновременно французского, итальянского, немецкого, норвежского и английского языков [8. Л. 87–102].

Конгресс предполагал также и расширенную культурную программу, создав таким образом площадки для неформальной коммуникации участников, – представления норвежской народной культуры, банкеты и др. Подтверждением их важности может служить случай, описанный А. Кулишером: «…в педагогической секции по поводу вопроса о преподавании новейшей истории в школе германские педагоги возражали против обвинений в адрес немецких учебников в милитаристском и националистическом направлении. Со ступеньки на ступеньку дискуссия дошла до вопроса о том, что следует понимать под извращением исторических фактов <…>. Но председатель заметил, что время позднее и пора на прием, где будут угощение и будут демонстрироваться норвежские танцы, представляющие интерес» [11].

На коммуникативный процесс оказывает влияние множество факторов, среди них особое место занимает коммуникативная площадка, которая, с одной стороны, институционализирует взаимодействие акторов (формирует секции, определяет порядок выступлений с докладами и их обсуждение, организует пространство для «кулуарных бесед» и т.п.), а с другой стороны, под влиянием этого взаимодействия, приобретая эмоционально-содержательное наполнение, меняется. Иллюстрацией последней мысли может служить выступление М.И. Ростовцева на завершающем конгресс банкете, в котором он обошел стороной и скандал в Aftenpost и историков из СССР, понимая, что эта тема неактуальна для мирового научного сообщества.

По-разному в советских и эмигрантских изданиях оценивается значение конгресса. Если А. Кулишер обращает внимание читателя в первую очередь на рефлексию ученых о проблемах исторического знания, то советские авторы, напротив, отказывают форуму в научности, аргументируя это тем, что за пять дней работы форума невозможно серьезно подойти ко всем заявленным в программе 360 докладам. Причина разночтений в оценках, полагаю, связана, с одной стороны, с принципиально отличающейся смысловой нагрузкой «научности», а с другой – с разным опытом участия в подобного рода мероприятиях, которого в эмигрантских историков было больше.

Подводя итог сказанному, отмечу, что на процесс коммуникации советских и эмигрантских историков оказали влияние такие факторы, как методологические и политические установки акторов, их эмоциональная готовность коммуницировать тем или иным образом. Следует учитывать и переформатирование коммуникативного поля как мировой науки в связи с изменением внешнеполитических факторов, так и советского коммуникативного пространства – нарастающее вмешательство государства в науку, события в Академии наук СССР. Наконец, сама организация конгресса и сложившиеся академические нормы коммуницирования, безусловно, способствовали диалогу. Несмотря на то, что взаимодействие советских и эмигрантских историков сложно назвать продуктивным в научном плане, тем не менее его анализ необходим для исследования институционального аспекта отечественного историографического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М. : Наука, 1978. 290 с.
2. Мохначева М.П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М. : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1996. С. 78–123.
3. Гришина Н.В. Заграничные командировки советских ученых в 1920-е – начале 1930-х годов: к вопросу о политической благонадежности и научных целях советских ученых // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы : материалы IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 706–716.
4. Гришина Н.В. «…Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 28–36.
5. Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М. : Полит. энцикл.,1997. С. 84–123.
6. Шумейко М.Ф. Зарубежные научные контакты академика В.И. Пичеты // Русское научное наследие за рубежом. Брянск : Брянск. гос. ун-т, 2013. С. 95–119.
7. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский и международные связи советских историков в 1920-е гг. // X Плехановские чтения. Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций : материалы к конф. Санкт-Петербург, Дом Плеханова, 30 мая – 1 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 58–62.
8. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1579. Оп. 2. Д. 32.
9. Покровский М.Н. О поездке в Осло // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30. С. 231–237.
10. Минц И.И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и на 6-м международном конгрессе историков в Осло // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 84–96.
11. Кулишер А. Конгресс историков // Последние новости. 1928. № 2724. С. 2.
12. Дмитриев А.Н. От академического интернационализма – к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб. : Нестор-История, 2007. С. 32–55.
13. Летопись Российской Академии наук : в 4 т. СПб. : Наука, 2007. Т. IV: 1901–1934. 1052 с.
14. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский и зарубежная историография // Чернобаев А.А. «Грядущее на все изменит взгляд» : статьи, выступления, публикации. 2005–2010. М. : Собрание, 2010. С. 50–60.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8429. Оп. 1. Д. 122.
16. Тункина И.В. Максимова М.И.: парижские письма М.И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки Института истории материальной культуры. СПб., 2016. Т. 14. С. 24–33.
17. АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 57.

18. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего… : Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб. : Нестор-История, 2012. 378 с.
19. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 118.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФАРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1224.
21. АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 299.

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru

INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORICAL SCIENCES IN OSLO AS A COMMUNICATIVE PLATFORM FOR SOVIET AND EMIGRANT SCIENTISTS

Keywords: International congress of historical sciences; international committee of historical sciences; national historical science; scientific communication; emigrant studies.

The VI International Congress of Historical Sciences was opened in the Norwegian capital in August 1928. Soviet and emigrant scientists took part in the work of it. The forum in Oslo was the first experience of direct communication between the representatives of the national historical science school who found themselves on different sides of the state border. Researchers have touched this topic either as fixation of the fact of the participation of Russian historians in forums, or in biographical narratives as the context of the activity of a specific representative of the historical community, or as an illustration in the works devoted to studying the procedure for organizing overseas business trips to the USSR. Purpose of the present paper is to analyze the scientific communication of soviet and emigrant scholarly historians at the Congress in Oslo. As sources in this study, a congress program was used the programme of that forum incliding information on the organizing committee, the composition and number of delegations, reports at plenary and sectional meetings, "informal" events; articles in soviet and émigré publications dedicated to the forum; documentary of soviet scientific institutions; documents of personal origin of the participants of the event. The author of the article established the communication actors of this forum. They are soviet delegation that was represented both "Marxist" (M.N. Pokrovsky, M.N. Lukin, V.V. Adoratsky, S.M. Dubrovsky, etc.), and "bourgeois" historians (E.A. Kosminsky, V.I. Picheta). Emigrants were "dissolved" in US delegations (M.I. Rostovtsev), Poland (F.F. Zelinsky), Yugoslavia (A.K. Elachich), Germany (E.M. Kulisher), Czechoslovakia (P.N. Savitsky) and France (A.M. Kulisher, P.P. Gronsky). Furthermore the author detailed such communicative events as the "protest" of M.I. Rostovtsev in the Norwegian edition "Aftenpost", as well as its evaluation by soviet and emigrant scientists, a debate on the reports of soviet scientists, etc. The factors that influenced the communication process were installed. There are the methodological and political attitudes of actors, their emotional willingness to communicate; reformatting the communicative field as a world science, in connection with a change in foreign policy factors; events in the Academy of Sciences of the USSR; organization of the congress and established academic standards of communication. Despite the fact that in scientific terms the interaction of soviet and emigrant scientists was unproductive, the less the results of this study are important for further study of the institutional aspect of the Russian historiographic process in the 1920s–1930s.

REFERENCES

1. Dudzinskaya, E.A. (1978) *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi sovetskikh istorikov* [International academic relations of Soviet historians]. Moscow: Nauka.
2. Mokhnacheva, M.P. (1996) Sovetskaya istoricheskaya nauka na mezhdunarodnykh nauchnykh forumakh: istoki nesostoyavshegosya dialoga [Soviet historical science at international scientific forums: the origins of a failed dialogue]. In: Afanasyev, Yu.N. (ed.) *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 78–123.
3. Grishina, N.V. (2017) Zagranichnye komandirovki sovetskikh uchenykh v 1920-e – nachale 1930-kh godov: k voprosu o politicheskoy blagonadezhnosti i nauchnykh tselyakh sovetskikh uchenykh [Foreign business trips of Soviet scientists in the 1920s – early 1930s: on the issue of political reliability and scientific purposes of Soviet scientists]. *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-e gody* [Culture and Power in the USSR. The 1920–1950s]. Proc. of the Ninth International Conference. St. Peterburg, October 24–26, 2016. Moscow. pp. 706–716.
4. Grishina, N.V. (2018) The opportunity of traveling and breathing the air of Western Europe: the relationships between the academic community and the authorities in respect of international trips during the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 28–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/51/4
5. Tunkina, I.V. (1997) M.I. Rostovtsev i Rossiyskaya Akademiya nauk [M.I. Rostovtsev and the Russian Academy of Sciences]. In: Bongrad-Levin, G.M. (ed.) *Skifskiy roman* [Scythian Novel]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 84–123.
6. Shumeyko, M.F. (2013) Zarubezhnye nauchnye kontakty akademika V.I. Pichety [Foreign scientific contacts of Academician V.I. Picheta]. In: *Russkoe nauchnoe nasledie za rubezhom* [Russian Scientific Heritage Abroad]. Bryansk: Bryansk State University. pp. 95–119.
7. Chernobaev, A.A. (2012) M.N. Pokrovskiy i mezhdunarodnye svyazi sovetskikh istorikov v 1920-e gg. [M.N. Pokrovsky and international relations of Soviet historians in the 1920s]. *X Plekhanovskie chteniya. Rossiya: sredotochie narodov i perekrestok tsivilizatsiy* [The Tenth Plekhanov Readings. Russia: the focus of peoples and the crossroads of civilizations]. Proc. of the Conference. St. Peterburg, May 30 – June 1, 2012. pp. 58–62.
8. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1579. List 2. File 32.
9. Pokrovskiy, M.N. (1928) O poezdke v Oslo [About a trip to Oslo]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. 30. pp. 231–237.
10. Mints, I.I. (1928) Marksisty na istoricheskoy nedele v Berline i na 6-m mezhdunarodnom kongresse istorikov v Oslo [Marxists at the Historical Week in Berlin and at the 6th International Congress of Historians in Oslo]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 84–96.
11. Kulisher, A. (1928) Kongress istorikov [The Congress of Historians]. *Poslednie novosti*. 2724. pp. 2.
12. Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma – k sisteme natsional'no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinskiy, E.I., Bayrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–55.
13. Smagina, G.I. & Koltsov, A.V. (2007) *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Annals of the Russian Academy of Sciences: in 4 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.
14. Chernobaev, A.A. (2010) M.N. Pokrovskiy i zarubezhnaya istoriografiya [M.N. Pokrovsky and foreign historiography]. In: Chernobaev, A.A. *"Gryadushchee na vse izmenit vzglyad": stat'i, vystupleniya, publikatsii. 2005–2010* ["The future will change the view on everything": articles, speeches, publications. 2005–2010]. Moscow: Sobranie. pp. 50–60.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8429. List 1. File 122.
16. Tunkina, I.V. (2016) Maksimova M.I.: parizhskie pis'ma M.I. Rostovtsevu (avgust 1928 g.) [Maksimova M.I.: Parisian letters to M.I. Rostovtsev (August 1928)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*. 14. pp. 24–33.
17. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1759. List 4. File 57.

18. Sobolev, V.S. (2012) *Nesti svyashchennoe bremya proshedshego… : Rossiyskaya akademiya nauk. Natsional'noe kul'turnoe i nauchnoe nasledie. 1880–1930 gg*. [To bear the sacred burden of the past ...: Russian Academy of Sciences. National cultural and scientific heritage. 1880–1930]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8429. List 1. File 118.
20. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 133. List 1. File 1224.
21. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 350. List 1. File 299.

УДК 63.3(0)
DOI: 10.17223/19988613/71/15

Ж.А. Ермекбай

ПРОФЕССОР Я.Д. СЕРОВАЙСКИЙ: УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Раскрывается научное наследие историка-медиевиста, исследователя аграрной истории средневековой Франции профессора Я.Д. Серовайского. Научные изыскания ученого обогатили историографию всеобщей истории, а именно раннесредневекового и развитого периодов феодализма Западной Европы, которые остаются актуальными в отечественной и мировой медиевистике.

Ключевые слова: профессор Я.Д. Серовайский; А.И. Неусыхин; средневековая Западная Европа; Московский институт истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского; Институт всеобщей истории АН СССР; историк-медиевист.

Яков Давидович Серовайский (1912–1997) известен в научном и университетском сообществе как историк-медиевист, природовед, педагог, первый доктор исторических наук в Казахстане по специальности «всеобщая история». Его публикации, посвященные истории аграрных отношений раннего и развитого феодализма Франции, остаются востребованными в отечественной и мировой медиевистике. Как педагог высшей школы он более 45 лет работал на кафедре всеобщей истории Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне – Казахский национальный университет им. аль-Фараби).

Из автобиографии Я.Д. Серовайского известно, что он родился в 1912 г. в г. Велиже Витебской губернии Российской империи (ныне Смоленская область РСФСР). Обучался в Велиже в школе первой ступени, затем семья перебралась в Крым, где после окончания средней школы в 1927–1931 гг. он учился в сельскохозяйственном техникуме в г. Керчь. В 1931–1935 гг. работал в качестве участкового агронома в Крыму, а в 1935 г. был призван на военную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. После демобилизации в 1937 г. поступил в Московский институт истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ, или ИФЛИ), который окончил в 1941 г. С началом Великой Отечественной войны Я.Д. Серовайский – в рядах Красной Армии, как фронтовик прошел всю войну, имеет правительственные награды.

О Я.Д. Серовайском немало написано учеными, соратниками, коллегами и учениками. Ему как ученому, внесшему значительный вклад в медиевистику, посвятили строки в своих статьях и монографиях такие корифеи исторической науки, как О.Л. Вайнштейн, А.И. Неусыхин, Е.В. Гутнова, А.А. Сванидзе, Н.Э. Масанов, Б.Б. Ирмуханов и др. [1–6]. Ветерану войны и труда, ученому и педагогу Якову Давидовичу посвящены статьи и книги его ученика Ю.А. Каняшина, дочери Ю.Я Серовайской, сына С.Я. Серовайского и внучки Д.Е. Серовайской [7–11].

Научные издания советского и постсоветского времени, такие как сборник «Средние века» [12, 13] и Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени [14], периодически публиковали на своих страницах списки научных трудов профессора Серовайского. О выдающемся ученом и педагоге отмечено в издании Казахского национального университета им. аль-Фараби [15], а также в «Библиографии обществоведов Казахстана» [16] и «Энциклопедии Казахской ССР» [17].

Что касается послевоенной трудовой деятельности Я.Д. Серовайского, то после демобилизации он поступил в аспирантуру на кафедру истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Научным руководителем стал его наставник по Московскому институту истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук, профессор А.И. Неусыхин. После окончания аспирантуры, в 1950 г., Яков Давидович успешно защищает в диссертационном совете исторического факультета МГУ кандидатскую диссертацию на тему: «Структура землевладения юго-восточных районов Франции в IX–XII вв.». По словам Ю.Я Серовайской, «основательная, объемная диссертация Серовайского с россыпью оригинальных идей оказала заметное влияние на последующие изыскания других исследователей в области аграрной истории западноевропейского Средневековья» [10. С. 44].

После защиты диссертации, по распоряжению Министерства высшего образования СССР, он с супругой Л.С. Фришман, выпускницей Московского университета, кандидатом исторических наук, востоковедом, был направлен в Казахстан, где в стенах первого университета республики прошел путь от кандидата исторических наук, старшего преподавателя до доктора исторических наук, профессора. За долгие годы работы на историческом факультете Казахского государственного университета Я.Д. Серовайский показал себя преподавателем, основательно знающим свой предмет, в ходе учебного процесса руководил библиотечной практикой и научным методологическим семинаром для аспирантов и молодых преподавателей, вел студенческий кружок «Medium Aevum» по истории средневековой Западной Европы, а в осенний период выезжал со студентами на сбор урожая хлопка.

Его перу принадлежит более 150 научных публикаций, в том числе 20 статей в «Большой Советской

Энциклопедии» и «Советской Исторической Энциклопедии» [10. С. 68–71] и 25 статей в академическом сборнике «Средние века» [Там же. С. 66–80]. За годы работы в университете благодаря своим уникальным научным публикациям профессор Серовайский стал ученым-медиевистом, известным далеко за пределами Казахстана и СССР. Я.Д. Серовайского как знатока аграрной истории средневековой Западной Европы, а именно Франкского государства Меровингов и Каролингов периодов раннего и развитого феодализма, включили в группу ученых, исследующих историю Франции, при Институте всеобщей истории (ИВИ) Академии наук СССР, что было признанием его как одного из ведущих историков-медиевистов в Советском Союзе.

Я.Д. Серовайский участвовал в ряде научных мероприятий. В частности, можно отметить его выступления на XIII Международном конгрессе исторических наук, проходившем в Москве в 1970 г., научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ в 1974 г., Чтениях памяти академика Е.А. Косминского в ИВИ АН СССР в 1976 г., Первой Всероссийской научной конференции, посвященной проблемам взаимодействия общества и природы в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1978 г., Втором двухстороннем коллоквиуме «Эволюция феодальной ренты и характер крестьянских движений в Европе в XIV–XV вв.» историков-медиевистов СССР и ГДР в Москве в 1981 г. Профессор Серовайский выступил на Первой Всесоюзной конференции медиевистов «Проблемы социальной истории Западной Европы в Средние века. Классовая и сословная структура» в МГУ в 1982 г., участвовал в чтениях, посвященных памяти академиков С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина «Общество, государство и право России и других стран Европы» в ИВИ АН СССР в 1983 г., где представил доклад «Права французский королей на лес (норма и действительность), был участником Первой сессии научного совета ИВИ АН СССР «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса» по проблеме «Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма», посвященной памяти академика Д.М. Петрушевского и профессора А.И. Неусыхина в 1988 г. и др. [Там же. С. 105–110].

Я.Д. Серовайский не раз получал персональные приглашения от организаторов международных научных форумов, однако по объективным причинам не смог участвовать в их работе. В частности, представил доклад на тему «История леса и ее роль в системе современных исторических знаний» (Die Forstgeschichte und ihre Rolle im System der heutigen Geschichtswiseenchaft) на XVII Всемирный конгресс Международного союза организаций и институтов лесных исследований (XVII IUFRO World Congress) прошедший в Токио (Япония) в 1981 г., отправил доклад «Заповедник в крестьянском восстании (Нормандия, X век)» (The Forest in the peasant revolt (Normandy, X-th century)) на международную конференцию «История малых частновладельческих лесов. История крестьянского леса» («History of Peasant Foresty»), проводившуюся под эгидой IUFRO в г. Фрейбурге (Германия) в 1991 г. Последнее прижизненное приглашение Яков Давидович получил в 1996 г. от организаторов международной конференции «Успехи в изучении истории заповедников и лесов» (Advances in Forest and Woodland History) из Ноттингемского университета и Британского экологического общества. После смерти профессора, в 1998 г., на его имя пришло приглашение от Итальянской Академии лесных наук и Флорентийского университета на международную конференцию «История и ресурсы заповедников» (History and Forest Resources) из г. Флоренция (Италия) [Там же. С. 109–110].

Долгие годы в Казахстане Я.С. Серовайский читал лекции по истории западноевропейского Средневековья и вел семинарские занятия на историческом факультете Казахского университета в г. Алматы. Как отметили авторы статьи, посвященной памяти профессора, «его эмоциональные, взволнованные, глубокие и содержательные лекции по истории западноевропейского Средневековья не оставляли равнодушной аудиторию. Для этих лекций Яков Давидович сам изготовлял учебные наглядные пособия» [7. С. 173]. Что касается семинаров, то, по мнению Ю.Я. Серовайской, «он был убежден, что семинарские занятия должны проводить наиболее опытные преподаватели, а не ассистенты. Яков Давидович учил студентов глубоко разбираться в теоретических проблемах европейского феодализма – “политэкономии” феодального общества, проникать в смысл памятников Средневековья, анализировать и систематизировать факты, строить смелые гипотезы и умозаключения» [8. С. 45].

В разное время студенты, учившиеся под его началом, с благодарностью вспоминали замечательные лекции и необычные семинарские занятия по истории Средних веков, оставившие в памяти неизгладимые впечатления. Так, в статье, посвященной 85-летию профессора, его бывшие студенты отметили: «Спецкурс профессора Якова Давидовича Серовайского «Проблемы развития феодальной собственности в IX–XII веках» на историческом факультете КазГУ в 70–80-е гг. был явлением, ярко выделившимся на фоне других дисциплин и курсов. Не все из нас, тогдашних студентов, связали свою дальнейшую жизнь с историей Средних веков, но логика, аргументация, выводы, с которыми знакомил профессор, свежи до сих пор. Не меркнет и обаяние личности» [18]. В своей монографии доктор исторических наук, известный историк Н.Э. Масанов писал: «Значительное влияние на формирование моих научных принципов оказало общение с Яковом Давидовичем Серовайским – глубоко и оригинально мыслящим человеком критического склада ума, чье мнение всегда было для меня принципиально важным» [19. С.40]. О своем наставнике казахстанский исследователь Л.Я. Гуревич высказался так: «Профессор Яков Давидович Серовайский был для меня не только преподавателем. Он был моим первым учителем, который ввел меня в мир науки, привил вкус к научному творчеству, научил основам исследовательского мастерства» [10. С. 125].

Говоря о научной деятельности Якова Давидовича, следует отметить, что наука была главным делом его жизни. В 60-х гг. прошлого века Серовайский стал работать над докторской диссертацией в должности

старшего научного сотрудника. В советское время соискателей, желающих работать над докторской диссертацией, переводили на эту должность, чем и воспользовался наш соотечественник. Его наставник, профессор А.И. Неусыхин, одобрил выбор темы, посвященной аграрной истории средневековой Франции более широкого формата, чем кандидатская диссертация, и стал его научным консультантом.

В Центральном государственном архиве г. Алматы в личном фонде профессора Серовайского сохранились выписки из протоколов заседаний сектора истории Средних веков Института всеобщей истории АН СССР, где наглядно прослеживаются этапы работы докторанта над главами диссертации. 10 июля 1966 г. сектор истории Средних веков ИВИ АН СССР, возглавляемый академиком С.Д. Сказкиным, утвердил план докторской диссертации старшего научного сотрудника Казахского государственного университета Я.Д. Серовайского и рекомендовал уточнить ее название: «Французская сеньория в IX–XIII вв. (к вопросу об эволюции феодальной собственности)» [20. Л. 1]. В следующем, 1967 г., сектор истории Средних веков ИВИ обсудил главу докторской диссертации на тему «Повинности крестьян за пользование лесами и пастбищами в раннефеодальный период» и, по сообщению докторанта, постановил, что «…тема доклада представляет большой интерес. Я.Л. Серовайский впервые в советской историографии поставил и разработал с марксистских позиций вопрос о режиме лесов в раннефеодальный период и показал значение этого вопроса для понимания процесса феодализации во Франции». Далее было отмечено, что «…работа Я.Д. Серовайского над его диссертацией протекает нормально. Статью на тему сделанного доклада, представленную Я.Д. Серовайским в сборник “Средние века”, сектор рекомендует опубликовать в очередном выпуске сборника» [Там же. Л. 2].

В протоколе заседания этого сектора от 13 февраля 1968 г., где обсуждался ход работы соискателя, в частности по второй главе диссертации «Характерные черты развития французского земледелия с IX по XIII в.», отмечено: «1. Считать, что работа Я.Д. Серовайского над докторской диссертацией проведена успешно и в соответствии с планом, утвержденным сектором. Сектор считает возможным поставить указанную диссертацию в целом на предварительное обсуждение осенью 1968 г. 2. Одобрить доклад по II главе указанной диссертации, как весьма интересное, оригинальное исследование, и рекомендовать его к опубликованию» [Там же. Л. 3]. Отметим, что не всякий соискатель при обсуждении хода работы над диссертацией в академическом институте АН СССР получал в целом положительные рекомендации и пожелания, что свидетельствует об огромной работе, проделанной ученым.

Выполненная Я.Д. Серовайским докторская диссертация на тему «Проблемы развития феодальной собственности во Франции в IX–XIII вв. (к истории французской сеньории)» была успешно защищена в 1970 г. в диссертационном совете Ленинградского государственного университета и «явилась плодом многолетних наблюдений и размышлений автора над эволюцией феодальной собственности в целом ряде областей средневековой Франции – Нормандии, Иль-де-Франсе, Шампани, Фландрии, Бургундии и Провансе – на основе анализа письменных памятников эпохи. Главными источниками для докторанта были “варварские” правды, капитулярии франкских королей, формулы, сочинения Григория Турского, акты первых французских королей, дарственные грамоты и писцовые книги» [8. С. 50–51].

Безусловно, докторская диссертация Серовайского была крупным научным открытием в исследовании феодальной собственности во Франции на протяжении пяти столетий. К сожалению, диссертация не была опубликована в качестве монографии, однако дальнейшие публикации автора с тщательным анализом источников показали, насколько глубоко он исследовал теоретические проблемы аграрной истории средневековой Франции. В своих статьях профессор Серовайский внимательно рассматривал характерные черты развития французского земледелия периодов раннего и развитого феодализма, изучал эволюцию всей системы крестьянских держаний и распределение прав феодальной собственности на крестьян и землю в средневековой Франции, анализировал социальный режим лесов и пастбищ на территории Франкского государства и развитие прав феодальной собственности на леса и пустоши во Франции в X–XIII вв., исследовал проблемы истории леса как науки [Там же. С. 57].

Здесь уместно отметить, что Серовайский на протяжении ряда лет в своих публикациях, и особенно в докторской диссертации, исследовал проблемы эволюции феодальной собственности. Об этом подробно рассказано на страницах журнала «Новая и новейшая история» в статье «Яков Давидович Серовайский (1912–1997)» [7] и в книге «Жизненный путь и труды ученого» [8], посвященных жизни и научному творчеству исследователя. В частности, Ю.Я. Серовайская и Ю.Н. Каняшин отметили, что «для Я.Д. Серовайского права феодальной собственности устанавливались прежде всего фактом присвоения ренты. Он полагал, что в каждом индивиде или коллективе (религиозная конгрегация, город и др.), которые систематически присваивали ренту на основе существовавших производственных отношений, следует видеть субъектов права феодальной собственности, а их право на присвоение ренты, независимо от того, какое юридическое выражение оно принимало, являлось правом феодальной собственности» [7. С. 174].

По мнению Серовайского, одной из форм феодальной собственности было прямое владение землей на основе узаконенных титулов, хотя он признавал и другие формы обладания землей. Я.Д. Серовайским были обоснованы разные формы присвоения ренты состоятельными, господствующими людьми, что выражалось в праве на личность крестьян, праве на недра, леса и водные ресурсы, баналитетных правах. Это позволило ему доказать, что «монополия на землю не являлась единственной формой опосредования феодальной собственности» [Там же. С. 175].

На основе анализа первоисточников, касающихся аграрной истории Франкского государства, Серовай-

ский охарактеризовал средневековое земледелие как биолого-экологический процесс, где производитель своим трудом лишь помогает самостоятельно действующим силам природы. Причины экономического прогресса средневекового периода он объяснял способностью общества включать новые элементы природы в социальную сферу. В крестьянах он видел самостоятельных земледельцев, стремившихся в своей работе к созданию прибавочного продукта и своим трудом опережавших рост феодальной ренты. По мнению ученого, это достигалось за счет процесса расчисток и тем самым вовлечения в хозяйственный оборот новых площадей, имевших значительные запасы питательных веществ, а также за счет использования естественного плодородия почвы и способов его искусственного восстановления [8. С. 58].

Я.Д. Серовайский в одной из публикаций в ежегоднике «Средние века» обратил внимание на применение разных земельных мер в период раннего Средневековья во Франции [21]. По мысли И.В. Ярковой, Серовайский в своей статье «Изменение системы мер как результат перемен в аграрном строе на территории Франции в период раннего Средневековья» не соглашался с мнением Н.П. Грацианского об использовании населением Южной Галлии римской системы полей и земельных мер и доказал наличие следов общинных организаций в процессе измерения полей, отраженных во французских аграрных источниках IX–XII вв. И.В. Яркова утверждает, что вместо римских квадратных мер, имевших место на компактных владениях, ученым были выявлены различные приемы выражения площади земли посредством линейных мер, большая часть которых представляла модификацию способа определения размера участка по одной ширине. Использование разных земельных мер, засвидетельствованное в источниках IX–XII вв., отражает превращение надела общинника в аллод, который, по мнению Серовайского, есть свободно отчуждаемая собственность, ставшая следствием появления неравенства в области землевладения. Ссылаясь на идею Серовайского, что длина утратила характер постоянной величины и в результате возникла потребность в новых способах определения площади земли, Яркова делает заключение, что изменение земельных мер на территории Франции в V–XII вв. связано с распространением общинного землевладения и последующим его разложением [22. С. 674].

Яков Давидович, имея агрономическое образование и практику работы в качестве агронома, знал технологию сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует такой факт: будучи еще студентом ИФЛИ, на семинарах профессора А.И. Неусыхина он выдвинул идею четырехпольного севооборота, используемого крестьянами на посевных площадях. В своем воспоминании о семинарах по истории в ИФЛИ профессор Серовайский отметил: «С определением севооборота все оказалось проще. Без особого труда удалось установить, что крестьяне пахали в два раза большую площадь земли под озимые, чем под яровые, в поместьях, отличавшихся особыми хозяйственными признаками, а именно ярко выраженной интенсивностью. Они располагали сравнительно небольшим резервом господской пашни. Применять там двуполье или трехполье – системы, при которых пустует под паром соответственно половина или одна треть всей земли, – было нецелесообразно с хозяйственной точки зрения. Им более всего подходило четырехполье, которое отводило под пар всего четвертую часть земли (одно поле), озимым культурам – половину всей площади (два поля, из коих по пару следовало только одно, второе шло по озимому), а яровым только четвертую часть господской земли (одно поле). Поэтому и получалось, что нужно было пахать под озимь в два раза большую площадь, чем под яровое» [11. С. 69–70]. Таким образом, профессор Серовайский, проанализировав процесс четырехпольного севооборота в XII–XIII вв., когда увеличивался спрос на товарное зерно, пришел к выводу, что четырехпольный севооборот был более эффективным, чем трехполье. Об этом написано в его статье «Севообороты средневековой Франции (IX–XII вв.)» [23]. Исследователи Ю.Я Серовайская и Ю.Н. Каняшин считают: «Помимо убедительной аргументации в пользу существования четырехпольного севооборота и его явных преимуществ, в статье была дана развернутая схема четырехпольного севооборота с присущим ему чередованием: пар–озимь–озимь–яр» [7. С. 177].

В 60-х гг. прошлого столетия, во время работы над докторской диссертацией, Серовайскому вновь пришлось обратиться к проблеме четырехпольного севооборота. Он пишет: «К вопросу о четырехпольном севообороте я вернулся значительно позднее. В планировавшейся докторской диссертации “Проблемы развития феодальной собственности во Франции в IX–XIII вв. (к истории французской сеньории)” предусматривалась глава, посвященная состоянию производительных сил, и в частности практиковавшимся там формам использования естественного плодородия природы, и способам его восстановления. Разрабатывая этот сюжет, я обнаружил в обширном документальном материале прямые и косвенные свидетельства четырехпольного севооборота, который практиковался наряду с трехпольем в ряде областей Франции и смежных с ней регионах» [11. С. 72–73].

В многочисленных публикациях Серовайского сформулирована теория эволюции крестьянского держания средневековой Франции [24–27]. Об этом свидетельствует изучение мансовой системы вотчин Сен-Жерменского аббатства, где манс (лат. maneo – проживаю) – комплекс жилых и хозяйственных построек, составляющих крестьянское хозяйство в средневековой Западной Европе – нес функцию держания и являлся фискальной и хозяйственной единицей. Как справедливо отметили исследователи, профессором Серовайским была изучена технология поместного обложения, охватывающая двор, личность крестьянина, гостевые парцеллы, которые привели к ликвидации манса как универсальной фискальной единицы [7. С. 178].

Формирование собственности на леса, пастбища, пустоши и другие ландшафты окружающей среды было в центре внимания в исследованиях ученого. В статье «О путях формирования феодальной собственно-

сти на леса и пастбища во Франкском государстве» [28] и в IV и V главах его докторской диссертации Серовайским исследованы вопросы использования лесов и пастбищ в раннем Средневековье, королевские права на леса, права пользования альмендой крепостным крестьянством в IX–X вв. и начало освоения феодалами общих угодий [29]. Ученый также изучал проблемы превращения лесов и пустошей в объект феодальной собственности, содержание прав собственности на леса и пастбища, а также вопросы взаимосвязи между феодальным освоением угодий общего пользования и классовой борьбой [8. С. 64–65].

Серовайским на основании первоисточников было подробно исследованы проблемы режима лесов, пастбищ и пустошей с конца V в. до конца XIII в. на территории Франкского государства, а в впоследствии Франции [30–36]. По мнению специалистов-медиевистов, ученый объективно определил растущее значение частного землевладения, которое в начале раннего Средневековья пока не имело прочных политических позиций, и поэтому крестьянским общинам удавалось успешно противостоять ему и сохранять свои права пользования альмендой (нем. Allmende – принадлежащее всем; в средневековой Западной Европе земельные угодья в виде пастбищ, лесов, лугов, пустошей, мест рыбной ловли, находящиеся в общем пользовании). Однако в IX в., по оценке исследователя, началось активное наступление крупных землевладельцев на леса и пустоши, принадлежавшие крестьянским общинам, что привело к территориальному сокращению альменды. Этот этап наступления господствующего слоя на угодья общего пользования Я.Д. Серовайский увязывал с развитием производительных сил, общим ростом населения, появлением средневековых городов и спросом на древесину, начавшимися лесоразработками и торговлей лесом и в целом с процессами и явлениями, открывавшими новые возможности для эксплуатации лесных массивов. Серовайским было определено два важных направления: первое заключалось в борьбе за лишение крестьян их традиционных прав на свободное пользование альмендой, а второе отмечено борьбой внутри самого феодального класса за обладание этими угодьями. Общим итогом, по мнению ученого, «стало превращение лесов и пустошей в объект феодальной собственности – основу для присвоения дополнительного количества ренты» [8. С. 66–67].

Ю.Я. Серовайская и Ю.Н. Каняшин справедливо отметили, что «он первым в отечественной медиевистике начал разрабатывать в методологическом, теоретическом и конкретно-историческом аспектах проблемы взаимодействия общества и природы (леса) в странах Западной Европы конца V–XIV в.» [7. С. 180]. Исследуя аграрную историю раннего и развитого Средневековья Франции, профессор Серовайский обратил внимание на социальный режим лесов в контексте освоения окружающего ландшафта. Впервые еще в 1974 г. он высказал эти соображения на конференции в КазГУ в докладе «История леса как раздел исторических знаний» [37], затем в 1978 г. в докладе «Историзм во взаимосвязи общества и леса» [38] на Первой всесоюзной научной конференции по проблемам взаимодействия общества и природы. Суть мыслей Я.Д. Серовайского сводилась к тому, что он впервые в отечественной медиевистике советского периода обосновал «конструктивное значение истории леса как науки, которая в известных пределах может преодолеть сложившуюся традицию отдельного изучения истории общества представителями гуманитарных наук и истории природы – представителями естественных наук и обнаружить конкретные формы взаимодействия этих процессов» [8. С. 74].

По мнению отечественных ученых, постановка проблемы истории леса профессором Серовайским совпала во времени с представлениями европейских исследователей, которые в 70-х г. прошлого столетия обосновали новый раздел исторической науки, посвященный истории леса [7. С. 182]. В рукописном наследии ученого есть такие мысли: «Превращение леса в товар явилось признаком роста общественного богатства, включением вещества природы во внутриобщественный оборот. Особая форма включения, которая расширяла внутриобщественные связи… Новое вещество природы приобрело стоимость, а через нее и земля» [11. С. 99].

Труды профессора Я.Д. Серовайского в советский период публиковались во всесоюзных и казахстанских изданиях, он как ученый был известен в научных кругах и постоянно востребован. К нему обращались с разными вопросами: относительно аграрной истории средневековой Европы, по поводу написания рецензий на труды выдающихся медиевистов (М. Блок, Ф. Гюнтер, Ж. Дюби, А.Р. Корсунский, А.И. Неусыхин, С.М. Стамм), публиковавшихся на страницах ежегодника «Средние века», журнала «Вопросы истории» и др. Он писал отзывы на авторефераты диссертаций, был официальным оппонентом докторских и кандидатских диссертаций, его приглашали в состав диссертационных совета. В частности, ректор Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева (ныне – Национальный исследовательский университет) в 1967–1983 гг. профессор А.П. Бычков официально предложил Я.Д. Серовайскому войти в состав диссертационного совета по защите докторских диссертаций при университете. В письме ректору Томского университета профессор Серовайский писал: «Настоящим подтверждаю свое согласие войти в состав специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций…» [39. Л. 4]. Стоит заметить, что в Томске во время Великой Отечественной войны в эвакуации находился его наставник профессор А.И. Неусыхин, а сокурсник по аспирантуре А.И. Данилов с 1961 по 1967 г. был ректором Томского государственного университета В 1970 г. профессор А.И. Данилов стал официальным оппонентом докторской диссертации Я.Д. Серовайского.

В повседневной жизни Якову Давидовичу пришлось сталкиваться с многими бытовыми трудностями, связанными с решением квартирного вопроса, необъективным отношением со стороны тогдашних партийных чиновников, непониманием со стороны отдельных коллег по университету. Так, в июле 1951 г. в постановлении Центрального комитета Коммунистической

партии Казахстана «О крупных недостатках в политико-воспитательной работе и подборе кадров в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова» было отмечено: «Преподавание ряда общественных дисциплин проводится в университете на низком идейно-теоретическом уровне. Некоторые члены кафедры всеобщей истории (преподаватель т. Серовайский) допускают в своих лекциях ошибки объективистского характера…» [40. С. 120]. Предыстория такой оценки заключалась в том, что в журнале «Большевик» за 1951 г. появилась статья «Политическое воспитание студентов – важнейшая задача партийных организаций», где Серовайский был обвинен в том, что на семинарских занятиях не использовал труды Маркса и Энгельса, а вместо их ссылался на «реакционного буржуазного французского историка Фюстель де Куланже» [8. С. 196].

Что касается жилищной проблемы, то им с супругой, дипломированным специалистам, имевшим ученые степени кандидатов наук и направленным на работу союзным министерством высшего образования в Казахскую ССР, должны были выделить квартиру. В советский период кандидаты и доктора наук имели первоочередное право на жилье и даже с предоставлением дополнительной площади для творческой работы. Об этом написано в предисловии книги «Серовайские», где отмечено, что жилищные условия оставляли желать лучшего, поэтому бытовые трудности препятствовали серьезной научной работе и осложняли повседневную жизнь семьи. Яков Давидович обращался тогда к союзному министру образования и местным властям с просьбой решить его жилищную проблему, однако государственная квартира семье Серовайских так не была предоставлена. В 1956 г. он купил земельный участок и вынужден был строить собственный дом, что отняло у него три года жизни. Не исключено, что отмеченные жизненные проблемы были связаны с кампанией по борьбе с космополитизмом, в том числе с государственными гонениями на еврейскую интеллигенцию в СССР в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. И тем не менее Яков Давидович увлеченно, плодотворно и с большой отдачей трудился на ниве науки и образования.

В моей памяти Яков Давидович Серовайский остался одним из лучших педагогов исторического факультета Казахского университета 70-х гг. прошлого века: мне как студенту посчастливилось слушать его уникальные лекции и участвовать в семинарах, которые он вел. Он был настоящим ученым, уважаемым наставником с высоким чувством гражданского долга, внесшим достойный вклад в подготовку высококвалифицированных историков в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. Л. : Наука, 1968. 424 с.
2. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М. : Наука, 1974. 537 с.
3. Гутнова Е.В. Советская медиевистика за десять лет (1968–1977) // Средние века. М. : Наука, 1978. Вып. 42. С. 5–26
4. Сванидзе А.А. Памяти Якова Давидовича Серовайского (1912–1997) // Средние века. М. : Наука, 1997. Вып. 60. С. 496–498.
5. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. М. –Алматы : Социнвест ; Горизонт, 1995. 320 с.
6. Ирмуханов Б.Б. Патриарх казахстанских историков-всеобщников. К 100-летию профессора Я.Д. Серовайского (1912–1997 гг.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. Исторические и социально-политические науки. 2012. № 2 (33). С. 58–62.
7. Серовайская Ю.Я., Каняшин Ю.А. Яков Давидович Серовайский (1912–1997) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 167–184.
8. Яков Давидович Серовайский. Жизненный путь и труды ученого / сост. Ю.Я. Серовайская. Караганда : Полиграфия, 2001. 204 с.
9. Серовайская Ю.Я., Серовайский С.Я. Ученый, педагог, гражданин // Казахстанская правда. 2012. 15 июня.
10. Серовайские : биографический и библиографический сборник / авт.-сост. Ю.Я. Серовайская, при участии Д.Е. Серовайской и С.Я. Серовайского. Алматы : Оперативная полиграфия, 2018. 530 с.
11. Серовайский Яков Давидович. Последние труды ученого / сост.: Ю.Я. Серовайская, С.Я. Серовайский. Алматы : LEM, 2019. 244 с.
12. Научные труды Я.Д. Серовайского // Средние века. М. : Наука, 1983. Вып. 46. С. 425–429.
13. Научные труды Я.Д. Серовайского (1983–1997) // Средние века. М. : Наука, 1997. Вып. 60. С. 499–500.
14. Научные труды Я.Д. Серовайского // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. 1998. № 9. С. 4–8.
15. Біздің Элита [Наша Элита] / под ред. К.А. Мами, зам. ред. К.Н. Балтабаева. Алматы : Қазақ университеті, 2014. Т. 2. 452 с.
16. Библиография обществоведов Казахстана / АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии. Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1986.
17. Казахская ССР : краткая энциклопедия : в 4 т. Алма-Ата : Гл. ред. Казахской сов. энцикл.. 1989. Т. 3: Наука и научные учреждения. 600 с.
18. Витковский А., Каняшин Ю., Куратов С., Масанов Н., Осколков В., Семенова Л. Слово об Учителе. Клянемся Вашему таланту // Казахстанская правда. 1997. 18 июня.
19. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества / сост. Л.Е. Масанова, И.В. Ерофеева. 2-е изд., доп. Алматы : Print-S, 2001. 740 с.
20. Центральный государственный архив г. Алматы. Ф. 281. Оп. 1. Д. 15.
21. Серовайский Я.Д. Изменение системы мер, как результат перемен в аграрном строе на территории Франции в период раннего средневековья // Средние века. М. : Наука, 1956. Вып. 8. С. 125–140.
22. Яркова И.В. Трансформация представлений Я.Д. Серовайского о раннесредневековой западноевропейской сельской общине // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 674–677.
23. Серовайский Я.Д. Севообороты средневековой Франции (IX–XII вв.) // Средние века. М. : Наука, 1972. Вып. 35. С. 30–51.
24. Серовайский Я.Д. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции по материалам клюнийских грамот IX–XII вв. // Ученые записки Казахского университета. Т. XLVII. Сер. историческая. Некоторые вопросы всеобщей истории. Алма-Ата, 1960. Вып. 6. С. 79–107.
25. Серовайский Я.Д. Кризис мансовой системы во владениях Сен-Жерменского аббатства // Ученые труды кафедр всеобщей истории, государственного и международного права Казахского университета. Алма-Ата, 1963. С. 165–197.
26. Серовайский Я.Д. К вопросу о природе цены крестьянского держания в средневековой Франции. Из ранней истории цензивы // Вопросы истории : сб. тр. преподавателей вузов КазССР. Алма-Ата, 1973. Вып. 5. С. 177–189.
27. Серовайский Я.Д. Сообщество крестьян – держателей надела в Сен-Жерменском аббатстве (к вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в.) // Средние века. М. : Наука, 1985. Вып. 48. С. 244–269.
28. Серовайский Я.Д. О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве // Средние века. М. : Наука, 1969. Вып. 32. С. 48–60.

29. Серовайский Я.Д. Проблемы развития феодальной собственности во Франции с IX по XIII век (к истории французской сеньории) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Л., 1970. 29 с.
30. Серовайский Я.Д. Режим лесов и пастбищ на территории Франции в начале средневековья // Вопросы истории : сб. тр. преподавателей вузов КазССР. Алма-Ата, 1971. Вып. 1. С. 162–173.
31. Серовайский Я.Д. Внутрифеодальная борьба за лес во Франции конец IX начало XIV вв. // Вопросы истории : сб. тр. преподавателей вузов КазССР. Алма-Ата, 1975. Вып. 7. С. 149–159.
32. Серовайский Я.Д. Из истории социальной борьбы за леса и пустоши во Франции с XI по XIII вв. // Вопросы истории : сб. тр. преподавателей вузов КазССР. Алма-Ата, 1976. Вып. 10. С. 184–200.
33. Серовайский Я.Д. Борьба французских крестьян против феодального освоения лесов в X–XIII вв. // Средние века. М. : Наука, 1980. Вып. 43. С. 53–76.
34. Серовайский Я.Д. Проблема лесных отношений в странах Западной Европы в IX–XIII вв. // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск, 1983. С. 134–136.
35. Серовайский Я.Д. Первые социальные конфликты из-за общинных угодий во Франкском государстве (IX в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. С. 65–78.
36. Серовайский Я.Д. Права франкских королей на лес и развитие феодальной собственности (норма и действительность) // Средние века. М. : Наука, 1987. Вып. 50. С. 212–219.
37. Серовайский Я.Д. История леса как раздел исторических знаний // Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ : тез. докл. Алма-Ата, 1974. С. 17–19.
38. Серовайский Я.Д. Историзм во взаимосвязи общества и леса // Проблемы взаимодействия общества и природы : тез. I Всесоюз. науч. конф. М. : Изд-во МГУ, 1978. С. 73–74.
39. Центральный государственный архив г. Алматы. Ф. 281. Оп. 1. Д. 14.
40. История Казахстана. Документы и материалы (1917–2012). Алматы Шанырак Медиа, 2017. 320 с.

Zharas A. Ermekbay, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: ermekjaras@mail.ru

PROFESSOR Y.D. SEROVAISKY: SCIENTIST AND TEACHER

Keywords: Professor Y.D. Serovaisky; A.I. Neusykhin; medieval Western Europe; the Moscow Institute of history; philosophy and literature named after N.G. Chernyshevsky; Institute of General history of the USSR Academy of Sciences; Medievalist-historian.

The article reveals the scientific heritage of the Medievalist-historian, researcher of agricultural history of medieval France, Professor Y.D. Serovaisky. His scientific researches enriched the historiography of universal history, namely the early medieval and developed period of feudalism of Western Europe, which remain relevant in regional and world medieval studies.

The article is devoted to the scientific heritage of doctor of historical sciences, Professor Yakov Davidovich Serovaisky (1912–1997), the Medievalist-historian, naturalist and teacher. As an educator, he worked for more than 45 years at the Department of General history of the Kazakh State University named after S.M. Kirov (currently Al-Farabi Kazakh National University). He is an author of more than 150 scientific publications, which were published in editions across the Soviet Union and in Kazakhstan, and as a scientist he was widely recognized and in demand. He was approached with various questions regarding the field of agrarian history of medieval Europe, about writing reviews of the works of prominent Medievalists (M. Block, F. Gunther, J. Duby, A.R. Korsunsky, A.I. Neusykhin, S.M. Stamm).

His doctoral dissertation on “Problems of a development of the feudal property in France in the IX-XIII centuries” was successfully defended by him in 1970 in front of the Dissertation Council of Leningrad State University and became a major scientific discovery in the field of evolution of feudal property in medieval France. Based on the analysis of the primary sources concerning agrarian history of the Kingdom of France, YakovSerovaisky characterized its medieval agriculture as biological and ecological process where the working personassists the independently operating forces of the nature.

The interest of the scientist was also in the formation of ownership over forests, pastures, wastelands and other landscapes of the environment. It is noted in the article that studying the agrarian history of the early and developed middle ages of FranceProfessor Serovaisky drew attention to the social status of forests in the context of the development of the surrounding landscape. Having published a number of significant works, Y.D. Serovaisky was the first in medieval studies in the Soviet period to substantiate the value of forest history as a science. The article states that Serovaisky’s formulation of the problem of forest history coincided with the ideas of European researchers, who in the 1970s justified an emergence of the new section of historical science devoted to the history of the forest. Professor YakovSerovaisky was a true scientist, a respected teacher who made a valuable contribution to the development of historical science in the field of the middle ages.

REFERENCES

1. Vainshtein, O.L. (1968) *Istoriya sovetskoy medievistiki* [History of Soviet Medieval Studies]. Leningrad: Nauka.
2. Neusykhin, A.I. (1974) *Problemy evropeyskogo feodalizma. Izbrannye trudy* [Problems of European Feudalism. Selected Works]. Moscow: Nauka.
3. Gutnova, E.V. (1978) Sovetskaya medievistika za desyat' let (1968–1977) [Soviet medieval studies in ten years (1968–1977)]. *Srednie veka*. 42. pp. 5–26
4. Svanidze, A.A. (1997) Pamyati Yakova Davidovicha Serovayskogo (1912–1997) [In memory of Yakov Davidovich Serovaisky (1912–1997)]. *Srednie veka*. 60. pp. 496–498.
5. Masanov, N.E. (1995) *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The Kazakh nomadic civilization: / the life principles of a nomad society]. Moscow; Almaty: Sotsinvest; Gorizont.
6. Irmukhanov, B.B. (2012) Patriarkh kazakhstanskikh istorikov-vseobshchnikov. K 100-letiyu professora Ya.D. Serovayskogo (1912–1997 gg.) [Patriarch of Kazakhstan's universal historians. To the 100th anniversary of Professor Ya.D. Serovaisky (1912–1997)]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Ser. Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki*. 2(33). pp. 58–62.
7. Serovaiskaya, Yu.Ya. & Kanyashin, Yu.A. (1999) Yakov Davidovich Serovayskiy (1912–1997) [Yakov Davidovich Serovaisky (1912–1997)]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 6. pp. 167–184.
8. Serovaiskaya, Yu.Ya. (2001) *Yakov Davidovich Serovayskiy. Zhiznennyy put' i trudy uchenogo* [Yakov Davidovich Serovaisky. Life path and works of a scientist]. Karaganda: Poligrafiya.
9. Serovaiskaya, Yu.Ya. & Serovaisky, S.Ya. (2012) Uchenyy, pedagog, grazhdanin [Scientist, teacher, citizen]. *Kazakhstanskaya pravda*. 15th June.
10. Serovaiskaya, Yu.Ya. (2018) *Serovayskie: biograficheskiy i bibliograficheskiy sbornik* [The Serovaiskys: a biographical and bibliographic collection]. Almaty: Operativnaya poligrafiya.
11. Serovaiskaya, Yu.Ya. & Serovaisky, S.Ya. (2019) *Serovayskiy Yakov Davidovich. Poslednie trudy uchenogo* [Serovaisky Yakov Davidovich. The last works of the scientist]. Almaty: LEM.
12. Serovaiskaya, Yu.Ya. (1983) Nauchnye trudy Ya.D. Serovayskogo [Ya.D. Serovaisky’s scientific works]. *Srednie veka*. 46. pp. 425–429.
13. Anon. (1997) Nauchnye trudy Ya.D. Serovayskogo (1983–1997) [Ya.D. Serovaisky’s scientific works (1983–1997)]. *Srednie vek*a. 60. pp. 499–500.

14. Anon. (1998) Nauchnye trudy Ya.D. Serovayskogo [Ya.D. Serovaisky's scientific works]. *Byulleten' Vserossiyskoy Assotsiatsii medievistov i istorikov rannego novogo vremeni*. 9. pp. 4–8.
15. Mami, K.A. (ed.) (2014) *Bizdiң Elita* [Our Elite]. Vol. 2. Almaty: Қazaқ universiteti.
16. AS KazSSR, Institute of History, Archeology and Ethnography. (1986) *Bibliografiya obshchestvovedov Kazakhstana* [Bibliography of Social Scientists of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoy SSR.
17. Nurgaliev, R.N. (ed.) (1989) *Kazakhskaya SSR: kratkaya entsiklopediya: v 4 t.* [The Kazakh SSR: a short encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 3. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoy sov. entsikl.
18. Vitkovskiy, A., Kanyashin, Yu., Kuratov, S., Masanov, N., Oskolkov, V. & Semenova, L. (1997) Slovo ob Uchitele. Klyanemsya Vashemu talantu [A Word about the Teacher. We Pledge Allegiance to Your Talent]. *Kazakhstanskaya pravda*. 18th June.
19. Masanov, N.E. (2001) *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The Kazakh nomadic civilization: the basics of a nomadic society life]. 2nd ed. Almaty: Print-S.
20. The Central State Archive of Almaty. Fund 281. List 1. File 15.
21. Serovaisky, Ya.D. (1956) Izmenenie sistemy mer, kak rezul'tat peremen v agrarnom stroe na territorii Frantsii v period rannego srednevekov'ya [Changes in the system of measures as a result of changes in the agrarian system in France during the early Middle Ages]. *Srednie veka*. 8. pp. 125–140.
22. Yarkova, I.V. (2015) Transformatsiya predstavleniy Ya.D. Serovayskogo o rannesrednevekovoy zapadnoevropeyskoy sel'skoy obshchine [Transformation of Ya.D. Serovaisky's ideas about the early medieval Western European rural community]. *Molodoy uchenyy*. 21(101). pp. 674–677.
23. Serovaisky, Ya.D. (1972) Sevooboroty srednevekovoy Frantsii (IX–XII vv.) [Crop rotations of medieval France (the 11th – 12th centuries)]. *Srednie veka*. 35. pp. 30–51.
24. Serovaisky, Ya.D. (1960) Mans i nadel zavisimogo krest'yanina vo Frantsii po materialam klyuniyskikh gramot IX–XII vv. [Mans and land allotment of a dependent peasant in France based on the materials of the Cluny letters of the 9th-12th centuries]. *Uchenye zapiski Kazakhskogo universiteta*. XLVII (6). pp. 79–107.
25. Serovaisky, Ya.D. (1963) Krizis mansovoy sistemy vo vladeniyakh Sen-Zhermenskogo abbatstva [The crisis of the mansian system in the domains of Saint Germain Abbey]. *Uchenye trudy kafedr vseobshchey istorii, gosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava Kazakhskogo universiteta*. pp. 165–197.
26. Serovaisky, Ya.D. (1973) K voprosu o prirode tseny krest'yanskogo derzhaniya v srednevekovoy Frantsii. Iz ranney istorii tsenzivy [On the nature of the price of peasant holding in medieval France. From the early history of the censors]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 177–189.
27. Serovaisky, Ya.D. (1985) Soobshchestvo krest'yan – derzhateley nadela v Sen-Zhermenskom abbatstve (k voprosu o strukture krest'yanskoy sem'i vo frankskoy derevne IX v.) [Community of peasants – allotment holders in Saint-Germain Abbey (on the structure of a peasant family in a Frankish village of the 9th century)]. *Srednie veka*. 48. pp. 244–269.
28. Serovaisky, Ya.D. (1969) O putyakh formirovaniya feodal'noy sobstvennosti na lesa i pastbishcha vo Frankskom gosudarstve [On the ways of forming feudal ownership of forests and pastures in the Frankish state]. *Srednie veka*. 32. pp. 48–60.
29. Serovaisky, Ya.D. (1970) *Problemy razvitiya feodal'noy sobstvennosti vo Frantsii s IX po XIII vek (k istorii frantsuzskoy sen'orii)* [Problems of the feudal property development in France from the 9th to the 13th century (to the history of the French seigneur)]. Abstract of History Dr. Diss. Leningrad.
30. Serovaisky, Ya.D. (1971) Rezhim lesov i pastbishch na territorii Frantsii v nachale srednevekov'ya [The regime of forests and pastures in France at the beginning of the Middle Ages]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 162–173.
31. Serovaisky, Ya.D. (1975) Vnutrifeodal'naya bor'ba za les vo Frantsii konets IX nachalo XIV vv. [Intrafeudal struggle for forest in France late 9th early 14th centuries]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 149–159.
32. Serovaisky, Ya.D. (1976) Iz istorii sotsial'noy bor'by za lesa i pustoshi vo Frantsii s XI po XIII vv. [From the history of the social struggle for forests and wastelands in France from the 11th to the 13th centuries]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 184–200.
33. Serovaisky, Ya.D. (1980) Bor'ba frantsuzskikh krest'yan protiv feodal'nogo osvoeniya lesov v X–XIII vv. [The struggle of the French peasants against the feudal development of forests in the 10th – 13th centuries]. *Srednie veka*. 43. pp. 53–76.
34. Serovaisky, Ya.D. (1983) Problema lesnykh otnosheniy v stranakh Zapadnoy Evropy v IX–XIII vv. [The problem of forest relations in Western Europe in the 9th – 13th centuries]. In: Mayer, V.E. et al. *Agrarnaya istoriya epokhi feodalizma* [Agrarian History of Feudalism]. Izhevsk: Udmurtia State University. pp. 134–136.
35. Serovaisky, Ya.D. (1984) Pervye sotsial'nye konflikty iz-za obshchinnykh ugodiy vo Frankskom gosudarstve (IX v.) [The first social conflicts over communal lands in the Frankish state (9th century)]. In: Kurbatov, G.L. (ed.) *Problemy sotsial'noy struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva* [of Social Structure and Ideology of Medieval Society]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 65–78.
36. Serovaisky, Ya.D. (1987) Prava frankskikh koroley na les i razvitie feodal'noy sobstvennosti (norma i deystvitel'nost') [The rights of the Frankish kings to the forest and the development of feudal property (norm and reality)]. *Srednie veka*. 50. pp. 212–219.
37. Serovaisky, Ya.D. (1974) Istoriya lesa kak razdel istoricheskikh znaniy [History of the forest as a section of historical knowledge]. *Materialy itogovoy nauchnoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava KazGU* [Proceedings of the Final Research Conference of the Faculty of KazSU]. Proc. of the Conference. Alma-Ata: [s.n.]. pp. 17–19.
38. Serovaisky, Ya.D. (1978) Istorizm vo vzaimosvyazi obshchestva i lesa [Historicism in the relationship between society and the forest]. *Problemy vzaimodeystviya obshchestva i prirody* [Problems of Interaction Between Society and Nature]. Proc. of the First Conference. Moscow: Moscow State University. pp. 73–74.
39. The Central State Archive of Almaty. Fund 281. List 1. File 14.
40. Dzhaparov, K.Sh. (ed.) (2017) *Istoriya Kazakhstana. Dokumenty i materialy (1917–2012)* [History of Kazakhstan. Documents and Materials (1917–2012)]. Almaty: Shanyrak Media.

УДК 904.72(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/71/16

Н.В. Перцев

МАРШРУТЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (ПИСЬМЕННЫЕ И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ)

Статья посвящена выявлению традиционных путей сообщения между населенными пунктами в бассейне р. Северной Сосьвы, существовавших в конце XVI – первой половине XVIII в. Данная территория рассматривается как отдельный субрегион в составе Северо-Западной Сибири, определенный спецификой исторического развития. Для анализа выбраны письменные и картографические источники, включающие роспись Книги большому чертежу и работы С.У. Ремезова, а также материалы, собранные Г.Ф. Миллером во время его экспедиции по Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Северная Сосьва; маршрут; дорога; населенный пункт.

Введение

Одним из важнейших факторов, способствующих развитию социума, выступает степень его мобильности и способность адаптации к окружающей среде через прокладку устойчивых маршрутов, связывающих в единую систему население отдельного региона. По средствам физического движения завязывается диалог с представителями иных территорий, развивается обмен материальными и духовными ценностями между участниками этого процесса, формируется мировоззрение путника. Возникнув один раз, коммуникация, связывающая отдельные населенные пункты или регионы, очень скоро становится традиционным маршрутом передвижения путешественников, купцов, промысловиков и разного рода охочих людей. Не является исключением и территория Западной Сибири, коренное население которой характеризуется большой степенью мобильности.

Устойчивые коммуникации коренного населения Западной Сибири в последнее время приобрели статус самостоятельного объекта изучения, что неслучайно, ведь именно анализ этих маршрутов может пролить свет на особенности мировосприятия автохтонных групп Зауральской территории, раскрыть вехи их этнической истории. В последнее время изменился и подход к пониманию этих маршрутов: образ путей, проложенных по водным артериям региона, постепенно дополняется данными о сухопутных коммуникациях [1. С. 172–173]. В этом контексте крайне интересны работы В.Н. Адаева, посвященные территории Нижнего Прииртышья [2].

Внешние коммуникации сибирских ханств попали в орбиту интересов историков региональной государственности. Омским исследователям этого направления принадлежат важные выводы о развитии не только речных, но и сухопутных путей сообщения, их основополагающей роли для экономической и административной деятельности татарских политий [3. С. 114].

Еще более актуализирует выявление традиционных путей сообщения возможность поиска на этих траекториях ранее не известных памятников историко-культурного наследия, к которым могли относиться поселения, торжища, стойбища, перевалочные пункты, заимки, зимовья и т.д. Однако, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что значительная часть Западной Сибири еще остается «белым пятном» для изучения таких маршрутов. Интерес историков в первую очередь прикован к южным межрегиональным коммуникациям, через которые происходило передвижение основных масс населения татарских государств, а позднее – русского колониального потока. Этим обусловлена досадная несоизмеримость наших знаний о, например, Вишеро-Лозвинском маршруте [4. С. 250] по сравнению с северными «чрезкаменными» путями. Внутренние пути передвижения в северных областях Западной Сибири до сих пор не получили системного анализа.

Настоящее исследование вызвано попыткой закрыть одну из таких лакун – создать дорожную карту бассейна Северной Сосьвы в XVI – первой половине XVIII в. В качестве отдельных объектов традиционные пути сообщения на указанной территории частично были проанализированы Г.Ф. Миллером [5. С. 93–112]. Однако исчезновение с течением времени большого числа населенных пунктов, описываемых ученым, затрудняет работу по выявлению соответствующих линий коммуникации.

Исследования середины XIX в., проведенные на Урале под руководством Э. Гофмана, слегка расширили эти данные. Так, в отчете экспедиции, совершенной в 1847 г., автор упоминает торговую дорогу, ведущую в Предуралье по р. Вогулке, замечая, впрочем, что этот путь не очень удобен из-за маловодья и изогнутого русла реки [6. С. 16]. Позднее автором был дан список «чрезкаменных» проходов, соединяющих Предуралье с Западной Сибирью, три из которых приводили к бассейну Северной Сосьвы [Там же. С. 199]. Дополняет эти сведения описанный Н.А. Абрамовым путь из Тобольска в Обдорск [7. С. 423–426]. С этого периода в научной среде резко возрастает интерес к указанным коммуникациям. Определенное влияние на это оказали

попытки проникновения европейского капитала на западносибирские рынки [8]. Исследования К. Гате и Г. Тегнера, проведенные в 70-х гг. XIX в., привели к важным выводам. Согласно мнению исследователей, при существующих на то время сухопутных дорогах (обследования проводились по югу Западной Сибири) развитие торговли и добывающей промышленности в Сибири являлось бесперспективным [8. С. 31]. Одновременно с этим и морской путь ввиду тяжелых условий плавания по Карскому морю выступал ненадежной коммуникацией [Там же]. Вероятно, с этой проблемой связаны дальнейшие исследования и комплексные описания бассейна Северной Сосьвы, в особенности ее западного притока – р. Ляпин, проведенные К.Д. Носиловым [9] и Б.Н. Городковым [10]. Однако в литературе до настоящего времени имеется крайне мало свидетельств наличия путей сообщения в Северо-Сосьвинской провинции.

Как видим, объектом внимания исследователей становились лишь трансрегиональные коммуникации. Немного шире к поставленной проблеме подошли авторы коллективного труда «Северная Сосьва», частично нанесшие на карту региона траектории передвижения охотников и маршруты касланий в XVIII–XX вв. [11. С. 17].

В настоящей статье для анализа выбран комплекс источников, состоящий из текста Книги большому чертежу, чертежей С.У. Ремезова и путевых записок Г.Ф. Миллера. Несмотря на то, что в Книге большого чертежу не говорится о путях сообщения между регионами и населенными пунктами, сам характер этого источника позволяет подразумевать устойчивые коммуникации, по которым и проходило описание территорий. Разница в исчислениях расстояний, присутствующая в описании разных регионов, может быть объяснена только компилятивным путем создания источника. Его основой, таким образом, могли стать дорожники и близкие к ним росписи отдельных территорий, для которых, по справедливому замечанию В.В. Пестерева, графическая часть была излишней [12. С. 34]. На это указывает целый комплекс фактов. Во-первых, описание всех территорий прикреплено к речным магистралям, являющимся основным способом сообщения рассматриваемого периода. Описание Зауральских территорий начинается с самого северного городка Негей, дорога к которому указана от некоей точки «в море». Однако при переводе расстояния, данного источником (550 верст), от возможной локализации этого городка мы приходим не к морю, а к устью р. Сеяхи, замыкающей волок из Поморья в Обскую губу, действовавший до 20-х гг. XVII в. В текст источника органично вписаны отдельные главы, повествующие исключительно о дорогах и лишенные пространного описания территории (например, гл. XIX, посвященная дороге от Москвы до Архангельска и далее в Сибирь [13. С. 207]). Наличие в тексте нескольких мер версты, очевидно, свидетельствует о попытке автора (авторов) свести разнообразные источники в единое, стройное описание всей территории государства. Кроме того, совершенно выбивается из текста гл. X («город Киев»), дающая, в отличие от остальных списков, расстояние не верстами, а милями [13. С. 92–100], что также указывает на использование отличного от основной группы источника. Наконец, описание «окраинных территорий» распространено полезными для торговцев и путешественников сведениями о проживающих там народах: «крещенные Лопари», «Самоядь кочевая», «Мангазеи», «Пяки» и т.д.

Работа с этим документом, содержащим подробное описание интересующей нас территории [Там же. С. 211–215], и сочетание его данных с археологическими материалами показали высокую степень зависимости аборигенных городков XVI–XVII вв. от межрегиональных торговых путей [14. С. 156].

Рассматриваемая территория довольно подробно описана на страницах атласов С.У. Ремезова, из которых наиболее ценной для нашего исследования является вклейка листа № 119 Хорографической чертежной книги (далее – ХЧК), создание которой определяется первым десятилетием XVIII в. Нами также использован Чертеж земли Березовского города, отраженный на листе № 8 об. Чертежной книги Сибири. Сочетание картографического наследия С.У. Ремезова с данными Г.Ф. Миллера прекрасно зарекомендовало себя при анализе пространственных структур Западно-Сибирского региона [15. С. 52], что позволяет надеяться на положительный результат нашего исследования.

Историко-географические особенности региона

Очевидно, бассейн Северной Сосьвы выступает одной из первых областей, с которых началось ознакомление русских с пространствами Западной Сибири. Известно, что городок Ляпин, захват которого произошел во время похода 1499 г., являлся резиденцией местного князька Лябы [16. С. 291]. В середине XVI в. здесь складываются Ляпинская и Сосьвинская политии, ведущие довольно самостоятельную внешнеполитическую деятельность [11. С. 28].

Уже в 1586 г. Ляпинский князь Лугуй получает от российской администрации жалованную грамоту на 6 городков, среди которых, между прочим, имеются и населенные пункты, выходящие за пределы Северо-Сосьвинской провинции – городки Куноват и Илчма [17. № 54]. При разделении в 1607 г. Ляпинского княжества на его территориях будет образовано три самостоятельных волости, управление которыми отчасти возлагалось на родственные Лугую княжеские династии [11. С. 29].

Исследования традиционной культуры насельников данных волостей позволили выделить локальные группы населения, отнесенные к нижнеобскому этнографическому ареалу северных хантов, причем как минимум в одной из них фиксируется довольно монолитное ядро [18. С. 83–85]. Указанные особенности этой области позволяют рассматривать ее как отдельный регион со специфической драматургией исторического развития, названный в Книге большого чертежа отдельной страной – Югра [13. С. 215].

В географическом плане эта территория представляет собой обширную равнину со слабым уклоном,

определяющим медленное течение рек [19. С. 21]. Основная часть территории, огибаемая с севера Северной Сосьвой, входит в слегка приподнятый относительно общей площади Западной Сибири Кондо-Сосьвинский материк с чередованием своеобразных гряд-увалов и ложбин [Там же. С. 19–21]. Между тем, испещренная руслами многочисленных рек и примыкающих к ним заболоченных участков, она может рассматриваться в качестве единой сети сообщения внутри региона [8. С. 18]. К этому располагает и левобережье Северной Сосьвы, для которого характерно обилие крупных притоков, истоки которых восходят к границам северного региона (бассейн р. Сыни).

Такие условия позволяют предполагать практически беспрепятственное передвижение в регионе как речными, так и сухопутными путями. Одновременно с этим разветвленная сеть притоков основной водной артерии и наличие близлежащих бассейнов рек Сыня на севере и Пелым на юге создают возможность достижения соседних регионов не окружным путем по Оби, но более прямой дорогой, соединяющей эти речные системы.

Судоходное положение Северной Сосьвы создавало естественный канал сообщения с Предуральем [6. С. 200]. Однако далеко не все межрегиональные маршруты могут рассматриваться в качестве круглогодичных. Особенности течения рек Ляпин, Щекурья и Манья, несмотря на очевидные преимущества прохода по ним, в силу многочисленных порогов не располагают к летнему лодочному ходу [10. С. 92], в зимний же период, напротив, становятся привлекательными маршрутами передвижения. Описанная ситуация наталкивает на возможность разделения выявленных в ходе дальнейшего исследования путей, исходя из их сезонной специфики.

Летние и постоянные пути сообщения

О наличие устойчивой коммуникации между Предуральем и бассейном Северной Сосьвы через волок, известный из записок Г.Ф. Миллера [5. С. 109–110], от р. Илыч до р. Няис в период не позднее конца XVI в. можно судить, исходя из анализа списка «Югорских городков» в Книге большого чертежа, являвшихся маркером этой коммуникации. Определенное значение здесь приобретает городок Илчма, жалованный князю Лугую вместе с прочими городками по Сосьве и Сыне. Исследования этого топонима позволили локализовать искомый городок в верховьях р. Илыч [14. С. 155], замыкая тем самым «чрезкаменный» путь в Приобье. Таким образом, в распоряжении Лугуя оказался не только зимний межрегиональный путь (см. далее), но и летний, что позволяло его политии контролировать основные торговые потоки в регионе (рис. 1).

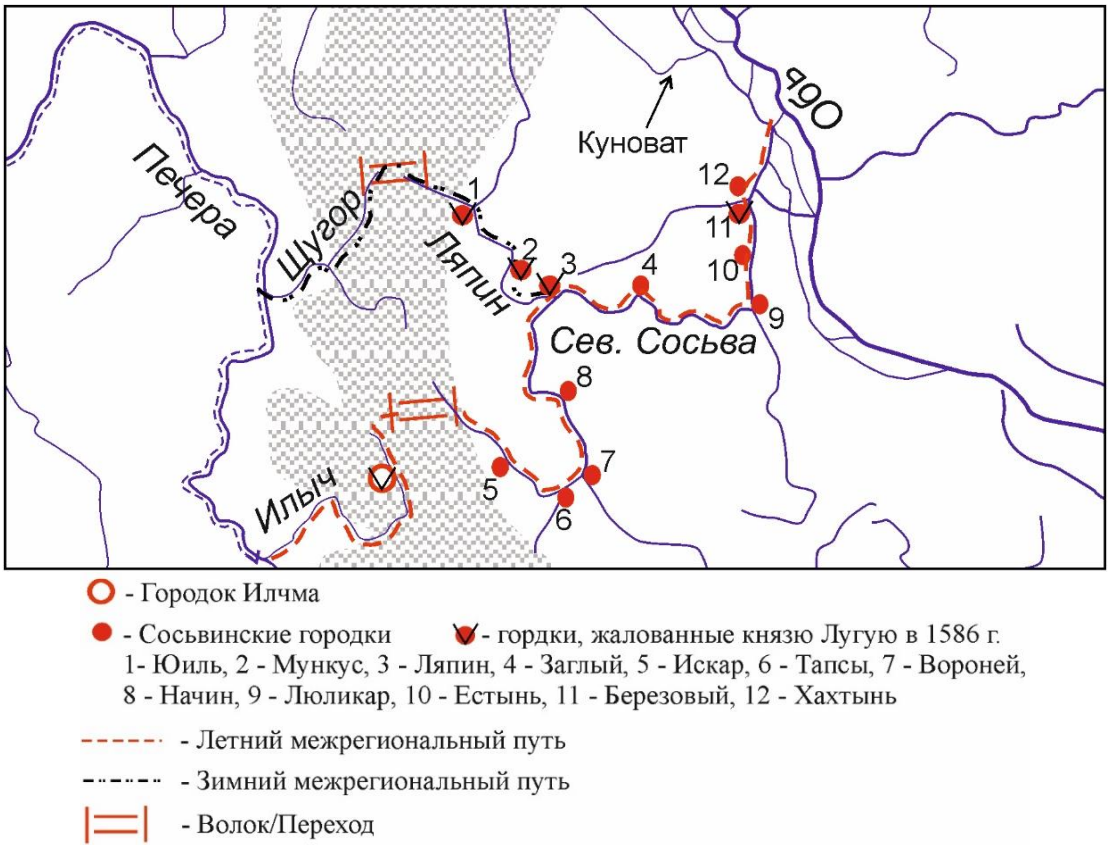

Рис. 1. Расположение аборигенных городков и межрегиональные маршруты в бассейне р. Северной Сосьвы (по материалам Книги большому чертежу)

Аналогичная коммуникация, связывающая верховья Печеры и Северной Сосьвы, отмечена С.У. Ремезовым волоковым ходом до юрт Сянтолиных. Оживление летнего торгового пути по Северной Сосьве как минимум в середине – конце XVII в. спровоцировало строительство в летних Люликарских юртах Киртас-

ской торговой заставы [5. С. 98]. В XVII–XVIII вв. остяки из Березова также отправлялись в Обь для рыбного промысла [11. С. 15].

Сухопутная коммуникация, связывающая в летнее время верховья Ляпина с северными районами (очевидно, с бассейном р. Сыни), известна как болотный маршрут, при этом на его преодоление требовалось порядка двух недель «оленным ходом» [20. Л. 119].

Волок, связывающий рассматриваемый регион с Пелымом, зафиксирован от верховьев р. Тапсуй, при этом тобольский картограф замечает: «Волок ходу 7 дней Тапсыйцы с Пелымцы промышляют вместе» [Там же. Л. 119], что, очевидно, является показателем контактной зоны, используемой вогулами как с Тапсуя, так и с Пелыма. Интересно это замечание и тем, что в силу традиционных норм хозяйствования такой промысел производился в зимнее время [11. С. 13–15]. Следовательно, данное направление использовалось круглогодично. Этот маршрут известен и по свидетельствам Г.Ф. Миллера, при этом в его изложении волок до реки Adym-ja (притока Пелыма) составлял 4 дня [5. С. 109].

Еще один постоянный внесезонный маршрут существовал по р. Малой Сосьве. По поводу его известно, что вогулы из Люликарских юрт поднимались для рыбной ловли по этой реке, не доходя примерно 20 км до р. Ponga (совр. Пунга) [Там же. С. 98]. Одновременно с этим в холодное время года данный путь использовался для доставки ясака в Шоркар вогулами, проживавшими в верховьях Малой Сосьвы.

В результате анализа этой группы путей сообщения можно уверенно говорить, что большая их часть была прикреплена к руслам крупных рек, между тем даже в столь ранний период источники фиксируют наряду с ними и пешие летние маршруты, очевидно тяготеющие к болотам. Наличие крупных речных магистралей, образованных правыми притоками Северной Сосьвы, спровоцировали создание внесезонных маршрутов, позволяющих в летний период достигать соседнего южного региона водным путем, а в зимний – пешим переходом.

Зимние маршруты

Отдельное внимание при анализе путей сообщения в регионе следует уделить маршрутам, существование которых было возможным только в зимний период года. Наиболее ранний зафиксированный источниками зимний межрегиональный путь в Северную Сосьву связывал Предуралье с Западной Сибирью посредством перехода от верховьев р. Щогура в р. Ляпин [21. С. 15–18]. Этот маршрут, использованный русскими воеводами в походе 1499 г., впоследствии станет устойчивой коммуникацией, обозначенной движением вдоль русел рек Щогур–Торговая (Хартемалья)–Хартес–Щекурья–Ляпин. Экспедиция, предпринятая в 1884 г. К.Д. Носиловым, оправдала возможность передвижения по данному направлению только в зимний период [9. С. 215–234], о чем замечал и Э. Гофман, называя его «Соблинским проходом». Вероятно, с оживленным движением по нему связано строительство в Ляпинском городке зимней Киртасской Заставы [5. С. 104–105]. Заметим, что Г.Ф. Миллер не мог объяснить наличие двух застав с одним и тем же названием ничем, кроме как разновременным происхождением. Однако анализ путей сообщения позволяет говорить о возможном синхронном существовании этих пунктов; правда, первая застава контролировала летний торговый поток, в то время как вторая приобретала значение только в зимний период.

В Хорографической чертежной книге зафиксирована довольно протяженная коммуникация, позволяющая в зимний период сократить путь от среднего течения р. Ляпин до г. Березова, минуя все излучины Северной Сосьвы. С.У. Ремезов поясняет ее значение следующим образом: «Ходу на оленях 3 дня, а в круг по Сосьве ходу 2 недели», – правда, автор не уточняет начального и конечного пунктов. С другой стороны, данная дорога была крайне важна, так как связывала в единый маршрут несколько притоков, а также юрты по рекам Ляпин и Вогулка. Г.Ф. Миллер по поводу этого маршрута замечал: «Когда вогулы (из Ляпина) хотят в зимнее время идти до Березова кратчайшим путем, то сначала они пересекают данное болото (от верховьев р. Вогулки), имея Вогулку справа, достигают Малую Вогулку (вог. Man-Wolja, совр. Мань-Волья) за 6 дней, идя пешком с нартами, оттуда до Березова 8 дней» [5. С. 95]. Исток р. Вогулки, по мнению автора, находился в болоте, расположенном на одной широте с Ляпинскими юртами. Таким образом, рассчитав расстояние от всех указанных пунктов, мы имеем возможность проследить скорость передвижения по данному направлению (Участок 1: от болота до Малой Вогулки – около 75 км / 6 дней = около 12,5 км / день; Участок 2: от Малой Вогулки до Березова – около 100 км / 8 дней = около 12,5 км / день).

В зимнее время зафиксированы также сокращенные пути между Нилдинскими и Кугинским юртами [5. С. 96]. Судя по Хорографической чертежной книге, этот путь известен не позднее рубежа XVII–XVIII вв., при этом он позволял вдвое сократить время перехода. Аналогичным образом более короткий зимний путь связывал Сосьву у р. Яныгьи с руслом Малой Оби.

Зимние пути передвижения коренного населения играли важную роль, так как именно в этот период в крупных населенных пунктах открывались ярмарки, на которых происходил обмен материальными благами. Определенное значение они также приобретали в промысловой деятельности; кроме того, в период с января по март традиционно проводился сбор ясака. Это позволяет утверждать, что в холодное время года потоки по коммуникациям Северной Сосьвы не затухали, они лишь слегка изменяли вектор движения (рис. 2). С другой стороны, затяжной зимний сезон, характерный для рассматриваемой территории, провоцировал население на прокладку новых, более торных маршрутов, позволяющих существенно сокращать время в пути.

Своеобразным показателем развития путей сообщения может выступать анализ селитебных структур региона. Логично предположить, что выбор места для основания поселения во многом зависел от траектории основных векторов передвижения на местности, а также

от интенсивности этого движения. В этом контексте информация, заключенная в источниках, позволяет существенно расширить наше знание об объекте исследования.

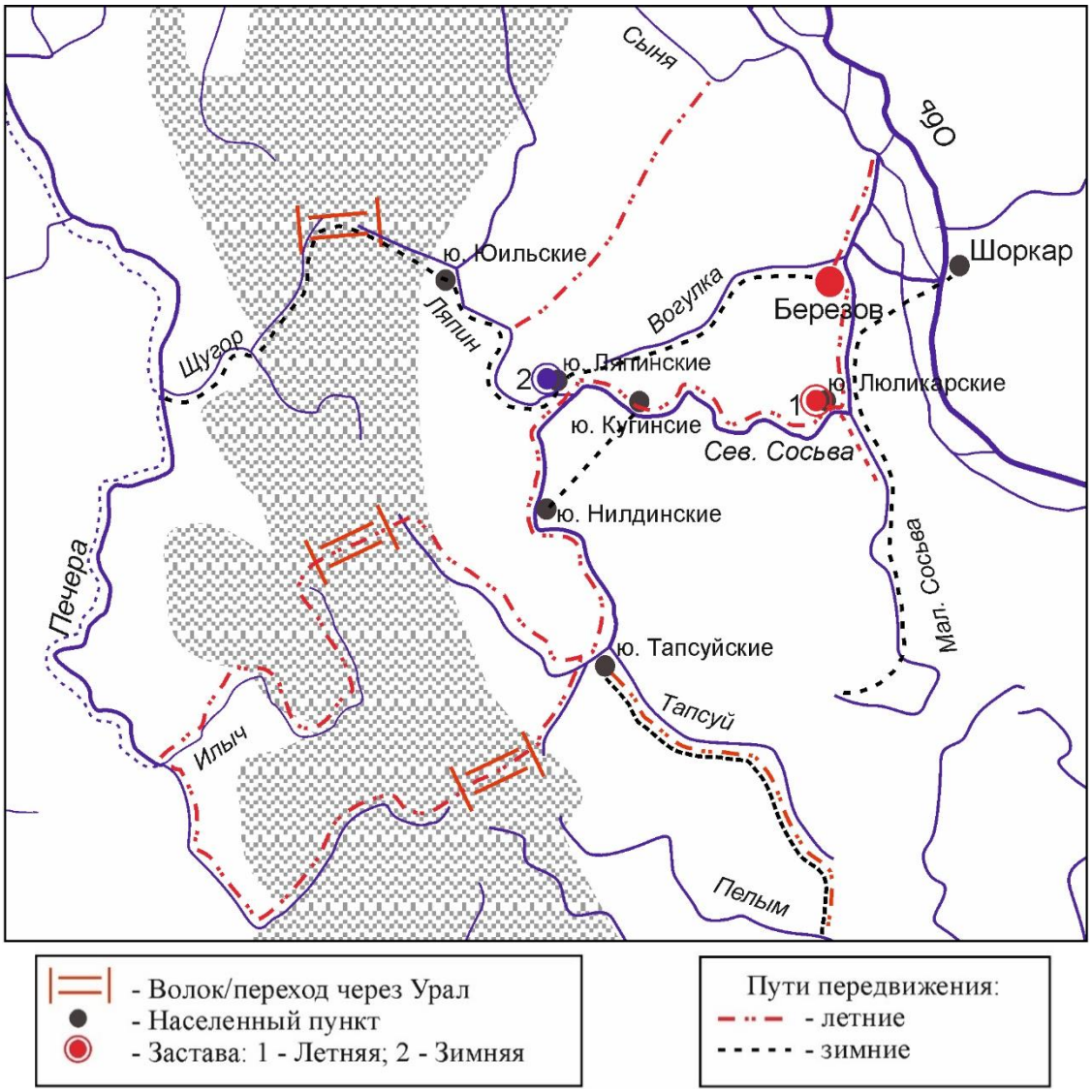

Рис. 2. Коммуникации в бассейне Северной Сосьвы в XVII – первой половине XVIII в.

Некоторые замечания о системе расселения в Северо-Сосьвинской провинции в конце XVI – середине XVIII в.

Ранний этап, рассматриваемый нами в рамках конца XVI – середины XVII в., к сожалению, не располагает большим количеством источников, а данные Книги большого чертежу во многом отрывисты и неполноценны. Можно лишь говорить, что данный документ локализует все аборигенные городки в пределах 1–3 дней пути друг от друга (при расчете, согласно которому за один день путник мог преодолевать около 20 км). Единственным исключением является расстояние в 80 верст между городками Искар и Тапсуй.

Между тем в документе дана информация только о городках, одной из функций которых являлся контроль за товарообменными операциями, в то же время данные, относящиеся к прочим типам поселений, отсутствуют. Очевидно, каждому из городков соответствовало одно или несколько сезонных неукрепленных поселений (юрт), как это будет зафиксировано впоследствии [18. С. 106–107], игнорирование же их источником еще раз подтверждает наш тезис о его природе – являясь лишь компиляцией дорожников, он фиксировал только те пункты, которые имеют значение для торговых сношений.

Теперь проследим за текстом Книги большого чертежу с опорой на реконструированную нами ранее дорожную карту (см. рис. 1):

«А выше Березова, под городом, пала река Сысва. А вытекла Сысва[1] река из той же горы, с Падою рекою близко, протоку Сысва реки 700 верст; река течет прямо. А в Сысву реку пала река Гудырья… А промежъ реки Сысвы и реки Гудырьи, пала в Гудырью, за 30 верст отъ устья Гудырьи, река Сыкырья. А въ Сыкырью из горъ же пала Кирасъ река… А ниже устья реки Гудырьи, пала в Сысву реку река Сосьва. А по Сысве реки и по Сосьве города: Съ верху на Сосвъ городъ Юидь. А съ другой стороны на низъ 30 верстъ, Мункус. А ниже Менкуса 30 верстъ, Ляпин. А ниже Ляпи-

на 60 верст, на другой сторнъ, на Сосвъ[2], Искар. А ниже 80 верстъ, Тапасы. А ниже 40 верстъ, Начинь, а с другой стороны 30 верстъ, Заглый. А ниже 50 верстъ, Вороней. А ниже 50 верстъ, Хюликар. А ниже 60 верстъ, Естынъ. А на усть ръки Сосвы, съ вышней стороны, Хахтынь, а съ нижней стороны Березовой. И тъ городы по Сысьвъ и по Сосвъ, Югра».

Текст Книги большого чертежу, таким образом, раскрывает нам лишь два пути с явным делением всего списка городков на эти маршруты. Первый из них позволяет достичь рассматриваемой территории в зимний период: описание части Югры по р. Ляпин до слияния с Северной Сосьвой, с обозначением рек Гудырья и Киртас. Второй путь (летний) соответствует описанию Югры по Севкрной Сосьве от ее истока к устью. Кроме того, взяв во внимание устойчивость выявленных выше маршрутов, предположим их более раннее возникновение.

Вышеизложенные предположения прекрасно иллюстрируются на примере чертежа «Березовского города» [22. Л. 8 об], на котором мы можем видеть весьма развитую систему сообщения между населенными пунктами начала XVIII в. На рисунке, кроме обозначения населенных пунктов, отмечено и расстояние между ними, выраженное в дневных переходах. Замечательно то, что подавляющее большинство юрт расположено в пределах 1/2–1 дня передвижения друг от друга (таблица).

Населенные пункты и расстояния до них по материалам Чертежной книги Сибири, Л. 8.

Группы	Населенный пункт	Направление	Расстояние	Примечания
Верховья Северной Сосьвы	Сянтылины юрты	До Родиных	1/2 дня	Верховья Северной Сосьвы
	Родины юрты	До Еременых	1/2 дня	У слияния с современным Няисом
	Еремины юрты	До Сенгоповых	1/2 дня	В устье Няиса, левый берег
	Сенгоповы юрты	До Няраковых	1 день	Северная Сосьва, левый берег
	Няраки юрты	До Хивышевых	1 день	Северная Сосьва, правый берег
Тапсуй	Кондрашкины юрты	До Мужиных	1 день	Мужины юрты в верховьях р. Тапсуй
	Понины юрты	До Кошкиных	1 день	Кошкины юрты на чертеже отсутствуют
Среднее течение Северной Сосьвы	Юрты Сапанчи Сортова	До Олешкиных	1 день	Юрты Сапанчи отмечены при устье Тапсуя, Олешкины – в среднем течении Сосьвы
	Олешки Чажева юрты	До Полтокова	1 день	При слиянии Сосьвы с Ляпином
Ляпин	Юрты Артанзеевы	До Шешки	1/2 дня (в чертеже: «До Обеда»)	Юрты Артанзеевы находятся при слиянии Сосьвы с Ляпином. Артанзеевы – побочная ветвь династии князя Лугуя, получившая во владение Куноватскую волость. Юрты, вероятно, расположены на месте бывшей столицы Лугуя – городка Ляпин
	Шешки Кушкинкилева	До Носковых	1 день	
	Носка юрты	До Рыбаковых	1 день	
	Рыбаковы юрты	До Кояловых	1 день	

Приведенные в таблице примеры прекрасно иллюстрируют наш тезис. Заметим, что на сопредельных территориях при анализе источника выявляется схожая ситуация.

Таким образом, через анализ рассмотренного источника выявляется довольно развитая сеть коммуникаций между юртами. Интересны упоминания расстояний до тех населенных пунктов, которые не попали в чертеж. Здесь уместно заметить, что С.У. Ремезов не посещал отображенной в этом рисунке территории. Оперируя рассказами очевидцев и, очевидно, некоторой документацией, он составлял описание Северной Сосьвы на основе источника, близкого к дорожнику, повествующему о поселениях, прикрепленных к основному пути. В таком случае отсутствие юрт Кошкиных и других, расположенных во внутренних территориях региона, оправдано, между тем наличие информации о них позволяет наметить иные, выходящие за рамки чертежа направления.

Выводы

Проведенные изыскания показали наличие устойчивых путей сообщения в рассматриваемом регионе. Важно подчеркнуть, что, несмотря на наличие крупной водной артерии, большое значение приобретали и сухопутные пути, проложенные по водоразделам. Отмеченные в тексте особенности позволяют ввести Северо-Сосьвинский историко-географический субрегион в систему стабильных связей с соседними территориями. Анализ внутренних коммуникаций позволяет говорить о развитой сети сообщений между населенными пунктами, выраженной наличием селитебных структур, тяготеющих к маршрутам передвижения и создающих условия для преодоления расстояния от одного поселения до другого за относительно короткий период (1/2–1 день). Наличие в рассматриваемом регионе как сезонных, так и круглогодичных маршрутов определяет значительную степень мобильности коренного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном случае имеется в виду приток западный приток Сосьвы – р. Сыгва (совр. р. Ляпин). Дальнейшее описание территории показывает, что описание ведется по течению этой реки, автор источника четко разделяет Сыгву и Сосьву.

[2] Здесь описание прерывается и начинается новый список городков, расположенных в верховьях Северной Сосьвы до слияния с Ляпином и далее – к устью Северной Сосьвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Карачаров К.Г. Археологические памятники Салымо-Юганской болотной системы // Болота и люди : материалы междунар. семинара «Болота и археология». М., 2000. С. 168–176.

2. Адаев В.Н. Болотные маршруты: пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 110–119.
3. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Столицы, дороги и границы Сибирских ханств // Уральский исторический вестник. Екатеринбург : Изд-во ИИиА УРО РАН, 2011. № 2 (31). С. 106–115.
4. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств // История татар Западного Приуралья. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. Т. I: Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. С. 250–263.
5. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. Элерта. Екатеринбург : Волот, 2006. 416 с.
6. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Императорским русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 годах : пер. с нем. СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1856. Том II, составленный начальником Уральской экспедиции Э. Гофманом. IV, 376, 76, 52 с., 26 л. ил., карт.
7. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 329–448.
8. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью (сочинения К. Гате и Г. Тегнера по переводу с датского языка на немецкий Р. Лемана. Галле, 1881) // Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1882. Кн. IV. С. 1–35.
9. Носилов К.Д. У вогулов : очерки и наброски. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 264 с.
10. Городков Б.Н. Краткий отчет о совершенной в 1915 г. поездке в Ляпинский край Тобольской губернии // Известия Императорской Академии наук. Петроград, 1916. С. 91–94.
11. Головнев А.В., Мартынова Е.П., Пика А.И., Перевалова Е.В., Федорова Е.Г. Северная Сосьва : исторические и современные проблемы развития коренного населения. Шадринск : Исеть, 1992 74 с.
12. Пестерев В.В. Организация населения в колонизуемом пространстве : очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
13. Книга большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. Изд. 2-е. СПб. : Тип. Императорской Рос. акад., 1838. 293 с.
14. Перцев Н.В. Аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVI вв.: торговый аспект // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 154–158.
15. Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 52–56.
16. Полное собрание русских летописей / под ред. М.Н. Тихомирова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. XXVI: Вологодско-пермская летопись. 413 с.
17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Селиванского, 1891. Ч. II. 610 с.
18. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.,1998. 236 с.
19. Экология Ханты-Мансийского автономного округа / под. ред. В.В. Плотникова. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 288 с.
20. Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова : факсимильное изд. Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск : Общественный фонд возрождение Тобольска, 2011. Т. 1. 172 л.
21. Лерберг А.Х. Историческое исследование о Югорской земле, в российско-императорском титуле упоминаемой. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1818. 30 с.
22. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 г. С. У. Ремезовым и его сыновьями // Рос. гос. б-ка. Отд. Рукописей. Ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева). № 346.

Nikita V. Pertsev, Yamal-Nenets regional Museum and exhibition complex named after I.S. Shemanovsky (Salekhard, Russian Federation); Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: pertsev1991@yandex.ru

THE MIGRATION ROUTES OF INDIGENOUS POPULATION IN THE NORTH SOSVA RIVER BASIN FROM THE END OF THE XVITH TO THE FIRST HALF OF THE XVIIITH CENTURIES (WRITTEN AND CARTOGRAPHIC SOURCES)

Keywords: Western Siberia; North Sosva River; Yugra; route; road; settlement.

The article is devoted to the identification of the traditional ways of communication between localities in the North Sosva River basin, which existed from the late XVIth to the first half of the XVIIIth centuries. This territory is considered as a separate subregion within the north of Western Siberia, determined by the specificity of historical development. Numerous written and archaeological sources confirm the existence of various localities here, united in a spatial image of «Yugra».

However, the linkage with these objects, which make up a unified system of connection are ignored during researches. Written and cartographic sources such as descriptions of maps in "Book of the Big Drawing", S.U. Remezov's works and the materials collected by G.F. Miller during his expedition to Western Siberiaб, were chosen for analysis.

"Book of the Big Drawing" led the author to an original interpretation of this source as a collection of roadmaps, where the territory was described on the basis of stable communications, but not a description of the single map. A study of the early stage routes (the end of the XVIth – the middle of the XVIIIth centuries), based on the materials of these roadmaps, made it possible to identify two main directions connected the territory under consideration with the Pre-Urals. A more detailed roadmap was reconstructed due to the synthesis of the cartographic works of S.U. Remezovand the notes of G.F. Miller. As a result, sustainable routes have been identified in the region, both attached to the stream bed and laid along the watersheds. These communications united localities and nearby regions. Analysis of the information presented in the sources detected theexistence of seasonal and permanent routes. Particular attention is paid to communications, which formation occurred in winter. The final outcome of our study was mapping of the results, which made it possible to create a visual model that displays a roadmap of the territory in the period under review. A peculiar indicator of the developed transportation system was clarified through the analysis of settlement structures in cartographic materials, which form a single vector of movement from one locality to another. A strict approach to the localization of these settlements in the sources provokes interest. Localities, probably, could be the intermediate points during trading, commercial or other operations.

REFERENCES

1. Vizgalov, G.P. & Karacharov, K.G. (2000) Arkheologicheskie pamyatniki Salymo-Yuganskoy bolotnoy sistemy [Archaeological sites of the Salym-Yugansk bog system]. *Bolota i lyudi* [Swamps and People]. Proc. of the Seminar. Moscow: [s.n.]. pp. 168–176.
2. Adaev, V.N. (2012) Swamp routes: communication ways and methods with peoples of Low Irtysh basin across watershed territories in the 18th – 20th centuries. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(18). pp. 110–119. (In Russian).

3. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2011) Stolitsy, dorogi i granitsy Sibirskikh khanstv [Capitals, Roads and Borders of the Siberian Khanates]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(31). pp. 106–115.
4. Maslyuzhenko, D.N. & Samigulov, G.Kh. (2016) Zemli Priural'ya v sostave Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv [The lands of the Urals as part of the Tyumen and Siberian Khanates]. In: Khakimov, R.S. et al. (ed.) *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya* [History of the Tatars of the Western Urals]. Vol. 1. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, AS RT. pp. 250–263.
5. Elert, A.Kh. (ed.) (2006) *Severo-Zapadnaya Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G.F. Millera* [North-West Siberia in G.F. Miller's expeditionary works and materials]. Ekaterinburg: Volot.
6. Gofman, E. (1856) *Severnyy Ural i beregovoy khrebet Pay-Khoy. Issledovaniya ekspeditsii, snaryazhennoy Imperatorskim russkim geograficheskim obshchestvom v 1847, 1848 i 1850 godakh* [Northern Urals and the Pai-Khoi coastal ridge. Research of the expedition equipped by the Imperial Russian Geographical Society in 1847, 1848, and 1850]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
7. Abramov, N.A. (1857) Opisanie Berezovskogo kraya [Description of the Berezovsky Territory]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 12. pp. 329–448.
8. Gate, K. & Tegner, G. (1882) Ob usloviyakh torgovogo snosheniya Evropy s Zapadnoy Sibir'yu (sochineniya K. Gate i G. Tegnera po perevodu s datskogo yazyka na nemetskiy R. Lemana. Galle, 1881) [About the conditions of trade relations between Europe and Western Siberia (the works by K. Gate and G. Tegner, translated from Danish into German by R. Lehmann. Halle, 1881)]. *Zapiski Zapadnosibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4. pp. 1–35.
9. Nosilov, K.D. (1997) *U vogulov: ocherki i nabroski* [The Voguls: essays and sketches]. Tyumen: SoftDizayn.
10. Gorodkov, B.N. (1916) *Kratkiy otchet o sovershennoy v 1915 g. poezdke v Lyapinskiy kray Tobol'skoy gubernii* [A brief account of the trip to the Lyapinsky region of Tobolsk province in 1915]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 91–94.
11. Golovnev, A.V., Martynova, E.P., Pika, A.I., Perevalova, E.V. & Fedorova, E.G. (1992) *Severnaya Sos'va: istoricheskie i sovremennye problemy razvitiya korennogo naseleniya* [Northern Sosva: Historical and Contemporary Problems of the Development of the Indigenous Population]. Shadrinsk: Iset.
12. Pesterev, V.V. (2005) *Organizatsiya naseleniya v kolonizuemom prostranstve: ocherki istorii kolonizatsii Zaural'ya kontsa XVI – serediny XVIII vv.* [Organization of the population in the colonized space: essays on the history of the Trans-Urals colonization in the late 16th – middle 18th centuries]. Kurgan: Kurgan State University.
13. Yazykov, D.I. (1838) *Kniga bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva, ponovlennaya v razryad i spisannaya v knigu 1627 goda* [The Large Atlas, or the Ancient Map of the Russian State, Updated in the Category and Written off in the Book of 1627]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Russian Academy.
14. Pertsev, N.V. (2018) Aboriginal small towns of the Lower Ob ofthe 15th–16th centuries: the trade aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 154–158. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/19
15. Tikhonov, S.S. (2013) The maps by S.U. Remesov and archaeological-ethnographic researches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 52–56. (In Russian).
16. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1959) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow: USSR AS.
17. Russia. (1891) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Letters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow: Tip. Selivanskogo.
18. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the History and Culture of the Khanty]. Moscow: RAS.
19. Plotnikov, V.V. (1997) *Ekologiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [Ecology of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Tyumen: SoftDizayn.
20. Remezov, S.U. (2011) *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova* [S.U. Remezov's Chorographic Atlas]. Facsimile edition from the Houghton Library, Harvard College, Harvard University. Vol. 1. Tobolsk: Public Fund for the Revival of Tobolsk.
21. Lerberg, A.Kh. (1818) *Istoricheskoe issledovanie o Yugorskoy zemle, v rossiysko-imperatorskom titule upominaemoy* [Historical Research about the Ugra Land, mentioned in the Russian-Imperial Title]. St. Petersburg: Tip. Karla Krayya.
22. Remezov, S.U. (n.d.) *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavlennaya 1699–1700 g. S. U. Remezovym i ego synov'yami* [The Atlas of Siberia, 1701, compiled in 1699–1700 by S.U. Remezov and his sons]. The Russian State Library. The Department of Manuscript. Fund 256 (N.P. Rumyantsev's Collection). № 346.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.2
DOI: 10.17223/19988613/71/17

В.И. Семенова

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК ТЮМЕНИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассмотрена коллекция железных изделий из раскопок Тюмени в 1988 г., включающая вооружение, инструменты, принадлежности ремесел и промыслов, предметы домашнего обихода. Все изделия традиционны для культуры русского населения XVII – начала XX в. и предназначались для удовлетворения повседневных нужд. Активные торговые связи с Уралом и центральной Россией не способствовали развитию местного кузнечного ремесла.

Ключевые слова: Тюмень; археологические раскопки; кузнечные изделия.

Спрос на кузнечную продукцию в сибирских городах всегда был высоким. Кузнецы упоминаются в самых первых списках ремесленников Тюмени. В 1624 г. в Тюмени было 7 кузнецов [1. С. 78]. На протяжении всего XVII в. город нуждался в товарах «с Руси». В таможенных книгах упоминаются ножи, топоры, косы, гвозди, скобы, тазы, котлы, блюда, ножницы, пробои, замки и пр. [2. С. 128–130, 144, 146, 147, 149, 194]. По городскому положению 1785 г. в Тюмени было образовано 27 цехов, кузнецы составили 16,8% от всего числа ремесленников [3. С. –111, 124]. Кузницы «больше на развалившиеся шалаши, чем на их звание, сходны» и работали, «когда кто им что сделать скажет», для крестьян – «сошники, косы, подковку лошади и протчую мелочь» посредственного качества [4. С. 180]. Археологические находки железных изделий из раскопок Тюмени в 1988 г. дают возможность дополнить письменные свидетельства.

Предметы вооружения

Вток копья втульчатый с четырехгранным острием длиной 10,7 см (длина острия 4 см, сечение 1 × 1 см, длина втулки 6 см, диаметр основания 2,5 см) надевался на тыльный конец древка для втыкания в землю. У основания втулки есть сквозное отверстие диаметром 0,6 см (рис. 1, *1*). Аналог есть на Албазинском остроге, датируется концом XVII в. [5. С. 163, рис. 6, *9*].

Наконечник стрелы с пирамидообразным пером длиной 7,4 см и с четырехгранным черенком длиной 5,6 см. Сечение пера у основания 1,5 × 1,5 см, черенок 0,9 × 0,9 см (рис. 1, *2*). Подобные бронебойные наконечники характерны для русского вооружения XVII в. [6. С. 282].

Наконечник дротика с ромбовидным асимметричным вытянутым узким уплощенном пером и воронковидной втулкой (рис. 1, *3*). Общая длина наконечника 26,6 см (перо 9 × 1,7 × 0,5 см; шейка 10,7 × 1 × 1 см, втулка 6,9 × 1,7 см). В русском вооружении употреблялось в XVII – начале XVIII в. [7. С. 36]. Аналоги есть в материалах могильников Абрамово-10, Бергамак II [8. Рис. 56, *2*; 9. С. 144–145, рис. 1, *12*].

Инструменты, принадлежности ремесел и промыслов

Ножи (22 экз.), типология проведена традиционно по форме спинки, черенка, количеству уступов в месте перехода черенка к лезвию [8. С. 68; 10. С. 54–56 и др.].

К типу 1 отнесены ножи универсального хозяйственного назначения с прямой спинкой с двумя уступами со стороны спинки и лезвия при переходе к сужающемуся черенку (11 экз.) [11. С. 428, 429, рис. 1]. Выделены две подгруппы: 5 ножей размерами 30–33 × 3–3,7 × 0,–0,5 см и 6 ножей 14,4–22 × 2,1–3,2 см (рис. 1, *4*). Среди ножей первой подгруппы выделяется нож, по форме и размерам близкий кинжалу или боевому ножу [8. С. 68, 70, рис. 51, *2;* 10. Рис. 37В].

К типу 2 отнесены 2 ножа с наклонной горбатой спинкой с наклонными уступами со стороны спинки и лезвия при переходе к сужающемуся черешку размерами 15–18 × 2–3 × 0,4 см (рис. 1, *5*).

К типу 3 принадлежат ножи с прямыми спинками с наклонными уступами со стороны лезвия; при переходе к пластинчатому черешку острия лезвий симметричны (6 экз.). На одном экземпляре в основании черешка есть валик-упор шириной 0,7 см, сохранился натыльник (рис. 1, *6*). На черешках отверстия от крепления пластинчатых накладок рукояти (рис. 1, *7*). Средние размеры ножей 12–21,8 × 1,8–3,3 × 0,4 см, один нож – 31,7 × 3,3 × 0,5 см. Подобные ножи с пластинчатыми рукоятями встречаются в русских памят-

никах XVII в. [12. С. 118, табл. 40, *5*; 13. С. 186, рис. 3, *8*, с. 187, рис. 4, *13*; 14. С. 85].

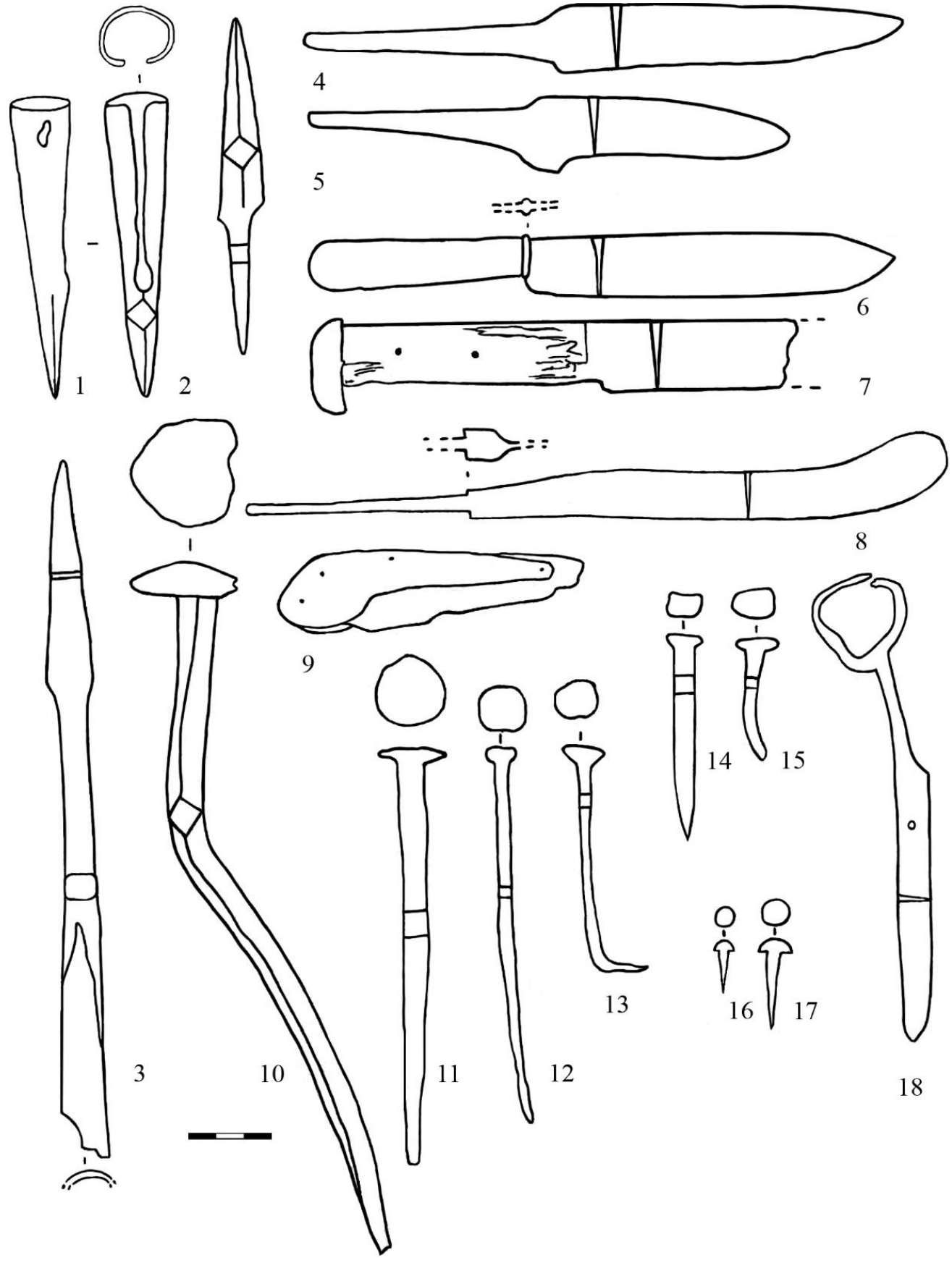

Рис. 1. Предметы вооружения, инструменты:
1 – вток копья; *2* – наконечник стрелы; *3* – наконечник дротика; *4–9* – ножи; *10–17* – гвозди; *18* – ножницы

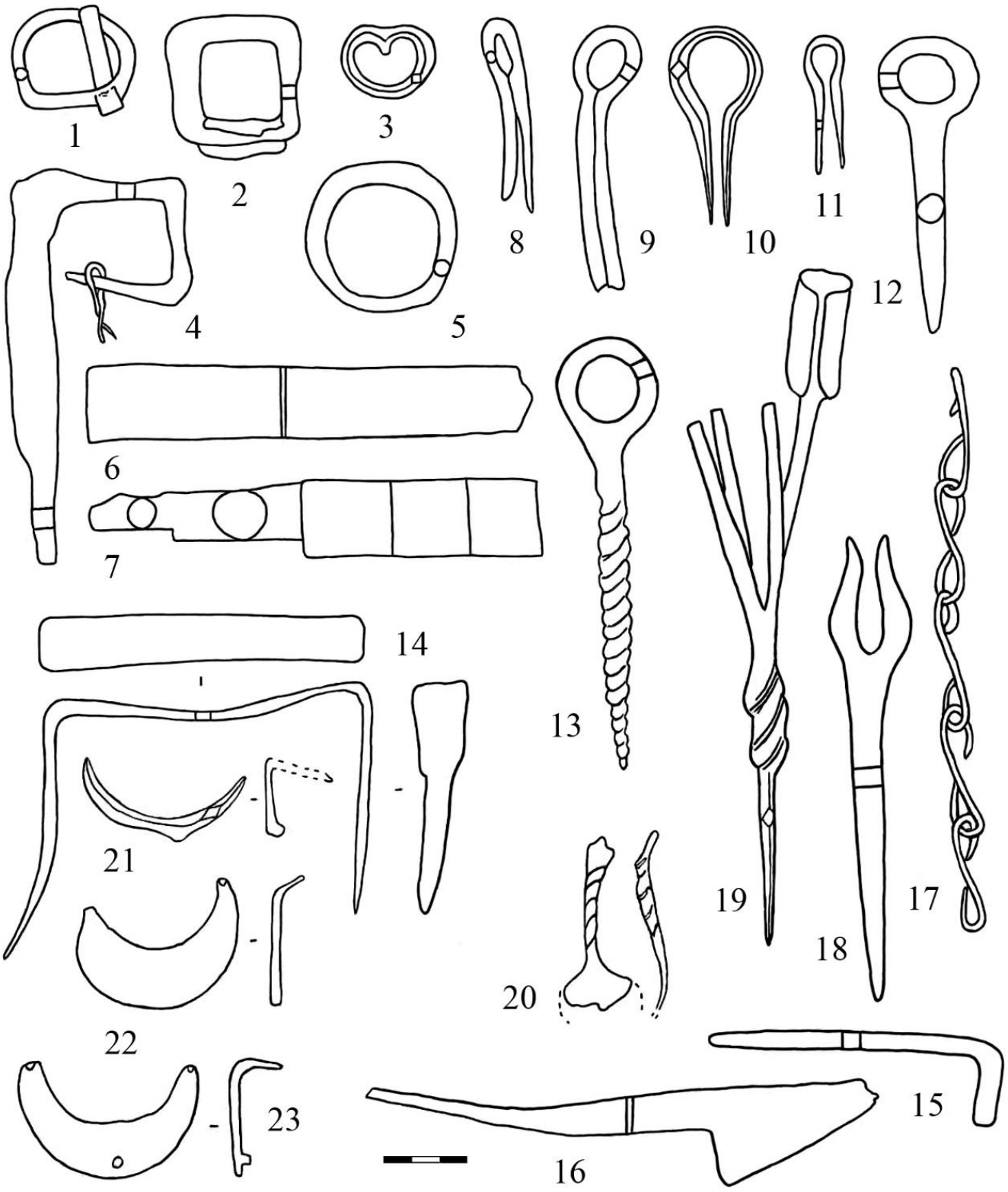

Рис. 2. Предметы промыслов и домашнего обихода:
1–3 – пряжки; *4* – чека от тележного колеса; *5* – кольцо; *6* – пластина; *7* – ось тележки; *8–13* – пробои; *14* – скоба; *15* – крюк для запора; *16* – щеколда; *17* – цепь; *18–19* – светцы; *20* – ложка; *21–23* – подковки

К типу 4 отнесен столовый нож с криволинейно-горбатой стенкой с вертикальными короткими уступами со стороны спинки и лезвия при переходе к четырехгранному узкому черешку, острие овальное, затупленное, поднято кверху, размеры 26 × 2,1 × 0,1 см (рис. 1, *8*).

Тип 5 представлен складным ножом с роговыми обкладками в сложенном состоянии размерами 11,3 × 3,3 × 1,3 см (рис. 1, *9*). Аналоги есть на поселении Ананьино в Тарском Прииртышье, датированы XVIII–XIX вв. [11. С. 428, 429, рис. 1, № 2782].

Гвозди **(**40 экз.) характеризуются квадратными шляпками и прямоугольными с боковыми гранями, не выходящими за пределы стержня гвоздя [15–18]. С.Ф. Татауров выделяет шпили (длиной более 20 см) и собственно гвозди (7–10 см) [16. С. 125]. Гвозди из раскопок Березовского городища представлены сапожными и строительными, последние распределены по размерам: мелкие 4,5–6 см, средние 8–10 см, крупные 12,6–16 см [19. С. 254]. В тюменской коллекции выделены строительные, сапожные, подковные гвозди. Строительные систематизированы по размеру.

К типу 1 отнесены шпили (3 экз.) длиной 24–28 см с прямоугольным сечением (0,5–1 х 1 см). Форма шляпки у одного прямоугольная (2,6 × 2,3 см), у второго округлая конусовидная (4 см), у третьего отломана (рис. 1, *10*).

К типу 2 принадлежат гвозди длиной 18–22,5 см (4 экз.) с прямоугольным сечением (0,4–1 × 0,6–1 см), с большими уплощенными шляпками, у одного шляпка прямоугольная (2,4 × 2,4 см), у трех – округлые (2,6 × 2,7 и 2,5–1,5 см) (рис. 1, *11*).

К типу 3 отнесены гвозди длиной 13,5–18 см (12 экз.) с прямоугольным сечением (0,3–0,7 × 0,3–0,8 см), в основном с округлыми, уплощенными шляпками (0,7–1,6 × 0,9–1,7 см), только у трех шляпки прямоугольные (1,1–1,4 × 1,1–1,3 см) (рис. 1, *12*).

В типе 4 объединены гвозди длиной до 13,5 см (16 экз.) с прямоугольным сечением (0,2–0,9 × 0,3–0,9 см), с уплощенными прямоугольными шляпками (1–1,6 × 1,1–1,6 см), только у двух округлые (1,4 × 1,2 и 0,9 × 1,5 см) (рис. 1, *13*).

К типу 5 отнесены гвозди длиной 9 см (2 экз.) с прямоугольным сечением (1 × 0,7 и 0,8 × 0,6 см) с прямоугольными уплощенными шляпками (1,3 × 0,7 и 1,5 × 1,3 см) (рис. 1, *14*).

К типу 6 принадлежат гвоздь длиной 5 см с прямоугольным сечением (0,6 × 0,4 см) и прямоугольной шляпкой (1,6 × 1,2 см) (рис. 1, *15*).

Сапожные гвозди (14 экз.), три из них найдены в виде отдельных находок, остальные – в 6 наборных кожаных каблуках. Размеры: длина от 1,5 до 3 см, толщина от 0,15 до 0,4 см, диаметры шляпок от 0,2 до 1 см (рис. 1, *16, 17*). Подковные гвозди-ухнали сохранились в подковах и представляют собой плоские гвозди с характерными головкой, штифтом и острием.

Шилья (2 экз.) длиной 8,4 и 9,4 см, оба с ромбовидным сечением (0,3 см и 0,4 см), наиболее типичным для подобных изделий европейской России и Сибири [10. С. 63].

Спиралевидное сверло представлено фрагментом острия длиной 12,2 см со спиралевидной скруткой в нижней части, в верхней части сечение квадратное (1,2 × 1,3 см), аналог есть в Мангазее [14. С. 70, рис. 97, *4*].

Лезвие от рубанка (?) в виде пластины трапециевидной формы, клиновидной в профиле (3,8 × 3–4 × 0,6 см).

Серп, сохранилась часть острия (23 × 3 × 0,15 см) [11. С. 431, рис. 2].

Ножницы шарнирные, сохранилось одно лезвие с несомкнутым сверху кольцом, общая длина 17,7 см. Длина лезвия 9,1 см, ширина 1,4 см, толщина 0,3 см, на лезвии есть отверстие для крепления и следы заточки. Кольцо подтреугольной формы (3,5 × 3,4 см) имеет прямоугольное сечение 0,1–0,4 × 0,4–0,6 см (рис. 1, *18*).

Извозный промысел документируется предметами снаряжения лошади (подковы, пряжки, кольца) и деталями транспортных средств (чека от колеса телеги, фрагмент оси тележки (?), пластины).

Подковы (10 экз.) представлены в основном половинками или задними окончаниями ветвей, типология проведена по общепринятой схеме [20. С. 83, 84; 21. С. 239; 22. С. 142; 23. С. 84].

Тип 1 представлен подковой в виде полуокружности с передним шипом, которые характерны только для России и бытовали с середины XI по XVII в. К типу 2 отнесено 9 подков в форме трехчетвертного овала с двумя задними шипами, с большим количеством отверстий для ухналей и гвоздевой дорожкой, более поздние по времени. Две подковы имеют отвороты, предохраняющие копыто лошади спереди от удара о камни. На одной из них вкрученный пяточный шип высотой 1,6 см в виде буквы «Н» (1,4 × 1,4 см). Подобные подковы изготавливались серийно до 1941 г. и были приняты в кавалерии. В целом тюменские подковы относятся к общерусской традиции и укладываются в период XVII – середина XX в.

Пряжки (3 экз.), рамчатые, ременные. Одна арочная с прикипевшим штырем (толщина 0,7 см) на прямом основании, сечение рамки эллипсоидное (толщина 0,4–0,6 см), размеры 4–4,4 × 3,6 см (рис. 2, *1*). От второй пряжки сохранилась рамка квадратной формы с квадратным сечением (0,7 × 0,7 см), на одной из сторон видны остатки крепления в виде загнутой вокруг пластины. Размеры 4,3 × 4,3 см (рис. 2, *2*). Третья пряжка имеет сердцевидную рамку с прямоугольным сечением (0,3 × 0,7 см). Общие размеры 2 × 2,3 см (рис. 2, *3*).

Чека для тележного колеса в виде штыря из прута с прямоугольным сечением (1,7 × 1,4 см), один конец уплощен (1,1–2,3 × 0,5 см) и загнут три раза под прямым углом, общие размеры 13,8 × 6,5 × 1,5 см. На головке чеки остался закрученный фрагмент медной проволоки (рис. 2, *4*).

Кольца (2 экз.) из прута с круглым сечением (0,5 и 0,8 см). У первого концы заходят друг за друга, у второго сварены. Размеры 3,3 × 3,9 × 0,5 и 5,5 × 5,7 × 0,8 см (рис. 2, *5*).

Ось тележки (?), фрагмент в виде стержня с квадратным сечением (2,5 см) с одной стороны и двумя круглыми отверстиями – с другой (2 и 1,5 см). Размеры 15,7 × 3,7 × 2,2 см (рис. 2, *7*).

Пластины (2 экз.) в виде прямоугольных полос; первая изогнута, имеет размеры 5,5 × 4 × 0,5 см, вторая прямая, размерами 15,3 × 2,6 × 0,3 см. Обе могли использоваться в качестве оковок колеса телеги (рис. 2. *6*).

Предметы домашнего обихода

К деталям дверных запоров относятся пробои, скобы для засовов, крюки для запоров, щеколды, болты.

Пробои дверные (6 экз.) представлены 2 типами по технологии изготовления.

Пробои 1 типа (4 экз.) – из согнутого пополам прута, с одной стороны которого оставлена овальная петля, а с противоположной концы сближены (рис. 2, *8–11*). Первый пробой сделан из прута с круглым сечением,

петля овально-щелевидной формы, общие размеры 7 × 1,4 × 0,5 см. Аналоги есть в Кузнецком остроге, в Тарском Прииртышье [11. С. 430]. У второго пробоя прут четырехугольного сечения, петля круглая, концы плотно сведены, общие размеры 9,5 × 2,3 × 1,9 см. Третий пробой с круглой петлей и параллельными заостренными на концах стержнями с ромбовидным сечением размерами 7,3 × 3,3 × 0,6 см. Последний пробой этого типа напоминает предыдущий. Он сделан из сложенной пополам металлической полосы с круглой петлей со слегка расходящимися приостренными концами, сечение прямоугольное, размеры 4,8 × 1,5 × 0,4–0,6 см.

Ко второму типу относятся 2 пробоя в виде прокованных стержней с кольцами (рис. 2, *12, 13*). Первый пробой имеет кольцо диаметром 3 × 3,3 см, сужающийся заостренный стержень круглого сечения, общая длина 10,5 см. Второй пробой – кольцо диаметром 3,8 см и сужающийся круглый в сечении стержень со спиральной нарезкой, общая длина 15,3 см. Аналог есть в Мангазее [14. С. 270, рис. 154, *7, 8, 11*].

Скобы для засовов П-образной формы (4 экз.) с четырехугольным сечением. Две скобы размерами 11 × 6 × 1,1 см и 5 × 4,8 × 0,7 см имеют соответственно ромбовидное и прямоугольное сечение, к концам заострены. Третья скоба имеет пластинчатую спинку шириной 1,8 см и боковые части в верхней трети шириной 1,5 и 1,6 см, толщиной 0,3 см, окончания четырехгранные. Общие размеры 11,5 × 9,5 см (рис. 2, *14*). Четвертая скоба из стержня с квадратным сечением и короткими отогнутыми боковыми частями. Размеры 9,5 × 1,8–2,3 см.

Крюки для запоров Г-образной формы для петлевых навесов на двери (3 экз.), сделаны из стержней с четырехугольным сечением (0,4–0,9 см), у одного короткий отгиб – круглого сечения (0,7 см), длина 6,2–11 см, высота 1,8–5,2 см (рис. 2, *15*).

Щеколды для запоров (2 экз.) в виде пластин с треугольным выступом снизу. Размеры 17,5 × 3,4 × 0,7 см (рис. 2, *16*).

Болты крепежные, возможно, от запоров (2 экз.). Первый болт кованый с семигранной головкой (2,5 × 2,5 × 1,2 см) и округлым в сечении стержнем (1,5 см), общая высота 3,5 см. Второй болт машинной работы с квадратной головкой (1,8 × 1,8 × 1 см), круглым сечением (1 см), с нарезкой под шляпкой. Общая высота 7 см.

Пластина крепежная Г-образной формы со срезанными углами. В меньшей части сквозное отверстие. На конце длинной части вмятина от круглого упора. Размеры 10,5 × 4,6 × 0,1 см.

Домашняя утварь представлена цепью от котла, светцами, ложкой, дужкой (от ведра?), обувными подковками.

Цепь для подвешивания котла из пяти звеньев, каждое звено из стержня круглого сечения (0,3 × 0,4 см) S-видной формы длиной 4,5–5,1 см. Общая длина цепи 21,4 см (рис. 2, *17*). Аналоги есть в Новгороде, Мангазее [10. С. 102, 103, рис. 88, *2;* 24. С. 235, рис. 186, *8*].

Светцы (2 экз.), приборы для освещения помещения. Первый светец в виде двузубого стержня (длина 16,6 см, ширина 2,7 см), зубцы изогнуты и слегка разведены на концах. Размеры отверстия для лучины 1 × 2,5 см (рис. 2, *18*). Четырехгранный (1,2 × 1,1 см) приостренный на конце черенок вставлялся или вбивался в деревянную подставку. Аналоги есть в материалах из раскопок Тары, Мангазеи, усадеб Старой Рязани [13. С. 186, рис. 3, *12*; 14. С. 270, рис. 154, *1, 2*; 25. С. 29]. Второй светец четырехрожковый, общие размеры 23,8 × 5,5 см. Рожки-держатели прямые, четырехгранные в сечении, три равной высоты для лучины (сечение 0,6 × 0,6 см), четвертый рожок с патроном для свечи (сечение 0,6 × 0,7–0,8 см) значительно выступает над остальными. Высота патрона 4 см, диаметр 2–2,3 см. Черенок четырехгранный, в центре закручен, к основанию сужается (сечение 0,5 × 0,9 см) (рис. 2, *19*). Четырехрожковые светцы имеют широкую дату с конца XVII по XIX в. включительно [5. С. 162–163, рис. 6, *12*; 15. С. 277, 283].

Ложка, сохранились сегментовидная часть черпака (2,5 × 1,3 см), круглая в сечении (0,5 см) перекрученная ручка длиной 4,7 см, общая длина предмета 6 см (рис. 2, *20*). Подобные ложки бытовали в XVII в.

Дужка (от ведра?) в виде согнутого крючком прута округлого сечения, один конец обломан, второй сплющен. Размеры 14 × 9 × 0,7 см.

Подковки (6 экз.), по способу крепления к каблуку относятся к врезным (рис. 2, *21–23*). Тип 1 (2 экз.): первая подковка высокая (толщина пластины 0,5 см), узкая (ширина пластины 0,4 см) с выступом сзади высотой 0,8 см, с двумя шипами. Подковка сохранилась на наборном каблуке с остатками подошвы с крокулем. Вторая подковка с тремя шипами, высокая (толщина пластины 0,5 см), узкая (ширина пластины 0,8 см). Боковые шипы прорезают всю толщу наборного каблука. По московским материалам они датируется XVI в., аналог есть в Томске [22. С. 161, рис. 167, *5*, с. 162; 26. С. 77;]. Тип 2 (2 экз.): обе подковки высокие (толщина пластины 0,5 см), широкие (ширина пластины 1,5 и 1,2 см). Тип 3 (2 экз.): обе подковки низкие (толщина пластины 0,3 см), широкие (ширина пластины 1,9 и 2 см). Типы 2 и 3 датируется XVII в. [26. С. 79].

В целом представленная коллекция показывает, что кузнечное ремесло Тюмени удовлетворяло повседневные потребности населения. Оно носило кустарный характер. Весь рассмотренный ассортимент не выходил за рамки традиционных форм, характерных для культуры русского населения XVII – начала XX в. Отсутствие собственного сырья, близость Урала и интенсивность торговых связей города не способствовали его поддержанию на высоком уровне. Тем не менее наличие кузнечного дела является важным аспектом развития сибирского города, так как общеизвестно, что кузнец – всем ремеслам отец.

Благодарности. Автор выражает глубокую благодарность Н.М. Зинякову за консультации в процессе работы над статьей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курилов В.Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 76–86.
2. Тюмень в XVII столетии. Тюмень : Мандр. и Ка, 2004. 200 с.

3. Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 110–130.
4. Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб. : Русь, 2004. 512 с.
5. Артемьев А.Р. Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // Российская археология. 2005. № 1. С. 155–166.
6. Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII века // Археология Подмосковья. 2007. № 3. С. 277–331.
7. Гоняный М.И., Гриценко В.П., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. 2011. № 2. С. 32–57.
8. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 262 с.
9. Татауров С.Ф., Шлюшинский А.И. Находки русского оружия // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск ; Омск : Наука, 2006. С. 139–143.
10. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 7–119.
11. Зиняков Н.М. Черноталлические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристик // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 427–437.
12. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
13. Даркевич В.П. Усадьба XVII в. в Старой Рязани // Российская археология. 1994. № 1. С. 180–190.
14. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
15. Зиняков Н.М. Черноталлические изделия поселения Изюк-1: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2005. С. 275–289.
16. Татауров С.Ф. Железные гвозди на поселениях XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик ; Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2001. С. 125–128.
17.Татауров С.Ф. Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2004. Т. 8. С. 234–241.
18. Корчагин П.А. Возможности интерпретации археологических источников позднего средневековья и нового времени: гвозди // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С. 56–63.
19. Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 251–267.
20. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с. (Свод археологических источников; Е1-36б).
21. Двуреченский О.В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья. 2004. № 1. С. 238–244.
22. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760-е гг. : историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
23. Семенова В.И. Коллекция подков из собрания музейного комплекса им. И.Я. Словцова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 82–88.
24. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Караван, 2017. 360 с.
25. Татауров С.Ф., Федотова И.В. Археологические материалы из раскопок в г. Таре в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея (раскопки 2009–2017 гг.) : каталог. Омск : Золотой тираж, 2018. 48 с.
26. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. : материалы раскопок археологических исследований. М.: Ин-т археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.

Valentina I. Semyonova, Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russian Federation). E-mail: valivsem8@mail.ru

IRON PRODUCTS' COLLECTION FROM TYUMEN EXCAVATIONS

Keywords: Tyumen; archaeological excavation; forged products.

Blacksmiths are mentioned on the very first lists of Tyumen craftsmen who provided important industries and fulfilled state needs. The article describes finds from Tyumen excavations of 1988: weaponry, tools, craft and trade utensils, household items from the 17th to the early 20th centuries.

Weaponry. A spear tip with an asymmetrical rhomboid extended narrow flattened nib, long square-section neck and funnel bushing (26,6x1,7x1 sm.) was used in Russian armament until the end of the Middle Ages (the end of the 17th – the beginning of the 18th centuries). The armor piercing arrow head with a pyramidal nib, a four-sided stem and a slightly rounded pointed ending (13x1,5 sm.) dates from the 17th century. Spear socketed butt-weight with a square point was put on the shaft back end for driving into the ground (10,7x2,5 sm.). Spear socket basis (dates from the end of the 17th century) has a through hole 0,6 sm. in diameter.

Knives (22 items) are represented by five types: knives with a straight back and two steps at the knives' bars' and beam's side where they shift to the tapering stem (1st type, 9 items, 20-30x3-3,7x0,4 sm.). Knives with an inclined hump back and inclined steps at the bar's and beam's side shifting to the tapering stem refer to the 2nd type (2nd type, 2 items, 15-18x2-3x0,4 sm.). Knives with a straight back and inclined steps at the beam's side shifting to the broad expanding stem with symmetrical blade edges (3rd type, 6 items, 10-20x2-3x0,4 sm.; one knife is of 31,7x3,3x0,5 sm.). A table knife with a curvilinear and hump side, vertical short steps at the bar's and beam's side shifting to the square narrow stem, with a raising oval blunted edge refers to the 4th type (4th type, 1 item, 26x2,1x0,1 sm.). Such knives had handles made of pressed-on plates which were riveted. A clasp knife with horny covering in a folded position (5th type, 1 item, 11,3x3,3x1,3 sm.).

Nails (40 items) are represented by construction nails, shoe nails and horseshoe nails. Construction nails are systematized by their length – 23-28 sm., 13,5-18 sm., up to 13,5 sm., to 9 sm., to 6,75 sm. Shoe nails (14 items) are found as separate finds, the rest of them – in six stacked heels (1,5-3x0,15x0,4 sm.; nail head diameters – 0,2-1 sm.). Horseshoe nails are represented by hoof nails, survived in horseshoe bends.

Carrier's trade, characteristic for Tyumen, is documented by horseshoes (10 items), carriage linchpin, a cart axle fragment (?), horse harness buckles (3 items) and connecting rings. Tools' finds are not many – the fragments of a sickle, drill bars, a plane iron (?), awls (2 items) and half of scissors.

Household items are represented by door latch gear (staples (5 items), screw bolts (2 items), a chain for suspending a pot, rush-light holders (2 items), a spoon, a bail and shoes (6 items).

In general, it can be concluded that Tyumen blacksmiths worked in the tradition of Old Russian masters' working of iron and met citizens' daily needs.

REFERENCES

1. Kurilov, V.N. (1974) Uchastie sluzhilykh lyudey v stanovlenii g. Tyumeni kak torgovo-promyshlennogo tsentra v XVII v. [Participation of service people in the formation of Tyumen as a commercial and industrial center in the 17th century]. In: *Goroda Sibiri* [Cities of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 76–86.
2. Golovachev, P.M. & Chukmaldina, A.I. (2004) *Tyumen' v XVII stoletii* [Tyumen in the 17th century]. Tyumen: Mandr. i Ka.
3. Kopylov, D.I. (1974) Razvitie obrabatyvayushchey promyshlennosti g. Tyumeni v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The development of the manufacturing industry in Tyumen in the late 18th – first half of the 19th century]. In: *Goroda Sibiri* [Cities of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 110–130.
4. Minenko, N.A. (2004) *Tyumen': letopis' chetyrekh stoletiy* [Tyumen: a chronicle of four centuries]. St. Petersburg: Rus'.
5. Artemiev, A.R. (2005) Arkheologicheskie issledovaniya russkikh pamyatnikov novogo vremeni v Pribaykal'e, Zabaykal'e i Priamur'e [Archaeological research of Russian modern monuments in the Baikal region, Transbaikalia and Outer Manchuria]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 155–166.
6. Dvurechenskiy, O.V. (2007) Nakonechniki strel Moskovskoy Rusi i Russkogo gosudarstva XV–XVII veka [Arrowheads of Moscow Russia and the Russian state of the 15th – 17th centuries]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 3. pp. 277–331.
7. Gonyanyy, M.I., Gritsenko, V.P. & Dvurechenskiy, O.V. (2011) Kompleks vooruzheniya i snaryazheniya vsadnika i verkhovogo konya iz kazach'ikh slobod Epifanskogo uezda [A set of weapons and equipment for a rider and a riding horse from the Cossack settlements of the Epifan district]. *Voennaya arkheologiya*. 2. pp. 32–57.
8. Molodin, V.I., Sobolev, V.I. & Soloviev, A.I. (1990) *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the late Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
9. Tataurov, S.F. & Shlyushinskiy, A.I. (2006) Nakhodki russkogo oruzhiya [Finds of Russian weapons]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Krasnoyarsk; Omsk: Nauka. pp. 139–143.
10. Kolchin, B.A. (1959) Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo (produktsiya, tekhnologiya) [Iron-working craft of Novgorod the Great (products, technology)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 65. pp. 7–119.
11. Zinyakov, N.M. (2017) Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Anan'ino v Tarskom Priirtysh'e: tekhnologicheskaya kharakteristik [Ferrous metal products of the Ananyino settlement in the Tara Irtysh region: technological characteristics]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 427–437.
12. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) *Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Material culture of Russian polar sailors and explorers of the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Darkevich, V.P. (1994) Usad'ba XVII v. v Staroy Ryazani [The Manor of the 17th century in Old Ryazan]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 180–190.
14. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: a new archaeological research (2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
15. Zinyakov, N.M. (2005) Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Izyuk-1: tekhnologicheskaya kharakteristika [Ferrous metal products of settlement Izyuk-1: technological characteristics]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 275–289.
16. Tataurov, S.F. (2001) Zheleznye gvozdi na poseleniyakh XVII–XVIII vv. v Srednem Priirtysh'e [Iron nails on the settlements of the 17th – 18th centuries in the Middle Irtysh region]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Nalchik; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 125–128.
17. Tataurov, S.F. (2004) Gvozd' v Sibiri [The Nail in Siberia]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma* [The ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society]. Vol. 8. Omsk: Nauka. pp. 234–241.
18. Korchagin, P.A. (2015) Vozmozhnosti interpretatsii arkheologicheskikh istochnikov pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni: gvozdi [Possibilities of interpreting archaeological sources of the late Middle Ages and modern times: nails]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul; Omsk: Nauka. pp. 56–63.
19. Parkhimovich, S.G. (2008) Kollektsiya artefaktov iz raskopok Berezovskogo gorodishcha [Collection of artifacts from the excavations of Berezovsky settlement]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 251–267.
20. Kirpichnikov, A.N. (1973) *Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi v IX – XIII vv.* [Equipment of a rider and a riding horse in Russia in the 9th – 13th centuries]. Leningrad: Nauka.
21. Dvurechenskiy, O.V. (2004) Sredstva i priemy kovki loshadey v Moskve i Moskovskoy zemle (v XIII–XIX vekakh) [Means and methods of shoeing horses in Moscow and Moscow land (in the 13th – 19th centuries)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 1. pp. 238–244.
22. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Provincial estate in Tomsk, 1660–1760s: a historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
23. Semenova, V.I. (2019) Collection of horseshoes in the holdings of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1(44). pp. 82–88. (In Russian). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-082-088
24. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2017) *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: the manor in the polar city]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Karavan.
25. Tataurov, S.F. & Fedotova, I.V. (2018) *Arkheologicheskie materialy iz raskopok v g. Tare v sobranii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya (raskopki 2009–2017 gg.)* [Archaeological materials from excavations in Tara in the collection of the Omsk State Museum of History and Local Lore (excavations in 2009–2017)]. Omsk: Zolotoy tirazh.
26. Osipov, D.O. (2006) *Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: materialy raskopok arkheologicheskikh issledovaniy* [Shoes of the Moscow land in the 12th – 18th centuries: materials of archaeological excavations]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/71/18

А.А. Авдашкин

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРНОЙ ГРУППЫ ЮЖНОГО УРАЛА В 1989-2002 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007.

Предпринят анализ социокультурного облика и деятельности объединений казахской диаспорной группы в конце 1980-х – начале 2000-х гг. на материалах Челябинской области. Реконструированы значимые характеристики социокультурного облика: численность, место рождения и социально-экономические характеристики местности проживания, гендерное соотношение, брачность, языковая ситуация и участие в миграционных процессах. Рассматривается работа казахских национально-культурных обществ и организаций.
Ключевые слова: Южный Урал; Челябинская область; диаспоры; казахская диаспорная группа.

Полиэтничный и многоконфессиональный состав населения Южного Урала привлекает к себе все большее внимание историков, этнографов и религиоведов. Одной из наиболее исторически укоренившихся и значительных по численности среднеазиатских диаспорных групп в России являются казахи. В основном российские казахи проживают в регионах, расположенных вдоль российско-казахстанской границы. По данным Всесоюзной переписи населения1989 г., в РСФСР проживали 635 тыс. казахов, в 2002 г. их численность составила 653 тыс. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в России проживали 647 тыс. казахов. Всего в мире насчитывается около 15 млн казахов, из них 11,7 млн живут в Казахстане. Наиболее значительные казахские диаспоры присутствуют в Китае (1,4 млн), Узбекистане (точных данных нет, по разным оценкам от 800 тыс. до 1,1 млн), Монголии (102 тыс.) и других странах Азии. В числе российских регионов, где проживает большое количество казахов, выделяются Астраханская область (149 тыс.), Оренбургская область (120 тыс.), Омская область (78 тыс.), Саратовская область (76 тыс.), Волгоградская область (46 тыс.), Челябинская область (35 тыс.).

Несмотря на то, что в последние годы появилось значительное количество научной литературы, посвященной казахской диаспоре Южного Урала, большинство исследований предпринималось на материалах Оренбургской области. Внимание историков чаще привлекали проблемы дореволюционного и советского периодов.

Рассматриваемый в статье период освещен в историографии вопроса фрагментарно. В основном проблемы современной истории казахов Южного Урала раскрыты в сборниках, изданных по итогам научно-практических конференций [1–3]. Демографии, этнической истории, особенностям материальной и духовной культуры казахов региона, в том числе на современном этапе, посвящены публикации В.В. Амелина, О.Б. Наумовой, И.М. Габдулгафаровой и Е.Л. Лариной [4–8]. История казахской диаспорной группы Южного Урала в территориальных рамках Челябинской области на сегодняшний день практически не изучена.

По мнению этнолога О.Б. Наумовой, развитие казахской диаспоры в России определялось в исследуемый период двумя основными тенденциями. С одной стороны, – постепенная русификация, «европеизация» этнической культуры, усвоение этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. Параллельно этому наблюдалось укрепление общеказахского самосознания, лидеры национальных обществ формулировали национальные интересы, в «фольклорных» и символических формах возрождалась этническая культура. Возможно, новые поколения, сформулируют этнокультурные запросы казахской диаспоры, выработают четкую идеологию национального казахского возрождения и выдвинут из своей среды лидеров, которые смогут увлечь за собой пока пассивное большинство [5. С. 72].

Пока остается неясным, какая из тенденций будет играть решающую роль в развитии казахской диаспоры России в ближайшие десятилетия.

В предложенной статье рассматриваются социокультурный облик и деятельность казахских обществ культуры Южного Урала на материалах Челябинской области 1989–2002 гг.

Источниковую базу при подготовке данной статьи составили документы объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). В статистических таблицах фонда областного комитета государственной статистики (Р-485) систематизированы результаты переписи населения 1989–2002 гг. и микропереписи 1994 г. В документах этого фонда отложилась статистическая информация, позволяющая изучить основные характеристики социокультурного облика диаспорной группы казахов: общая численность, социально-экономическая среда проживания; место рождения; гендерное соотношение; возраст; брачность; особенности языковой ситуации. Изменения социокультурного облика позволяют проследить этноязыковые и соци-

ально-демографические процессы в изучаемом сообществе. Сведения о культурно-просветительской деятельности казахских обществ культуры содержит фонд Главного управления культуры Челябинской области (Р-1589). Годовые отчеты о преподавании на родном языке, находящиеся в фонде главного управления образования и науки Челябинской области (Р-1000), содержат информацию о численности учащихся, изучавших казахский язык в школах.

Привлекались также подшивки периодических изданий районов, где преимущественно проживают казахи Челябинской области. Это газеты «Звезда» (Агаповский район), «Карталинская новь» (Карталинский район), «Кизильский вестник» (Кизильский район), «Сельские новости» (Брединский район), «Степные зори» (Чесменский район).

Нашли свое применение и статистические данные, размещенные на интернет-портале «Всероссийская перепись населения 2002 г.».

Многие из использованных источников вводятся в научный оборот впервые.

Исторически центром проживания казахов на Южном Урале является Оренбургская область, где численность представителей этой этнической группы в период с 1939 по 2002 г. возросла в 1,7 раза. В Челябинской области на протяжении этих десятилетий сохранялась значительная казахская диаспора, составлявшая от 28 до 36 тыс. человек. Отметим, что после 2002 г. на Южном Урале рост численности казахов не наблюдается (табл. 1).

Основные социально-демографические характеристики исследуемой группы отличаются стабильностью. Данные микропереписи населения 1994 г. показали, что большинство казахов (85%) родились на территории Челябинской области. Только 9,8% родились в Казахстане, 2,4% – на территории соседнего Оренбуржья [9. Оп. 29. Д. 11. Л. 118–120].

Историческая укорененность в местном этносоциуме, наличие мест компактного проживания, сложившихся до активной стадии процесса урбанизации населения региона обусловили преобладание среди казахов сельского населения (табл. 2). До 70% представителей данной диаспорной группы проживали в сельских районах на юге Челябинской области – Агаповском, Брединском, Верхнеуральском, Карталинском, Кизильском, Нагайбакском и Троицком.

Таблица 1

Численность казахов на Южном Урале в 1939–2010 гг.*

Субъект РФ	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Башкортостан	9 776	4 179	3 108	2 876	3 564	4 092	4 373
Оренбургская область	71 444	77 708	93 214	98 612	111 477	125 568	120 262
Челябинская область	28 731	22 813	27 559	28 224	33 230	36 219	35 297
Всего по Южному Уралу	109 951	104 700	123 881	129 712	148 271	165 879	159 932

*Оренбургская область с 1938 по 1957 г. называлась Чкаловской областью. Таблица составлен по данным интернет портала «Демоскоп-weekly».

Таблица 2

Соотношение городского и сельского казахского населения Челябинской области в 1989–2002 гг.*

Годы	Городское население	Сельское население
1989 г.	9 021	24 209
2002 г.	9 329	26 890

*Подсчет по: [9. Оп. 27. Д. 496. Л. 4–160; Д. 498. Л. 7–138; Оп. 28. Д. 145. Л. 10–174; Д. 146. Л. 7–181; Д. 147. Л. 7–189; Д. 148. Л. 7–191].

Социально-экономическая специфика среды проживания – сельская или городская местность – накладывает свой отпечаток на выраженность этнической идентичности и межэтнические взаимодействия. Городские пространства менее «традиционны» по сравнению с сельскими территориями, отличаются полиэтничностью, большим разнообразием культурных традиций и моделей поведения. Специфика «городского образа жизни» такова, что городским казахам сохранить знание родного языка было сложнее. В этих условиях утрачивали свое значение крепкие внутригрупповые связи, упрощались отношения между старшими и младшими поколениями и т.д.

Повозрастной состав диаспорных групп – важный фактор, оказывающий влияние на ход этнических и демографических процессов. Гендерное соотношение в казахской этнолокальной группе оставалось на протяжении всего рассматриваемого периода практически неизменным (табл. 3).

Возраст является важной социокультурной характеристикой любой диаспорной группы, поскольку влияет на демографические перспективы, этнокультурные потребности, способность своевременно реагировать на социальные инновации и др. Если в 1994 г. средний возраст в рассматриваемой группе составлял 28 лет, то в 2002 г. этот показатель составил уже 30 лет[1] [9. Оп. 29. Д. 1. Л. 5-7; Д. 2. Л. 55; 10. 12 Таблица]. Кроме того, заметное сократилась – с 26% (1994 г.) до 19,1% (2002 г.) – доля молодежи добрачного возраста (табл. 4).

Таблица 3

Соотношение женщин и мужчин в казахской этнической группе Челябинской области в 1989–2002 гг.*

Годы	Мужчины	Женщины
1989 г.	17 637	15 593
2002 г.	18 222	17 997

* Подсчет по: [9. Оп. 27. Д. 496. Л. 2–207; Д. 497. Л. 2–165; Д. 498. Л. 2–66; Оп. 28. Д. 145. Л. 3–162; Д. 147. Л. 3–148; Д. 148. Л. 3–207].

Одним из наиболее важных показателей поддержания этнической идентичности являются владение родным языком и сфера его применения. Как показывают результаты переписи населения 1989–2002 гг., большинство казахов считали казахский родным языком (табл. 5). Характеризуя этнические процессы на Урале, М.В. Сумачева отмечала, что «компактность проживания и ограниченное участие в миграционных процессах, с одной стороны, позволяли казахам сохранять свой язык, с другой – не мешали овладению русским языком в качестве второго» [11. С. 65].

Родной язык играл широкую роль во многих сферах жизни. Микроперепись 1994 г. показала, что рамки применения казахами родного языка включали не только сферу семейных коммуникаций и отношений, но и общение в трудовых коллективах, учебный процесс в школах (табл. 6).

Таблица 4

Брачное состояние казахов Челябинской области в 1994–2002 гг., %*

Годы	Регистрированный брак	Не регистрированный брак	Холостые	Вдовые	Разведенные
1994 г.	40,3%	4,4%	16,9%	5,6%	6,8%
2002 г.	43,6%	5,3%	21,6%	6,1%	4,3%

* Подсчет по: [9. Ф. Р-485. Оп. 29. Д. 1. Л. 36–41; 10. Табл. 8].

Таблица 5

Казахский язык как родной и владение им в 1989–2002 гг., %*

1989 г.	1994 г.	2002 г.[2]
84%	73%	75,9%

* Подсчет по: [9. Оп. 27. Д. 574. Л. 1; Оп. 29. Д. 1. Л. 82–83; 10].

Таблица 6

Сферы применения родного языка казахами Челябинской области по материалам микропереписи населения 1994 г., %*

Дома, в кругу семьи	В учебном заведении	В трудовом коллективе
29,2%	0,6%	1%

* Подсчет по: [9. Оп. 29. Д. 1. Л. 141–146].

Таблица 7

Количество учеников, изучавших казахский язык в школах Челябинской области в 1991–2003 уч. гг.*

Учебный год	1991–1992	1993–1994	1995–1996	1996–1997	1997–1998	1998–1999	1999–2000	2000–2001	2002–2003
Кол-во учащихся	65	47	143	185	22	30	8	30	5

* Подсчет по: [12. Оп. 1. Д. 5150. Л. 24 об.; Д. 5302. Л. 1–2; Д. 5304. Л. 3 об.; Д. 5366. Л. 19 об.; Д. 5413. Л. 51 об., Л. 56; Д. 5461. Л. 4, Л. 6, Л. 8, Л. 11, Д. 5511. Л. 48 об., Д. 5561. Л. 17 об, 46–46 об.; Д. 5666. Л. 1., 14; Д. 5918. Л. 31 об.].

На рубеже 1980–1990-х гг. в ряде школ сельских районов Челябинской области[3] формировались классы с преподаванием на казахском языке, проводились факультативные занятия по его изучению. Предполагалось, что это позволит молодому поколению приобретать и совершенствовать навыки общения, чтения и письма на родном языке. Однако обучение на казахском языке оказалось не столь востребованным (табл. 7). Часто родители связывали будущее своих детей с русским языком и опасались, что увеличение учебной нагрузки снизит успеваемость по основным предметам. Кроме того, сказывался недостаток ресурсов и педагогических кадров, необходимых для изучения родного языка.

Миграция оказала определенное влияние на численность казахов в рассматриваемых территориальных рамках. Следует принять во внимание, что многие жители приграничных регионов, среди которых много казахов, имели в Казахстане родственников. Это стало одной из предпосылок активных контактов «поверх» российско-казахстанской границы. Через родственников, друзей и знакомых происходил обмен информацией о социальной и экономической ситуации в стране проживания. Более напряженной она оставалась в Казахстане, что побудило к миграции из страны не только русских, украинцев и немцев, но и некоторое количество казахов. Например, в Челябинскую область из Казахстана приехало не менее 2,3 тыс. казахов. Сказывались и внутрироссийские миграции – из других регионов РФ в Челябинскую область приехали 700 казахов (подсчет по: [9. Оп. 28. Д. 5. Л. 1–8]). Это подтверждается в исследовании О.Б. Наумовой, установившей, что в 1992–1995 гг. из с. Прибрежное Оренбургской области казахи переселялись в крупные города России, одним из которых был Челябинск. На место покинувших деревни и поселки российских казахов приезжали казахи из Казахстана [5. С. 68]. Других источников, которые могли бы пролить свет на миграцию казахов, на материалах Челябинской области обнаружено не было, поэтому данный сюжет не раскрыт полностью.

Активисты казахской диаспоры стремились к возрождению, сохранению и развитию казахской культуры, языка, обычаев и традиций. С этой целью проводились культурные акции, организовывались образовательные курсы и традиционные казахские праздники.

Изучение архивных документов и материалов местной периодики позволило исследовать основные аспекты деятельности центров казахской культуры.

В рассматриваемый период в связи с созданием казахских общественных организаций началось возрождение казахских традиций в их «фольклорных» формах. В Агаповском районе в начале 1989 г. по инициативе корреспондента районной газеты «Звезда» А.Л. Карабатырова возник межнациональный культурный центр. Первой секцией при нем стала казахская [13. 20 мая. С. 2]. Событие вызвало живой отклик со стороны общественности. В редакцию газеты приходили письма, в которых местные жители (казахи) делились тревожными соображениями о постепенном забвении казахской культуры и языка, в особенности среди казахской молодежи [Там же. 15 июня. С. 2; 17 июня. С. 2; 20 июня. С. 3]. Для создания казахской секции приехали представители из Кустаная, Кизильского, Нагайбакского и Верхнеуральского районов Челябинской области. Прежде всего ставились задачи возрождения обычаев и традиций, организации изучения казахского языка. Инициативная группа казахской секции неоднократно посещала Кустанай, наладив там в ходе поездок крепкие связи с Кустанайским обкомом КПСС и местными общественными организациями. Областной отдел народного образования готовился прислать трех выпускников педагогического института для преподавания казахского языка. В библиотеке района создавался казахский абонемент, книжный фонд для которого закупался в Казахстане [Там же. 15 июля. С. 2]. С помощью казахского культурного центра к 1989–1990-му учебному году в средней школе п. Магнитный организовали обучение казахскому языку для 80 учащихся. Преподавателей пригласили из Кустаная. Значительную помощь оказали заведующая отделом районо Г.А. Омельницкая и директор школы Т.В. Татарченко [Там же. 28 сент. С. 3]. Большой интерес вызвала лекция сотрудника областного краеведческого музея Ю.Г. Бошнякова на тему «Этнография казахов», проведенная в Чесме. После нее общество казахской культуры «Азамат» обратилось к казахам области и Чесменского района с предложением о создании общеуральского казахского культурного центра [14. 1991. 16 марта. С. 2].

Ощущалась потребность в создании среды для функционирования казахского языка (школы, пресса, литература и т.д.). В одной из публикаций газеты «Народная дума» обращалось внимание, что «…в Челябинской области не преподается казахский язык, на нем не выходит ни одного издания, не организовано теле- и радиовещание, нет библиотек. Возрождение интереса казахов к своему языку говорит об их национальном самосохранении» [15. 2 июня. С. 6].

В районах компактного проживания казахов в 1990-е гг. организовывали мероприятия для установления диалога между культурами, возрождения традиций, обрядов, этнического своеобразия этих районов. В Карталинском районе в 1991–1995 гг. ежегодно проходили праздники казахского искусства [16. Д. 2721. Л. 12].

Управление культуры Брединского района поддерживало тесные культурные связи с Житикарой, проводились праздники акынов [Там же. Д. 2738. Л. 6, 17]. При этом акцентировалось внимание, что в условиях полиэтничности[4] все культурные мероприятия должны проводиться в формате диалога и взаимообогащения культур во избежание их замкнутости. Для этого организовывали общие праздники национальной кухни (русской, башкирской и казахской). Раз в месяц выступали различные фольклорные ансамбли, проводились вечера «живой истории». Старожилы рассказывали о национальных традициях и обычаях, их смысле и назначении [Там же. Д. 2910. Л. 8–9, 25].

В рамках программы «Малая родина» для сохранения исторической среды обитания местного населения, его культуры, традиций и быта опыт таких вечеров перенимал Варненский район [Там же. Д. 2911. Л. 41, 96].

В Нагайбакском районе создавались фольклорные коллективы (в том числе казахские), для сохранения традиций проводились праздники [Там же. Д. 2747. Л. 26–27].

В Кизильском районе создали музыкальную гостиную для казахских детей и национальный центр развития творческой деятельности трудящихся совхоза «Кизил». Так удалось организовать досуг среди казахского населения и кружки по изучению казахского языка. Клубные учреждения презентовали национальные культуры и традиции (татарского, башкирского и казахского населения), налаживали культурные связи с Казахстаном. Например, в 1992 г. совершили ответный визит с культурной программой в Житикару. На фестивалях национальных традиций демонстрировали своеобразие обрядов этнических групп района [Там же. Д. 2743. Л. 3–4, 5, 18, 31].

В 1993 г. по инициативе Чесменского районо прошел семинар «Возрождение национальных традиций». Обсуждались вопросы развития культур народов района. В теме «Традиционные блюда и этика питания народа» собравшихся ознакомили с особенностями традиционной казахской кухни [14. 1993. 21 мая. С. 3]. Подчеркивалась значимость казахского фольклора, содержащего «родословную народа», «слепки былого». Активисты казахской диаспоры в Кизильском районе сетовали, что лишь некоторые акыны умели исполнять «Беташар». «Молодежь... относится невнимательно к сказаниям стариков. Практически не знает казахских музыкальных инструментов, языка и культуры» [17. 23 сент. С. 3; 27 сент. С. 3].

В апреле 1996 г. в Карталинском доме школьника ученики школ района исполнили национальные обряды и показали традиции – казахский свадебный обряд «Беташар» – открывание лица невесты, обряд укладывания малыша в колыбель, исполнялись казахские песни [18. 11 апр. С. 3].

В 1997 г. в Брединском районе прошел семинар работников культуры, где была поднята и тема возрождения национальных культур. Подчеркивалось, что нехватка финансирования и отсутствие специалистов способствует «простоям» в этом вопросе [19 18 сент. С. 3].

В рамках мероприятий, посвященных проведению года культуры республики Казахстан в России, места компактного проживания казахов Челябинской области посетили с концертами творческие коллективы из Кустаная [20. С. 3].

Продолжала развиваться сеть национально-культурных обществ, но уже не только в сельских районах,

но и в наиболее крупных городах региона. В 1997 г. в Челябинске был создан казахский культурный центр «Бирлик». Его филиалы работали в Агаповском, Брединском, Верхнеуральском, Карталинском, Кизильском, Нагайбакском и Троицком районах [21]. Активисты национально-культурного центра налаживали связи с Всемирным курултаем казахов и посольством Республики Казахстан в России [22. С. 6]. В 1999 г. в Магнитогорске образовали общество казахской культуры «Достар» [23. 10 марта С. 2]. В 2002 г. в Челябинске создали казахский культурный центр «Азамат» [24].

Социокультурный облик казахской диаспорной группы в исследуемый период характеризовался стабильностью основных черт. За счет рождаемости и миграции происходил – хоть и несущественный – рост численности, не претерпели серьезных изменений половозрастная структура, соотношение сельских и городских жителей. Казахский язык широко применялся как средство повседневного общения в семье, среди друзей, знакомых своей национальности. В меньшей степени – в трудовых коллективах и учебных заведениях.

Активизация общеказахской идентичности сопровождалась созданием культурных обществ и центров, обращением к казахскому фольклору, музыкальному искусству и литературе. Деятельность обществ казахской культуры выполняла ряд функций. Во-первых, осуществлялась репрезентация казахской идентичности в публичной сфере, укреплялась индивидуальная этнокультурная идентичность, символически создавалась этническая общность («российские казахи», «казахи Урала»). Во-вторых, мероприятия общественных организаций, их участие в межэтнических коммуникациях позволили воспроизводить и демонстрировать этничность в региональном пространстве.

Близость исторической родины способствовала динамичным контактам с основным этническим массивом казахов, усиливала чувство общности. В то же время необходимо на полевых материалах установить: в чем заключаются различия между «казахстанскими» и «российскими» казахами; как на этническое самосознание и социальную идентичность южноуральских казахов повлияло образование независимого Казахстана; каковы перспективы участия сельских и городских казахов в деятельности казахских национально-культурных организаций; каковы возможности адаптации / диаспорализации мигрантов-казахов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В материалах переписи 2002 г. данные приведены без учета возрастной группы от 0 до 5 лет.

[2] Программа переписи населения 2002 г. подверглась сокращению по сравнению с предыдущими переписями. В частности, из раздела «Национальный состав и владение языками» была исключена форма, где отражался уровень владения своим национальным языком в качестве родного и в качестве второго языка народов России. Это существенно затрудняет изучение этноязыковых процессов конца XX в.

[3] Карталинский, Кизильский, Нагайбакский и Чесменский районы.

[4] На территории районов помимо казахов были представлены русские, украинцы, татары и башкиры и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казахи Оренбуржья: история и современность : сб. материалов межрегион. науч.-прак. конф. / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург, 2005. 204 с.
2. Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья. Оренбург : Оренбург. гос. аграрный ун-т, 2006. 294 с.
3. Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2013. 186 с.
4. Амелин В.В. Казахи Оренбуржья // Казахи Южного Урала: история и современность : обл. науч.-практ. конф. Оренбург, 1995. С. 3–6.
5. Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 60–73.
6. Габдулгафарова И.М. Казахи // Мы – оренбуржцы : историко-этнографические очерки / под ред. В.В. Амелина. Оренбург, 2003. С. 73–91.
7. Габдулгафарова И.М. Казахи // Этнокультурная мозаика Оренбуржья : (научные статьи, очерки, статистика). Оренбург, 2007. С. 41–54.
8. Ларина Е.И. Казахи в России // Родина. 2004. № 2. С. 98–101.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485: Областной комитет государственной статистики.
10. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 03.08.2017).
11. Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века. Екатеринбург : Рос. гос. проф. ун-т, 2009. 257 с.
12. ОГЧАО. Ф. Р-1000: Главное управление образования и науки Челябинской области.
13. Звезда : общественно-политическая газета Октябрьского района Челябинской области. 1989.
14. Степные Зори : общественно-политическая газета Чесменского района Челябинской области. 1991.
15. Народная Дума : газета Челябинского областного Совета народных депутатов. 1993.
16. ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1: Главное управление культуры по Челябинской области.
17. Кизильский вестник : общественно-политическая газета Кизильского района Челябинской области. 1997.
18. Карталинская новь : общественно-политическая газета Карталинского района Челябинской области. 1996.
19. Сельские новости : общественно-политическая газета Брединского района Челябинской области. 1997.
20. Вайнгардт А. Челябинск готовится к встрече артистов из Казахстана. URL: http://uralpress.ru/news/2002/05/30/chelyabinsk-gotovitsya-k-vstreche-artistov-iz-kazakhstana (дата обращения: 03.08.2017).
21. Челябинский областной казахский культурный центр БИРЛИК. URL: http://www.kazakh.ru/birlik/ (дата обращения: 03.08.2017).
22. Озан : издание Челябинской областной общественной организации Азербайджанский культурный центр «Озан». 2004. № 3.
23. Магнитогорский рабочий : общеполитическая информационная газета г. Магнитогорска. 1999.
24. Казахский общественный центр АЗАМАТ : челябинская областная общественная организация». URL: http://www.kazakh-tili.ru/azamat.html (дата обращения: 03.08.2017).

Andrey A. Avdashkin, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

SELF-ORGANIZATION OF THE KAZAKH DIASPORA GROUP SOUTH URAL IN 1989-2002 (ON THE MATERIALS OF CHELYABINSK REGION)

Keywords: Southern Urals; Chelyabinsk region; Diasporas; Kazakh diaspora group.

The history of the Kazakhs residence in Russia is more than two centuries old. Most members of this diaspora live in regions that are located in the border zone of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. This is the Urals and Western Siberia and the Volga region. In the historical and ethnographic literature a voluminous material about the resettlement, tribal composition, economy, material and non-material culture of Kazakhs was collected. Studies of the Kazakh ethnic group in the Southern Urals were conducted in Orenburg region. However, studies on this topic on the materials of the Chelyabinsk region was practically not carried out.

The purpose of the article is to examine the socio-cultural appearance and activity of ethnic and cultural organizations of the Kazakhs of the South Urals on the materials of the Chelyabinsk region in 1989-2002.

The empirical basis of the article is the archival documents of the United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACO). The materials of electronic resources of the Kazakh diaspora and periodicals of the regions where the Kazakhs of the Chelyabinsk region predominantly reside. These are the newspapers Star (Agapovsky District), Kartalinskaya Nov (Kartalinsky District), Kizil Messenger (Kizilsky District), Village News (Bredy District), Steppe Zori (Chesme District).

Analysis of the socio-cultural image allowed to reconstruct the ethno-linguistic and socio-demographic processes in the studied community. It is established that the main region of origin of the majority of representatives of the Kazakh diaspora group is the Chelyabinsk Region. The main centers of the resettlement of Kazakhs in rural areas have been identified. The peculiarities of the existing language situation, as well as the specifics of owning the native language, are studied.

In the period under investigation, Kazakh ethno-cultural public organizations arose in the districts and cities of the Chelyabinsk region. Societies of Kazakh culture organized national holidays, established cultural contacts with the «historical homeland».

The sociocultural image of the Kazakh diaspora group is stable. There were sharp fluctuations in the number of Kazakhs, in contrast to such a Central Asian diaspora as Tajiks. Age and sex composition has not undergone significant changes. The presence of compact places of residence in rural areas contributed to the fact that the functional role of the Kazakh language remained high.

Public actions of societies of Kazakh culture allowed to involve new members in their activities. Thus, the symbolic construction of the ethnic community was carried out («Russian Kazakhs», «Kazakh Diaspora in Russia», etc.).

REFERENCES

1. Amelina, V.V. (ed.) (2005) *Kazakhi Orenburzh'ya: istoriya i sovremennost'* [Kazakhs of Orenburg Region: history and modernity]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
2. Amelina, V.V. et al. (2006) *Vmeste na odnoy zemle. Etnicheskaya istoriya i kul'tura kazakhov Orenburzh'ya* [Together on the same land. Ethnic history and culture of the Orenburg Kazakhs]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
3. Zlobin, Yu.P. et al. (2013) *Formirovanie i sovremennoe polozhenie sredneaziatskikh diaspor v Rossii* [Formation and the current situation of the Central Asian diasporas in Russia]. Orenburg: Universitet.
4. Amelin, V.V. (1995) Kazakhi Orenburzh'ya [Kazakhs of Orenburg region]. In: Fedorova, A.V. (ed.) *Kazakhi Yuzhnogo Urala: istoriya i sovremennost'* [Kazakhs of the Southern Urals: History and Modernity]. Orenburg: Dimur. pp. 3–6.
5. Naumova, O.B. (2000) Kazakh diaspora in Russia: ethnic identity and migratory behavior. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 60–73. (In Russian).
6. Gabdulgafarova, I.M. (2003) Kazakhi [The Kazakhs]. In: Amelin, V.V. (ed.) *My – orenburzhtsy: istoriko-etnograficheskie ocherki* [We are Orenburg residents: historical and ethnographic essays]. Orenburg: Yuzhnyy Ural. pp. 73–91.
7. Gabdulgafarova, I.M. () Kazakhi [The Kazakhs]. In: Amelin, V.V. (ed.) *Etnokul'turnaya mozaika Orenburzh'ya: (nauchnye stat'i, ocherki, statistika)* [Ethnocultural mosaic of the Orenburg region: (scientific articles, essays, statistics)]. Orenburg: Dimur. pp. 41–54.
8. Larina, E.I. (2004) Kazakhi v Rossii [Kazakhs in Russia]. *Rodina*. 2. pp. 98–101.
9. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-485: Oblastnoy komitet gosudarstvennoy statistiki [Regional Committee of State Statistics].
10. All-Russian Population Census. (2002) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g.* [All-Russian Population Census 2002]. Vol. 4. [Online] Available from: http://www.perepis2002.ru/ index.html?id=17 (Accessed: 3rd August 2017).
11. Sumacheva, M.V. (2009) *Etnicheskie protsessy na Urale vo vtoroy polovine XX veka* [Ethnic processes in the Urals in the second half of the 19th century]. Ekaterinburg: RSPU.
12. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-1000: Glavnoe upravlenie obrazovaniya i nauki Chelyabinskoy oblasti [Main Department of Education and Science of Chelyabinsk Region].
13. *Zvezda: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Oktyabr'skogo rayona Chelyabinskoy oblasti*. (1989).
14. *Stepnye Zori: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Chesmenskogo rayona Chelyabinskoy oblasti*. (1991).
15. *Narodnaya Duma: gazeta Chelyabinskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov*. (1993).
16. The United State Archive of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-1589. List 1.
17. *Kizil'skiy vestnik: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Kizil'skogo rayona Chelyabinskoy oblasti*. (1997).
18. *Kartalinskaya nov': obshchestvenno-politicheskaya gazeta Kartalinskogo rayona Chelyabinskoy oblasti*. (1996).
19. *Sel'skie novosti: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Bredinskogo rayona Chelyabinskoy oblasti*. (1997).
20. Weingardt, A. (2002) *Chelyabinsk gotovitsya k vstreche artistov iz Kazakhstana* [Chelyabinsk is preparing to meet artists from Kazakhstan]. [Online] Available from: http://uralpress.ru/news/2002/05/30/chelyabinsk-gotovitsya-k-vstreche-artistov-iz-kazakhstana (Accessed: 3rd August 2017).
21. The Chelyabinsk Regional Kazakh Cultural Center BIRLIK. [Online] Available from: http://www.kazakh.ru/birlik/ (Accessed: 3rd August 2017).
22. *Ozan*. (2004) 3.
23. *Magnitogorskiy rabochiy*. (1999).
24. The Kazakh Public Center AZAMAT: Chelyabinsk regional public organization. Offical website. [Online] Available from: http://www.kazakh-tili.ru/azamat.html (Accessed: 3rd August 2017).

\

УДК 94(571.1):274
DOI: 10.17223/19988613/71/19

Е.А. Берман, Н.А. Орехова, Е.С. Генина

СЕКТАНТЫ-СУББОТНИКИ ИРКУТСКОЙ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИЙ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в. – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Представлены результаты изучения проблемы, связанной с пребыванием в Сибири ссыльных сектантов-субботников. Тема реконструирована на основе обращения к материалам из истории Иркутской и Енисейской губерний первой четверти XIX в. – первой четверти XX в. Определены установки государственной власти в отношении сектантов-субботников, выявлены характерные черты жизни и деятельности сектантов-субботников, проживавших на территории указанных регионов. Проведен сравнительный анализ условий проживания сектантов-субботников в Иркутской и Енисейской губерниях.

Ключевые слова: сектанты-субботники; религиозные общины; органы власти; Иркутская губерния; Енисейская губерния.

Введение

В последней четверти XVIII в. в Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской и других центральных губерний России среди русских крепостных крестьян стали распространяться разнообразные сектантские течения внутри христианства. Особое место среди них занимало движение субботников (иудействующих, жидовствующих), поскольку оно не только ориентировалось на Ветхий Завет, но и явно тяготело к иудаизму [1]. Подобные секты возникали среди русского населения за чертой постоянной еврейской оседлости, и контактов с представителями иудейского вероисповедания у сектантов быть не могло. Считается, что толчком для отказа от православия стало самостоятельное чтение Ветхого Завета на церковнославянском языке и выполнение некоторых ветхозаветных заповедей, аналогичных иудаизму. В начале XIX в. против таких сект начались систематические официальные гонения. Уличенные в соблюдении еврейских обычаев крестьяне забирались в армию или отправлялись в ссылку в Сибирь [2].

С 1825 г. основным нормативным документом, являвшимся основанием для ссылки, стал Указ Синода «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников». Данный указ был издан по предложению министра внутренних дел В.П. Кочубея и компилировал предыдущие постановления. Все исполнительные меры относительно ссыльных сектантов возлагались на гражданское губернское начальство [3]. После суда субботников переселяли в Иркутскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Амурскую губернии и в Якутию [4]. К этому времени в Российской империи уже были выработаны и другие законодательные меры по противодействию различным сектантам [5].

Поселившись в Сибири, сектанты-субботники продолжали отвергать все положения христианства и стремились выполнять ветхозаветные предписания. Действовали организационно оформленные общины, большинство из которых продолжало эволюцию в сторону иудаизма: многие общины заимствовали элементы еврейского культа (талит, тфилин, мезуза), соблюдали кашрут, субботу, обрезание, богослужение на иврите. Имея русские фамилии – Петровы, Логиновы, Пьянковы, Шишлянниковы и т. д., – все сибирские субботники независимо от мест их проживания давали своим детям имена из Ветхого Завета – Авраам, Ицхак, Яаков, Аарон, Моисей, Самуил, Лазарь, Захария, Рувим, Ревекка, Дина и т.п.

Серьезное изучение данной секты, как и всего русского сектантства, в целом началось в середине XIX в. По долгу службы анализом феномена сектантства занимались церковные авторы и чиновники Министерства внутренних дел, а также ряд светских исследователей того времени. Движение субботников представляло интерес и для еврейских исследователей дореволюционного периода [6]. К данной проблеме исследователи обращались в течение продолжительного времени, о чем свидетельствуют труды авторов – представителей дореволюционного, советского и постсоветского времени [7–20]. Несмотря на интерес современных исследователей к данной секте, жизнь и деятельность сибирских субботников по-прежнему изучена мало. Одной из причин данного обстоятельства является скудность комплекса источников, позволяющего воссоздать полную картину жизни сектантов от начала их ссылки в Сибирь до современного состояния.

Цель настоящего исследования связана с воссозданием условий, особенностей жизни и деятельности сектантов-субботников Иркутской и Енисейской губерний в первой четверти XIX в. – первой четверти XX в. Основу источниковой базы исследования составили нормативно-правовые акты, документы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края, Архива города Минусинска. При подготовке статьи авторы следовали принципам историзма, объективности, целостности, использовали сравнитель-

но-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы исследования, метод периодизации, методы анализа и синтеза.

Сектанты-субботники Иркутской губернии

Самое известное поселение субботников в Сибири возникло в 1827 г. в с. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии. В это время императором Николаем I за отказ от православия и переход в иудейскую веру в Иркутскую губернию были переселены 50 русских крестьян-субботников из Воронежской, Рязанской, Саратовской и Пензенской губерний. Сибирское начальство назначило им место поселения в селах Зима и Тартуйка и приписало к обществу крестьян. Невзирая на Указ Синода 1825 г. [21], местные власти не запретили ссыльным-сектантам поселиться в Зиме, поближе к евреям, и лишь несколько семей (по собственному желанию) обосновались в Тартуйке, где евреев не было. Сектантам не запрещалось исповедовать иудаизм, им были сохранены все гражданские права и выделены земельные наделы.

Таким образом, бывшие крепостные стали свободными сибирскими крестьянами без ограничений в вероисповедании. Они составляли неотделимую часть зиминского сельского общества, жили со своими односельчанами – православными и евреями – бесконфликтно, но отдельно на двух «субботнических улицах», а в их паспортах в рубрике вероисповедание прописывалось «иудейское – субботнической секты». Запрет вступления в какие-либо контакты переселенцев с местными ссыльными евреями и далее контролировался губернскими и уездными властями слабо: сектанты целенаправленно обучались у зиминских евреев чтению Торы и еврейским законам, а также во всем копировали их обряды, обычаи и праздники [10].

Представляя Синоду сведения о субботниках сибирского с. Зима, иркутский архиепископ в 1842 г. отмечал, что в своих верованиях сектанты опираются на «сказания талмудистов», а все потому, что место их наставников «занимают жиды» [22. Л. 2]. Восемь лет спустя он уже рапортовал Синоду о том, что «еврей Янкель подозревается в исполнении у иудействующих должности раввина» [23. Л. 1–2]. И это при том, что обе общины – субботническая и еврейская – существовали изолированно друг от друга: у них отсутствовали совместные моления, сектанты не отдавали евреям своих детей для обучения [18].

Первое поколение субботников, прибывших в Зиму в 1827 г., было очень религиозным. Однако сближение с традиционным иудаизмом шло медленно, и только через 30 лет после переселения при помощи зиминских евреев субботники приобрели свиток Торы и сняли для богослужения отдельный дом, в котором дважды в шабат (вечером и утром) собирался миньян с постоянным кантором из бывшим николаевских солдат-евреев. В остальные дни молитвенный дом стоял закрытым. Зиминские субботники соблюдали кашрут в еде, пользовались услугами еврейского резаки, разделяли молочную и мясную посуду, каждое утро молились дома в тфилин. В середине пятницы мужчины прекращали работать и готовились встретить субботу в торжественной обстановке в молитвенном доме или у себя дома. Женщины готовили еду и оставляли ее в печи для субботнего дня. По аналогии с иудаизмом субботники исполняли семидневный траур по усопшему («сидели шиву») – после смерти родственника в его доме собирался миньян, сидели неделю на полу, а ближайший родственник три раза в день читал кадиш [11]. У субботников было собственное кладбище, надгробия на котором имели двуязычные эпитафии (на русском языке и иврите). Хоронили на этом кладбище не только сектантов, но и евреев, так как собственного кладбища в Зиме у них не было.

Практически все зиминские субботники в XIX в. были малограмотными. Помощь евреев в изучении иврита, толковании Торы и обычаев не имела системного характера, одни ссыльнопоселенцы сменяли других, и многие из них были такими же невежественными религиозно, как и их «ученики». Местные евреи предпринимали попытки обучить их идишу, но они не дали результатов. «Еврейское» обучение в селе было только частным и платным. Часто сыновей отдавали на обучение учителям только зимой, поскольку в остальной период дети помогали взрослым в полевых работах. Девочек практически не учили, поэтому большинство зиминских женщин были безграмотными и по-русски, и по-еврейски. Однако большинство молитв даже необразованные женщины знали наизусть (слышали от родителей). Многие сектанты отправляли своих детей учиться в церковно-приходские школы, где за 3–4 года обучения они не только учились грамоте, но и отдалялась от иудаизма [19].

По повседневному костюму и славянскому типу лица субботников невозможно было отличить от их соседей – православных крестьян. «Зиминские субботники ничем не отличаются от своих православных односельчан – ни наружностью, ни одеждою, ни даже внутреннею обстановкою и убранством своих жилищ, если не считать отсутствия образов и икон, во всем же остальном, кроме религии, они те же сибирские крестьяне, бодрые, крепкие степенные и трезвые “мужики”-землепашцы» [8]. Несмотря на то, что субботники стали для евреев единоверцами, последние не считали субботников своими и родственные связи между евреями и субботниками были редкими.

К началу XX в. число живших в Зиме субботников достигло 145 семей с общим количеством 900 человек. Основными семейными фамилиями были Дмитриевы, Ильичевы, Козьмины, Логиновы, Потаповы, Шишлянниковы, Пьянковы (всего около 16 фамилий). В 1905 г., после Указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», субботники получили право на легальное признание общин и устройство молельного дома [24]. 26 апреля 1906 г. Министерство внутренних дел удовлетворило прошение зиминских крестьян-субботников и выдало разрешение на постройку молитвенного дома иудейского вероучения в Зиме. При постройке молитвенного дома односельчане-православные выделили 2 500 руб., остальная часть средств была покрыта самими субботниками и пожертвованиями евреев

Иркутска, из которых 100 руб. пожертвовал купец 1-й гильдии И. Файенберг [10].

В 1901 г. казенным раввином г. Иркутска стал фольклорист и этнограф С.Х. Бейлин. Богатая и крупная иркутская еврейская община пригласила С.Х. Бейлина на должность раввина неслучайно. Ей хотелось видеть в лице своего руководителя образованного и авторитетного человека [25]. Одна из интересующих С.Х. Бейлина этнографических тем была связана с жизнью и бытом сектантов-субботников [2]. Благодаря Соломону Хаимовичу сведения о субботниках Иркутской губернии вошли в 1915 г. в книгу В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске». В главе о численности евреев, проживавших с XIX в. до начала XX в. в Иркутской губернии, приведены данные о численности сектантов-субботников в 1863 г.: как статистика по губернии в целом (413 человек), так и распределение по округам. Далее в книге присутствует статистика по 1879 г. (численность уже свыше 600 человек). К началу XX в. число живших в Иркутской губернии сектантов-субботников превышало 1 000 человек [26].

К началу XX в. некоторые субботнические семьи жили уже в самом Иркутске, поэтому раввин С.Х. Бейлин был связан с сектантами не только этнографическим интересом. В течение длительного времени он контактировал с ними в силу служебных обязанностей. Не сохранилось свидетельств о том, был ли у субботников в Иркутске собственный молельный дом или они в силу своей малочисленности в городе посещали, несмотря на запреты властей, синагогу и еврейские молельные дома. Ни в одном из сохранившихся дореволюционных списков членов иркутской еврейской общины субботнические фамилии не встречаются ввиду того, что, как уже было отмечено, любые контакты между субботниками и евреями были официально запрещены. Косвенным доказательством общения сектантов и евреев в Иркутске можно считать захоронения представителей секты на Амурском еврейском кладбище, где и надгробия, и эпитафии на них ничем, кроме русских фамилий, не отличаются от еврейских захоронений, а также то, что записи о смерти субботников велись С.Х. Бейлиным в книге-тетради синагоги о регистрации смерти. И на кладбище, и в книге регистрации можно встретить такие фамилии, как Шишлянниковы, Логиновы, Козьмины и Петровы. Первые три из перечисленных фамилий носили семьи-переселенцы из Зимы, Петровы были из Томской губернии.

В книгах о вступлении в брак и рождении также можно встретить записи о браке между еврейкой и субботником и регистрации их новорожденных детей, где у субботников записана дополнительная информация – «субботнической секты иудейского вероисповедания». Кроме того, старостой в зиминском молельном доме был субботник Я. Пьянков, который фигурировал в иркутских книгах о записи рождений как моэль, делавший обрезание еврейским мальчикам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что контакты между евреями и субботниками, несмотря на запреты властей, были достаточно плотными.

С одним из потомственных зиминских субботников в третьем поколении – М.З. Козьминым – раввина С.Х. Бейлина долгие годы связывала личная дружба [27]. В начале 1900-х гг. М.З. Козьмин переехал из Зимы в Иркутск. Несмотря на свое крестьянское происхождение, он был образованным человеком. Долгие годы он самостоятельно изучал иврит и еврейские законы, умел читать и писать по-русски и много лет был «еврейским» учителем для детей субботников в Зиме. В Иркутске Моисей Захарьевич занимался мелочной торговлей и подрабатывал тем, что писал эпитафии на еврейских надгробиях. С 1914 г. М.З. Козьмин был членом Еврейского историко-этнографического общества в Санкт-Петербурге. В 1914–1915 гг. в журнале общества вышел ряд его статей о жизни и быте зиминских субботников: «Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников» (1913), «Из быта субботников» (1914), «Из быта субботников. Рассказано со слов моего отца» (1915). М.З. Козьмин подробно описал историю зиминских субботников, их быт и соблюдение иудейских религиозных норм и правил с момента отказа ими от новозаветных догм и переселения за это в 1826 г. в Сибирь и до 1910-х гг.

Не вызывает сомнений, что инициатором публикаций стал именно С.Х. Бейлин. Стоит добавить, что в «Еврейской старине» была опубликована статья о субботниках на Амуре старожила и активиста иркутской общины И. Неймана. Соломон Хаимович не только обладал даром вдохновлять людей записывать и тем самым сохранять историю для потомков, но и сам много, активно писал и публиковался. В 1913 г. вышла статья самого С.Х. Бейлина под названием «Кое-что о зиминских субботниках» в сборнике «Пережитое», посвященном общественной и культурной истории евреев в России. Она написана им после посещения Зимы в 1912 г., личных встреч со старожилами общины, в том числе с отцом М.З. Козьмина – З. Козьминым, посещения молельного дома и кладбища субботников. Статьи С.Х. Бейлина, М.З. Козьмина и И.Л. Неймана оказались единственными уникальными источниками информации о данных сектантах в Иркутской губернии.

Интерес С.Х. Бейлина к субботникам не ограничивался их жизнью на территории Иркутской губернии. Подобные общины возникли в то же время в городах Мариинске, Каинске Томской губернии, а также в Балахтинской волости Ачинского округа, Частоостровской волости Красноярского округа и деревне Иудино Бейской волости Минусинского уезда Енисейской губернии. С.Х. Бейлин строил планы знакомства с их жизнью и бытом. Важным доказательством подобного этнографического интереса является письмо, написанное им Г.Н. Потанину от 30 мая 1910 г., в котором раввин писал о том, что во время отпуска хочет поближе познакомиться с сибирскими субботниками из с. Зима Балаганского уезда Иркутской губернии, г. Мариинска Томской губернии и из с. Юдина (Иудина) Енисейской губернии. Если у иркутских евреев связь с зиминскими субботниками существовала, то о жизни субботников соседних губерний информации практически не было.

Посетил ли Соломон Хаимович какие-либо другие поселения субботников во время этого отпуска, неизвестно. Вероятнее всего, в с. Юдино С.Х. Бейлину попасть не удалось: власти Енисейской губернии гораздо строже, чем власти Иркутской губернии, следили за тем, чтобы контактов между евреями и субботниками не было. В 1914 г. в журнале «Еврейская старина» в рубрике «Из исторических журналов» С.Х. Бейлин опубликовал информацию о иудинских субботниках со ссылкой на статьи И. Белоконского «Т.М. Бондарев: из сибирских воспоминаний» (сборник «На сибирские темы», СПб., 1905), И. Чибианова «Из истории колонизации Минусинского уезда» («Сибирский архив». Минусинск. 1914 г. Кн. II) [9].

После Октябрьской революции и установления в Иркутской губернии советской власти среди субботников существовала сионистская организация, представители которой в 1918 г. участвовали на 3-м Всесибирском сионистском съезде в Томске. В 1920-е гг. молельный дом в Зиме был закрыт, однако миньян существовал до конца 1970-х гг. Соблюдать субботу было сложно из-за работы в колхозе, но некоторые традиции соблюдали. В субботу не хоронили и не ходили на кладбище. Новый год отмечали в сентябре по еврейскому календарю. В 2004 г. в Зиму приезжала комиссия, состоявшая из представителей Еврейского агентства и Конгресса еврейских религиозных общин. Оказалось, что по состоянию на 2004 г. в Иркутской области насчитывалось около 7 000 субботников. Комиссия собрала свидетельства пожилых людей, осмотрела заброшенный молельный дом и кладбище и сделала вывод о том, что никаких атрибутов еврейской культуры в Зиме не сохранилось, в том числе брачных контрактов, писем о разводах, молитвенников.

В настоящее время потомки субботников или далеки от религии, или исповедуют православие. Единственное сохранившееся свидетельство причастности зиминских субботников к иудаизму – надгробия с эпитафиями на иврите на субботническом кладбище, основанном в начале 1830-х гг. и сохранившемся до настоящего времени. Заброшенный молельный дом был снесен несколько лет назад. Кладбище называют «еврейским», и оно является частным. В начале 2000-х гг. территория кладбища была выкуплена и содержится на деньги одного из потомков зиминских субботников. Кладбище действующее, на нем хоронят потомков субботников, и при посещении кладбища по-прежнему соблюдают субботу.

Сектанты-субботники Енисейской губернии

Несмотря на то, что в Енисейскую губернию субботники были сосланы практически в одно и то же время, что и в Иркутскую губернию, обстановка, связанная с надзором за ними, была совершенно иной. Местные власти строго контролировали предписания Синода относительно субботников и всеми доступными способами жестко ограничивали не только близкие места проживания субботников и евреев, но любые их контакты. Информация о том, как складывался религиозный уклад сектантов данной губернии, отсутствует. Но сохранились многочисленные статистические отчеты, по которым можно проследить места селения и проживания субботников в разные годы XIX в.

Самые ранние данные о появлении «христиан, предавшихся иудейскому заблуждению», в Енисейской губернии обнаружены в отчете енисейского губернатора о состоянии Енисейской губернии за 1830 г. По его сведениям, в губернии значилось 390 человек субботников. В деле Минусинского земского суда за 1836 г. присутствует именной список из 77 человек, большая часть которых проживала в деревнях Обетованной и Коптыревой, меньшая – в селах Кавказское и Луговское Минусинского округа Шушенской волости Енисейской губернии. Среди них встречаются следующие фамилии: Шишлянниковы, Архиповы, Богдановы, Петровы, Романовы, Чеботаревы, Белоусовы и др. Из списка также следует, что многие их них находились на поселении и на пропитании в этих селениях в 1824–1826 гг. [28. Л. 1–4].

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось письмо 1831 г. из секретного архива Третьего Отделения его Императорского Величества канцелярии, адресованное сибирскому купцу А. Сапункову, в котором сектант П. Шешлянников пишет: «Нам бы хотелось всем вкупе жить, а потому опасно к вам идти в Сибирь, что мы неизвестные какая у вас сторона, у нас идут люди бедные. Как у вас рождает земля хлеб, так ли родится или как на батюку или нет, пишите не обманно, и как цена хлебу, пишите подробно, и как скотоводство водится, почему цена овец и лошади или коровы и т.д. Картоловы, Голованновы, Владимировы и Красиковы пошли в Сибирь, а теперь об них слуху нет» [29. Л. 1–2]. Позднее, в 1832 г., в письме к тому же купцу уже Д. Шешлянников просит сообщить, каковы условия жизни в Сибири в связи с переселением 25 семей.

В 1834 г. Енисейский губернатор предписал 2-му Минусинскому окружному начальнику доставить сведения о числе «христиан, предавшихся иудейскому заблуждению». В д. Обетованной находилось 20 человек, в д. Каптеревой – 33 человека [30. Л. 9–10]. В ведомости за 1835 г. в ответ на секретный циркуляр МВД дать сведения о числе различных сект упоминаются в г. Красноярске субботники, «приемлющие вместо крещения обрезание», – 91 человек, в г. Енисейске – 79 человек, в Заледеевской волости – 18 человек, в Нахвальской волости – 31 человек, в Сухобузимской волости – 72 человека, в Подгорной волости – 16 человек, по Красноярскому округу – 137 человек, по Енисейскому округу – 78 человек, в г. Минусинске – 8 человек, в д. Обетованная – 127 человек, в г. Ачинске – 7 человек, в г. Канске – 35 человек, всего – 594 человека. В аналогичных отчетах за 1837 г. – в Енисейской губернии – 682 человека, в 1838 г. – 708 человек, в 1839 г. – 666 человек, в 1840 г. – 593 человека, в 1841 г. – 605 человек [31. Л. 8–11; 32. Л. 37–38]. Среди них крестьяне государственные, крестьяне из поселенцев, поселенцы [33. Л. 28–30, 32–49; 34. Л. 151; 35; 36. Л. 185–186].

Если ко второй половине XIX в. исполнительные власти Иркутской губернии полностью потеряли ин-

терес к субботникам и их сложившимся отношениям с евреями, то местные власти в Енисейской губернии строго соблюдали предписания, по которым общение сектантов-субботников и евреев было строго запрещено. Евреев изгоняли из уездов, в которых была обнаружена секта, а субботникам запрещали молитвенные собрания и исполнение обрядов обрезания, венчания, погребения и других обрядов, не имевших сходства с православными.

В 1864 г. Енисейский губернатор распорядился выслать из г. Минусинска и округи всех евреев, чтобы они не смогли повлиять на проживающих там иудействующих. Многие из них выбыли, кроме Томского 1-й гильдии купеческого сына Л. Хотимского, который ходатайствовал оставить его, так как он живет там с давних времен, имеет торговые и недвижимые площади, а представители иудействующих проживают от г. Минусинска на расстоянии более 200 верст. Губернское правление разрешило, так как высылка из города проживавших там евреев послужит поводом к разорению их [37. Л. 1, 12].

Енисейский губернатор обратился к Иркутскому генерал-губернатору, препровождая прошение Красноярского 2-й гильдии купца Ф.Л. Неймана (уроженца Сибири), которому Минусинский 2-й гильдии купец Гусев предложил принять обязанность ревизора по всем его делам, которые частично состоят в Минусинском округе. Но поскольку на основании существовавших узаконений евреям проживание в упомянутом округе было воспрещено, то Ф.Л. Нейман просил разрешить ему временные приезд и пребывание в Минусинском округе. Однако Иркутский генерал-губернатор не разрешил Ф.Л. Нейману даже кратковременные пребывания в Минусинском округе в связи со ст. 70 т. XIV Устава о предупреждениях и пресечениях преступлений, изданного в 1876 г., положительно воспрещавшего пребывание евреев в тех уездах, в которых находилась «еврейская ересь». Он просил Енисейского губернатора больше не обращаться с такими просьбами [38. Л. 1 об.–2].

В 1881 г. в Минусинском округе субботников насчитывалось уже 731 человек. «Живут они отдельными поселениями. Ведут жизнь тихую, занимаются сельским хозяйством. Отдельных молелен не имеют, собираются на молитву в частном доме. В религиозном и нравственном отношениях вредного влияния на православное население не производят» [39. Л. 24 об.].

Интересна история с. Иудина (ныне с. Бондарево, находящееся в 130 км от г. Абакана). Его возникновение, как это явствует из дел Шушенского волостного правления, относится к 1836–1838 гг., когда в поисках свободных земель для расселения прибыли сюда три ходока – крестьяне Богданов, Аникин и Борисов. Они были представителями помещичьих крестьян, «отпавших от православия», высланных с Северного Кавказа и водворенных в с. Зеледеево (в 25 верстах от Красноярска) Красноярского уезда. Начальство, духовенство часто беспокоили их своими придирками и «увещеваниями», поэтому они были вынуждены искать для себя более отдаленное место. Ходоки основали село, расположенное в плодородной долине рек Сос и Кындырлы, текущих с Западных Саян и впадающих в Абакан. Сначала оно носило название «Богданово», а когда переехали переселенцы из с. Зеледеево, они стали называть свою деревню «Обетованной», так как были поражены красотами природы и плодородием долин.

Енисейский губернатор, получив от смотрителя казенных поселений в Минусинском округе донесение о новой деревне под названием «Обетованная», пришел в ярость, увидев в этом кощунство и поругание православной веры и, так как в числе «отпавших от православия» поселенцев были перешедшие в иудейское вероисповедание, распорядился «впредь именовать деревню ту Иудино». По этому поводу также пишет Ф. Кандель: «Одну группу сектантов сослали в Енисейскую губернию, и в глухом краю, подальше от начальства, они основали деревню и назвали ее Обетованная. Но Енисейский губернатор название не утвердил и повелел переименовать Обетованную в Иудино – в память Иуды – предателя, от которого, как считал губернатор, и происходили иудействующие». Трудолюбивые и непьющие поселенцы обрабатывали землю на общинных началах и вскоре стали сбывать на прииски хлеб, овощи, мясо.

В 1841 г. в именном списке крестьян и поселенцев, проживавших в д. Обетованной и принадлежащих к иудействующей секте, значилось 149 человек, в 1842 г. – 175 человек. В деле по секретной части о молоканах, субботниках и духоборцах за 1853 г. имеются сведения о числе сект в Шушенской волости, среди которых выделены иудействующие (мужской пол – 160 человек, женский пол – 143 человека), всего 303 человека.

В именном списке иудействующих д. Иудиной за 1853 г. значились 165 человек (крестьяне, крестьяне из поселенцев, поселенцы). В ведомости об иудействующих (д. Иудина и д. Саблина Шушенской волости) за 1854 г. – 222 человека мужского пола и 476 человека женского пола (всего – 698 человек). Среди них крестьяне государственные, крестьяне из поселенцев, поселенцы.

О жизни субботников Енисейской губернии после Октябрьской революции информации немного. Известно, что их представители, как и представители их зиминских единоверцев, участвовали в 1918 г. в 3-м Всесибирском сионистском съезде в Томске. В журнале учета церквей Минусинского округа и их имущества есть информация об иудействующей религиозной группе – субботниках д. Иудиной (ранее называлась Обетованная) Бейского района, которая была перерегистрирована по договору от 27 апреля 1825 г.

В 1883 г. Енисейский губернатор предписал после рассмотрения отношения епископа Енисейского и Красноярского Исаакия о запрещении православным посещать дома молокан и жидовствующих в д. Иудино Минусинского округа и последним брать в услужение в домах своих и при заведениях разного рода инородцев, просвещенных святым крещением, так как через это они могут совратиться из православия [40].

В 1867 г. в д. Иудино за принадлежность к секте иудействующих был выслан на вечное поселение Тимофей Михайлович Бондарев (1820–1898) с семьей.

После перехода из православия в иудейство он стал называть себя Давидом Абрамовичем. Есть сведения, что он не был ревностным адептом этой секты, и единоверцы считали его «слабым в вере». В 1885 г. Л.Н. Толстой получил из Сибири от политического ссыльного В.С. Лебедева сочинение «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», автором которого был обыкновенный рядовой труженик-крестьянин Т.М. Бондарев. Оно поразило писателя простотой языка и глубоким изложением мыслей.

В течение нескольких лет Л.Н. Толстой состоял в переписке с крестьянским писателем. Ему не удалось опубликовать это сочинение в России, но с его помощью оно было переведено на французский язык и издано во Франции. Простой крестьянин-труженик оказал огромное влияние на социальные воззрения русского писателя Л.Н. Толстого. К сожалению, могила этого замечательного человека до настоящего времени не сохранилась. В конце 1930-х гг. в этой деревне образовался колхоз «Путь к социализму», который был одним из мощнейших колхозов края. Он имел все, о чем мечтал и чего добивался в свое время невольный житель д. Иудино – Т.М. Бондарев. С 1957 г. деревня стала называться «Бондарево» в честь Т.М. Бондарева, который внес большой вклад в ее развитие. Сейчас в с. Бондарево около ста домов, где строго соблюдаются еврейские традиции и следуют предписаниям Торы, на дверях висят мезузы. Несмотря на крестьянский уклад жизни, ни в одном доме нет свиней, и свинину не едят, а мацу пекут сами. На кладбище очень много надгробных камней с шестиконечной звездой Давида.

Выводы

Центральные органы власти придерживались курса на противодействие различным сектам, что предопределило процесс насильственного переселения русских крепостных крестьян, ставших субботниками, в Сибирь. Однако в Сибири, как свидетельствуют архивные документы по истории Иркутской и Енисейской губерний, суть и характер взаимоотношений с сектантами-субботниками могли определяться позицией, занятой региональными органами власти. Свидетельством тому – ситуация в Иркутской губернии, где власти не проводили линию на ограничение религиозных и бытовых контактов сектантов-субботников с еврейским населением. В противоположность этому местные власти Енисейской губернии не допускали контактов представителей таких сект с евреями. В результате в Иркутской губернии на протяжении ста лет субботники строго придерживались большинства основных законов иудаизма, которым они практически без ограничений учились у местных евреев. В Енисейской же губернии, где общение субботников с евреями строго пресекалось, сектанты придерживались русских обычаев и остались далеки от иудаизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хижая Т.И. «Начитавшись Библии»: к вопросу об идентичности русских иудействующих в XIX – начале XX // Вестник Санкт-Петербургского государственного унтиверситета. Сер. 17. 2014. Вып. 4. С. 150–156.
2. Берман Е.А., Орехова Н.А. Письма иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 85–93.
3. О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников : Синодский указ от 29 июля 1825 г., по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Печатано в тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XL: 1825 по 19 ноября. № 30.436.а. С. 397–408.
4. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел : в 8 т. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1863. 8-я, доп. книга: История распоряжений по расколу. 656 с.
5. О дополнительном постановлении касательно мер к отвращению распространения секты субботников : Высочайше утвержденный доклад Синода от 15 сентября 1825 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Печатано в тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XL: 1825 по 19 ноября. № 30483. С. 465–467.
6. Хижая Т.И. Исследование субботников в российской науке: подходы, дискурсы, результаты // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 155–167.
7. Астырев Н. Субботники в России и в Сибири // Северный вестник. 1891. № 6, отд. 2. С. 34–69.
8. Бейлин С.Х. Кое-что о зиминских субботниках // Пережитое : сб., посвящ. общественной и культурной истории евреев в России. СПб. : Тип. акц. о-ва Брокгауз–Ефрон,1913. Т. 4. С. 288–297.
9. Бейлин С.Х. История села Юдина. Иудействующие в Сибири. Из исторических журналов // Еврейская старина. 1914. Т. VII. С. 492–494.
10. Козьмин М.З. Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников // Еврейская старина. 1913. Т. VI. С. 3–22.
11. Козьмин М.З. Из быта субботников // Еврейская старина. 1914. Т. VII. С. 443–458.
12. Козьмин М.З. Из быта субботников. Рассказано со слов моего отца // Еврейская старина. 1915. Т. VIII. С. 386–395.
13. Нейман И.Л. О субботниках на Амуре // Еврейская старина. 1915. Т. VIII. С. 183–185.
14. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М. : Наука, 1965. 348 с.
15. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1973. 256 с.
16. Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства. М. : Политиздат, 1974. 255 с.
17. Хижая Т.И. Эсхатологическое движение русских иудействующих в конце XIX века // Религия в меняющемся мире : сб. ст. / отв. ред. М.М. Шахнович. СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 244–258.
18. Хижая Т.И. Субботники и евреи в российском обществе XIX – начала XX вв.: дискурсы восприятия // Научные труды по иудаике : материалы XX междунар. ежегодной конф. по иудаике / отв. ред. В. В. Мочалова. М. : Сэфер, 2013. Т. 1. С. 131–150.
19. Берман Е.А. Историко-культурные особенности секты субботников (иудействующих) села Зима Балаганского уезда Иркутской губернии XIX–XX веков // Этнос и конфессия : материалы Восемнадцатых междунар. Санкт-Петербургских этнограф. чтений / отв. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб. : Изд-во ИПЦ СПГУТД, 2019. С. 61–66.
20. Орехова Н.А., Кузнецкий С.С. Иудействующие в Сибири // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы IV регион. науч.-практ. конф. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск–Биробиджан : Кларетианиум, 2003. С. 149–155.
21. Об увещевании отставших от веры и отсылке их в Гражданский Суд в случае нераскаяния // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Печатано в тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XL: 1825 по 19 ноября. № 13948а. С. 6–8.

22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 12. Д. 29910.
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 131. Д. 1104.
24. Об укреплении начал веротерпимости : именной высочайший указ, данный сенату 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. XXV: 1905. С. 237–238.
25. Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4. С. 131–140.
26. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск : Типо-лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.
27. Киржниц Д.А. Труды по теоретической физике и воспоминания : в 2 т. М. : Физматлит, 2001. Т. 1. 416 с.
28. Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 372.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 1489.
30. АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 320.
31. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 270. К. 11.
32. АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 502.
33. АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 686.
34. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 90.
35. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 87.
36. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 122. К. 1739.
37. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 24. К. 2029.
38. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 361. К. 2048.
39. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 402. К. 2049.
40. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 1. Д. 1199.

Elena A. Berman, Irkutsk Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com
Natalia A. Orekhova, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: orehova.vladimir2010@yandex.ru
Elena S. Genina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena_genina@mail.ru

SUBBOTNIKS CULT FOLLOWERS OF IRKUTSK AND YENISEI PROVINCES (THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY – THE FIRST QUARTER OF THE 20th CENTURY)

Keywords: Subbotniks (Sabbatarians); religious communities; authorities; Irkutsk province; Yenisei province.

The article represents a reconstruction of the history of the life and activities of the Subbotniks (Sabbatarians), cult followers who lived in Irkutsk and Yenisei provinces in the first quarter of the 19th century – the first quarter of the 20th century. An analysis of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiography on the issue of Subbotniks showed the need for studying exiled Subbotniks in Siberia. The purpose of the study is related to the authors' attempt to reconstruct the conditions and peculiarities of life and activities of Subbotniks in these regions over an extensive chronological period. The formulation of the problem justifies the novelty of this study. The core of the source base for the research was formed by regulatory legal acts, documents of the Russian State Historical Archives, the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of Irkutsk Region, the State Archives of Krasnoyarsk Territory, and the archives of the city of Minusinsk. Working on the article, the authors relied on the principles of historicism, objectivity, integrity, and employed comparative, historical, chronological, and prosopographical research methods in combination with periodization and methods of analysis and synthesis. The authors of the study summarize the essence of the relationship between the central and regional authorities, on one part, and the Subbotniks cult followers, on the other. The article reflects particular features of the activities of Subbotnik sectarian communities in Irkutsk and Yenisei provinces, their religious life, everyday life, and discusses the established forms of interaction between Subbotniks and the Jewish population of Irkutsk province. The study identifies the settlements of Irkutsk and Yenisei provinces where the Subbotniks lived. The dynamic changes in the number of Subbotniks who lived in the regions during the considered period are given. The conducted historical analysis showed that the central authorities followed the policy of counteracting various cults, which predetermined the process of forced resettlement of Russian peasant serfs who were converted to Subbotniks to Siberia. However, in Siberia, as evidenced by archival documents on the history of Irkutsk and Yenisei provinces, the essence and nature of relations with Subbotniks cult followers can be judged by the position chosen by regional authorities. This is evidenced by the situation in Irkutsk province, where the authorities did not pursue a policy of limiting the religious and everyday contacts of Subbotniks with the Jewish population, while the local authorities of Yenisei province did not allow contacts between the Subbotniks and the Jewish population.

REFERENCES

1. Khizhaya, T.I. (2014) 'Having consumed too much Bible': concerning the identity of the Russian Judaizers of the 19th — early 20th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo untiversiteta – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* 30(4). pp. 150–156. (In Russian).
2. Berman, E.A. & Orekhova, N.A. (2020) Letters from the Irkutsk official rabbi S.Kh. Beilin to G.N. Potanin (from the funds of the Krasnoyarsk regional museum of local lore). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 85–93. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/11
3. Russia. (1830a) O merakh k otvrashcheniyu rasprostraneniya Zhidovskoy sekty, pod nazvaniem Subbotnikov: Sinodskiy ukaz ot 29 iyulya 1825 g., po Vysochayshe utverzhdennomu polozheniyu Komiteta Ministrov [On measures to avert the spread of the Subbotniki Jewish sect: Synodal decree of July 29, 1825, according to the Highest approved provision of the Committee of Ministers]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. XL. St. Petersburg: The Second Section of His His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 397–408.
4. Varadinov, N.V. (1863) *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del: v 8 t.* [History of the Ministry of Internal Affairs: in 8 vols]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
5. Russia. (1830b) O dopolnitel'nom postanovlenii kasatel'no mer k otvrashcheniyu rasprostraneniya sekty subbotnikov: Vysochayshe utverzhdennyy doklad Sinoda ot 15 sentyabrya 1825 [On an additional resolution regarding measures to avert the spread of the Subbotniki sect: The highest approved report of the Synod of September 15, 1825]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. XL. St. Petersburg: The Second Section of His His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 465–467.
6. Khizhaya, T.I. (2018) Issledovanie subbotnikov v rossiyskoy nauke: podkhody, diskursy, rezul'taty [Studying the Subbotniks in Russia: Approaches, Discourses, Results]. In: Shakhnovich, M.M. & Teryukova, E.A. (eds) *Istoriya religiovedeniya i intellektual'naya istoriya Rossii XIX – pervoy poloviny*

XX veka. Arkhivnye materialy i issledovaniya [History of Religious Studies and Intellectual History of Russia in the 19th – first Half of the 20th Century. Archival Materials and Research]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 155–167.
7. Astyrev, N. (1891) Subbotniki v Rossii i v Sibiri [The Subbotniki in Russia and Siberia]. *Severnyy vestnik*. 6. pp. 34–69.
8. Beylin, S.Kh. (1913) Koe-chto o ziminskikh subbotnikakh [Something about the Zimin Subbotniki]. In: Beylin, S.Kh. et al. *Perezhitoe* [Ordeal]. Vol. 4. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. pp. 288–297.
9. Beylin, S.Kh. (1914) Istoriya sela Yudina. Iudeystvuyushchie v Sibiri. Iz istoricheskikh zhurnalov [The history of the village of Yudino. Judaizers in Siberia. From historical journals]. *Evreyskaya starina*. 7. pp. 492–494.
10. Kozmin, M.Z. (1913) Proshloe i nastoyashchee sibirskikh sektantov-subbotnikov [Past and present of Siberian Subbotniki sectarians]. *Evreyskaya starina*. 6. pp. 3–22.
11. Kozmin, M.Z. (1914) Iz byta subbotnikov [From everyday life of Subbotniki]. *Evreyskaya starina*. 7. pp. 443–458.
12. Kozmin, M.Z. (1915) Iz byta subbotnikov. Rasskazano so slov moego ottsa [From the everyday life of Subbotniki. Told by my father]. *Evreyskaya starina*. 8. pp. 386–395.
13. Neyman, I.L. (1915) O subbotnikakh na Amure [About Subbotniki on the Amur]. *Evreyskaya starina*. 8. pp. 183–185.
14. Klibanov, A.I. (1965) *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.)* [The history of religious sectarianism in Russia (1860s – 1917).]. Moscow: Nauka.
15. Klibanov, A.I. (1973) *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Religious sectarianism in the past and present]. Moscow: Nauka.
16. Klibanov, A.I. (1974) *Iz mira religioznogo sektantstva* [From the world of religious sectarianism]. Moscow: Politizdat.
17. Khizhaya, T.I. (2012) Eskhatologicheskoe dvizhenie russkikh iudeystvuyushchikh v kontse XIX veka [The eschatological movement of Russian Jews at the end of the 19th century]. In: Shakhnovich, M.M. (ed.) *Religiya v menyayushchemsya mire* [Religion in a Changing World]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 244–258.
18. Khizhaya, T.I. (2013) Subbotniki i evrei v rossiyskom obshchestve XIX – nachala XX vv.: diskursy vospriyatiya [Subbotniki and Jews in Russian society in the 19th – early 20th centuries: discourses of perception]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Nauchnye trudy po iudaike* [Seminal works on Jewish studies]. Vol. 1. Moscow: Sefer. pp. 131–150.
19. Berman, E.A. (2019) Istoriko-kul'turnye osobennosti sekty subbotnikov (iudeystvuyushchikh) sela Zima Balaganskogo uezda Irkutskoy gubernii XIX–XX vekov [Historical and cultural features of the Subbotnik (Judaizing) sect in the village of Zima, Balaganskiy Uezd, Irkutsk province, 19th – 20th centuries]. In: Grusman, V.M. & Gerasimenko, E.E. (eds) *Etnos i konfessiya* [Ethnicity and Confession]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 61–66.
20. Orekhova, N.A. & Kuznetskiy, S.S. (2003) Iudeystvuyushchie v Sibiri [Judaizers in Siberia]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: History and Modernity]. Krasnoyarsk; Birobidzhan: Klaretianium. pp. 149–155.
21. Russia. (1830c) Ob uveshchevanii otstavshikh ot very i otsylke ikh v Grazhdanskiy Sud v sluchae neraskayaniya [On the admonition of those who lagged behind the faith and sending them to the Civil Court in case of non-repentance]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. XL. St. Petersburg: The Second Section of His His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 6–8.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 12. File 29910.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 131. File 1104.
24. Russia. (1908) Ob ukreplenii nachal veroterpimosti : imennoy vysochayshiy ukaz, dannyy senatu 17 aprelya 1905 g. [On the strengthening of the principles of religious tolerance: Personal Highest Decree to the Senate on April 17, 1905]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 25. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 237–238.
25. Berman, E.A. & Kerzhner, A.G. (2019) Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 15(4). pp. 131–140. (In Russian).
26. Voytinskiy, V.S. & Gornshteyn, A.Ya. (1915) *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: P.I. Makushina & V.M. Posokhin.
27. Kirzhnits, D.A. (2001) *Trudy po teoreticheskoy fizike i vospominaniya: v 2 t*. [Works on Theoretical Physics and Memoirs: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Fizmatlit.
28. The Archive of Minusinsk (AGM). Fund 42. List 1. File 372.
29. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3. File 1489.
30. The Archive of Minusinsk (AGM). Fund 42. List 1. File 320.
31. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 3. File 270. K. 11.
32. The Archive of Minusinsk (AGM). Fund 42. List 1. File 502.
33. The Archive of Minusinsk (AGM). Fund 42. List 1. File 686.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 1. File 90.
35. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1281. List 5. File 87.
36. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 9. File 122. K. 1739.
37. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 9. File 24. K. 2029.
38. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List 9. File 361. K. 2048.
39. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 9. File 402. K. 2049.
40. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund 595. List 1. File 1199.

УДК 572.9
DOI: 10.17223/19988613/71/20

Е.А. Вагнер-Сапухина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР ПО ДАННЫМ ДИСКРЕТНО-ВАРЬИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Работа посвящена изучению изменчивости дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета у тоболо-иртышских татар. Многомерные анализы дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета позволили подтвердить утверждение о промежуточном положении тоболо-иртышских татар между «западными» и «восточными» популяциями Северной Евразии, а также уточнить некоторые особенности происхождения локальных групп.

Ключевые слова: этническая антропология; остеология; дискретно-варьирующие признаки посткраниального скелета; тоболо-иртышские татары; исследования межгрупповой изменчивости.

Изучение тоболо-иртышских татар началось с соматологических исследований Западносибирской экспедиции 1937 г. [1]. По результатам этой работы Г.Ф. Дебец и Т.А. Трофимова отмечали сложный антропологический состав изученных популяций, имеющих метисное происхождение. Т.А. Трофимова считала, что тобольские татары являются представителями уральской малой расы, ощутившими влияние европеоидного компонента, который появился в результате смешения с татарами-переселенцами с территории Поволжья [2. С. 204–209].

Позднее эти сведения углубились благодаря исследованиям краниологических особенностей сибирских татар А.Н. Багашёвым. Аялынские и в меньшей степени тюменские татары оказались носителями антропологического комплекса, характерного для тюркомонгольского населения Южной Сибири и Казахстана, коурдакские тяготели к угорским группам Северного Приобья, а у тобольских отмечалась явная выраженность европеоидных черт, сближающая их с тюркоязычным населением Поволжья. Саргатские татары занимали промежуточное положение между аялынскими и коурдакскими и оказались схожи с томско-чулымскими тюрками [3. С. 108–110; 4. С. 107–109]. По системе дискретно-варьирующих признаков черепа локальные группы тоболо-иртышских татар довольно близки между собой, по частотам признаков от остальных отличается лишь аялынская серия [3. С. 53].

Одонтологическая характеристика тоболо-иртышских татар была дана Н.И. Халдеевой, которая отмечала принадлежность тоболо-иртышских татар к смешанным популяциям с заметным «западным сдвигом», а также близость их по некоторым маркерам зубной системы к группам с чертами североевропейского реликтового комплекса (лопари, северо-восточные финны) [5. С. 31–32; 6. С. 141]. Внутригрупповую характеристику морфологии зубной системы сибирских татар описала С.В. Ефимова. Она отметила близость тоболо-иртышских и барабинских татар друг к другу, а также указала на мозаичность их одонтологических особенностей, выражающуюся в сочетании западных и восточных черт [7. С. 34].

Морфология узоров гребешковой кожи и ладонных линий у татар Сибири была изучена Г.Л. Хить. По данным дерматоглифики тоболо-иртышские популяции относятся к кругу сибирских монголоидных популяций с видимой европеоидной примесью и близки к носителям уральского и южносибирского компонентов [8. С. 14].

В настоящее время исследования в области этнической антропологии татар Сибири продолжаются благодаря появлению новых палеоантропологических материалов [9, 10].

Данная работа направлена на исследование дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета тоболо-иртышских татар – малораспространенной в нашей стране системы признаков, которая могла бы дополнить существующие в настоящее время сведения по антропологии населения Западной Сибири.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили четыре остеологические серии, относящиеся к аялынским, саргатским, тюменским и тобольским татарам, которые хранятся в Кабинете антропологии им. Н.С. Розова Томского государственного университета. Коллекция скелетных останков аялынских татар была получена в результате археологических раскопок могильников в лесостепной зоне Среднего Прииртышья – Черталы-3 и Чеплярово-27. Материал из этих географически близких памятников был объединен в одну серию, датируется XVII–XVIII вв. [9, 11]. Изученная группа состояла из 61 индивида, в том числе 55 взрослых.

Другие остеологические коллекции были собраны в Иртышской антропологической экспедицией под руководством А.Н. Багашёва в 1980-х гг. Саргатские татары представлены палеоантропологическими материалами могильника Тюльчаково (40 взрослых индивидов). Скелетные останки тобольских татар (32 взрослых индивида) получены в результате работ на погребальном памятнике Островной. Эти две серии датируются XIX – началом XX в. Тюменская группа тоболо-иртышских татар представлена материалами из могильника Юртобор (52 индивида) и датируется XVIII – началом XIX в.

Половая принадлежность индивидов аялынской группы определялась по тазовым костям. Остальные серии состояли только из длинных трубчатых костей посткраниального скелета. Определения пола были взяты по А.Н. Багашёву с уточнениями А.В. Дедик (Южаковой) [10, 12]. Биологический возраст индивидов определялся по состоянию суставных поверхностей и подразделялся на когорты, предложенные в исследованиях Д.В. Пежемского [13. С. 49].

В качестве сравнительных данных были взяты частоты дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета по 14 группам Северной Евразии, также изученные автором настоящей работы.

Таблица 1

Встречаемость дискретно-варьирующих признаков длинных костей скелета у разных групп тоболо-иртышских татар

Дискретно-варьирующие признаки		Аялынские татары		Тюменские татары		Саргатские татары		Тобольские татары	
		N	n	N	n	N	n	N	n
Надмыщелковый отросток (*Humerus*)	D	50	2	47	1	37	0	31	0
	S	50	2	45	0	39	0	30	0
	I	47	2	42	1	37	0	30	0
Межмыщелковое отверстие (*Humerus*)	D	47	5	44	6	37	4	30	6
	S	49	7	42	5	39	5	29	5
	I	47	9	39	8	37	7	29	7
Форма лучевой ямки (*Humerus*)	D	43	9	43	5	35	13	30	6
	S	43	13	39	4	36	12	29	2
	I	39	14	35	6	34	19	30	6
Двойная запястная суставная поверхность (*Radius*)	D	44	15	40	11	33	9	30	7
	S	42	11	31	8	39	8	28	8
	I	41	17	30	14	39	10	28	9
Отверстие гребня супинатора (*Ulna*)	D	47	0	42	0	33	1	29	0
	S	45	0	40	0	39	0	30	0
	I	41	0	35	0	33	1	28	0
Двойная суставная поверхность блоковой вырезки (*Ulna*)	D	47	32	41	24	30	15	29	19
	S	46	27	38	25	37	13	29	19
	I	48	37	41	31	31	17	30	23
Инфантильная форма венечного отростка (*Ulna*)	D	44	0	42	0	33	0	29	0
	S	39	0	36	0	39	1	30	1
	I	37	0	33	0	33	1	29	1
Ямка Аллена (*Femur*)	D	27	4	21	4	29	5	13	1
	S	23	4	13	2	31	7	12	1
	I	23	6	13	5	28	7	10	2
Фасетка Пуарье (*Femur*)	D	31	16	23	10	31	20	14	7
	S	29	13	13	6	35	22	11	5
	I	29	19	18	14	34	27	11	8
Бляшка шейки (*Femur*)	D	36	19	27	8	37	13	26	19
	S	33	17	17	4	35	16	21	16
	I	36	23	22	12	35	20	24	20
Подвертельная ямка (*Femur*)	D	51	17	50	8	39	4	31	4
	S	49	10	47	5	39	4	28	3
	I	50	18	47	9	38	5	29	6
Третий вертел (*Femur*)	D	47	9	49	7	39	5	31	0
	S	41	3	47	4	38	7	28	1
	I	44	11	46	10	37	8	28	1
Экзостоз вертельной ямки (*Femur*)	D	49	24	50	9	39	12	31	10
	S	48	20	47	13	38	10	28	11
	I	48	28	48	17	38	14	29	12
Дополнительное питательное отверстие (*Tibia*)	D	51	3	47	0	38	0	30	0
	S	52	3	45	2	40	1	29	0
	I	51	6	45	2	38	1	29	0
Медиальная фасетка переднего края нижнего эпифиза (*Tibia*)	D	42	26	36	23	34	27	27	18
	S	37	20	33	21	38	30	28	18
	I	40	28	37	29	39	32	28	21
Латеральная фасетка переднего края нижнего эпифиза (*Tibia*)	D	40	34	42	36	34	26	30	18
	S	42	32	39	35	38	30	29	19
	I	40	36	42	38	37	32	30	21

Дискретно-варьирующими признаками (ДВП) называются анатомо-морфологические варианты костей скелета, отклоняющиеся от нормы (дополнительные отростки, отверстия, ямки, суставные поверхности и т.д.), которые являются особенностями скелетной системы конкретных индивидов и воспринимаются как фены. Программа и методика исследования ДВП посткраниального скелета была разработана автором и применяется в этой работе [14]. При анализе данных использовалось 16 признаков длинных костей скелета, так как применить большее число не позволяла комплектность материала (табл. 1). Билатеральные признаки учитывались как с правой, так и с левой стороны. Подсчет частот производился для каждой из сторон и на одного индивида (если признак встречался хотя бы на одной из двух сторон, он считался присутствующим). Статистическая обработка материала производилась при помощи программы Microsoft Excel 2013, пакета программ Statistica 8.0, а также пакета программ AnthropMMD для программного обеспечения R.

Результаты

На первом этапе изучалась половая и возрастная изменчивость признаков внутри обобщенной серии тоболо-иртышских татар для того, чтобы описать внутригрупповые особенности изучаемой популяции.

Попарное сравнение встречаемости дискретных признаков длинных костей скелета между мужчинами и женщинами проводилось для сборной серии тоболо-иртышских татар при помощи критерия χ^2 с поправкой Йетса. Только один признак – межмыщелковое отверстие плечевой кости – на статистически значимом уровне чаще встречался у женщин. Эта тенденция не раз отмечалась многими исследователями неметрических признаков на самом различном материале [15–17]. Половые отличия по остальным признакам статистической значимости не достигли, хотя можно отметить некоторые тенденции. У женщин, помимо межмыщелкового отверстия, чаще встречаются форма лучевой ямки плечевой кости, ямка Аллена и латеральная фасетка нижнего эпифиза большой берцовой кости, а у мужчин – отверстие гребня супинатора, двойная суставная поверхность блоковой вырезки и инфантильная форма венечного отростка локтевой кости, фасетка Пуарье, подвертельная ямка, третий вертел и экзостоз вертельной ямки бедренной кости, а также медиальная фасетка нижнего эпифиза большой берцовой кости (табл. 2). Все эти отличия можно считать особенностями проявления полового диморфизма в изучаемой группе.

Таблица 2

Значения критерия χ^2 для оценки полового диморфизма и возрастной изменчивости ДВП посткраниального скелета у тоболо-иртышских татар*

Дискретно-варьирующие признаки		Половой диморфизм			Возрастная изменчивость, значения кр. χ^2		
		кр. χ^2	p	Fish_ex	М-П	М-З	З-П
Надмыщелковый отросток (*Humerus*)	D	0,34	0,560	1,000	0,405	0,116	0,073
	S	0,08	0,782	1,000	0,338	–	0,064
	I	0,03	0,874	0,604	0,017	0,120	0,387
Межмыщелковое отверстие (*Humerus*)	D	**26,55**	**0,000**	**0,000**	0,189	0,311	0,000
	S	**18,81**	**0,000**	**0,000**	**4,315**	0,693	0,195
	I	**24,28**	**0,000**	**0,000**	0,804	0,349	0,084
Форма лучевой ямки (*Humerus*)	D	0,02	0,886	0,833	2,412	2,246	0,000
	S	**5,23**	**0,022**	**0,023**	2,544	**4,942**	0,375
	I	0,41	0,521	0,437	**5,106**	**4,139**	0,015
Двойная запястная суставная поверхность (*Radius*)	D	1,55	0,213	0,171	0,316	0,853	2,460
	S	0,03	0,857	1,000	0,202	0,004	0,000
	I	0,03	0,858	1,000	0,007	0,083	0,309
Отверстие гребня супинатора (*Ulna*)	D	–	–	–	0,000	–	0,098
	S	–	–	–	–	–	–
	I	–	–	–	0,004	–	0,108
Двойная суставная поверхность блоковой вырезки (*Ulna*)	D	0,28	0,594	0,585	3,373	0,887	0,117
	S	1,67	0,197	0,147	3,524	1,876	0,003
	I	1,27	0,260	0,236	2,353	0,546	0,068
Инфантильная форма венечного отростка (*Ulna*)	D	–	–	–	–	–	–
	S	0,16	0,692	1,000	0,010	0,169	0,109
	I	0,15	0,698	1,000	0,006	0,168	0,096
Ямка Аллена (*Femur*)	D	1,16	0,282	0,193	1,833	0,030	1,552
	S	1,63	0,201	0,123	0,515	0,126	0,138
	I	2,86	0,091	0,087	0,356	0,001	0,559
Фасетка Пуарье (*Femur*)	D	0,34	0,557	0,469	3,710	**4,542**	0,269
	S	0,57	0,449	0,328	0,546	0,227	0,062
	I	0,01	0,927	1,000	1,681	0,208	0,000
Бляшка шейки (*Femur*)	D	0,00	0,955	1,000	2,620	**10,584**	3,811
	S	1,16	0,281	0,269	**9,022**	**11,677**	0,929
	I	1,09	0,297	0,257	**9,714**	**11,123**	0,664
Подвертельная ямка (*Femur*)	D	0,66	0,416	0,410	**4,572**	**4,060**	0,023
	S	0,14	0,705	0,631	3,742	3,597	0,036
	I	0,01	0,911	1,000	**4,711**	**5,645**	0,290

Окончание табл. 2

Дискретно-варьирующие признаки		Половой диморфизм			Возрастная изменчивость значения кр. χ^2		
		кр. χ^2	p	Fish_ex	М-П	М-З	З-П
Третий вертел (*Femur*)	D	0,00	0,953	1,000	0,163	1,816	0,761
	S	0,02	0,891	0,773	1,809	**4,858**	1,355
	I	0,09	0,770	0,657	0,217	**4,431**	2,634
Экзостоз вертельной ямки (*Femur*)	D	0,00	0,799	0,724	**21,234**	**14,176**	0,014
	S	2,38	0,123	0,105	**32,717**	**11,977**	2,561
	I	0,61	0,435	0,392	**31,372**	**11,958**	1,791
Дополнительное питательное отверстие (*Tibia*)	D	0,29	0,589	0,284	0,005	0,184	1,442
	S	2,05	0,152	0,089	0,080	0,141	0,942
	I	0,26	0,611	0,492	0,030	0,162	0,103
Медиальная фасетка переднего края нижнего эпифиза (*Tibia*)	D	1,05	0,306	0,246	0,528	3,068	1,093
	S	2,45	0,117	0,085	**3,986**	0,982	0,181
	I	1,31	0,253	0,202	0,687	0,910	0,008
Латеральная фасетка переднего края нижнего эпифиза (*Tibia*)	D	2,52	0,112	0,084	0,051	0,761	1,601
	S	2,27	0,132	0,095	0,103	0,000	0,007
	I	2,05	0,152	0,137	0,000	0,261	0,593

* полужирным выделены статистически значимые значения критерия χ^2 при $p \geq 0,05$.

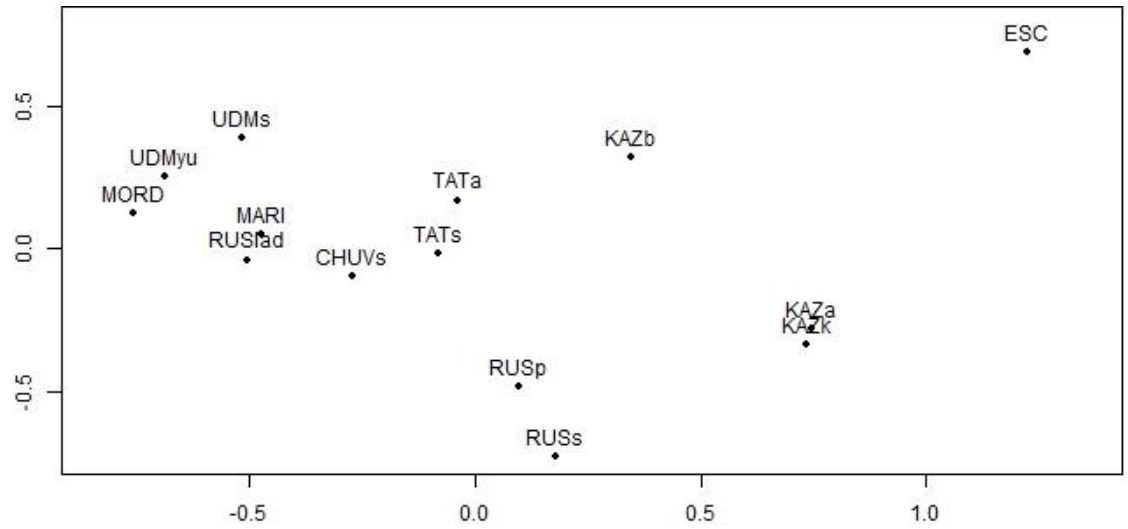

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования средний мер дивергенции для 14 групп:
ESC – эскимосы; *TATa* – аялынские татары; *TATs* – саргатские татары; *UDMs* – удмурты северные; *UDMyu* – удмурты южные; *CHUVs* – чуваши верховые; *MARI* – марийцы горные; *MORD* – мордва-эрзя; *KAZk* – казахи (Коянды-Каратас); *KAZa* – казахи (Актулки) ; *KAZb* – казахи (Бегазы); *RUSlad* – русские (Старая Ладога); *RUSs* – русские (Себеж); *RUSp* – русские (Псков)

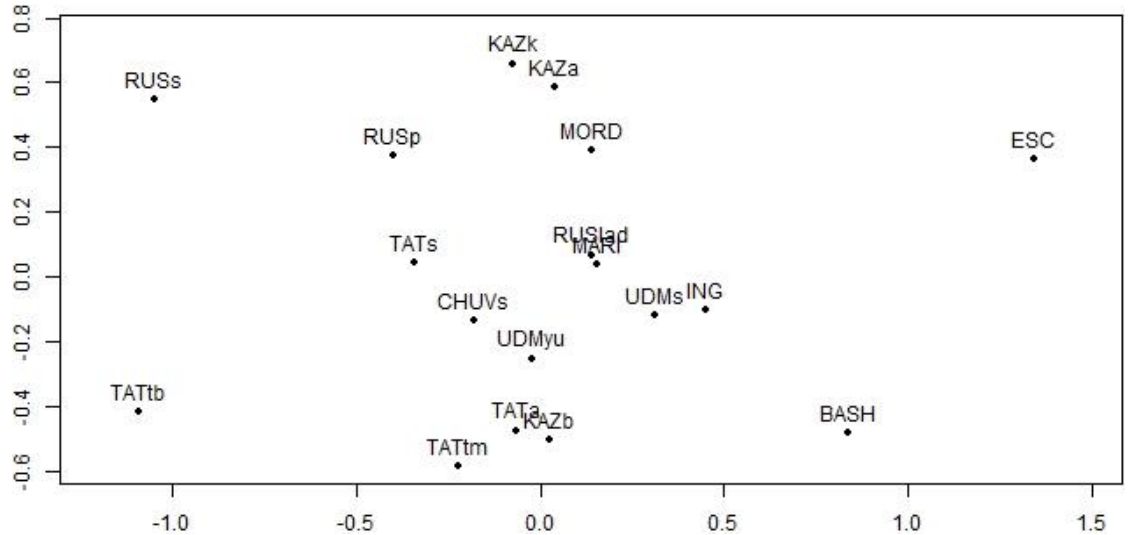

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования средний мер дивергенции для 18 групп:
ESC – эскимосы; *TATa* – аялынские татары; *TATtm* – тюменские татары; *TATs* – саргатские татары; *TATtb* – тобольские татары; *BASH* – башкиры, *UDMs* – удмурты северные; *UDMyu* – удмурты южные; *CHUVs* – чуваши верховые; *MARI* – марийцы горные; *MORD* – мордва-эрзя; *KAZk* – казахи (Коянды-Каратас); *KAZa* – казахи (Актулки); *KAZb* – казахи (Бегазы); *ING* – ингуши; *RUSlad* – русские (Старая Ладога); *RUSs* – русские (Себеж); *RUSp* – русские (Псков)

Возрастная изменчивость ДВП длинных костей скелета также изучалась при помощи попарных сравнений возрастных групп – молодых, зрелых и пожилых. В группу «молодых» были включены индивиды возрастных когорт Juvenilis I и II и Adultus (15–35 лет), «зрелых» – Maturus I (35–45 лет) и «пожилых» – Maturus II и Senilis (старше 45 лет). Зависимыми от возрастных изменений признаками можно считать экзостоз вертельной ямки, так как были выявлены статистически значимые отличия между молодыми и зрелыми и молодыми и пожилыми индивидами, а также подвертельную ямку бедренной кости (см. табл. 2). Отличие состоит в том, что частота встречаемости экзостоза вертельной ямки постепенно увеличивается при переходе к более старшим возрастным группам, а подвертельная ямка чаще всего встречается у юных индивидов, а затем ее частота резко снижается у молодых и остается практически неизменной в старших возрастных когортах. Те же самые тенденции характерны и для других групп. Отличительной особенностью тоболо-иртышских татар является необычное распределение по возрастам бляшки шейки бедренной кости, которая не встречается у индивидов возрастной когорты Juvenilis и редко фиксируется у молодых, однако в зрелом и пожилом возрасте этот признак распространен.

Далее была проведена серия многомерных анализов для частот, посчитанных на одного индивида, ставившая своей целью определить место сибирских татар в пространстве изменчивости признаков посткраниального скелета народов Северной Евразии. Из анализа были исключены признаки, зависящие от пола и возраста (межмыщелковое отверстие плечевой кости, подвертельная ямка и экзостоз вертельной ямки бедренной кости), а также редкие признаки (надмыщелковый отросток плечевой кости, отверстие гребня супинатора локтевой кости и дополнительное питательное отверстие большой берцовой кости). Таким образом, анализировалось 14 групп (в их числе аялынские и саргатские татары) по 10 признакам. Многомерное шкалирование средних мер дивергенции показало, что сибирские татары располагаются компактно в своеобразном треугольнике между русскими Северо-Запада, казахами Центрального Казахстана и поволжскими народами, тем не менее тяготея в большей мере к последним (рис. 1). Таким образом можно заключить, что по данным дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета тоболо-иртышские татары являются метисной группой, располагаясь на пересечении путей миграций различных народов.

Второй вариант анализа проведен с включением остальных серий сибирских татар, но при этом уменьшился набор признаков – до семи. Исключены инфантильная форма венечного отростка локтевой кости и ямка Аллена и фасетка Пуарье бедренной кости. Помимо данных по четырем популяциям тоболо-иртышских татар в качестве сравнительных используются частоты признаков 14 групп Северной Евразии. Результаты многомерного шкалирования во втором варианте позволяют детализировать полученные в первом случае данные. Как и прежде, на двух полюсах изменчивости располагаются русские и эскимосы, задавая вектор изменчивости запад–восток. Однако группы в данном морфологическом пространстве расположились несколько иначе. Татары, как и прежде, находятся в центральной части графика, тяготея к поволжским группам (рис. 2). Явное сближение тоболо-иртышских татар с поволжскими популяциями косвенно подтверждается одонтологическими данными, по которым у них отмечались некоторые черты северо-восточного грацильного комплекса, сближающие их с финнами и лопарями. Следы этого комплекса обнаруживаются и у некоторых поволжских групп.

Также удалось выделить некоторые особенности, характерные для каждой из изучаемых серий. Аялынские и тюменские татары сближаются с казахами из области Бегазы, что не противоречит данным по другим системам признаков, которые фиксируют наличие южносибирского компонента в этих популяциях. Саргатские татары выделялись по краниологическим данным и были близки в большей степени чулымцам, однако в нашем случае они тяготеют к поволжским группам, в частности к верховым чувашам. Тобольские татары являются морфологически наиболее западной группой и отличаются от остальных сибирских татар, однако они не сближаются и с тюркоязычными группами Поволжья, что было зафиксировано краниологическими исследованиями. Тобольская группа располагается в той же области морфологического пространства, что и русские Себежа, однако по другой переменной отличается от них, что может свидетельствовать об участии иного комплекса европеоидных признаков в сложении антропологического облика этой популяции.

Выводы

1. Исследование половой изменчивости дискретных признаков длинных костей скелета у тоболо-иртышских татар показало статистически значимые отличия между мужчинами и женщинами по частоте встречаемости межмыщелкового отверстия, что не противоречит данным, известным по специальным работам.
2. Особенностью выражения возрастной изменчивости ДВП в исследуемых группах стала встречаемость бляшки шейки бедренной кости, которая на статистически значимом уровне чаще фиксировалась у взрослых и пожилых индивидов. Экзостоз вертельной ямки и подвертельная ямка бедренной кости оказались ассоциированными с возрастом признаками.
3. Серия многомерных анализов подтвердила выводы о промежуточном положении тоболо-иртышских татар между «западными» и «восточными» группами, что не отрицает их метисного происхождения.
4. Изученные группы татар Сибири оказались близки друг к другу, что свидетельствует об общности их происхождения.
5. Аялынские и тюменские татары по частотам встречаемости дискретных признаков посткраниального скелета тяготеют к популяциям Средней Азии,

что не противоречит данным, полученным по краниологии и дерматоглифике.

6. Саргатские татары в большей мере оказались близки поволжским группам. Этот факт подтверждает высказанную по одонтологическим данным гипотезу о наличии общего морфологического комплекса, участвовавшего в сложении антропологического облика тоболо-иртышских татар и поволжских популяций.

7. Тобольские татары являются самой «западной» группой. Это положение подтверждает большую выраженность у них европеоидных черт, однако комплекс признаков, по-видимому, отличается от такового у русских Северо-Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А. Западносибирская экспедиция 1937 г. // Краткие сообщения Института и Музея антропологии МГУ. М., 1941. С. 26.
2. Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 194–214.
3. Багашёв А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск : Наука, 1993. 151 с.
4. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. 350 с.
5. Халдеева Н.И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск : Изд-во ОмГУ, 1984. С. 30–32.
6. Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М. : Наука, 1989. 231 с.
7. Ефимова С.В. Одонтология сибирских татар (к проблеме этнической истории) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск : Изд-во ОмГУ, 1984. С. 32–36.
8. Томилов Н.А., Хить Г.Л. Формирование сибирских татар по данным антропологии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 5–17.
9. Корусенко М.А., Рыкун М.П. Позднесредневековый могильник Чеплярово 27: планиграфия и антропологическая характеристика // Вестник Томского университета. История. 2013. № 4 (24). С. 19–22.
10. Южакова А.В. Палеодемография населения лесостепного Прииртышья XVII–XVIII вв. (могильник Чеплярово) // Вестник Томского университета. История. 2016. № 5 (43). С. 169–174.
11. Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история. Павлодар : ПГПИ, 2014. Вып. 9. С. 73–78.
12. Багашёв А.Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1988. 443 с.
13. Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли : семинар им. академика В.В. Седова. Псков, 2010. С. 47–55.
14. Вагнер-Сапухина Е.А. Методика фиксации дискретно-варьирующих признаков на посткраниальном скелете // В этой связи... : сб. ст. к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой. М. : ИЭА РАН ; Буки-Веди, 2019. С. 202–216.
15. Hrdlicka A. The humerus: septal apertures // Anthropologie. 1932. Vol. 10 (1/4). P. 31–96.
16. Trotter M. Septal apertures in the Humerus of American Whites and Negroes // American Journal of Physical Anthropology. 1934. № 19 (2). P. 213–227.
17. Saunders Sh.R. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. Ottawa : University of Ottawa Press, 1978. 549 p.

Elena A. Vagner-Sapukhina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: lena.sapuhina@gmail.com

ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TOBOL-IRTYSH TATARS BASED ON DISCRETE-VARYING TRAITS OF THE INFRACRANIAL SKELETON

Keywords: ethnic anthropology; osteology; discrete-varying traits of the infracranial skeleton; Tobol-Irtysh Tatars; comparative population studies.

The Tobol-Irtysh Tatars have been studied in detail in physical anthropology. Considering the anthropological variant of the Tobol-Irtysh Tatars, A.N. Bagashev emphasizes the complexity of their anthropological ancestry. Ayalyn and Tyumen Tatars are close to South Siberian and Central Asia groups, Tobol Tatars are similar to Caucasoid populations, and Kourdak Tatars are close to Ugrian ones. Odontological characteristics of the West Siberian Tatars was given by N.I. Khaldeeva, who marked the accessory of Tobol-Irtysh Tatars to mixed populations with a noticeable «western shift». S.V. Efimova was studied the morphology of the dental system of Siberian Tatars in more detail, and noted the proximity of the Tobol-Irtysh Tatars to the Baraba groups. According to dermatoglyphics data, the Tobol-Irtysh Tatars belong to the groups of Siberian Mongoloid populations with a visible European admixture and are close to the carriers of the Ural and South Siberian variants.

This work was aimed at the study of discrete-varying traits of the infracranial skeleton of the Tobol-Irtysh Tatars, which could complement the current information on the anthropology of the West Siberian populations.

The material for this study was four series of Tobol-Irtysh Tatars (Ayalyn, Tyumen, Sargat, Tobol groups), stored in the Anthropology Room of Tomsk State University, with a total number of 185 individuals.

The program and methodology for the study of the infracranial skeleton traits was developed by the author and is used in this work. Only 16 traits of long bones of the skeleton were used for data analysis.

At first, a comparison was made between males and females of a generalized sample of Tobol-Irtysh Tatars. Sex differences were found only in one trait – supratrochlear foramen of the humerus, which is more common in females. Exostosis of the trochanter fossa can be considered as age-dependent trait, due to statistically significant differences were found between young and elderly individuals. The same can be said about the hypotrochanteric fossa of the femur. A feature of the age-related variability of traits in the study groups was the occurrence of the plaque of the femur, which was more often notes in adults and elderly individuals.

Further, a series of multidimensional analyses were carried out, which allowed to confirm the previously existing statement about the intermediate position of the Tobol-Irtysh Tatars between the "Western" and "Eastern" populations of Northern Eurasia, as well as the proximity of the groups to each other. In addition, it was possible to detect the proximity of the Tatars of Siberia and the Volga populations, as well as to identify some aspects of the origin of local groups.

REFERENCES

1. Debets, G.F. & Trofimova, T.A. (1941) Zapadnosibirskaya ekspeditsiya 1937 g. [West Siberian expedition 1937]. *Kratkie soobshcheniya Instituta i Muzeya antropologii MGU*. Moscow. p. 26.
2. Trofimova, T.A. (1947) Tobol'skie i barabinskie tatary [Tobolsk and Baraba Tatars]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya*. 1. pp. 194–214.
3. Bagashev, A.N. (1993) *Etnicheskaya antropologiya tobolo-irtyshskikh tatar* [Ethnic anthropology of the Tobol-Irtysh Tatars]. Novosibirsk: SB RAS.
4. Bagashev, A.N. (ed.) (1998) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.
5. Khaldeeva, N.I. (1984) Raspredelenie odontologicheskikh priznakov sredi tatarskikh grupp i teleutov [Distribution of odontological characteristics among Tatar groups and Teleuts]. In*:* Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk: Omsk State University. pp. 30–32.
6. Zubov, A.A. & Khaldeeva, N.I. (1989) *Odontologiya v sovremennoy antropologii* [Odontology in Modern Anthropology]. Moscow: Nauka.
7. Efimova, S.V. (1984) Odontologiya sibirskikh tatar (k probleme etnicheskoy istorii) [Odontology of Siberian Tatars (to the problem of ethnic history)]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories]. Omsk: Omsk State University. pp. 32–36.
8. Tomilov, N.A. & Khit, G.L. (1991) Formirovanie sibirskikh tatar po dannym antropologii [Formation of Siberian Tatars according to anthropological data]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Zapadnoy Sibiri* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 5–17.
9. Koroussenko, M.A. & Rykun, M.P. (2013) The Late Middle Ages Burial Ground Cheplyarovo 27: the peculiarities of forming, anthropological characteristic. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(24). pp. 19–22. (In Russian).
10. Yuzhakova, A.V. (2016) Paleodemography Population Forest-Steppe Cis-Irtysh in the 17th – 18th Centuries (Cheplyarovo 27 Burial). *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 169–174. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/35
11. Koroussenko, M.A. & Gerasimov, Yu.V. (2014) Raskopki nekropolya Chertaly v Tarskom Priirtysh'e: nekotorye itogi [Excavations of the Chertaly necropolis in the Tara Irtysh region: some results]. In: Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2013 g.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in the Irtysh region, the Upper Ob region and the Altai in 2013: archeology, ethnography, oral history]. Vol. 9. Pavlodar: [s.n.]. pp. 73–78.
12. Bagashev, A.N. (1988) *Antropologicheskiy sostav i formirovanie tobolo-irtyshskikh tatar po dannym kranioosteologii* [Anthropological composition and formation of the Tobol-Irtysh Tatars according to cranio-osteology]. History Cand. Diss. Tomsk.
13. Pezhemskiy, D.V. (2010) Polovozrastnaya struktura naseleniya Petrovskogo kontsa srednevekovogo Pskova [Age and sex structure of the population of the Petrovsky end of medieval Pskov]. In: Lopatin, N.V. (ed.) *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archaeology and History of Pskov and Pskov Land]. Pskov: RAS. pp. 47–55.
14. Vagner-Sapukhina, E.A. (2019) Metodika fiksatsii diskretno-var'iruyushchikh priznakov na postkranial'nom skelete [The technique of fixing discrete-varying features on the postcranial skeleton]. In: Bagashov, A.N. et al. *"V etoy svyazi…": Sbornik statey k yubileyu Margarity Mikhaylovny Gerasimovoy* ["In this regard ...": Collection of articles for the anniversary of Margarita Mikhailovna Gerasimova]. Moscow: Buki Vedi. pp. 202–216.
15. Hrdlicka, A. (1932) The humerus: septal apertures. *Anthropologie*. 10(1/4). pp. 31–96.
16. Trotter, M. (1934) Septal apertures in the Humerus of American Whites and Negroes. *American Journal of Physical Anthropology*. 19(2). pp. 213–227. DOI: 10.1002/ajpa.1330190221
17. Saunders, Sh.R. (1978) *The Development and Distribution of Discontinuous Morphological Variation of the Human Infracranial Skeleton*. Ottawa: University of Ottawa Press.

УДК 94 (930)
DOI: 10.17223/19988613/71/21

А.А. Валитов, М.С. Шаповалов

ОБРАЗ И ПРАКТИКА СИБИРСКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В ПАЛЕСТИНУ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.» (№ 18 78 10062).

Статья посвящена образу и сложившейся практике сибирского паломничества в Палестину в XIX – начале XX в. Основным источником стали отчеты Императорского Православного Палестинского Общества, дневники и воспоминания паломников исследуемого периода. Паломничество сибиряков можно рассматривать как особую духовную практику, которая на протяжении столетия трансформировалась из индивидуальной, персонализированной в групповую под влиянием различных факторов – деятельности ИППО, развития транспортной инфраструктуры.
Ключевые слова: ментальные карты; Палестина; образ; идентичность русские евреи; паломники; Святая земля.

На сегодняшний день тема сибирского паломничества в Палестину приобретает новую актуальность. Исследователи все чаще стали говорить об особой роли паломничества в межкультурной коммуникации, взаимообогащении культур различных народов и религиозных традиций [1. С. 94], практической реализации духовной связи России с Палестиной [2. С. 25], наконец, о влиянии паломнических практик на формирование православной русской идентичности инородцами [3, 4].

С другой стороны, на данный момент отсутствует достоверная и полная статистика сибирского паломничества в Палестину в XIX – начале XX в. Исследователи склонны говорить об «отрывочных сведениях», а в отдельные периоды – о полном отсутствии данных о числе сибирских богомольцев [5–7]. Нет четких представлений о социальном типе сибирского паломника, особенно из отдаленных районов Восточной Сибири. Все это возвращает в исследовательское поле во многом позитивистский вопрос об образе и практике сибирского паломничества в Святую Землю в XIX – начале XX в., на который мы будем отвечать в данной статье.

Паломничество сибиряков в Палестину как явление существовало на протяжении всего «долгого XIX в.». Богомольцев из Сибири упоминал и российский консул в Яффе (1839–1843) К.М. Базили («Нельзя не упомянуть здесь об отставных солдатах и урядниках казачьих, которые из Кяхты, из Камчатки и из Томска совершили поход этот с посохом посланническим» [8. С. 461]), и секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО) (1906–1918) А.А. Дмитриевский («От Одессы до Байкала, Енисейска, Благовещенска и других весей нашего обширного отечества странники нередко возвращаются также на своих ногах и с посохом в руках» [9]).

Уважительно говорили о сибиряках в своих дневниковых записках русские паломники и путешественники [10. С. 4]. Образ странника-сибиряка, с одной стороны, создавал полноту картины русского присутствия на Святой земле [11], с другой – паломничество из Сибири, территории, значительно отдаленной не только от Иерусалима, но и от центральной России, воспринималось современниками в качестве настоящего религиозного подвига, особенно если это паломничество было пешим: «“…мне далеко, а вот человек еще того подальше, из-за Камня, из-за Урала пришел, – указала она на тщедушного старичка с прилипшими к черепу длинными и жидкими волосенками. – Этот совсем вчистую ноги себе оттрепал, вспухли, как подушки. Только и тешит их, что котами валеными”. Сибиряк, о котором шла речь, с любопытством смотрел на свои неподвижно вытянутые, как обрубки, обутые в валенки ноги» [12. С. 21]. Можно говорить об отдельном сформировавшемся архетипе паломника-сибиряка. Такой сибиряк-слепец из Иркутской губернии Максим Васильев Алексеев со своей женой Параскевою Дмитриевою совершает драматическое пешее богомолье в Иерусалим на страницах отечественного духовного журнала «Странник» [13. С. 69]. «Наполовину святой» Абрам (Абрамка) 76 лет из Тобольской губернии становится одним из основных героев уже классической работы английского писателя и путешественника Стивена Грэма [14. P. 254]. При этом, учитывая, что русские богомольцы фиксировали на страницах своего текста чаще особенное, пропуская повседневное, их встречу с сибирскими паломниками на Святой земле также следовало бы отнести скорее к ситуациям необычным, чем обыденным.

Численность

Несмотря на то, что до 1917 г. паломнический поток из Сибири в Палестину контролировался и был строго регламентирован государством (выдача паспортов, паломнических книжек, выезд и въезд на территорию империи), единственным доступным на сегодняшний момент источником по количественному и качественному составу сибирских паломников остаются данные ИППО. Отчеты о деятельности ИППО систематизировали информацию о числе приехавших в Палестину и Афон по паломническим книжкам ИППО, а сообщения общества ежегодно публиковали

статистику о количестве паломников, которые останавливались на русских подворьях в Иерусалиме. Однако и эти данные сегодня трудно назвать полными. В нашем исследовании мы располагаем статистикой только о числе приехавших в Палестину и Афон по паломническим книжкам палестинского общества за 1883–1890 гг. и о численности паломников, останавливавшихся на русских подворьях в Иерусалиме с 1894 по 1913 г.

Следует констатировать, что до 1890-х гг. сибирское паломничество в Палестину было единичным. Согласно данным седьмого отчета ИППО за 1888–1890 гг., в 1888 г. в Палестину из сибирских губерний (Акмолинской, Енисейской, Томской, Тобольской, Иркутской, Якутской и Забайкальской) суммарно приехали по паломническим книжкам ИППО 19 человек, из них больше всего представителей Томской губернии (7 паломников) [15. С. 139].

Подробный анализ паломнической статистики ИППО по сибирским губерниям в 1890-х гг. был сделан В.Н. Хитрово в статье «Откуда идут в Святую землю русские паломники». Следует обратить внимание, что в таблицах распределения русских паломников в Иерусалиме по губерниям в 1869–1875 гг. и 1878–1879 гг., приведенных им на основе данных генерального консула в Иерусалиме В.Ф. Кожевникова (1867–1876, 1879–1884), сибирские губернии не упоминаются [Там же. С. 139–142].

Сибиряки-паломники появляются у В.Н. Хитрово как отдельная категория в общей статистике только с 1893 г. Всего с 23 июля 1893 г. по 1 марта 1894 г. и с 1 марта 1895 г. по 1899 г., по его подсчетам, из сибирских губерний на Святую землю приехали 326 паломников, что составило 1,15% от общего числа русских богомольцев (28 255 человек). По классификации секретаря ИППО, в 1893–1899 гг. сибирские губернии / области – Томская (36-е место), Тобольская (43-е место) и Енисейская (47-е место) – были отнесены ко второй группе (число паломников от 5 человек на 100 человек в год), а Иркутская (53-е место), Акмолинская (10-е место), Забайкальская (73-е место), Якутская (80-е место) оказались в третьей группе губерний, где паломничество, словами В.Н. Хитрово, представляло собой «случайное явление» [Там же]. Вряд ли можно согласиться с Василием Николаевичем, что сибирское паломничество, особенно из отдаленных губерний, было «случайным», скорее, следует говорить от его персонифицированности, отсюда исторический интерес представляют детали и микроистории путешествия сибиряков к Святым местам.

Ситуация с систематизацией данных начинает меняться с 1890-х гг., когда к этой задаче активно подключились сотрудники ИППО. С 1893 по 1914 г. статистика ИППО начала демонстрировать общее увеличение сибирских паломников. По данным ИППО, в 1913 г. сибирские паломники составляли 3,91% (248 человек) от общего числа русских богомольцев (6 338 человек), останавливавшихся на русских подворьях в Иерусалиме. Таким образом, в 1913 г. доля сибирских паломников в общей массе русских богомольцев выросла по сравнению с 1895–1899 гг. в 3,4 раза.

В 1913 г. 63,7% (158 человек) всех сибирских богомольцев были выходцами из Томской губернии, на втором месте по числу паломников находилась Енисейская 12,5% (31 богомолец), а на третьем Тобольская 11,3% (28 богомольцев) губернии. Значительный разрыв в количестве паломников Томской губернии по сравнению с другими сибирскими территориями был объясним несколькими причинами: во-первых, Томская губерния была самой густонаселенной в Сибири (1,9 млн человек в 1897 г.), во-вторых, Томский отдел ИППО (1894) проводил активную работу по популяризации Святой земли и идеи русского присутствия на Востоке. Здесь же следует обратить внимание, что деятельность местных отделов Палестинского общества (Тобольский отдел открыт в 1897 г., Енисейский – в 1898 г.) оказывала воздействие и на численность паломников из Енисейской и Тобольской губерний. Хотя, как отметили исследователи М.Ю. Нечаева и В.П. Микитюк, «в практической организации паломничеств вклад местных отделов оказался весьма скромным… информация о доступности посещения Святых мест оказывалась далеко не самой значимой, а повлиять на другие факторы паломничества – такие как инфраструктура маршрутов, политическая ситуация в местах паломничества, материальный достаток самих паломников, наконец, – местные отделы не могли» [16. С. 138–139]. Таким образом, в-третьих, на численность томских богомольцев на практике влияли вполне «земные» причины: доступность инфраструктуры и материальное положение самих паломников (о чем будет сказано более подробно ниже).

При этом паломничество из Восточной Сибири, в первую очередь из Забайкальской и Якутской областей, а также из Иркутской губернии, в начале XX в. продолжало оставаться единичным. Однако персонифицированность паломничества не означает отсутствия паломнических практик. Для жителей Восточной Сибири из-за их объективной территориальной отдаленности от Святых мест Палестины было более актуально внутреннее паломничество. Интересно, что именно в паломническом тексте священника из Иркутска в 1916 г. Тобольск прямо назывался Иерусалимом [17].

Социальный состав

Анализ паломнических книжек и выписки из журналов русских подворий не дают сегодня полного представления о социальном составе сибирских паломников. Сведения, опубликованные ИППО, оказались слишком фрагментарными, чтобы на их основе можно было делать обобщающие выводы; прежде всего это касается Томской, Тобольской, Енисейской губерний и Акмолинской области.

Архивные изыскания позволяют исследователям делать выводы о типичности сибирского паломника по сравнению с богомольцами из центральной России, где самым распространенным типом «была женщина-крестьянка в возрасте от 50 до 60 лет», а наиболее редким – мужчина-дворянин [18. С. 157]. По данным исследователей В.В. Цысь и О.П. Цысь, обработавших

прошения 107 жителей Тобольской губернии за 1911–1914 гг., 79,2% из них составляли крестьяне, 6,5% – мещане, 10,2% – монашествующие, 3,9% прочие категории, к которым исследователи причисляли казаков, дворян и инородцев. По возрастным показателям лица старше 50 лет составляли 70% паломников. По Томской губернии нижневартовские исследователи получили близкие данные: из 52 обработанных ими прошений за 1903–1908 гг. 42 принадлежало крестьянам (исследователи выделяют из них в отдельные категории двух крестьянок – послушниц монастыря и одну чернорабочую), 4 – мещанам, 1 – ссыльному, у остальных сословная принадлежность не была указана. Возраст заявителей колебался от 49 лет до 71 года [6. С. 138–149]. Из девяти обнаруженных исследователем Е.А. Шушкановой прошений на паломничество в Палестину из Енисейской губернии все девять принадлежали крестьянам [7. С. 81–83].

Нужно, однако, подчеркнуть, что выводы о типичности сибирского паломника строятся преимущественно на данных из Томской, Тобольской и Енисейской губерний, откуда в Палестину отправлялось к 1913 г. до 88% всех богомольцев Сибири. При этом в данной статистике теряется важная специфика персонального богомолья из Иркутской губернии, Якутской и Забайкальской областей, где практически единственными богомольцами были представители духовного сословия.

Безусловно, из отдаленных губерний Восточной Сибири совершали паломничества и лица других сословий: крестьянства, купечества, мещанства, дворянства и др.

Организация

Организации русского паломничества к Святым местам Палестины посвящено значительное количество работ, поэтапно и детально раскрывающих специфику этого бюрократически сложного процесса [19–21]. В бюрократической части сибирская практика организации богомолья следовала за общеимперской. Не повторяясь и не погружаясь в детали, отметим, что сибирским паломникам следовало соблюсти следующую процедуру: оформить внутренний паспорт, получить «свидетельство о неимении препятствий на выезд заграницу» [22. Л. 2)], мужчинам нужно было иметь свидетельство об отбытии воинской повинности или «о зачислении в ратники ополчения», замужней женщине – письменное разрешение мужа на выезд за границу. Указанные документы следовало отправить вместе с прошением на имя губернатора для выписки «паломнического билета». Выдача заграничных паспортов для «следования в Иерусалим на поклонение Святым местам» производилась паломникам чаще всего в Одессе [6. С. 125, 132].

Путь паломника в Палестину из Сибири лежал через общие для всех паломников логистические пункты. Сначала пешком или по Транссибу (1891–1916) нужно было добраться до Челябинска, далее по железной дороге через Воронеж и Киев в Одессу. Несмотря на наличие сухопутного пути в Иерусалим, морской путь через Одессу, Босфор и Дарданеллы в палестинскую Яффу был более комфортным и быстрым для сибирских богомольцев. Все паломничество в целом составляло несколько месяцев.

Таким образом, подготовить свое путешествие в Палестину было непросто, а иногда и практически невозможно, тем более для крестьянина, не обладавшего грамотой. В процессе оформления бумаг требовалось как финансовое, так и бюрократическое участие. С 1882 г. такой бюрократической структурой в общеимперском масштабе стало ИППО. Повторимся: Палестинское общество в числе своих целей не заявляло задачу содействия увеличению числа русских паломников в Палестину, не ставили перед собой такие задачи и местные сибирские отделы. Как разъясняли Тобольские епархиальные ведомости, «…Палестинскому обществу приходится вовсе не способствовать увеличению паломничества, что не входит в его задачи, а по возможности оберегать паломника в пути, не бросать его на произвол судьбы на месте и дать ему то, к чему привык и без чего обходится с трудом русский человек» [23. С. 282]. «Лица, имевшие намерение отправиться в Св. Землю, получали от Отдела все нужные им справки и указания и снабжались путеводителями, палестинскими листками и брошюрами» [24. С. 3].

Как отмечалось выше, на численность и социальный состав сибирских богомольцев влияли материальные причины: удаленность от Иерусалима, доступность инфраструктуры и финансовое положение самих паломников.

Путь на Святую землю из Сибири для паломников был очень затратным. Священник Василий Федюшин из Тобольской губернии в 1902 г. оценивал путешествие одного сибирского богомольца в 200–250 рублей, хотя отмечал, что «в компании двух-трех человек путешествие обойдется, конечно, дешевле» [25]. Сам Федюшин, судя по записям из журнала останавливающихся на русском новом подворье в Иерусалиме, совершал паломничество со своей женой Анной Яковлевной [26] и перевел в кассы управления Русскими подворьями в Иерусалиме на траты во время своего странствия 220 руб. [27. С. 285]. Такую сумму собрать сибирскому крестьянину или простому священнику в одиночку было не по силам, поэтому главными источниками финансирования паломничества оставались пожертвования и общая практика «собирать на богомолье всем миром».

Путешествие из Красноярска или Иркутска обходилось еще дороже[1]. Перед вторым паломничеством в Иерусалим в 1871 г. иркутянин М. Алексеев со своей женой продали «все свое движимое имущество, кроме домика» [13. С. 73]. Для реалий начала XX в. показателен пример организации «экскурсии» воспитанников Красноярской духовной семинарии. Исследователь Е.А. Шушканова предполагала, что часть паломнической поездки семинариста Н. Уставщикова оплатил столичный отдел ИППО [7. С. 67]. Однако семейные воспоминания сохранили и другую историю: чтобы отправить семинариста Никона из Красноярска в Иерусалим, его отец, «мелкий торговец скобяными товарами в деревне Лысково Нижегородской губернии, наза-

нимал денег, чтобы сын увидел православные святыни своими глазами» [28].

Тем не менее ИППО и его местные отделы участвовали, хоть и косвенно, в финансировании сибирского паломничества, где главным инструментом стало введение 1883 г. паломнических книжек, которые, с одной стороны, прокладывали безопасный маршрут для русских богомольцев, а с другой – удешевляли дорогу на 35%.

22 июля 1898 г. ИППО разрешило епископу Красноярскому и Енисейскому оказывать содействие отправляющимся из Сибири в Святую землю паломникам посредством выпуска паломнических книжек из Красноярска в Иерусалим и Афон (через Омск, Челябинск, Самару, Ряжск, Козлов, Воронеж, Киев и Одессу) [29. Л. 13]. Примерно в это же время такое право получили Томск и Иркутск. Российская газета «Новое время» в 1898 г. публиковала новость: «Императорское Православное Палестинское общество обратилось в Министерство путей сообщения с ходатайством о разрешении обществу установить, по примеру существующих уже паломнических книжек, такие же книжки II и III класса на проезд по железным дорогам от г. Красноярска и Томска […] до Иерусалима и Афона» [30].

Интересно, что Тобольск не был включен в список городов, из которых по паломнической книжке шел маршрут в Иерусалим; более того, на просьбу годом ранее – в 1897 г. – епископа Тобольского и Сибирского получить разрешение на продажу паломнических книжек был получен отказ из совета ИППО: «Продажа паломнических книжек осуществляется исключительно в тех городах, от которых он установлен… выраженное отделом желание заведовать продажей книжек в Тобольске не может быть осуществлено» [31. Л. 7–7 об.]. Тем не менее, как пишут исследователи, в 1898 г. обязанности по реализации паломнических книжек в Тобольской губернии были все-таки возложены на протоиерея Н.Д. Скосырева, в Томской губернии – на сотрудника ИППО, протодьякона кафедрального собора С.И. Александрова и дьякона А.Я. Альферта, в Красноярске паломническую книжку можно было купить в кафедральном соборе или у ректора духовной семинарии Н.П. Асташевского [6. С. 125–126; 7. С. 66].

Сравнительная ведомость прихода и расхода по паломническим книжкам для проезда в Иерусалим и на Афон показывает, что самым дорогим для паломников был маршрут Иркутск–Иерусалим (89,5 руб.), за ним следовал маршрут из Красноярска (82 руб.), а самым дешевым оказывался путь из Томска (78 руб.) [32. Л. 80–83]. Эта же ведомость демонстрирует, что ИППО практически не получала прибыли от продажи паломнических книжек. Более того, если учесть, что паломникам предоставлялось бесплатное проживание на русских подворьях Палестины в течение первых двух недель, становится понятным, почему, по данным Палестинского общества, каждый посетивший Иерусалим паломник обходился ИППО в 15 руб. 13 коп. [33. С. 626].

Однако, как считают исследователи В.В. Цысь и О.П. Цысь, в Западной Сибири паломнические книжки не получили широкого распространения. Тем более что с декабря 1894 г. книжки перестали приносить материальную выгоду паломнику, а только позволяли надежно сохранять сбережения в дороге, экономить время на приобретение билетов [6. С. 125]. Соглашаясь с выводами нижневартовских историков, следует лишь добавить, что по-прежнему высокая стоимость проезда, а также некоторое противоречие паломнических книжек самому духу традиционного пешего русского паломничества не позволяли сибирякам в полной мере воспользоваться инфраструктурой ИППО на пути ко Гробу Господню.

Паломнические книжки предназначались прежде всего тем, кто был вписан в имперскую бюрократическую систему: купечеству, дворянству, духовенству, части мещанского сословия. Им ИППО предлагало современный и комфортный паломнический путь с использованием современных средств передвижения (поездов, пароходов). Именно за этот комфорт нужно было платить требуемую сумму. Неслучайно красочное описание всех ужасов и лишений 3-го класса парохода Одесса–Яффа заканчивалось у иркутского священника рекомендацией выбирать для паломничества минимально 2-й класс: «Недаром Палестинское общество выдает билеты: по жел[езной] дор[оге] III кл[асса], а на пароход II-го» [34. С. 279–280].

ИППО, вводя механизм паломнических книжек, если не ломало, то серьезно вторгалось в существующую практику русского пешего паломничества. Русский писатель и журналист Н.А. Благовещенский, прикомандированный к начальнику Русской Духовной миссии в Иерусалиме епископу Порфирию Успенскому (1847–1854), так описывал существовавшую до 1883 г. практику: «Ходит хожалка из села в село, из монастыря в монастырь, рассказывая о виденных и слышанных в Иерусалиме диковинках, и идут за рассказчицей простодушные слушатели, бросив свои работы, собрав свои последние гроши. Хожалка условливается с ними в плате за свои хлопоты и везет по знакомой дорожке. У ней везде есть свои благодетели: в Одессе, Цареграде, Яффе, при помощи которых она легко с своей партией достигает Иерусалима» [35. С. 511–512]. Поклонничество для хожалок, словами Н.А. Благовещенского, – это способ прокормить себя «потом и в России», занять «почетное место между богомольцами разных сортов» [Там же. С. 512]. Как справедливо отмечает исследователь С.Ю. Житенев, «странников и богомольцев на Руси почитали и оказывали им помощь, за которую они “расплачивались” рассказами о своих хождениях и о “последних” новостях, происходивших в стране и за ее пределами» [1. С. 72]. Поэтому в истории с паломническими книжками совершенно не случайны были слухи, циркулирующие среди крестьянства, о специальных бесплатных билетах для паломников. А 76-летний Абрамка из Тобольской губернии в 1913 г. добирался до Иерусалима «зайцем»-безбилетником [14. P. 97]. Плата за паломническую книжку, как и в целом вся созданная инфраструктура, если и не входила в конфликт с устоявшимися представлениями русского крестьянства о должном паломническом пути в Святой Град Иерусалим, то

точно задавала важные и непростые вопросы, такие как, например, обязательно ли переживать лишения и трудности на пути в Иерусалим или допустимо пользоваться комфортом? Является ли паломничеством путь, пройденный на поезде, или нужно всю дорогу преодолевать пешком? Знаково, что упоминавшийся выше иркутский священник, перебравшись во 2-й класс русского парохода, говорил: в 3-м классе едет «поистине Святая Русь» [34. С. 280].

Выводы

Переходя к выводам, назовем ряд ключевых аспектов. Сибирские паломники имели свой определенный образ, который выделял их на фоне остальных богомольцев, это фиксируют различные источники на протяжении всего исследуемого периода. Сибирское паломничество проходит трансформацию от персонифицированного в первой половине XIX в. до группового в конце XIX – начале XX в. При этом следует назвать особенности отдельных регионов Сибири. Так, для западной части групповое паломничество становится популярным благодаря ряду факторов: развитой транспортной инфраструктуре, материальному благосостоянию жителей региона, деятельности местных отделов ИИПО по распространению знаний о Святой земле и появлению паломнических книжек, которые сделали доступным проезд до Иерусалима. Паломники из Восточной Сибири в основном оставались индивидуальными, хотя имелись исключения, такие как групповая экскурсия семинаристов из Красноярска в начале XX в.

Ключевым в сохранении образа и практики сибирских паломников оставался путь духовного возрастания, на котором богомолец должен в паломничестве испытывать определенные стеснения и трудности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Расстояние от Красноярска до Иерусалима составляет около 6 900 км, от Иркутска до Иерусалима примерно 7 900 км, а от Якутска до Иерусалима более 11 000 км.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М. : Индрик, 2012. 263 с.
2. Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и религиозно-культурных отношений (XIX – начало XX века). М. : ИВ РАН – Летний сад, 2003. 254 с.
3. Валитов А.А., Герасимова В.А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 149–155.
4. Герасимова В.А. Сибирская конфессиональная идентичность конца XIX – начала XX веков: фактор палестинского паломничества // Научный диалог. 2019. № 5. С. 285–300.
5. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск : Межрегион. ин-т общественных наук при Иркутском гос. ун-те, 2006. Ч. 2. 323 с.
6. Цысь В.В., Цысь О.П. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 247 с.
7. Шушканова Е.А. История Императорского Православного Палестинского Общества в Енисейской губернии (1898–1917 гг.). Красноярск : Сиб. гос. ун-т науки и технологии им. М.Ф. Решетнёва, 2018. 120 с.
8. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М. : Мосты культуры, 2007. 910 с.
9. Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Св. Землю // Труды Киевской Духовной академии. 1903. Т. II. С. 274–319.
10. Ювачев И.П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню : очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб. : Александро-Невск. о-во трезвости, что при Воскресен. церкви «О-ва распространения религиозно-нравств. просвещения в духе православной церкви», 1904. 365 с.
11. Бокатов А.Ю. Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в // Вестник славянских культур. 2020. № 56. С. 30–44.
12. Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 510 с.
13. Соболев М. Замечательный слепец-сибиряк : очерк // Странник. 1876. Июль.
14. Graham St. With the Russian pilgrims to Jerusalem. Thomas Nelson and Sons, Ltd., 1913. 254 p.
15. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую землю русские паломники // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (СИППО). 1900. Т.11. С. 129–155.
16. Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М. : Индрик, 2014. 383 с.
17. К Святителю Иоанну Тобольскому. Дневник паломника // Иркутские епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 763–764.
18. Грушевой А.Г. Материалы к истории деятельности Императорского православного палестинского общества в начале XX века // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (18). С. 157–331.
19. Житенёв С.Ю. Православное паломничество и свобода передвижения в Российской империи в XVIII–XIX вв. до отмены крепостного права // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания : сб. ст. М. : Индрик, 2012. С. 103–107.
20. Нечаева М.Ю. Епархиальные отделы Императорского Православного Палестинского Общества и организация паломничеств в Святую землю // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богословской конф. Екатеринбург : ЕДС, 2014. С. 170–177.
21. Сафонов Д.В., Изотов А.Б. Русское паломничество в Святую землю и деятельность Императорского Палестинского общества по его организации // Церковь в истории России : к 70-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2016. С. 285–299.
22. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1576.
23. О деятельности Императорского православного Палестинского общества в 1898 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1899. № 15/16. С. 277–288.
24. Отчет Енисейского отдела Императорского православного Палестинского общества за 1914 г. // Енисейские епархиальные ведомости. Отд. офиц. 1915. № 12. С. 3–9.

25. Федюшин В. Из дневника священника-паломника // Тобольские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1902. № 7. С. 72–79.
26. Список лиц, останавливавшихся на Новом Русском подворье в Иерусалиме с 1июля 1900 г. по 1 января 1901 г.// СИППО. 1900. Т. 11. С. 686–687.
27. Отчет уполномоченного ИППО в Одессе М.И. Осипова за 1900–1901 гг. // СИППО. 1901. Т. 12. С. 257–303.
28. Шунина Н. Бог дает силы // Минусинский некрополь. 2009. Кн. 1. С. 99.
29. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 337 Оп. 873/1. Д. 106.
30. Паломнические книжки ИППО от Красноярска и Томска // Новое время. 1898. № 7992.
31. АВПРИ. Ф. 337 РИППО. Оп. 873/1. Д. 148.
32. АВПРИ. Ф. 337 РИППО. Оп. 873/7 Д. 4.
33. Палестина // Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1897. Т. 22а. С. 620–626.
34. Ко гробу Господню. Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям // Иркутские епархиальные ведомости.1900. № 12. С. 277–281.
35. Благовещенский Н.А. Из воспоминаний бывалого в Иерусалиме // Время. 1862. № 2. С. 494–523.

Alexander A. Valitov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: val11@bk.ru
Mikhail S. Shapovalov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

THE SIBERIAN PILGRIMAGE TO PALESTINE AND ITS REPRESENTATION IN THE TURN OF THE CENTURY

Keywords: mental maps; Palestine; image; identity Russian Jews; pilgrims; Holy land.

The article is devoted to the representation and practice of the Siberian pilgrimage to the Holy Land in the turn of the century. Though, the tradition of pilgrimage to Palestine has been forming over several centuries, it became especially widespread in the end of the 19th century. Methodologically, the authors rely on a positivist approach.

Establishing the exact number of Siberian pilgrims is a complex research task. Regional specificity cannot always be defined in surviving historical sources. A relatively complete data can only be obtained for that sources which are related to the turn of the century, relying on the reports of the Imperial Orthodox Palestine Society. Throughout the 19th century, pilgrimages were an isolated affair. Usually, they were done by people to perform a spiritual feat. The Pilgrims from the Tomsk province rank the top among the Siberian regions.

The image of the Siberian pilgrim is quite vividly presented in the surviving types of pilgrimage notes, Palestinian travelers notes, as well as in the reports of the Central and Siberian IOPS branches. There is a special archetype of the Siberian wanderer who walked to Palestine, overcoming numerous difficulties. This type of Siberian pilgrim is mentioned by almost all authors, and very often it is about him the surviving sources tell us. The journey of the Siberians to the Holy Land took place not only in geographic, but also in mental space.

The journey was expensive and time-consuming for a pilgrim. It lasted for about several months, especially in the first half of the 19th century. With the development of transport infrastructure, pilgrimage practices changed. The activities of the IOPS played a special role in popularizing the pilgrimage. This was the emergence and distribution of pilgrimage books, which were reducing travel costs, as well as the activities of local IOPS departments, which, with the help of educational activities, broadened the appeal of the Holy Land and the process of pilgrimage itself for the periphery inhabitants.

Trying to consider objectively what the Siberian pilgrims were like, the authors resumed that the existing practice of Russian walking pilgrimage has transformed thanks to the activities of the IOPS and the appearance of pilgrimage books. Siberians successfully used new forms and mastered the existing pilgrimage practices. Siberian pilgrims maintained the practice of individual (personalized) travel during the period under study, despite the widespreading of mass and group pilgrimages at the turn of the Nineteen century.

REFERENCES

1. Zhitenev, S.Yu. (2012) *Religioznoe palomnichestvo v khristianstve, buddizme i musul'manstve: sotsiokul'turnye, kommunikatsionnye i tsivilizatsionnye aspekty* [Religious pilgrimage in Christianity, Buddhism and Islam: sociocultural, communication and civilizational aspects]. Moscow: Indrik.
2. Yamilinets, B.F. (2003) *Rossiya i Palestina. Ocherki politicheskikh i religiozno-kul'turnykh otnosheniy (XIX – nachalo XX veka)* [Russia and Palestine. Essays on political and religious-cultural relations (19th – early 20th century)]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS – Letniy sad.
3. Valitov, A.A. & Gerasimova, V.A. (2020) Image of the Jews in the records of Siberian piligrims as a factor for determining Russian identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 149–155. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/21
4. Gerasimova, V.A. (2019) Siberian Confessional Identity of Late 19th – Early 20th Centuries: the factor of Palestinian pilgrimage. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 5. pp. 285–300. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-285-300
5. Dulov, A.V. & Sannikov, A.P. (2006) *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoy Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk: Interregional Institute of Social Sciences at Irkutsk State University.
6. Tsys, V.V. & Tsys, O.P. (2014) *Otdely Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: osnovnye napravleniya, soderzhanie i rezul'taty deyatel'nosti* [Departments of the Imperial Orthodox Palestinian society in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: main directions, content and results of activities]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
7. Shushkanova, E.A. (2018) *Istoriya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Eniseyskoy gubernii (1898–1917 gg.)* [History of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the Yenisei province (1898–1917)]. Krasnoyarsk : Siberian State University of Science and Technology.
8. Bazili, K.M. (2007) *Siriya i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyakh* [Syria and Palestine under the Turkish government in historical and political relations]. Moscow: Mosty kul'tury.
9. Dmitrievskiy, A.A. (1903) Sovremennoe russkoe palomnichestvo v Sv. Zemlyu [The modern Russian pilgrimage to the Holy Land].*Trudy Kievskoy Dukhovnoy akademii*. 2. pp. 274–319.
10. Yuvachev, I.P. (1904) *Palomnichestvo v Palestinu k Grobu Gospodnyu : ocherki puteshestviya v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Siriyu, Palestinu, Egipet i Gretsiyu* [Pilgrimage to Palestine to the Holy Sepulchre: Essays on a journey to Constantinople, Asia Minor, Syria, Palestine, Egypt, and Greece]. St. Peterburg: Aleksandro-Nevsk. o-vo trezvosti.
11. Bokatov, A.Yu. (2020) Evolution of the Orthodox pilgrim`s image in Russian press of the second half of 19th century. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 56. pp. 30–44. (In Russian). DOI:10.37816/2073-9567-2020-56-30-44
12. Markov, E.L. (1891) *Puteshestvie po Svyatoy zemle: Ierusalim i Palestina, Samariya, Galileya i berega Maloy Azii* [Journey to the Holy Land: Jerusalem and Palestine, Samaria, Galilee and the shores of Asia Minor]. St. Peterburg: M.M. Stasyulevich.
13. Sobolev, M. (1876) Zamechatel'nyy slepets-sibiryak: ocherk [A remarkable Siberian blind man: an essay]. *Strannik*. July.
14. Graham, St. (1913) *With the Russian Pilgrims to Jerusalem*. Thomas Nelson and Sons, Ltd.
15. Khitrovo, V.N. (1900) Otkuda idut v Svyatuyu zemlyu russkie palomniki [Where do Russian pilgrims go to the Holy Land from]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (SIPPO)*. 11. pp. 129–155.

16. Nechaeva, M.Yu. & Mikityuk V.P. (2014) *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v kul'turnoy srede rossiyskoy provintsii* [The Imperial Orthodox Palestine Society in the cultural environment of the Russian province]. Moscow: Indrik.
17. Anon. (1916) K Svyatitelyu Ioannu Tobol'skomu. Dnevnik palomnika [To St. John of Tobolsk. A Pilgrim's Diary]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. pp. 763–764.
18. Groushevoy, A.G. (2017) Documents relating to the activities of Imperial Orthodox Society in the beginning of the 20th century. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii – Bulletin of Ekaterinburg Theological Seminary*. 2(18). pp. 157–331. (In Russian).
19. Zhitenev, S.Yu. (2012) Pravoslavnoe palomnichestvo i svoboda peredvizheniya v Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv. do otmeny krepostnogo prava [Orthodox pilgrimage and freedom of movement in the Russian Empire in the 18th – 19th centuries before the abolition of serfdom]. In: *Velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich i Russkiy Ierusalim: k 150-letiyu osnovaniya* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Jerusalem: to the 150th anniversary of its Foundation]. Moscow: Indrik. pp. 103–107.
20. Nechaeva, M.Yu. (2014) Eparkhial'nye otdely Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva i organizatsiya palomnichestv v Svyatuyu zemlyu [Diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestine Society and the organization of pilgrimages to the Holy Land]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya* [Church. Theology. History]. Proc. of the Second Conference. Ekaterinburg, February 12. Ekaterinburg: Ekaterinburg Theological Seminary.
21. Safonov, D.V. & Izotov, A.B. (2016) Russkoe palomnichestvo v Svyatuyu zemlyu i deyatel'nost' Imperatorskogo Palestinskogo obshchestva po ego organizatsii [Russian pilgrimage to the Holy Land and the activities of the Imperial Palestinian Society for its organization]. In: Vasilieva, O.Yu. (ed.) *Tserkov' v istorii Rossii* [Church in Russian History]. Vol. 11. Moscow: RAS. pp. 285–299.
22. The State Historical Archive of Omsk Region. Fund 67. List 1. File 1576.
23. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1899) O deyatel'nosti Imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v 1898 g. [On the activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in 1898]. 15/16. pp. 277–288.
24. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1914) Otchet Eniseyskogo otdela Imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva za 1914 g. [Report of the Yenisei Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1914]. 12. pp. 3–9.
25. Fedyushin, V. (1902) Iz dnevnika svyashchennika-palomnika [From the diary of a pilgrim priest]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 7. pp. 72–79. 26. Imperial Orthodox Palestinian Society. (1901a) Spisok lits, ostanavlivavshikhsya na Novom Russkom podvor'e v Ierusalime s 1iyulya 1900 g. po 1 yanvarya 1901 g. [List of persons who stayed at the New Russian Compound in Jerusalem from July 1, 1900 to January 1, 1901]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (SIPPO)*. 11. pp. 686–687.
27. Imperial Orthodox Palestinian Society. (1901b) Otchet upolnomochennogo IPPO v Odesse M.I. Osipova za 1900-1901 gg. [Report of IOPS Odessa plenipotentiary M.I. Osipov for 1900–1901]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (SIPPO)*. 12. pp. 257–303.
28. Shunina, N. (2009) Bog daet sily [God gives strength]. *Minusinskiy nekropol'*. 1. pp. 93–99.
29. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 337. List 873/1 File 106.
30. Anon. (1898) Palomnicheskie knizhki IPPO ot Krasnoyarska i Tomska [IOPS pilgrimage books from Krasnoyarsk and Tomsk]. *Novoe vremya*. 7992.
31. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 337. List 873/1 File 148.
32. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF). Fund 337. List 873/7. File 4.
33. Andreevsky, I.E. (ed.) (1897) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 22a. St. Peterburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. p. 626.
34. Anon. (1900) Ko grobu Gospodnyu [To the Holy Sepulcher]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 277–281.
35. Blagoveshchenskiy, N.A. (1862) Iz vospominaniy byvalogo v Ierusalime [From the memories of someone who has been in Jerusalem]. *Vremya*. 2. pp. 494–523.

УДК 94(571).08:930
DOI: 10.17223/19988613/71/22

Ю.М. Гончаров, В.Н. Шайдуров

ЕВРЕИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ГУБЕРНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК ОБЩИН «ВНЕ ЧЕРТЫ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.».

Представлены результаты компаративного анализа адаптационных практик евреев в провинциальных регионах Российской империи вне «черты еврейской оседлости». Выявляются основные особенности формирования еврейских общин «вне черты», сходства и различия миграций евреев в сравнении одной из крупных губерний Европейской России и с двумя наиболее заселенными губерниями Западной Сибири: Тобольской и Томской. Выяснено, что адаптационные практики были достаточно близкими.

Ключевые слова: Самара; Сибирь; евреи; община; диаспора; адаптационные практики.

История еврейских общин в России представляет собой научно значимую и актуальную тему. Формирование и бытование еврейской диаспоры в российском государстве имеет большое значение. Еврейские общины и сообщества играли заметную роль в истории государства и общества. Если говорить о евреях дореволюционной России, несомненно, большое влияние на жизнь общин имели условия конкретного региона обитания евреев.

Законодательство Российской империи XIX – начала XX в. четко разделяло евреев, проживавших в «черте оседлости» и вне черты. Значительную специфику имели при этом процессы формирования общин и правовой статус евреев отдельных регионов. Проживавшие вне черты еврейской оседлости иудеи вынуждены были адаптироваться в принимаемом сообществе с учетом специфики региона. Научный интерес представляет сравнение практик адаптации евреев «вне черты» в провинциальных районах Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Предмет исследования работы – сравнение адаптационных практик евреев, проживавших за чертой оседлости, на материалах Самарской губернии и губерний Западной Сибири – Тобольской и Томской.

Необходимо отметить, что история еврейских общин дореволюционной Сибири активно исследуется в последние два десятилетия [1, 2]. Меньше изучена история общины дореволюционной Самары. Источниковая база работы – нормативно-правовые акты, различного рода делопроизводственные документы, отложившиеся в местных и центральных архивах, статистические материалы, путевые заметки путешественников, материалы периодической печати.

Поселение евреев во внутренних губерниях империи было законодательно ограничено. Разрешение обосноваться вне черты еврейской оседлости получали лишь некоторые категории евреев. Преимущественно разрешалось переселяться специалистам: врачам, мастеровым, ремесленникам. В период правления Александра II позволение на постоянное пребывание во внутренних губерниях получали евреи, выбиравшие гильдейское купеческое свидетельство 1-й гильдии, а также солдаты, отслужившие срочную службу, ремесленники, причислившиеся к цехам, и выпускники высших учебных заведений.

В результате некоторой либерализации законодательства в середине XIX в. численность евреев в провинциальных городах внутренних губерний Российской империи постепенно начинает увеличиваться. В Европейской России в определенной степени этому способствовало проведение железной дороги, соединившей региональные центры с другими городами. Например, до Самары железная дорога дошла в 1875 г. В результате население города стало быстро пополняться мигрантами, среди которых были заметны представители еврейского населения, переехавшие из Польши, Белоруссии, Малороссии, Бессарабии.

Самара, как и большинство городов империи, располагалась вне черты оседлости евреев; по этой причине численность общины первоначально была невелика. В частности, в Самарской губернии, по сведениям 1858 г., проживало только 128 чел. «еврейской национальности» (108 муж. и 20 жен.). В 1880–1881 гг. в городе насчитывалось 528 евреев (по преимуществу это были ремесленники и отставные нижние чины с семьями), а по данным Всероссийской переписи 1897 г., в Самарском уезде числились уже 1 329 евреев, при этом губернском городе – 1 327 [3. С. 2].

Еврейское население продолжало прибывать в город и в дальнейшем. Так, в 1901 г., по данным полиции, численность общины выросла на четырех аптекарей, трех дантистов, одного фельдшера, трех повивальных бабок и 12 человек прочих профессий [4].

Особенности складывания еврейских общин Западной Сибири обусловливались ссылкой в данный регион политических и уголовных преступников из

европейской части страны. В результате узаконения «черты еврейской оседлости» (1791) в Зауралье было практически запрещено поселение евреев. На легальных основаниях в Сибири могли пребывать исключительно евреи-христиане, ссыльные, каторжане, а также имевшие особое разрешение иудеи. Несмотря на это, еврейское население в Тобольской и Томской губерниях начиная со второй трети XIX в. достаточно быстро увеличивается. В 1830–1840-е гг. складываются еврейские общины в таких городах, как Каинск, Тобольск, Омск, Томск. Эти годы можно считать начальным этапом формирования еврейской диаспоры в Западной Сибири.

Уже в 1860-е гг. численность диаспоры в Тобольской и Томской губерниях была довольно значительной. Так, по официальным данным за 1864 г., она равнялась 3 014 чел. [5. С. 16]. В этом году евреи числились в составе населения большинства городов Западной Сибири (кроме городов Алтайского горного округа, – Барнаула, Бийска, Колывани и Кузнецка, где их пребывание было запрещено, а также северного Березова). При этом почти две трети евреев числились в крупнейших городах – Омске, Тобольске, Томске.

В пореформенный период, в результате преимущественно ссылки, количество евреев в западносибирском регионе достаточно быстро увеличивалось. В материалах I Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., в числе указавших в качестве родного языка «еврейский» (перепись учитывала население не по национальности, а по родному языку и вероисповеданию) в Тобольской губернии проживали 2 463 чел. [6. С. XXX, XXXII], а в Томской – 7 611 чел. (3 810 муж. и 3 801 жен.) [7. С. 69]. В 1904 г., по сведениям Тобольского губернского статистического комитета, из 20 887 жителей города евреев насчитывалось 2 089 (около 10%) [8]. После начала Первой мировой войны в сибирский регион прибывают беженцы-евреи, эвакуировавшиеся из зоны боевых действий. Только в Томской губернии в октябре 1916 г. их число составляло 890 человек [9].

Характерной чертой расселения евреев вне черты оседлости являлось то, что они селились главным образом в городах. В частности, в Томской губернии, по материалам переписи 1897 г., в городах проживало более двух третей еврейского населения. В Самарской губернии, как указано выше, практически все евреи являлись горожанами.

Еврейские сообщества, где только они ни появлялись, начинали организовывать общины с органами самоуправления; это касалось поселений «вне черты». Государство пыталось контролировать еврейские общины, в том числе органы общинного самоуправления, на которые возлагалась организация религиозной, благотворительной, образовательной и хозяйственной деятельности. Еврейское общинное самоуправление включало в себя институт раввината, хозяйственное правление и было призвано решать не только общественные, но и частные повседневные проблемы членов иудейской общины [10. С. 515].

Таким образом, в провинциальных городах, располагавшихся вне черты еврейской оседлости, еврейские общины начинают формироваться с середины XIX в., при этом евреи являлись мигрантами, вынужденными адаптироваться в принимающем обществе. Первоначально, после переселения на отдаленные окраины, основными задачами мигрантов были выживание, заработок средств к существованию, внедрение в местную региональную экономику. Поэтому первые адаптационные практики евреев российской провинции как в городах Европейской России, так и в Сибири принимали экономические формы. Те ограничения, которые накладывало законодательство на целый ряд экономических активностей евреев (наиболее значительными они были в Сибири), предоставляли мигрантам в качестве создания материальной основы повседневной жизни прежде всего специфичную для них экономическую нишу «торгового меньшинства» [11. С. 10].

В частности, уже в середине XIX в. некоторые современники указывали именно на торговую специализацию евреев Западной Сибири. Например, корреспондент Императорского русского географического общества (ИРГО) указывал, что евреи в Сибири «занимаются торговлею и живут достаточно» [12]. На станицах газеты «Вестник русских евреев» в 1871 г. современник отмечал: «Занятие евреев в Западной Сибири составляет преимущественно торговля» [13].

Особенной чертой городов «вне черты» являлось то, что в тех поселениях, где образовывались значительные общины евреев, их вклад в экономику был достаточно значительным. Яркий пример из Сибири – г. Каинск Томской губернии (г. Куйбышев Новосибирской обл.), в котором евреи играли ведущую роль в торговле. Значительный вклад в экономическую жизнь вносили евреи и в губернских центрах – Томске и Тобольске.

Можно привести оценку экономических функций евреев, данную современником: «…всякому, хотя бы сколько-нибудь знакомому с сибирскими евреями, невольно бросается в глаза преобладающая роль последних в мелкой и средней торговле, мелком ремесле и извозе. В некоторых городах (как, например, в Ачинске) имеется даже особый тип мелких торговцев евреев, так называемых барахольщиков, занимающихся покупкой и продажей случайных вещей и вообще разного “хлама”… Вы встречаете также сибирских евреев в списке владельцев мыловаренных, кожевенных, шорных и дробильных заводов, но и эти заведения – ничтожны по своей производительности» [14. С. 35].

Мигранты-евреи зачастую привносили не только свой уклад жизни, иную культуру, но и специфические профессиональные и трудовые навыки. Они достаточно активно занимались ремеслами, причиной чему – недостаток квалифицированных специалистов в принимающих регионах. Например, в Самаре в 1875 г. среди ремесленников-евреев упоминались картузники, переплетчики, сапожники, медники, каретники, резчики печатей, часовщики и, конечно же, портные.

На рубеже XIX–XX вв. преимущественной экономической специализацией евреев являлись именно торгово-ремесленные занятия. Можно привести пример по материалам переписи 1897 г., когда евреи, насчитывая только 1,2% самодеятельного населения Каинского округа Томской губернии, наиболее значимый

вклад привносили именно в торговлю: доля евреев-торговцев достигала 34,8% от числа всех занятых в этой отрасли (подсчет по: [7]).

Очевидцы-современники не оставили данное обстоятельство без внимания. Публицист М. Петров указывал: «Из России приехало в земледельческую полосу много евреев. Они устраиваются в городах и на железнодорожных станциях, живя торговлей и ремеслами» [15. С. 94].

Необходимо уделить внимание особенностям предпринимательства евреев в районах «вне черты» империи. Они были достаточно характерными для так называемого «торгового меньшинства», каковым евреи являлись практически в каждом принимающем социуме. Одной из таких особенностей являлось стремление найти незанятую экономическую нишу, позволяющую вписаться в экономическую систему региона. Важным моментом являлось то, что экономическая активность евреев не должна была противоречить действующему законодательству. В результате евреи занимали в первую очередь либо непрестижные для местного населения (ростовщичество, виноторговля), либо незанятые отрасли предпринимательства, что обусловливало новаторский характер предпринимательства в мелком и среднем бизнесе.

Характерным примером является экономическая деятельность евреев Самары. Именно евреи основали в городе сосисочно-колбасное производство, закупая мясо на базарах по всей губернии, где цены были ниже. Сардельки, сосиски, колбаса, шпикачки быстро завоевали популярность самарцев, до тех пор не знакомых с подобной продукцией. Колбасники производили широкий ассортимент, используя всевозможные приправы, применяя рецепты традиционной еврейской кухни. Среди самых популярных колбасников Самары в 1911 г. были Б. Яцкевич и В. Триппель, торговавшие на ул. Льва Толстого, на Дворянской улице заведение держал Дашкевич, на Николаевской торговал магазин «еврейских сосисок» Шифельмана [4].

Традиционно евреи занимались содержанием кондитерских заведений. В Самаре брат и сестра Кейльман содержали два заведения на ул. Соборной – Абрам Вениаминович кондитерскую, а Анна Вениаминовна – магазин конфет. Торговцы собственноручно варили карамель, пастилу, готовили конфеты («конфекты»).

Одной из важных отраслей приложения еврейских капиталов являлась сфера услуг. В частности, в Самаре торговую «Народную баню» в 1886 г. основал на ул. Предтеченской М.А. Чаковский. Баня была весьма крупным даже для губернского города заведением, рассчитанным на 584 клиента. Помимо отделений для простонародья, предлагались услуги 25 «номеров» для богатой публики. В заведении функционировали водопровод, канализация, электрическое освещение от собственной динамо-машины, централизованная подача пара. При предприятии действовала прачечная, и за то время, пока клиент парился и мылся, по его желанию одежда могла быть постирана, высушена в сушилке горячим воздухом, поглажена [Там же].

Стремление найти незанятые предпринимательские ниши в конце XIX – начале XX в. заставляло евреев идти в новые сферы услуг, связанные с техническим прогрессом (фотография, синематограф и др.). Интересный факт: в 1907 г. мещанин М.Л. Франк построил в Самаре особый павильон на углу Алексеевской и Дворянской улиц. В этом деревянном павильоне Матвей Леонидович открыл первый в Самаре «эротический биоскоп», действовавший на электричестве. На представлениях был наплыв молодежи, аншлаг собирался даже в будни. Самыми востребованными публикой были картины с такими названиями: «Исповедь обольщенной», «Голос плоти», «Компаньонка-авантюристка», «Авиатор и жена журналиста» [16].

Можно признать, что определенными причинами, обусловившими достаточно успешную предпринимательскую деятельность евреев в городах «вне черты», были отсутствие жесткой конкуренции, наличие относительно свободных незанятых ниш в быстроразвивающейся экономике городов провинциальных губерний, а также достаточно отсталые формы организации предпринимательства в провинциальной России, позволяющие евреям проявлять предприимчивость.

Как отмечали исследователи, местные жители были менее конкурентоспособными, потому что «коренные самарцы происходили из тяжкого и неуклюжего феодализма с натуральным хозяйством и подавлением частной инициативы» [4].

Особенно такое положение было характерно для Сибири. Этот отдаленный регион, обладавший значительными неосвоенными ресурсами, недостаточно развитыми ремеслами, промышленностью, а особенно сферой услуг, архаичными формами торговли, предоставлял для предприимчивых людей широкое поле деятельности. Именно в Сибири традиционные адаптационные практики евреев оказались достаточно успешными.

Известный в то время публицист С.В. Максимов отмечал: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоден и полезен... Евреи сплачиваются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловым и Лейпцигом» [17. С. 128].

Еврейские ремесленники, торговцы и предприниматели «вне черты» успешно адаптировались не только в силу своего трудолюбия, активности и предприимчивости. Одним из факторов адаптации было единство, корпоративность, взаимопомощь, «чувство локтя». При необходимости вся община приходила на помощь не только в экономических, но и в жизненных ситуациях. В условиях правовых ограничений и «инаковости» в окружающем сообществе этнорелигиозная кооперация помогала выживанию.

Интересный факт: предприниматели Самары 10 декабря 1901 г. зарегистрировали «Потребительское общество евреев-ремесленников», в числе членов которого числились столяры А.Л. Дубнов и Х.Ш. Гиршевич, маляры Е.Г. Искин и М.Л. Шапиро, заготовщик обуви А.Я. Томашевский, шапочники Х.Г. Бергопц и Б.Л. Рах-

ман, переплетчик Д.Л. Вайнберг, резчик печатей С.З. Жиров, парикмахер Л.Я. Сидерман, портной Ю.М. Туф, фотограф А.Д. Либерман и др. Возглавил союз Шмере Тейтельман [18].

Очевидно, что, вырвавшись из нищеты перенаселенных местечек «черты оседлости», оказавшись в быстроразвивающихся провинциальных губерниях империи, евреи оказывались в ситуации, как им казалось, неограниченных возможностей.

Необходимо отметить, что предпринимательская деятельность евреев ограничивалась преимущественно сферой мелкого и иногда среднего бизнеса. Это неслучайно, поскольку для проникновения в крупное предпринимательство в России требовались не столько личные качества, сколько связи в кругах чиновников, администрации, которые обусловливались, прежде всего, дворянским происхождением, образованием, православным вероисповеданием, родственными связями.

Однако были и исключения, характерные уже для начала XX в., когда предприимчивые торговцы могли провернуть крупные сделки. Так, Самара являлась одним из крупнейших центров зерноторговли (в начале XX в. через город осуществлялось до 15% экспорта российского зерна). На самарской бирже евреям удавалось осуществлять достаточно крупные сделки. Так, по архивным данным, 25 января 1914 г. торговец А.М. Мордкович купил у М.Г. Израильтона 20 тыс. пудов пшеницы по цене 70 коп. за пуд, в этот же день Г.М. Бродский приобрел у Торгового дома Х.Б. Ротенбург 25 тыс. пудов по цене 71,5 коп.; Торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкиров и наследники» купило у товарищества «Луи Дрейфус и К°» 50 тыс. пудов пшеницы-белотурки по цене 91 коп. за пуд. Указанные сделки оформил самарский присяжный поверенный Х.Н. Иоффе, биржевой маклер [19].

Крупным предпринимателем можно считать самарского купца первой гильдии Гобши Боруховича Кагана. В 1882 г. он основал в Самаре мыловаренный завод «с ручным способом выделки мыла». Через 15 лет, в 1897 г., завод был оснащен нефтяным двигателем, выписанным из-за границы. Туалетное мыло фабрики Кагана продавалось по всему Поволжью, достигло Средней Азии и Сибири. Продукция получала призы на российских и международных выставках [4].

В Сибири к числу крупных предпринимателей относился омский виноторговец Миней Мариупольский. Однако для развертывания своего масштабного дела ему пришлось перейти в христианство, что также можно отнести к числу адаптационных практик. В целом же в Сибири было достаточно много еврейских купцов-первогильдейцев, имевших значительные обороты (можно упомянуть томских купцов Хотимских, Ельденштейнов, И.Л. Фуксмана, новониколаевских Абрамовичей и др.), что обусловливалось более толерантным отношением к евреям в сибирском социуме [20. С. 55–77].

Ситуация, связанная с включением в экономическую жизнь в новом регионе с доминирующим иноэтничным и иноконфессиональным большинством, диктовала необходимость освоения русского языка, норм общения, стереотипов поведения, характерных для принимающего социума. Успешное применение евреями данных практик приводило к тому, что спустя несколько десятилетий достаточно характерными стали явления аккультурации [21. С. 87].

Можно привести целый ряд свидетельств современников, отметивших эту ситуацию: «С течением времени типическая внешность бывшего еврея “черты” стирается мало помалу, и он, часто незаметно для себя, становится рабом окружающей среды – он подражает, внешним образом ассимилируется и начинает любить свою новую родину» [14. С. 35]; «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыни пробита заметная брешь» [22. С. 16].

Отдельный сюжет – отношение местных властей (муниципальных и государственных) к евреям-переселенцам. Так, например, городской голова Самары П.В. Алабин положительно относился к водворению евреев в город. Он обоснованно считал, что еврейские торговцы и ремесленники приносят в экономику города свои умения, знания и опыт. Для восприятия опыта Алабин постановил: набор учеников и работников необходимо осуществлять только из среды местных жителей-православных. Глава городского самоуправления писал: «На всех улицах, преимущественно на бойких местах, евреи из отставных и бессрочных солдат стали торговать водкой и пивом. Они устраивали торговые бани, открыли два трактирных заведения на Троицкой площади, несколько лавок с готовым платьем и обувью. Многие занимаются своим любимым промыслом – ссудой денег под верные залоги и на короткие сроки за 10–15% в месяц» [4].

Однако подобные примеры были нечастыми. Нередко местная администрация как в Европейской части России, так и в Сибири, следуя текущим постановлениям правительства, старалась избавляться от еврейского населения [20. С. 24–26].

Так, в Самаре пытался пунктуально осуществлять подобные меры вице-губернатор В.Г. Кондоиди. Губернские чиновники настолько прямолинейно выполняли предписания, что, как отмечали исследователи, «прославились» на всю империю. Нередко фактически «выжимались» полицией подобные обязательства: «14 августа 1897 г. я, нижеподписавшаяся жена мещанина Сувальской губ. Лейбы Фавильевича Мацевицкого, Роза дала подписку помощнику пристава I участка 2-й части Самары в том, что обязуюсь не далее как в течение 6 дней от сего числа выехать с семейством из Самары в черту постоянной еврейской оседлости…» [23].

Одной из важнейших для еврейского народа адаптационных практик в принимающем социуме, позволяющих успешно жить и сохранять свою идентичность, являются, без сомнения, практики общинно-религиозной жизни.

Едва обосновываясь в городах вне черты оседлости, евреи пытались организовать свою религиозную жизнь, как только это позволяли численность общины, материальное благосостояние ее членов и законодательство Российской империи. В Самаре первым религиозным центром стал уже в 1880 г. дом купца М.А. Чаковского по ул. Николаевской. Там был орга-

низован молельный дом, а также располагалось хозяйственное правление «Ашкеназе». В состав правления входили авторитетные иудеи: сам хозяин – Матвей Абрамович Чаковский, М.Л. Боберман, Л.Л. Зелихман, С.П. Ванштейн и др. [24].

Молитвенный дом был организован в соответствии с «Временными правилами», принятыми Министерством внутренних дел 27 июля 1877 г. для евреев вне черты оседлости. Уже вскоре, в 1887 г., открылся второй молитвенный дом – в доме самарского купца Г.Д. Маркинсона по Николаевской улице. Этот дом организовали сефарды, имевшие значительные отличия от ашкеназов. Во главе общества «Сафард» стоял самарский купец В.М. Боберман [4]. Интерес вызывает тот факт, что ашкенази и сефарды имели единое хозяйственное управление.

Увеличение численности общины со временем поставило вопрос о строительстве синагоги, о чем 19 июня 1903 г. было от еврейской общины подано прошение на имя губернатора. В прошении отмечалось, что существующие здания молитвенных домов «недостаточны в гигиеническом отношении для прихожан евреев. Здания опасны в случае пожара, а содержание двух молелен вызывает двойной расход». Достаточно оперативно, уже 10 ноября 1903 г., прошение было удовлетворено. Для строительства синагоги община купила усадебное место, смета на строительство предварительно исчислялась в 50 тыс. руб., каковая сумма должна была быть собрана за счет добровольных пожертвований [25].

В фонде полицейского управления Самары сохранился документ, гласящий: «Рапорт от 9 февраля 1912 г., № 696. Доношу, что евреев в г. Самаре зарегистрировано 1 326 чел., особой ассимиляции евреев с русскими не замечено… Хоральная синагога посещается в достаточном количестве… Причем евреи в своих убеждениях вере тверды» [26].

В Сибири еще в первой половине XIX в., с момента формирования общин, начинается активность местных евреев по организации общинной жизни: открываются погребальные братства (Тобольск, 1813), молитвенные школы (Каинск, 1816). В 1867 г. «в видах доставления евреям возможности отправления общественных молитв и богомоления и совершения религиозных обрядов, а также исполнения требования местных начальств о приводе их к присяге», Министерство внутренних дел имело право давать разрешение на учреждение молелен, а также хозяйственных правлений еврейских общин в поселениях вне черты оседлости [27. С. 17]. В серединеXIX в. открываются первые синагоги в Омске, Ишиме, Томске.

После вступления в силу Манифеста 1905 г. и Указа о веротерпимости 1907 г., в значительной степени изменивших национально-конфессиональную политику правительства, в Западной Сибири разворачивается строительство новых богослужебных зданий иудеев. Так, уже в 1909 г. еврейское молитвенное общество Тюмени направляет ходатайство о строительстве в уездном городе новой синагоги (каменной), на которое было получено разрешение. После постройки новой тюменской синагоги (1912), предыдущая была закрыта, так как в городе не хватало евреев для функционирования двух богослужебных здания (дополнительная синагога разрешалась только в том случае, если количество еврейских домов превышало 80) [28. С. 170].

В 1909 г. в Томске, по данным ЦСК, числилось 4 синагоги (на самом деле, конечно, синагога была одна, остальные же имели статус молитвенных школ) и по одной – в Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Таре, Тюмени [29].

В 1912 г., по сведениям книги «Город Томск», в городе действовало три синагоги. Их руководителями были: «томский еврейский раввин Б. Беры. Лица духовного правления: по первому приходу (каменная синагога): староста – А.Я. Дондо, казначей – И.Я. Заиграев, ученый – М.А. Лурия; по второму приходу (каминерская синагога): староста – М.И. Хейсин, казначей – А.Х. Барохович, ученый – Г.И. Дистлер; по третьему приходу (солдатская синагога): староста Г.Я. Цам, казначей Е.В. Альперович, ученый – С.И. Лейбович» [30. С. 25].

Таким образом, в результате достаточно успешных адаптационных практик, применявшихся евреями, оказавшимися в провинциальных городах Российской империи «вне черты», в конце XIX – начале XX в. евреи под влиянием местных условий сформировали достаточно специфические региональные общности. Еврейские общины провинциальной империи очень сильно отличались по экономическому и социальному положению, образу жизни, культурно-психологическому типу от евреев черты оседлости, во многом воспринимая местные социально-экономические и ментальные особенности различных регионов. Местные общины по-разному были связаны с этническим большинством и властными структурами.

Благодаря тому, что общины в городах «вне черты» были многочисленными и влиятельными, местные евреи во многом сохраняли свои религиозные чувства и национальные особенности. Наибольшие возможности для участия в религиозной жизни имели жители тех городов, где существовали крупные общины. В городах с незначительным еврейским населением также предпринимались попытки наладить общинную жизнь.

Можно отметить, что в провинциальных городах как европейской части страны, так и Западной Сибири евреи применяли одинаковые адаптационные практики, способствовавшие выживанию и сохранению общинной жизни и национально-конфессиональной идентичности.

В конце XIX – начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в регионах проживания «вне черты» и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов местного социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарчук С.В., Генина Е.С., Гончаров Ю.М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI вв. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 108–115.

2. Shaidurov V. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // Bylye gody. 2014. № 32 (2). P. 239–244.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 36: Самарская губерния. XII, 201 с.
4. Демидов А., Демидова В., Демидова И. Люди и мундиры. Из истории Самарского края XIX – начала XX веков. Самара, 2017. URL: https://proza.ru/2015/11/09/382 (дата обращения: 08.02.2021).
5. Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х – начала 60-х гг. XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : материалы III регион. науч.-практ. конф. Красноярск ; Улан-Удэ : Кларетианум, 2002. С. 16–22.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 78: Тобольская губерния. XLVI, 247 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губерния. XXVI, 246 с.
8. Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 652. Л. 5.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Л. 50.
10. Романов Р.Е., Клюева В.П. Евреи // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 514–520.
11. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск : Арком, 1996. № 2. С. 8–16.
12. Архив Русского географического общества (АРГО). Раз. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.
13. Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. 1871. № 30.
14. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб. : Тип. И. Лурье и К°, 1911. 62 с.
15. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908. 211 с.
16. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 12. Д. 4626.
17. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб. : Типо-лит. Н. Стефанова, 1871. Ч. 1: Несчастные. 459 с.
18. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 1445. Л. 10–11.
19. ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 63.
20. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2013. 174 с.
21. Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 86–90.
22. Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. 1909. № 35. С. 15–19.
23. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д 768. Л. 12
24. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 1445. Л. 1.
25. ГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 4352. Л. 1–31.
26. ГАСО. Ф. 465. Оп. 2. Д. 130. Л. 14.
27. Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается…» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень : Ред. газеты «Тюменский курьер», 2004. С. 5–27.
28. Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 168–174.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 5. Д. 245, 246.
30. Город Томск. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. 378 с.

Yuriy M. Goncharov, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@yandex.ru
Vladimir N. Shaidurov, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: s-w-n@mail.ru

THE JEWS OF THE SAMARA PROVINCE AND THE PROVINCES OF WESTERN SIBERIA OF THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY OF THE 20th CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ADAPTIVE PRACTICES OF COMMUNITIES "OUTSIDE THE LINE"

Keywords: Samara; Siberia; Jews; community; diaspora; adaptation practices.

The history of Jewish communities in the Russian Empire is of great interest, due to the importance of the problems of national-confessional relations in modern Russia. A specific important subject of the problem is the existence of Jewish communities outside the pale of Jewish settlement in the provincial cities of pre-revolutionary Russia. An important subject for the study is the adaptation practices of Jews who found themselves in a foreign-ethnic environment as a result of migrations. The comparison of adaptation practices in different regions is of research interest. The aim of the study is a comparative analysis of the application of adaptation practices on the example of comparing the Jewish communities of the Samara province and the provinces of Western Siberia: Tobolsk and Tomsk in the second half of the 19th – early of the 20th century.

The paper is based on a wide range of historical sources: normative legal acts, office documentation preserved in local and central archives, statistical materials, notes of travelers, materials of the periodical press.

The article considers the main features of the formation of Jewish communities "outside the line", the similarities and differences of Jewish migrations in comparison with one of the major provinces of European Russia and the two most populated provinces of Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces. The investigation deals with the economic aspects of the life of Jews in cities outside the Jewish settlement, the problems of perception of the forms of life of the surrounding community, the relationship with the administration, community and religious life as practices of adaptation.

As a result of the research work, it was found that the adaptation practices in the provincial cities of the Russian Empire, located outside the Jewish pale of settlement, were quite close. First of all, the Jews who found themselves in a alter-ethnic and alter-confessional environment were engaged in issues of survival, which was manifested in the practice of inclusion in the existing economic system of the region. The displaced Jews primarily sought economic sphere for income generation, including those that were not prestigious for the local population (usury, wine trade), and innovative in the service sector. Mostly Jewish immigrants were engaged in crafts, trade, and services. An important factor of adaptation was the assimilation of the language, the norms of behavior, and the communication system of the host society. The organization of community and religious life was very important for the preservation of national and confessional identity and survival in the local community. In the main features, the adaptation practices of the Jews of the Samara province and the Jews of Western Siberia were similar. At the beginning of the 20th century in the provincial cities of the Russian Empire, outside of the Jewish settlement, regional Jewish communities were formed, which successfully adapted to local conditions.

REFERENCES

1. Makarchuk, S.V., Genina, E.S. & Goncharov, Yu.M. (2020) Issues of the history of Jewish communities in Siberia of the 20th – early 21st centuries as viewed by contemporary Russian researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 64. pp. 108–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/14.
2. Shaidurov, V.N. (2014) Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century. *Bylye gody.* 32(2). pp. 239–244. (In Russian).
3. Russia. (1904a) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 36. St. Petersburg: Minstry of Internal Affairs.
4. Demidov, A., Demidova, V. & Demidova, I. (2017) *Lyudi i mundiry. Iz istorii Samarskogo kraya XIX – nachala XX vekov* [People and uniforms. From the history of Samara Region of the 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: https://proza.ru/2015/11/09/382 (Accessed: 8th February 2021).
5. Ivonin, A.R. (2002) Evreyskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v demograficheskikh protsessakh 30-kh – nachala 60-kh gg. XIX v. [The Jewish population of Western Siberia in the demographic processes of the 1830s – early 1860s]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk; Ulan-Ude: Klaretianum. pp. 16–22.
6. Russia. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 78. St. Petersburg: Minstry of Internal Affairs.
7. Russia. (1904b) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 79. St. Petersburg: Minstry of Internal Affairs.
8. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 417. List 1. File 652. p. 5.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund. 7. List 1. File 94. p. 50.
10. Romanov, R.E. & Klyueva, V.P. (2009) Evrei [Jews]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri : v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 514–520.
11. Dyatlov, V.I. (1996) Evrei: diaspora i "torgovyy narod" [Jews: Diaspora and "trade people"]. In: Dyatlov, V.I. & Yakobson, A.Ya. (eds) *Sibirskiy evreyskiy sbornik* [Siberian Jewish Collection]. Vol. 2. Irkutsk: Arkom. pp. 8–16.
12. The Archive of the Russian Geographical Society (ARGO). Fund 59. List 1. File 15. p. 12.
13. Gudovich. (1871) Byt evreev v Sibiri [Life of the Jews in Siberia]. *Vestnik russkikh evreev.* 30.
14. Ostrovskiy, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: Tip. I. Lur'e i K°.
15. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir': gubernii Tobol'skaya i Tomskaya* [Western Siberia: The provinces of Tobolsk and Tomsk]. Moscow: [s.n.].
16. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 1. List 12. File 4626.
17. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Penal Servitude]. Vol. 1. St. Petersburg: N. Stefanov.
18. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 1445. pp. 10–11.
19. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 391. List 1. File 63.
20. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka.
21. Kalmina, L.V. (2008) Diaspory v Sibiri: zakonomernosti i osobennosti integratsii (seredina XIX – nachalo XX v.) [Diasporas in Siberia: regularities and features of integration (mid. 19th – early 20th centuries)]. In: Shelegina, O.N. (ed.) *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptive mechanisms and practices in traditional and transforming societies: the experience of the development of Asian Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 86–90.
22. Moravskiy, V. (1909) Sibirskie evrei i konstitutsiya [Siberian Jews and the Constitution]. *Sibirskie voprosy.* 35. pp. 15–19.
23. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 768. p. 12
24. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 1445. p. 1.
25. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 1. List 12. File 4352. pp. 1–31.
26. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 2. File 130. p. 14.
27. Klyueva, V.P. (2004) Evrei v Zapadnoy Sibiri: politika gosudarstva i problemy adaptatsii v sibirskom obshchestve (XVII – nachalo XX v.) [Jews in Western Siberia: state policy and problems of adaptation in Siberian society (17th – early 20th century)]. In: Goldberg, R.S. & Klyueva, V.P. (eds) *"Priezd i vodvorenie v Sibir' evreyam vospreshchaetsya…" Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* ["Arrival and placement in Siberia is forbidden to Jews...". From the history of the Jewish community in Tyumen]. Tyumen: Tyumenskiy kur'er. pp. 5–27.
28. Goncharov, Yu.M. (2010) Religious life as a form of national self-organization of Jewish communities in Western Siberia in the middle of the 19th – early 20th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2(13). pp. 168–174. (In Russian).
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund. 1290. List 5. Files 245, 246.
30. Malinovsky, I. et al. (1912) *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.

УДК 296:2(571.53)(091)
DOI: 10.17223/19988613/71/23

А.А. Иванов, С.Л. Курас, Т.Л. Курас

ССЫЛЬНЫЕ ЕВРЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Анализируется деятельность ссыльных евреев в Сибири в конце XIX – начале XX в. как участников леворадикальных партийных формирований, отправленных в суровый край по решению суда или административно. В исследовании отмечены основные пути попадания евреев в Иркутскую губернию, а также факторы, влиявшие на изменение их численности. Впервые рассмотрено активное влияние иудеев на работу сибирской оппозиции. Выявлена значительная роль сосланных по политическим мотивам евреев в развитии партийных формирований социал-демократов и эсеров, показано их участие в Октябрьской всероссийской стачке.
Ключевые слова: политическая ссылка; ссыльные евреи; Сибирь.

Политическая ссылка в истории Сибири, Иркутской губернии и Иркутска всегда занимала значительное место. Начиная с XVII в. сюда высылали участников неудавшихся дворцовых переворотов, позже – дворян-декабристов, поляков, боровшихся за независимость, затем революционеров – противников самодержавного государства. Среди политических ссыльных, отбывавших наказание на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в., заметное место занимали ссыльные евреи. В настоящем исследовании авторы не рассматривают еврейскую этническую ссылку, фокусируя свое внимание лишь на ссылке евреев как участников леворадикальных партийных формирований, отправленных сюда по решению суда или административно. Данная тема является весьма актуальной научной проблемой, так как до сих пор рассматривались лишь некоторые, далеко не главные, ее сюжеты [1–5]. Цель исследования – определить численность евреев в массе политических ссыльных, а также выявить их роль в радикальной политической жизни Иркутской губернии 1880–1900-х гг. Статья построена в основном на материалах Государственного архива Иркутской области, большая часть которых не вводилась в научный оборот, а также на источниках личного происхождения и отдельных научных исследованиях наших коллег-современников. В ходе работы над конкретным материалом авторы руководствовались принципами историзма и объективности, использовали как общенаучные, так и исторические методы, например проблемно-хронологический, историко-сравнительный и нарративный.

Как известно, в первой половине XIX в. евреи из-за своей социальной обособленности были еще далеки от участия в радикальных общественных и политических организациях страны. Так, нам известен только один еврей-декабрист – Григорий Перетц, член «Союза благоденствия», отбывавший наказание ссылкой в Перми и Усть-Сысольске, а затем живший в Вологде (1826–1840) [6]. Евреи не принимали заметного участия и в студенческом движении конца 1830-х – 1840-х г. Не было их и среди петрашевцев. Это подтверждает, к примеру, «Список политических преступников, находившихся в Иркутской и Енисейской губерниях в 1843 году», обнаруженный нами в фондах ГАИО: из 125 фамилий, обозначенных в этом документе, еврейских не отмечено [7. Л. 3–107]. То же относится и к 1850–1860-м гг.: среди 35 революционеров-«шестидесятников», отбывавших наказание ссылкой в пределах Иркутской губернии, по данным словаря «Деятели революционного движения в России», евреи не значатся [8. Т. I, ч. 2. Стб. 27–494.].

А вот 1880-е гг. заметно меняют эту картину: так, из 58 ссыльных, сосланных по суду или административно в Иркутскую губернию в эти годы, русскими были 39 человек, или 67,3%, евреями – 12 (20,7%). Дальше – больше: в 1890-х гг. в пределах губернии находились 53 политических ссыльных, среди них евреев 14, или 26,4% [Там же. Т. II, вып. 2. Стб. 31–829; Т. II, вып. 3. Стб. 856–1381].

Стремительно росло число евреев среди ссыльных «политиков» в начале XX в. Так, из 79 лиц, сосланных за политические преступления и состоявших под надзором полиции в Иркутской губернии к 1 января 1901 г., евреев оказалось 26 человек – уже 32,9% [9], в списке на 1 января 1903 г. – 52, или 39,4% [10. Л. 173–266], наконец, на начало 1905 г. находим: сосланных за «политику» 158 человек, из них евреев 95, или 60,1% [11. Л. 1–35 об.]. При этом следует подчеркнуть: во всех списках нами учитывались только те ссыльные, которые действительно именовались «из евреев» или «из иудеев». Лица же, имевшие характерные еврейские фамилии и имена, но значившиеся как «малоросс» или «ремесленник из Лодзи», в расчеты не принимались.

Русско-японская война приостановила ссылку в Сибирь, а первая русская революция принесла почти всем «политическим» долгожданную амнистию. Колонии по Лене и Ангаре быстро опустели, однако разгром революционных организаций и подавление массового рабочего и крестьянского движения в Европейской России способствовали вновь наполнению тюрем и

ссыльных мест, в том числе и в Иркутской губернии. Еще в конце 1906 г. сюда поступили участники вооруженных восстаний на Дальнем Востоке, в Севастополе, Кронштадте, члены первых Советов рабочих и солдатских депутатов, бундовцы, эсеры и анархисты. В этот период доля евреев ссыльных несколько снизилась и составляла в 1912 г. среди ссыльнопоселенцев 17%, административных – более 23% [12. С. 225, 239].

В составе политических ссыльных Иркутской губернии евреи в конце XIX – начале XX в. занимали значительное, а иногда и ведущее место, уступая лишь русским рабочим. Их численность росла здесь постоянно, что вполне объяснимо политикой самого государства, стремившегося всегда ограничить их права, прежде всего законодательно. Так, согласно Высочайшему повелению от 22 мая 1886 г., евреи, «вознамерившиеся» составить или участвовавшие в сообществе с целью насильственного изменения существовавшего государственного строя и правления в империи, должны были подвергаться более суровому наказанию, чем лица «христианских вероисповеданий», и высылаться исключительно в Восточную Сибирь, причем установленный минимальный пятилетний срок в виде временной меры мог быть увеличен для них до восьми и даже десяти лет [13. Л. 16].

Иркутские губернские власти, испытывая к «старой» народнической ссылке в силу определенной сословной солидарности двойственное отношение, на что не раз обращали внимание современники [14], все же особенно не жаловали в ее составе евреев. Так, первым тревогу по поводу «еврейского засилья» забил еще генерал-губернатор граф А.П. Игнатьев, указывавший во Всеподданнейшем отчете за 1887 г. на «большое скопление ссыльнокаторжных евреев» в Александровской центральной тюрьме – 228 человек, в основном это были уголовные преступники, что составляло тогда более 15% всех наличных арестантов. «…В недалеком будущем, – утверждал генерал, – население тюрьмы может оказаться еврейским по преимуществу… Чрезмерное скопление евреев в Александровской тюрьме и разрастающееся вокруг нее еврейское население из добровольно пришедших за преступниками семейств крайне затрудняют местную администрацию необходимостью постоянной борьбы с вредною деятельностью этого населения, стремящегося установить незаконные сношения с заключенными с целью тайной продажи вина, преступного приобретения от арестантов казенных вещей и других неблаговидных действий». А.П. Игнатьев даже предложил ввести своеобразную «квоту» на количество ссыльнокаторжных евреев, направляемых в Александровскую центральную каторжную тюрьму – не более 5% всех заключенных, и возбудил об этом ходатайство в Главном тюремном управлении [15. Л. 40].

Иркутский военный генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов в 1903 г., отмечая, что современная политическая ссылка «более чем на три четверти состоит из крестьян и мещан, а главное, из евреев», предлагал незамедлительно на уровне правительства лишить ее «преимуществ» и «привилегий», которые по закону положены ссыльным из «благородных» сословий. В своей аналитической записке о состоянии политической ссылки во вверенном ему крае, предназначенной для Департамента полиции, Кутайсов констатировал, что высланные за «политику» евреи получают здесь еще и свою выгоду – «приобретают право на проживание в Сибири, и благодаря поддержке своих соотечественников, попавших сюда раньше, сравнительно скоро осваиваются и начинают получать такие заработки, о которых не смели и мечтать в черте своей оседлости». По мысли губернатора, этим и объясняется, «почему многие евреи, отбывшие срок надзора, не хотят возвращаться на старое место и ходатайствуют о разрешении остаться на новом…» [16. Л. 26].

Под конец своей записки рассуждения П.И. Кутайсова вообще полны антисемитизма, с одной стороны, и анекдотичны – с другой: «Кстати сказать, – пишет он, – если так будет продолжаться, то могут появиться и такие евреи, которые, желая попасть ради заработков в Сибирь, совершат какое-либо политическое преступление вроде разбрасывания прокламаций и пения революционных песен, и цель их тогда будет достигнута – они будут в Сибири; в последнее время, впрочем, они открыли еще один способ сюда попадать – это женитьба или замужество…» (имеется в виду на политическом ссыльном или политической ссыльной) [16. Л. 26].

Следует сказать, что такой значительный процент евреев среди политических ссыльных Восточной Сибири был характерен не только для Иркутской губернии. Едва ли не большее количество евреев-революционеров направлялось еще севернее – в Якутскую область, или «Якутку», как называли этот край ссыльные. Например, в списке политических ссыльных, состоявших там на причислении на 17 мая 1904 г., значились 338 человек, из них 152 – с ярко выраженными еврейскими именами, отчествами и фамилиями, что составляет почти 45% [16. Л. 74–91]. Вот еще пример: среди 56 участников известного Романовского протеста в Якутске (1904), спровоцированного циркулярами того же генерал-губернатора П.И. Кутайсова, по нашим подсчетам, было не менее 32 евреев, или 57,2% от общего числа протестовавших [17. С. 454–468].

Мы привели здесь лишь некоторые документы, свидетельствующие о большом количестве евреев в составе политической ссылки Иркутской губернии на рубеже двух веков. Какова же их подлинная численность? Как ни странно, но в историографии темы, казалось бы, довольно давно и всесторонне изучаемой еще с советских времен, этот вопрос остается попрежнему открытым. Такое положение дел характерно и для общесибирских показателей конца XIX – начала XX в. В чем причина такого невнимания исследователей к установлению национального состава ссыльных революционеров? Дело в том, что, во-первых, большевистская партия всегда отводила народникам в истории «освобождения рабочего класса» России весьма и весьма скромную роль, не забывая при этом обличать «в пособничестве буржуазии», во-вторых, сам еврейский вопрос в стране Советов был довольно деликатным: ну не могло евреев-революционеров быть больше русских. Скажем сразу: не могло быть, и не было. Но в Иркутской губернии и Якутской области, опреде-

ленных самим государством в качестве основного места изоляции политических административно-ссыльных в рассматриваемый нами период, в силу их специфики в некоторые годы было. Думается, что всестороннее исследование данного предмета подтвердит нашу гипотезу.

Важно подчеркнуть, что, составляя на рубеже веков едва ли не половину колонии политических ссыльных Иркутской губернии, евреи-революционеры, как это уже было отмечено Л.В. Кальминой, держались от городских еврейских общин, сложившихся задолго до их «невольного путешествия» в Сибирь, в стороне, не стремились вовлечь единоверцев в радикальные политические организации [18. С. 216]. Политические ссыльные из евреев занимались конспиративной антиправительственной агитацией среди различных слоев русскоязычного населения, отдавая предпочтение, по всей видимости, все-таки городским служащим и учащейся молодежи. Об этом свидетельствует и география размещения ссыльных евреев: большая их часть, первоначально попадая в отдаленные районы губернии – Киренский и Верхоленский уезды, – при малейшей возможности стремилась перебраться поближе к губернскому центру, заканчивая свою ссылку уже в Иркутске, Балаганске, Тунке или Лиственичном. Впрочем, эта тенденция хорошо проявлялась не только у евреев, но и у русских, грузин, латышей, поляков: как только ссыльный получал разрешение на «передвижение внутри губернии», он всегда стремился перебраться южнее, поближе к Иркутску.

Следует заметить, что городские общины иудеев, не воспринимая революционную пропаганду, оказывали тем не менее ссыльным евреям сочувствие и поддержку. Это объяснялось не только национальной или конфессиональной идентичностью, но и соображениями сугубо практическими: политические ссыльные могли быть использованы в качестве преподавателей для еврейской молодежи (добавим: и сто́или при этом гораздо дешевле «обычного» учителя). «Природный здравый смысл, – пишет об этом народник М.А. Кроль, – подсказывал им, что образование и высокая культура – большая творческая и благодетельная сила». Приехав в Иркутск в 1895 г., автор нашел «у иркутских евреев особенно радушный прием», так как «был российским евреем с известным образованием и к тому же политическим ссыльным». Эти особенности, как считает автор, и помогли ему в короткое время «приобрести среди иркутских евреев довольно много хороших знакомых и несколько преданных благородных друзей» [19. С. 252, 253].

Равнодушное отношение сибирских еврейских общин к политической жизни вовсе не означало, что определенная часть их членов оставалась в стороне от революционных выступлений. Да и сибирские евреи во многом были непохожи на российских, превратившись здесь в типичных сибиряков. Как справедливо замечает профессор Ю.М. Гончаров, «сибирские евреи под влиянием местных условий образовали достаточно специфическую общность, заметно отличавшуюся по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не только от евреев черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи» [20. С. 133]. Фонды ГАИО сохранили немало примеров активнейшего участия «коренных иркутских» евреев в радикальном оппозиционном движении. Вот, например, состав редколлегии нелегального ученического журнала «Братство», издававшегося в 1903 г. в Иркутске: гимназисты Гдалий Левенсон, Моисей, Павел и Самуил Файнберги, Эдуард Левенберг, Моисей Прейсман, Александр Ельяшевич, Яков Винер, Марк Азадовский и ученик иркутского промышленного училища Лейба Винник [21. Л. 2]. Вот другой пример: среди 31 участника протестных «беспорядков» в Иркутске в конце октября 1904 г. по крайней мере 13 – евреи: М.И. Даринский, З.И. Селектор, И.М. Хоммер, А.Г. Гольдберг, Х.И. Кононов, Я.В. Лонцих, И.Г. Гольдберг, М.С. Моберман, Г.М. Фриденсон, Я.Л. Кац, М.С. Фельдман, М.Г. Соболь, З.А. Ельяшевич [22].

Были у иркутских евреев, участвовавших в революционном движении, и свои политические каторжане, и свои ссыльнопоселенцы. Приведем лишь несколько имен. Вот, к примеру, Бланков Исай Моисеевич – еврей, сын извозчика, родился в 1888 г. в с. Нукуты Иркутской губернии, окончил 4-классное училище, примкнул к эсерам и с 1905 г. работал в кружках молодежи в Иркутске и Чите под кличкой «Исайчик», был арестован в 1907 г., отбывал каторгу в Забайкалье, в 1913 г. вышел на поселение в Якутскую область. Вот Газин Исаак Иосифович, сын рабочего, родился в 1878 г. в Иркутске, обучался в учительской семинарии, социал-демократ, с 1900 г. занимался первозкой литературы на Дальний Восток, в 1909 г. по приговору Приамурского военно-окружного суда получил четыре года каторги, затем был на поселении в Коченгской волости Иркутской губернии, после – в Иркутске. Или Лев Абрам Григорьевич, еврей, сын извозчика, родился в 1889 г. в Иркутске, получил домашнее образование, с 1906 г. принимал участие в эсеровском подполье под кличкой «Левушка», арестован в 1908 г. и осужден за участие в подкопе под Владивостокскую тюрьму к шести годам каторги, на поселении в Якутской области с 1915 г.. А еще Озеров Исай Зиновьевич, еврей, из мелких служащих, родился в 1885 г. в с. Чечуйске Иркутской губернии, с 1909 г. за распространение социал-демократической литературы и агитацию среди солдат отбывал каторгу в Горном Зерентуе и Алгачах, водворен на поселение в «Якутку», откуда бежал в Иркутск, вновь был арестован и возвращен на место приписки [23. Стб. 130, 351, 454].

Иркутск этого периода – крупнейший торговый центр на востоке страны. Пользуясь хроническим для Сибири дефицитом квалифицированных специалистов, политические ссыльные без особого труда устраивались в многочисленных торгово-закупочных заведениях города, экспедициях по снабжению северных территорий, банках, оптовых магазинах и складах, с успехом служили в типографиях, обозных мастерских, кожевенных заводах и даже на Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Перед первой русской революцией в городе было сосредоточено до трехсот политических ссыльных. Значительный процент среди

них, скажем, не менее сорока, составляли евреи. Часть из них оседала здесь после формального освобождения, другие приезжали «временно по болезни» (очень часто такое «лечение» могло длиться и несколько месяцев, и несколько лет), третьи, закончив срок ссылки, использовали для проживания в столице края вполне законную трехмесячную остановку для подготовки к отъезду на родину, четвертые жили нелегально, по подложному паспорту, и пятые – вполне «официально» отбывали ссылку, т.е. находились под гласным полицейским надзором.

Политические ссыльные этого времени имели в Иркутске несколько центров притяжения. Наибольшее количество «политиков» группировалось вокруг «Восточного обозрения». Редактор газеты И.И. Попов, сам бывший политический ссыльный, принадлежавший когда-то к «молодой» «Народной Воле», сумел привлечь к газетному делу десятки ссыльных, в том числе и евреев. Назовем лишь некоторые имена: А.С. Белевский, В.Г. Богораз, Н.Л. Геккер, В.Е. Горинович, М.Р. Гоц, М.А. Кроль, Л.Г. Левенталь, В.Е. Мандельберг, Г.А. Мачтет, П.Ю. Перкон, И.М. Ромм, С.С. Синегуб, Л.Д. Троцкий, М.И. Фундаминский, С.Л. Чудновский, И.И. Шиллингер [14. С. 341–372].

Именно политические ссыльные сделали газету подлинным центром оппозиционной жизни. Вот что докладывали об этом издании в Петербург чины Иркутского губернского жандармского управления в 1905 г.: «Местная газета «Восточное обозрение» положительно разжигает страсти неспокойного элемента. Во всех статьях этой газеты только и проводится мысль о непригодности в России существующего общественного и государственного строя. Восхваляются все политические преступления, действия забастовщиков, комитетов, собраний, союзов и стачек в городах России и здесь. Редактор газеты И.И. Попов и ныне его заместитель И.С. Ефремов, все сотрудники газеты – лица с темным прошлым, сомнительным настоящим, о нравственных устоях и порядке даже намека нет, они только ярые сторонники переворота в России, о политической благонадежности их говорить не приходится» [24. Л. 11].

Постоянным делом иркутской колонии была организация материальной поддержки малообеспеченных ссыльных и их семей. Чтобы помочь таким товарищам, в каждой крупной колонии имелась нелегальная касса взаимопомощи. Была такая касса и в Иркутске. О ней упоминает В.Е. Мандельберг. Ссыльные евреи были постоянными и активными участниками этой кассы. Документально известно, что, например, М.А. Натансон, имея в конторе по строительству ледокола «Байкал» весьма приличное жалованье в 1 800–3 500 руб. годовых, «при готовой квартире с отоплением и освещением», вел «скромный образ жизни» и постоянно делал «из своего заработка материальную поддержку политическим ссыльным» [25. Л. 1].

Из этой же кассы оказывалась помощь ссыльным, проходящим дальше через Иркутск. «В громадном большинстве случаев, – вспоминал Мандельберг, – люди шли не только без средств, но и без одежды, белья, обуви, и шли так на крайний Север, в Якутскую область. Мы снабжали их шубами, валенками, теплым бельем, провизией... Касса наша не столько помогала нуждающимся в Иркутске (на это шла самая незначительная часть доходов), сколько проходящим в ссылку, бегущим, возвращающимся...» [26. С. 23–33].

На рубеже двух веков народническая колония становится иной, все больше и больше размываясь представителями других партий и течений. Дворянская молодежь уступает здесь первенство разночинцам и выходцам из пролетарских рядов, на смену интеллигенту приходит рабочий. Этот процесс для старого народничества проходил весьма болезненно, что хорошо передано Л.Д. Троцким. Приехав в город в 1902 г., он при первом знакомстве с четой Натансонов был «очень обласкан». Однако их товарищеские отношения быстро закончились. «Принципиальные споры приняли сразу чрезвычайную остроту и каким-то острым клином врезались в мои отношения с Натансоном», – вспоминал позднее об этом Бронштейн [27. С. 93].

«Принципиальные споры» шли вокруг новой, пролетарской ссылки. В ее появлении «старые» народники, жившие в Иркутске, видели «крах всего революционного движения». «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900–1902 гг. народовольцев и народоправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками», – так писал Л.Д. Бронштейн об этом времени позднее [28. С. 33].

Политические ссыльные «новой волны», среди которых все заметнее становились лидеры рабочих организаций и социал-демократы, в меньшей степени владели творческими профессиями и не внесли столь существенного вклада в развитие «общественности», науки и культуры Иркутска, как их предшественники-народники. Однако эти ссыльные заметно ускорили вовлечение иркутского общества в радикальное оппозиционное движение, принесли учащейся молодежи и рабочим Иркутска идеи марксизма. При этом среди ссыльных большой активностью выделялись евреи.

Ссыльные евреи сыграли большую роль при создании Сибирского социал-демократического союза. Известно, что во второй половине 1900 г. в Томске по инициативе группы В.Е. Воложанина был образован Сибирский социал-демократический союз. Ведущие позиции в Союзе с момента его образования всегда занимали евреи-ссыльные: так, Израиль Гуковский (будущий нарком финансов Совета Народных комиссаров, 1918) осенью 1901 г. составил программное заявление Союза, а в ноябре того же года вошел в Красноярский комитет РСДРП. Значительную роль в Союзе играл и В.Е. Мандельберг, избранный затем вместе с Л.Д. Бронштейном делегатом на Второй съезд РСДРП (1903).

Именно с помощью Сибирского социал-демократического союза в 1901 г. произошло оформление Иркутского комитета РСДРП. В состав комитета первона-

чально входили только ссыльные, в том числе евреи И.М. Ромм, И.И. Шиллингер, В.Е. Мандельберг [29. С. 81]. В разное время в комитете также состояли В.А. Гутовский – до ссылки (март 1902 г.) член петербургских социал-демократических организаций, Э.Э. Понтович, Н.И. Суссер, М.А. Цукасова [30].

В июне 1904 г. по инициативе административно-ссыльного В.А. Пескина в Иркутске организовалась немногочисленная группа Всеобщего еврейского рабочего союза в Польше, Литве и России (Бунд). Ее члены получали из-за границы «Вестник Бунда» и «Последние известия». Развернуть активную деятельность бундовцы не смогли и вскоре примкнули к иркутской организации РСДРП [31. С. 33].

Были ссыльные евреи и среди иркутских эсеров. Как известно, социалисты-революционеры не придавали большого значения формальному структурному объединению, поэтому в Иркутске, как и по всей стране, отдельные эсеровские кружки образовались в единую группу позднее социал-демократов. Первая эсеровская организация (без комитета вплоть до декабря 1905 г.) сложилась в Иркутске в 1902 г. В 1902–1904 гг. в ее состав из евреев входили В.А. Вознесенский, И.Г. Гольдберг, С.Н. Доллер, А.Б. Ельяшевич, В.А. Криль, С.Ф. Михалевич (Ян), М.А. Натансон, П.И. Файнберг, Г.М. Фриденсон и некоторые другие [Там же. С. 34–35].

Активное участие принимали ссыльные евреи и в событиях первой русской революции в Иркутске. Известие о начале всеобщей стачки железнодорожников было получено в городе от Всероссийского Союза железнодорожных служащих еще 13 октября 1905 г. Вечером этого дня в помещении службы пути Забайкальской железной дороги под председательством техника управления И.М. Хоммера собрались на сходку до 500 человек, и было решено начать забастовку с 14 октября. Руководящим центром забастовки стал объединенный стачечный комитет. В его состав постепенно включались представители самых разных слоев и профессий, социал-демократы, эсеры и либералы, а численность колебалась от 20 до 40 человек. Здесь, по данным Иркутского губернского жандармского управления, были и евреи: слесарь А.Г. Гольдберг, управляющий делами «купчихи Громовой» С.А. Лянды [22. Л. 12–14].

Самой массовой формой рабочего движения в этот период стал митинг. «Хроника рабочего движения…» зафиксировала в Иркутске с 13 октября 1905 г. по 3 января 1906 г. 33 митинга, перераставших часто в демонстрации и собиравших огромное количество иркутян. Так, в митинге 22 октября 1905 г., организованном Иркутскими комитетами РСДРП, ПСР и либеральными профессиональными объединениями по поводу Всемилостивейшего манифеста 17 октября, принимали участие от 3 до 6 тыс. человек. На митинге совершенно открыто выступали большевик Н.Н. Баранский, меньшевик В.Е. Мандельберг, социалист-революционер Г.М. Фриденсон, бывший народник С.А. Лянды, после митинга демонстрация участников прошла к городской тюрьме с требованием освободить политзаключенных [32. С. 177].

В революционных событиях самое активное участие принимала и учащаяся молодежь. Так, согласно справке начальника Иркутского охранного отделения начальнику ИГЖУ, в декабре 1905 г. в городе среди воспитанников учебных заведений был создан «Союз учащихся», поставивший в своей программе чисто политические цели. Инициировали организацию хорошо известные жандармам читинский мещанин из государственных ссыльных эсер Г.М. Фриденсон и присяжный поверенный Б.С. Орнштейн. Охранное отделение выявило деятельное участие в «Союзе учащихся» Иркутска и молодых евреев: воспитанницы 7 класса Иркутской первой женской гимназии Л. Фриденсон, в доме которой была обнаружена рукопись, сделанная на пишущей машинке, под названием «Организация учащихся – платформа», учащихся мужской гимназии В. Буллаха, И. Келлермана, А. Камова, промышленного училища М. Левенсона, В. Островского М. Келлермана, А. Мошковича, Г. Бланкова и П. Ружанского. Именно из «Союза учащихся» была выделена часть молодежи, образовавшая «боевую дружину» под названием «Буря». 20 января 1906 г. в фойе городского театра были разбросаны печатные воззвания за подписью «Союз учащихся». При этом в ходе обыска у Арона Камова были обнаружены «заметки на обложке одной из тетрадок, указывающие о его осведомленности по поводу дел “Союза учащихся”», а в вещах Марка Азадовского найдено «несколько прокламаций и воззваний тайных организаций» [33. Л. 78–79].

Евреи были и среди руководителей народных дружин самообороны. Так, дружину социал-демократов возглавлял А.Г. Гольдберг, дружина еврейской самообороны действовала под началом Г.И. Кана, дружиной социалистов-революционеров командовал М.М. Прейсман. Общее число дружинников составляло внушительную цифру – свыше 400 человек [32. С. 176–177].

В 1905 г. численно выросли и окрепли иркутские социал-демократы. В Иркутске, как и по всей Сибири, организация РСДРП была единой и не делилась на большевиков и меньшевиков. Разбитые несколькими крупными ликвидациями 1904 г., после октября 1905 г. эсдеки уже имели в своих рядах около 500 человек, в том числе не менее 100 рабочих. Организация возглавлялась комитетом, в который входили в разные периоды до 30 работников, в основном меньшевистского, «умеренного» толка. Ведущие позиции в комитете занимали В.Е. Мандельберг, И.М. Хоммер, Ф.Ю. Рехневский, Я.М. Ляховский, братья Даринские и некоторые другие. Хорошо известно, что В.Е. Мандельберг был избран от социал-демократов города депутатом Государственной думы.

Летом 1906 г. среди иркутских эсеров прошли массовые аресты. При этом была обнаружена тайная типография, помещавшаяся в доме Трофима Крахмаля в Глазковском предместье по Гоголевской улице. «Дом Крахмаля, – сказано в жандармском отчете, – казавшийся снаружи одноэтажным, на самом деле имел подземный этаж, соединявшийся с верхним этажом посредством люка и подвижной лестницы. Из подземелья был особый выход во двор. Здесь были задержаны: владелец дома Трофим Крахмаль, Вячеслав

Свидобский и Федор Добровольский». На следующий день оставленной засадой здесь были арестованы Давид Либман и Моисей Меерович. В отчете упоминаются также хранители оружия и типографии Георгий и Павел Ветовецкие, Соломон Шепшелевич, распространявший прокламации, Лея Гольдберг, Борис Розенфельд, Меер Левенсон, Иосиф Вельгурский, Петр Накрохин – члены боевой организации» [34. Л. 29 об.].

Первая русская революция существенно изменила отношение иркутской администрации к политическим ссыльным. Если в конце XIX – начале XX в. власти откровенно «закрывали глаза» на незаконное пребывание в городе ссыльных из ближайших уездов и волостей, то с 1906 г. стала наблюдаться обратная картина: полиция, пользуясь военным положением, выявляла «временно проживающих» «политиков» и пыталась бескомпромиссно высылать их на место приписки. В июле 1906 г., к примеру, был составлен список таких ссыльных и местных революционеров, в котором имелось ни много ни мало 107 имен. В первую очередь подлежали отправке «в места отдаленные» активные участники Октябрьской стачки 1905 г., среди них евреи: А.И. Бик, И.И. Концевич, С.Г. Левенсон, Л.В. Лонцих, Б.С. Орнштейн, И.Н. Ружанский, М.Б. Файнберг, Г.М. Фриденсон, М.А. Цукасова, С.М. Цвилинг, И.М. Хоммер, Д.З. Эпштейн и др. [35. Л. 58–62 об.].

Как видим, история Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. прочно связана с политической ссылкой, в том числе и ссылкой евреев. Вырванные из привычной социально-бытовой среды и испытывая здесь значительные материальные лишения, эти люди тем не менее существенно обогатили общественную жизнь иркутян, оказали заметное позитивное влияние на местное общество, способствовали росту его самосознания, гражданственности и политической культуры. Именно ссылка воспитала в иркутском обществе потребность в самоуправлении, стремление к независимости от центральной власти, и в то же время привила чувство ответственности и сопричастности в деле управления громадным краем.

Евреи – участники леворадикальных формирований, действовавших на территории европейской России, ссылались во многие регионы Сибири, в том числе и в Иркутскую губернию. При этом доля евреев среди политических ссыльных Прибайкалья колебалась от 32 до 60%, что было значительно выше общесибирских показателей и объяснялось особенностями карательной политики государства, выделившего в конце XIX в. Иркутскую губернию и Якутскую область в качестве основного места для административной высылки своих политических противников. В эти регионы ссылалась административным порядком большая часть всех политических ссыльных империи, соответственно, и евреев в их составе было также больше, чем где-либо. Отсюда, от численного преобладания евреев-ссыльных, и их более заметный вклад в развитие местного политического подполья: евреи активно работали в Сибирском социал-демократическом союзе, комитетах социал-демократов и эсеров в Иркутске, руководящих органах Октябрьской стачки. Ситуация начала меняться в 1904 г., когда из-за Русско-японской войны государство временно прекратило административную ссылку в Восточную Сибирь, заменив ее высылкой на европейский Север, в Архангельскую губернию, соответственно, и число евреев здесь также заметно упало.

Вместе с тем, говоря об активном участии ссыльных евреев в радикальных политических движениях в Сибири, в том числе и на территории Иркутской губернии, в конце XIX – начале XX в., следует иметь в виду, что данное явление требует своего специального всестороннего изучения, привлечения значительного количества разноплановых источников. И только тогда можно действительно научно обосновать этот тезис, подкрепленный нами лишь отдельными примерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины / отв. ред. А. Гимельштейн. Иркутск : Востсибкнига, 2018. 304 с.
2. Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 1 (2). С. 118–126.
3. Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX в. – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии) : дис. … канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2006. 186 с.
4. Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2010. № 4-1 (68). С. 201–206;
5. Шиловский М.В. Сибирские евреи во второй половине XIX – начале XX в.: вопросы региональной идентичности // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул : Азбука, 2010. С. 120–130.
6. Декабристы : биогр. справочник / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Наука. 1988. 448 с.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 381. Л. 3–107.
8. Деятели революционного движения в России. От предшественников декабристов до падения царизма : биобиблиогр. словарь / под общ. ред. И.А. Теодоровича и др. М. : Изд-во ВОПКиС, 1928. Т. I, ч. 2. 496 стб.; Т. II, вып. 2. 829 стб; Т. II, вып. 3. 1381 стб.
9. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1511.
10. ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–266.
11. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 636. Л. 1–35 об.
12. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1971 г.). Иркутск, 1973. Вып. I. С. 199–242.
13. ГАИО. Ф. 25 Оп. Оц. Д. 428. Л. 16.
14. Попов И.И. Забытые иркутские страницы : записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
15. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 563. Л. 40.
16. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 26.
17. Теплов П. История Якутского протеста (дело «Романовцев»). СПб. : Изд. Н. Глаголева, [б. г.]. 480 с.
18. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
19. Кроль М.А. Страницы моей жизни. М. : Мосты культуры / Гешарим, 2008. 734 с.

20. Гончаров Ю.М. Еврейская диаспора в Сибири XIX – начала XX в.: специфика формирования и процессы адаптации // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. : сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. СПб. : Медиапапир, 2020. С. 126–135.
21. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 198. Л. 2.
22. Государственный архив новой и новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 73.
23. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Изд-во ВОПКиС, 1934. 880 с.
24. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 57. Л. 11.
25. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 1.
26. Мандельберг В. Из пережитаго. Давос : За рубежом, 1910. 145 с.
27. Троцкий Л.Д. Воспоминания о моей первой сибирской ссылке // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 91–95.
28. Троцкий Н. Туда и обратно. СПб. : Шиповник, 1907. 123 с.
29. Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири. Иркутск (конец XIX в. – 1917 год). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 176 с.
30. Кабацкий Н.И. К вопросу о возникновении, составе и структуре Иркутского комитета РСДРП (1901–1904 гг.) // Труды Иркутского политехнического института. Сер. общественных наук (история КПСС). Иркутск, 1964. Вып. 22. С. 20–21
31. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.). Краснодар : Изд-во Красноярск. ЦНТИ, 2012. 514 с.
32. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись. 1661–1940. Иркутск : Оттиск, 2003. 847 с.
33. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 44. Л. 78–79.
34. ГАИО. Ф. 245. Оп. Оц. Д. 130. Л. 29 об.
35. ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 230. Л. 58–62 об.

Alexander A. Ivanov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru
Sofya L. Kuras, Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kuras@list.ru
Tatyana L. Kuras, Legal Institute of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: tanya_kuras@mail.ru

EXILED JEWS IN THE POLITICAL LIFE OF THE IRKUTSK PROVINCE AT THE END OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY

Keywords: political exile; exiled Jews; Siberia

The purpose of the article is to determine the number of Jews in the number of political exiles, as well as to identify their role in the radical political participation of the Irkutsk province in the 1880s - 1900s.
The source base consists of documents from the State Archives of the Irkutsk Region, the State Archives of Modern and Contemporary History of the Irkutsk Region, most of which were not introduced into scientific circulation, as well as sources of personal origin.
It will be recalled that in the first half of the XIX century. Jews, due to their social isolation, were still far from participating in the country's radical social and political organizations. Jews did not take a noticeable part in the student movement of the late 1830s and 1840s. They also were not represented among the Petrashevites.The criminal and political exile of Jews became most active in the second half of the 19th century. By the 1880s, they are in the second place after the Russians in the radical anti-government parties. And then their number continues to increase; by the end of the 19th century, their number in the left-wing radical parties grew rapidly.
During the study, the authors came to the following conclusions:
Jews in the composition of political exiles of the Irkutsk province in the late 19th - early 20th centuries occupied a significant, and sometimes leading position, behind only of the Russian workers;
Having education and work experience, Jews, who were political exiles, got a job in numerous trade and purchasing establishments of Irkutsk, expeditions to supply the northern territories, banks, wholesale shops, and warehouses without much difficulty. They successfully served in printing houses, transport shops, tanneries and even on the railroad, thereby developing the Siberian region, which needed professionals in new industries;
Urban communities of Jews, not accepting revolutionary propaganda, provided sympathy and support to exiled Jews, being interested in them as teachers for their children;
It was the political exiles who made the newspaper Vostochnoye Obozreniye agenuine center of opposition life, due to the notable levels of education and outstanding thoughts;
Before the first Russian revolution, a large number of political exiled Jews were concentrated in Irkutsk. They exerted an active influence on the work of the opposition, which incurred the displeasure of local authorities, who were trying to limit the exile of Jews to the Siberian region.
In general, the history of the Irkutsk province of the post-reform period is inextricably linked to the exile of the Jews. Although the Jews had been removed from the normal social environment and experienced significant material deprivation in Siberia, they influenced the social life of local people, had a noticeable positive impact on the local society, contributed to the growth of its self-awareness, civic consciousness and political culture.

REFERENCES

1. Gimelstein, A. (ed.) (2018) *Irkutsk evreyskiy: dvesti syuzhetov iz zhizni 200-letney obshchiny* [The Jewish Irkutsk: two hundred stories from the life of a 200-year-old community]. Irkutsk: Vostsibkniga.
2. Kalmina, L.V. (2012) Evrei v dorevolyutsionnom Irkutske: otblesk gubernskogo loska [Jews in pre-revolutionary Irkutsk: a glimpse of the provincial gloss]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. History*. 1(2). pp. 118–126.
3. Kuras, S.L. (2006) *Istochniki po istorii ssylki evreev v Sibir' vo vtoroy polovine XIX v. – fevral' 1917 g. (na primere Irkutskoy gubernii)* [Sources on the history of the exile of Jews to Siberia in the second half of the 19th century – February 1917 (a case of Irkutsk province)]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. Rabinovich, V.Yu. (2010) Evrei i polyaki v dorevolyutsionnom Irkutske: “pereselentsy” v pereselencheskom obshchestve [Jews and Poles in pre-revolutionary Irkutsk: “immigrants” in a migrant society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestiya of Altai State University. History*. 4-1(68). pp. 201–206;
5. Shilovskiy, M.V. (2010) Sibirskie evrei vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: voprosy regional'noy identichnosti [Siberian Jews in the second half of the 19th – early 20th centuries: issues of regional identity]. In: Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (eds) *Evreyskie obshchiny v rossiyskoy*

provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Jewish communities in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century]. Barnaul: Azbuka. pp. 120–130.
6. Nechkina, M.V. (ed.) (1988) *Dekabristy: biogr. spravochnik* [Decembrists: a biographical reference book]. Moscow: Nauka.
7. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List Ots. File 381. pp. 3–107.
8. Teodorovich, I.A. et al. (eds) (1928) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya tsarizma: biobibliogr. slovar'* [Figures of the revolutionary movement in Russia. From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism: a biobibliographic dictionary]. Moscow: VOPKiS.
9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 2. File 1511.
10. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 1. File 2398. pp. 173–266.
11. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 636. pp. 1–35 ob.
12. Shcherbakov, N.N. (1973) Chislennost' i sostav politicheskikh ssyl'nykh Sibiri (1907–1917 gg.) [The number and composition of political exiles in Siberia (1907–1917)]. In: *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1971 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (19th century – February 1971)]. Vol. 1. Irkutsk: [s.n.]. pp. 199–242.
13. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 428. p. 16.
14. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: zapiski redaktora* [Irkutsk Forgotten Pages: Editor's Notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
15. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 563. p. 40.
16. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 157. p. 26.
17. Teplov, P. (n.d.) *Istoriya Yakutskogo protesta (delo "Romanovtsev")* [History of the Yakut protest (the case of "Romanovtsy")]. St. Petersburg: N. Glagolev.
18. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid. 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture.
19. Krol, M.A. (2008) *Stranitsy moey zhizni* [Pages of my life]. Moscow: Mosty kul'tury / Gesharim.
20. Goncharov, Yu.M. (2020) Evreyskaya diaspora v Sibiri XIX – nachala XX v.: spetsifika formirovaniya i protsessy adaptatsii [Jewish Diaspora in Siberia in the 19th – early 20th centuries: the specificity of formation and adaptation processes]. In: Goncharov, Yu.M. & Shaydurov, V.N. (eds) *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala XX v.* [Modern Historical Siberian Studies of the 18th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 126–135.
21. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 198. p. 2.
22. The State Archive of Modern and Contemporary History of Irkutsk Region (GANIIO). Fund 300. List 1. File 73.
23. Konstantinov, M.M. (ed.) (1934) *Politicheskaya katorga i ssylka: Biograficheskiy spravochnik chlenov ob-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev* [Political penal labor (katorga) and exile: A biographical reference book of members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Moscow: VOPKiS.
24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List Ots. File 57. p. 11.
25. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 184. p. 1.
26. Mandelberg, V. (1910) *Iz perezhitago* [From Bygone]. Davos: Za rubezhom.
27. Trotsky, L.D. (1923) Vospominaniya o moey pervoy sibirskoy ssylke [Memories of my first Siberian exile]. *Katorga i ssylka*. 5. pp. 91–95.
28. Trotsky, N. (1907) *Tuda i obratno* [There and Back]. St. Petersburg: Shipovnik.
29. Meshchersky, A.P. & Shcherbakov, N.N. (1973) *V.I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri. Irkutsk (konets XIX v. – 1917 god)* [V.I. Lenin and political exile in Siberia. Irkutsk (the late 19th century – 1917)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
30. Kabatsky, N.I. (1964) K voprosu o vozniknovenii, sostave i strukture Irkutskogo komiteta RSDRP (1901–1904 gg.) [On the origin, composition and structure of the Irkutsk Committee of the RSDLP (1901–1904)]. *Trudy Irkutskogo politekhnicheskogo instituta. Ser. obshchestvennykh nauk (istoriya KPSS)*. 22. pp. 20–21
31. Kuruskanova, N.P. (2012) *Nelegal'naya izdatel'skaya deyatel'nost' sibirskikh sotsialistov (1901 g. – fevral' 1917 g.)* [Illegal publishing of Siberian socialists (1901 – February 1917)]. Krasnodar: TsNTI.
32. Kolmakov, Yu.P. (2003) *Irkutskaya letopis'. 1661–1940* [The Irkutsk Chronicle. 1661–1940]. Irkutsk: Ottisk.
33. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List Ots. File 44. pp. 78–79.
34. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List Ots. File 130. pp. 29 ob.
35. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 90. List 1. File 230. pp. 58–62 ob.

УДК 94(510.1) + 94(520)
DOI: 10.17223/19988613/71/24

Л.В. Курас, Л.В. Кальмина

«ПЛАН ФУГУ»: «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В МАНЬЧЖОУ-ГО

Статья подготовлена Л.В. Курасом – в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4); Л.В. Кальминой – в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

Анализируется деятельность Японской военной миссии Маньчжоу-Го по реализации «Плана Фугу» – созданию еврейской автономии наподобие Еврейской автономной области СССР с целью превращения оккупированных районов Китая в зону процветания. Определены факторы, которые могли способствовать успеху идеи: самодостаточность еврейской колонии в Маньчжурии, предполагающаяся иммиграция спасающихся от геноцида европейских евреев и возможность привлечения американских кредитов. Выявлено значение проекта, хотя осуществить его не удалось.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го; Еврейская автономная область СССР; евреи; Японская военная миссия; «План Фугу»; Сугихара.

Цель статьи – исследование факторов инициирования, потенциальных «движущих сил» реализации и причин провала японского проекта создания еврейской автономии в Маньчжоу-Го, известного под названием «План Фугу». Авторы обратились к малоизвестному сюжету, впервые проведя комплексное изучение феномена формирования милитаристским государством проекта еврейской автономии, основу которой должны были составить европейские эмигранты.

Тема определения политики разных стран по отношению к национальным меньшинствам постоянно привлекает внимание исторического сообщества. Исследование авторами еврейской «составляющей» в японской национальной политике, не вписывающейся в идеологию милитаризма, весьма важно для понимания роли национального меньшинства в прагматических планах государства.

Наряду с опубликованными источниками в данном контексте в научный оборот впервые вводятся документы ВЧК / ГПУ, Управления НКВД по Читинской области о деятельности российских национальных эмигрантских сообществ в Маньчжурии и архива Управления ФСБ России по Республике Бурятия о мерах борьбы с сионистским движением в первые годы советской власти. Представители сионизма сформировали самую массовую колонию в составе еврейской политической эмиграции в Маньчжурии.

Маньжурский транзит

Еврейская эмиграция – отдельная страница истории России, в которой свою нишу занимает эмиграция в Маньчжурию, северо-восточную провинцию Китая и место традиционного столкновения интересов России и Японии. Базовым элементом этой эмиграции стали сибирские евреи. Данный сегмент еврейской истории, в частности процесс формирования еврейской общины в Маньчжурии, неоднократно становился предметом исследовательского интереса российской историографии [1–6].

Еврейская колония в Маньчжурии, и прежде всего в Харбине, начала формироваться в начале XX в. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Хотя Маньчжурия находилась в 100-верстной приграничной полосе, куда въезд евреям воспрещался, министр финансов Российской империи и непосредственный автор идеи строительства С.Ю. Витте последовательно придерживался взгляда, что квалифицированным специалистам надо создавать максимально благоприятные условия для работы – без ограничений по национальному или вероисповедному признаку [3. С. 193].

Осенью 1893 г. будущий генерал М.В. Грулев (иудей, принявший православие) получил назначение в Никольск-Уссурийский, в 5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, для цензового командования ротой. Тогда же он возглавил экспедицию в Маньчжурию. Экспедиция была многоцелевой: научной – составление первой карты Сунгарийского края; военной – осмотр незадолго перед тем возведенных китайцами укреплений на реке Сунгари; торговой – оживление торговых отношений с Китаем. Именно тогда он и выбрал место для строительства г. Харбина [7. С. 80–81].

Массовый отток еврейского населения Сибири и Дальнего Востока в Маньчжурию был вызван Октябрьской революцией в России 1917 г., которая пробудила национальное самосознание у всех национальных меньшинств бывшей империи. В декабре 1918 г. была принята английская Декларация о передаче Палестины под мандат Великобритании, что пробудило у евреев уже всего мира надежду на возможность создания собственного национального государства. Это привело к еще большему росту популярности сионистской идеи, которая и без того получила признание

у российских евреев. Еще в конце 1917 г., на первых повсеместно проводившихся общинных выборах, сионисты одержали убедительную победу во всех сибирских городах [8. С. 206]. В течение 1917–1918 гг. большинство еврейских организаций Сибири и Дальнего Востока объединилось с сионистскими организациями. Это вызвало настороженность со стороны молодой советской власти. В июне 1920 г. во все губернские чрезвычайные комиссии и особые отделы было направлено циркулярное письмо ВЧК, в котором имелся раздел «О сионистах». В циркуляре желание сионистов создать национальную государственность в Палестине расценивалось как «стремление поработить арабское крестьянство» [9. С. 125–127]. А после упразднения ДВР, в которой наблюдалось оживление еврейской жизни, в отношении сионистов начались силовые акции. По сообщению газеты «Сибирь–Палестина», в течение июня–июля 1923 г. были проведены аресты сионистов в Иркутске, Верхнеудинске, Чите и Сретенске. При этом у них, как сообщал источник, «не было противоправительственного заговора, ни оружия, прокламаций. Они арестованы именно как сионисты, адепты возрождения еврейского народа на исторической родине. Из арестованных двое из «буржуазии», остальные студенты, служащие, учителя, рабочие» [10. Л. 259]. Созданный в 1919 г. Национальный совет евреев Урала и Сибири имел тесные связи с сионистской организацией Харбина, что позволило евреям Сибири эмигрировать в Маньчжурию и организовать постоянный «коридор» для выезда в Палестину по маршруту Сибирь–Харбин–Шанхай–Яффа [Там же. Л. 15].

Еврейская эмиграция, разнородная по своей структуре, в то же время являлась сегментом русской колонии в Маньчжурии, к 1923 г. насчитывавшей до 400 тыс. человек [11. С. 95; 12. С. 161]. К началу 1930-х гг. еврейское население Маньчжурии составляло 28 тыс. человек. Динамика численности еврейской общины Харбина, сложившейся в 1903 г., демонстрирует ее стремительный рост, к началу 1930-х гг. сменившийся падением: 1903 г. – 300 чел. (перепись), 1914 г. – около 5,5 тыс. чел., 1920 г. – 25 тыс. чел. (перепись), 1931 г. – 13–15 тыс. чел. [13. С. 336]. Еврейская духовная община Харбина, пользовавшаяся популярностью и у нееврейского населения, была наиболее крупной и влиятельной из всех российских эмигрантских этнических сообществ. Созданный ею Еврейский коммерческий банк несколько лет считался самым мощным финансовым учреждением, поддерживавшим местную торговлю и промышленность [14. С. 59]. В 1920–1930-е гг. евреям Харбина принадлежало три банка. Еще в 1908 г. евреи построили первый в Китае сахарный завод; к середине 1920-х гг. в городе работало уже 489 еврейских предприятий: в табачном производстве, пивоварении, мукомольном деле, производстве масла. Действовали две синагоги, еврейские учебные заведения, библиотека, СМИ, еврейская городская больница [13. С. 336]. Евреи Маньчжурии оказывали помощь голодающим и жертвам погромов в России: в 1921–1922 гг. они отправили в помощь россиянам – евреям и не евреям – пять эшелонов продовольствия, по 30 вагонов в каждом. Помощь харбинцев спасла не одну сотню жизней в голодавшей России [2. С. 215].

Еврейские «белоэмигранты»

В 1931 г. в Маньчжурию вторглась Япония. 1 марта 1932 г. по решению Всеманьчжурской ассамблеи было образовано государство Маньчжурия, которое существовало до 19 августа 1945 г. Его главой стал последний китайский император из маньчжурской династии Цин – Пу И, который в 1934 г. был объявлен императором. Девиз его правления – «Кандэ», или «Спокойствие и добродетель». 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было объявлено Великой Маньчжурской империей (Маньчжоу-ди-го) и признано 23 из 80 существовавших на тот момент государств. В Маньчжоу-Го были представлены монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русские эмигранты и китайское большинство. По состоянию на 1934 г. население Маньчжоу-Го составляло 30 млн 880 тыс. человек: 29 510 тыс. китайцев и маньчжур, 590 796 японцев, 680 тыс. корейцев, 98 431 представителей прочих национальностей. За время существования Маньчжоу-Го его население увеличилось на 18 млн человек [12. С. 8]. Государственная концепция предполагала сосуществование различных национальностей в рамках единого централизованного государства и их самоорганизацию в границах отдельных общин. Каждый этнос опирался на традиционных для определенной общины религиозных лидеров. Единственной разрешенной политической партией являлось проправительственное «Общество Согласия» как основа выдвинутой японцами паназиатской концепции «согласия народов» по образцу советской модели «союза народов».

В российской историографии фигурируют все субъекты маньчжурской этнической эмиграции, структура которой представлена в трехтомнике «Белоэмиграция в Маньчжурии», подготовленном в годы Великой Отечественной войны Управлением НКВД по Читинской области для служебного пользования [15]. Этот источник стал основой для скрупулезного анализа деятельности национальных организаций российской эмиграции в Маньчжурии, члены которых эмигрировали в разное время из царской России и Советского Союза. Они объединялись в колонии и общины по национальному признаку. Национальная эмиграция закреплялась Японской военной миссией (ЯВМ) при Главном Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ) как административная единица и рассматривалась как сегмент белой эмиграции. При этом армянская, грузинская, еврейская, тюрко-татарская и украинская колонии входили в Совет национальностей при ГБРЭМ, а греческая, латышская и литовская колонии имели свои органы в лице соответствующих консульств. Но они ранее тоже были российскими подданными, поэтому японцы не видели между ними каких-либо различий. Члены всех колоний принимали участие в работе ГБРЭМ наравне с русскими [12. С. 179–186].

Любопытно, как же евреи оказались в числе белоэмигрантов? Это произошло «с легкой руки» начальника Хайларского отделения ЯВМ Суганами Иciро, который направил в адрес полицейского управления

Северо-Хинганской провинции секретное «Предупреждение по вопросу об обращении с белыми русскими»: «По распоряжению властей руководство белыми русскими, включая также татар и евреев, полностью осуществляется особыми органами, ввиду чего все серьезные мероприятия в отношении белых русских, как аресты, содержание под стражей и т.д., могут осуществляться только после согласования этого вопроса с вверенным мне органом или его ближайшими отделениями» [15. Т. 1. С. 2–3]. Имея в распоряжении этот документ, Управление НКВД, не раздумывая, придало ему политическую окраску.

С образованием Маньчжоу-Го ЯВМ столкнулась с необходимостью выстраивать отношения с полиэтнической эмиграцией и коренным китайским населением. Перед Японией встала задача разработки принципиально новой национальной политики, отличной от сложившегося представления «метрополия–колония», причем в отношении каждой отдельной этнической группы. Это выразилось в доктрине «расовой гармонии» как прообразе неоколониализма, рождавшегося в практике японского империализма на территории Маньчжоу-Го под углом зрения ее политических, экономических, военных и идеологических мероприятий. Для решения этой стратегической задачи действий только ГБРЭМ оказалось недостаточно.

Актив для Маньчжоу-Го

Весной 1938 г. Министерство иностранных дел Японии создало межминистерский комитет по проблемам мусульман и евреев. Задача комитета состояла в выработке «основ политики по отношению к проблемам мусульман и евреев в свете международной ситуации». Мы уже писали о том, что причиной особого отношения к евреям со стороны ЯВМ было образование 7 мая 1934 г. на Советском Дальнем Востоке (бывшая территория Внешней Маньчжурии) Еврейской автономной области (ЕАО) со столицей в г. Биробиджане. Японское МИД было уверено, что евреи ЕАО и евреи Маньчжурии обязательно будут стремиться к объединению, и это стремление можно будет использовать в политике по отношению к СССР [11. С. 96]. Эти убеждения имели под собой серьезные основания: создание ЕАО совпало по времени с раскручиванием маховика «большого террора» [16]. Особенностью репрессий в Еврейской автономии было то, что больше всего пострадали еврейские эмигранты, которых только в начале 1930-х гг. из Европы, США, Аргентины и Палестины прибыло до 1,5 тыс. человек [17]. И. Сталин не доверял эмигрантам, считая их «иностранными шпионами». Еще большие подозрения у него вызывали «планы Японии по созданию еврейской автономии в Маньчжурии» [11. С. 90]. Идея этого проекта, получившего название «План Фугу», возникла у японского руководства в 1934 г. План нашел подробное освещение в работе бывшего раввина еврейской общины в Японии Марвина Токайера и журналиста Мэри Шварц [18]. Наименование проекта происходит от названия ядовитой тропической рыбы фугу, которая употребляется японцами в пищу. Мясо фугу обладает исключительными вкусовыми качествами, усиливаемыми допустимой дозой яда. «Изюминка» состоит в том, что небольшая ошибка в пропорциях ведет к летальному исходу. Именно так японцы воспринимали евреев – народ, обладающий превосходными качествами, обращаться с которым, однако, следует со всей осторожностью.

В 1938 г. план вызвал ожесточенные дебаты на конференции кабинета министров императорской Японии на предмет его жизненности и возможности реализации. В Японии практически отсутствовало еврейское население, и «План Фугу» появился под влиянием наивных представлений о евреях как о людях с большими финансовыми возможностями, способных превратить Маньчжоу-Го в «доходную колонию» Японской империи. Ставка делалась на еврейскую эмиграцию из Европы, где германский фашизм в «решении еврейского вопроса» проводил политику расового антисемитизма, переросшего в геноцид.

Первоначально план был идеей небольшой группы членов японского правительства и военных должностных лиц во главе с капитаном Инудзукой Корэсигэ и полковником Ясуэ Норихиро, которые были известны как «эксперты по евреям» наряду с промышленником Аикавой Ёсисукэ и рядом должностных лиц Гуаньдунской армии. Они вошли в историю Японии как «Манчьжурская фракция». Японцы рассчитывали, что реализация данного плана улучшит их отношения с США, убедит американских евреев вкладывать свой капитал в Японию, а также будет способствовать экономическому подъему в оккупированных Японией частях Китая. Возмущение фашистской Германии Япония надеялась нейтрализовать объяснением, что она таким способом помогла бы рейху «избавиться» от евреев. Возможно также, что японцы хотели из еврейской нации создать образ врага для китайцев и перенести ненависть последних с себя на евреев. В 1938 г. «План Фугу» был утвержден на Конференции пяти министров. Предполагалось, что японцы физически уничтожат китайское население в оккупированной Маньчжурии и освободят места для десятков тысяч евреев из Европы в надежде получить многомиллиардные кредиты на развитие оккупированных территорий.

В 1936 г. Германия и Япония подписали «Японо-германское соглашение по обороне от коммунизма» – «Антикоминтерновский пакт», но это не повлияло на положение евреев в Маньчжоу-Го. Более того, ЯВМ создала «Бюро особого назначения» во главе с генералом Хигути Кинтиро, задачей которого стала подготовка съезда «еврейских общин» Дальнего Востока. Работа съезда проходила в конце декабря 1937 – начале января 1938 г. Большинство делегатов представляли боевую организацию сионистов Бейтар. По свидетельству японского исследователя Касэ Хиндзаки, имена генерала Хигути и его заместителя полковника Ясуэ Нарихиро высечены на башне «Золотой книги» на Иерусалимском холме [19. С. 243].

«Еврейским вопросом» активно занимался «2-й отдел исследовательского департамента» Министерства иностранных дел Японии. МИД открыло безвизовый

въезд европейских евреев в оккупированный Шанхай [Там же]. «Опасно это или нет – нам нужны евреи, – заявил в декабре 1938 г. министр финансов и торговли Сэйсин Икэда. – Эти поселенцы будут активом для Маньчжоу-Го и Японии. Но что еще важнее – их поселение побудит других евреев предоставлять нам капитал, который мы не можем получить никаким другим путем. Пригревая этих измученных европейцев, мы добьемся расположения американских евреев, которые контролируют прессу, радио, кинопромышленность и, возможно, самого президента Рузвельта. Мы не можем позволить себе оттолкнуть евреев. Если Япония… подружится с евреями, нам откроются совершенно новые экономические возможности» [19. С. 244].

Поскольку базовым центром для еврейских эмигрантов определялся Шанхай, то вполне естественно, что 7 июня 1939 г. именно там состоялось специальное совещание, которое провел полковник Ясуэ Нарихиро. Итоги встречи можно выразить в двух пунктах:

1) «при создании еврейской зоны за пределами Шанхая необходимо, подобно Биробиджану, сделать ее автономной областью и через новый китайский режим поставить под защиту Японии;

2) автономная власть должна иметь значительное пространство с учетом роста ее населения, увеличения иммиграции евреев по мере их стремления к мирной жизни на Дальнем Востоке, а также ожидаемого изгнания евреев из других стран» [Там же. С. 245].

«План Фугу» полагал возможным размещение евреев на оккупированных территориях с созданием анклавов от 18 до 600 тыс. человек. В рамках анклавов разрабатывались земельные стандарты для поселений на 20, 50 и 70 тыс. евреев [20]. Им предоставлялась свобода вероисповедания, а также культурная и образовательная автономия. Тогда же сразу была предпринята попытка через еврейскую общину Шанхая получить у еврейской общины США кредит для Японии в размере 200 млн иен, однако она успеха не имела.

При всем деляческом прагматизме «Плана Фугу» он прекрасно укладывался в стратегию Императорского пути («кодо», или «ванн Дао»), выступая выражением «священной исторической миссии» Японии, направленной на освобождение стран Восточной Азии от «белого империализма» и объединение их под своей эгидой в рамках великой восточноазиатской сферы совместного процветания. Важным шагом на этом пути было создание государства Маньчжоу-Го, выступавшего в качестве своеобразной экспериментальной площадки для реализации идеи «общего дома» для народов Восточной Азии [21. С. 112].

Хотя количество еврейских беженцев, прибывших из Европы в Японию и подконтрольные ей территории, составило не одну тысячу человек, «План Фугу» так и не был реализован. Одной из причин его свертывания послужил тот факт, что большинство евреев, бежавших из Европы в Японию и Китай, были очень бедными, ибо все их имущество было изъято нацистами. То, что удалось сохранить, они заплатили за транзит, поэтому сами жили на помощь американских благотворительных фондов и не могли вкладывать крупные деньги в экономику Японии, на что рассчитывали японцы. Тем не менее евреи ехали в оккупированный японцами Китай.

Праведник Сугихара

Описываемый факт во многом наивной, драматической и одновременно героической страницы еврейской истории связан с именем японского дипломата Сугихара Тиунэ [20, 22]. Меньше чем за месяц его усилиями от фашистских концлагерей было спасено более 6 тыс. евреев.

В начале 1920-х гг. Сугихара Тиунэ, практикант при посольстве Японии в Харбине, изучал немецкий и русский языки. Общение с российской эмиграцией оказало на него значительное влияние: в 1924 г. он принял православие и женился на уроженке Белоруссии Клавдии Семеновне Апполоновой, прожив с ней до развода и возвращения в Японию в 1935 г. К 1932 г. он уже считался опытным экспертом по Советскому Союзу и принимал активное участие в переговорах с СССР о покупке КВЖД. Переговоры шли в течение двух лет и завершились в 1934 г. приобретением железной дороги. Благодаря усилиям Сугихары японское правительство выиграло на этой сделке более миллиона долларов по курсу того времени.

В 1935 г. в знак протеста против террора японской армии в отношении китайского населения Сугихара подал в отставку и возвратился в Японию. Через год он женился на Юкики Кикути, а в 1937 г. был направлен в японское посольство в Хельсинки в качестве переводчика. Через два года Сугихара получил назначение вице-консулом в японское консульство в Каунасе. Открытие японского консульства на задворках Европы, где не было ни одного японца, вызывает недоумение, но лишь на первый взгляд. Задача консула состояла в другом: он должен был ежедневно анализировать положение дел в Европе, особенно состояние советско-германских отношений, выполняя, по сути, функции политической разведки.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война, и поток еврейских беженцев из Польши захлестнул Литву с целью покинуть Европу, перебравшись за океан, или хотя бы уехать в спокойную Азию. 15 июня 1940 г. Литва стала советской, и здесь уже заволновались литовские евреи (только в Каунасе с населением в 120 тыс. человек евреи составляли четверть), которые потеряли надежду покинуть страну. Выход из ситуации нашел Жан Цвартендижк – генеральный консул Голландии в Каунасе. Он согласился предоставить разрешение на въезд всем желающим уехать на Карибы – голландские колониальные острова на Карибском море. Но для этого беженцы должны были пересечь всю территорию Советского Союза с запада на восток, добраться до Японии и уже оттуда плыть на Карибы.

История не сохранила имени советского консула, согласившегося выдать транзитную визу всем желающим при условии наличия у них транзитной визы Японии. Хотя, как оказалось, эта процедура, которую досконально исследовал Л. Максименков, была на редкость циничной [23]. «Еврейский» транзит организовывал Интурист, находившийся под крышей НКВД, но на время проведения операции в целях конспира-

ции перешедший в подчинение Наркомата внешней торговли. В качестве партнера с Интуристом сотрудничало германское Центрально-европейское туристическое агентство «Mitteleuropaisches Reiseburo», работавшее под крышей гестапо. Попытка осуществить «спецтранзит» в СССР, Англию, США и Южную Америку не увенчалась успехом. Тогда обозначилась новая «партнерская позиция» – Япония: Интурист имел деловые отношения с японской туриндустрией в лице госкомпании «Джапан турист бюро». Финансовое ведомство Лубянки рассчитало, что предполагаемый валютный доход с «пробной группы» в 3 тыс. человек составит около 900 тыс. инвалютных рублей (операции велись через английский фунт). То есть заложенная прибыль от одного еврейского эмигранта составляла по современному курсу около 150 тыс. фунтов. Операция по спасению евреев, превратившись в чистый бизнес, стала коммерческим проектом Германии, СССР, Японии и Маньчжоу-Го. По оценке Л. Максименкова, «люди в транзитных схемах проходили как простой товар, моральная сторона никого не трогала. По всем меркам – жуткая история. Хотя, как ни чудовищно прозвучит, и она формально имела “гуманитарный аспект”: при всей циничности исполненной схемы были спасены тысячи жизней, пусть и по “особому тарифу”, пусть фактически выкуплены, но спасены» [23. С. 20].

В конце июля советские власти фактически закрыли все иностранные представительства в Каунасе, а их сотрудникам было предложено покинуть территорию Советского государства. Сугихара попросил продлить его пребывание в Каунасе на 20 дней. Получив разрешение, он превысил отведенный срок, объяснив это желанием ознакомиться с достопримечательностями города. За время с 31 июля по 28 августа Сугихара вместе с женой выписал более 2 тыс. семейных транзитных виз, не имея на то разрешения японского МИДа.

Мы не можем со всей уверенностью сказать, что это было: душевный порыв православного японца или реализация «Плана Фугу» с целью извлечения прибыли. Важно другое: он реально спас более 6 тыс. польских и литовских евреев от печей Освенцима и Треблинки. В 1985 г. правительство Израиля наградило Сугихара Тиунэ почетным званием «Праведника народов Мира», присваиваемым Израильским институтом катастрофы и героизма национального мемориала Катастрофы (Холокоста) и героизма «Яд ва-Шем» Обладатели звания получают именную медаль и Почетную грамоту, а их имена увековечивают на Горе Памяти в Иерусалиме. Звание присваивают не евреям, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации Европы, рискуя при этом собственной жизнью. На 1 января 2017 г. праведниками народов мира признаны 26 513 человек из 51 страны [24]. Никто из организаторов транзита на «русском плече» подобных почестей не удостоился [23. С. 23].

27 сентября 1940 г. был подписан Тройственный пакт (Германия–Италия–Япония), что привело к приостановке введения «Плана Фугу» в действие. А атака Японии на Перл-Харбор окончательно поставила крест на самой возможности реализации плана переселения евреев в Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курас Л.В. Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР // Из истории спецслужб Бурятии. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1997. С. 45–49.
2. Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.). Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2000. Гл. III. С. 199–247.
3. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск : Кларетианум, 2001. Вып. 7. С. 192–236.
4. Курас Л.В. Евреи Сибири в Харбине: 20–40-е годы XX в. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы IV региональной науч.-практ. конф. (Биробиджан, 25–26 августа 2003 г.). Красноярск–Биробиджан : Кларетианум, 2003. Вып. 4. С. 69–73.
5. Курас Л.В. Еврейская эмиграция из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках : сб. ст. / под ред. Я.М. Кофмана // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Красноярск : Кларетианум, 2004. Вып. 5. С. 156–163.
6. Курас Л.В. Российская этническая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 2. С. 148–156.
7. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М. : Изд. В. Секачев, 2019. 270 с.
8. Кальмина Л.В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М. : РОССПЭН, 2005. С. 203–214.
9. ВЧК–ГПУ / сост. Ю. Фельштинский. Вермонт : Chalidze Publications, 1989. 216 с.
10. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Бурятия. Ф. 3. Оп. 1. № 2.
11. Курас Л.В. СССР – Маньчжоу-Го: «еврейский вопрос» по обе стороны границы (1934–1941 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 17. С. 89–99.
12. Дудин П.Н., Курас Л.В., Цыбенов Б.Д. и др. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го : исторические очерки / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2016. 253 с.
13. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.) : дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 526 с.
14. Курас Л.В., Кальмина Л.В. Русская эмиграция в Маньчжурии (первая половина XX века) // Приграничный район в историческом развитии : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2018. Ч. 2. С. 57–60.
15. Белоэмиграция в Маньчжурии : в 3 т. Чита : Управление НКВД по Читинской области, 1942.
16. Журавлёв В.Н., Бренер И.С. Книга памяти и списки жертв репрессии на территории Еврейской автономной области. Биробиджан : Окарина, 2011. 478 с.
17. Еврейская автономная область : энцикл. словарь / отв. ред. В.С. Гуревич, Ф.Н. Рянский. Хабаровск : РИОТИП, 1999. 366 с.
18. Tokayer M., Swartz M. The Fugu Plan: the Untold Story of the Japanese and the Jews during World War II. Jerusalem–New York : Gefen Publishing House, 2004. 296 p.
19. Касэ Хиндзаки. Евреи в Японии // Тюо корон [Центральное обозрение]. 1971. № 5. С. 243–245.
20. Масааки Сираиси. Японский дипломат Сугихара Тиунэ, который спас 6000 евреев / пер. с яп. и коммент. Я. Зинберга // Заметки по еврейской истории, традиции, культуре. 2007. № 17 (89), 18 (90). URL: http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer18/Zinberg1.htm (дата обращения: 10.07.2020).

21. Смирнов С.В. «Прошедшие все ступени»: участие российских офицеров в государственных структурах Маньчжоу-Го // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (5). С. 108–126.
22. Альтман И.А. Праведник народов мира Тиунэ Сугихара // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 184–203.
23. Максименков Л. Еврейский транзит. Подробности спецоперации, в которой поучаствовали гестапо, НКВД и японские спецслужбы // Огонек. 2019. № 47. С. 20–24.
24. Членов М.А. Праведники народов мира // Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2015. Т. 27. С. 334.

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kuraslv@yandex.ru
Lilia V. Kalmina, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kalminal@gmail.com

FUGUE PLAN: JEWISH ISSUE IN MANCHUKUO

Keywords: Manchukuo; Jewish Autonomous Region of the USSR; Jews; Japan military mission; Fugue Plan; Sugihara.

The article is devoted to the investigation of starting factors, potential moving realization forces and Japan project failure aimed at the foundation of the Jewish Autonomy in Manchukuo (Fugue Plan).
In the course of current investigation the authors introduce documents of VChK/GPU, NKVD Administration in Chita Region about Russian national emigrant activities in Manchuria and FSB Administration of Russia in the Republic of Buryatia about Zionist movement prevention in the Soviet Power early years, the representatives of the above mentioned political forces being the most mass segment of Jewish opposition emigration to Manchuria.
The foundation of Manchukuo state under the control of Japan with its mixed ethnical population structure claimed specific national politics, combining interests of the united state and different ethnical societies national identity preservation possibilities. The Jews were the target of Japan Foreign Department's fixed attention, this nation having its own national administrative structure – the Jewish Autonomous Region in the USSR. Due to their assistance the Japan intended to kill two birds with one stone: to obtain the opportunity of Soviet Union political blackmailing aiming at proposed desire to unite Manchurian Jews and that of Jewish Autonomous Region and establish the Jewish colony consisted of European immigrants being able to attract American investments.
In the course of investigation the authors came to the following conclusions:
economical achievements of Jewish community, being the most influential among all emigrant ethnical groups in Manchuria, allowed Japan to rely the perspectives to the future prosperity of the Chinese territories under Japanese occupation on the Jews;
for the sake of Jewish community in Manchukuo growth Japan aimed at attracting immigrants whose life in the Fatherland faced the danger, first of all in fascist Germany; it was contemplated that the broad autonomy given to the Jews would make Manchukuo attractive for them from other countries;
having clear idea about the Jewish lobby influence in the USA, Japan hoped for American fundamental financial investments into its own economics and occupied territories;
beside economical purposes Fugue Plan pursued ideological ones. Once more it was supposed to demonstrate great historical Japanese mission to protect Eastern countries suffered from the *white imperialism;*
Fugue Plan was Utopian and from the very beginning doomed to failure. Refugees having arrived to Japan and on territories under the control had no money even to keep their body and soul together. Hopes for American Jewish investments failed as well: rich American Jews granted their financial assistance only to their co-religionists and had no desire to contribute to Japanese well-being. Nevertheless, in the frames of this project Sugihara Tune, a clerk of the Japanese Consulate in Kaunas, succeeded in saving the lives of 6 000 European Jews.

REFERENCES

1. Kuras, L.V. (1997) Kharbinskaya belaya emigratsiya v osveshchenii spetssluzhb SSSR [Harbin white emigration covered the USSR Intelligence Agencies]. In: Khalanov, V.I. & Bazarov, B.V. (eds) *Iz istorii spetssluzhb Buryatii* [From the history of intelligence agencies in Buryatia]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture. pp. 45–49.
2. Romanova, V.V. (2000) *Evrei na Dal'nem Vostoke Rossii (II pol. XIX v. – I chetv. XX v.)* [Jews at the Far East, the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Khabarovsk: KhSPU.
3. Romanova, V.V. (2001) Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke: istoriya vzaimootnosheniy (vtoraya polovina XIX v. – 20-e gody XX v. [Power and Jews in the Far East: The history of relations (the second half of the 19th – 1920s]. In: Dyatlov, V.I. & Kofman, YaM. (eds) *Evreyskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Jewish Communities of Siberia and the Far East]. Vol. 7. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 192–236.
4. Kuras, L.V. (2003) Evrei Sibiri v Kharbine: 20–40-e gody XX v. [Siberian Jews in Harbin: 1920s – 1940s]. In: Kofman, YaM. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: History and Modernity]. Krasnoyarsk; Birobidzhan: Klaretianum. pp. 69–73.
5. Kuras, L.V. (2004) Evreyskaya emigratsiya iz Sibiri v Kharbin v pervoy polovine XX veka [Jewish emigration from Siberia to Harbin in the first half of 20th century]. In: Kofman, YaM. (ed.) *Nekotorye problemy istorii evreev Sibiri v XIX–XX vekakh* [Some problems of the history of the Jews of Siberia in the 19th – 20th centuries]. Vol. 5. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 156–163.
6. Kuras, L.V. (2016) Russian ethnic emigration in Manchukuo (on the materials of the Soviet Intelligence). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2. pp. 148–156. (In Russian).
7. Grulev, M.V. (2019) *Zapiski generala-evreya* [Notes of a Jewish General]. Moscow: V. Sekachev.
8. Kalmina, L.V. (2005) Sionizm v Sibiri v 1914–1920 godakh: evolyutsiya idei [Zionism in Siberia, 1914–1920: evolution of the idea]. In: Budnitsky, O.V. (ed.) *Mirovoy krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropeyskogo evreystva* [World Crisis of 1914–1920 and the Fate of East European Jews]. Moscow: ROSSPEN. pp. 203–214.
9. Felshtinskiy, Yu. (1989) *VChK – GPU* [VChK – GPU]. Vermont: Chalidze.
10. The Archive of the Office of the Federal Security Service of Russia for the Republic of Buryatia. Fund 3. List 1. File 2.
11. Kuras, L.V. (2016) USSR – Manchukuo: The Jewish Question on both sides of the border, 1934–1941. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. History*. 17. pp. 89–99. (In Russian).
12. Dudin, P.N., Kuras, L.V., Tsybenov, B.D. et al. (2016) *Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man'chzhou-Go: istoricheskie ocherki* [State and quasi-state nature of Manchukuo: historical essays]. Irkutsk: Ottisk.
13. Krotova, M.V. (2014) *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920-e – 1950-e gg.)* [USSR and Russian emigration to Manchuria, 1920 – 1950s]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
14. Kuras, L.V. & Kalmina, L.V. (2018) Russkaya emigratsiya v Manchzhurii (pervaya polovina XX veka) [Russian emigration in Manchuria, the first half of 20th century]. In: Drobotushenko, E.V. (ed.) *Prigranichnyy rayon v istoricheskom razvitii* [Historical Development of the Border Region]. Vol. 2. Chita: Trans-Baikal State University. pp. 57–60.

15. Anon. (1942) *Beloemigratsiya v Man'chzhurii: v 3 t.* [White emigration in Manchuria. In 3 vols]. Chita: NKVD Office of Chita Region.
16. Zhuravlev, V.N. & Brener, I.S. (2011) *Kniga pamyati i spiski zhertv repressii na territorii Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [Memoria Book and the list of repression victims in the Jewish Autonomous Region]. Birobidzhan: OOO Okarina.
17. Gurevich, V.S. & Ryanskiy, F.N. (eds) (1999) *Evreyskaya avtonomnaya oblast': entsiklopedicheskiy slovar'* [Jewish Autonomous Region: An Encyclopedic Dictionary]. Khabarovsk: RIOTIP.
18. Tokayer, M. & Swartz, M. (2004) *The Fugue Plan: the Untold Story of the Japanese and the Jews during World War II*. Jerusalem; New York: Gefen Publishing House.
19. Kase Khindzaki. (1971) Evrei v Yaponii [Jews in Japan]. *Tyuyu koron.* 5. pp. 243–245.
20. Masaaki Siraisi. (2007) Yaponskiy diplomat Sugikhara Tiune, kotoryy spas 6000 evreev [Japanese diplomat Sugihara Chiune who saved 6,000 Jews]. *Zametki po evreyskoy istorii, traditsii, kul'ture.* 17(89). [Online]. Available from: http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer18/Zinberg1.htm (Accessed: 10th July, 2020).
21. Smirnov, S.V. (2012) "Proshedshie vse stupeni": uchastie rossiyskikh ofitserov v gosudarstvennykh strukturakh Man'chzhou-Go [Passing through all the steps: participation of Russian officers in Manchukuo states structures]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo un-ta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 3(5). pp. 108–126.
22. Altman I.A. (2014) Pravednik narodov mira Tiune Sugikhara [Righteous Among the Nations Chiune Sugihara]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 184–203.
23. Maksimenkov, L. (2019) Evreyskiy tranzit. Podrobnosti spetsoperatsii, v kotoroy pouchastvovali gestapo, NKVD i yaponskie spetssluzhby [Jewish transit. Details of the special operation in which Gestapo, NKVD and Japan secret services participated]. *Ogonek.* 47. pp. 20–24.
24. Chlenov, M.A. (2015) Pravedniki narodov mira [Righteous Among the Nations]. In: Kravets, S.L. (ed.) *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 27. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl. p. 334.

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/71/25

К.А. Мурастова, Э.Р. Григорян

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВА О «РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЕ» И ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 18-78-10062 «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.».

Анализируется конструирование традиционной православной идентичности на постсоветском пространстве через актуализацию идей о связях России и Палестины как Святой земли. Анализируется деятельность паломников, православных храмоздателей, а также сибирских отделений воссозданного Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в 2000-е гг., актуализированная в нарративах о «Русской Палестине». С помощью интервью и текстуального анализа исследуются истоки и функции представлений о необходимости русского присутствия на Святой земле, выявляется их влияние на деятельность информантов.

Ключевые слова: традиционализм; православие; Русская Палестина; ИППО; православная религиозность в Сибири; идентичность; сакральная география.

Необходимость присутствия на Святой земле и устойчивых духовных связей с ней – идея, традиционная для христианской культуры. Приближение к сакральному пространству Палестины как к месту начала христианской истории может обеспечиваться как через паломничество, так и путем исторических репрезентаций. Одним из ярких примеров выстраивания связей между сакральным ландшафтом Палестины и русским православием являются концепты «Русской Палестины» и «Нового Иерусалима».

История первого концепта связана с деятельностью Русской духовной миссии и созданного в 1882 г. Императорского православного палестинского общества (ИППО) в Иерусалиме. В работах известных палестиноведов, представителей ИППО, О.Г. Пересыпкина [1. С. 116–117, 120] и Н.Н. Лисового [2] термин «Русская Палестина» применяется по отношению к «русскому подворью» или «русским постройкам» в Иерусалиме XIX в. «Русская Палестина» понимается авторами в материальном смысле как «инфраструктура русских храмов, монастырей, земельных участков и подворий», а в духовном – как «островок отечественной духовности и культуры» и место русского духовного присутствия в Святой земле, значимой в сакральной географии всего христианского человечества [Там же].

Анализ архивных источников, проведенный коллективом авторов в рамках проекта, финансируемого Российским научным фондом (№ 18-78-10062 «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.»), однако, не зафиксировал широкого употребления этого термина в XIX в. (в документах эпохи встречаются словосочетания «русские постройки» и «русское место»). Данный факт, как и некоторые тезисы Н.Н. Лисового [3], позволяет предположить, что конструкт, вербализованный в словосочетание «Русская Палестина», мог войти в широкий научный и общественно-политический дискурс уже в 1990–2000-е гг. в связи с активизацией деятельности ИППО. Так, например, во вступительной статье к сборнику «Россия в Святой Земле. Документы и материалы» Н.Н. Лисовой пишет: «Равным образом люди Святой Земли: арабы, евреи, греки, армяне, копты, абиссинцы, соприкоснувшись с русскими паломниками, с русской душой, с русским щедрым жертвованием на нужды Святого Града и его обитателей, тоже бывали отмечены той же, внешне порой трудно уловимой причастностью к таинственной общности, которую дерзнем назвать именем Русской Палестины» [Там же. С. 9]. Впрочем, единичные случаи употребления понятия «Русская Палестина» вне контекста деятельности ИППО встречаются в источниках начала XX в., например в заметках духовного писателя И.П. Ювачева, отца Даниила Хармса [4. С. 219].

На использование в современном дискурсе словосочетания «Русская Палестина» как метафоры, на наш взгляд, могло оказать влияние развитие другого связанного концепта – «Новый Иерусалим». Так, например, ученый секретарь музея «Новый Иерусалим» в интервью 2020 г. поделился воспоминаниями о разработке в конце 1990-х – начале 2000-х гг. проекта на базе Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, который его участники называли «Российская Палестина» или «Русская Палестина». Немаловажную роль в его развитии сыграл патриарх Алексий II, который в одном из текстов лично исправил словосочетание «Российская Палестина» на «Русская Палестина» [5]. В 2000-е гг. понятие «Русская Палестина» актуализировалось и стало активно использоваться по отношению к Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю в документалистике [6], научных и научно-популярных текстах [7], в описании туристической рекреационной зоны. Например, в оформлении железнодорожной станции г. Истра используется информационная табличка с заглавием «Русская Палестина» вместо «Истра» (материалы из экспедиции авторов в г. Истра в 2020 г.).

Понятие «Новый Иерусалим», очевидно, имеет более древние корни, чем «Русская Палестина». Воскресенский Новоиерусалимский монастырь в Истре (Московская область), созданный еще в XVII в., является одним из наиболее известных объектов, ассоциируемых с «Новым Иерусалимом» в России [8]. Однако Новый Иерусалим как Небесный Город, образ Царства Небесного, упоминался еще в Библии и встречался в культуре различных ветвей христианства. Так, обширный опыт изучения этого феномена в рамках иеротопического подхода представлен в сборнике статей под редакцией А. Лидова, в котором различные авторы описывают Новые Иерусалимы как пространственный образ Святой земли в античной, европейской, русской, американской культурах [9].

Таким образом, понятие «Новый Иерусалим» может использоваться по отношению к многим сакральным объектам, ассоциируемым с особой святостью. Одно из современных явлений, связанных с этой проблемой, – метафора «Сибирский Иерусалим». Конструкт, вербализованный в метафору «Сибирский Иерусалим», является предикатной частью других метафор, выступает в качестве описательного оборота к основным субъектам, обозначающим города (например, Каинск или Енисейск) и перефразирует их, «переназывает» («Каинск – “Сибирский Иерусалим”»; «Енисейск – “Сибирский Иерусалим”»). Но важно подчеркнуть, что одинаково построенные синтаксические конструкты с фразеосхемой «Сибирский Иерусалим» и основным субъектом, обозначающим город, наполнены нетождественными смыслами, отличающими одну метафору от другой. Например, при мотивационном анализе текстов региональных средств массовой информации можно выявить, что «Каинск – “Сибирский Иерусалим”» и «Енисейск – “Сибирский Иерусалим”» имеют разное смысловое содержание, так как актуализируют разные составляющие значения символа «Иерусалим». Подобное происходит при потребности поиска пространственно-семиотической идеи города и способа ее реализации, так как данные метафоры функционируют как трансляторы культурно-исторических символов Иерусалима и аккумулируют их в пространстве сибирского города, тем самым актуализируя интерес к его истории и культуре [10]. В 2000-х гг. определение «Сибирский Иерусалим» начинает активно употребляться в православном медиадискурсе относительно признанных сакральных мест регионального, сибирского, значения (таких как Тобольск или Енисейск) [11].

Как православные традиционалисты Сибири конструируют связи со Святой землей сегодня, и каким образом это влияет на формирование традиционной идентичности?

В процессе исследования авторы выявили три основных способа конструирования духовных связей между «Русской Палестиной» и Россией. Первый – это традиционная миссионерская работа с паломниками и само паломничество как духовная практика. Второй – общественная деятельность, организованная патриотическим или религиозным сообществом. Третий – воспроизведение сакральных ландшафтов Палестины в локальном пространстве, например в архитектуре или с помощью других художественных практик.

Для изучения процессов конструирования традиционной идентичности были привлечены следующие группы источников:

1) текстуальные и визуальные источники, связанные с опытом пребывания на Святой земле в 1990–2000-е гг., в том числе записки паломников, упоминания в печатной прессе и статьи в электронных СМИ, на сайтах организаций или в социальных сетях представителей исследуемых сообществ;

2) антропологические данные – результаты включенного наблюдения, а также глубинные и формализованные интервью, проведенные в 2019–2020-х гг. с представителями региональных сообществ, а также с членами московского отделения ИППО и представителями Русской Духовной миссии в Иерусалиме.

Выбор ИППО в качестве одного из основных сообществ исследования обусловлен распространенностью в дискурсе организации представлений о необходимости русского присутствия на Святой земле, а также о сакральной роли Святой земли для православной культуры и русского мира в целом. При этом одним из центральных предметов исследования для нас являлась деятельность сибирских отделений ИППО, которые были созданы не так давно (в 2015–2016 гг.).

Выбор сибирского региона в исследовании обусловлен его удаленностью как от географической «Палестины», так и от центральных русских святынь. Эта особенность влияет на практику конструирования традиции. Многие сибиряки редко выезжают за пределы России или даже своего региона. Некоторые информанты никогда не были на Святой земле, но они чувствуют духовную связь между Россией и христианской Палестиной как нечто, составляющее их идентичность.

Теоретическая основа исследования

В основе нашего подхода – классические концепции изобретения традиции (Э. Хобсбаум и Э. Гидденс). Согласно данным концепциям так называемое «изобретение традиции» имеет не только политическую и экономическую мотивацию, описанную Э. Хобсбаумом [12]. Традиция необходима для создания прочной «основы» для личной и групповой идентичности человека, нуждающегося в моральном долженствовании и в чем-то, за что «можно умереть» (Э. Гидденс) [13. P. 83].

Традиционалист конструирует историческое повествование или историческую репрезентацию, которая, по сути, представляет собой набор «инструкций», связанных с базовой культурной и исторической структурой [14]. Этот набор коллективных знаний и идей поддерживается посредством социального взаимодействия [15]. Обращение к концепции «исторической репрезентации» Ф. Анкерсмита показывает, что репрезентация не имеет «истинного» или «ложного» значения. Историческая репрезентация, по Ф. Анкерсмиту, – попытка представить отсутствующий объект из прошлого «присутствующим» в настоящем, и ее критический анализ не имеет смысла, поскольку про-

шлое представляется ее носителям максимально реалистичным [16. С. 242–246].

Идеи, изучаемые в данном исследовании, также связаны с преодолением исторических разрывов и травм. Понятие травмы, разработанное Дж. Александером, используется со ссылкой на «болезненные свойства, приписываемые историческому событию» [17]. По словам Дж. Александера, воспоминания о прошлом избирательно направляют деятельность и придают ей эмоциональный эффект, независимо от того, произошли ли исторические события на самом деле. Между ранее не связанными между собой событиями, структурами и действиями в сознании индивида существует определенная взаимосвязь, которая придает смысл существованию и помогает ставить цель деятельности [18].

Социальная ценность этих взаимосвязей обусловлена тем, что историческая память является частью коллективной памяти. При этом социальная ценность исторического наследия закрепляется в материальных символах – архитектуре, иконографии, живописи. Дж. Александер объясняет этот механизм с помощью так называемого «иконического сознания»: чувственный опыт, полученный во время контакта с предметами искусства и просто эстетическими образами, делает восприятие прошлого аффективным и, как следствие, более запоминающимся [19. С. 782].

Для ответа на вопрос о том, как историческая репрезентация «Русской Палестины» связана с содержанием православной идентичности, оговорим авторский подход к пониманию механизмов конструирования идентичности. В рамках социологического подхода к пониманию этого феномена (Г. Зиммель, Дж. Мид) мы считаем, что для формирования идентичности важен контекст социального взаимодействия, которое, помимо организации повседневных практик, помогает установить границы между сообществами условно «своих» и «чужих» [20]. Также в процессе социального конструирования реальности важную роль играют знание и его легитимация (П. Бергер и Т. Лукман) [15], язык и повествовательная деятельность (в концепции повествовательной, или «нарративной», идентичности П. Рикёра) [21, 22].

Механизмы социальных аспектов идентификации также помогают понять теории «коллективной памяти» и коммеморации (П. Нора, М. Хальбвакс, Я. Ассман). Знанию о прошлом требуется придать некую материальную, зримую форму, а также обеспечить его воспроизведение в интеллектуальных и художественных творческих продуктах – музейных экспозициях, предметике, фотовыставках, памятниках, паломнических маршрутах, топонимике и т.д. В ситуации кризиса традиционных ценностей и информационной турбулентности эти практики не только помогают обеспечить преемственность традиций, но и способствуют организации индивидуальной памяти и эмоциональной объективации переживания человеком исторических событий.

Анализ источников показал, что в исследуемом сообществе проявляются практически все перечисленные факторы формирования идентичности – производство знания и его легитимация, повествовательная деятельность, коммеморация. Это происходит как в рамках активности общественных организаций (церкви, паломнических групп, современных дворянских обществ и ИППО), так и в творческой и интеллектуальной деятельности отдельных паломников на Святую землю, оставляющих свои записки и воспоминания.

Результаты и выводы

В рамках исследования нарративов о духовных связях между Россией и Палестиной, распространенных в Сибири, мы рассматривали ряд вопросов. Что дает человеку историческая репрезентация «Русской Палестины»? Как она влияет на организацию повседневной деятельности православных традиционалистов? Почему идея о «Русской Палестине» становится популярной в современной Сибири?

Материалы для анализа были взяты как из уже опубликованных текстов представителей исследуемого сообщества (паломнических записок, статей в СМИ, сайтов организаций, работающих с паломниками), так и в ходе антропологической работы. В рамках проекта авторами в 2019–2020 гг. были проведены глубинные интервью с представителями сибирских епархий (12 человек), настоятелями храмов и священнослужителями (8 человек), организаторами паломнических туров (4 человека), экспертные интервью с членами ИППО (5 активистов главного отделения общества в Москве и 10 представителей региональных отделений в Сибири – в Барнауле и Красноярске), проведены одна фокус-группа в сибирской епархии (Красноярск), включенное наблюдение в местах, ассоциируемых с «Сибирским Иерусалимом» (Красноярск, Барнаул, Новокузнецк, Омск, Ленинск-Кузнецкий).

В список проблемных вопросов, включенных в интервью с информантами, входили вопросы:

– о необходимости установления духовных связей между Россией и христианской Палестиной, а также о необходимости русского присутствия на Святой земле;

– о локальных местах в Сибири, которые ассоциируются с Иерусалимом или Палестиной, и причинах этих ассоциаций;

– о разрывах и преемственности в традициях дореволюционных и современных православных сообществ, деятельность которых связана с концептами «Русская Палестина» и «Новый Иерусалим» (например, деятельность дореволюционного и современного ИППО или сравнение дореволюционных и современных «Новых Иерусалимов»);

– о миссии сообществ и направлениях их деятельности.

Анализ показал присутствие в исторических представлениях информантов критического переосмысления советского прошлого, сопровождающегося переживанием исторической травмы.

Ущерб, нанесенный религиозности в советское время, аргументируется гибелью людей, пострадавших за веру («царственных страстотерпцев», новомучеников, советских священнослужителей), а также переживаниями гонений на православную религиозность, разрушениями храмов, потерей русской собственности

в Палестине в результате «апельсиновой сделки». Так, митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон в беседе, проведенной летом 2019 г. в Красноярске, среди миссий ИППО отметил необходимость «сохранить наследие» той работы, которая велась ИППО в Палестине и на Ближнем Востоке в целом, а также тот факт, что «благодаря этой работе сохранилось то, что сохранилось в Палестине – то, что Никита Сергеевич Хрущев не успел уничтожить и распродать» [23, 24].

Некоторые аспекты этих переживаний отражаются в коммеморации мест, ассоциируемых с «Сибирскими Иерусалимами». Так, например, Ачаирский женский монастырь, называемый в текстах СМИ и паломнических маршрутах «Сибирская Голгофа», возник в 1991–1992 гг. на месте бывшей колонии № 8 ГУЛАГа [25, 26]. Монастырь был воздвигнут при материальной поддержке сына одного из узников колонии на территории сельскохозяйственных полей, на которых работали заключенные. «Сибирской Голгофой» называется как комплекс монастырских построек в целом, так и нижний придел Успенского собора, расположенного на территории монастыря в частности [26]. Доминантой пространства, оформленного в стиле пещерного храма, является поклонный крест, ассоциируемый с Голгофой, перед которым располагается мемориал с прахом погибших в ГУЛАГе заключенных.

Иконография придела представлена иконами, изображающими трагедию новомучеников, например изображениями солдат РККА, ведущих на расстрел монахинь и священнослужителей. Кроме того, в пространстве храма присутствует икона с изображением Николая II и его сына, которые напрямую не связаны с историей монастыря, но их образ важен как символ «Былой России» и «царственных страстотерпцев», пострадавших от советской власти [Там же].

Несмотря на борьбу с религиозностью в советское время, традиция духовных связей России и Палестины не считается информантами прерванной и реконструируемой (в значении «изобретаемой»). Во-первых, отмечается длительный и, как следствие, исторически устойчивый характер этой связи. Нередко, говоря об истоках русского паломничества на Святую землю, представители сообщества апеллируют не к XIX в., а к путешествию Игумена Даниила в XII в., упоминая не только сам факт его хождений, но и присутствие памяти о нем на Святой земле и «древность православного присутствия» в этом месте [27; 28. С. 53; 29. С. 19].

Во-вторых, важная роль в исследуемом сообществе отводится деятельности зарубежного православного сообщества по сохранению русского присутствия на Святой земле в советский период [23, 30], а также деятельности Российского Палестинского общества, обеспечившего дипломатическое представительство России на Ближнем Востоке [23] и научно-исследовательскую преемственность в деятельности дореволюционного и современного ИППО [31].

Необходимость восстановления духовных связей между Россией и Палестиной связана с другой ощущаемой информантами необходимостью – восстановления подлинного культурного наследия, связанного с христианской традицией. Например, отмечается необходимость возрождения идей и принципов дворянского сословия «в новом дворянстве» [23]. В деятельности сибирских отделений ИППО участвуют представители Российского Дворянского Собрания (РДС) [23, 32]. Интересно, что сама «Русская Палестина» также воспринимается в исследуемой среде как место, где хорошо сохранилось дореволюционное русское наследие, в том числе благодаря образовательным учреждениям, созданным на Святой земле представителями ИППО и Русской духовной миссии [23, 30].

При этом в формирующейся на основе возрождения былых ценностей идентичности не доминирует этнический компонент, но смешиваются культурный, религиозный (православный) и монархический (имперский) факторы. Эта идентичность в исследуемом сообществе может конструироваться разными средствами: через социальное взаимодействие, коммеморативные практики, общественную, интеллектуальную, творческую деятельность, паломничество на Святую землю или к местным святыням, ассоциирующимся с христианскими палестинскими топосами. В последних установление связей между «русским миром» и Палестиной также происходит посредством иеротопического творчества.

Так, например, в Кемеровской области в 1990-е – начале 2000-х гг. появились такие объекты, ассоциирующиеся с Иерусалимом, как Храм Святого мученика Иоанна Воина в с. Зыряновском (Новокузнецк) [33], в ландшафте которого воспроизведены гора Голгофа, средиземноморские пейзажи и посвященный Афону «Сад Богородицы», и Церковь Горы Голгофа в г. Ленинск-Кузнецкий (храм пещерного типа, построенный в форме горы с поклонным крестом) [34]. В Алтайском крае образ «Нового Иерусалима» был воспроизведен в иконографическом пространстве Храма в честь 14 000 Вифлеемских младенцев-мучеников [35]. В Красноярском крае метафора «Сибирский Иерусалим» стала использоваться в отношении Енисейска, особенно в преддверии 400-летия города. Последнее, по словам руководителя местного паломнического центра, можно связать с тем, что Енисейск в Красноярском крае воспринимается как «концентрация святынь», поскольку на небольшой город численностью около 20 тыс. человек, приходится 18 существовавших до революции и 7–8 восстановленных к нашему дню храмов [36].

Несмотря на некоторые различия в сообществе информантов (не все участники исследования являлись представителями ИППО, часть представляли местные епархии, паломнические центры или сообщество при отдельных храмах), в их представлениях прослеживаются некоторые общие черты, относящиеся к исследуемому контексту. Одной из них можно назвать необходимость российского присутствия в Иерусалиме и защиты православных интересов на Святой земле. В исторических представлениях информантов эта необходимость становится важным компонентом национально-формирующей идеи, являющейся частью русской идентичности. Россия в исследованных нарра-

тивах предстает как «страна – защитница православия», которая должна охранять христианские святыни на Святой земле, а христианская Палестина воспринимается как сакральный ландшафт подлинной, раннехристианской истории.

Немаловажную роль в установлении связей между «русским миром» и христианской Палестиной в исследованном сообществе играет деятельность ИППО. Несмотря на то, что приход ИППО в Сибирь на современном этапе произошел после появления в Сибири «Новых Иерусалимов», на наш взгляд, он активизировал деятельность местных православных сообществ по выстраиванию связей со Святой землей и конструированию местных сакральных ландшафтов, ассоциируемых с палестинскими топосами.

Одной из причин востребованности нарративов о «Русской Палестине» в Сибири также может быть удаленность Сибири от исторического центра России, где сохранилось больше дореволюционных сакральных ландшафтов. Во-первых, воспроизведение Святой земли в местном сакральном ландшафте “усиливает его молитвенную силу” [34, 37]. Во-вторых, отдаленность региона увеличивает ценность Святой земли для местных верующих. Для многих сибиряков поездка в Иерусалим – единственный опыт или одна из немногих поездок в их жизни. Поэтому в их восприятии образы Святой земли приобретают еще большую ценность и святость. Значение паломничества также становится ближе к его изначальному смыслу (преодоление, лишение, подвиг).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пересыпкин О.Г. Культурно-исторический феномен «Русская Палестина» // Обозреватель – Observer : Научно-аналитический журнал. 2016. № 8 (319). С. 105–121.
2. Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Императорское православное палестинское общество. URL: https://www.ippo.ru/historyippo/article/russkoe-duhovnoe-prisutstvie-v-svyatoy-zemle-v-xix-200501 (дата обращения: 06.07.2020).
3. Лисовой Н.Н. К истории русского духовного и политического присутствия в Святой земле и на Ближнем Востоке // Россия в Святой Земле : Документы и материалы : в 3 т. М. : Индрик, 2015. Т. 1. С. 9–68.
4. Ювачев И.П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню : очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб : Александро-Невск. о-во трезвости, что при Воскресен. церкви «О-ва распространения религиозно-нравств. просвещения в духе православ. Церкви», 1904. - XVI, 368 с.
5. Полевые материалы участников проекта Российского научного фонда № 18-78-10062 «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.» (далее – Полевые материалы авторов): Интервью с ученым секретарем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (Сергей Михайлович Завьялов, 2020).
6. Русская Палестина : документальный фильм / автор, сценарист и режиссер Галина Леонтьева, оператор Александр Вдовин, при участии Геннадия Беляева; звукорежиссер Александр Баканов, озвучивали Антон Эльдаров, Елена Ларина. М. : Центр-студия национального фильма «21 век», 2010. 1 CD-ROM (46 мин. 41 с.).
7. Зеленская Г.М. Елеонская часовня в Новом Иерусалиме // Утраченный Божий дом. URL: http://www.istra-ltc.ru/book/zelenskaya-eleonskaya.htm (дата обращения: 29.09.2020).
8. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим под Москвой. Аспекты замысла и новые открытия // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М. : Индрик, 2009. С. 745–773.
9. Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств : сб. ст. / под ред. А.М. Лидова. М. : Индрик, 2009. 912 с.
10. Шаповалов М.С., ГригорянЭ.Р. Пространственно-семиотические метафоры Каинска: «Сибирский Иерусалим» или «Второй Иерусалим» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 116–121.
11. Рябинина Т. Как Сибирский Иерусалим готовиться к юбилею // Комсомольская правда. 2019. № 17. С. 33.
12. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. VII, 320 p.
13. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. New York : Routledge, 2003. 104 p.
14. Brockmeyer J., Harre R. Narrativ: Problems and Promises of an Alternative Paradigm // Problems of Philosophy. 2000. № 3. P. 29–42.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
16. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
17. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–39.
18. Eyerman R. Social theory and trauma // ActaSociologica. 2013. Vol. 56, № 1. P. 41–53.
19. Alexander J.C. Iconic consciousness: the material feeling of meaning // Environment and Planning D: Society and Space. 2008. Vol. 26. P. 782–794.
20. Simmel G. Group Expansion and the Development of Individuality // Georg Simmel on Individuality and Social Forms / ed. by D.N. Levine. Chicago : University of Chicago Press, 1971. P. 251–293.
21. Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с франц. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
22. Рикёр П. Я-сам как другой : пер. с франц. М. : Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
23. Полевые материалы авторов: Фокус-группа в Красноярской епархии (митрополит Пантелеимон, О. Гонюхов, С. Тюрина, А. Ерцкин, Н. Черных и др., 2019), ответ митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона на вопрос о преемственности в традициях дореволюционного и современного ИППО.
24. Байназаров Э. «Это собственность Израиля. Спасибо Хрущеву» : интервью Сергея Степашина газете «Известия». 2019. 26 дек. URL: https://iz.ru/957305/elnar-bainazarov/eto-sobstvennost-izrailia-spasibo-khrushchevu (дата обращения: 19.09.2020).
25. Сибирская Голгофа. История колонии № 8 – история Ачаирского монастыря // Аргументы и Факты. 2019. 06 нояб. № 45. URL: https://omsk.aif.ru/society/sibirskaya_golgofa_istoriya_kolonii_8_istoriya_achairskogo_monastyrya (дата обращения: 09.08.2020).
26. Полевые материалы авторов: Интервью с монахиней и экскурсоводом Ачаирского женского монастыря (матушка София, Омск, 2020).
27. Полевые материалы авторов: Интервью с директором музея ИППО в Москве (Григорий Маневич, 2020); Интервью с представителями паломнического центра «Паломник» (Новокузнецк, 2019).
28. Ильюнина Л.А. Иерусалимские встречи, или Десять дней на Святой Земле. Азбука веры, 2020. 99 с.
29. Пятилетова И.В. Странствия русского пилигрима. Святая Земля. М. : Берега, 2018. 30 с.
30. Полевые материалы авторов: Интервью с представителями Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Игумен Никон Головко, 2019; матушка Мария, 2019); интервью с создателем Алтайского отделения ИППО в Барнауле (Митрополит Сергий, 2019).
31. Полевые материалы авторов: Интервью с представителями Научной секции ИППО (С.Ю. Житенев, Р.Б. Бутова, Москва, 2020).
32. В Алтайском крае прошла торжественная акция, посвященная 100-летию трагической гибели Царской семьи. 2018. 12 июля. URL: https://www.ippo.ru/news/article/v-altayskom-krae-proshla-torzhestvennaya-akciya-po-404535 (дата обращения: 08.11.2020).
33. Мурастова К.А. Современный «Новый Иерусалим» в Сибири (на примере храма святого мученика Иоанна Воина Новокузнецкой епархии) // Визуальная теология. 2020. № 1. С. 67–83. DOI: 10.34680/vistheo-2020-1-67-83.

34. Полевые материалы авторов: Интервью и включенное наблюдение в Храме Горы Голгофа в г. Ленинск-Кузнецкий (иерей Андрей Таламонюк, Ленинск-Кузнецкий, 2020).
35. Крейдун Ю.А., протоиерей; Лидов А.М. Святая Земля в пространстве Храма. Новая Церковь Святых Вифлеемских Младенцев в Барнауле. Москва–Барнаул : Алт. дом печати, 2018. 112 с.
36. Полевые материалы авторов: Интервью с руководителем паломнического центра (Светлана Тюрина, Красноярск, 2019).
37. Полевые материалы авторов: Интервью с настоятелем Храма 14 000 Вифлеемских младенцев-мучеников (протоиерей Георгий Крейдун, Барнаул, 2019).

Ksenia A. Murastova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: zharch@mail2000.ru.
Eliza R. Grigoryan, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: E-mail: elizagri@mail.ru.

CONSTRUCTING A "RUSSIAN PALESTINE" NARRATIVE IN MODERN SIBERIA AS A PART OF ORTHODOX IDENTITY

Keywords: traditionalism; Orthodoxy; Russian Palestine; IOPS; Orthodox religion in Siberia; identity; sacred geography.

The article considers the usage of the "Russian Palestine" concept for a forming of traditional Orthodox identity in post-soviet space. A specific subject of research is the activity of the reconstructed Imperial Orthodox Palestinian Society (IOPS) in the 2000s in Siberia. The authors also consider the activities of Orthodox temple builders and pilgrimage services in Siberian cities that are not associated with the activities of the IOPS. Theoretical framework of studying community ideas is based on approaches by E. Hobsbaum and A. Hiddens to modern traditionalism, notion of cultural trauma by J. Alexander and F. Ankersmith concept of historical representation. The authors apply a sociological approach to identity and consider such mechanisms of identity formation as social interaction, the production of knowledge and its legitimation, commemorative practices.

The data include texts of modern pilgrims, media materials and community texts in open space, as well as anthropological data (interviews and observation), collected during expeditions to such Siberian cities as Krasnoyarsk, Barnaul, Novokuznetsk, Omsk, Leninsk-Kuznetsky in 2019–2020. The data was obtained in interviews with representatives of dioceses, rectors of churches and clergy, organizers of the pilgrimage, members of the IOPS.

The article analyzes the construction of traditionalist narratives about the need for a Russian presence in the Holy Land and the links between the "Russian world" and Palestine as a place significant for the formation of Orthodox identity. The article identifies specific ways of building spiritual ties between Palestine and Russia, their role in social interaction and collective memory. It is stated that the historical representations of the informants prompt them to take active steps to actualize the connection between Russian World and Christian Palestine. Thus some of them do missionary work for pilgrimages to Palestine, revive memory of pre-revolutionary Russia, provide orthodox values through educational or cultural work, recreate the Palestine sacred landscapes in the temple space or construct metaphors on their basis used as local brands.

An important role in the historical representations of informants is played by the narratives of the late Romanovs (who were at the origins of the historical Imperial Orthodox Palestinian Society). Ideas about the need to maintain the memory of the Romanovs in modern culture are explored. The reasons for the relevance of the investigated "Russian Palestine" concept in the Siberian Orthodox community are revealed. It is stated that they may be associated with the specifics of the Siberian region, such as remoteness from national shrines, the high value of pilgrimage trips for religious experience, sensitivity to historical trauma due to the Siberian place in history of soviet fight with orthodoxy, white movement, colonies, camps and tragedy of new martyrs and passion bearers.

REFERENCES

1. Peresypkin, O.G. (2016) Kul'turno-istoricheskiy fenomen "Russkaya Palestina" ["Russian Palestine" as a cultural and historical phenomenon]. *Obozrevatel' – Observer*. 8(319). pp. 105–121.
2. Lisovoy, N.N. (n.d.) *Russkoe dukhovnoe prisutstvie v Svyatoy Zemle v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual presence in the Holy Land in the 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: https://www.ippo.ru/historyippo/article/russkoe-duhovnoe-prisutstvie-v-svyatoy-zemle-v-xix-200501 (Accessed: 6th July 2020).
3. Lisovoy, N.N. (2015) K istorii russkogo dukhovnogo i politicheskogo prisutstviya v Svyatoy zemle i na Blizhnem Vostoke [On the history of the Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East]. In: *Rossiya v Svyatoy Zemle: Dokumenty i materialy: v 3 t.* [Russia in the Holy Land: Documents and Materials: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Indrik. pp. 9–68.
4. Yuvachev, I.P. (1904) *Palomnichestvo v Palestinu k Grobu Gospodnyu: ocherki puteshestviya v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Siriyu, Palestinu, Egipet i Gretsiyu* [Pilgrimage to Palestine to the Holy Sepulchre: Essays on a journey to Constantinople, Asia Minor, Syria, Palestine, Egypt, and Greece]. St. Peterburg: Aleksandro-Nevsk. o-vo trezvosti.
5. Zavyalov, S.M. (2002) *Polevye materialy uchastnikov proekta Rossiyskogo nauchnogo fonda № 18-78-10062 "Voobrazhaemye territorii russkoy identichnosti: sluchay Palestiny XIX–XXI vv.": Interv'yu s uchenym sekretarem Voskresenskogo Novoierusalimskogo monastyrya* [Field materials of the participants of the Russian Science Foundation Project No. 18-78-10062 "Imaginary territories of Russian identity: The case of Palestine in the 19th – 21st centuries". Interview with the Scientific Secretary of the Resurrection New Jerusalem Monastery].
6. *Russkaya Palestina* [Russian Palestine]. (2010) Film. Directed by G. Leonteva. [CD-ROM]. Moscow: Tsentr-studiya natsional'nogo fil'ma "21 vek".
7. Zelenskaya, G.M. (n.d.) *Eleonskaya chasovnya v Novom Ierusalime* [The Olive Chapel in New Jerusalem]. [Online] Available from: http://www.istra-ltc.ru/book/zelenskaya-eleonskaya.htm (Accessed: 29th September 2020).
8. Zelenskaya, G.M. (2009) Novyy Ierusalim pod Moskvoy. Aspekty zamysla i novye otkrytiya [New Jerusalem near Moscow. Aspects of design and new discoveries]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow: Indrik. pp. 745–773.
9. Lidov, A.M. (ed.) (2009) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow: Indrik.
10. Shapovalov, M.S. & Grigoryan, E.R. (2020) Semiotic-spatial metaphors about Kainsk: "Siberian Jerusalem" or "The second Jerusalem". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 116–121. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/15
11. Ryabinina, T. (2019) Kak Sibirskiy Ierusalim gotovit'sya k yubileyu [How Siberian Jerusalem is preparing for the anniversary]. *Komsomol'skaya pravda*. 17. pp. 33.
12. Hobsbawm, E. & Ranger, T. (eds) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Giddens, A. (2003) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. New York: Routledge.
14. Brockmeyer, J. & Harre, R. (2000) Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Problems of Philosophy*. 3. pp. 29–42. DOI: 10.1207/s15327973rlsi3004_1

15. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
16. Ankersmith, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphors]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Alexander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 6–39.
18. Eyerman, R. (2013) Social theory and trauma. *ActaSociologica*. 56(1). pp. 41–53.
19. Alexander, J.C. (2008) Iconic consciousness: the material feeling of meaning. *Environment and Planning D: Society and Space*. 26. pp. 782–794. DOI: 10.1177/0725513610381369
20. Simmel, G. (1971) Group Expansion and the Development of Individuality. In: Levine, D.N. (ed.) *Georg Simmel on Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 251–293.
21. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
22. Ricoeur, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
23. Metropolitan Panteleimon, Gonyukhov, O., Tyurina, S., Ertskin, A., Chernykh, N. et al. (2019) *Polevye materialy avtorov: Fokus-gruppa v Krasnoyarskoy eparkhii, otvet mitropolita Krasnoyarskogo i Achinskogo Panteleimona na vopros o preemstvennosti v traditsiyakh dorevolyutsionnogo i sovremennogo IPPO* [Field materials: Focus group in the Krasnoyarsk diocese, the answer of the Metropolitan of Krasnoyarsk and Achinsk Panteleimon to the question of continuity in the traditions of the pre-revolutionary and modern IOPS].
24. Baynazarov, E. (2019) *"Eto sobstvennost' Izrailya. Spasibo Khrushchevu": interv'yu Sergeya Stepashina gazete "Izvestiya"* ["This is the property of Israel. Thanks to Khrushchev": Sergey Stepashin's interview to the Izvestia newspaper]. 26th December. [Online] Available from: https://iz.ru/957305/elnar-bainazarov/eto-sobstvennost-izrailia-spasibo-khrushchevu (Accessed: 19th September 2020).
25. *Argumenty i Fakty*. (2019) Sibirskaya Golgofa. Istoriya kolonii № 8 – istoriya Achairskogo monastyrya [Siberian Golgotha. The history of Colony number 8 – the history of the Achair monastery]. 6th November. [Online] Available from: https://omsk.aif.ru/society/sibirskaya_golgofa_istoriya_kolonii_8_istoriya_achairskogo_monastyrya (Accessed: 9th August 2020).
26. Mother Sofia. (2020) *Interv'yu s monakhiney i ekskursovodom Achairskogo zhenskogo monastyrya* [Interview with a nun and a tour guide of the Achair women's monastery]. The authors' field materials.
27. Manevich, G. (2020) *Interv'yu s direktorom muzeya IPPO v Moskve* [Interview with the director of the Moscow IOPS Museum]. The authors' field materials.
28. Ilyunina, L.A. (2020) *Ierusalimskie vstrechi, ili Desyat' dney na Svyatoy Zemle* [Jerusalem Meetings, or Ten Days in the Holy Land]. [s.l.]: Azbuka very.
29. Pyatiletova, I.V. (2018) *Stranstviya russkogo piligrima. Svyataya Zemlya* [The wanderings of the Russian pilgrim. Holy Land]. Moscow: Berega.
30. Hegumen Nikon Golovko, Mother Maria, Mitropolit Sergiy. (2019) *Interv'yu s predstavitelyami Russkoy Dukhovnoy missii v Ierusalime; interv'yu s sozdatelem Altayskogo otdeleniya IPPO v Barnaule* [Interview with representatives of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem; interview with the founder of the Altai Branch of the IOPS in Barnaul]. The authors' field materials.
31. Zhitenev, S.Yu & Butova, R.B. (2020) *Interv'yu s predstavitelyami Nauchnoy sektsii IPPO* [Interview with representatives of the IOPS Scientific Section]. Moscow. The authors' field materials.
32. IOPS. (2018) *V Altayskom krae proshla torzhestvennaya aktsiya, posvyashchennaya 100-letiyu tragicheskoy gibeli Tsarskoy sem'i* [A solemn action dedicated to the 100th anniversary of the tragic death of the Tsar's family was held in Altai]. 12th July. [Online] Available from: https://www.ippo.ru/news/article/v-altayskom-krae-proshla-torzhestvennaya-akciya-po-404535 (Accessed: 8th November 2020).
33. Murastova, K.A. (2020) Modern "New Jerusalem" in Siberia (on the example of the Church of the Holy Martyr John the Warrior in Novokuznetsk diocese). *Vizual'naya teologiya – Journal of Visual Theology*. 1. pp. 67–83. (In Russian). DOI: 10.34680/vistheo-2020-1-67-83.
34. Talamonyuk, A. (2020) *Interv'yu i vklyuchennoe nablyudenie v Khrame Gory Golgofa v g. Leninsk-Kuznetskiy* [Interview and Participatory Observation in the Temple of Mount Golgotha in Leninsk-Kuznetskiy]. Leninsk-Kuznetskiy. The authors' field materials.
35. Kreydun, Yu.A. & Lidov, A.M. (2018) *Svyataya Zemlya v prostranstve Khrama. Novaya Tserkov' Svyatykh Vifleemskikh Mladentsev v Barnaule* [Holy Land in the space of the Temple. New Church of the Holy Infants of Bethlehem in Barnaul]. Moscow; Barnaul: Alt. dom pechati.
36. Tyurina, S. (2019) *Interv'yu s rukovoditelem palomnicheskogo tsentra* [Interview with the head of the pilgrimage center]. Krasnoyarsk. The authors' field materials.
37. Kreydun, G. (2019) *Interv'yu s nastoyatelem Khrama 14 000 Vifleemskikh mladentsev-muchenikov* [Interview with the Rector of the Temple of 14,000 Bethlehem Infant Martyrs]. Barnaul. The authors' field materials.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 908/930.85/72.021.4
DOI: 10.17223/19988613/71/26

Г.М. Залесов, В.Г. Залесов

ИНЖЕНЕР-АРХИТЕКТОР М.Г. АРНОЛЬД. ПОЧЕМУ ПЕРВЫЙ СТРОИТЕЛЬ СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НЕ СТАЛ ОСНОВНЫМ?

На основе изучении рукописного Журнала Строительного комитета по возведению зданий сибирского университета в городе Томске реконструирована фактическая деятельность первого строителя здания – инженера-архитектора М.Г. Арнольда. Он находился в должности с апреля по декабрь 1880 г. Период краткий, но значимый, как во всяком деле существенно начало. Выявлена динамика его взаимоотношений и конфликты как члена Строительного комитета, представлены наиболее вероятные причины его отставки. Высказаны предположения, почему первый строитель университета не оказался основным, показаны последствия увольнения М.Г. Арнольда.
Ключевые слова: Сибирский университет; строительный комитет; инженер-архитектор М.Г. Арнольд.

В монографиях и научных работах, где описано начало возведения зданий Томского университета, имя первого строителя М.Г. Арнольда только упоминается [1. С. 79]. Его вклад на самом начальном этапе строительства не получил отражения в научных публикациях, кроме недавней нашей статьи [2]. В основном опираясь на воспоминания устроителя университета профессора В.М. Флоринского его деятельности дается нейтральная, но чаще негативная оценка [3. С. 16, 4. С. 6–7]. Не полностью раскрыта суть конфликтов, возникших между М.Г. Арнольдом и участниками строительного процесса, есть неясности его увольнения.

Цель данной статьи – представить более широкое оценочное поле деятельности первого строителя университета М.Г. Арнольда. При этом нами преследовались задачи: изложить фактический вклад первого инженера-архитектора в начало строительства зданий университета обобщенно (подробнее – это отдельная тема); выявить динамику взаимоотношений и конфликты М.Г. Арнольда с членами Строительного комитета (далее – СК) и местными деятелями; обозначить наиболее вероятные, на наш взгляд, причины того, что первый строитель не оказался основным; показать некоторые последствия увольнения М.Г. Арнольда из СК.

Основными источниками для нас явились регулярные записи рукописного Журнала СК [5], а также воспоминания современников и информация прессы. Поскольку М.Г. Арнольд пробыл в Томске всего девять месяцев, то хронологически мы ограничены в основном 1880 г. и частично, по необходимости, более поздним временем. Период краткий, но значимый, как во всяком деле существенно начало. Полагаем, что для истории создания Томского университета представляется важным устранить отмеченные выше пробелы томского периода деятельности первого строителя – инженера-архитектора М.Г. Арнольда, положившего начало строительству и подготовившего торжество закладки главного здания университета 26 августа 1880 г.

Короткий в Сибири весенне-летне-осенний период – с мая по октябрь – всегда насыщен хозяйственно, а для большой стройки тем более. М.Г. Арнольд, 42-летний инженер-архитектор, прибыл в Томск к началу апреля 1880 г. Он уже имел опыт возведения ряда зданий и преподавания «строительного искусства» в высшем учебном заведении, был известен многими публикациями в журнале «Зодчий» [6]. В Санкт-Петербурге для Томска он принял две миссии: по инициативе купца Е.И. Королева – заняться восстановлением обрушившегося Троицкого собора, а по предложению автора проекта академика А.К. Бруни – быть первым строителем Сибирского университета и членом СК (утвержден 15 марта 1880 г. № 3363 Министром народного просвещения (далее – МНП).

За два месяца, до приезда особого представителя МНП В.М. Флоринского и начала работы СК, М.Г. Арнольд завершил дела с Е.И. Королевым и успел изучить томский строительный рынок. Подробности строительства собора хорошо описаны в обширном труде К.Н. Евтропова [7], а о состоянии строительного рынка есть свидетельство и.о. губернатора В.И. Мерцалова. Он, прибыв в апреле 1880 г. на службу, как председатель СК отмечал: «В Томске строительные потребности крайне ограничены, а потому не было там ни строительных складов, ни лесных дворов, ни каких-либо техников, а биржа труда существовала только на Черемошинской пристани… чернорабочие… на другие работы не шли» [8. С. 50]. Стройматериалов было совсем мало.

На первых заседаниях СК, 3 и 10 июня, архитектор М.Г. Арнольд докладывал о возможностях стройки университета. В соответствии со сметой по проекту А.К. Бруни он дал свои расчеты потребностей в объемах кирпича, бутового камня, извести, песка, лесоматериалов на все университетские здания. Главным был

кирпич: 30 мелких частных «кирпичеделательных» заводов здесь не могли обеспечить огромную стройку. Потому М.Г. Арнольд, зная машинное производство кирпича, представил инженерно-технические расчеты строительства такого завода. До того он разведал место для него – рядом со строительством университета, провел там анализ качества глины.

В докладах Арнольд заявил о себе как компетентный и опытный инженер-строитель. Практически он первым в Томске представил разработанный проект механизированной технологии круглогодичного производства кирпича. Это означало бы переход от ручного труда к фабричному, новому производственному укладу. Специально приглашенный на это заседание известный томский купец и предприниматель П.В. Михайлов сказал, что «принимает на себя устройство завода», но подробности представит к следующему заседанию. СК решил обратиться в Городскую управу о выделении для Михайлова участка земли для завода [9]. Однако кирпичная проблема за лето так и не была решена, что создавало угрозу строительству. Профессор В.М. Флоринский, отбыв в Казань на учебный год, телеграфировал в СК 1 октября, почему не заключены контракты, и первым назвал контракт по кирпичу. Ему ответили: «Михайлов отказался» [10]. Арнольд ранее специально обращался в СК о скорейшем решении этой проблемы, но свое развитие она получила только в ноябре, и то пока только в новом проекте П.В. Михайлова и З.М. Цибульского, но с прежним, ручным производством [11]. До того Михайлов решил изучить возможности машинного производства. Купец и городской голова, а также член СК З.М. Цибульский считал, что «живая сила лучше» [8. С. 51]. Таким образом, предложение М.Г. Арнольда по кирпичу не прошло, но других важных дел у него было много.

В 25 из 28 заседаний СК за 1880 г. строитель чаще других членов СК, как ему и положено, вносил письменные и устные предложения по первоочередным работам по подготовке и обустройству отведенной городом территории, заготовке, хранению стройматериалов и др. Всего в журнале отражено, по нашим подсчетам, более 120 предложений Арнольда.

В отчете СК по итогам пятимесячной работы – с 3 июня по 1 ноября – был отдельный раздел «О техническом надзоре за работами и деятельности онаго», т.е. инженера-архитектора. В нем приводятся сведения не только о надзоре, но и о подготовке М.Г. Арнольдом детальных чертежей частей главного университетского здания с учетом указаний В.М. Флоринского. Отмечено, что снят с натуры точный детальный плана местности, отведенной для университета, с учетом всех естественных особенностей рельефа. Произведена подробная по продольной и поперечной осям нивелировка местности и составлен инструментальный план, который впоследствии станет «главной основой» «не только при постройке различных зданий университета, но и при распланировании Ботанического сада, при проведении проездов и дорог, при водоснабжении и при заложении системы стоков...» [12]. В заключение дана оценка строителя, который проявлял «особое внимание» и «особую тщательность» [Там же].

В другом документе – отчете В.М. Флоринского в МНП – обобщены непосредственно строительные работы за лето 1880 г. Среди основных: вырубка деревьев на пространстве рощи трех десятин (3,28 га); выемка части рвов для фундамента средней части главного здания университета (2 234 м^3); укладка бутового камня фундаментных стен (534 м^3); кладка кирпича на разгрузочные арки фундамента (9 500 шт.). Вспомогательные работы: два вырытых колодца; сооружение забора вокруг стройки (117 м); постройка двух известковых сараев; устройство взвоза от р. Томи с мостом по болотистому месту (длина 341 м) [13]. Все названное было делом строителя.

Кроме того, для М.Г. Арнольда была большой заботой подготовка к торжественной закладке главного здания университета, о чем не сказано ни в том ни в другом отчете. Такая акция не имела прецедентов в истории Томска. На архитекторе лежала огромная ответственность. Именно ему пришлось создавать архитектурно-планировочный сценарий и художественное оформление торжеств. Он обеспечил семантический центр города и визуальное взаимодействие с ним публики. Им был запроектирован и сооружен временный крытый на колоннах павильон общей площадью 330 м^2, к которому примыкал дощатый настил, способный вместить не менее 2–3 тыс. человек публики (1 400 м^2). На известных фотографиях того времени виден не только павильон, но и убранство вокруг него. А журнал «Всемирная иллюстрация» оперативно разместил рисунок по наброску художника П.М. Кошарова, который был на торжестве и являлся корреспондентом журнала [14. С. 296. № 615]. На изображениях не обнаружить проектных чертежей академика А.К. Бруни – поэтажных планов (возможно, были представлены также генеральный план, фасады и конструктивные разрезы). Об их размещении для публики М.Г. Арнольд в своей речи на торжественном акте сказал пять раз, когда давал архитектурно-строительную характеристику зданию. Его выступление было объемным.

Архитектура здания для «…обитательницы науки в нем, – говорил он, – должна соответствовать величественной простоте наружных форм, серьезной, строгой красоте линий». Этого «требует и присущее цивилизованному обществу чувство высшего приличия, и не подлежащие отрицанию вечные законы изящного» [15. С. 29–41]. В заключение он призвал горожан внести свою лепту в созидание университета**.** М.Г. Арнольд как преподаватель умел общаться с аудиторией. Это была, пожалуй, первая в Томске публичная речь об архитектуре на открытом воздухе**.** Новая тематика и вдохновенность архитектора разнообразили публичные выступления местных ораторов.

Добавим и такие заслуги М.Г. Арнольда, как составление сметы к проекту А.К. Бруни по постройке здания астрономического дома, а также создание чертежной мастерской с современным чертежным и измерительным оборудованием, запрошенным им и полученным из столицы [16].

Итак, из выявленных документально зафиксированных фактов о деятельности первого строителя университета М.Г. Арнольда можно заключить: его вклад

на начальном этапе стройки зданий университета был разнообразен и результативен, имел для Томска и Сибири черты новаторства и получил в отчете в МНП положительную оценку.

Итог деятельности СК за 1880 г. позже В.М. Флоринский оценил так: «…недостаток в строительных материалах и рабочих руках вынудил Комитет отложить постройку университета до весны следующего 1881 г. и ограничиться закладкой только центральной части главного корпуса…» [13. С. 14].

В ходе заседаний СК за период с 3 июня по 10 декабря непосредственно М.Г. Арнольду протокольно было зафиксировано только одно замечание – от председателя СК, и.о. губернатора В.И. Мерцалова – при обсуждении вопроса о взвозе. Плетень взвоза он оценил «совершенно неудовлетворительно». Однако перед тем как подписать протокол, трое из пяти присутствовавших членов СК высказали свои соображения. Такого еще не бывало. А.А. Дмитриев-Мамонов – «не вполне согласен» с принятым решением, З.М. Цибульский – «вполне согласен», но считал, что ответственность следует «возложить на подрядчика или строителя». Сам М.Г. Арнольд написал четыре строки, где признал плетень «совершенно удовлетворительным» и обосновал временность подпорок, которые окрепнут при росте тальника, который и упрочнит откос взвоза [17].

Это было не первое несогласие М.Г. Арнольда с председателем. На прошлом заседании, когда В.И. Мерцалов доложил, что сумел убедить подрядчиков снизить цену на бут, строитель, аргументируя тем, что зимой, когда рабочие не будут так заняты, как осенью, цена будет еще меньше, настоял на приостановке поставок бута. Несмотря на то, что остальные члены СК М.Г. Арнольда поддержали, сам он в конце протокола оставил еще и дополнительную запись, где заявил, что «с бутом следует повременить до обеспечения постройки кирпичом» [18]. То и другое несогласие М.Г. Арнольда с председателем СК шло от исполнения им его служебных обязанностей и компетенций, т.е. не от личных его отношений или амбиций. В случае с бутом строитель был более озабочен главной проблемой и удешевлением рабочей силы.

Несогласия, отраженные официально, свидетельствовали о выходящих наружу конфликтах внутри СК. «Сибирская газета» писала, что единодушия не было при самом начале действий СК [19]. Напряженные отношения вспоминали позже его члены В.М. Флоринский, В.И. Мерцалов, С.А. Дмитриев-Мамонов. На них в своей монографии указал С.А. Некрылов [1. С. 89–90], а молодой исследователь И.А. Дунбинский опубликовал о отдельную статью взаимоотношениях в СК [4].

У Арнольда и до того обозначились конфликты, и самые первые – с представителем Министерства народного просвещения профессором Казанского университета В.М. Флоринским. При личной встрече инженер-архитектор М.Г. Арнольд не понравился профессору своим «щегольским экипажем» и похожестью «по замашкам и костюму на богатого помещика» [20. С. 578–579].

Есть такая психологическая аксиома: у вас не будет второго случая произвести первое впечатление. Оно бывает верным или неверным, позже происходит его коррекция в ту или другую сторону. В.М. Флоринскому в столице нелестно характеризовали М.Г. Арнольда по прошлым его делам и как личность. У профессора предубеждение и недоверие к строителю в ходе работ только усиливалось. Не прошло и месяца совместной работы, как летом 1880 г. В.М. Флоринский в дневнике о М.Г. Арнольде записывает: «по-видимому, ненадежен» [21. С. 305]. В другом месте отмечено: дела строителя «могут быть названы недостаточно осмотрительными и неэкономными». И добавка: «неустойчивость в нравственных принципах». Надо «серьезно поговорить с министром»… чтобы «принять заблаговременно какие-либо меры» [Там же. С. 320].

Первое же предложение архитектора о помощниках встречено В.М. Флоринским негативно – вместо двух просимых им чертежников профессор настоял на одном, а поиск двух опытных десятников предложен всем членам СК. Никто из них никаких предложений не внес, и строителю пришлось самому выискивать десятника. В записках и воспоминаниях профессор 27 раз упоминает М.Г. Арнольда, более чем кого-либо из членов СК, и чаще отрицательно [22. С. 13–229, 499, 500, 503, 505, 506]. И это по итогам совместной непосредственной работы всего за три месяца. В.М. Флоринский как личность авторитетная и авторитарная неявно транслировал свое отношение другим членам СК, что не мог не ощущать строитель. Однако, судя по Журналу и публикациям, М.Г. Арнольд никогда не выступал против предложений и решений В.М. Флоринского, не говорил о нем негативно, не характеризовал его личность, т.е. стремился сохранять с ним только деловые отношения.

Строитель вынужден был вступать в конфликты с некоторыми подрядчиками, с предпринимателями – поставщиками стройматериалов [23]. Не побоялся он возмутить и строго соблюдающих веру, предлагая «кощунство» – употребление кирпичей от собора на здание университета [7. С. 333–335].

Архитектор-строитель открыто выступил против крупных расходов на намечаемые торжества по закладке университета. Узнав, что в течение двух дней будет израсходована большая сумма на угощения, завтраки, обеды и закуски, а также на музыку, иллюминацию и фейерверки, он направил в городскую думу письмо, в котором вопрошал: «Неужели, располагая такими суммами, нельзя ознаменовать... чем-нибудь иным? У города и его представителей нужда кругом: в Томске нет помещения для гимназии; низшие училища не устроены и тесны; в семинарии молодость гибнет от скученности; в городе народ тонет в грязи и болеет, не имея чистой воды и стоков…» Письмо З.М. Цибульский поставил на обсуждение, но архитектора поддержал только один гласный Е.И. Королев. А К.Н. Евтропов, ссылаясь на документы думы, привел в своей книге полный текст письма М.Г. Арнольда и оценил его поведение «холодной и черствой расчетливостью» [7. С. 365].

Таким образом, М.Г. Арнольд противопоставлял себя не только городской власти в лице думы, но представителям властных структур государства (гу-

бернатор, уполномоченный министерства и др.), в том числе и всему СК как императорской структуре. М.Г. Арнольд в этих поступках показывал себя независимым актором, приверженцем гражданского подхода, вступившимся за интересы города и его жителей, т.е. проявлял себя социально ориентированной личностью. Естественно, такого рода суждениями и поступками М.Г. Арнольд вызывал к себе негативные чувства у ряда людей. В.М. Флоринский вспоминал, что губернатор В.И. Мерцалов просил об отчислении М.Г. Арнольда «за его упрямство и неряшливость» [20. С. 602], а сам В.И. Мерцалов в воспоминаниях сообщал, что писал об этом в министерство, полагая у М.Г. Арнольда тягу к наживе под прикрытием В.М. Флоринского [8. С. 59].

Решающим судьбу М.Г. Арнольда стало, по нашему мнению, заседание СК 22 ноября 1880 г. [24]. На нем купцы П.В. Михайлов и З.М. Цибульский представили развернутый план строительства кирпичного завода. Заметим, это произошло почти через полгода и после нескольких напоминаний П.В. Михайлову о его обещании. К тому же было уже решение думы о безвозмездной передаче СК участка земли для завода и льгот по использованию леса. Купцы подробно разработали 11 условий о заводе и обещали за собственный счет построить предприятие ручной или машинной выделки кирпича в объеме не менее 3 млн штук ежегодно, начиная с 1882 г., при умеренной цене и даже с ее понижением, возможно лучшего качества. Они особо отметили, что выступают «не в качестве подрядчиков и не в целях наживы, а единственно с целью оказать посильную помощь скорейшему возведению здания Университета…» Михайлов и Цибульский испрашивали одобрение на свое заявление и отдельно для Цибульского «право участия в выделке для Университета кирпича». М.Г. Арнольд сразу выразил свое принципиальное несогласие с заявлением «ввиду тех обстоятельств, что срок этой поставки будет слишком продолжительным». З.М. Цибульский, в свою очередь, обвинил СК в том, что такое предложение П.В. Михайлова не было принято, когда он вносил его пять месяцев назад. (Данное утверждение не соответствует дневниковой записи заседания 10 июня, там Михайлов обещал представить свои предложения «к следующему заседанию».) В этом заседании после активного обсуждения члены СК полностью все одобрили и решили просить разрешение управляющего Министерства народного просвещения [Там же].

М.Г. Арнольд записал свое отдельное мнение в конце протокола и добавил, что о своих соображениях напишет лично в Министерство. 4 декабря 1880 г. он отправил «особое письмо» управляющему Министерства о том, что «с полной признательностью принял бы увольнение… от обязанностей Строителя Сибирского Университета и члена Комитета и назначение… другого специалиста на эти должности...» [25]. О своем письме он хранил молчание. На очередном заседании СК он сообщал о пяти разных делах, и ему было адресовано десять просьб и поручений, пожалуй, больше, чем когда-либо [26]. На заседании 13 декабря 1880 г. докладывали лично об М.Г. Арнольде, но сам он, как записано, «отсутствовал по болезни». Была оглашена телеграмма управляющего Министерством народного просвещения А.А. Сабурова: «Вследствие заявления мне членом Строительного Комитета Флоринским просьбы архитектора Арнольда увольняю его от службы и от обязанностей по постройке зданий Сибирского университета» [27].

В следующих заседаниях 17 и 22 декабря 1880 г. Арнольд участия не принимал, однако на заседание 23 декабря явился для передачи дел и вместе с тем дал пояснения о несогласии своего увольнения таким образом, как оно свершено. Кратко говоря, его аргументация сводилась к следующему. Он никоим образом не просил и не мог уполномочить господина Флоринского об увольнении, в посреднике между собой и министром он по этому вопросу не нуждался. Потому заявил: «…не признаю за собою права считать себя уволенным от должностей, а тем более от службы по Министерству, впредь до получения мною о том предписания г. Министра по установленному на службе порядку». СК принял определение: «Означенное заявление г. Арнольда приобщить к делу» [26].

Позже М.Г. Арнольд, опираясь на нарушение принятой процедуры увольнения, отстоял свое право на увольнение в предусмотренном порядке и выплате ему положенной суммы за проработанное время. Используя законодательство, правовые нормы, он сумел обратить их в свою пользу и считал датой увольнения 18 декабря 1880 г. [27]. Так закончилась томская карьера архитектора М.Г. Арнольда, однако ему предстояла еще борьба.

Завершились также его давние конфликты с большинством членов СК: латентный – с профессором В.М. Флоринским, открытые – с губернатором В.И. Мерцаловым и городским головой З.М. Цибульским. Назревший конфликт с авторитетным купцом П.В. Михайловым вылился в инцидент на заседании СК 22 ноября, а разрешением его стало увольнение М.Г. Арнольда.

Инженер-архитектор, перед тем как подать особое письмо в министерство, тщательно продумал и взвесил свое решение. Между инцидентом и написанием письма в министерство 3 декабря прошло 11 дней его размышлений. Скорее всего, он понял, что не сможет нормализовать взаимоотношения с членами СК, тем более дела пошли труднее. Он не увидел перспективы своей работы в этом составе СК. Может, и засомневался, что не справится со всем огромным объемом работ, и особо при сложившихся взаимоотношениях. Ранее, при возведении грандиозного храма в Херсонесе (современный Севастополь), он был строителем, но в команде и под руководством талантливого организатора. Здесь же, в Томске, многие основные и даже второстепенные вопросы ложились на него одного, а это слишком большая самостоятельность и ответственность.

В заседании СК 13 декабря 1880 г., когда М.Г. Арнольд отсутствовал, было заслушано еще два документа, касающихся его лично. Его настигли две денежные неприятности. Он оказался должен 750 руб. Санкт-Петербургской военной гимназии, где воспитывались два его сына. Другая претензия была от частного лица

по исполнительному листу на более чем 1,5 тыс. руб. за неуплату им долга с 14 апреля 1874 года [28].

Денежные вопросы М.Г. Арнольда очень волновали. Не раз он говорил, что «не обеспечен в материальном отношении». В первый же месяц на личном бланке строитель просит выдать ему процентное вознаграждение в размере, определенном Комитетом, т.е. 4 тыс. руб. в год [29]. Дадим пояснения. От министерства в СК было три члена, и каждый получал ранее обозначенное вознаграждение: делопроизводитель А.С. Белявский – 10 тыс. руб. в год (он с семьей переехал из столицы), В.М. Флоринский – 6 тыс. (он приезжал только на три летних месяца), а М.Г. Арнольд получил пока только проездные.

Естественно, его беспокоили сумма и сроки расчетов с ним. В.М. Флоринский в этих случаях поддерживал строителя, хотя ранее узнал о заведенном на него деле по взысканию 10 тыс. руб. [22. С. 581]. Профессор о запутанности его личных денежных дел отметил в дневнике и не исключал, что М.Г. Арнольд, имея доступ к деньгам, мог «поддаться соблазну» [21. С. 319]. Да, в журнале СК не раз записаны личные расчеты подрядчиков, но всегда с представлением квитанций, чтобы не было поводов для подозрения. Председатель СК В.И. Мерцалов в воспоминаниях относит строителя к тем присланным из столицы, которые умело «ополовинивают» казну. Считая, что М.Г. Арнольд при этом «заведет в дебри, из которых благополучно и выйти будет нельзя», он просил письмом в МНП уволить строителя [8. С. 59–60]. Публицист А.В. Адрианов в частном письме из Томска Г.Н. Потанину сообщая, что М.Г. Арнольда «отставили», добавил: «одним вором меньше» [30. С. 22].

М.Г. Арнольд после увольнения не выехал в центр, а поработал в Красноярске и Чите. Может, он и двинулся в Сибирь от долгов, надеясь здесь заработать. Последствия увольнения касались двух сторон: и дальнейшего дела строительства зданий университета, и М.Г. Арнольда лично. «Сибирская газета» в своем втором номере (1881) отметила замедление работ на строительстве университета [19]. Мстительным уколом М.Г. Арнольду можно расценить решение СК по предложению А.С. Белявского о фактическом расформировании чертежной мастерской – все ее сотрудники были уволены [31].

Отсутствие строителя в течение почти полугода сказалось на темпах строительных дел (новый инженер-архитектор появился только в мае 1881 г.). Отчет СК с января по 1 мая 1881 г. был довольно скромным [32]. В июне 1881 г. «Сибирская газета» написала: «Постройка университетского здания нынешней весной почти еще не продвинулась вперед, сделаны только земляные для закладки фундамента и сложена небольшая часть последнего» [33].

С увольнением М.Г. Арнольда изменилась подчиненность СК. 15 января 1881 г. последовало Высочайшее повеление, по которому генерал-губернатору Западной Сибири представлено право окончательного решения технических вопросов, а также вопросов, касающихся заготовки стройматериалов. Была изменена в этой части и Инструкция СК [34]. Таким образом, то, чего ранее добился В.М. Флоринский, считая, что генерал-губернаторство является излишним звеном в деле координации и решении вопросов строительства, вновь вставало на пути. С.А. Некрылов цитирует письмо В.М. Флоринского (из архива музея Татарстана) о его недовольстве этим решением [1. С. 89].

Вместе с негативными были и позитивные последствия. М.Г. Арнольдом в составе и вместе с СК было начато самое крупное строительство в Томске, да и во всей Сибири. Складывалась цепочка от привязки архитектурного замысла и проекта к конкретной площади города, далее к составлению рабочих чертежей, уточнению первоначальных работ, изучению рынка и потребностей стройматериалов, их объема, качества и стоимости на месте. Важны были взаимосвязи членов СК, возможная и фактическая роль каждого в деле. Особой частью была проверка впервые складывающихся здесь отношений между строителем университета и СК как коллегиальным органом. Часть местных членов СК могла быстрее найти поставщиков стройматериалов, но определение их качества было за специалистом-строителем, что потенциально конфликтно. Выявлялись действительные участники процесса строительства. Так, стало ясно, что не со всеми кирпичеделательными заводами можно заключать контракт даже «раздробительно». А после случая кражи рабочими закладной медной пластины стало понятно, что квалифицированных и порядочных каменщиков придется приискивать вне Томска. Основным строителем П.П. Нарановичем позже были извлечены и другие уроки из томской практики М.Г. Арнольда.

Очень серьезным и практически значимым оказался урок и для СК, и для В.М. Флоринского, который ранее не имел практики строительства, о чем свидетельствует его биограф [35] и в чем он сам признавался [20. С. 576]. Кто-то отлично сформулировал еще один урок: «Третьего архитектора нам не дадут».

Лично М.Г. Арнольда как компетентного инженера-архитектора настигли репутационные удары с двух сторон – от сибирских газет и от бывших коллег по СК. Иркутская газета «Сибирь» перепечатала слухи «о неурядицах, происходящих в комитете по постройке зданий сибирского университета», назывались препятствующая ей техническая сторона и имя М.Г. Арнольда. Это был первый публичный удар, и был он нанесен в феврале 1881 г. [36].

В июле 1881 г. последовало официальное наступление на инженера-архитектора М.Г. Арнольда. Он, узнав об обвинениях в свой адрес, написал 5 июля 1881 г. письмо председателю комитета с ходатайством «о скорейшем назначении формального следствия по поводу возводимых на него Строительным Комитетом обвинений в допущенных им технических ошибках при производстве в 1880 г. работ по главному зданию». В журнале СК 10 июля 1881 г. записано, что еще месяц тому назад, 10 июня, составлен установленный акт, которому «будет дано надлежащее движение», о чем следует сообщить М.Г. Арнольду. В документе возмущались утверждением М.Г. Арнольда, что он уволившийся, а не уволенный. На двенадцати страницах акта перечислены пять «крупных промахов» строителя, в том числе его несогласие с мнением председателя СК,

подчеркнуты его нелогичность в решениях, возможность корыстных побуждений, склонность к компрометации труда товарищей, «постоянное оказывание противодействия» членам Комитета, что лишало его «необходимых качеств для успешного действия» [37]. Получается, что следствие не проводилось, но «промахи» были…

Анализ этого акта показывает, что речь в нем, кроме личных качеств М.Г. Арнольда, шла только о стройматериалах, их поставке, приемке, качестве, цене. Никаких технических ошибок в нем не указано. Акт подписан председателем СК В.И. Мерцаловым, членами: Н.Н. Петуховым, В.М. Флоринским и П.П. Нарановичем. Заметим, только двое из подписавших работали вместе с М.Г. Арнольдом. Акт предназначался генерал-губернатору Западной Сибири и, видимо, имел единственную цель – продемонстрировать начальству безусловную правомерность увольнения строителя.

Предъявление претензий М.Г. Арнольду продолжилось и через год. «Сибирская газета» в январе 1882 г. опубликовала большую анонимную статью под рубрикой «Сибирское обозрение», в которой 13 раз склоняла его имя: и про «архитектурные качели», т.е. разные позиции строителя по соборному кирпичу, и подозрения в стремлении поживиться в Красноярске за счет своей компетентности перед несведущими людьми [38].

М.Г. Арнольд вынужден был публично отвечать. К чести редакций сибирских газет, они давали ему такую возможность на своих страницах. В «Сибирской газете» в июле 1881 г. он раскрыл причину в разнице подсчетов количества кирпича по первоначальному и скорректированному проектам [39], а в феврале 1882 г. газета разместила обстоятельный ответ М.Г. Арнольда, где он с фактами и аргументами излагал суть вопросов и по Томскому собору, и по Красноярску [40]. Он дал пояснения и «об архитектурных качелях» в Томске. Если кратко, то суть их была в полярных оценках строителем кирпича от собора. Да, он считал, что кирпич этот может быть приобретен и использован. Но когда дума приняла решение кирпич продать, но без освобождения его от въевшегося раствора, т.е. не приводя этот кирпич в товарный вид, он признал таковой негодным. В случае его покупки надо было вести дополнительные работы и нести на них расходы денежных средств СК.

«Сибирская газета» в 1882 г. в трех номерах осветила подробности «кирпичной проблемы» на основе записей в Журнале, удержавшись от оценок и предложив читателям самим отследить развитие событий [41]. Это проясняло фактические дела по кирпичу.

М.Г. Арнольд, защищая свою репутацию, оказался бойцом и без боя не сдавался. Он использовал силу печатного слова. По-граждански смело архитектор возражал, поясняя не келейно, а публично и открыто, с подробным разбором обвинений и грамотной аргументацией. Он в ответах объяснил и причину своего несогласия с проектом З.М. Цибульского и П.В Михайлова, тем самым приоткрыв то, что читателям не было известно. Он назвал два основания своего противостояния членам СК. Во-первых, З.М. Цибульский был членом СК, а коммерческая деятельность таковых не предусмотрена § 21 Инструкции для СК. Во-вторых, З.М. Цибульский и П.В. Михайлов, будучи Почетными гражданами, известными купеческими дарениями городу, отказывались заключать контракт как подрядчики. Они не хотели связывать себя формальными обязательствами, что противоречило и законам, и практике, они считали, что их «купецкого» слова вполне достаточно для благороднейшего дела. М.Г. Арнольд же как строго исполняющий свои обязанности специалист полагал, что следует иметь дело с формальным подрядчиком, а не со словесными заявлениями хотя бы и заслуженных и уважаемых горожан.

М.Г. Арнольд оказался прав, предполагая, что срок поставки кирпича в этом случае «будет слишком продолжительным». С.А. Некрылов в своей монографии отмечает, что «поставлять кирпич с 1 июля 1882 г. со своего завода, построенного при материальном содействии комитета, как они [З.М. Цибульский и П.В. Михайлов] обещали, им не удалось, а машинное производство кирпича началось лишь в 1890 г., когда университет был уже открыт» [1. С. 86]. В.М. Флоринский позже признал: «надежды… на это предприятие… далеко не оправдались» [16. С. 26].

В апреле 1881 г. в газете «Сибирь» М.Г. Арнольд впервые публично и откровенно пояснил причины своего ухода из СК [42]. «Главнейшим предметом разногласий, – писал он, – было стремление комитета отдать один из крупнейших и важнейших подрядов, именно поставку кирпича, члену самого же комитета г-ну Цибульскому на таких основаниях и условиях, которые я по совести нахожу слишком уж наивными и “вольготными”. Кроме того, “все вообще направление и весь характер действий большинства комитета не согласовались с моими понятиями о пользе и успехе дела, о правильности действий…” Понимая, что мои “…взгляды радикально расходятся”, и видя “совершенное бессилие при такой обстановке принести своею опытностью и деятельностью… пользу”, я изложил Министерству народного просвещения прямо…» Далее он повторяет то, что протокольно отражено в заседании СК 23 декабря 1880 г. [26]. Здесь же, в газете, М.Г. Арнольд заявил: «Говоря откровенно, мною руководило изречение псалмопевца», – и привел только два первых слова. А полностью псалом звучит так: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь» [43].

Здесь явная рефлексия М.Г. Арнольда и глубокое осознание своего поражения в конфликте с СК. Современные конфликтологи пришли к двум основным формам разрешения конфликтов: антагонистической и синергетической, – и считают, что последняя не только более предпочтительна, но и вполне осуществима даже с сохранением основных интересов двух сторон [44, 45]. Для позапрошлого века с его антагонизмами таковое было для М.Г. Арнольда невозможным. Потому его разум и совесть и обращались к религиозным посылам.

М.Г. Арнольд неоднократно осмысливал свою томскую неудавшуюся карьеру, что и отразил публично. Он не выехал обратно в европейскую часть России, не пожелал вернуться к коллегам. Причина, видимо, – не

только его денежные долги, но, скорее всего, то, что он своим увольнением исключил себя как продолжателя реализации проекта А.К. Бруни, не смог организовать большое дело до конца – возведение первого в Сибири университета, практически подвел не только академика архитектуры, но и Министерство народного просвещения, столичное общество архитекторов, оказался неверен и своим обязательствам.

В Красноярске и Чите его постройки считаются одними из украшений городов. А на замурованной металлической пластине, где выгравированы имена причастных к торжеству закладки Сибирского университета, список замыкает архитектор М.Г. Арнольд [15. С. 5–6]. 7 сентября 2020 г. по новому стилю исполнилось 140 лет началу возведения им зданий Томского университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг.–1919 г.) / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
2. Залесов В.Г, Залесов Г.М. Первый строитель Томского университета инженер-архитектор М.Г. Арнольд // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22, № 3. С. 7–22.
3. Синяев В.С. Основание и строительство Томского университета // Томский университет: 1880–1980. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.
4. Дунбинский И.А. Строительный комитет по возведению зданий сибирского университета в городе Томске в воспоминаниях и письмах современников // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 5–10.
5. Научная библиотека ТГУ. Отдел рукописей и книжных памятников. Ф. 7. Ед. хр. В-6311. Журнал Строительного комитета (1880–1889). (НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК).
6. Зодчий. 1872. № 4–6; 1873. № 10–11; 1874. № 1–2; 1880. № 5–6.
7. Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск : тип. Епарх. братства, 1904. XXIV, 425 с.
8. Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. Июль–сентябрь. С. 38–89.
9. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 4 июня. № 1; 10 июня. № 2.
10. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 3 октября. № 16.
11. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 22 ноября. № 21.
12. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 31 октября. № 29.
13. Историческая записка о возникновении в Сибири университета. Томск, 1888. 61 с.
14. Всемирная иллюстрация : еженедельный журнал. 1880. Т. 24.
15. Описание празднества, бывшего в Томске 26 и 27 августа 1880 г. по случаю закладки Сибирского университета. Томск : тип. и лит. Михайлова и Макушина, 1880. 73 с.
16. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 5 июля. № 6; 18 августа. № 10; 28 августа. № 11; 19 сентября. № 14; 21 ноября. № 21; 28 ноября. № 22; 10 декабря. № 23; 31 декабря. № 28.
17. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 25 октября. № 18.
18. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 23 октября. № 17.
19. Сибирская газета. 1881. 8 марта. № 2.
20. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. 1906. Т. 125, март.
21. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. 1906. Т. 126, апрель–июнь.
22. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 508 с.
23. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 16 сентября. № 13.
24. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 22 ноября. № 21.
25. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 23 декабря. № 27.
26. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 10 декабря. № 23.
27. Сибирь (Иркутск). 1881. 19 апреля. № 43.
28. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 13 декабря. № 24.
29. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 14.
30. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич…»: письма Г.Н. Потанину. Томск : Изд-во ТГУ, 2007. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/ access/manager /Repository/ vtls:00024 8856 (дата обращения: 23.03.2020).
31. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1880. 31 декабря. № 28.
32. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК. 1881. 3 июня. № 43.
33. Сибирская газета. 1881. 14 июня. № 16.
34. Сибирская газета. 1882. 31 января. № 5.
35. Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 170 с.
36. Сибирь (Иркутск). 1881. 15 февраля. № 6.
37. НБ ТГУ. ОРКП. Журнал СК № 50. 10 июля 1881.
38. Сибирская газета. 1882. 24 января. № 4.
39. Сибирская газета. 1881. 4 июля. № 19.
40. Сибирская газета. 1882. 14 февраля. № 7.
41. Сибирская газета. 1882. 24 января. № 4; 31 января. № 5; 7 февраля. № 6.
42. Сибирь (Иркутск) 1881. 19 апреля. № 43.
43. Псалтирь. 1: 1–2.
44. Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. СПб. : Питер, 2005. 540 с.
45. Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2011. 352 с.

Valeriy G. Zalesov, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vzal@tsuab.ru
Gennadiy M. Zalesov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gmzalesov@gmail.com

ENGINEER-ARCHITECT M.G. ARNOLD. WHY DIDN'T THE FIRST BUILDER OF THE SIBERIAN UNIVERSITY BECOME THE MAIN ONE?

Keywords: Siberian University; Construction Committee; engineer-architect M.G. Arnold.

In monographs and scientific papers that describe the beginning of the construction of buildings of Tomsk University, the name of the first builder M.G. Arnold is only mentioned. His contribution at the very initial stage of construction was not reflected in scientific publications. Basically, based on the memories of the organizer of the University, Professor V.M. Florinskiy, his activities are given either

a neutral, but more often a negative assessment. His conflicts with the participants of the construction process are not fully disclosed, and there are ambiguities about his dismissal. The purpose of this article is to present a broader assessment field of activity of the first builder of the University, M.G. Arnold. At the same time, we pursued the following tasks. State the actual contribution of the first engineer-architect to the beginning of construction of the University buildings. Identify the dynamics of relationships and conflicts between M.G. Arnold and members of the Construction Committee and local figures. Identify the most likely reasons, in our opinion, that the first builder was not the main one. Show some consequences of M.G. Arnold's dismissal from the Construction Committee. The main sources for us were regular records of the handwritten Journal of the Construction Committee, as well as memoirs of contemporaries and press information. Since M.G. Arnold stayed in Tomsk for only nine months, we are chronologically limited mainly to 1880 and, partly, by necessity, to later times. The period is short, but significant, as in any case – essentially the beginning. We believe that it is important for the history of the creation of Tomsk University to eliminate the above-mentioned gaps in the Tomsk period of the first builder, engineer-architect M.G. Arnold, who initiated the construction and prepared the celebration of the Foundation of the main building of the University (August 26, 1880). M.G. Arnold repeatedly reflected on his failed career in Tomsk, which he reflected publicly in newspaper publications. He did not go back to the European part of Russia and did not want to return to his colleagues. The reason, presumably, is not only his financial debts, but most likely, the fact that he dismissed himself as a continuation of the project of academician A.K. Bruni – the author of the project of Tomsk University. He could not organize a big deal to the end – the construction of the first University in Siberia. Arnold practically failed not only the academician of architecture, but also the Ministry of public education and the Metropolitan society of architects. The architectural engineer was also unfaithful to his obligations. In Siberia, where he later worked in Krasnoyarsk and Chita, his buildings are considered one of the ornaments of cities. And on the immured metal plate, where the names of those involved in the celebration of the bookmark of the Siberian University are engraved, the list is closed by the architect M.G. Arnold. According to the new style, September 7 performs the 140th anniversary of the beginning to erection buildings of Tomsk University.

REFERENCES

1. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v Aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg.–1919 g.)* [Tomsk University as the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zalesov, V.G. & Zalesov, G.M. (2020) M.G. Arnold, the first architectural engineer of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 22(3). pp. 7−22. (In Russian). DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-3-7-22
3. Sinyaev, V.S. (1980) Osnovanie i stroitel'stvo Tomskogo universiteta [Foundation and construction of Tomsk University]. In: Poltnikova, M.E. (ed.) *Tomskiy universitet: 1880–1980* [Tomsk University: 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dunbinskiy, I.A. (2019) Construction committee for the construction of buildings of the Siberian university in Tomsk in the memoirs and letters of contemporaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 60. pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/1
5. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments. Fund 7. File V-6311. Journal of the Building Committee (1880–1889).
6. *Zodchiy*. (1872) 4–6.
7. Evtropov, K.N. (1904) *Istoriya Troitskogo kafedral'nogo sobora v Tomske* [History of the Trinity Cathedral in Tomsk]. Tomsk: Tip. Eparkhialnogo bratstva.
8. Mertsalov, V.I. (1917) Mimokhodom. Moya gubernatorskaya epopeya [In passing. My governor's epic]. *Russkaya starina*. July – September. pp. 38–89.
9. *Journal of the Building Committee*. (1880a) 4th June. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
10. *Journal of the Building Committee*. (1880b) 3rd October. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
11. *Journal of the Building Committee*. (1880c) 22nd November. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
12. *Journal of the Building Committee*. (1880d) 31st October. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
13. Anon. (1888) *Istoricheskaya zapiska o vozniknovenii v Sibiri universiteta* [A historical note on the foundation of the university in Siberia]. Tomsk: [s.n.].
14. *Vsemirnaya illyustratsiya*. (1880) 24.
15. Anon. (1880) *Opisanie prazdnestva, byvshego v Tomske 26 i 27 avgusta 1880 g. po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the festivities that took place in Tomsk on August 26 and 27, 1880, on the occasion of the foundation stone of the Siberian University]. Tomsk: tip. i lit. Mikhaylova i Makushina.
16. *Journal of the Building Committee*. (1880e) 5th July. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
17. *Journal of the Building Committee*. (1880f) 25th October. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
18. *Journal of the Building Committee*. (1880g) 23rd October. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments..
19. *Sibirskaya gazeta*. (1881a) 8th March.
20. Florinsky, V.M. (1906a) Zametki i vospominaniya V.M. Florinskogo [V.M. Florinsky's records and memoirs]. *Russkaya starina*. 125.
21. Florinsky, V.M. (1906b) Zametki i vospominaniya V.M. Florinskogo [V.M. Florinsky's records and memoirs]. *Russkaya starina*. 126.
22. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V., Litvinov, A.V., Merkulov, S.A. & Dunbinskiy, I.A. (2014) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
23. *Journal of the Building Committee*. (1880h) 16th September. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
24. *Journal of the Building Committee*. (1880i) 22nd November. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
25. *Journal of the Building Committee*. (1880j) 23rd December. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
26. *Journal of the Building Committee*. (1880k) 10th December. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
27. *Sibir'*. (1881a) 19th April.
28. *Journal of the Building Committee*. (1880l) 13th December. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 14.
30. Adrianov, A.V. (2007) *"Dorogoy Grigoriy Nikolaevich…": pis'ma G.N. Potaninu* ["Dear Grigory Nikolaevich ...": letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/ access/manager /Repository/ vtls:00024 8856 (Accessed: 23rd March 2020).
31. *Journal of the Building Committee*. (1880m) 31st December. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
32. *Journal of the Building Committee*. (1881) 3rd June. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
33. *Sibirskaya gazeta*. (1881b) 14th June.
34. *Sibirskaya gazeta*. (1882a) 31st January.
35. Yastrebov, E.V. (1994) *Vasiliy Markovich Florinskiy*. Tomsk: Tomsk State University.
36. *Sibir*. (1881b) 15th February.
37. *Journal of the Building Committee*. (1881b) 10th July. The TSU Research Library. Department of Manuscripts and Book Monuments.
38. *Sibirskaya gazeta*. (1882b) 24th January.

39. *Sibirskaya gazeta*. (1881c) 4th July.
40. *Sibirskaya gazeta*. (1882c) 14th February.
41. *Sibirskaya gazeta*. (1882d) 24th January.
42. *Sibir*. (1881c) 19th April.
43. *Psalter*. 1: 1–2.
44. Svetlov, V.A. (2005) *Konflikt: modeli, resheniya, menedzhment* [Conflict: models, solutions, management]. St. Petersburg: Piter.
45. Svetlov, V.A. & Semenov, V.A. (2011) *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg: Piter.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 323.2: 911.375.4: 378.4
DOI: 10.17223/19988613/71/27

М.В. Подрезов, А.И. Щербинин

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ: КЕЙС АВСТРАЛИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России».

Рассматривается политика, проводимая австралийским правительством и университетами в отношении иностранных студентов. На основе открытых источников выявляются основные проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты в Австралии – одном из мировых лидеров по интернационализации системы высшего образования, где произошел в последние годы существенный рост. Делается вывод, что австралийская система, поставленная в жесткую зависимость от Китая, находится в неустойчивом положении, требуя диверсификации. Обеспечение стабильного роста количества иностранных студентов приводит к существенному снижению их уровня, что наряду с позицией правительства во время коронакризиса подрывает имидж австралийского образования.

Ключевые слова: иностранные студенты; университетский город; образовательная политика; Австралия.

Среди программных документов, начиная с Посланий Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. и 20 февраля 2019 г., где акцентируется внимание на потенциале России в ответе на цивилизационные и технологические вызовы, и до постановки стратегических задач РФ на период до 2024 г. в новых национальных проектах, в которых речь идет о будущем, о выходе на новый уровень развития, привлекает внимание Национальный проект «Образование» по направлению «Экспорт образования», в числе задач которого предполагается двукратное увеличение количества иностранных граждан, обучающихся в российских вузах. Ведущие российские университеты активно работают в данном направлении, ежегодно привлекая все большее количество иностранных студентов (яркий пример тому – Национальный исследовательский Томский государственный университет, ставший в последние годы, благодаря программе повышения конкурентоспособности вузов «5-100», высоко интернационализированным не только по российским, но и по мировым меркам). Вместе с тем, с нашей точки зрения, интернационализация образовательной среды при всех ее преимуществах (экономических, культурных, имиджевых) несет и ряд проблем, требующих принятия политических решений как на международном и национальном уровне, так и на уровне региона, города и конкретного университета. Именно по этой причине в статье ставится задача выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты в Австралии – государстве, являющемся одним из мировых лидеров по экспорту образования, показавшему существенный количественный рост в последние годы.

Австралия представляет собой примечательный исследовательский кейс для анализа проблем и перспектив интернационализации образовательной системы. Во-первых, австралийская система высшего образования является одной из самых интернационализированных во всем мире; во-вторых, имеется очевидный крен в рекрутинге студентов из одного региона (Азиатско-Тихоокеанского); в-третьих, существует острая зависимость государственного бюджета от экспорта образования, составляющего третью по величине экспортную статью доходов страны, а в еще большей степени – бюджета конкретных учебных заведений, которые способны обеспечивать высокий уровень доходов персонала и поддержания инфраструктуры во многом благодаря иностранным студентам. По данным издания Inside Higher Ed, в феврале 2019 г. в Австралии обучалось более 550 тыс. иностранных студентов, что приносило австралийским университетам около 5 млрд долларов только в виде платы за обучение [1]. По данным Equal Times, перед началом пандемии COVID–19 количество иностранных студентов уже превысило 650 тыс. человек [2]. Примечательно, что значительная часть данной категории студентов локализована в двух австралийских штатах – Новом Южном Уэльсе и Виктории, на долю которых в 2018 г. приходился 71,3% иностранных студентов [3. P. 1]. На наш взгляд, немаловажным фактором является то, что многие проблемы, конкретные эксцессы, связанные с иностранными студентами, поднимаются для обсуждения в виде открытых материалов в средствах массовой информации, а также аналитических отчетах, чего не делается во многих других странах-лидерах, по всей видимости, опасающихся имиджевых потерь.

Рассмотрим ряд основных проблем, с которыми столкнулись Австралия и прибывшие в нее иностранные студенты.

Первая проблема – сильная зависимость австралийских университетов от студентов из Китая. Доля китайских студентов в австралийских университетах очень высока. Согласно аналитическому отчету, подготовленному Немецкой службой академических обменов (DAAD), в 2016 г. в Австралии обучалось 122 298 студентов из Поднебесной, т.е. 36,5% от общего числа иностранцев. Для сравнения: в Германии в том же году студенты из Китая также были самой многочисленной иностранной группой – 30 259 человек, что составило лишь 12,8% от общего числа [4. S. 22], при этом по общему количеству студентов ФРГ занимала четвертое место, а Австралия – третье. Справедливо отметить, что близкий показатель отмечается у государства – лидера по экспорту образования – США: в 2016 г. здесь обучались 318 414 граждан Китая – 32,8% от общего числа иностранных студентов.

В настоящее время ситуация складывается таким образом, что австралийская образовательная система находится в крайне неустойчивом положении, так как снижение количества студентов из КНР может довести ее до финансового краха. Согласно оценкам научного сотрудника Центра независимых исследований Сальваторе Бабонеса, в 2017 г. сектор высшего образования принес бюджету 32,4 млрд долларов (за девять лет рост составил около 60%, при этом еще в 2016 г. объем составлял 28,1 млрд долларов, т.е. годовой прирост равнялся 15,3% [5. P. 1]), что не в последнюю очередь было достигнуто благодаря использованию ресурса Поднебесной. По мнению исследователя, относясь на протяжении долгого времени к Китаю как к «дойной корове международного студенческого рынка», австралийские университеты столкнулись с проблемами, схожими с теми, с которыми столкнулись крупные банки во время мирового финансового кризиса 2008 г. [6].

Бабонес отметил, что в последние несколько лет ситуация стала стабилизироваться: видимо, австралийские университеты достигли «китайского максимума» [5]. Вместе с тем это выразилось в замедлении темпов роста количества приезжающих иностранных студентов, что без равноценной замены может привести к негативным последствиям в виде снижения экономических доходов, а также к дальнейшему понижению среднего уровня студентов, о чем речь пойдет ниже. В целом ситуация с ролью китайской составляющей внутри образовательного сектора имеет перспективу к дальнейшему ухудшению. Можно выделить ряд факторов, подтверждающих данное утверждение.

Во-первых, реализация Национального плана по среднесрочному и долгосрочному реформированию и развитию образования в самой КНР ставит основной целью развитие национальной системы высшего образования (продвижение университетов, привлечение крупных иностранных специалистов на работу в ведущие вузы), в том числе и за счет привлечения иностранных студентов уже в Китай, для чего субсидируются многочисленные стипендии, гранты, а также продвигаются англоязычные программы [7. С. 87]. Таким образом, КНР поступательно переводит свою образовательную политику от импорта к экспорту, что ранее уже было отмечено по значительному снижению числа китайских студентов во многих государствах, в частности в СНГ, за исключением России.

Во-вторых, в отношениях в сфере образования между Австралией и КНР в последние годы все чаще наблюдаются острые противоречия, ведущие к снижению привлекательности данного рынка для китайских граждан. Австралийское правительство всерьез озабочено борьбой с иностранным вмешательством в университетах, при этом под «иностранным» понимается «китайским». Главными опасениями называются возможности получения доступа к военным технологиям через взлом компьютерных сетей университетов. Эту позицию подтвердил и министр образования Дэн Техан, заявивший, что Австралия должна найти верный баланс между преследованием национальных интересов и предоставлением свободы университетам в области проведения исследований [8]. Военные и аналитики в сфере безопасности исходят из сходных позиций, что нашло отражение в отчете Австралийского центра кибербезопасности (Канберра) за 2017 г., где отмечается учащение попыток взлома университетских сетей, которые выступают в качестве привлекательных каналов для получения информации об исследовательской деятельности и интеллектуальной собственности [Ibid.]. Кроме того, не улучшает перспектив и не добавляет оптимизма череда скандалов, связанных непосредственно с обучением китайских студентов в Австралии. Широкий резонанс получили истории, в которых они жаловались на использование неправильных или оскорбительных учебных материалов и тестов для Китая (географические карты, на которых Тайвань и Гонконг обозначены как независимые государства, спорные пограничные с Индией территории как находящиеся под юрисдикцией последней и пр.). Резонансной получилась история с профессором Университета Моната, включившим в задания контрольный вопрос, суть которого сводилась к тому, что китайские официальные лица говорят правду только в пьяном виде или по неосторожности [9]. Дискуссия вокруг подобных историй вышла далеко за пределы университетских кампусов, найдя продолжение в том числе на страницах New York Times, BBC и, разумеется, китайских официальных СМИ. Внутри же австралийского общества поднимается в первую очередь вопрос о границах свободы слова и попытках ее ограничения со стороны граждан Китая. Это опасный путь, когда национальные или религиозные чувства могут быть серьезно затронуты в ходе учебного процесса, результатом чего, например, стала трагедия во Франции, где дискуссия привела к человеческим жертвам.

Вторая проблема – снижение стандартов поступления для иностранных студентов. В 2019 г. Национальная общественная вещательная корпорация Австралии (ABC) выпустила подробный отчет, согласно которому местные вузы в течение последнего десятилетия стали значительно снижать требования к уровню поступающих иностранцев, т.е. в погоне за количеством начало страдать качество абитуриентов. Выделим несколько

важных факторов и решений, оказавших серьезное влияние на эту тенденцию. Во-первых, в 2012 г. целый ряд университетов воспользовался принятым правительством решением об упрощении визового режима, особенно ослаблением требований к знанию английского языка. С одной стороны, это привлекло студентов из неанглоязычных стран с низким уровнем английского языка, столкнувшихся с невозможностью университетов оказывать им текущую поддержку в плане адаптации (согласно австралийскому законодательству, в том числе рамочным стандартам высшего образования от 2015 г., все поставщики высшего образования обязаны оказывать услуги поддержки, включая начальную ориентацию и академическую поддержку [10. P. 7]). С другой стороны, это экспоненциально увеличило трудности и нагрузку на профессорско-преподавательский состав университетов при обеспечении академической успеваемости. Сегодня в той или иной степени с этим сталкиваются и российские университеты. Не стоит также забывать, что снижение языковых требований привлекло внимание лиц, ищущих легкий путь въезда в Австралию, используя «черный вход» в страну через университеты. Бабонес отмечает, что некоторые учебные заведения вовсе принимают студентов, которые лишь частично владеют английским языком, но при этом они заранее прошли подготовительную программу в некоторых частных компаниях [5].

Во-вторых, в 2017 г. правительство Австралии частично сократило финансирование набора студентов, в силу чего стратегии университетов все больше стали опираться на внутренние экономические факторы. Исследователи видят в этом одну из основных причин роста числа иностранных студентов из Индии и Непала. Немаловажным следствием вышесказанного является проблема ориентации иностранных студентов на стандарты академической успеваемости. Иностранные студенты на протяжении многих лет втягиваются в схемы плагиата и мошенничества, на что направлена работа частных репетиторов и компаний, предлагающих мошеннические услуги не только в Интернете, но и на территории кампуса. При этом социологические исследования подтверждают, что студенты из неанглоязычных стран с большей вероятностью воспользуются подобными услугами [1].

Третья проблема, с которой сталкиваются Австралия и приезжающие туда иностранные студенты – отсутствие социальных гарантий для обучающихся, учитывая, что плата за обучение для иностранцев в этой стране высока даже по мировым стандартам (по данным правительства Австралии, стоимость высшего образования в среднем составляет 15–33 тыс. долларов для бакалавриата и 20–37 тыс. долларов для магистратуры, за исключением медицинских и ветеринарных направлений, где порядок цен существенно выше [3. P. 6]). Это вынуждает студентов работать на протяжении всего периода пребывания [1]. Отметим, что во многом это не касается некоторых неавстралийских граждан, например из Новой Зеландии, обладателей прав на постоянное жительство, а также владельцев гуманитарных виз, которые не считаются иностранными гражданами применительно к системе высшего образования [3. P. 1]. Многие иностранные студенты вынуждены трудиться неполный рабочий день. С одной стороны, это не может не сказываться на их успеваемости, а с другой – те из них, кто потерял работу, в частности во время кризиса 2020 г., вызванного пандемией COVID–19, не имеют права на получение субсидий от федерального правительства или пособий по безработице, что доступно для их австралийских коллег [2]. В то же время заметим, что иностранные студенты в Австралии, согласно основным правилам обучения, обязаны учиться полный академический день. Это в значительной степени ограничивает их право на трудоустройство, если существует угроза изменения объема получаемой учебной нагрузки (за исключением медицинских показателей), хотя студенческая виза все же позволяет работать не более 40 часов в течение двух недель, а также без ограничений по количеству часов в праздничные дни [3. P. 6].

Согласно рамочным программам высшего образования, по окончании обучения иностранные студенты должны покинуть страну, но многие австралийские исследователи и политики выражают озабоченность тем, что они используют образовательные программы как путь получения права на постоянное место жительства [9. P. 1]. Однако заметим, что позиция по этому вопросу весьма дискуссионная, и некоторые австралийские правительства в последние десятилетия брали противоположный курс – на привлечение квалифицированных миграционных потоков в свою страну [Ibid.]. В то же время очевидно, что без перспективы закрепиться в Австралии после окончания учебных заведений привлекательность этой страны для многих рынков, особенно для Азиатско-Тихоокеанского региона, будет снижаться.

В напряженных условиях, связанных с COVID-ограничениями, иностранные студенты стали чаще сталкиваться с негативом по отношению к себе. В частности, один из студентов из Перу заявил, что столкнулся с расистскими комментариями в духе «возвращайся в свою страну». Индийский студент сообщил, что работа на неполный рабочий день теперь предлагается исключительно австралийским гражданам, заметив, что ему сказали «даже не присылать резюме» [11]. Подобные примеры многочисленны и исходят от представителей различных стран. Даже премьер-министр Австралии 4 апреля 2020 г. призвал всех обладателей студенческих виз, кто не может обеспечить себя самостоятельно, вернуться домой [Ibid.]. Тем самым иностранные студенты в кризисной ситуации оказались в качестве «нежелательных гостей». Важными становятся политические ответы, которые дает правительство, посылая сигналы нынешним и будущим студентам и их родителям: признает ли Австралия важность иностранных студентов, являются ли они желанной и поддерживаемой частью общества. Нежелание Австралии гарантировать, что иностранные студенты не будут наказаны за получение временной студенческой визы, обучаясь в дистанционном режиме, по всей видимости, окончательно расставило политические акценты.

Обобщая сказанное, отметим, к чему может привести экспоненциальное и порой бездумное увеличение количества иностранных студентов в принимающем сообществе. Многолетняя работа австралийского рекрутинга на одном направлении (КНР), а также государственная политика в этой сфере поставили университетскую систему в жесткую экономическую зависимость от настроений и благорасположенности Пекина. Изменение подхода последнего к собственной образовательной системе привело к неизбежному переориентированию австралийских университетов на другие рынки (Индия, Непал), потребовавшему для поддержания и дальнейшего количественного роста иностранных студентов снижения их качества, особенно в вопросах языковой подготовки. Снижение требований к качеству студентов не только деструктивно влияет на уровень австралийского образования, но и открывает «темную сторону» общественной жизни в виде использования университетов как способа переехать в более экономически благополучную страну и порождает мошеннические схемы получения профессиональной квалификации.

Кроме того, коронакризис вскрыл наличие существенной социальной группы населения, которая не обладает определенными гарантиями со стороны правительства принимающего государства, что в сложившейся кризисной ситуации ставит перед руководством нелегкий выбор: оказать таким студентам финансовую поддержку, вернув им часть привезенных денег, или поставить их в положение «нежелательных гостей» (или даже изгоев), в которых до сей поры виделись исключительно «дойные коровы» национальной экономики.

Принимая как данность ведущий тренд «общества знания» – глобализацию и рост рынка образовательных услуг [12. С. 265–267], мы вынуждены фиксировать внимание на отставании целого ряда сегментов даже в наиболее продвинутых странах, какой, несомненно, является сегодня Австралия. Подобные кейсы, безусловно, должны рассматриваться и приниматься во внимание при выработке государственной образовательной политики Российской Федерации, региональных и университетских стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kelly A. International Students in Australia: Practices and Challenges // INSIDE HIGHER ED. 11.06.2019. URL: https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/international-students-australia-practices-and-challenges (accessed: 15.09.2020).
2. Fallon A. International students in Australia have been left high and dry by the government // Equal Times. 19.06.2020. URL: https://www.equaltimes.org/international-students-in?lang=en#.X2BgtqAueM9 (accessed: 15.09.2020).
3. Ferguson H., Sherrell H. Overseas students in Australian higher education: a quick guide // Parliamentary library. Research Paper Series. 2018–2019. 20.06.2019. 12 p. URL: https://parlinfo.aph.gov.au/parlinfo/download/library/prspub/6765126/upload_binary/6765126.pdf (accessed: 14.11.2020).
4. Wissenshaft weltoffen 2019. Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland // DAAD. URL: http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2019_verlinkt.pdf (das Datum des Zuganges: 20.08.2020).
5. Babones S. The China Student Boom and the Risks It Poses to Australian Universities // CIS Occasional Paper 171. Sidney : Centre for Independent Studies, 2019. 37 p. URL: https://www.cis.org.au/app/uploads/2019/08/ap5.pdf (accessed: 15.09.2020).
6. Robinson A. Australian universities risk catastrophe due to over-reliance on Chinese students, expert warns // ABC News. 20.08.2019. URL: https://www.abc.net.au/news/2019-08-21/australian-universities-too-dependent-on-chinese-students-report/11427272 (accessed: 15.09.2020).
7. Данков А.Г. Образовательное партнерство Китая с Россией, Украиной и Республикой Беларусь (1992–2018 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 86–90. DOI: 10.17223/19988613/58/12.
8. Normile D. Australia targets foreign influence at universities // Science. 2019. Vol. 365, is. 6457. P. 965. DOI: 10.1126/science.365.6456.965.
9. Ho G. Why Australian universities have upset Chinese students // BBC. 05.09.2017. URL: https://www.bbc.com/news/world-australia-41104634 (accessed: 15.09.2020).
10. Spinks H. Overseas students: immigration policy changes 1997–2015 // Parliamentary library. Research Paper Series. 2015–2016. 25.02.2016. 47 p. URL: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/prspub/4390265/upload_binary/4390265.pdf;fileType=application/pdf (accessed: 14.11.2020).
11. «I love Australia»: 3 things international students want Australians to know // The Conversation. 11.06.2020. URL: https://theconversation.com/i-love-australia-3-things-international-students-want-australians-to-know-139857 (accessed: 01.11.2020).
12. Щербинин А.И., Севостьянов А.В. Имиджевая стратегия в смысловом пространстве региональной политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 265–276. DOI: 10.17223/1998863X/57/25.

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com
Alexey I. Shcherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru

INTERNATIONAL STUDENT POLICY IN THE HOST COMMUNITY: THE CASE OF AUSTRALIA

Keywords: international students; university city; education policy; Australia.

Studying the problems associate with international students in host communities seems to be an extremely urgent scientific task of our time, attention to which is paid from the standpoint of economics, sociology, psychology, pedagogy and a number of other sciences; not the last place in this order is occupied by political science. Russian Federation, along with long-term leaders represented by the United States, Great Britain, Australia, Germany and France, was actively involved in the struggle to attract foreign students, which became possible, not least due to the inclusion of domestic universities in the struggle for advancement in international academic rankings, as well as staging within the framework of the National Project, tasks to increase the export of education. Despite the obvious advantages of such a solution, expressed in the form of an increase in the international status of Russia as a center of science and education, economic benefits, there are also significant risks both for students (international and Russian) and for the host community. In this regard, the main aim of the work is to identity the main problems faced by international students in Australia, a state that is one of the generally recognized leaders in the export of education, which has experienced a significant quantitative increase in recent years. The choice of Australia as a research object is associated with a number of factors: a jump-like growth of foreign students similar to Russia in a short time; the sustainability of the higher education system has become dependent on one importer (China); emerging problems, specific cases, are raised for discussion both by the state (for example, in the form of open government reports) and by the media, which does not happen in other leading countries. As a result of the study, the following conclusions were obtained Australia has experienced an exponential and very ill-considered increase in the number of international students in recent years. The reliance on attracting students from China, thanks to which the main growth was ensured, and the change in the order of public funding, put universities in serious dependence

on Beijing, with which political tensions continue to grow. Reorientation to other markets (for example, India and Nepal) leads to a decrease in the level of students' training, including language, which, as a result, has a devastating effect on the level of Australian education in general. In the current crisis situation associated with the COVID-19 pandemic, the Australian government made international students «unwelcome guests» which also has significant image losses.

REFERENCES

1. Kelly, A. (2019) International Students in Australia: Practices and Challenges. *INSIDE HIGHER ED*. 11th June. [Online] Available from: https://www.insidehighered.com/ blogs/world-view/international-students-australia-practices-and-challenges (Accessed: 15th September 2020).
2. Fallon, A. (2020) International students in Australia have been left high and dry by the government. *Equal Times*. 19th June. [Online] Available from: https://www.equaltimes.org/international-students-in?lang=en#.X2BgtqAueM9 (Accessed: 15th September 2020).
3. Ferguson, H. & Sherrell, H. (2019) Overseas students in Australian higher education: a quick guide. *Parliamentary library. Research Paper Series. 2018–2019*. 20th June. [Online] Available from: https://parlinfo.aph.gov.au/parlinfo/download/library/prspub/6765126/upload_binary/6765126.pdf (Accessed: 14th November 2020).
4. DAAD. (2019) *Wissenshaft weltoffen 2019. Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland*. [Online] Available from: http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2019_verlinkt.pdf (Accessed: 20th August 2020).
5. Babones, S. (2019) The China Student Boom and the Risks It Poses to Australian Universities. *CIS Occasional Paper*. 171. [Online] Available from: https://www.cis.org.au/app/uploads/2019/08/ap5.pdf (Accessed: 15th September 2020).
6. Robinson, A. (2019) Australian universities risk catastrophe due to over-reliance on Chinese students, expert warns. *ABC News*. 20th August. [Online] Available from: https://www.abc.net.au/news/2019-08-21/australian-universities-too-dependent-on-chinese-students-report/11427272 (Accessed: 15th September 2020).
7. Dankov, A.G. (2019) The educational partnership between China and Russia, Ukraine and Belarus (1992–2018). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 86–90. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/12.
8. Normile, D. (2019) Australia targets foreign influence at universities. *Science*. 365(6457). p. 965. DOI: 10.1126/science.365.6456.965
9. Ho, G. (2017) Why Australian universities have upset Chinese students. *BBC*. 5th September. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/ world-australia-41104634 (Accessed: 15th September 2020).
10. Spinks, H. (2016) Overseas students: immigration policy changes 1997–2015. *Parliamentary library. Research Paper Series. 2015–2016*. 25th February. [Online] Available from: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/library/prspub/4390265/upload_binary/4390265.pdf;fileType=application/pdf (Accessed: 14th November 2020).
11. *The Conversation*. (2020) "I love Australia": 3 things international students want Australians to know. 11th June. [Online] Available from: https://theconversation.com/i-love-australia-3-things-international-students-want-australians-to-know-139857 (Accessed: 1st November 2020).
12. Shcherbinin, A.I. & Sevostyanov, A.V. (2020) Image Strategy in the Semantic Space of Regional Policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 57. pp. 265–276. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/57/25

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94
DOI: 10.17223/19988613/71/28

М.В. Бочарникова

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ПОСЛА РОССИИ НА «СТРАНУ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ» И НЕ ТОЛЬКО

Рецензия посвящена анализу книги Чрезвычайного и Полномочного Посла России Г.А. Ивашенцова в Республике Корея в период 2005–2009 гг. Характеризуются особенности публикации, ее структуры и содержания, а также подчеркивается практическая значимость рассматриваемых тем и вопросов для нашего времени.
Ключевые слова: Республика Корея; Россия; политика; дипломатия.

Книга Глеба Александровича Ивашенцова «О Южной Корее и не только. Размышления Посла России» [1] представляет собой не просто воспоминания дипломата с многолетним опытом о его службе в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Республике Корея в период с 2005 по 2009 г., это комплексный взгляд на страну, ее взаимоотношения с Россией и другими странами региона, а также на особенности дипломатической подготовки и образа жизни дипломатов в Республике Корея с точки зрения личного опыта.

В 2020 г. исполнилось 30 лет с момента установления дипломатических отношений между Россией и Южной Кореей. Наши страны активно ищут новые и продолжают развивать имеющиеся пути партнерства, о чем свидетельствуют дискуссии как на межгосударственном и государственном уровнях [2–4], так и на экспертном [5], в связи с чем книга автора приобретает особую актуальность и значимость, поскольку позволяет взглянуть на «Страну утренней свежести» и все, что ее окружает и с ней связано, с практической точки зрения.

Книга состоит из семи глав, внутри каждой из которых представлено по несколько разделов на более конкретные темы. Интересен подход автора к составлению книги, на основании которого ее можно рассматривать, во-первых, как автобиографию, во-вторых, как краткое пособие по международным и дипломатическим отношениям России и Республики Корея, в-третьих, как небольшой комплексный исторический очерк о Южной Корее. Безусловно, речь идет о субъективной позиции автора книги, однако она приводится с обоснованием и аргументацией, а потому является показательной в понимании накопленных знаний о Южной Корее и общей политической ситуации на полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор начинает работу с исторической ретроспективы своих студенческих лет, когда раскрылся его профессиональный интерес к странам Восточной Азии. В этой связи первую главу можно отнести к автобиографии Глеба Александровича с подробным последовательным историческим описанием его пути становления Послом России и анализом тех или иных событий, которые этому способствовали.

Так, в начале главы автор рассказывает о студенчестве в МГИМО и о том, как изучение восточного направления определило его дальнейшую работу и круг профессионального общения [1. С. 6]. Оценивая свой опыт критическим взглядом, автор подробно анализирует положительные и отрицательные стороны образовательного процесса с точки зрения его практической применимости. В частности, особого внимания заслуживают разделы «Чему не учили» [Там же. С. 8] и «Чему надо учить» [Там же. С. 8–11], в которых автор книги останавливается на ключевых практических навыках, необходимых дипломатическому работнику. По своей сути этот раздел можно считать аргументированным списком важных рекомендаций для высших учебных заведений, специализирующихся на подготовке дипломатов, и для тех вузов, которые в принципе предлагают специальности по международным отношениям для студентов, планирующих связать свою профессиональную деятельность с работой в международных организациях и компаниях.

В завершение первой главы автор представляет ретроспективу своей дипломатической жизни, особенности работы Чрезвычайным и Полномочным Послом России. Наглядные примеры из собственного практического опыта работы дипломатом являются ключевыми в понимании книги и заставляют задуматься о причинах событий, мотивах действий автора, а также отрефлексировать произошедшее. Например, интересно узнать позицию автора в отношении кореееведов-дипломатов, которые, как показывает практика, в силу своей узкой специализации становятся «пожизненно прикованными к стране этого языка». Автор полагает, что отсутствие ротации дипломатов по регионам и континентам или как минимум смены профиля деятельности в рамках пребывания в одной стране не способствует продуктивности дипломата, а, наоборот, «зашоривает» его взгляд на происходящие события и в целом на двусто-

ронние отношения со своей страной, что вновь подкреплено примерами автора из собственного опыта [1. С. 12].

Во второй главе мемуаров Г. Ивашенцов подробно рассматривает корейцев и общение с ними с точки зрения обычного человека и Посла России, объясняя некоторые корейские традиции через свой дипломатический опыт, а также отмечает особенности жизни дипломатического корпуса в Сеуле. Следуя заданной логике, третью главу автор книги посвящает отношениям России и Республики Корея. Используя метод исторического сравнения по вертикали, а также сравнительно-сопоставительный метод, автор приводит историческую справку, анализирует представления южнокорейцев о России и отмечает по большей части их поверхностность и даже искаженность. В этой связи он отмечает, что создание и закрепление положительного образа России в общественном сознании Республики Корея требует долговременной последовательной работы, ориентированной прежде всего на южнокорейскую молодежь [Там же. С. 59]. При этом автор подчеркивает важную роль как разовых масштабных мероприятий, так и системных, например таких, как подготовка общих телепрограмм с южнокорейскими телевизионными каналами, открытие культурного центра России в Сеуле, а также создание нашей страной своей узнаваемой поп-культуры и продвижение ее как «мягкой силы» [Там же. С. 59–60]. Особенно наглядны примеры из дипломатической практики автора, которые он приводит в одном из разделов третьей главы, что позволяет читателю окунуться в ту обстановку, о которой идет речь, узнать некоторые тонкости дипломатической работы Посольства России в Республике Корея.

В четвертой и пятой главах рассматривается историческое наследие, которое представляет современные реалии на Корейском полуострове. Так, в четвертой главе дается краткая, но емкая оценка развития и современного состояния межкорейских отношений со времен Корейской войны 1950–1953 гг., а также роли и позиций США и Китая на Корейском полуострове. Пятая глава, в свою очередь, раскрывает краткую историю и текущее состояние ядерной проблемы Корейского полуострова. Автор уверен, что от решения этого вопроса будет зависеть будущее не только Северо-Восточной Азии, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона, равно как и развитие общемировых процессов [Там же. С 84].

Наконец, в заключительных главах книги автор рассуждает об общих политико-экономических задачах, которые стоят перед Россией в области ее национальных интересов и безопасности на восточных рубежах и развития торгово-экономического потенциала Дальнего Востока страны и сотрудничества с Южной Кореей как на глобальном, так и на региональном уровне. Он подчеркивает весомую роль Республики Корея в этом процессе, особенно с учетом готовности Южной Кореи выводить двусторонние отношения с Россией на уровень «стратегического партнерства» [Там же. С 86], а также предлагает свой экспертный взгляд на варианты развития более тесного сотрудничества.

В данной работе привлекает внимание комплексный подход автора к освещению исторических моментов и политико-экономических реалий Республики Корея, который позволяет в краткой форме отразить все ключевые события и особенности. В этом состоит одно из главных преимуществ рецензируемой книги.

Также стоит отметить, что благодаря выбранной логике структурирования материала книга предлагает достаточно разнообразную палитру стилей: от научного до художественного, от воспоминаний до экспертно-аналитических рассуждений, рекомендаций и выводов. На мой взгляд, именно такой стилистический выбор и формат изложения позволяет не только донести до читателя теоретическую, справочную информацию, но и более полно раскрыть практический опыт автора, на котором в данном случае и основана книга. Так читатель имеет возможность взглянуть и осмыслить события рассматриваемого периода под другим углом, а также провести параллели с предыдущим историческим и современным политико-экономическим развитием Южной Кореи.

Нельзя не отметить высокую культуру подачи информации: термины приведены в книге с объяснением, что позволяет читателям расширить свой кругозор. Также на протяжении всей работы Г. Ивашенцов приводит жизненные примеры, что делает повествование более естественным, а анализ событий – подкрепленным опытом дипломатической работы.

Отличительной чертой книги является и то, что автор описывает отдельные эпизоды, носящие локальный характер, но при этом точно характеризующие международную обстановку, работу дипломатического корпуса России в Республике Корея. Это помогает читателю больше узнать о закулисной стороне международной политики и дипломатии, а также реконструировать общую политическую картину отношений России и Республики Корея, в частности в период 2005–2009 гг.

Таким образом, считаю, что значимость книги Глеба Александровича Ивашенцова заключается в развернутом экспертном анализе и аргументированных позициях автора, которые основаны на многолетней практической деятельности и понимании специфики региона. После прочтения создается впечатление, что автор очень тонко и по-особенному смог прочувствовать дух и специфику Южной Кореи.

На мой взгляд, книга «О Южной Корее и не только. Воспоминания Посла России» будет интересна как широкому кругу читателей, которые хотели бы больше узнать о «Стране утренней свежести» и о том, что происходило и происходит вокруг нее, так и специалистам из таких областей наук, как корееведение, международные отношения, история, политология. Наконец, для тех, кто собирается связать свою карьеру с дипломатией, это книга – полезное «руководство к действию».

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность Корейскому Фонду за грантовую поддержку ее научных исследований при Институте Седжона в Республике Корея, которые способствовали публикации данной рецензии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивашенцов Г.А. О Южной Корее и не только. Размышления Посла России. [Б.м.] : ЛитРес : Самиздат, 2019. 89 с.
2. Посольство Республики Корея в Российской Федерации. Деятельность Посла. URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/brd/m_7323/view.do?seq=760633&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1 (дата обращения: 25.02.2021).
3. Лавров: обстановка вокруг Корейского полуострова остается относительно стабильной // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/9574373 (дата обращения: 25.02.2021).
4. Андрей Кулик: Москва и Сеул прорабатывают вопрос горячей линии для ВВС // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20200217/1564797141.html (дата обращения: 25.02.2021).
5. Эксперты обсудили двусторонне сотрудничество России и Республики Корея // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/news/eksperty-obsudili-dvustoronnee-sotrudnichestvo-rossii-i-respubliki-koreya/ (дата обращения: 25.02.2021).

Marta V. Bocharnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bocharnikova.m@gmail.com

THE REPUBLIC OF KOREA: RUSSIAN AMBASSADOR'S VIEW ON THE "LAND OF THE MORNING CALM" AND BEYOND

Keywords: The Republic of Korea; Russia; politics; diplomacy.

The article is devoted to the book review "The Republic of Korea: Russian Ambassador's View on the "Land of the Morning Calm" and beyond" of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia in the Republic of Korea in 2005-2009, Mr. Gleb A. Ivashentsov. The review characterizes the book features, its structure and content as well as emphasizes practical importance of the topics and issues discussed in contemporary reality.

The author's book is not just the memories of a diplomat with many years of experience about his service as the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia to the Republic of Korea during 2005-2009. Rather it offers a comprehensive view on this country, its relations with Russia and other countries of the region and features of diplomatic training and diplomatic lifestyle in the Republic of Korea in terms of personal experience.

By its structure, the book consists of seven chapters, each of that contains several sections on more specific topics. The author's approach to the compilation of the book is interesting, because due to such an approach, the book can be classified, first, as an autobiography, second, as a short training manual on international and diplomatic relations between Russia and the Republic of Korea and, third, as a brief multifaceted historical feature story about South Korea. The author of the book offers his own subjective perspective; however, it is presented with justification and argumentation, and therefore is indicative in understanding the accumulated generalized knowledge about South Korea and the general political situation on the Korean peninsula and in the Northeast Asia.

Based on this logic, this review consistently examines each chapter, highlights and analyzes the author's key ideas given in the book. It is important to note that the vertical historical comparison method used by the author as well as the comparative method make it possible to analyze events not only in historical retrospective, but also in comparison with the current political and socio-economic development of the Republic of Korea.

In addition, the book arouses interest because of an integrated approach to highlight historical moments and political and economic realities of the Republic of Korea that allowed the author to reflect all the key events and features briefly. The chosen logic of structuring the material offers quite diverse palette of styles: from scientific to literary, from memoirs to expert-analytical reasoning, recommendations and conclusions. Such a stylistic choice and presentation format makes it possible to convey not only theoretical and background information to the reader, but also reveal the author's practical experience more fully, which the book is based in this case on.

Thus, the reviewed book of Mr. Gleb A. Ivashentsov is of scientific and practical importance, because it contains both a detailed expert analysis and reasoned positions of the author, as well as practical recommendations based on his own perennial diplomatic work experience.

REFERENCES

1. Ivashentsov, G.A. (2019) *O Yuzhnoy Koree i ne tol'ko. Razmyshleniya Posla Rossii* [About South Korea and beyond. Ponderisms of the Russian Ambassador]. [s.n.]: LitRes: Samizdat.
2. Embassy of the Republic of Korea in the Russian Federation. (n.d.) *Deyatel'nost' Posla* [Ambassador's activities]. [Online] Available from: http://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/brd/m_7323/view.do?seq=760633&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1 (Accessed: 25th February 2021).
3. TASS. (2020) *Lavrov: obstanovka vokrug Koreyskogo poluostrova ostaetsya otnositel'no stabil'noy* [Lavrov: the situation around the Korean Peninsula remains relatively stable]. [Online] Available from: https://tass.ru/politika/9574373 (Accessed: 25th February 2021).
4. RIA Novosti. (2020) *Andrey Kulik: Moskva i Seul prorabatyvayut vopros goryachey linii dlya VVS* [Andrey Kulik: Moscow and Seoul are working on a hotline for the Air Force]. [Online] Available from: https://ria.ru/20200217/1564797141.html (Accessed: 25th February 2021).
5. RIAC. (n.d.) *Eksperty obsudili dvustoronne sotrudnichestvo Rossii i Respubliki Koreya* [Experts discuss economic cooperation between Russia and South Korea]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/news/eksperty-obsudili-dvustoronnee-sotrudnichestvo-rossii-i-respubliki-koreya/ (Accessed: 25th February 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДАШКИН Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

БЕРМАН Елена Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий Иркутского национального исследовательского технического университета. E-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

БЛИНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru

БОЧАРНИКОВА Марта Владимировна, аспирант факультета исторических и политологических наук, преподаватель кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bocharnikova.m@gmail.com

БУРЯК Юрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. E-mail: yuriiburyak@mail.ru

ВАГНЕР-САПУХИНА Елена Андреевна, младший научный сотрудник лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) E-mail: lena.sapuhina@gmail.com

ВАЛИТОВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: val11@bk.ru

ГЕНИНА Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: elena_genina@mail.ru

ГОНЧАРОВ Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: yuriig@yandex.ru

ГРИГОРЯН Элиза Рудиковна, младший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: elizagri@mail.ru

ГРУЗДИНСКАЯ Виктория Сергеевна, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vik11910314@yandex.ru

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акишевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Нур-Султан). E-mail: ermekjaras@mail.ru

ЗАЛЕСОВ Валерий Геннадьевич, кандидат архитектуры, доцент Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vzal@tsuab.ru

ЗАЛЕСОВ Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: gmzalesov@gmail.com

ИВАНОВ Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. E-mail: ottisk@irmail.ru

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: kalminal@gmail.com

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

КУРАС Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex. ru

КУРАС Софья Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения. E-mail: kuras@list.ru

КУРАС Татьяна Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета. E-mail: tanya_kuras@mail.ru

МУРАСТОВА Ксения Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: zharch@mail2000.ru

МУРЕНКО Денис Игоревич, аспирант Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: denismurenko@yandex.ru

НАУМЕНКО Евгений Александрович, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск). E-mail: hea2004@mail.ru

НАУМЕНКО Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск). E-mail: oolgann@mail.ru

НАУМОВ Александр Олегович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: Naumov@spa.msu.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

ОРЕХОВА Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: orehova.vladimir2010@yandex.ru

ПЕРЦЕВ Никита Викторович, научный сотрудник Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (Салехард), аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: pertsev1991@yandex.ru

ПЛОТНИКОВА Елена Владиславовна, аспирант кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: Elena-angarsk@yandex.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mvpodrezov@gmail.com

ПОЛОЖЕВИЧ Роман Станиславович, соискатель факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: roman.polozhevich@gmail.com

РУМЯНЦЕВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru

РЯБОВА Юлия Владимировна, соискатель кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово). E-mail: ruv.kemcdo@mail.ru

СЕМЕНОВА Валентина Ивановна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейных технологий, истории и туризма Тюменского государственного института культуры. E-mail: valivsem8@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ФИЛИППЕНКО Ольга Вячеславовна, стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск), ассистент Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: Olga.kanyshkova@mail.ru

ШАЙДУРОВ Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург). E-mail: s-w-n@mail.ru

ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

ШПАГИН Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, советник при ректорате, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: shpagin@sibmail.com

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: shai52@mail.ru

ЮРГАНОВА Инна Игоревна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва), старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2021 № 71

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 15.06.2021 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 50 экз. Заказ № 4695. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.06.2021 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru